Анастасия
Баталова
Исполнитель
желаний

Annotation

Головокружительные и непредсказуемые виражи сюжетной линии в этой притче-сказке с элементами боевика и детектива закручены так, что порой вылетаешь на обочину, пытаясь опомниться…

Перед вами — рецепт волшебства, которое каждый будет готовить из тех ингредиентов, какие окажутся под рукой. Рецепт счастья, которое каждый понимает по-своему…

"Исполнитель желаний" — это история о человеческой душе, о том, как эта душа, с самого момента своего возникновения начинает искать смысл своего существования и находит. Не религиозный роман о Боге. "Исполнитель желаний" — своеобразная сказка для взрослых, соединившая в себе мудрость притчи и лёгкость истории, рассказанной за чашечкой кофе…

Исполнитель желаний

пролог

Сначала не было ничего. Только ощущение ласковой теплоты вокруг. Тело, закутанное в летний воздух, почти не ощущалось. Открывать глаза не хотелось. И так было хорошо. Совсем хорошо. И это «хорошо» не нуждалось в дополнениях.

Пока ничего не происходит, времени не существует. Только действие способно сотворить время. Чтобы сотворить мир, нужно было открыть глаза. Просто открыть глаза.

Вокруг расстилалось бесконечное спокойное море белого песка. Он был мягкий, тёплый. Идти никуда не хотелось, но чтобы творить время, нужно было идти. Времени, чтобы рождаться, необходим был процесс.

На песке виднелись едва заметные следы. Кто-то уже шел по этому пути. Следы уходили вдаль и терялись. Кто-то ушел далеко и создал всё пространство, что здесь есть, своими шагами. Иначе и быть не могло. Только идущий способен творить дорогу.

глава 1

1

Когда известный археолог и этнограф Эдвард Боллтон привёз из дальней северной экспедиции маленький кейс с загадочными чёрными статуэтками, пролежавшими в леднике предположительно не одно тысячелетие, в аэропорту ожидали прибытия крупной партии кокаина. Явление значительное, надо сказать, но по нынешним временам не такое уж редкое. Сотрудники службы безопасности регулярно находят в багаже вполне приличных на вид граждан различные подозрительные грузы. Несмотря на все усилия властей, килограммы кокаина каждый день пересекают границы государств. Ничего особенного. Эта партия была просто одной из очень многих крупных партий кокаина. Но на беду именно она оказалась точкой столкновения интересов двух мощных конкурирующих преступных кланов — и представители одного из них, которым было поручено её перехватить, впопыхах приняли Боллтона за нужного им человека и выкрали у него кейс. Разумеется, вся эта история не имеет никакого отношения к дальнейшему повествованию, это чистая случайность.

Обнаружив свою ошибку, преступники просто-напросто выкинули статуэтки на одну их городских помоек, где и обнаружил их некто Гай Иверри, человек абсолютно свободный, не обременённый никакими обязательствами, но, надо заметить, и никаким имуществом, обитающий на Заброшенных Верфях вместе с матерью, которая занималась продажей на рынке грошовых брелоков и украшений из полимерной смолы, изготовляемых Гаем, а так же барахла, находимого им в мусорных баках и личными усилиями приводимого в более-менее товарный вид.

2

Кирочка помнила себя раньше, чем научилась ходить и говорить. Не личностью, конечно, принимающей участие в событиях, как помнят себя взрослые люди, нет, скорее неким плавающим сознанием, взором изнутри, словно из-под воды.

Детство её проходило среди огромных как небоскрёбы книжных шкафов отца, в зарослях поблеклых маков на обоях, пересечённых жёлтыми солнечными полосами, на шершавых красных коврах и на серо-синих клеточках линолеума в коридоре.

Самым началом континуума памяти был детский крем. Кирочка сидела в своей кроватке и увлечённо грызла алюминиевый тюбик с изображением счастливого, но с естественно-научной точки зрения абсолютно несуразного ярко-розового слона, который куда-то летел по тесному сплюснутому телу тюбика, махая огромными ушами.

Всё бы ничего. Но неожиданно тюбик продырявился в одном месте, и детский крем подло полез наружу в образовавшуюся щель. Кирочку это поразило, непредсказуемость способна поставить в тупик даже более зрелое и опытное существо; в тот же миг ей безумно захотелось выразить всю гамму обуревающих её сложных чувств, рассказать, что именно произошло и поинтересоваться, как можно помочь делу — но вышло у неё вместо всего этого только «ааааааа»… Вскоре пришла мама.

А годы спустя, повзрослевшая уже Кира, вспоминая этот случай, всякий раз с удивлением замечала, что почти ничего не изменилось в ней с тех пор, ну, разве только в её сознании нагромоздилось значительное количество информации, но самоощущение, «чувство себя в мире», как она это интуитивно нарекла, осталось прежним, точно таким же,

как у той девочки, только что очнувшейся от небытия, сидящей в деревянной кроватке и пытающейся думать свою первую настоящую мысль, ещё не охватывая её целиком, путаясь в её размахавшихся как рукава галактики туманных клубах…«Я мыслю, значит, я существую…»

Потом было молоко. Точнее, весовая сметана. Мама часто брала с собой Кирочку в Дешёвый Гастроном, и она долго-долго, пока не кончалась вся длинная очередь, в конец которой становилась мама, очарованно наблюдала, как густая, нежно-кремовая сметана стекает с черпака в прозрачные стеклянные банки, приносимые покупателями, как изнутри она мажет стенки, ложась волнисто и не сразу растекаясь. Почему это зрелище так сильно завораживало её, Кира не могла объяснить, но ничто не могло отвратить её от созерцания неторопливого струения, тягучего воссоединения мягких белых слоёв; в нём сосредотачивалось всё тогдашнее Кирочкино понимание жизни, с её непрерывным слиянием одного с другим, с её плавным и невнятным переходом прошлого — в будущее.

Только однажды ей пришлось отвлечься от задумчивого любования складками льющейся сметаны на мальчика, который тоже пришёл в Дешёвый Гастроном со своей мамой, но, в отличие от Кирочки не нашел удовольствия в наблюдении за процессом наполнения банок — сначала он постоял рядом с Кирочкой у прилавка, а потом от нечего делать стал к ней приставать.

— Ты чего туда уставилась? Давай играть.

— Не хочу.

— Почему?

— Просто не хочу.

— Стоять и смотреть скучно, надо что-то самому двигать.

— А я хочу смотреть. Уйди.

Подобный бессодержательный разговор продолжался ещё какое-то время, пока мама мальчика не взяла его за руку и не увела, она уже купила сметану, а вслед за нею купила сметану и мама Кирочки. Они тоже ушли из гастронома, но Кирочка зачем-то ещё думала об этом мальчике с чистым синим цветом глаз как на картинках — ведь он тоже был процесс, такой же непрерывный и красивый, как разливание сметаны — каждое движение его пальцев, губ, ресниц продолжало другое движение и существовало само по себе и длилось, длилось…

Если так можно сказать о ребёнке, то Кира любила одиночество. Скажем так, оно представлялось ей наиболее комфортным состоянием. И её детство было абсолютно счастливым до тех пор, пока она безраздельно владела миром, внутри которого существовала, или миром, который существовал в ней — своим миром.

Но в одно осеннее утро мама разбудила Кирочку раньше обычного и сказала, что сегодня они отправятся в детский сад.

Это оказалось приземистое кирпичное здание. И Кирочка очень долго не могла понять, почему это место называют «сад». Ведь в саду должны расти цветы. Однако, на этом её огорчения не исчерпались. Мало того, что там не обнаружилось никаких цветов. В странном кирпичном саду были другие дети. В Кирочкин мир пришли чужие. Расположились в нём, и преспокойно стали им распоряжаться. Ещё хуже, чем тот мальчик, который мешал ей смотреть на сметану. Они отнимали у Кирочки игрушки, толкали её и валили на пол. А когда она нечаянно описалась, стали громко и обидно смеяться. Её мир больше не принадлежал ей, его отняли, сломали, деформировали, и теперь Кирочке, чтобы в нём

помещаться, нужно было измениться самой, съёжиться, сложиться, приспособиться.

Она плакала и просила маму больше никогда не приводить её в детский сад.

Мама, разумеется, мольбам не вняла, и для Кирочки, сливаясь одно с другим, потянулись чёрно-оранжевые мрачные утра несчастного подневольного существа. Мама просто брала её за руку и вела. Расплывающиеся от слёз фонари казались большими некрасивыми цветами на тонких высоких стеблях. Мокрые разноцветные листья, словно яркие стикеры, липли к квадратным плитам дорожки.

Когда раздавали игрушки, другие дети бежали вперёд, толкаясь, суетясь, и хватали самое лучшее. Кирочке всегда доставалось только то, что не нужно было вообще никому — ломаная кукла, машинка без колеса. И она грустно играла в каком-нибудь забытом уголке совсем одна.

Но однажды случилось чудо.

В то утро воспитательница ласково потрепала её по волосам и сразу дала огромного плюшевого зайца и ярко-алый леденец-петушок на палочке. (Это была политика педагогического коллектива для привлечения Кирочки в детский сад, но, естественно, данный факт держался в строжайшем секрете, ведь для того, чтобы девочка, по словам психолога «несколько диковатая» адаптировалась в обществе других детей, она должна была, как выразился специалист, «поверить в то, что её искренне здесь любят». На самом деле он подозревал у Кирочки лёгкую форму аутизма, но, не решившись высказать это предположение открыто, предложил вариант с приманкой.)

Кирочка вошла, гордо сжимая в кулаке шершавую деревянную палочку леденца, и, время от времени, робко прикладывая к нему язык. Другой рукой она прижимала к себе зайца. Девочки, которые прежде валяли Киру по полу и дёргали её густые моренговые волосы, теперь окружили её, с жадностью воззрившись на «петушка», и заговорили с нею самыми елейными голосами. Они просили «подругу» поделиться лакомством.

Ничего не подозревая, Кирочка дала каждой лизнуть свою конфету. Что такого? Только надо было это сделать в туалете, чтобы воспитательница не видела, так как по её словам: «изо рта в рот — получается микроб».

«Петушок» очень быстро исчез. Сама Кира успела лизнуть его всего один раз. А вместе с ним исчезли дружба и доверие. Растаяли, как леденец. Девчонки возобновили свои смешки.

Впервые столкнувшись с таким явлением, Кирочка не знала, как реагировать. Она просто убежала в туалет и стала плакать. А потом, когда кончились слёзы, ей думалось впервые очень длинно и очень печально. Она хотела сначала вернуться и побить тех девчонок, которые смеялись, но почувствовала, что у неё не хватит духу ударить первой; они сами начнут бить её, все сразу, вместе, и ей не останется ничего, кроме как накрыть голову ладонями, чтобы худо-бедно защититься, и сидеть комочком под градом мелких злых детских ударов… Так ведь уже было. И не один раз. Кирочка забилась в тёмный холодный угол туалета, зажмурила глаза, сильно-сильно, так что заплясали перед внутренним взором алые всполохи, и представила себе как смерч, неистовый чёрный смерч, подхватывает и уносит, кружа, всех девчонок неведомо куда, словно лёгкий мусор или опавшие листья…

«Я хочу, я хочу, — повторяла она, сидя на полу, обнимая колени, раскачиваясь из стороны в сторону, — я хочу… чтобы всем, кто меня обижал, стало плохо! Очень плохо.»

Обыкновенная детская обида. Каждый может припомнить о себе нечто подобное. Но именно в тот день дул какой-то особенный ветер, звонко капали редкие тяжелые капли

дождя, кучковались небывалые хлопковые облака… Девочка загадала желание, и что-то вдруг изменилось в мире. Словно кто-то включил невидимый тумблер, нажал кнопку. В смутном предчувствии Кирочка подняла голову и прислушалась: всё так же журчала в испорченном унитазе вода, скрипела от сквозняка дверь. Но теперь что-то было иначе. Мир услышал её…

Вскоре после этой истории с «петушком» Кирочка, к своему облегчению, заболела. Какой-то затяжной и странной болезнью. Мама очень долго водила её по разным холодным высоким кабинетам с бело-голубым кафелем на стенах, пока, в конечном итоге, не пришла к выводу, что её дочь нуждается в более бережном отношении и особом режиме. И она забрала Кирочкины документы из детского сада.

Счастье вернулось. Кира снова была дома. Она целыми днями разглядывала картинки в книжках, сидя на красных коврах, строила из книг, кубиков и коробок замысловатые башни и дворцы. А иногда просто закрывала глаза и показывала сама себе красочные мультфильмы. Придуманные сюжеты, герои, декорации скользили перед её мысленным взором. Мощное воображение Кирочки прорисовывало их до мельчайших подробностей.

Ей никогда не бывало скучно наедине с собой. Головокружительные погони, дальние странствия и приключения, встречи с неведомыми науке зверями, птицами и растениями захватывали Киру настолько, что маме или бабушке приходилось звать её к столу несколько раз. Ничем другим, как правило, взрослые не тревожили Кирочкиного уединения. Они были постоянно заняты своими делами, и Кирочка начинала существовать для них только тогда, когда в её комнате что-то гремело, скрежетало или обрушивалось.

Воображение стало её самой любимой игрушкой. Кире даже начало казаться, что мультики у неё в голове гораздо лучше тех, которые показывают малышам по телевизору. Их основным преимуществом был полный контроль над событиями сюжета.

Главным героем её историй был маленький дракончик Гордон. Поселившись в Кирочкином мире, он тут же стал её защитником, её личным рыцарем: всех противников, по большей части перенесенных из реального мира, но нарисованных красками фантазии по-детски лубочно, утрированно, Гордон триумфально побеждал, никому не давая Кирочку в обиду.

Ей очень хотелось, чтобы он на самом деле пришёл к ней поиграть. Хоть разок.

3

Школа находилась во дворах, между Красным Рынком и бульваром Плачущих Тополей. У учительницы был круглый живот, как будто бы она всегда была беременна и шерстяное фиолетовое платье до колен. Когда дети шумели, она стучала по деревянной парте своими серебряными перстнями. Выходило очень громко. И иногда вырывала у кого-нибудь из ребят «посторонние предметы, не относящиеся к уроку» и отбрасывала их прочь.

Училась Кирочка неплохо. Но без интереса и азарта. Гораздо больше ей нравилось просто смотреть. По сторонам. Она замирала, подолгу наблюдая, как соседка по парте старательно выводит буквы в тетрадке. Это тоже был процесс — непрерывный и невероятный процесс рождения чего-то из ничего — путь шариковой ручки по белой бумаге — сначала лист совсем чистый, потом появляется петелька, палочка, овал — и вот уже перед глазами нечто осмысленное.

А за окном на тополе, ветви которого почти касались стекла, было гнездо. Кирочка любила смотреть на него во время уроков и мечтать о том, как она залезет по пути домой на тополь и заглянет туда. Ей хотелось увидеть яйца дикой птицы, кто-то рассказывал, что они

совсем не такие как магазинные. Наблюдение всегда вводило Кирочку в благоговейный транс. Она сидела неподвижно, ни на миг не спуская глаз с объекта своего пристального внимания, и при этом часто даже не слышала, как её окликают. Подобные «выпадения из реальности» тревожили учительницу и удивляли одноклассников. Кирочку считали странной, и никто не отваживался с ней дружить. Поначалу её это даже радовало, одиночество было Кирочкиным привычным и естественным состоянием. Никто не мешал ей внимать множеству невероятно сложных и красивых процессов, существующих одновременно и по отдельности, длящихся во времени и разрастающихся в пространстве, подобно деревьям…

По дороге из школы Кирочка всегда останавливалась возле тополя с гнездом. Она подолгу стояла, задрав голову и предаваясь бесплодным мечтам о том, как в один прекрасный день она всё-таки залезет на этот тополь и добудет таинственные дикие яйца. Но дерево было слишком высокое, первые ветви начинались далеко от земли, примерно на высоте второго этажа школы, и хрупкой первокласснице с большим горбом ученического ранца за спиной оставалось только стоять на осеннем ветру, пялится наверх, иногда сердито сдувая с лица брошенные на него ветром пряди, и просто хотеть… когда-нибудь… залезть на тополь…

После уроков она обычно ходила на Красный Рынок. По прихваченной заморозками хрусткой, ломкой, как печенье, земле пустыря, или в оттепель, по вязкой глине, с мутными глазками лужиц. Сходить и вернуться каждый раз нужно было очень быстро: узнай мать, что Кирочка посещает рынок, она непременно запретила бы это увеселение, сочтя его слишком опасным для девочки-школьницы, ведь дальше, за Красным Рынком и загороженным высоким забором участком шестиполосного шоссе, носившего название Крайнее Кольцо, начинались бедняцкие кварталы — испуганно лепились друг к другу одинаковые тесные блочные дома-коробки, а ещё дальше, за ними, на замусоренном побережье промышленного порта высились, глядя в пространство пустыми глазницами битых окон, Заброшенные Верфи — обиталище городских бродяг, нищих, беглых преступников и вечно пьяных побитых уличных девиц.

Рынок помещался в невысоком цилиндрическом здании из красного кирпича, с тяжёлым каменным основанием и полусферическим куполом из стеклянных пластин, сквозь который внутрь проникали лучи дневного света. В каменном основании рынка были выбиты четыре лестницы — по одной для каждого входа — Северного, Восточного, Южного и Западного. Внутри рыночного здания — прямо в огромном зале под прозрачным куполом на каменном полу располагались латки торговцев, их расположение постоянно менялось, некоторые уходили и не возвращались, и кто-то другой занимал их места. Но были и постоянные. Рынок представлял собою средоточие поистине удивительных зрелищ. Живая рыба плавала в огромных аквариумах из толстого стекла и, останавливаясь у бортиков, как будто глядела наружу своими выпуклыми ничего не выражающими глазами. В мясном отделе прямо на прилавках стояли, блаженно зажмурившись, отрезанные свиные головы. Вещевые ряды изобиловали игрушками, сувенирами, яркой бижутерией — Кирочка обожала смотреть как переливается она в освещённых витринах.

Возле Рынка, разложив свой товар на картонках и вытертых полиэтиленовых мешках, стояли бабки в полотняных или шерстяных (в зависимости от времени года) платках, бесформенных пёстрых сарафанах или старых суконных пальто с большими пуговицами. Торговали они в основном совершеннейшим барахлом: старыми утюгами, абажурами,

выцветающими кожаными туфлями, кошельками и перчатками. Но у некоторых порой находились действительно интересные вещи — старинные монетки, деревянные идолы, редкие фарфоровые тарелки или что-нибудь в этом духе.

Кирочка любила медленно идти вдоль этого длинного ряда со всякой всячиной, смакуя разглядывание, думая неторопливые, тягучие, как ириски, мысли о том, кому прежде могли принадлежать все эти вещи и какими путями попали они сюда.

Торговок иногда гоняла полиция. Обычно кто-нибудь предупреждал их заранее, и старушки, кряхтя, собирали своё барахлишко в матерчатые хозяйственные сумки, торопливо сворачивали картонки и постепенно рассеивались, оставляя к приходу стражей правопорядка все тротуары в окрестностях рынка пустыми и почти чистыми; единственным свидетельством их пребывания оставался зимой гладко укатанный снег, а весной и осенью — там, где не было асфальта — утрамбованная до каменной прочности грязь с отпечатками подошв и крепко втоптанной подсолнечной лузгой.

Изящные чёрные статуэтки сразу привлекли внимание Кирочки. Они были выполнены из какого-то отполированного, плотного, но не очень тяжёлого материала и разительно отличались от того хлама, что окружал их со всех сторон.

— Это эбеновое дерево, — сказала торговка, рассматривая зачарованную школьницу с явным намерением оценить её покупательную способность и заодно прикинуть, что бы такое сказать этой девчонке, чтобы упрочить её намерение приобрести товар, — оно привезено из чужедальних стран, а сами статуэтки — магические амулеты — если любую из них потереть пальцами и подумать о чём-нибудь сильно-сильно, духи помогут тебе…

— Правда? — спросила Кирочка, наивно распахнув навстречу старухе свои большие антрацитовые глаза, — а почему их так много разных?

— Каждая призывает определённых духов, — нашлась торговка; она немного подумала и, взяв в руки одну из фигурок, изображающую сидящую на коленях девушку с шаровой молнией, парящей между ладонями, выполненной из тончайшей серебристой проволоки настолько искусно, что создавалась полная иллюзия свечения, — вот эта, например, помогает мстить, она нашлёт грозу на твоих врагов…

— А эта? — Кирочка нагнулась и подняла с картонки другую статуэтку — девушку с разбитой амфорой в руках.

— Она помогает утешиться в горе, — затараторила торговка, воображение её сейчас работало на полную мощность, — видишь, у неё в руках кувшин… Она заберёт твои слёзы.

— Я куплю, пожалуй… — смятенно прошептала Кирочка, поспешно извлекая из кармана мятую купюру, полученную от мамы утром на целую неделю, — сразу две…

— Увы, деточка, — посетовала бабка, — этого не хватит и на одну, стоят они недёшево…

— Но у меня больше нет! — воскликнула Кирочка жалобно; ей так неистово захотелось иметь волшебную статуэтку, что из глаз у неё в этот миг едва не брызнули слёзы.

— Хорошо, — смягчилась торговка, — сегодня я сделаю тебе скидку, — бери одну, ту, что больше понравилась, но, учти, остальные стоят гораздо дороже…

Она с готовностью сцапала деньги из худенькой руки школьницы.

— На здоровье, деточка. Если что, приходи ещё. У меня тут их много.

Коллекционирование магических статуэток увлекло Кирочку на целый учебный год. Она тайно тратила на них деньги, предназначенные для завтрака в школе. На каждую приходилось копить, у Кирочки временами кружилась голова от голода — она позволяла

себе на большой перемене покупать в школьной столовой только стакан крепкого сладкого чая — самое дешёвое из всего, что там продавалось. У неё был небольшой тайник в недрах старого раздвижного дивана. Приходя домой с долгожданной покупкой, Кирочка дожидалась момента, когда все оставляли её в покое, уединялась в маленькой дальней комнате и раскрывала свою сокровищницу, чтобы немного полюбоваться. Её завораживало искусство мастера, способное в тонких деталях позы — посадке головы, жесте руки или повороте корпуса — намекнуть на причастность к сверхъестественному, на силу. Кирочка нисколько не сомневалась в том, что её фигурки — волшебные. Любуясь ими, она подспудно чувствовала, что в каждой определённо есть сокровенный смысл, который пока ещё не может быть до конца ей ясен, но где-то глубоко внутри её существа поселилась уверенность — когда-нибудь, но не теперь, а гораздо позднее, она узнает всё…

— Какая странная девочка, — судачили рыночные бабки между собой, все они немножко завидовали той, что торговала чёрными статуэтками. Ещё бы! Ни у кого из них не было постоянных покупателей.

— Откуда ты берёшь этих своих смоляных божков, почтенная Иверри? — пытали её конкурентки, расстелившие рядом свои картонки с барахлом.

— Сын делает, — неохотно отвечала старуха.

— Так ведь он у тебя раньше разную мелочь делал, вроде тех прозрачных медальонов с засохшими цветами внутри, ракушками и пуговицами.

— Ну а теперь вот надоело, такие стал делать — он ведь у меня когда-то на художника учился, — не без гордости добавила Иверри, — негоже настоящему художнику разный мусор смолой заливать, талант свой попусту транжирить…

— Да какой уж там талант! Давно он его, небось, пропил, даже если и имел когда, — съязвила одна из соседок.

— Настоящий талант не пропьёшь, — укоризненно заметил ей дедок, торгующий велосипедными запчастями.

— И хорошо ли берут?

— Хуже, чем брелоки да медальоны, — со вздохом признала Иверри.

— Это потому, что искусство разумения требует, — утешил её дедок.

Как-то раз вышло, что Кирочка пришла на рынок без денег. Они загадочным образом пропали из карманчика портфеля после урока физкультуры. Это было прискорбное обстоятельство, Кирочка расплакалась и рассказала обо всём учителю. Тот построил ребят и громогласно попросил воришку сознаться, но все, естественно, молчали как партизаны. Ещё раз обыскав вместе с Кирочкой раздевалку, учитель и классная руководительница развели руками. Наплакавшись вволю, девочка решила, что, наверное, сама потеряла деньги. Мама часто называла её растяпой… Как бы там ни было, но ритуал каждодневного посещения рынка так прочно укоренился уже среди Кириных привычек, что пропажа денег оказалась не достаточной причиной для того, чтобы она сразу пошла после уроков домой. Поздоровавшись с почтенной Иверри, девочка, по обыкновению, принялась разглядывать статуэтки, мысленно сравнивая их со своими, скрытыми в мглистой, пахнущей лежалыми матрасами глубине диванного тайника.

Её спокойно блуждающий взгляд внезапно остановился. Определённо, такой у неё нет! Новая! Вряд ли она могла долгое время её не замечать… Вероятно, Мастер — Кирочка догадывалась о его существовании, но никогда не спрашивала о нём — изготовил эту фигурку совсем недавно…

Она разительно отличалась от прочих, и даже казалась чуть меньше остальных из-за своего исключительного изящества. Лёгкость линий сочеталась с их безупречной правильностью. Глядя на статуэтки и предполагая, что все они созданы руками одного человека, всякий внимательный наблюдатель неизбежно приходил к выводу, что именно эта фигурка — венец творения Мастера. Она изображала мальчика-подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Юного мужчину. Твёрдость и хрупкость удивительно слились в его чертах. Он сидел на коленях и держал в руках тонкую дудочку. Мастер запечатлел именно тот момент, когда мальчик подносит её к губам. Удивительно удалось ему порхающее движение локтей юного музыканта (или заклинателя?). А лицо мальчика казалось задумчивым и печальным.

Кира была очарована. Никогда прежде она не видела ничего подобного. Давным-давно мама читала ей сказку об эльфах — прекрасных и хрупких бессмертных существах, обладающих даром играть волшебную музыку, к которой, замирая, прислушивается вся Вселенная…

Эта статуэтка определённо заключала в себе нечто эльфийское, вечное, абсолютное…

А у Кирочки не оказалось при себе денег. Именно в этот день. Именно в эту минуту, когда, как ей думалось, она встретилась с материальным воплощением совершенства.

Отчаяние заполнило Кирочку мигом, хлынув, точно вода в открытые шлюзы. «Боже! Она ведь такая красивая! Её купят! Стоит только мне отойти — сразу же купят! Завтра точно её уже здесь не будет! Ах, если бы можно было попросить госпожу Иверри… Но у неё принцип: она ни для кого ничего не держит…» Философия большинства барахольщиков: прошёл мимо — пеняй на себя. Тут такие редкости можно отыскать, что второй шанс — слишком большая роскошь. Ведь вся ценность этих вещей заключена в фатальной случайности их появления.

Кира побежала домой. «Завтра… завтра… завтра…» Стучало у неё в висках. Завтра у неё будут деньги. Она найдёт способ получить у мамы сразу всю сумму. Можно будет, например, соврать, что классная собирает со всех ребят, чтобы купить билеты на спектакль, или на экскурсию… Такое ведь не раз уже бывало… Только бы фигурка осталась на месте! Кирочку не утешал даже тот факт, что всякий раз, когда она покупала у Иверри очередную статуэтку, на другой день на её месте появлялась точно такая же. Жажда незамедлительного обладания пересиливала здравый смысл.

Уснуть Кирочке удалось только под утро. Настолько сильное волнение овладело ею впервые в жизни. Она лежала в постели, глядела на серовато светлеющий квадрат окна, и, затаившись, удивлённо прислушивалась к музыке, медленно разрастающейся в теле, вибрирующей, струящейся, перерастающей тело, наполняющей весь окружающий мир… К нежной, тревожной музыке. К творящемуся в ней волшебству предвкушения — радостного потому, что лучшие ожидания могут сбыться, и вместе с тем грустного, ведь не исключено и разочарование…

С каким же неистовым нетерпением дожидалась на следующий день Кирочка конца уроков! И когда, наконец, прозвенел звонок, она, кое-как запихав вещи в рюкзак, шумно скатилась по лестнице в гардероб. Второпях застегнув дублёнку только на две пуговицы, без шарфа и шапки, с рюкзаком на одном плече, спустя минуту, она уже вылетела из здания школы и опрометью кинулась в сторону Красного Рынка.

Запыхавшись, она остановилась. Колючая поземка бежала впереди — точно указывала дорогу. Уши жгло от морозного ветра.

До цели оставалось совсем немного. Нужно было только пересечь пустырь, укрытый тонким тюлем живого ползущего снега, и перейти проспект по светофору.

По краю пустыря рыжели одинаковые кирпичики гаражей. Сухо шелестели высокие золотистые травинки-метелки. Кира закрыла глаза…

Мир слышит её. В этом нет никаких сомнений. Во всём происходящем с нею есть незримый разумный смысл, и любые события в её жизни, даже если они кажутся случайными, несвязанными друг с другом, всё равно прямо или косвенно ведут её в одну сторону… В сторону постижения этого самого изначального смысла.

Она продолжила путь. Дойдя до рынка, Кирочка ещё какое-то время медлила неподалёку от вереницы торговок с картонками — сердце её билось так громко, что казалось, его удары доносятся до прохожих.

Кира решила начать обход с того конца, где обычно стояли старушки с солениями и носками (почтенная Иверри обреталась обыкновенно на противоположном), чтобы меньше волноваться. Нарочито медленно девочка прошла вдоль ряда варений и солений в маленьких аккуратных баночках, замотанных газетами. Потом начались картонки с мелкой домашней утварью. Кира шла, шла и шла, пока ряд, наконец, не оборвался, и, только пройдя по инерции несколько шагов по утоптанному снегу, она прониклась страшным открытием: её нет!

Она прошла ряд в обратную сторону. Ничего не изменилось. На том месте, где обычно стояла Иверри — между торговкой солениями и маленькой востроносой в круглых очках бабушкой, которая искусно вязала носки любых размеров — теперь примостился дед с запчастями для велосипедов, ещё какими-то непонятными железками и разными болтиками, сложенными в пластиковую ёмкость из-под маргарина.

Кира повернулась и побрела домой. По дороге она застегнула дублёнку и кое-как нацепила шапку.

4

Близилась новогодняя дискотека. Восьмиклассницы волновались и перешёптывались — в этом возрасте у всех обычно уже есть первые симпатии к существам противоположного пола — каждой девочке хотелось нарядиться по-особенному, почувствовать себя королевой, самой блистательной, самой красивой…

Праздник должен был состояться после уроков в последний день четверти. В школьном актовом зале. Туда принесли цветные прожекторы, повесили на потолок специальный шар с зеркальными гранями, чтобы в темноте от него разбегались световые пятна. Для этой новогодней дискотеки даже специально пригласили какого-то модного диджея. Она должна была стать настоящей взрослой дискотекой.

Такое масштабное мероприятие в школе устраивалось впервые. Предвкушение чего-то нового, необыкновенного повисло в воздухе классных комнат и коридоров. Так всегда бывает под Новый Год. Именно этот праздник у большинства людей ассоциируется с будущим, и предстаёт оно накануне торжественной смены дат в календаре в самом радужном свете. А девчонкам-восьмиклассницам это условное будущее кажется ещё более манящим и сладостным, ибо их существование, ещё такое чистое и беспечное, наполнено ожиданием самой радостной из всех радостей — оно наполнено ожиданием первой любви…

Так было и с Кирочкой, пусть она этого ещё и не осознавала. Ей просто хотелось дышать полной грудью свежим морозным воздухом. Смотреть на слепящий снег. Любоваться инеем, который делал тонкие веточки и вечно зелёную газонную траву

ломкими, звонкими — будто фарфоровыми.

— Ты когда-нибудь загадывала желания на Новый год? — спросила у неё в один из предпраздничных дней одноклассница Нетта. Кирочка удивилась, прежде с ней редко кто заговаривал вот так запросто. Она оказалась именно тем человеком в классе — в каждом классе обязательно находится такой человек — который становится общей и универсальной мишенью для насмешек. Её звали фонарём, кузнечиком, ручкой от швабры. Даже если не принимать в расчёт другие её странности, рост и комплекция Кирочки вполне заслуживали недоброжелательного внимания задиристых и острых на язык подростков — среди ребят-одноклассников она была самой высокой и действительно казалась временами очень забавной в своём коротеньком школьном платье, из которого далеко торчали длиннущие тонкие ноги, со смешной размашистой походкой и большой круглой головой, обмотанной словно полотенцем толстой тёмной косой.

«Наверное это опять начало какого-нибудь длинного сложного прикола, конечная цель которого, как всегда, выставить меня дурой…» — устало подумала Кирочка, недоверчиво сканируя Нетту взглядом. Но всё-таки ответила:

— Нет.

— А ты попробуй как-нибудь. Они почти всегда сбываются. — Нетта вновь удивила Кирочку внимательным, почти ласковым взглядом.

Кирочка пожала плечами. Сначала она думала попытаться пресечь насмешку, которые теперь ожидала на каждом шагу, и, вложив как можно больше яда в свой голос, спросить у Нетты, с чего вдруг та решила проявить столь неожиданное дружелюбие и заговорить с презренной «ручкой от швабры». Но что-то остановило её. Даже в самой глубине серо-жёлтых глаз этой маленькой рыжеватой девочки — Нетта едва доставала Кирочке до плеча — не было заметно ни единой искорки подавленного смеха, обыкновенно сопутствующего скрытой издёвке. Что если она серьёзно? При всей своей любви к одиночеству Кирочке всё же хотелось, чтобы с ней разговаривали по человечески, и упустить такую возможность было бы очень обидно. Да и ожидать подвоха от Нетты, пожалуй, — излишняя предосторожность. Эта девочка всегда была классическая тихоня, ни над кем не насмехалась, да и о самом своём существовании заявляла довольно редко, да и то в основном ответами на уроках.

— Знаешь, почему они сбываются? — заметив Кирочкину нерешительность, Нетта подтолкнула разговор сама. — Это оттого, что множество людей приписывает Новогодней Ночи особенное значение и верит в её волшебные свойства. Только и всего. Ты чувствовала когда-нибудь силу Новогодней Ночи? — продолжала она, глядя снизу вверх на свою нескладную одноклассницу, — Бывает, идёшь по улице, а воздух как будто наэлектризован. Все радуются. Все поздравляют друг друга. Все приветливые. С незнакомым человеком как с другом говоришь. Замечала?.. Это же настоящая магия…

— Даже если они и сбываются… — проговорила Кирочка, немного помрачнев. Ей не хотелось думать о том, как уничтожить насмешников, обидчиков, дергателей за юбку и плевателей в пенал. Мама говорила ей, что желать другим зла — очень плохо. Кира вспомнила про гнездо с дикими яйцами, что было на тополе в школьном дворе, но это желание стало абсолютно несбыточным после того, как два года назад какие-то провонявшие табаком тощие старшеклассники с помощью длинной палки сбросили его на землю. Она тогда не решилась подойти.

— Ты пойдёшь на новогоднюю дискотеку? — спросила Нетта.

— Не знаю. Мне кажется, что я там буду лишней, — эта девочка с вьющимися мягкой крупной волной волосами оттенка медной проволоки спонтанно вызвала у Кирочки доверие; в Нетте всё было спокойно, плавно — округлые глаза, выпуклый лоб, нежные бугорки грудей, скруглённая линия бёдер, — Простоять у стенки весь вечер — не слишком заманчивая перспектива. Я даже танцевать не умею.

— Я могу научить, — с готовностью предложила Нетта, а потом прибавила как будто извиняясь, — мне тоже просто не с кем пойти. Вдвоём лучше, чем поодиночке…

5

Долгожданный день настал. Уроки закончились рано и учеников отпустили домой переодеться — предполагалось, что девочки наденут на дискотеку нарядные платья, а мальчики — ну ладно не фраки! — но тоже что-нибудь поприличнее.

Таинство началось ближе к шести вечера, когда за красиво задрапированными окнами школьного актового зала уже стемнело. Все стулья вынесли. Деревянную сцену заставили диско-прожекторами. Зеркальный шар, подвешенный к потолку, начал медленно вращаться. По стенам поплыли точно аквариумные рыбы разноцветные продолговатые блики отражённого света. Заиграла музыка.

Радостное возбуждение владело Кирочкой. Она не ожидала, что её способен столь сильно впечатлить этот «бал для школьных модниц» (так она про себя чуть презрительно именовала дискотеку в ту пору, когда считала, что ей самой там не место). Таинственный полумрак, шёпот приглушённой музыки из больших динамиков и нежные отсветы зеркального шара преобразили знакомый актовый зал, сделав его поистине достойным чудес.

Дискотека началась с быстрых танцев. Воздух, казалось, завибрировал под натиском мощных динамиков, когда диджей включил полную громкость. Кирочка застенчиво отошла в сторону, предоставив Нетте больше свободы для движений, и принялась наблюдать.

Танец — не просто процесс, это язык; тело способно выразить очень многое, даже то, чего не высказать словами. Он длился, длился, и Кирочка вбирала в себя этот информационный поток, эту череду загадочных знаков… Нетта казалась сделанной из чего-то эластичного, упругого. Как прозрачный мячик с блёстками внутри, который, когда его бросали в стену, распластывался на ней толстой лепёшкой, а потом медленно сползал вниз и постепенно снова становился круглым. Движения Нетты плавно перетекали одно в другое. Древние движения, кошачьи. Нетта притягивала к себе, к ней хотелось прикоснуться, неизвестно зачем, просто так, провести невзначай рукой по удивительной гибкой линии, обозначившейся явственно и обречённой тут же исчезнуть, превратиться в другую, не менее очаровательную и плавную…

— Хорошо ты танцуешь, — пробормотала Кирочка в самое ухо Нетты, чувствуя в своих словах лёгкий привкус зависти.

— Спасибо, — застенчиво шепнула та в ответ, сверкнув раскрасневшимися от танца круглыми щёчками.

Но самое волнительное и загадочное было впереди. Медленный танец.

Всё началось с того, что зеркальный шар на потолке внезапно перестал вращаться. И изменилась музыка. Она сначала замерла, словно щебет испуганной птицы, а потом потекла в зал медленными струями, стала плавной и нежной точно прикосновение шёлка. Все застыли на своих местах. Потом некоторые начали медленно ходить по залу в поисках пары.

— И что теперь делать? — шёпотом спросила Кирочка у Нетты.

— Ничего. Жди, когда тебя пригласят.

— А если не пригласят?

Нетта ничего не ответила, она аккуратно отодвинулась, пропуская юношу из параллельного класса, направлявшегося куда-то в толпу. Потом она отошла к стене. Кирочка, недолго думая, последовала её примеру.

Как и следовало ожидать, девочек никто не пригласил. Чуда не произошло. Тыква не стала каретой, грубый деревянный башмак не превратился в хрустальную туфельку, а они, Кирочка и Нетта, даже на новогодней дискотеке остались для своих соучеников всего лишь тихоней да «ручкой от швабры». Но нельзя сказать, чтобы Кирочку это сильно огорчило, у неё пока не возникало осознанного желания понравиться кому-то из юношей, а вот Нетта выглядела расстроенной. Зеркальный шар снова завертелся, а музыка побежала, запрыгала и рассыпалась весёлыми короткими звуками. Снова начались быстрые танцы. По знаку Нетты девочки вышли из зала, где стало немного душно, в школьный коридор. Прохлада и тишина приятно освежали.

Они подошли к окну. Фонарь разостлал свой бледно-жёлтый плащ над школьным двором. Медленно падал крупный — как лоскутки белой органзы — снег. Девочки стояли, прислонившись к холодному стеклу лбами, и смотрели во двор.

— Тебе кто-нибудь нравится? — спросила Нетта.

Кирочка молчала. И дело было не в недостаточной степени доверия к однокласснице и даже не в принципиальном нежелании признаваться кому-либо, просто то, о чём её спрашивали, она и сама ещё толком не умела оформить в мысли, образы, слова.

Когда он открывал свои глаза, казалось, будто взлетали две большие чёрные бабочки. От густоты ресницы на каждом глазу Саша Астерса казались сплошным полотном, лоскутком роскошной материи, бархатным крылышком. Своими лёгкими взмахами они увлекали за собой невесомые пушинки Кирочкиных мыслей. Процесс моргания — заметила она — еще один невероятно красивый процесс. Так случилось, что в пятом классе Саша и Кирочку посадили вместе на самом первом уроке географии. Единственный раз. И этот урок запомнился Кирочке сумасшедшим, безудержным весельем. Когда учительница отворачивалась, Саш крошил ей на стол засохшие растения найденные на подоконнике и беззвучно смеялся, сверкая глянцем чёрных зрачков из-под крылышек ресниц. Кирочка смеялась тоже, и тоже крошила, непонятно зачем, эти сухие растения на стол учительнице… Наверное, ей было бы так же весело, если бы, как она мечтала когда-то, к ней ненадолго пришёл поиграть дракончик Гордон из её детских фантазий. Но видеть в своём каждодневном созерцании порхания ресниц Саша Астерса что-то большее, чем просто наблюдение одного из завораживающих процессов, непрерывно протекающих во Вселенной, Кирочке прежде не приходило в голову. А уж надеяться на ответное внимание этого юноши к её персоне — и подавно. Саш был лидером, заводилой, самым заметным мальчиком в классе. А она была «ручкой от швабры». Но сейчас Кирочка ощущала острую необходимость что-то ответить Нетте, её вопрос так и остался висеть в воздухе.

— Может быть, чуть-чуть…

— Если ты скажешь, то я тоже скажу, — Нетта хитро прищурилась, на пухлой щеке её обозначилась игривая ямочка.

Какое-то время девочки стояли у окна молча, касаясь холодного стекла пальцами и оставляя на нём мутные пятнышки дыхания. Смотрели на летящие снежинки, сверкающие в фонарном круге стремительно, остро словно мелкие клочки рваной фольги. Кирочка не

хотела называть Саша, но не потому, что опасалась очередной насмешки, она уже научилась доверять Нетте, за несколько дней перед новогодней дискотекой они почти подружились, просто она не хотела сводить всё то, что чувствовала — взмахи крыльев бабочки, урок географии, дракончика Гордона — к понятному и простому слову «нравится».

— Смотри, какой снег, — сказала она, — Правда красиво?

— Очень… — со вздохом согласилась Нетта, — пойдём обратно…

Девочки вернулись в зал. Кирочка снова погрузилась в безучастное созерцание скользящих пятен света и плавно изгибающихся линий тел танцующих. Теперь она смотрела не только на Нетту, которая, наверное, втайне всё ещё надеялась, что в следующий раз ей повезёт, и, когда музыка снова переродится, станет медленной и зовущей, кто-нибудь из молодых людей, сгрудившихся в стороне от девчонок, может быть даже тот, кого она больше всего ждёт, вдруг отделится и пойдёт ей навстречу сквозь толпу, чтобы пригласить… Миллионы людей верят, что под Новый Год случаются чудеса.

Когда зеркальный шар снова остановился, и музыка заструилась, Кирочка, повинуясь природному любопытству, стала наблюдать за кучкой парней, расположившихся возле заставленной сцены. Она различила среди неистового мелькания тёмных силуэтов танцующих Саша Астерса, который сдвинулся с места и нерешительно двинулся к собравшейся возле плотно занавешенного окна группке одноклассниц. Они делали вид, что происходящее их не интересует, оживлённо о чём-то щебеча, но между тем не забывали украдкой коситься на опустевшую центральную часть зала, куда по одной, застенчиво начинали выплывать пары. Саш шёл по краешку толпы, стараясь не пересекать предназначенное парам свободное пространство, он прошёл мимо Кирочки, слегка задев её рукавом, и, приблизившись к группке девчонок, на миг влился в неё для того, чтобы выйти в центр зала под руку с отличницей Ирмой Вайнберг. Он пригласил её. Вслед за Сашем отделился от кучки парней его приятель, Лоренц Дорн, и, точно так же аккуратно обогнув центр зала, подошёл к миниатюрной блондиночке из параллельного восьмого, которая уже носила высокие каблуки, и подал ей руку.

Некоторое время Кирочка наблюдала, как несколько пар в медленном танце хаотично и скованно перемещаются в пределах отведённого им пространства. Как неуверенно, невесомо ложатся впервые руки юношей на девичьи талии. Кирочке было очень хорошо видны все пары, её голова немного возвышалась над притихшей толпой. Лоренц и его блондинка довольно забавно вращались на месте, точно волчок. Саш и Ирма неумело переминались с ноги на ногу, робко обнимаясь. Поначалу Кирочке казалось, что это только процесс, один из многих, длящихся сейчас в мире, но беспомощная грусть встрепенулась в ней, затрепыхалась внутри, словно мотылёк промеж сложенных ладоней. Она в последний раз глянула на танцующих, и стала потихоньку пробираться к выходу из зала.

За окном всё так же медленно падал снег. Словно рваные письма летели его клочки. А согбенный фонарь по-прежнему бросал на школьный двор свой жёлтый свет. Сзади послышались тихие шаги. Кто-то подошёл и молча встал рядом. В полумраке это трудно было заметить, но Кирочка почувствовала, что Нетта готова расплакаться. Когда твои чудеса случаются с другими — это обидно. Несказанные слова замерли на губах Нетты чуть заметной морщинкой, она дохнула на стекло, а затем грустно нарисовала пальцем в получившемся туманном матовом пятне маленькое сердце. И неясная грусть, нахлынувшая на Кирочку в зале, в этот момент совершенно неожиданно оформилась в конкретную мысль. Здорово было бы, если бы Саш Астрес пригласил сегодня не Ирму, а её…

Две девочки стояли возле окна в неосвещённом школьном коридоре и смотрели на летящий снег. А он всё падал, падал, падал, волшебно светясь под фонарём… Кирочка потянулась и впервые в жизни осмелилась ласково прикоснуться к постороннему человеку. Она взяла Нетту за руку. Та подняла лицо, блекло зазолотившееся в отсветах фонаря, взглянула на Кирочку с благодарностью и снова отвернулась к окну. Так они и продолжали стоять, глядя на бесконечный снег за окном, рука в руке. В один миг они стали ближе друг другу, слегка соприкоснувшись своими ещё нераскрытыми девичьими тайнами.

6

Со дня новогодней дискотеки Кирочка и Нетта начали дружить. Поначалу это выражалась только в желании садиться вместе на всех уроках, но потом выросло до необходимости возвращаться вместе из школы. Кирочка жертвовала ради этого своими каждодневными походами на Красный рынок. Как бы ревностно она ни охраняла от нападок внешнего мира своё великое одиночество, он умело находил щели и просачивался внутрь — Кирочка привязалась к Нетте неожиданно сильно. И немудрено. Раньше то у неё никогда не было подруг.

Кроме того, Нетта уверяла, что она ведьма. Это звучало невероятно, но Кирочка не находила причин, по которым подруга могла бы хотеть её обманывать. Нетта ещё ни разу не воспользовалась Кирочкиным доверием, чтобы выставить её на посмешище — уже не мало, и, кроме того, даже первая призналась в своей нежной симпатии к Лоренцу Дорну, чем окончательно, по мнению Кирочки, соединила себя с нею; доверившиеся нам или притворившиеся таковыми, как правило, вызывают ответное доверие.

В тот день, когда девочки заговорили о сверхъестественном впервые, шёл дождь. Он был не очень сильный, моросящий, далёкие чёрные башни и трубы Заброшенных Верфей виделись как будто сквозь дымовую завесу — лишь неясные контуры прорисовывались на фоне белесого неба.

— Ты ведьма?! Вот здорово! — Кирочка остановилась и с любопытством вгляделась в лицо подруги, — а я и не думала, что они существуют на самом деле! Отец и мама всегда называли подобные вещи выдумками или фантазиями.

Ветерок трепал волнистые рыжие волоски, выбивающиеся из-под розовой вязаной шапочки, от влаги волосы ещё сильнее завивались, топорщились, клубились, обрамляя круглое белое личико Нетты, словно золотистый нимб.

— Ещё как существуют, — гордо провозгласила Нетта, — и я одна из них. Только учти, — девочка загадочно понизила голос, — это тайна. И никому и ни за что нельзя её выдавать…

— Почему? — спросила Кирочка, почувствовав лёгкую робость.

— Чтобы меня не нашли охотники, — Нетта быстро оглянулась по сторонам, чем ещё сильнее напугала Кирочку, замершую, вцепившись в ручку своего ранца, — они тогда посадят меня в специальную клетку с заколдованными прутьями, чтобы мои чары не причинили зла людям…

— Ну а ты можешь… — Кирочка замялась… Её доверие к словам Нетты слегка ослабело, слишком уж книжным показались ей последние слова подруги, но соблазн поверить в сказку оказался сильнее здравого смысла. — …показать мне сейчас…свои… способности… Сколдуй что-нибудь… Пожалуйста…

Нетта взглянула на неё почти сердито.

— Ты не веришь мне?

— Верю… но… — засомневалась Кирочка, — это кажется… таким… невозможным…

Нетта надулась и некоторое время шла молча, дождь моросил. Кирочка испугалась, что подруга обиделась, она суетливо семенила возле Нетты, длинная лямка её ранца волочилась в грязи. Внезапно Нетта остановилась как вкопанная и посмотрела на небо.

— Хочешь, я сделаю, чтобы дождь сейчас перестал?

— Сделай, — прошептала потрясённая Кирочка. Глаза её расширились от испуганного восторга, она вбирала взглядом каждое движение подруги.

— Подержи мой ранец, — велела Нетта. Она раскинула руки в стороны, повернув их ладонями вверх, задрала голову, розовая шапочка съехала при этом на затылок, и забормотала какие-то странные звукосочетания.

Застыв, Кирочка следила за ней. Дождь продолжал идти, но он как будто бы стал тише. Нетта взяла из рук подруги свой ранец и пошла вперёд.

— Дождь ещё идёт… — робко подала голос Кирочка, нагоняя её.

Нетта взглянула на неё сердито.

— Погоди… Неужели ты не понимаешь, что заклинания не могут подействовать мгновенно? Им нужно немного времени.

Через несколько минут дождь, постепенно становясь всё более мелким, а под конец вообще превратившись в невидимую водяную пыль, действительно прошёл. Кирочка не знала, было это результатом колдовства Нетты или простым совпадением, но ей хотелось верить, и она верила.

— Вот видишь, — провозгласила Нетта, гордо блестя глазами, — я прекратила дождь.

И Кирочке ничего не оставалось кроме как согласно кивнуть, ведь вздумай она спорить, одноклассница, пожалуй, обиделась бы, а Кирочка, успев привыкнуть к её обществу, теперь боялась его лишиться — изменения в своём мире она совершала очень трудно и неохотно, но если уж что-то принимала в него, то потом не желала это отдавать назад.

Проводив Нетту и возвращаясь домой — они жили через двор — Кирочка не могла перестать думать об этом фокусе с прекращением дождя и обо всём рассказанном сегодня подругой: об охотниках, о клетках с заколдованными прутьями, о тайне… Детали разговора против желания всплывали в её сознании. Каждую мысль неудержимо тянуло к нему, словно стальную стружку к магниту. Кирочка решила, что даже если Нетта её разыгрывает, она всё равно никому не расскажет о нынешнем происшествии. Мысль, что всё это может оказаться правдой, приятно щекотала её. Жить в мире, где есть место чудесам, гораздо приятнее, чем быть уверенным, что нет во Вселенной иной сил, кроме неумолимых законов природы.

Отношения подруг изначально сложились так, что Нетта была главная; она умела тактично выставить себя в более выгодном свете по сравнению с Кирочкой, никогда не упускала случая невзначай продемонстрировать любым способом своё превосходство над нею, будь то успех в игре, пятерки за сочинение, умение лучше рисовать, петь или ещё что-нибудь в этом духе. Нетта оказалась бойчее, чем можно было думать; будучи тихоней в классе, в отношениях с Кирочкой она взяла на себя роль гегемона и, надо сказать, успешно справлялась с ней. Кирочка во всём прислушивалась к Нетте, подругины суждения о жизни порой казались ей более зрелыми, чем собственные — Нетта умела напустить на себя вид знатока — кроме того, над ней, в отличие от Кирочки, никто не смеялся, одноклассники относились к Нетте вполне ровно, а иногда даже предлагали принять участие в каких-либо своих предприятиях, что и присниться не могло несчастной «ручке от швабры» — и потому Кирочка принимала своё подчинённое положение как должное. Она старалась выполнять

все просьбы Нетты, всегда отдавала ей большую половину лакомства, случайно поделенного не совсем ровно, всегда провожала до подъезда, а после в любую погоду брела до своего дома одна — Кирочка шла на множество мелких уступок, тем самым добровольно возвышая Нетту над собой. А теперь ко всем многочисленным превосходствам подруги добавилось ещё и наличие у неё колдовских способностей. С каждым днём Кирочка верила Нетте всё больше, находя новые и новые подтверждения её могущества.

Однажды на уроке математики в классе лопнула лампа. И это случилось ровно в тот момент, когда, получив свою тетрадку с «трояком» за контрольную — точные науки не были её сильной стороной — Нетта сердито хлопнула по столу ладонью и сдавленно прошипела:

— Вот чёрт…

Кирочка поражённо посмотрела сначала на растрескавшуюся и слегка задымившую длинную молочную лампу на потолке, затем на подругу.

— Да… да… — поспешила та подкрепить её робкую догадку, — это потому, что я ведьма. Когда мы сердимся, вокруг нас часто случаются небольшие разрушения…

А через полгода, когда учитель математики неожиданно уволился из школы, Нетта окончательно укрепила Кирочкину веру в свою власть над вещами и явлениями:

— Знаешь, почему он ушёл? Я его ненавидела. Мы, ведьмы, умеем выживать тех, кто нам не нравится…

С того дня Кирочка стала считать Нетту едва ли не пророком и втайне завидовать ей… Больше всего на свете Кирочке самой хотелось бы иметь хоть каплю колдовских способностей.

— А могу я тоже стать ведьмой? — спросила она подругу, — Научи меня, я всё что угодно сделаю…

Нетта смерила Киру долгим снисходительным взглядом, как будто оценивая её и примеряя к роли повелительницы лампочек и учителей математики:

— Ты? Нет… Увы, но это невозможно.

— Почему? Я могу учиться по магическим книгам… Они даже у нас на Ярмарке продаются, я видела… Вдруг у меня получится… Я буду очень стараться, правда… — пробормотала Кирочка с надеждой.

Мама всегда брала дочь с собой, когда ездила перед началом каждого учебного года покупать для неё учебники и канцелярские принадлежности — на Большой Книжной Ярмарке всё это можно было найти дешевле, чем где-либо — и пока мама выбирала пухлые тетради, карандаши, ластики, папки, Кирочка стояла словно приклеенная возле лотка с эзотерической литературой, которой торговал странный усатый человек в чалме.

— Колдовство не урок, а призвание, — деловито сообщила Нетта, — и зубрежкой его не возьмёшь. Ведьмой надо родиться.

— И я вообще никогда не смогу ею стать?

— Никогда, — Нетта подкрепила свой жестокий приговор утешением, показавшимся Кирочке не только слабым, но даже обидным, — но не переживай. Пока ты поддерживаешь с ведьмой хорошие отношения, не сердишь её и не огорчаешь, ничего плохого с тобой не случится…

глава 2

1

Временами маленький Билл вёл себя очень странно. Маме частенько бывало стыдно за него. Как-то раз вышла совершенно возмутительная история.

Соседи вывели погулять во двор внука — кудрявого толстого мальчика лет четырёх, взявшего с собой из дома неимоверное количество игрушек. День стоял погожий, и ребятни в песочнице собралось много. Кудрявый мальчик никому не давал игрушки; он страшно верещал, завидев какую-нибудь свою формочку или лопатку в руках у другого ребёнка, а потом и вовсе собрал всё в кучу, лёг на неё животом и принялся громко выть, не подпуская никого к своей горе игрушек. Тогда Билл нашёл где-то большую палку и, подойдя к мальчику, изо всех сил ударил его по голове.

Мамы, бабушки, тёти — все взрослые, что находились на площадке, всполошились, окружили кудрявого мальчика, начали спрашивать, как он себя чувствует, не больно ли ему, и попутно бранить Билла. Он стоял, заложив руки за спину, и молчал. Мать сначала нашлёпала его как следует, ведь оставить такой поступок безнаказанным было бы очень стыдно перед всеми этими кудахтающими наперебой взрослыми, а потом спросила:

— Зачем ты ударил этого ребёнка, сынок?

— Я хотел его утешить.

— Господи! — воскликнула мама, — какие глупости ты говоришь, сынок… Кто же так утешает?

Билл пожал плечами.

— Я думал, ему полегчает. Ведь с ним случился самый настоящий припадок жадности! У него никто даже ничего не просил, а он всё равно жадничал. Я ударил его, чтобы вылечить. Я хотел помочь.

— Так не помогают, Билли, — назидательно сказала мама, — и не лечат. Чтобы изгонять болезни из тела, существуют врачи, но на душу человека может подействовать только любовь.

— Что это такое? — спросил Билл.

Мама замялась. Она не нашлась, как растолковать пятилетнему мальчику столь ёмкое понятие, а, может, сама не знала, что в действительности имеет ввиду, вот и отделалась приличествующей случаю стандартной формулировкой взрослых:

— Вырастешь — узнаешь.

— Я обязательно раздобуду эту штуку! — твёрдо пообещал тогда Билл, подняв на мать свои честные ярко-синие глаза.

В начальных классах он, к великому огорчению родителей, не обнаруживал никаких способностей, за исключением умения выходить из любой ситуации грозящей замечанием, двойкой или вызовом отца в школу с неподражаемой находчивостью.

На одном из уроков изобразительного искусства учительница поручила классу нарисовать акварельными красками на альбомном листе домик с садом. Рисовать Биллу, конечно же, было лень, он не слишком любил это занятие, кроме того, оно требовало определённой сноровки, аккуратности и терпения, которыми Билл, к сожалению, похвастаться не мог: акварель растекалась, бумага вздувалась, промокая, и вместо домика и

деревьев на ней получались какие-то грязные пятна. Оценив результаты своего труда и сравнив его с тем, что вышло у других, мальчик немного приуныл. Некоторое время он сидел над мокрым листом, насупившись и шмыгая носом, а потом ему в голову неожиданно пришла поистине гениальная идея. Билл решительно обмакнул кисть в оранжевую краску и жирно-жирно намазал ею весь лист, оставив кое-где пустые белые места. Затем он приподнял рисунок, подержал его на вытянутых руках, полюбовался им, как настоящий художник, и, деловито покачав головой, сказал сам себе: «Что ж… Недурно!» После этого он слегка помазал лист сверху красной краской и показал учительнице.

— Что это? — спросила она, подняв на него изумлённый взгляд, — Я же просила нарисовать сад и домик! Ты не понял задание?

— Всё верно! Это и есть сад и домик! — ответил Билл с обворожительной простодушной улыбкой. — Просто начался пожар, всё вокруг охватило пламя и ничего не стало видно!

Учительница не нашлась, что ответить. Она некоторое время сидела, вперив в Билла взгляд вытаращенных широко расставленных глаз — «как испуганная коза» отметил он про себя — потом, наконец, пробормотала недовольно:

— Ладно. Я ставлю тебе сегодня четыре с минусом. За остроумие.

Вместе со своими родителями Билл жил неподалёку от Большой Книжной Ярмарки — она как раз находилась в середине пути между домом и школой — возвращаясь с занятий Билл никогда не забывал заглянуть к торговцу эзотерической литературой — полному высокому человеку, носившему пёстро расшитый халат, чалму и множество браслетов на сильных волосатых руках. Завидев мальчика, он приветливо кивал ему и усмехался в густую каштановую с медным оттенком бороду.

Билл мог до самого вечера простоять возле лотка, читая книги о биоэнергии человека, силе молитвенного слова, таинственной взаимосвязи тела и разума — обо всём том, что его отец, именитый физик-ядерщик, человек, вне всякого сомнения, серьёзный, гневно именовал «лженаукой», «шарлатанством» и «запудриванием мозгов». Мальчик осторожно брал в руки дёшево изданные, в мягких обложках, книги, бережно перелистывая страницы, читал их, но никогда не покупал, ведь он знал, что если отец найдёт в вещах сына, на которого, несомненно, возложены большие надежды, нечто подобное, то беспощадно изорвёт и выбросит. Походы на Ярмарку были тайной Билла — он читал до тех пор, пока у него не затекали от долгого неподвижного стояния ноги, наливаясь мелкими мурашками, а от голода не начинало подводить живот; матери он говорил, что задерживается на футбольном поле, да она и не спрашивала особо — муж внушил ей, что воспитание подрастающего мужчины не женское занятие, и она послушно от него устранилась.

Однажды Билл, обретаясь по своему обыкновению среди книг, стал свидетелем весьма странного разговора, который произошёл между книготорговцем в чалме и маленьким интеллигентным старичком с остроконечной бородкой. Этот старичок сразу привлёк внимание Билла небольшими, но очень внимательными карими глазами, посаженными глубоко, будто втиснутыми в лицо; когда старик смотрел, казалось, будто все предметы, отражающиеся у него в глазах, существуют сами по себе в каком-то далёком неведомом пространстве. У мальчика создалось ощущение, что старик и книготорговец знакомы уже давно, говорили они тихо, но Билл, пристроившийся на другом конце прилавка, с трудом, но всё же различал отдельные слова в общем гомоне ярмарки. У него хватило ума не поднимать глаз от книги, и говорящие, должно быть, были уверены, что разобрать, о чём они говорят, в

рыночной сутолоке нельзя, и конечно, они не предполагали, что десятилетний мальчик, прибегающий после школы листать книги по эзотерике, может заинтересоваться их беседой.

— Хорошее место ты выбрал, Ниоб, тут полно народа.

Кто-то задел Билла острым углом картонного поздравительного пакета, мимо проплыло густое облако женских духов. Двое потенциальных покупателей, прилепившись к прилавку, оттеснили мальчика дальше от говоривших, но он продолжал прислушиваться.

— Всем известно: если не хочешь, чтобы тебя быстро обнаружили, лучше всего раствориться в толпе.

Билл расслышал глухой звук шлепка. Вероятнее всего, старик одобрительно хлопнул книготорговца по широкому плечу.

— Золотые слова, сынок. Только с чего ты взял, что тот, кого мы ищем, должен появиться здесь?

— Каждый житель города, если верить статистике, — терпеливо проговорил книготорговец, Билл так и видел в своём воображении как при этом покачивается большая белая чалма с бледно-голубой звездой-брошью, — должен хотя бы раз в жизни посетить Большую Книжную Ярмарку.

— Ну, и как успехи? — тон старика сделался немного насмешливым.

Книготорговец, по-видимому, ответил на вопрос каким-то жестом. Он, как не раз уже замечал Билл, стремился заменить ими слова везде, где возможно, словно экономя таким образом звуки; после небольшой паузы Билл снова услышал голос старика; он боялся обнаружить себя и упорно глядел в книгу.

— Серые здесь бывают?

Человек в белой чалме снова не отозвался. Будучи скупым на слова, он если уж говорил, то фразы его оказывались точны, информативны и за редким исключением коротки, будто старательно сработанные изделия.

— А что они здесь делают, — снова заговорил старик, по интонациям его становилось понятно, что он в отличном расположении духа и изволит шутить, — Заходят изредка прикупить себе шариковых ручек? Они, как жаловался мне уже много лет назад один офицер, вечно ломаются у них в карманах — ведь эти ребята как никто умеют найти себе приключений.

Старик хохотнул, поддержав тем самым собственную шутку, книготорговец остался безмолвным. Некоторое время они разглядывали разложенные на прилавке издания, обмениваясь какими-то незначительными замечаниями — видно было, что оба неплохо разбираются в эзотерике, затем разговор иссяк, и старик, вероятно, от скуки оглядевшись по сторонам, впервые обратил внимание на замершего возле другого конца длинного прилавка мальчугана с книгой.

— Гляди-ка, Ниоб… — тихо пробормотал он и решительно направился к Биллу, мягко отстраняя толпящихся в проходе людей.

В этот момент к прилавку капризным приливом ярмарочной толпы прибило сразу несколько человек. Они принялись о чём-то расспрашивать книготорговца. Он отвечал им, и белая чалма, словно нарядный чёлн, степенно покачивалась над головами. Между тем старик, непринуждённо проложив себе дорогу в людском бурлении, возник перед Биллом.

— Мальчик, а мальчик… — раздался совсем рядом его шелестящий голос.

Билл замер. Ему в этот момент стало очень страшно. Он чувствовал исходящее от старика какое-то подозрительное сияние, невидимое глазом. Старик снова позвал его, и

Биллу пришлось поднять взгляд.

— Ух ты, какая синева, — с улыбкой проговорил старик, но взгляд его в глубине оставался холодным, изучающим, он смотрел в глаза мальчика так, словно хотел попасть внутрь, уменьшиться до размеров пылинки и… нырнуть… Билл почти физически ощутил сверло упорного стариковского взгляда в своей лобной кости. Страх лип к зубам, будто мягкая карамель, ни проглотить, ни плюнуть, сквозь него невозможно было выговорить ничего дельного. Тогда Билл, он сам не понял, как пришла ему такая мысль, представил себе руку. Обыкновенную человеческую руку. Она расслабленно потянулась в нематериальном пространстве его сознания, неторопливо расправила пальцы. Эта третья воображаемая рука Билла слегка светилась. Он мысленно поднял её, поднёс ко лбу, покрепче взялся за сверло и рванул.

— Неплохая защита… Для человека… — пробормотал старик. Заключение это, вероятнее всего, не предназначалось для высказывания вслух и сорвалось невзначай. Слишком уж странна была прозвучавшая фраза.

— Хочешь я подарю тебе золотую денежку, мальчик, — спросил старик всё с той же пугающе ласковой улыбкой, снова обращаясь к Биллу. Мама учила мальчика, что неожиданное внимание и тем более щедрые посулы посторонних редко доводят до добра.

— Нет, — честно ответил он.

— Почему? Ты боишься меня? — Старик стоял совсем рядом, от него тонко и пряно пахло, почти как от украшений пра-пра-бабушки, хранившихся уже почти век в старинной шкатулке, он был совсем небольшого роста, этот странный старик, Билл в свои одиннадцать лет оказался даже чуточку выше.

— Нет… Не очень… Мне просто не нужна золотая денежка.

— Почему? — ответ мальчика, казалось, вовсе не удивил старика.

— Потому что я не хочу ничего из того, что можно купить. Во всяком случае, пока, — ответил Билл, страх уже начал понемногу отпускать его, — я, конечно, люблю сладости, как все дети, но моя мама говорит, что если есть их слишком много, то можно заболеть. Книги я купить не могу, мой отец не оценит моего увлечения эзотерикой. А то, что я хочу, не купишь ни за какие деньги.

— Чего же ты хочешь? — спросил старик. Между бровями у него залегла задумчивая морщинка.

— Родители уже решили отправить меня на новый учебный год в престижный закрытый пансион для мальчиков с уклоном в точные науки, а я хотел бы остаться здесь… — Билл никому не говорил об этой своей печали, он был уверен, что его никто не станет слушать, а из тех, кто станет, никто не сумеет помочь. Какой толк в таких слушателях? Исповедоваться им в своих неприятностях — тратить попусту время и слова, это бесполезное нытьё, оно всегда было противно природе Билла, вот он и решился рассказать всё незнакомому старику — ведь в этом случае он точно ничего не потеряет, но, как знать, возможно старик сумеет дать ему хотя бы дельный совет. — Мне кажется, что стать математиком или военным инженером — именно такое будущее представляется лучшим моему отцу — вовсе не моё предназначение.

Старик слегка нахмурился:

— А в чём оно? Разве ты его знаешь?

Билл смешался.

— Нет… Но я мог бы узнать, наверное, — он вздохнул, — если бы мне с самого раннего

детства окружающие так яростно не завязывали каждый своё. Бабушка хотела, чтобы я стал спортсменом, мама пророчила мне грандиозные успехи в музыке, она мне даже флейту купила, а отец спит и видит меня двигающим научно-технический прогресс.

— А что думаешь по этому поводу ты сам?

Билл пожал плечами. Никто прежде не задавал ему этого вопроса. Мать не спрашивала, хочет ли он играть на флейте, отец не интересовался, нравится ли ему математика, бабушку не волновало, болят ли у него ноги после кросса — им всем нужно было только, чтобы он оправдывал их ожидания и подавал надежды, младший любимый сын и внук; взрослые часто практикуют подобное отношение к детям, особенно если те безропотно принимают на себя непосильный груз исполнителей чужих чаяний… Билл оказался просто идеальным объектом для возложения надежд, ибо он не привык сопротивляться. Он просто брал и делал то, что ему говорили. Плохо, но делал, а не умел сделать вовсе — выкручивался как позволяла смекалка. И хотеть чего-то для себя он, поэтому, тоже постепенно отвык. Слишком уж много было вокруг чужих желаний. Всего не успеть за одну короткую человеческую жизнь.

— Не знаю. Наверное, ничего не думаю, — ответил Билл, снова вздохнув, — я привык слушаться родителей и уже смирился с мыслью ехать в пансион, теперь мне даже не приходит в голову ничего другого. Я почти захотел туда…

— Умение превращать внешнюю необходимость во внутреннюю — ценный дар, мальчик, — сказал Ниоб из-за прилавка. Его понимающее молчание, как оказалось, всё это время было третьим участником разговора.

— Из тебя бы вышел замечательный… — старик продолжал смотреть Биллу в глаза, и мальчику казалось, будто его мысли, точно невесомые клочки тонкой бумаги осторожно перебирают чьи-то узкие сухие пальцы — «и зачем я тут стою? не слишком ли много правды о себе самом я вывалил этому незнакомцу?» — промелькнуло у него в сознании; на секунду Билла посетило пренеприятное ощущение, что маленький старик каким-то образом взял под контроль его волю и заставил всё это сказать; от этого предположения ему стало неуютно и захотелось немедленно уйти.

— Из тебя бы вышел замечательный, — повторил старик снова, но как будто бы немного растерянно, — да, пожалуй, кто угодно… — затем он повернулся к Ниобу и как будто что-то сообщил ему без слов, тот кивнул, к его немногословию Билл уже успел привыкнуть, но только сейчас он безошибочно уловил витающий в воздухе тревожный и сладкий аромат тайны — именно так, как Ниоб и этот старик, обычно смотрят друг на друга двое при третьем, которому не полагается знать нечто, известное им.

— Меня, наверное, мама ждёт, — пробормотал Билл и сделал попытку раствориться в непрерывно текущем мимо прилавка потоке людей. Но старик остановил его.

— Не бойся, — сказал он, дружелюбно протягивая мальчику свою маленькую сухую руку, — покажи-ка книжку, которую ты читал.

Билл послушно протянул томик. Ему в этот момент стало невыносимо стыдно за то, что, испугавшись, он забыл о книге в руке и собирался уйти, продолжая держать её и заложив пальцем нужную страницу.

— Извините, — пробормотал он, не в силах взглянуть на Ниоба, — я не хотел её украсть… просто…

— Мы не подозреваем тебя, — мягко сказал старик, — ты можешь взять её себе, если хочешь, я лишь взгляну на заглавие.

Он принял книгу из рук мальчика.

— «Магия вокруг нас»… Предисловие автора. Верите ли вы в случайные совпадения, или все события, происходящие в мире, кажутся вам связанными друг с другом некой таинственной закономерностью, о которой мы слишком мало знаем и потому не в силах её проследить? Способен ли разум объять Вселенную? — прочёл старик, усмехаясь, — неплохой выбор, дитя. И как ты считаешь, магия существует?

— Я ещё не дочитал, — подумав, ответил Билл, — пока картина не дорисована, нельзя сказать, что на ней изображено. Мне нужно прочесть ещё не одну книгу для того, чтобы ответить себе на этот вопрос. Я ищу истину. Мой отец утверждает, что ведьмы, колдуны, магия — это выдумки, он опирается на то, чему его учили в школе, в университете, он ссылается на авторитеты и намеренно отгораживает себя от любой информации об этом. Я не такой. Мне нужно самому прочувствовать каждое слово, чтобы понять правдиво оно или ложно.

Старик одобрительно улыбнулся.

— Это хорошо… Вот что я скажу тебе. По способности поверить во что-либо люди делятся на три типа: легковерные — те, что способны воспринимать реальность с чужих слов, это славный тип, они неизменно открыты новому, такие люди, но, к несчастью, столь же легко они становятся жертвами обманов и обольщений; ко второму типу относятся те, кто способен поверить только личному опыту, кому нужно всё увидеть, понюхать, пощупать собственными руками; люди третьего типа не верят вообще, они будут отрицать нечто, ломающее их представления об окружающей действительности, даже если им совать это в лоб, они убедят себя, что у них галлюцинации, бред и тому подобное, только бы не верить, это самый трудный тип, таким людям сложно жить, они постоянно набивают шишки, зачастую на одном и том же месте, да и тем, кто их окружает, приходится ох как несладко.

Пока старик говорил, Билл блуждал взглядом по прилавку, он всё ещё опасался внимательных глаз незнакомца; Ниоб, насвистывая в бороду тихую песенку, выкладывал из ящика новые книги, он с неожиданной для такого грузного человека решительностью поднимался на шаткую деревянную стремянку и ставил их на полочки, возвышающиеся справа и слева от прилавка; Билл заметил, что туфли книготорговца, сшитые из мягкой коричневой кожи, когда он ступал, не производили ни малейшего шума. «Единственная настоящая истина — тишина…» — всплыло в сознании мальчика, он не мог вспомнить, где слышал такое или читал, быть может, это была даже его собственная мысль, но до того непривычная, что в первый момент она показалась ему чужой…

— Вот сейчас ты веришь, мальчик, тому что я тебе говорю? — спросил старик.

Билл замялся. Он пробежал взглядом по прилавку, как будто ища ответ в мелькающих заглавиях книг, потом посмотрел зачем-то на Ниоба. Тот уже спустился со стремянки и стоял, пряча в глазах любопытные огоньки, а в бороде — почти незаметную улыбку.

— Сомнение — это основа познания, — облачил он наконец очередную драгоценную мысль в скромный словесный венок, — учёные, заметь, веками приходили к своим самым блистательным выводам в попытках опровергнуть друг друга.

— Я не совсем согласен с вами, — немного осмелев под ободряющим взглядом книготорговца, выговорил Билл, обращаясь к старику, — мне кажется, что дело не только в том, к какому из трёх ваших типов принадлежит человек, а ещё и в самой истине; люди легче верят тому, что им по душе, и легче отвергают неприятное для них.

— Возьми книгу, — сказал, одобрительно покачивая головой, старик, — а заодно и золотую денежку. Если тебе ничего не нужно, просто храни её. Как символ своего богатства.

— Но я ведь не богат… Мой отец нередко говорит, что доходы у нашей семьи не слишком большие, да и мама постоянно сетует, что на всём приходится экономить…

— Богат не тот, кто много имеет, а тот, кому немногое нужно, — улыбнулся Ниоб, — бери, бери, ты ведь, верно, больше не придёшь сюда, уедешь в пансион, а я, надо сказать, успел к тебе привыкнуть.

Билл поразился этому спонтанному признанию книготорговца, который прежде даже никогда не заговаривал с ним толком, лишь наблюдал из-за своего прилавка его ежедневные приходы, а порой, казалось, и вовсе не замечал мальчика, занимаясь своими делами. Слова, стало быть, при всей их ценности, не являются той основой, что формирует межчеловеческую приязнь.

— Спасибо большое, — поблагодарил Билл, бережно пристраивая подаренную книгу между учебниками в школьном ранце, он уже продумывал, где спрячет её от отца, когда вернётся домой, — я надеюсь, что мы ещё встретимся…

Уходя, он не оборачивался, поток многочисленных посетителей ярмарки влёк его вперёд, но ему казалось, что старик и Ниоб до сих пор смотрят ему вслед и шёпотом говорят о нём между собой.

2

Пансион обнесён был высокой кирпичной стеной с двустворчатыми парадными воротами напротив входа в главный корпус и с несколькими чугунными калитками. Одна из них располагалась в дальнем углу сада, где всё заросло бесплодным густым малинником и ползучими растениями, ведь туда почти никто не ходил. Калитка эта никогда не открывалась, на ней висел массивный, насквозь проржавевший замок, а её чугунные прутья поросли бархатистым зелёным мхом. Но через эту забытую калитку был виден небольшой участок улицы, по которой постоянно шли люди, чужие, незнакомые, свободные… Билл им завидовал. Ему тоже очень хотелось иногда очутиться вдруг на этой улице и пойти по ней куда-нибудь, куда глаза глядят.

В зарослях кустов малины пряталась замшелая каменная скамейка. Она почти всегда была холодной и мокрой, поэтому Билл стащил из кухни пансиона ящик из-под овощей, разломал его и сделал на скамейке некое подобие деревянного настила. Теперь тут можно было посидеть в тишине с книгой или даже приготовить уроки.

В первую свою осень в пансионе Билл сильно скучал по привычному миру, оставшемуся за высоким забором. По прежней школе, ярмарке, ларьку у дома, где он покупал обычно лакомства: чипсы в шумных дутых пакетах, колу в алюминиевых банках, плитки шоколада. Там иногда вместо продавщицы сидела её дочь, Магдалена, девчонка чуть постарше Билла, года на два, не больше, но она уже очень расторопно управлялась в ларьке, и Биллу бывало приятно, когда товар ему протягивала тонкая девчоночья ручка, а не рыхлая лапища её грузной пропитой мамаши. Порой он делал покупки только ради того, чтобы понаблюдать, как орудует в своей стихии эта гибкая ловкая девочка-русоголовка: нагибается под прилавок и выпрямляется, передвигает товарные ящики, деловито считает деньги, перебирая монетки на ладони полудетскими розоватыми пальчиками. Обо всём этом и ещё о многом другом он думал, сидя на укромной скамеечке среди малины, изредка Билл доставал из кармана золотую денежку, подаренную ему востробородым стариком на ярмарке и смотрел на неё долго-долго. «Вряд ли на это можно что-то купить в обычном магазине… Она такая странная». На одной стороне монеты были вытеснены корона и скипетр, а на другой — неведомые мальчику знаки, должно быть цифры какой-то таинственной древней системы

счисления.

В день рождения Билла родители прислали ему огромный пакет шоколадных конфет — так было принято в пансионе — имениннику полагалось угощать всех прямо в учебном классе, выдавая каждому по конфете. Перед первым уроком классный наставник с таким серьёзным и торжественным видом, словно полагалось раздать гранаты, а не лакомства, вручил Биллу пакет и велел пройтись по рядам, мальчики, получая конфеты, шёпотом благодарили его. Некоторые зашуршали фанатиками сразу, остальные убрали сладости в портфель, чтобы без спешки съесть их на большой перемене. Что такого? Билл свой дог исполнил — он раздал конфеты, и теперь каждый волен распоряжаться ими по своему усмотрению.

После уроков, проходя через большой сборный зал, Билл остановился, заметив любопытную картину. На полу в кругу своих почитателей сидел Десна, наиболее наглый и хваткий парень из класса, рот у него был устроен таким образом, что когда он улыбался, зубов почти не было видно. Возле Десны на книге высилась груда именинных конфет.

— Ну, — говорил он, подбоченясь, — феодал собирает налог, кто жмётся, получит перца…

Билл решительно приблизился к группе мальчишек.

— Погоди, это же мои конфеты. Я раздал их каждому и не позволю, чтобы все съел кто-то один. Это несправедливо.

— Ишь ты, какой умный, — съязвил Десна, резанув Билла взглядом хитрых маленьких глаз, — а что если они мне должны?

— Долги отдают той монетой, которой брали. Что-то я не припомню, чтобы раньше в нашем пансионе раздавали в точности такие конфеты. Отдай их ребятам обратно. Тоже мне коллектор нашёлся.

Мальчики смотрели на Билла. Кто-то с сомнением, кто-то с испугом и затаённой надеждой.

Билл, надо сказать, близко не сошёлся ни с кем из ребят, слишком мало прошло времени, да он и не испытывал большой потребности в дружбе, он старался держаться со всеми приветливо и ровно. Мальчишки, сидящие кружком на полу, насторожились в сладостном хищном предвкушении зрелища. Они чувствовали: если Десна сейчас полезет драться, Билл примет вызов. Хотя за драку и грозил выговор с лишением возможности увидеть родителей на выходных, они случались в пансионе довольно часто. Такой уж народ мальчишки. Они боялись Десны, эти сидящие кружком ребята, он сумел внушить им почтение тем, что любому из них при желании мог сделать больно. Морально или физически. Десна обладал острым чутьём, он умел находить у других слабые места и, активно эксплуатируя это умение, собрал вокруг себя нечто вроде стаи, держащейся на авторитете вожака. Но сейчас, когда Билл этот авторитет своим вмешательством поставил под сомнение, Десна испугался. Он понимал, что если отдаст сейчас хоть одну конфету, вся власть его будет проиграна.

— Ну… — он поднялся, сжав кулаки, — рыцарь справедливости, получи-ка свои сто грамм…

Он замахнулся. Билл, ожидая удара, отскочил в сторону. Мальчики наблюдали со своих мест, каждый из них в тайне мечтал вернуть свою конфету.

— У него же день рождения, — очень тихо сказал кто-то из них. Невидимые весы были выведены из равновесия. Многие колебались — чью же сторону принять? — привычный

страх и лучезарная надежда, сверкая словно грани подброшенной вертящейся монеты, попеременно овладевали умами.

— Именинник? Вот пусть и получит подарочек, — завёлся Десна, — я верну вам по одной конфете, если вы поможете мне его научить уму разуму… Пусть знает, кто здесь босс.

Плут решил, что таким способом он сумеет удержать в руках свою власть, создав видимость того, будто несмотря ни на что, все решения принимает только он. Власть эфемерна, и в некоторые моменты она держится на одной только вере, власть одного человека над другим не более чем фокус, трюк, неравенство властвующего и подчинённого — есть, как правило, лишь убеждение каждого из них в силе или, напротив, в слабости своих позиций. Кто-то из мальчиков поднялся. Тесня Билла к стене, Десна наступал, за его спиной торчали головы последователей. Билл понимал, что если сейчас отступит, то непременно сделается мишенью для насмешек, мальчишки не забывают чужого позора, но драться с Десной и его приспешниками представлялось ему ещё менее заманчивой перспективой.

— Ладно, ребят, — сказал он примирительно, — я отдал эти конфеты, и их судьба действительно больше не моя забота.

Но Десне нужно было окончательно укрепить своё господство.

— Ааа… Рыцарь Справедливости… Получи!

Он размахнулся и толкнул Билла в плечо. Не больно, но как-то очень презрительно. Билл подался вперёд и толкнул Десну в грудь обеими руками. Тот пошатнулся, и Билл, воспользовавшись секундным промедлением бросился наутёк, сразу за поворотом из сборного зала в коридор, навстречу ему попался классный наставник, как всё-таки здорово, что он не застал драку… Но убегать было очень стыдно, Билл чувствовал: он не смог отстоять ни справедливости, ни даже собственного имени. Оставалось только надеяться, что его жертва хотя бы не осталась напрасной, и члены шайки Десны, в награду за свою преданность ему, всё же получили назад свои конфеты, невесть, по какому праву, им узурпированные. Пусть эти ребята всего лишь безвольные прихвостни наглого и хитрого парня, справедливость как таковая всяко важнее, чем личное отношение Билла. Пусть едят его именинные конфеты.

Кличка Рыцарь Справедливости теперь прочно приросла к Биллу, он слышал ехидные шуточки всякий раз, как проходил мимо Десны и его компании. Его задевала, конечно, не сама кличка; её, пожалуй, можно было даже назвать звучной, это тебе не Щелезуб или Толстый Топтун, но обидно было то, что такое благородное сочетание слов произносилась с презрением и насмешкой. Билл изо всех сил старался не обращать внимания, он вспоминал то, что говорила ему мать. «Подействовать на душу человека можно только любовью, сынок…» «Да где уж, так и поймут любовь деревянные затылки, приученные к тычкам…» Вряд ли услышав из его уст: «Отдай, пожалуйста, ребятам конфеты…» — Десна послушался бы его… Тогда, чего доброго, порция насмешек и тумаков оказалась бы ещё большей. Так что же означает в действительности мамино «подействовать любовью»? Не разговоры, получается, и не кулаки. Эта любовь, верно, такое оружие, видя которое у тебя в руках, противник волей-неволей поступает по совести… И что же она собой представляет? Может, она вроде магии — не увидеть, не пощупать, или вообще, чего доброго, выдумка… Волшебная музыка, заслышав которую всё вокруг замирает, внимая, точно змеи под звуки дудочки заклинателя…

Так размышлял Билл, сидя на своей тайной скамеечке возле дальней калитки. Никто из ребят, кроме него, не знал это место. Другие калитки не заслоняли так сильно разросшиеся

деревья, они находились на виду у наставников и охранников, запрещавших воспитанникам пансиона «торчать возле них попусту», а здесь никто не отрывал Билла от его любимого занятия. Он прибегал сюда каждое утро до начала уроков для того, чтобы смотреть, как идут по улице в школу те счастливые дети, которые живут дома с мамой и папой. И каждый день по этой улице проходила девочка, она отчего-то занимала его сильнее, чем все остальные. С тех пор как он её заметил, он старался не пропускать ни одного утра.

Стояла ранняя осень, и девочка носила строгое тёмно-серое пальтишко до колен, а в дождливую погоду брала с собой маленький малиновый зонтик. У неё были тёмные волосы и серьёзное бледное личико с высоким лбом. Она степенно выступала, держа за руку свою маму, стройную даму в шляпке и на каблуках. Когда девочка и дама покидали доступный Биллу для обзора участок улицы, он разворачивался и бежал до корпуса во весь дух, чтобы не опоздать к началу занятий. Билл часто думал об этой девочке днём: кто она такая? где живёт? сколько ей лет? как она проводит выходные? хорошо ли учится? Он сочинял про неё самые невероятные истории, вплоть до того, что она настоящая принцесса крови, но не ездит в роскошном лимузине с гербом над капотом для конспирации, а сопровождающая её дама вовсе не мать, а только чопорная гувернантка. Вспоминая эту девочку по вечерам, Билл не засыпал без того, чтобы мысленно не пожелать ей спокойной ночи. А она всегда проходила мимо, вообще не подозревая о его существовании.

Но однажды случилось нечто неожиданное: обычно дама и девочка шли очень быстро, они всегда спешили, но в тот день немного замешкались: дама уронила что-то на асфальт и нагнулась, а девочка, воспользовавшись вынужденной остановкой, принялась оглядываться вокруг. И она заметила Билла. Он смотрел на неё, а она — на него. Они находились на довольно большом расстоянии и вряд ли смогли бы что-либо сказать друг другу, но Билл вдруг решился, поднял руку и помахал ей. Девочка продолжала стоять неподвижно, и в тот момент мама-гувернантка снова взяла её за руку и потянула дальше по улице. Она отвернулась и больше не смотрела на Билла. Но с тех пор, проходя мимо, девочка иногда бросала взгляд на калитку, за которой он стоял; это доставляло ему радость, и, не решаясь больше махать ей, Билл только улыбался, мысленно желая ей удачного дня. Жаль только девочка издалека вряд ли могла это заметить.

3

Пансионский преподаватель истории был немного не в своём уме; в годы своей молодости на заре педагогической карьеры он выдумал и по сей день не без успеха использовал собственную авторскую систему обучения: он раздавал ребятам распечатки нуднейших исторических документов, вставляя в произвольных местах текста какие-нибудь неожиданные сумасбродные нелепости. Например: «предводитель войска, упав с коня, громко пукнул», «на государственных монетах обычно вычеканивали скрещенные вилки и ложки», «в ответ на предложение мира король снял панталоны и показал делегату задницу» или что-нибудь в таком духе. А в качестве доказательства, что ученик осилил предложенный текст, он требовал тетрадь с выписанными фразами-ловушками. Причём списать у кого-то из товарищей не представлялось возможным — для каждого выдумывались персональные «мины». Оставалось только честно читать. А текстов, написанных сухим тяжеловесным языком исторической науки было много, очень много; это, разумеется, не радовало мальчишек. Зато, правда, историк ничего никогда не спрашивал. «Читайте, друзья мои, — повторял он, — читайте, хоть что-нибудь да осядет в памяти, точно водоросли в сетях…» У него просто имелась своя теория запоминания, опираясь на неё, он и разработал эту

странноватую методику обучения с помощью «ловушек». «Память имеет эмоциональную природу, — утверждал он, — трудно запомнить то, что тебя нисколько не впечатляет». Потому то он и расставлял в текстах свои хитроумные метки. Местами они бывали до того неожиданными и смешными, что ученик поневоле запоминал и тот контекст, в котором они встретились.

Биллу историк, несмотря на всю его чудаковатость, а скорее, даже благодаря ей, очень нравился, и симпатия эта была взаимной; в отличие от остальных педагогов историк не стеснялся выбирать себе фаворитов, его часто можно было видеть в саду после занятий окружённого учениками, он щедро делился всем, что знал, подробно отвечая на вопросы, не всегда даже касающиеся истории, кто-то рассказывал ему о девушках, кто-то о проблемах с родителями или конфликтах с соучениками. И для каждого у него был припасён ценный житейский совет, сдобренный в меру и шуткой, и сочувствием. Историк, можно сказать, стал другом молодёжи — воспитанники пансиона от первого и до последнего, шестого, курса несли к нему трепетные тайны, словно зажатые в горсти горошины. И Билл тоже решил поделиться своим секретом, когда разговор зашёл о древних монетах: улучив момент, когда они остались в классе совсем одни, он показал учителю подаренную ему на ярмарке денежку.

— Как вы думаете, она очень древняя?

Историк положил монетку на ладонь и принялся внимательно её разглядывать. Повернул один раз, другой, ещё посмотрел, задумчиво зажав подбородок двумя пальцами. Потом вынул из кармана крохотную ювелирную лупу, протёр её полой рубашки и, деловито приложив её к одному глазу и зажмурив другой, снова уставился в монетку.

— Тут не обойтись без мирового электронного каталога денежных знаков, — заключил он, — знаешь, что это такое?

Билл помотал головой.

— Это наиболее полная база данных, куда внесена информация обо всех известных на сегодняшний день купюрах и монетах, как о действующих, так и о давно устаревших, даже о таких, которых никто не держал в руках, и о них лишь имеются упоминания в исторических документах.

— Как же мне воспользоваться этим каталогом?

— Если ты готов провести настоящую работу, друг мой, я скажу тебе. В читальном зале есть компьютер с доступом ко многим материалам, которые возможно использовать в учебных целях. В том числе и Каталогу. Я долго добивался этого разрешения, не знаю, правда, зачем… Вероятно, на случай, что встречу здесь страстного фанатика-нумизмата. Я так его и не встретил, но твоё появление хоть в какой-то мере оправдает мои старания. Так вот. Тебе придётся просмотреть множество изображений денежных знаков разных стран и эпох, сличая их с твоей монетой. Времени потребуется немало, возможно, в этом году тебе даже не удастся достигнуть цели, если будешь уделять поиску часок-другой после занятий. Я желаю тебе удачи.

Историк убрал лупу, взял под мышку свои папки и шагнул к выходу из кабинета.

— Последнее, — обернулся он в дверях, — иди до конца. Тебе ещё не раз покажется, что всё бессмысленно, но тем не менее — всегда продолжай. Продолжай делать начатое. Даже если ты ничего не добьёшься, это не важно, ты обретёшь себя иного, ничто не закаляет и не умудряет так, как напрасно затраченные усилия.

Последовав совету, Билл начал работу с Мировым Каталогом. Как и предрекал ему

учитель, только к середине следующего учебного года мальчику удалось наконец завершить своё маленькое расследование. Он последовательно просмотрел всю базу данных, разглядел каждое изображение в ней, пробежал глазами историю каждой монеты и…не нашёл своей. Опечаленный, он пришёл к историку.

— На самом деле, мой юный друг, большая часть наших усилий идёт прахом, — утешил его тот, — лишь очень малая доля наших действий действительно приносит пользу. А всё потому, что мы, люди, — все до одного блуждаем впотьмах. Мы не знаем, кто мы, для чего созданы и что нам надлежит делать…

Билл стоял перед учителем в растерянности. Он чувствовал: ещё несколько мгновений, и из глаз хлынут злые непрошеные слёзы. Он почти никогда не плакал, но сейчас… Целый год напрасных стараний, и человек, которому он доверял, которого он считал своим другом, вместо того, чтобы его поддержать, подбодрить, стоит перед ним и так спокойно, будто бы он всё знал наперёд, говорит: ничего, мол, так и надо, это жизнь…

— А как же монета? Что мне с ней делать теперь? — Билл огорченно прикусил губу.

— Секрет пока не раскрыт. Потому двигайся дальше. Ничто так не толкает вперёд, как неразгаданная тайна, это твоя тайна и твой путь.

Историк улыбнулся тихой грустной улыбкой.

— Мне тоже уже пора, — продолжил он, — Ваш директор решил положить конец моим педагогическим экспериментам. Я уезжаю домой.

Билл молча наблюдал, как учитель собирает вещи со стола. Как он складывает книги, обтирает от пыли и убирает в портфель миниатюрную старинную вазочку, настольный бронзовый бюст Вождя, позолоченные часы.

— Прощай, и помни: кажущееся напрасным порой может неожиданно принести пользу, а необходимое и разумное на первый взгляд — оказаться совершенно напрасным. Вот я, например, проработал в этом заведении десять лет, и теперь ухожу без сожалений, хоть недолго, но жизнь дала мне возможность быть здесь и сеять свои семена, пусть даже прорастёт из них всего одно, если вообще прорастёт. Удел учителя — не глядя бросать зёрна, они попадают и в сочный чернозём, и в мёрзлую глину — нет более напрасного труда, если ничего не выросло, как и нет большей сладости, чем принимать из рук ученика хлеб, проросший из твоего семечка. Учись принимать с лёгкостью тщету своих стараний, и это сохранит тебе возможность радоваться жизни, что бы ни случилось… Представь, к примеру, если бы матери вдруг перестали рожать: ведь каждый рождённый рано или поздно умрёт, так к чему терпеть боль, производя его на свет? Все мы в своей жизни рождаем для смерти, строим для разрушения и обретаем знания вопреки грядущему забвению — в спокойном принятии этого и заключена самая большая мудрость.

глава 3

1

Сухонький старичок с остроконечной бородкой и жалящим взглядом маленьких глубоко посаженных карих глаз прогуливался в выходной день по тротуару неподалёку от Красного Рынка. На нём было новое клетчатое пальто, чистая фетровая шляпа, и, несмотря на ясное небо, в руке старика грациозно покачивался при каждом шаге сложенный зонт-трость длиною почти в половину его роста. В последнее время господин Друбенс иногда чувствовал резко набегающую слабость во всех членах, и участковый терапевт посоветовал ему больше бывать на свежем воздухе. «Разумная физическая активность стимулирует обмен веществ, что в вашем возрасте особенно актуально…» «Хорошо ещё, что он не знает, сколько мне на самом деле…» — посмеивался про себя старик.

Вальяжно прохаживаясь вдоль необычайно длинного ряда барахольщиков, яркий солнечный свет сегодня выманил на улицу даже самых ленивых, господин Друбенс сразу выделил среди прочих матушку Иверри с её загадочными чёрными статуэтками. На солнце они казались ещё чернее и глаже; отполированные поверхности фигурок маслянисто блестели в золотистых осенних лучах.

Старик подошёл и остановился возле картонки. Своим намётанным глазом торговка тут же оценила содержимое его бумажника, и уста её разверзлись, чтобы расточать мёд и патоку:

— Добрый день, почтенный господин… — «Что бы такого наплести, чтобы этот старый олух купил у меня статуэтки?» Хитрость кормит торговца, и Иверри завела свою заученную песенку.

— Эбеновое дерево? — недоверчиво пробурчал старик, вертя в руках одну из фигурок, — я что, по-вашему, дурак? Это же обыкновенная полимерная смола.

Иверри смешалась, однако быстро пришла в себя и попыталась выкрутиться:

— Ну, может, и смола, только вот в смоле тоже сила, она оттягивает старческие хвори, знаете вы, вот у меня ежели что болит, так я как положу на больное место, так и высосет всё… Вы сами попробуйте. Купите, недорого…

— Сила, говоришь… Хвори высосет… — задумчиво проговорил старик, и так посмотрел на Иверри, что ту сразу бросило в холод.

Она опустила глаза, слишком уж страшно оказалось встретиться с ним взглядом. Он как будто мигом угадал всю суть её, и теперь только разыгрывал доверие, проверяя, куда способна завести рыночную торговку привычка к безнаказанной лжи. Иверри подумала о своей родине, крохотной прекрасной стране на берегу тёплого моря — и зачем только понадобилось ей когда-то, глупой молодухе с младенцем на руках, пытать счастья здесь, на севере, в столице стекла и бетона? Тогда она думала: «Все идут в города, и я пойду; остаются только старики да калеки; недаром же говорят люди, будто в Большом Городе почётно даже бродяжничать, там живут настолько богатые люди, что и отходами после них неплохо можно прожить…»

На деле всё оказалось далеко не радужно. Мигрантов отлавливали, ставили на учёт и отправляли на обязательные работы. Естественно, самые грязные и тяжёлые: уборщиками, грузчиками, упаковщиками товаров. Иверри испугалась, что этот странный старикан так на

неё смотрит, потому что он из Надзора. Если их жилище обнаружат, их опять переселят в бараки, Гая заставят работать… А что будет с ней, со старой? Мыть бесконечные лестницы небоскрёбов с прежним проворством она уже не сможет. Поговаривали, что Надзор усыпляет немощных и больных мигрантов как бродячих кошек и собак — они приносят Городу столько же пользы…

Жуткий старик тем временем одну за другой брал с картонки и тщательно осматривал статуэтки, сама торговка, казалось, его уже не занимала вовсе. Он разглядел, что на подставке каждой фигурки, на дне, тонким острым предметом выцарапано определённое слово. «Судьба». «Время». «Богатство».

— Это что?

Иверри совсем растерялась. Она была близорука, и мелкие надписи на поставках никогда прежде не замечала.

— Я, господин, не знаю… — В кои-то веки она не стала ничего придумывать, опасаясь, что старик снова посмотрит на неё взглядом, от которого мёрзнут кишки. — Сын мой делает их, его и спросите.

— Отведи меня к нему, и я куплю у вас все сразу.

Торговка засуетилась. Такого ценного клиента терять нельзя, какие бы причуды он ни выказывал, пусть хоть к Вельзевулу попросит проводить, она, Иверри, всегда рада лишней копейке. А уж если он с сыном её потолковать хочет — чего проще! Тот, небось, всё равно дома сидит, мастерит, или вышел в закуток в домино поиграть.

— Только идти придётся в Заброшенные Верфи, — виновато предупредила старушка, — ежели господина это не конфузит…

Она торопливо запихала сложенную картонки в полотняную сумку.

— Никак полиция? — всполошилась одна из соседок, — кто упредил? что-то я не слыхала…

А старик и Иверри шли уже вдоль длинного ряда барахольщиков в ту сторону, где лежали гремящее металлом и днём и ночью скоростное шоссе, промышленный порт, грязные улочки окрест, и вдалеке, там, где глаз больше не упирался в стены и крыши — Залив — бескрайняя серебристая гладь под слабо-голубеющим осенним небом.

Они миновали последний из кварталов эконом-класса, с устремлёнными в небо шпилями, башенками и мансардами жилых высоток, пересекли небольшой парк с листьями, покрытыми толстым слоем серой дорожной копоти и нырнули в пешеходный тоннель, проложенный под автострадой. Жёлтый свет ламп, сырость и камень делали это место мрачным. Друбенс с отвращением отвернулся, заметив гниющую кошку в одном из водосточных желобов.

Бедняцкие районы тянулись дальше до самого порта — в основном здесь остались дома старой постройки: блочные штампованные пяти- и девятиэтажки с типовыми квартирками, тесными как гнёзда ласточек-береговушек. Тут не было ни подземных паркингов, ни стадионов, ни детских площадок — древние проржавевшие колымаги стояли прямо во дворах, капоты их были завалены палыми листьями. На узких грязных тротуарах тут и там в асфальте виднелись выбоины, в этих кварталах его перекладывали в несколько раз реже, чем в остальном городе.

Они прошли мимо приземистого серого здания с государственным флагом над входом — районной школы-восьмилетки для бедняков. В её дворе несколько чумазых мальчишек играли в футбол ободранным мячом.

Дальше, за покосившемся деревянным забором, на котором в нескольких местах были написаны краской неприличные откровения, начинались совершенно дикие места. Асфальта там не было вовсе, и желающие попасть на Заброшенные Верфи вынуждены были месить жидкую осеннюю грязь на извилистом просёлке, по краям которого торчали ободранные гаражи, остовы погибших автомобилей, пришедшие в негодность резиновые покрышки, гнилые доски, колотые бетонные плиты и разнородный строительный мусор.

Здания Заброшенных Верфей, словно гигантские затонувшие корабли, высилась на горизонте. Неприветливо смотрели на всех идущих чёрные проёмы окон. Некоторые из них были закрыты фанерой или заклеены газетами. В воздухе пахло собаками, голубями, стоялой водой, нечистотами — дух нищеты — и сквозь него совсем немного пробивался свежий и холодный аромат моря…

— Мы пришли, — объявила Иверри, указывая на служивший дверью пролом в кирпичной стене, — добро пожаловать.

— Кыш! — крикнула она, вступая внутрь, и небольшая стая голубей, едва не сшибив господина Друбенса, с ветром вырвалась из проёма. — Гадят, паскуды, сил нет, — выразительно пожаловались Иверри.

— Их можно понять, — заметил ей старик, — там у вас внутри хоть немного, но теплее.

Гай сидел в довольно хорошем, малость облезлом мягком кресле с закрытыми глазами. Господин Друбенс удивился тому, что в столь убогом жилище обнаружилась вполне приличная мебель. Тут была и лампа с абажуром на стройной высокой ножке, и деревянный шкаф с большим зеркалом, и сервант со стеклянными полками.

— Ну как, нравится вам обстановочка? — приоткрыв один глаз, осведомилась хозяин, — представьте, всё это великолепие я подобрал на свалке; такие как мы не пропадут, покуда на свете есть люди, которые выбрасывают вещи не потому, что те основательно прохудились, а лишь от желания новизны. Рад приветствовать вас в своём маленьком королевстве. Я король мусорной кучи! У меня нет ничего, терять мне тоже нечего, стало быть, я всесилен и неуязвим!

Гай Иверри засмеялся, а мать его шепнула виновато:

— Не обращайтесь внимания, он дурачится, господин.

— Меня зовут Роберто Друбенс, — сказал гость.

— Очень приятно. Гай, — хозяин, не покидая кресла, протянул ему руку.

Повсюду в помещении, где источников света было всего два, лампа и пролом, сквозь который они вошли, сразу бросались в глаза приметы ремесла: фигурки, как готовые так и недавно отлитые, нешлифованные, стояли повсюду, на полу, на столе, на застелённых газетами табуретках, тонко осевшая гипсовая пыль делала поверхности мебели блеклыми, будто заиндевелыми. Возле кресла Гая лежала раскрытая опалубка, заполненные тенью выемки в гипсе, видимо, только что выпустили на волю, словно птицу из яйца, очередную смоляную фигурку. «Эбеновое дерево…» — усмехнулся про себя Друбенс. Иверри принесла гремящий металлический чайник, развела огонь в закопчённой кирпичной кладке, загородила входной проём сбитым из нескольких досок щитом.

— Это от ветра, — пояснила она, — и от птиц. А то каковы нахалы! Ежели хлеб ешь, так на самую голову усядутся и прям изо рта клевать станут. Озверели совсем. Дожди, осень, на помойках мокрота, киснет всё скоро.

Дым от костра потянуло наверх, в неровную страшную дыру в потолке, по краям которой торчала словно нитки в гигантской прорехе изогнутая арматура.

— Где вы взяли эти фигурки? — напрямую спросил Друбенс, принимая из рук Иверри горячую фаянсовую чашку с кипятком — хозяева, скорее всего, ничем больше не собирались его потчевать.

— Нашёл, — просто ответил Гай, закинув назад растопыренными пальцами упавшую на лоб челку. Склонившись, он зачищал крупнозернистой шкуркой неровности шва одного из своих изделий.

— И вы ничего о них не знаете? — маленькие блестящие глазки старика остановились на лице Гая. У него большая монументально тяжёлая голова, косой, как будто срезанный лоб, нос с чёткими гранями, словно высеченный несколькими сильными ударами резца; широкий тупой подбородок и почти полное отсутствие губ придают прямому плоскому рту значительность и строгость.

— Нет, — ответил Гай.

— А как же слова, которые вы нацарапали на подставках?

Гай снова оторвался от работы и поднял взгляд. В его глазах мелькнуло подозрение.

— Вы часом не из полиции?

— Если, как вы утверждаете, вы нашли эти фигурки, а не украли, то вам ничего не грозит, будь я хоть агентом самой совести, — отпарировал старик.

— Они что, ценные? — спросила матушка Иверри. Она сидела на корточках у очага, прихлёбывая для согрева кипяток из чашки со сколотой ручкой. Пламя вырастало под её обветренными морщинистыми руками, словно красивый цветок на попечении у заботливого садовника. Иверри терпеливо подкармливала костёр ломаными досками, картонками, тряпками. Ей было не больше пятидесяти лет, но, рано увянув от плохого питания и суровых условий жизни, она казалась совсем старухой.

Иверри смотрела на Гая. Когда она была молода и жила с одним хорошим человека, учителем, он заметил в мальчике способности к изобразительному искусству и посоветовал ему совершенствоваться в мастерстве; он отдал Гая в художественное ремесленное училище, закончить которое тому, к сожалению, не пришлось, но два года обучения там сильно выручили его и Иверри, когда, после смерти учителя, они снова оказались на улице. Их отправили в распределитель, трудоустроили и продлили регистрацию; но кому понравится жить в тесной клетушке общежития для мигрантов и непосильно работать по двенадцать-четырнадцать часов в сутки? Многие сбегают, предпочитая более неустроенную и опасную, но вольную жизнь на чердаках, в подвалах или в прокопченных кострами лабиринтах Заброшенных Верфей.

— Ценные ли они? Кто бы знал, матушка…

Гай задумался. Бродяга по кличке Антиквар всегда говорил, что одна и та же вещь может стоить очень дорого, а может и ничего не стоить, всё зависит от рук, в которых она оказалась. Антиквар был хитёр как бес и невероятно скуп, только так и выживал в Заброшенных Верфях — все догадывались, что если он у кого-нибудь что-нибудь покупает, то уверен, что продаст это минимум вдесятеро дороже. «Я нигде ничего подобного не видел, — заявил он Гаю, разглядывая одну из фигурок, — но, по моему опыту, вряд ли это очень древнее, слишком уж чисто обработаны поверхности — никаких шероховатостей. Да и материал странный, не эбеновое дерево, хотя очень похоже, я видел его не раз, и чёрный палисандр видел, и тёмную кость… Да и не каменные твои фигурки — лёгкие больно. Забери их, Иверри, черти на них начихали, не жди прибыли, наверняка безделушки из какого-нибудь сверхпрочного пластика, который тоннами выпускает химическая

промышленность. И грош им цена в базарный день. Я вот у тебя лучше чемодан куплю. Здорово крепок…»

— Моя мать любит рассказывать на рынке, что эти статуэтки обладают магической силой, — вымолвил Гай, найдя глазами старика, — и иногда мне кажется, представьте себе, что в этой болтовне есть доля истины, порой они даже снятся мне, как будто в них содержится что-то живое, некая энергия, душа, которая даже копиям передаётся… Ведь заключена она не столько в фигурке, сколько в самом образе… Такая душа…

— Идея? — подсказал Друбенс.

— Да, пожалуй… И поэтому я стал писать эти слова, пусть у каждой фигурки будет своё имя… Я так долго смотрел на каждую, пока шлифовал и полировал копии, что поневоле думал: создавший их, кем бы он ни был, он ведь в них что-то вкладывал… Взгляните, — Гай встал и подошёл к серванту, где на одной из полок в ряд стояли готовые на продажу статуэтки, — каждая из них — попытка передать суть определённого явления в образе молодой женщины. Вот эта, например… — он взял в руки фигурку девочки с маленьким древесным листочком на ладони — богатство, потому что самое ценное — это жизнь. А эта… — он показал Друбенсу сидящую на коленях девушку с распущенными волосами и разбитым сосудом, прижатым к груди, — время, потому что его не вернуть, как воду, сочащуюся из треснувшего кувшина, ну а это, — Гай коснулся третьей фигурки, стройной женщины в длинном одеянии, смыкающей руками обруч, — смерть — ведь в конце будет то же, что и в начале…

Гость вдумчиво слушал, пощипывая двумя пальцами свою остроконечную бороду.

— Люди лишены способности передавать друг другу мысли на расстоянии. Иногда я об этом жалею, — проговорил он, делая шаг к серванту со статуэтками, — но так ли это на самом деле, — Друбенс встал рядом с Гаем и осторожно взял в руки фигурку девочки с листком, пальцы оставили на ней тёмные следы, повредив тончайший слой гипсовой пыли, осевшей на материале, — художественное творчество, на мой взгляд, призвано служить именно этой цели. Передаче мыслей. Автор может находиться как угодно далеко, на другом конце света, он может быть давно мёртв, в конце концов, но его произведение должно говорить его голосом с каждым, кто на него взглянет. Истинная цель любого художника — именно этот голос, вечный, незатихающий голос, способный пронзать пространство и время; средства выразительности лишь служат ему, делая его звучание чище и полнее, они не являются для подлинного художника самоцелью. Эти статуэтки красивы… но не в этом суть. Содержание произведения никогда не исчерпывается его эстетическим эффектом, как и чувственный позыв к творчеству гораздо глубже его внешних причин. Вы правы, Гай, у каждой из них есть душа.

Иверри копошилась у очага. Волна тёплого воздуха принесла крепкий сладковатый запах обжаренной колбасы. Друбенс проглотил слюну, подумав об её красноватой скворчащей корочке. «Даже если мне и предложат, следует отказаться, хотя я, признаюсь, голоден…» Тут он заметил ещё одну статуэтку, деревянную, она не была ещё совсем закончена, оставалось отполировать нижнюю часть и подставку, она стояла в глубине полки, и другие статуэтки заслоняли её собою.

— Можно? — Друбенс вопросительно взглянул на Гая.

Тот кивнул. Осторожно отодвинув «мечту» — фигуру со светящимся шаром, парящим между ладоней, «возмездие» — девушку с зеркалом и кинжалом, направленным в него, и «судьбу» — существо с двумя головами, глядящими в разные стороны, Друбенс бережно взял

в руки деревянную фигурку.

Она изображала мальчика. Юношу. Пробуждающиеся в нём силы природы превращали его в мужчину постепенно, работа их ещё не была закончена совсем, но он уже не был ребёнком — сверкающая дерзость подбородка, посадка головы, развёрнутость плеч — всё это было в нём уже мужское: страстное, сильное, устремлённое в будущее. В то же время такая хрупкость, невинность и чистота читались в изгибах стройных молодых рук, подносящих к губам флейту! «Гений — старик не побоялся этой мысли — гений художника сумел соединить в этой фигурке несоединимое — бесконечную бережную нежность к миру и силу, способную его сокрушить».

— Юноша с флейтой не копия, я сам его выстругал, — сказал Гай, предупреждая возможный вопрос, — мне показалось, что в грандиозном замысле создателя фигурок чего-то не хватает; ассоциативный ряд не завершён, точно октава без одной ноты, вот я и решил найти недостающее звено цепи, замкнуть круг, достойно сыграть эту последнюю ноту… Понимаете? Творчество — оно ведь всегда лишь дополнение старого, столько создано до тебя, что этого не объять, и твой вклад в искусство ничтожен — малюсенький камушек на вершине пирамиды…

Друбенс молчал, в раздумии оглаживая пальцами полированную поверхность. Он исследовал на ощупь мельчайшие подробности запечатлённого в дереве юного музыканта. Черты его лица намечены были слегка — основной акцент делался на позе мальчика, в ней выражалось неизъяснимое внутреннее волнение созревающего тела подростка, предвкушение, предчувствие волшебства…

— Какое же имя вы ей дали? — спросил Друбенс, водворяя статуэтку на место.

— Любовь.

«Неужели Антиквар ошибся, и они в самом деле чего-то стоят? — думал Гай, наблюдая за гостем, восхищённо созерцающим фигурки, — прежде он ошибался так же редко, как давал в долг, то есть никогда».

— Так из чего вы их делаете? — старик устремил на него свой неуютный взгляд.

— Из… из полимерной смолы… — сознался Гай, — у меня есть один приятель, тоже мигрант, он занят на химическом заводе, так она мне почти даром достаётся… Эти копии дешевле, чем вы можете себе представить… А сажа придаёт материалу такой роскошный насыщенный чёрный цвет. Её, как вы понимаете, у меня тоже довольно…

— Ну а те статуэтки, которые нашёл Гай, самые первые, — подала голос матушка Иверри, — они всё-таки ценные или нет?

«Её нельзя судить за меркантильность, — устало подумал старик, — она всю свою жизнь моталась по грязным углам. И всякая возможность получить хоть что-то крупное разом, для неё, привыкшей к крохам, равносильна чуду. Обстоятельства, приходится признать, шлифуют характеры, и сильные тоже, просто им требуется больше времени, изо дня в день, из года в год… Даже самый непокорный зубец однажды сдастся, затупится, разгладится, словно ребро прибрежного голыша…»

— Самое ценное, что есть в любой вещи — это идея. Смолу можно расплавить, дерево сжечь, из золота отлить любую другую фигуру. А идея способна сделать человека богачом, если правильно ею воспользоваться, — ответил Друбенс.

На лице Гая читалась растерянность, Иверри досадовала на старика, что он, вопреки своему обещанию, ничего так и не купил. В костре сердито шипела брошенная ею отсыревшая тряпка. Как будто прочтя её мысли, гость достал кошелёк и отсчитал несколько

купюр.

— Возьмите, — сказал он.

Волшебники из сказок если и приходят ослепительно и нежданно к простым несчастным людям, то надолго не задерживаются. Жители дымного чертога одновременно поняли, что старик собирается уходить.

— А фигурки? — робко напомнила Иверри, — Вы можете забрать, какие понравились…

— Всё, что мне было нужно, я уже забрал, — ответил Друбенс.

2

Старичок с длинным зонтом мелкими шажками семенил по тротуару. Прямо над его головой по виадуку, грузно громыхая стальным скелетом, проехал трамвай. Большие города растут вверх, на земле уже становится слишком тесно. Куда ни глянь, в небе парят гигантские петли многоуровневых транспортных развязок. Здесь, на окраине, дома не очень высокие, и проезжая на автомобиле по серебристой ленте надземной автострады можно видеть их плоские серые крыши, опутанные густой паутиной проводов.

Небо так и не удосужилось проронить ни капли, и потому Роберто Друбенс привычно досадовал на себя за то, что несмотря на всё его могущество, ему опять не удалось угадать какая будет погода.

Магистр Белой Луны — именно так в далёкие времена на заседании Круглого Стола нарекли тогда ещё совсем юного Роберто. По традиции колдун получал своё Имя в день первого удачного Поединка. Обычно оно давалось исходя из проявленных начинающим чародеем способностей, в Имени образно запечатлевался его главный магический талант. С тех пор у Роберто Друбенса было немало времени поразмышлять о природе и назначении его Дара. Как никак, старик обретался на бренной земле уже почти четыреста лет. Возраст даже для мага весьма солидный. Умение видеть в каждом человеке лучшее, чего он способен достичь, наиболее полное воплощение его потенциала — Белую Луну, как значилось в древних книгах — ни в коей мере не казалось Магистру полезным ни ему самому, ни окружающим. В молодости, лет этак до ста, он очень сильно комплексовал из-за своей редкой и странной магической специализации, завидовал другим колдунам и мечтал научиться более понятным и применимым магическим ремёслам: целительству, управлению чужой волей, напусканию снов, контролированию стихий, дистанционному перемещению предметов и прочему. Он очень много читал, неустанно практиковался, и даже, несмотря на отсутствие необходимых талантов, достиг в очень многих областях магии значительных успехов. Его собственный Дар, которого он не понимал и не любил применять, помог ему таким образом стать магом-универсалом, а также долгое время быть Председателем Круглого Стола и каждый год для подтверждения своего права на столь высокое положение побеждать в магических поединках до тех пор, пока Круглый Стол — всемирное объединение практикующих Колдунов — не прекратил своё существование. В настоящее время Магистр Роберто Друбенс считался самым сильным из живущих чародеев, и хотя традиция магических поединков нынче была забыта, он продолжал пользоваться среди колдунов большим уважением.

Многие на его месте возгордились бы, но и тут Магистру Белой Луны пришёл на пользу его невостребованный магический Дар: его наличие не позволяло Друбенсу окончательно расслабиться и впасть в самолюбование — в глубине души пожилой колдун жалел о том, что не сумел овладеть своим даром до конца.

Магистр Лица Глядящего во Тьму, первый учитель Роберто, в своё время много говорил с ним о целесообразности предсказания будущего в разных областях жизни. У него тоже был Дар, который он почти никогда не применял, страшный Дар — старик умел видеть смерть: о каждом человеке, посмотрев ему в глаза, Магистр Лица Глядящего во Тьму мог сказать, какой способ изберёт судьба, чтобы прервать его земной путь.

— И каково вам молчать, зная, что стоящему перед вами суждено разбиться на мотоцикле, утонуть или погибнуть от взрыва бытового газа? — спрашивал Роберто.

— Я пытаюсь не видеть, — отвечал Учитель, — я бегаю глазами, шучу, смеюсь, а если мне всё же не удаётся избежать возникновения мыслеобраза, я тут же стараюсь его забыть.

— Но почему? Вы не пытались предупреждать людей о грозящей им опасности?

Магистр Лица Глядящего во Тьму грустно качал головой:

— Люди смертны, и мы не в силах этого изменить. В том, что я предупреждал бы людей о способе, не было бы никакого толка. Проникая в будущее, мы искажаем его, это правда. Ни одна из продуманных наперёд ситуаций не способна воссоздаться точь в точь. Но существует бесконечное количество вариантов, продумать их все — невозможно. Следовательно, любые предупреждения бессмысленны, и рассказав человеку о том, что он умрёт от бытового газа, я только сделал бы его неврастеником на всю оставшуюся жизнь. Он стал бы бояться плиток, зажигалок, трубопроводов, всеми правдами и не правдами старался бы избегать бытового газа, доводя это до абсурда, мучая себя и третируя окружающих, а в итоге газовая смерть всё равно настигла бы его в самом неожиданном месте. Судьба изобретательно обходит все наши проекты будущего.

— Ну а что вы думаете о моём Даре? Как я могу применять его? Может ли знание о Белой Луне помочь человеку обрести счастье?

— Смотря какому, сынок. Ты должен очень хорошо понимать людей, прежде чем решиться вмешиваться в тонкую материю их будущего. Любой врачеватель судеб ступает по извилистой и опасной стезе — стараясь помочь, слишком легко в неосязаемых тканях души что-то нарушить, испортить, здесь должен действовать основной принцип медицины — не навреди. Белая Луна ведь не есть нечто предопределённое, детерминированное, она всего лишь одна из бесконечного числа возможностей, вероятностей, причём наиболее удачная из них.

— А если, допустим, человек заблудился? Если он по каким-то причинам начал уходить в сторону от этой наилучшей вероятности, от своего таланта? Могу я ему помочь?

Магистр Лица Глядящего во Тьму снова покачал головой.

— В каждом случае решать будешь только ты сам. Помни — человек должен быть готов увидеть свою Белую Луну. Он должен пройти определённый путь, прежде чем начать реализовывать свои возможности. Кому-то требуется несколько лет проработать трамвайным кондуктором, чтобы обнаружить в себе душу композитора.

— А если человек совсем отчаялся? Запутался? Опустился? Могу я знанием о Белой Луне подбодрить неудачника?

Учитель печально улыбнулся.

— Чуткое у тебя сердце, Роберто. Хорошее сердце. Рубаху свою окружающим по нитке готов раздать. Опять же повторю то, что говорил раньше. Вопрос применять или не применять Дар колдун всегда решает наедине со своей совестью. Одного только убедительно прошу тебя не делать, впрочем, с твоей добротой, тебе вряд ли придёт такое в голову: никогда не открывай людям, чем они могли бы стать, но не стали. Для них нет ничего

больнее сожалений об упущенном.

— Но ведь в случае… как вы сказали… с кондуктором… Человеческая жизнь коротка, учитель, и разве не будет помощью этому кондуктору сказать, что он композитор? Ведь он больше успеет сделать за свою жизнь, полнее раскроет потенциал, если не будет терять время, отсечёт всё лишнее, оставив только призвание? Разве это не пойдёт на пользу делу? Разве у человека не появится тогда возможность достичь невероятных высот мастерства?

— Всё это верно, конечно, но… Момент поиска — необходимый элемент человеческой жизни. Без него никак нельзя. Человек должен выбрать своё будущее сам, а не принять как данность, без этого он не сможет его полюбить. Если он всегда будет идти в известную сторону и к известному результату, пусть даже по собственной воле — в этом всё равно будет некий элемент принуждения. Человек не будет чувствовать себя в полной мере свободным, а, значит, ответственным за свою жизнь, контролирующим её от начала и до конца. И в случае неудачи у него всегда останется вариант списать её на то таинственное предопределение, которое вело его по жизни — всякое знание о будущем или иллюзия такого знания делает человека слабее.

— Зачем тогда вообще нужен наш Дар, учитель? — чуть не плача, вопрошал юный Роберто.

Пожилой Магистр задумчиво молчал, поглаживая бороду.

— Чтобы хотя бы раз в жизни применить его с поистине великой пользой.

— И как я смогу понять, что наступил именно этот единственный момент, когда стоит применить Дар?

Учитель пожал плечами.

— На этот вопрос никто не ответит тебе, сынок. Я и сам пока ещё не дождался такого случая.

Много лет спустя Роберто Друбенс, на тот момент уже могущественный колдун, сидя у постели своего умирающего Учителя, старца трёхсот лет, задал ему вопрос:

— Помните, когда я был юн, вы говорили мне, что обладание Даром может быть оправдано даже одним единственным применением, если с помощью Дара удалось сделать что-то значительное. Вы уже имеете возможность подвести итог всей вашей жизни, учитель. Скажите мне теперь, выпадал ли вам хоть раз шанс достойно применить ваш Дар?

— Нет, — ответил Магистр Лица Глядящего во Тьму и с усилием улыбнулся, — Пропадал зря мой Дар целых триста лет. Никому я не помог, никого не спас. Но у меня есть ещё чуточку времени, чтобы поправить дело. Возможно, именно сейчас я сделаю своё самое главное предсказание, ВЕЛИКОЕ; смерть стоит у меня за плечом, думаю, не нужно быть провидцем, чтобы это констатировать… — старик снова улыбнулся. И улыбка на его осунувшемся потерявшем цвет жизни лице вышла страшная — тихая и почти злорадная: счастливо оставаться, дескать. На усохшей шее старика напряжённо дёрнулся плотный узелок кадыка, он прикрыл веки и заговорил:

— Я вижу вспышку… Яркую вспышку в будущем… — умирающий маг напрягся, было видно, как голубая жилка пульсирует на виске под истончённой выцветшей кожей; он поднял и положил поверх руки ученика свою руку в рыжих старческих пятнах. Ощутив её дрожание, Друбенс со стыдом признался себе в испытываемом отвращении и сделал над собой усилие, чтобы не отстраниться. Чужую смерть все, и колдуны, и люди, поневоле проецируют на себя, и её прикосновение не может быть приятным.

— На твоём веку, на твоём веку… явится ОН… — произнёс старик странным глубоким

не своим голосом, мощно вздрогнул всем телом и затих.

Магистр Друбенс понял, что он скончался.

Интонация, с которой было произнесено Магистром Лица Глядящего во Тьму местоимение «он», позволяла заподозрить невероятную значимость пришельца, чуть ли не божественность… Но поскольку никаких уточнений не последовало, Магистру Белой Луны самому пришлось догадываться, чьё же явление обещал ему учитель. Долгие годы он терпеливо собирал все возможные легенды, сказания, древние письмена, в которых возвещалось о пророках, гениях, вождях и всех прочих, кто не просто рождается, а именно ПРИХОДИТ в мир.

ЛЕГЕНДА ОБ ИСПОЛНИТЕЛЕ ЖЕЛАНИЙ

Если в мире существует идея чего бы то ни было: объекта, явления, живого существа, то это значит, что — либо где-то уже есть, либо обязательно когда-нибудь где-нибудь появится этот объект, явление, или существо. Таков закон взаимодействия материи и информации. Всякая идея, явившись в материальный мир, стремится овеществиться — стать объёмной, красочной, реальной… Это — её основная цель. А материя становится тем пластилином, из которого идея себя воссоздаёт.

Но сама по себе идея бессильна, будучи невещественной, она не способна воплотиться самостоятельно — ей нужен посредник — существо, погружённое одновременно и в духовный, и в материальный мир, способное установить связь между этими двумя принципиально различно организованными пространствами. Вселенная вырастила человека — венец своего творения, терпеливо собрала из космической пыли пригодную для него обитель, согрела её теплом одной из своих звёзд. Должно быть, Вселенная была так упорна и трудолюбива потому, что только в сознании человека, в этом прихотливом, так недолго, но пышно порою цветущем цветке, она смогла реализовать свою самую великую идею — идею Творца…

Человек — то самое связующее звено между материей и информацией, единственное существо, способное принуждённо объединять или разделять эти два мировых начала. Более того, разум человека может являться первоисточником информации — он способен генерировать идеи с целью преобразования материи в соответствии со своими потребностями. Путь от неосязаемого мыслеобраза к конкретному объекту долог и труден, человечеству потребовались тысячелетия, чтобы достигнуть современного уровня развития цивилизации. Множество жертв было принесено во имя прогресса — великой и единственной цели Вселенной… Люди с их хрупкими телами и пронзительно короткими по меркам мировой эволюции жизнями — лишь расходный материал для достижения этой цели — молоточки, скрепки и кисточки. Любая новая идея стоит неизмеримо больше, чем человеческая жизнь. Подобно тому, как, повинуясь инстинкту, пчёлы собирают мёд, люди, повинуясь воле разума к развитию, собирают и накапливают информацию. Каждый конкретный индивид рождается, чтобы привнести свою каплю в общую копилку. Удел человека — трудиться и страдать. Генерировать и воплощать идеи, отдавать идеям всё и превращаться в прах. И чтобы человек мог выдержать это поистине великое испытание, испытание собственной ничтожностью, не впав в отчаяние, не опустив руки и не предавшись животному разлагающему гедонизму, чтобы Цель была достигнута, Вселенная вооружила человека Желанием. Только тот, кто Хочет, способен преобразовывать материю.

Желание — первичный позыв к творчеству — основной инструмент человека, то долото, что позволяет ему обтёсывать окружающий мир под себя, делать его удобнее, красивее.

Животные не обладают Желанием в том смысле, в каком наделены им люди. Они живут, руководствуясь одной лишь природной необходимостью. Они не осознанны, они просто существуют в мире, принимая его и себя в нём как данность, они не могут ему навредить, но не приносят и пользы. Они не развивают мир.

В Желании человека изначально содержится позитивный смысл, импульс к непрекращающейся эволюции, и с тех пор как он перестал быть животным, человек непрерывно стремится к преобразованиям. Но, увы, не всегда его идеи созидательны и альтруистичны… Иногда человек начинает жить сиюминутными удовольствиями, трансформируя материю для развлечения, а не ради всеобщего блага. Порыв такого человека — маленькая царапинка на теле Вселенной… Желание — мощное оружие, и когда оно вырождается до капризов и прихотей — хорошего ждать не приходится. Желания, направленные не на развитие, а на деградацию не нужны Вселенной. Отступая от своей главной задачи — эволюции — она начинает разрушать себя изнутри. И чтобы приостановить этот процесс, спасти самоё себя, Вселенная начинает безжалостно истреблять всё, что мешает ей придерживаться единственно правильного пути — вечного стремления к совершенству…

Общество потребления — паразитарный организм на теле Вселенной. И когда в него вырождается какая-либо цивилизация, мироздание воспринимает это как болезнь, и, если выражаться терминами медицины, у него срабатывает иммунная система. Исполнитель Желаний — это то, что может противопоставить Вселенная вырожденным порывам людей, живущих сиюминутными потребностями и позабывших об универсальном благе.

Исполнитель Желаний — сверхсущество, способное мгновенно обращать в материю любую мысль — олицетворение бессмысленности бытия.

Общество потребления — идеальная приманка для Исполнителя Желаний. Люди сами призывают его, несознательно приближают его пришествие — каждую минуту в мире кто-нибудь чего-нибудь алчет агрессивно и жадно — вынь да положь! — и когда тёмная энергия эгоистической жажды обладания материей начнёт преобладать над лёгкой светлой энергией стремления к совершенствованию — Вселенная исторгнет Его — Колдуна Апокалиптической Силы — Исполнителя Желаний…

3

Магистр Белой Луны сидел в своём любимом глубоком кресле с высокой прямой спинкой, прикрыв глаза. Он не знал точно, какой именно по счёту день рождения у него в этом году, но, к счастью, помнил дату.

Ожидание — одно из самых неприятных переживаний, ибо оно, с одной стороны, вынуждает к бездействию, а с другой — терзает абсолютно бессмысленной тревогой о результате, на который, очевидно, ожидающий повлиять не в состоянии. Несмотря на почтенный возраст, Роберто Друбенс считал ежегодное чаепитие по случаю дня своего рождения чрезвычайно важным событием, и несоответствие самых незначительных деталей священнодействия его представлениям о том, каким оно должно быть, неизменно повергало прославленного мага в неистовство. В прошлом году Ниобу пришлось отпаивать своего учителя сердечными каплями из-за того, что одна из свечей на праздничном торте из-за сквозняка потухла чуть раньше, чем Магистр дунул на торт, загадав желание.

«Отрицание власти случайности тщетно», — прокомментировал тогда Ниоб,

естественно, в бороду. Не мог же он осмелиться поучать учителя, в самом деле?

Гости должны были прибыть с минуты на минуту, и Магистр Белой Луны, чтобы не прислушиваться напряжённо к каждому шороху в прихожей, применил одну из недавно освоенных им расслабляющих практик. Мысли его постепенно стали становиться длиннее, растяжимее, медлительнее — они перестали спонтанно перескакивать с одного на другое — их поток сделался сплошным — будто широкая спокойная река. Магистр Белой Луны и сам не заметил, как задремал по-стариковски в уютных объятиях своего любимого кресла.

Призрачная пелена, отделявшая сон от яви, внешний мир от внутреннего, всколыхнулась перед ним и, зарябив, осталась позади…

Магистр ощутил под ногами мягкий белый песок. Вокруг не было больше ничего. Лишь бескрайний океан песка.

Но должно же быть небо?

И Магистр поднял голову.

Он не успел понять, было это небо изначально, или появилось только что. Оно оказалось почти такое же белое как песок, но всё же чуть заметно розоватое, словно нежная внутренность речной раковины.

Мысли Магистра разбрелись — пожилой колдун попытался вспомнить, не забыл ли он выключить из розетки утюг на кухне перед тем как подняться в гостиную — Магистр Друбенс очень боялся пожара и электрических приборов вообще, но собственноручно прогладить свой галстук перед приходом гостей было для него священной традицией…

Но сквозь необыкновенно пленительную дрёму гипотетический невыключенный утюг впечатлил Магистра не особенно сильно.

Он опять посмотрел на небо.

В нём парили тонкие провода. Они ни за что не крепились. Нигде не было видно ни столбов, ни вышек. Провода просто были. Висели в воздухе. Сами по себе. И казались бесконечными.

«Но раз есть провода, то должны же они на чём-то висеть?» — решил Магистр.

В тот же миг на песке выросли ажурные вышки ЛЭП.

«Куда же ведут провода?» — подумал Магистр, и в ту же секунду осознал, что его вопрос не имеет смысла, а, если точнее, то здесь, в этом месте, где он находится, в принципе не имеет смысла задавать вопросы.

И Магистр просто пошёл вперёд…

Откуда-то издалека до него донёсся глухой стук.

Розовое небо порвалось на две части как детский рисунок — сквозь остатки тающей пелены перед Магистром проступили привычные очертания комнаты.

Входная дверь в этот момент с тихим звуком приоткрылась.

— Разрешите потревожить вас, учитель, — раздался осторожный голос Ниоба, — Гости уже приехали.

— Спасибо, я спущусь через минуту, — пытаясь подавить зевок, ответил Друбенс.

4

Последние сто лет чаепитие в день рождения Магистра каждый год проходило по неизменному сценарию. С разных концов города прибывало несколько знакомых колдунов, приглашения высылались заранее, и лица менялись — голубые конвертики с изображением торта получали те, кто соответствовал настроению Магистра в текущем году — собиралась тёплая компания, но не слишком шумная — от людей в большом количестве (и от колдунов

в том числе) у Роберто Друбенса начинала болеть голова. Гости являлись, проводили в непринуждённой беседе часок другой и, не нарушая приличий, вовремя расходились по домам.

Торт являлся обязательной частью мероприятия. Ритуал загадывания желаний и задувания свечей имел для Магистра особенное значение. Он утверждал, что праздничные желания весь год помогают ему поддерживать позитивный настрой и отличное самочувствие.

— Жаль, что они работают только до тех пор, покуда не сбудутся. Как воздушные шарики — один раз надул и — привет. Вся прелесть желаний — в ожидании их исполнения.

— Так вы загадывайте что-нибудь несбыточное… — посоветовал Ниоб.

— Совсем несбыточное тоже не годится. Нужно верить в возможность осуществления, искренне ждать его, иначе волшебного настроения не получится, понимаешь?

Торт обычно изготовлялся на заказ и прибывал по месту назначения в фургоне. Масса и площадь этого кондитерского чуда, дабы на нём уместилось соответствующее возрасту почтенного Магистра количество свечей, поражала воображение. Слава Богу, торговые агенты давным-давно перестали удивляться причудам клиентов, это избавляло Ниоба, неизменно занимающегося организацией торжества, от лишних недоумённых взглядов.

Только он помнил сколько Учителю лет. Со свойственной ему старательностью Ниоб ровными рядами расставлял свечи на праздничном торте. Они стояли необозримым строем, навытяжку, точно армия на параде, и поджечь их нужно было одним махом, ибо иначе те, которые загорелись раньше, успели бы полностью оплыть к тому моменту, когда была бы зажжена самая последняя.

Для этого Ниоб научился дышать огнём. С сосредоточенным лицом он вставал над огромным тортом, чуть наклонялся к столу и как дракон выпускал изо рта широкую ленту пламени, которая, накрывая свечи, одномоментно поджигала их все.

Так было и на этот раз. Блюдо с гигантским лакомством, поддерживаемое сильными волосатыми руками и особыми заклинаниями, торжественно вплыло в гостиную и было бережно установлено в центре праздничного стола.

Гости зааплодировали.

Магистр Белой Луны, облачённый в мерцающий плащ для детского карнавала и картонный колпак волшебника с серебряными звёздами, восседал на самом почётном месте. Вид у него был весьма довольный.

С серьёзностью мальчика-пятилетки этот почтенный старец прикрыл сначала глаза, мысленно сосредоточившись на своём желании, потом набрал в лёгкие воздуху и… дунул изо всех сил. Свечи погасли. Его остроконечная бородка оказалась немного подпалённой.

Гости снова захлопали в ладоши.

— С Днём Рождения, Магистр!

Ниоб тем временем неторопливо разливал чай. Рукава его пёстрого халата невесомо порхали над столом словно колибри.

— Вы прямо как маленький, Магистр! — рассмеялась Ехира, видная девица, облачённая в тесную до неприличия одежду, — Это так трогательно!

— Что же вы загадали? — спросила Эрин, озорная дымчатая блондинка со светло-серыми глазами.

— Разве вы не знаете, что заветные желания нельзя произносить вслух? Они могут не исполниться, — пояснил Магистр Друбенс, немного даже обидевшись. Его преувеличенная

важность выглядела весьма забавно при том, что кончик бороды случайно угодил в чай.

Эрин снисходительно и ласково улыбнулась.

— Иногда мне так жалко, что нам, практикующим магам, нельзя воспитывать детей… — вздохнула она. — Я бы непременно устраивала своему малышу праздник с маскарадом и большим тортом в День Рождения… Очень милая, на мой взгляд, традиция…

— Если бы у меня была дочка… — мечтательно прогнусил Курб, смешной толстый чародей в маленьких круглых очках, — Я бы наряжал её в пышные платья и покупал ей самые большие банты.

— Что поделаешь… — резюмировал Магистр, вонзая хищный кончик ножа в беззащитную нежную плоть торта. — Мы ведь не можем понять сразу: магами они рождаются или людьми. Так уж устроен мир — человечество ничего не должны знать о нас.

— Во всём нужно уметь видеть положительные стороны, — кокетливо заправив за ухо прядь волос, выступила Ехира, — не имея детей, мы не только лишены радостей, но и избавлены от проблем.

Только два человека за столом не высказались на предложенную тему — Ниоб, который традиционно не принимал участия в дискуссиях, и Теодор — очень бледный длиннолицый человек со страшными чёрными глазами.

— Вы совсем ничего не едите, — с многообещающим блеском в глазах, как ко всякому новому мужчине в своём окружении, обратилась к нему Ехира, — никогда не следует забывать о том, что простые телесные радости — это единственное, что способно достойно скрасить тоску необходимости существования.

Как будто в оправдание Теодор придвинул поближе чашку с остывающим чаем.

— А если бы рождение в этом мире было вашим добровольным выбором, вы бы разве от него отказались?

— Ваш вопрос содержит парадокс, Теодор. Как я смогла бы на него ответить, если бы не существовала? В этом и заключается наша драма — мы выбираем свою жизнь, и всё в ней, кроме одного единственного пункта — жить нам всё-таки или не жить… — Ехира эффектно потянулась, продемонстрировав собеседнику линию груди.

Теодор предпочёл отвернуться. Некоторая часть именинного торта, сочась ликёром, лежала перед ним на блюдце. Порывистым и как будто гневным движением он отодвинул её подальше.

— Вы аскет, как я погляжу, — сказала Ехира почти злорадно, грациозно втыкая десертную вилочку в свой кусок нежного лакомства, — Не любите сладкое? Бывает… Если бы пришёл Исполнитель Желаний, чтобы вы ему загадали?

— Он не придёт, — скрипнув зубами, процедил Теодор, — это всего лишь легенда.

На другом конце стола всё ещё говорили о детях, Ниоб, чтобы позабавить гостей несколько раз дохнул огнём и чуть не поджёг шторы. Дамы смеялись и шумно аплодировали. Магистр потирал пальцами виски — собравшееся общество уже начало немного ему досаждать. Поправить дело, вероятно, мог только четвёртый кусок торта.

— …У меня есть ребёнок, — прокатился в этот момент над столом звонкий голосок Эрин.

Разговоры стихли, и все гости изумлённо повернулись к ней. Десертная вилочка в руке Магистра Белой Луны на полпути зависла в воздухе — это означало крайнюю степень изумления. Он был таким сластёной, что отвлечь его от поедания лакомства мог разве только Конец Света.

— Где же он? — спросил Курб, забавно подоткнув пухлым коротким пальцем съехавшие слишком низко очки.

Эрин растеряно пожала плечами.

— Я давно не навещала их. Ведь любая маленькая оплошность может разрушить Тайну. Мой сын живёт в Городе вместе со своим отцом. Пока он был совсем маленьким и спал в коляске, я подолгу могла на него смотреть. А теперь мальчугану уже почти четыре года… и пока не станет ясно маг он или человек, я не могу объявиться — Эрин вздохнула, — Тайна гораздо дороже наших чувств и привязанностей. Все наши предки сохраняли её любой ценой…

— Как же это так вышло? — полюбопытствовала Ехира.

— Все знают, откуда дети берутся, — досадливо фыркнула блондинка.

Ехира удивлённо выгнула ярко нарисованную бровь и не постеснялась заметить:

— Существуют же противозачаточные заклинания! Меня они ни разу не подводили…

Ниоб недовольно сморщился, а Магистр отчеканил строго:

— Дамы! Посекретничаете потом, пока мы будем курить сигары.

— Ну почему же? — вмешался добродушный толстяк Курб, — Пускай Эрин расскажет свою историю, если без лишних тонкостей… Интересно же…

— И мне! — поддержал ещё кто-то из гостей.

— Ну, ладно, — смягчился Магистр, — коли без тонкостей, то пускай…

— Извольте… — начала Эрин, заправив пряди рассыпавшихся дымчатых волос за уши. — В наш гипермаркет, где я работаю начальником отдела «Рыба» устроился грузчиком весьма странный тип. Сначала он жутко меня раздражал, но вместе с тем в нём было что-то неописуемо притягательное. Мне стало любопытно наблюдать за ним. Первое время я даже полагала, что он не в себе. Знаете, иногда таких берут на работу — сумасшедших, но не буйных — на должности, не требующие умственной активности, такие, например, как грузчик или уборщица. Людей он сторонился, разговаривать с ним было сложно — он с трудом связывал несколько слов, и, ко всему прочему, он имел настолько неприятную внешность, что снисхождение до него женщины (если она не безумна и не пьяна) казалось событием поистине невероятным. Вот я и решила развлечься. Шанс побыть для кого-то по-настоящему добрым выпадает нечасто и им нужно пользоваться. Мне пришла мысль подарить ему ЧУДО. Он мечтал о девушке, появляющейся из стены дождя. Странный каприз, вы не находите? А мне это, как вы понимаете, было совсем не трудно…

ИСТОРИЯ ОБЫКНОВЕННОГО ГРУЗЧИКА ИЗ ГИПЕРМАРКЕТА

Дождь умеет писать хорошие книжки. Несколько слов, запятая, точка — капли на тротуаре — тук-тук-тук — и вот уже на асфальте целый роман. Дождь стал автором этой волшебной сказки.

Дирк был из тех, кого называют неудачниками. У него отсутствовали какие-либо таланты, он везде приходился некстати, точно непохожая пуговица взамен потерянной на пальто, был диковат, странен и, вдобавок, очень некрасив. Причём трудно было сказать, в чём именно заключалось уродство, конкретных недостатков, вроде врождённой кривизны чего-либо или увечья в Дирке не наблюдалось, но общее впечатление от разглядывания его складывалось сильно неприятное. Это признавали даже те, кто считали себя его друзьями. Им было приятно жалеть его и чувствовать себя добрыми и милосердными. Они даже

скинулись и пригласили Дирку на двадцатилетие проститутку, дабы бедняга смог вкусить недоступные ему радости бытия, но он не открыл ей дверь.

Дирк устроился работать грузчиком в гипермаркет. Больше ни на что его способностей не хватило. Он очень любил дождь, и ему нравилось, что в пасмурную погоду всегда можно выходить курить под широкий козырёк гипермаркета и подолгу стоять там, всматриваясь в серую штору ливня. Если не случалось ничего срочного, то за эти странные отлучки на Дирка почти не орали.

Он ничего ни у кого не просил. У него не было никаких пристрастий, и для жизни Дирку требовалось совсем немного. Ел он самую простую пищу и долгие годы ходил в одной и той же потёртой неряшливой одежде. Но зато у него была настоящая волшебная мечта. Он придумал её, и всю энергию своего существа, все духовные силы, всё самое прекрасное, что в нём содержалось, Дирк употребил на эту мечту. Он хотел, чтобы в один пасмурный и тёплый летний день, непременно так, к нему навстречу из стены дождя, не с улицы, а именно прямо из ливня вышла красивая девушка и полюбила его.

Когда-то он случайно купил на лотке в метро дёшево изданную карманную книжицу и прочёл. В сущности, это была довольно паршивая фантастическая повесть, но в ней содержалась эта удивительная идея — про девушку, которая появляется из дождя, из самого частокола струй — Дирка эта идея впечатлила невероятно; обнимая мужчину, дождевая девушка обвивала его со всех сторон прохладными струями своих длинных волос, и Дирку во что бы то ни стало захотелось это испытать…

Он понимал, что это невозможно. И девушка, свитая из дождя — всего лишь фантазия автора. Но он всё равно хотел. Желание порой становилось таким сильным, что ему удавалось побороть даже здравый смысл. И оно было единственным. Желание поглотило Дирка целиком, оно казалось чем-то более огромным, ценным и нужным, чем вся его бесцветная и унылая жизнь. Когда он думал о том, как всё случится, это было похоже на демонстрацию цветного кинофильма в полностью чёрно-белом мире. Желание полностью составляло счастье Дирка, но при этом никак не могло быть исполнено.

Он сам этого не осознавал, но олицетворял собою формулу идеального неудачника. «Всё или ничего» — лучший рецепт, если вы хотите всегда оставаться несчастным человеком. Мир прочно стоял на незыблемых основах своих физических законов и не собирался подчиняться глупым причудам. Дождь по-прежнему состоял из воды. Но Дирк всё курил и упрямо продолжал ждать чего-то под козырьком гипермаркета.

Правда, иногда он словно просыпался, и тогда собственное поведение начинало казаться ему жутким, странным. Он начинал подозревать у себя психическое расстройство, навязчивую идею, манию и даже несколько раз собирался обратиться в клинику, но так и не обратился. Подобные просветления случались с ним редко и длились недолго. Снова и снова возвращался он под излюбленный козырёк, закуривал, устремив вдаль свой странный, моментами совершенно бессмысленный взгляд — исчезал из внешнего мира, поглощённый своим настойчивым ожиданием невозможного. Он даже ни о чём не думал в это время, падая куда-то в бессмысленную и страшную глубину самого себя. Он просто ждал.

И наконец дождался.

В тот незапамятный день дождь хлестал особенно сильно, и из него, из самой сплошной серой стены, Дирк никак не мог ошибиться, он следил очень внимательно — ведь это было самое важное! — вышла девушка… Она приблизилась к нему, стряхнула хрустальные дождинки с длинных волос и засмеялась. А у Дирка даже не получилось обрадоваться — он

слишком долго ждал.

Она ласкала его пальцами — точно прохладные капли стекали по телу. Она шептала ему ласковые слова — будто негромкий ночной дождь шелестел по шиферу на старой даче, где Дирк мальчишкой проводил лето…

А потом у него появился ребёнок. Это случилось неожиданно: Дирк вернулся с работы и обнаружил на широком подоконнике плетёную корзину с младенцем.

Кто принёс её сюда?

Дирк приблизился к распахнутому окну и вопросительно заглянул в отвесный обрыв двенадцати этажей. Никто ему не ответил. Лишь ветер тронул занавеску, и зашуршал сильнее серый отвесный ливень.

Дирк отогнул кружевное одеяльце. Младенец был мальчик. Совсем маленький, нескольких дней от роду, с клочком сухой серой отмирающей пуповины. Он вскинул вверх тонкие голые ручонки со скрюченными пальцами и не заплакал даже — тихонечко заскрипел. Нежность взяла сердце Дирка в свои большие мягкие ладони. Он нарёк мальчика Эрном и стал воспитывать его как сына.

глава 4

1

Необыкновенная внутренняя самодостаточность, изначально отделившая Билла от других ребят, с течением времени обозначалась всё яснее, подчёркивая и углубляя его обособленность. Он так и не сумел влиться в среду пансиона, стать маленькой шестерёнкой большого слаженно действующего механизма. Но отчужденность Билла не была вынужденной, такой, как, скажем, отчужденность изгоя, подвергающегося всеобщим насмешкам. Автономное существование было его сознательным выбором, и потому оно вызывало у большинства ребят уважение, правда, смешанное с некоторым недоверием «странный он какой-то».

Значительная часть соучеников, однако, даже могла зачислить себя в приятели Билла. Он помогал кое-кому решать задачки, всегда находил какие-нибудь ободряющие шутки и истории, легко давал свои вещи — книги, плеер, музыкальные диски, если у него просили.

Однако ни с кем Билл не беседовал подолгу — пара минут и довольно — и не делился никакими личными переживаниями.

— Ты совсем не доверяешь людям? — спросил его мальчик из соседней комнаты, — почему ты ничего о себе не рассказываешь?

— Для чего? Разве кому-то это интересно? — Биллу даже в голову не приходило, что он чем-то может обогатить умы других ребят. Чем? Своими путаными отрывочными размышлениями о любви как об универсальном оружии в борьбе со вселенским злом? Или историей про девочку за калиткой? Или полумистическим рассказом про старика, молчаливого книжника и странную монетку, которая до сих пор валяется где-то у него в столе?

Мальчик-сосед пожал плечами.

— Но другие же рассказывают…

— И их выслушивают, зевая, — улыбнулся Билл, он давно заметил, что люди больше любят рассказывать свои истории, чем слушать чужие, — если я не стану много говорить, в мире будет просто меньше скучных историй.

— Но ведь встречается и то, что может понравится другому человеку? О чём он послушает и подумает с удовольствием?

— Обычно человека привлекает нечто, стоящее ближе всего к его собственным мыслям; нечто, наиболее созвучное его внутренней струне, его чувствам. Любой человек сам для себя — самая интересная личность. Ибо ничто другое он не способен полноценно осмыслить, а значит — и полюбить. Человек заперт внутри своей головы, у него нет выбора, и, будучи заложником этой изначальной единственности и неделимости сознания, он невольно восхищается только собственными отражениями во всех окружающих предметах.

— Умничаешь? — подозрительно осведомился сосед.

Билл улыбнулся и пожал плечами, в очередной раз убедившись, что, рассказывая о себе, скорее окажешься непонятным, чем обретёшь шаткий и в любой момент готовый уйти из-под ног островок сочувствия в таинственном океане чужого внутреннего мира.

Он по-прежнему чувствовал себя не на своём месте, и лучше всего было ему в дальнем уголке парка, возле старой калитки.

Биллу, конечно, временами становилось одиноко. Но дело было в том, что он в принципе не воспринимал одиночество, как повод для какой-либо грусти или беспокойства. Билл интуитивно понимал, что это вообще единственное возможное состояние человеческой души — и никогда не будет ничего другого — сколько ни пытайся приблизить кого-то к себе или приблизится к кому-то, никогда этому процессу не будет конца. Как нельзя вычерпать до дна маленькую ямку, вырытую на берегу реки — она наполняется снова и снова — так невозможно познать другого человека. А как нельзя познать, так нельзя и открыться — что бы ты ни сказал другому о себе, он поймёт это по-своему, и всё равно будет видеть не тебя настоящего, а лишь проекцию, образ, составленный по твоим словам его собственным воображением, чувствами, опытом.

Билл много думал о девочке, что проходила каждое утро с мамой по тротуару. Она была для него самым лучшим переживанием за всё время обучения в пансионе, и она же являлась олицетворением этого неистребимого внутреннего одиночества, открытого им в самом себе — ведь он вообще ничего о ней не знал, он выдумал всё от первого до последнего слова — но эти выдумки, как ему казалось, подтверждались каждой улыбкой, каждым шагом девочки — она всегда здоровалась с Биллом, кивком головы или лёгким взмахом тонкой руки в яркой осенней перчаточке — несомненно, Билл тоже существовал в её воображении в виде какого-то лирического героя, она ведь тоже совсем ничего о нём не знала, но так устроено сознание — оно поневоле стремится заполнить информационные пустоты радостными фантазиями и лучшими ожиданиями. В таком виде их отношения и существовали — Билл и загадочная девочка здоровались, улыбались друг другу через забор и что-то друг о друге воображали.

Много позже, став взрослым, он вспоминал такую свою первую бесплотную любовь с большой теплотой и полушутя-полусерьёзно признавался всем, кому рассказывал о ней, что это был самый лучший роман в его жизни.

2

Так же как и близкой дружбы, открытой вражды с кем-либо у Билла в пансионе не случилось. Явно недоброжелательно относился к нему только Десна, но их тихо тлеющему непрерывному конфликту всегда как будто немного не хватало пороху, чтобы взорваться дракой или скандалом. Обычно всё ограничивалось короткими зубоскальными перепалками. После случая с конфетами серьёзная ссора вспыхнула между ними лишь на третьем году обучения.

В классе был тихий паренёк по имени Ким, над которым едва ли не каждый норовил подшутить, пользуясь его безответностью, и таким образом самоутвердиться. Этому Киму очень сильно нравилась какая-то девочка, с которой он виделся на каникулах; иногда он сочинял и записывал в тетрадку романтичные и трогательные стихи для неё. Ким, разумеется, вообще никому их не показывал, в том числе и адресату. Ведь они порой стыднее, чем нагота, эти самые первые ранние любовные стихи, большей частью глупые и банальные, конечно, но наполненные невероятной нежностью, захлёстывающие, затапливающие ею — половодье нерастраченной сердечной весны…

И как-то раз Десна, решив в очередной раз поглумиться над Кимом, вырвал у него заветную тетрадку с драгоценной чувственной исповедью души и принялся декламировать вслух, язвительно и похабно комментируя каждое слово.

Билла неслыханно разозлили и бестактная самоуверенность, с которой зачинщиком была преподнесена жестокая шутка, и возмутительное молчание аудитории, одобрительные смешки — как будто бы так и надо, как будто бы и нет ничего предосудительного в таком

грубом взломе чужого сокровенного, — Билл видел, каким несчастным сразу сделалось лицо Кима, больнее этого, вероятно, ничего нельзя было придумать для бедного юноши, у него дрожал подбородок, он готов был разрыдаться — Билл подошёл и попытался вырвать у Десны тетрадку, тот сначала ничего не понял — собственное поведение казалось ему естественным, подумаешь, посмеялся над какими-то стишатами — чего кипятиться? — тетрадку Десна не отдал, попробовал подшутить над самим Биллом, но завязалась отнюдь нешуточная драка, последствия которой пришлось ликвидировать в кабинете медсестры…

А потом, когда наставники начали разбираться в происшествии, многие мальчики приняли сторону Десны, поскольку очень его боялись, и стали утверждать, будто бы драку затеял Билл. Отчасти это было правдой, он ничего не отрицал, но и не признавал за собой никакой вины — он ведь защищал несправедливо обиженного… Наказание, однако, пришлось принять суровое — пансион дорожил своей репутацией — драки до крови тут случались редко, и о них всегда незамедлительно сообщалось родителям воспитанников. Отец пообещал Биллу санкции на каникулах и сразу же бросил трубку, не желая выслушивать никаких оправданий.

Несколько дней спустя после этой истории с тетрадкой Ким подкараулил Билла одного и, схватив за руку, без слов горячо её пожал.

— Ты чего?..

— Извини, я… я тебе… очень благодарен… — запинаясь, проговорил Ким. Было заметно, что он так сильно не уверен в себе, так боится нарваться на презрение или насмешку — как будто заранее знает, что произведённое им впечатление окажется резко негативным.

Биллу стало жаль юношу, но и разговаривать с Кимом ему, надо признать, не слишком хотелось, интонации забитого одноклассника вынуждали его чувствовать себя королём, снисходящим до подданного, что было ему не особенно приятно. Закомплексованные люди даже не подозревают, что вызывают отторжение не как таковые, а именно открытым признанием своей никчёмности. И получается замкнутый круг.

— Пустяки. Я сделал это скорее для себя. Не мог равнодушно смотреть, — ответил Билл, неуверенно улыбаясь.

И тут Ким сделал неожиданную вещь. Достав из-за пазухи шоколадку, оставленную после полдника, он протянул её Биллу. Тот хотел было отказаться, из вежливости, как учили его родители, Киму-то, небось, и самому хочется полакомится, но, взглянув в широко-открытые доверчивые глаза юного поэта, он понял, что отказ принять преподнесённое от чистого сердца действительно может ранить очень глубоко… Особенно существо, уже успевшее испытать на себе все существующие виды отвержения.

— Хочешь половину? — спросил Билл, — отламывая несколько долек ароматного тёмного шоколада и отправляя их в рот.

С того дня между мальчиками завязалась не слишком близкая, осторожная, точно ходьба по льду, но всё-таки дружба. Одноклассники перешёптывались у Билла за спиной, они недоумевали, почему лучше всего он сошёлся именно с чудаком, предметом всеобщих насмешек, некоторые полагали, что это некая жертва, на которую Билл пошёл ради каких-то своих высоких идеалов. «Он же странный, чего вы хотите?»

Один мальчик решился спросить его:

— Ты что, дружишь с Кимом из жалости? По принципу «если не я, то — кто?»

— Нет. Просто так получилось, — был ответ, — я же не сестра милосердия. Мы просто

близки по духу.

Ким мало-помалу привыкал к тому, что Билл видит в нём не чучело, а абсолютно нормального человека — его робкая манера общения постепенно стала уходить — по прошествии времени Билл с удивлением обнаружил в себе желание поговорить с этим юношей о том, что его волновало. Тетрадку со стихами больше не вспоминали, но Билл чувствовал жгучий интерес к ней именно потому, что сама причина появления стихов — любовь — ещё в детстве стала для него объектом исследования — именно так — возможно, такое странное отношение к любви, к тому, что каждый человек должен познавать изнутри, а не снаружи, было обусловлено слишком ранним упоминанием о ней матерью — тот случай в песочнице раз и навсегда определил отношение Билла к любви — это нечто всесильное загадочное, драгоценное, вроде философского камня или универсального лекарства, и он, Билл, непременно должен это найти, чтобы — ни больше, ни меньше — помочь человечеству. Билл изучал любовь. Собирал любые сведения о ней, анализировал, сводил воедино. Он решился спросить об этом Кима:

— Ты знаешь, что такое любовь?

— Любовь — начало, способное пробудить в тебе поэта.

Ответ приятеля немного разочаровал Билла.

— А если я не хочу писать стихи?

Ким пожал плечами.

— Не хочешь — не пиши. Тогда ты, наверное, захочешь совершить поэтический поступок, или просто что-то хорошее. Для жизни. Ведь поэзия — это не обязательно стихи.

— Спасу кого-нибудь? — спросил Билл.

— Ну, например. Любовь не говорит тебе, что конкретно ты должен делать. Она только вдохновение. Как глоток энергетического супер-коктейля. Выпил, и хоть прыгай, хоть лети… Понимаешь?

3

В пансионе бытовало множество легенд: они передавались воспитанниками из поколения в поколение в течении всего времени его существования. Самой знаменитой и романтической из них была легенда о призраках пажей. Давным-давно в зданиях, которые занимали теперь учебные и жилые помещения пансиона, располагался королевский пажеский корпус. Но потом, во времена революции, корпуса были захвачены. Легенда гласила, что в ночь государственного переворота воспитанники пажеского корпуса, не желавшие сдаваться представителям новой власти, спустились по лестнице вниз, в подземелье, и бесследно исчезли. Одни говорили, что им известен был тайный подземный тоннель, миновав который, они вышли на поверхность и отправились за границу. Другие утверждали, что пажи просто-напросто замуровались в подвалах корпуса и умерли там от своей невозможности принять грядущие перемены, но сторонники как первой, так и второй версии событий единогласно подтверждали, что будто бы в наши дни по ночам иногда в полной тишине можно услышать шаги на лестнице — много-много маленьких ног торопливо стучат по ступенькам, спускаясь вниз — словно в самом деле мальчики-пажи снова и снова, как в ту роковую ночь, маршируют по гулкой каменной лестнице в подвал.

Билл в привидения не верил. Однако слышать загадочные шаги ему случалось. Он предположил, что это кто-нибудь из воспитанников записал их на магнитофон и крутит по ночам, чтобы пугать ради забавы младшеклассников или даже сверстников, нагнетая в пансионе атмосферу потусторонней жути.

Билл во что бы то ни стало хотел разоблачить ловкого иллюзиониста, разыскав секретный магнитофон. Вместе с Кимом они осматривали все возможные и невозможные места, где по их нехитрым расчётам он мог бы быть спрятан, даже поднимались на чердак, хотя это было строго-настрого запрещено, и, если бы их кто-нибудь заметил, то они лишились бы нескольких сладких полдников — но магнитофон так и не обнаружили.

Извечное стремление Билла доискаться истины и любым способом выстроить логические связи между событиями, подтолкнуло его к выводу, что шаги пажей могут быть чем-то вроде коллективной галлюцинации, возникающей из-за сильной убеждённости особо впечатлительных натур в правдивости легенды о призраках. Проще говоря, каждый из воспитанников лежит перед сном в своей постели, невольно ожидая, когда раздадутся шаги, и, в конечном итоге, начинает их слышать, а поскольку любому воспитаннику хорошо знакома конфигурация лестницы — он запоминает её бессознательно, спускаясь и поднимаясь по несколько раз в течение дня — его мозг легко моделирует ритм воображаемых шагов в соответствие с конфигурацией лестницы. А наутро так интересно делиться своими впечатлениями с друзьями! И даже те, кто ничего не слышал, внимая рассказам остальных, задумываются: наверное, это с ними что-то не в порядке, раз все слышали, а они — нет. И потом, на следующую ночь, они старательно пытаются тоже услышать — и слышат же!

Впервые задумавшись всерьёз о сущности мыслительного процесса, Билл понял, что мысль зримая, завершённая и оформленная — есть лишь очень малая часть того, что называется сознанием — такие мысли плавают на виду как льдины на поверхности океана, бездна которого скрыта, загадочна и темна… Но именно в этой непостижимой неощутимой глубине сознания, постепенно сгущаясь, концентрируясь, уплотняясь, подобно облакам звёздной пыли на просторах галактики, зарождаются идеи…

Собственная неполная, неокончательная осознанность немного испугала Билла. Но вместе с тем, он поражён был удивительной связью мышления с внешней реальностью, связью не всегда очевидной, но стабильной — ему представлялось, что его разум словно тонюсенький ветвящийся корешок с каждым днём врастает всё глубже в бесконечно щедрую благодатную почву Вселенной. И ещё он понял, что вокруг каждого человека, хочет он того или нет, существует нечто вроде сферической оболочки, радужного мыльного пузыря, сквозь стенку которого можно видеть все предметы, но лишь в той мере, в какой позволяет видеть их нежное струящееся по поверхности оболочки полупрозрачное марево иллюзий…

4

Тяжёлая решётка калитки, возле которой Билл проводил столько времени — его маленькое окошечко во внешний мир — она вполне могла стать и дверью. Он очень хорошо помнил тот день, когда впервые ему пришла мысль о побеге. Стояла тёплая дождливая весна, и Билл ощущал не то чтобы тоску и безвыходность, ему в пансионе не было плохо, нет, просто в какой-то момент он осознал необходимость перемен. Он стоял под мелким дождём и смотрел на улицу, по которой шли люди. Стоял и смотрел точно так же, как и много раз до этого. Но всё же сегодня что-то было иначе. Самые главные перемены всегда происходят внутри нас. Билл неожиданно понял, что там, за спиной, в коридорах, в классах, в маленькой скромной жилой комнате ученика его ничего не ждёт. Он, конечно, может туда вернуться, а потом приехать домой с дипломом, устроится на хорошую работу и прожить ту благополучную жизнь, которую видят в своём воображении окружающие — бабушка, мама, отец… Он, Билл, несомненно способен навсегда превратиться в героя их фантазий, в

вечного заложника их ожиданий… Но что-то подсказывало ему, что это неправильно. Он стоял под мелким дождём у запертой калитки и смотрел на тротуар, изгибающийся и попадающий вдали, на свою первую настоящую дорогу в жизни, на внезапно открывшуюся ему дорогу, ведущую не к чужому, а к его собственному будущему, на дорогу, ступив на которую, он должен будет остаться один. Совсем один. Отец никогда не простит ему побега из пансиона, бабушка будет ахать и охать, мама… Билл вздохнул. Маленькая слезинка быстро скатилась по его мальчишеской нежной щеке. Он достал из кармана ножовку, на днях прихваченную из кабинета труда, и принялся энергично пилить толстую дужку старого заржавленного замка.

Две стороны свободы — беспредельность возможностей и полнота ответственности за каждый шаг. Немногие решаются на это. Самое первое, что чувствуешь, оказавшись на свободе — это страх. Теперь не у кого просить помощи и совета, некому пожаловаться на несправедливость судьбы, потому что отныне ты творишь её сам, и, увы, нет больше оправданий твоим ошибкам… И Билл испугался бы, и заплакал бы, и вернулся… Если бы не эта загадочная внутренняя убежденность, что именно сейчас он всё делает правильно.

Прикрыв калитку и кое-как приладив спиленный замок — чтобы не сразу заметили — он закинул на одно плечо старенький рюкзак со скудными пожитками подростка, этими дорогими сердцу, но совершенно бесполезными для выживания мелочами — любимыми дисками, дареными книгами и странными сувенирами — стариковой монеткой, фотографией Кима со стихотворением на обратной стороне, ножовкой, оставленной на память. Ну, всё, готов. Оглянувшись в последний раз на закутанные белесой пеленой моросящего дождя корпуса пансиона, он вышел на тротуар и уверенно зашагал вперёд.

5

Первым чувством, охватившим Билла, когда он в полной мере принял груз своей свободы, оказалась, как ни странно, грустная и нежная тоска обо всём оставленном за порогом, о доме, о детстве. Он ощутил острое желание хотя бы издали взглянуть на окна квартиры родителей, прогуляться по тихим улочкам кварталов, где вырос.

Опасаясь быть узнанным, Билл шёл по тротуару крадучись и озираясь, словно человек с манией преследования или неспокойной совестью. Остановившись возле знакомой булочной на углу, он по старой привычке потянул носом. Восхитительный аромат только что испечённой сдобы! Случалось, возвращаясь со школы, он покупал себе на завалявшуюся в кармане мелочь румяный бублик или сайку. У Билла жалобно заурчало в животе. Сейчас уже почти семь часов, мама, наверное, накрывает к ужину — отец должен прийти с минуты на минуту… Мальчику явственно представился в этот миг стол в гостиной, аккуратно разложенные приборы, уютный свет лампы… Начинало смеркаться, словно по мановению руки незримого волшебника, разом зажглась длинная вереница фонарей. Билл плотнее запахнулся в курточку и побрёл дальше, мимо дома, мимо родных окон, мимо своей жизни. Неизвестно куда. Дойдя до конца улицы, он вспомнил ещё одно место, куда из уважения к прошлому обязательно нужно было заглянуть.

Заметив юрко снующий за стеклом знакомый тоненький силуэт Билл сунулся в окошечко ларька. Купить он ничего сейчас не мог, и от этого чувствовал лёгкое стеснение.

— Привет, Магдалена.

— Привет, ты откуда? — она удивилась, но, кажется, обрадовалась.

Девчонка сунулась в маленькое окошечко навстречу ему, и у Билла появилась возможность получше рассмотреть её после долгой разлуки.

Взглянув на старую знакомую в первый раз он понял, что в ней что-то изменилось, но не сразу догадался что именно. Ага! Она покрасила волосы. Теперь её русость напоминала о себе лишь длинными участками отросших корней; ниспадающие по плечам и беспорядочно заправленные за уши пряди были осветлены.

— Ты же вроде как говорил, что появишься только на каникулах.

— Да, но…

— Что-то случилось, — в глазах Магдалены маленькими искорками промелькнуло неподдельное беспокойство. Какая всё-таки милая девочка! На какого-то там парня, иногда приходящего за шоколадками, и не наплевать. Удивительная чуткость. Билл почувствовал благодарность.

— Я сбежал.

— Как? — её глаза округлились от изумления.

— Просто. Не хотел больше оставаться и ушёл.

Магдалена потрясенно замолчала, и Билл продолжил немного виноватым, просительным тоном.

— …и теперь мне нужно где-то переночевать. И твой ларёк — неплохой вариант.

Магдалена замялась.

— …переночевать? это странная просьба, я не могу. Мама доверила мне ларёк не затем, чтобы я пускала туда всяких…

— Ну, я же не всякий…

Магдалена посмотрела на него с сомнением. Билла она не столько знала, сколько чувствовала — он хороший парень. Но всегда ли можно доверять собственным невнятным ощущениям, не подкрепленным никаким опытом? Да, конечно, он каждый раз приносил мелочь, если оставался должен. Он никогда не забывал поздравить Магдалену с праздниками. Он аккуратно одет, значит, из приличной семьи… Но является ли это достаточным основанием…

— Ну, пожалуйста, мне нужно поспать где-то одну ночь, а назавтра я уже что-нибудь придумаю… Прошу тебя, не дай мне закоченеть на мокрой парковой скамье. Ты же добрая, это по глазам видно…

— Не пущу, — чувствуя готовность уступить, упорствовала Магдалена, — откуда мне знать, вдруг ты ночью вынесешь из ларька половину товара или просто съешь сколько в тебя влезет шоколадок?

Билл рассмеялся.

— Просто поверь мне.

— С какой радости? Моя мама учила меня не доверять незнакомцам.

— Но я ведь почти знакомый.

— Недостаточно, — деловито возразил она.

— Так давай сильнее познакомимся, тогда станет можно мне верить.

Магдалена посмотрела на него беспомощно, как смотрит девушка на чересчур настойчивого ухажера.

— Ну, а если я всё равно тебе не поверю?

— Что нужно, чтобы ты поверила? Кому ты веришь охотнее: бородатым мужчинам под сорок, пацанам в кепках козырьком назад, толстым тётенькам с большими пакетами? А кому наоборот, заведомо не доверяешь? Бритоголовым? Личностям в тёмных очках?

Магдалена пожала плечами и рассмеялась.

— Не знаю.

— Ну вот, — с надеждой продолжил Билл, — значит, меня уже нельзя причислить к группе «опасных типов» знаешь, по-моему, доверие — это такая штука, где не может быть никаких готовых рецептов. Тут можно только попробовать…

— И всё-таки я не могу, — девочка выглядела расстроенной. Чувство долга боролось в ней с состраданием. На парковой скамейке… Подумать только… — Тебе правда совсем некуда пойти?

Билл помотал головой.

— А твои родители? Вы поссорились?

— Вроде того… — уклончиво ответил Билл. Взгляд его всё время утыкался в пятна темнеющих корней волос на её головке — это выглядело так вопиюще дёшево, но так трогательно именно на ней. Ресницы Магдалены были накрашены чёрной тушью, они круто загибались наверх и местами слипались.

— Родители — единственные люди, которые простят тебе всё, что угодно, надо только с ними правильно поговорить… Твои, я уверена, тоже тебя простят. Они же тебя любят. Когда я убежала из дома к Эдвину, моя мама…

— Это немного другое. Есть на свете одна вещь, которую родители не могут простить как раз потому, что любят. А именно — когда в тебе рушатся их надежды. Это самое страшное, чем вообще человек может угостить своих предков…

По лицу Магдалены Билл догадался, что она ничего не поняла, но это не лишило её участия. Девчонка вздохнула.

— Ну ладно. Раз уж у тебя всё так тухло… Я придумала как тебе помочь.

Она открыла боковую дверь и выпустила Билла в тёплый тесный ларёк.

— Я останусь здесь с тобой. На всю ночь. — И добавила немного виновато, — чтобы ты ничего не съел…

— Как же твоя мама?

— Она и не заметит, что меня нет. Она очень крепко спит, особенно если выпьет, а это случается нередко. А даже если она и обнаружит моё отсутствие, то решит, что я у Эдвина. Да и какая ей разница уже? Я практически замужем…

— А сам Эдвин?

— Он сегодня в ночную смену.

Отогреваясь, Билл чувствовал небывалое блаженство во всём теле. Ему казалось, чтс нигде и никогда ещё не было так хорошо, как здесь, сейчас — пусть сидеть на перевёрнутом ящике из-под овощей не слишком удобно, мешают длинные согнутые в коленях ноги, да толпятся повсюду коробки со всякой всячиной — но после дождливой ветреной весенней улицы — и это рай. А к плечу Билла, от нехватки пространства — от чего же ещё? — робко приникло хрупкое плечико девчонки.

— Так и посидим, — сказала она шёпотом, — только свет погасим, когда я закрою…

— Магдалена… — тихо позвал Билл в темноте. Глаза ещё не успели привыкнуть, он ничего не видел, но чувствовал, что она где-то здесь, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Девчонка заперла дверь, немного повозившись с засовом, пошуршала какими-то пакетами, и, судя по движению воздуха, тоже села на ящик. Только теперь чуть дальше от Билла, чем минуту назад.

— Все зовут меня просто Леной, — забормотала она, застенчиво ускоряя свой и без того сбивчивый милый говорок, — и ты тоже зови… Я сама привыкла уже. Лена да Лена.

Мне стыдно делается, когда произносят моё полное имя…Слишком длинно получается, и как-то… чересчур величественно… что ли… Я этого не стою.

6

Он даже не понял, как всё случилось. И теперь ему было до того неловко, что он не решался взглянуть на Магдалену, Биллу казалось, что тихий свет её лица будет резать глаза, точно яркое солнце…

Как же так вышло?

Наступила ночь, дождь усилился, в тёмном ларьке постепенно становилось свежо, и они просто жались друг к дружке, чтобы согреться… Подростки чаще занимаются любовью не от подлинной страсти, а именно от такого неосознанного боязливого и трогательного желания теплоты другого тела, мягкой, тесной, родной теплоты, похожей на ту, что ощущают дети, прижимаясь к материнской груди…

В спёртом шоколадно-табачном воздухе ларька смешивались струйки их дыхания. Ближе. Ближе. Волосы Магдалены на ощупь оказались сухими и жёсткими, как у куклы. Лицо тонко пахло пудрой. Маленькие пальцы стыли. И во всей этой её ранней искусственной взрослости было что-то болезненно жалкое, наивное, милое.

Ещё ближе… Он как будто бы немного помедлил, перед тем как начать длиться, этот момент, обрывающийся в неизвестность, полный нежного отчаяния и бесконечной благодарности. Щёки их соприкасались. Биллу было жарко и очень стыдно. Она, конечно же, обо всём догадалась, ведь у неё это было уж точно не в первый раз, погладила Билла по волосам, ободряющим ласковым и чуть насмешливым зрелым женским движением.

7

Билл знал, что на Большой Книжной Ярмарке постоянно требуются грузчики. Он всякий раз замечал, бывая там после школы — в торговых помещениях повсюду: на дверях, на стенах, на стендах в проходах — висели эти объявления. Работы было слишком много, брали всех. Даже без документов. Нелегальным мигрантам даже разрешали иногда ночевать на территории ярмарки. Заработная плата была сдельная, на руки. И в середине дня работников склада обеспечивали горячей едой, не слишком конечно, обильной, как правило, это была каша с какими-нибудь паршивыми потрохами, но дымилась она уютно и пахла вкусно. Билл решил, что Книжная Ярмарка — неплохое место. Для начала. Здесь его, скорей всего, не станут ни о чём спрашивать. Старшеклассник пришёл подзаработать на цветы для своей подружки. Вполне приемлемая легенда.

Администратор, однако, оглядел парня весьма пристрастно:

— Лет сколько?

— Шестнадцать, — Билл решил немного себе прибавить, чтобы не вызвать излишних подозрений, благо внешность позволяла, физически он был развит очень хорошо, и уже почти оформился как мужчина.

— Родители есть?

Кивок.

— Учишься?

Снова кивок, но уже не такой уверенный. Билл не любил врать: такое чувство потом, когда вспоминаешь — точно надел неудобную одежду. Не свою.

Администратор закончил составлять карточку и деликатно выпроводил парнишку из кабинета, посоветовав ему обратиться за инструкциями к другим грузчикам, «старожилам». Те кучковались с сигаретами на лестничной площадке и, заприметив «новенького», весьма

грубо велели ему немедленно приступить к работе.

Билл не стал спорить.

Первое время приходилось туго. Он обливался потом, нежные не привыкшие к тяжестям руки так и норовили выронить ящик, острые углы коробок больно впивались в ладони, в живот, в коленки. Но юноша не сдавался. Это стыдно — вернуться домой не соскучившимся странником, а жалким сражённым трудностями маменькиным сыном. Он продолжал таскать ящики и между делом наблюдал за ярмарочными торговцами и покупателями — он надеялся встретить среди них молчаливого человека в чалме или загадочного старика с остроконечной бородкой. Однако ни тот, ни другой так ни разу и не попались ему на глаза.

Секция с эзотерической литературой по-прежнему существовала, но за прилавком теперь стояла незнакомая молодая дама. Билл к ней не подходил. Стеснялся. Что-то внушало ему смутные опасения — то ли чрезмерная дерзкая яркость её лица, то ли глубокий грудной голос, то ли улыбка — неизменно зазывная, если ей случалось разговаривать с мужчиной.

Ночевал Билл вместе с нелегальными мигрантами во временно пустующем помещении одного из складов. Он устроил себе постель по примеру остальных, застелив перевёрнутые вверх дном ящики найденным на свалке толстым драповым пальто. Перед тем как заснуть, Билл каждый день вспоминал Магдалену. Днём ему было некогда думать о ней долго, обычно он ограничивался тем, что останавливался, шёпотом проговаривал имя девушки, медленно и ласково, а затем снова принимался за работу. Только вечером, вдоволь наевшись булки с молоком, забравшись в ворох тряпья в своём спальном гнёздышке и оставшись один на один с собой, он давал волю воображению. Билл вдохновенно мечтал о том чудесном дне, когда, подзаработав денег, снимет жильё, купит самое красивое кольцо и предложит девушке пожениться. Обычно он не успевал проиграть всю свою очаровательную фантазию до конца — крепкий молодой сон забирал его.

В течение торгового дня продавцы иногда просили Билла срочно принести что-то со склада лично для них или помочь выложить товар из ящиков. Хотя это и не входило в его обязанности, он никому не отказывал; продавцы тоже обычно не оставались в долгу — кто украдкой совал ему в карман шоколадку, кто нашёптывал хорошее слово администратору, а некоторые — это радовало Билла особенно — даже дарили книги — какие-нибудь негодные: мятые, случайно порванные или запачканные при погрузке. Но всё-таки это были книги. И богатства, таящиеся в них, ничем не могли быть обесценены.

Суетным утром дня поставок, Билла, пробегающего мимо, неожиданно окликнула дама из секции эзотерической литературы. Товара было очень много. Улыбаясь приветливо и чуть рассеянно, она стояла среди громоздящихся в несколько этажей коробок с новыми книгами на продажу.

— Не поможешь?

— Да, конечно. Показывайте, что делать.

Она грациозно перешагнула через коробку, продвигаясь вглубь секции, и Билл ощутил непривычные навязчивое желание смотреть ей вслед — на туфлю с острым каблуком, которой она мимоходом задела одно из «ушек» коробки, на округлые икры, кажущиеся пластмассовыми в играющих бликами капроновых колготках, на тугие ягодицы под узкой чёрной юбкой. Билл встряхнул головой, точно пытаясь прогнать наваждение. Он схватил первую попавшуюся коробку и, не поднимая больше глаз на хозяйку секции, принялся аккуратно и быстро выкладывать книги. Ему хотелось поскорее выполнить поручение и уйти — собственная реакция на эту женщину немного испугала его.

Между тем она поставила рядом со стеллажом маленькую складную стремянку, поднялась на две ступеньки и, тихонько напевая, принялась расставлять товар на верхних полках. Билл не смог пересилить себя и украдкой залюбовался её ногами — снизу они казались ещё длиннее, чёрная туфля впивалась в деревянную ступеньку тонкой-тонкой высоченной шпилькой.

— Вы не упадёте? — участливо спросил Билл. Ему казалось, что в такой обуви и на земле-то стоять — проблема, не то что на стремянке, — хотите я туда поставлю?

Книжница, заправив за ухо прямую и блестящую, как капроновая ленточка, прядь волос кокетливо рассмеялась.

— Ну, поставь…

Теперь она стояла внизу и, вытягивая руки, подавала Биллу книги из стоящих на полу коробок. С этого ракурса ему прекрасно был виден пологий нежный подъём её грудей в глубоком вырезе бледно-жёлтой шифоновой блузки. Билл уже сожалел о своём решении поменяться с нею местами. Он замечал каждую жилку на шее девушки, ключицы, обозначающиеся резче всякий раз, когда она протягивала ему книги, бликующие пряди волос оттенка корицы, скатывающиеся с плеч, когда она нагибалась… В какую-то секунду у него закружилась голова, и бедняга чуть не сверзился со стремянки. Мама-дорогая…

Наконец книги были расставлены. Но Билл уже не ощущал той лёгкости освобождения, которую предчувствовал в начале. Теперь ему хотелось, чтобы всё это длилось, длилось, не отпускало его, чтобы она снова и снова нагибалась, выпрямлялась, протягивала ему книги, и рукава лёгкой блузки скользили вниз, обнажая тонкие предплечья… Книжница сдержанно поблагодарила Билла и занялась подошедшим покупателем, и ему ничего не осталось, как отправиться дальше по своим делам.

Покинув торговый зал, Билл привычно начал спускаться по широкой каменной лестнице на склад. Но что-то было не так. Будто бы с ним произошло минуту назад странное незаметное превращение, и внутри оказалась вдруг небольшая, но несомненно лишняя деталь — точно булавка на изнаночной стороне рубахи — колет вроде, а сразу и не сообразишь в чём причина.

Весь день мысли о даме из секции эзотерической литературы не шли у него из головы. Против воли, перед внутренним взором возникали различные картины: вот она потянулась к самой верхней полке, изогнулась, и лёгкая кофточка, приподнявшись, обнажила полоску золотистой кожи на животе, или вот она стоит и беседует с покупателем (теперь, выходя в зал, Билл всегда старался найти её глазами), доброжелательно улыбается, кивает, щуря свои миндальные глаза, а её тяжёлые шоколадные волосы, переливаясь в свете ламп, медленно колыхаются точно царская парча.

После закрытия ярмарки Билл подошёл к ней снова. Торговый зал был охвачен обычной для конца рабочего дня суетой: секции закрывались, продавцы спешно укладывали свои книги в ящики и накрывали прилавки плёнкой. И это выглядело почти естественно — снова предложить хрупкой симпатичной продавщице свою помощь.

— Ну, помоги… — как будто удивлённо согласилась она.

Билл сосредоточенно принялся за дело. Он быстро собрал книги с прилавка, аккуратно — одна к одной — уложил их в коробки, которые затем составил одна на другую возле стеллажа. Продавщица всё это время наблюдала за ним, медленно покручивая пальчиком ленточные пряди своих упругих волос, юноша так старался, что её вмешательство в процесс, казалось, было бы совершенно лишним. Расправив изрядно уже потрёпанную клетчатую

клеёнку, Билл накрыл ею прилавок — это стало финальным аккордом.

— Спасибо, — книжница поощрила его рвение загадочной полуулыбкой. Она, вероятно, давно догадалась, что одними словами благодарности тут не отделается.

— Да не за что… — пробормотал Билл, сквозь горячую волну, прихлынувшую к лицу, — Я хотел… Может быть, вас проводить…

Слова шли с языка очень неохотно. Каждое — словно рождалось: болезненно и трудно. В голове у Билла было пусто и гулко как в барабане.

— Ну, проводи… — кокетливо хихикнув, как всякая женщина, чувствующая явную склонность к себе, легко согласилась таинственная книжница.

По дороге они много молчали. Разговор едва теплился и потухал как костерок из мокрой щепы. Это мучило Билла. Он теперь явственно понимал природу силы, которая столь неудержимо влекла его к этой красавице с гибкими, текучими линиями тела, и стыдился её грубой очевидности. Разговор мог хотя бы незначительно замаскировать цель их сближения, но выстроить его было почему-то невозможно. Билл привык думать, что воспитанные девушки решительно отвергают знакомства подобного сорта, поэтому спокойная и весёлая готовность книжницы слегка его настораживала.

Район, куда привела юношу молчаливая искусительница, граничил с бедными кварталами, её дом с палисадником, красиво обсаженным сиренью и цветущим белым шиповником, был самым крайним, и дальше — за резной металлической оградой — начиналась совсем другая жизнь: на противоположной стороне улицы стояли уже не комфортабельные небоскрёбы с дизайнерскими фасадами, а одинаковые блочные домишки с квартирами эконом-класса.

— Мы пришли, — сказала она, остановившись около высокой стилизованной под старину двери подъезда. — Доброй ночи, спасибо, что проводил.

Биллу показалось, что, произнося это, она совершенно не верила, будто он тоже пожелает ей сейчас приятных снов, а затем спокойно уйдёт. И он только сейчас вспомнил о том, что ярмарка уже закрылась, застеленные старым пальто ящики на складе не ждут его нынче, и ночевать ему придётся, скорее всего, на вокзале. Выбора у него не было. Биллу пришлось сознаться книжнице в своей нечаянной бесприютности.

— Вот как! — со странной весёлостью, и как будто даже не удивившись, воскликнула она. — В таком случае зайдём. Я буду рада.

У очаровательной плутовки была большая хорошо обставленная квартира с высокими потолками и окнами-арками. Она пригласила гостя в просторную, отделанную деревом и мраморной плиткой кухню и налила в широкие глиняные пиалы неизвестный пахучий пряный отвар.

Билл по-прежнему пытался найти хоть какие-то слова для беседы, дамочка, казалось, слушала вполуха; будоража воображение далёкой блуждающей улыбкой, она медленно пила отвар, поигрывала браслетом или волосами, демонстрируя женственное безразличие к длинным рассуждениям. Не желая смириться с тщетой своих усилий, Билл насупливался и опускал голову, всякий раз как назло утыкаясь взглядом в круглую пуговицу соска под тонкой тканью её блузки. Некоторое время она забавлялась, наблюдая его отчаянную борьбу с могущественными силами природы, а потом, внезапно заскучав, допила отвар одним глотком, и решительно поставив пиалу на стол, произнесла:

— Если нам больше нечего сказать друг другу, то спальня — дальше по коридору.

Так возможность сомневаться в том, что его отвратительные намерения ясны и

бесстыдно одобрены, была утрачена Биллом окончательно. Погасив коротким дуновением ароматическую свечу на столе, хозяйка поднялась первая. Серый дымок с нежным ароматом поплыл над столом, покачиваясь на волнах воздушных потоков. Она улыбнулась Биллу через плечо и пошла, пересекая прохладный полумрак просторного помещения. Он лунатически последовал за ней. При каждом шаге круглые бёдра книжницы тесно натягивали плотную узкую юбку. Биллу казалось, что вся одежда сейчас лопнет на ней словно кожица перезрелого плода, чтобы высвободить наконец горячую и сочную мякоть порока, из которой она состоит… А когда книжница повернулась, лизнула свой указательный палец и вложила его кончик в нежную ключичную ямку между лепестками распахнутого ворота старенькой рубашки Билла, по телу его прошла медленная, гудящая, вибрирующая судорога…

И именно в это момент зазвонил её сотовый телефон, оставленный на столе в кухне.

— Я сейчас, — шепнула она, как будто ненароком коснувшись губами тонкой кожи на шее Билла. — Кроме смерти не может быть никаких причин, достаточных для того, чтобы игнорировать звонки шефа… — Книжница хохотнула и, плавно качнув бёдрами, отправилась по коридору обратно, в кухню.

— Да, Магистр, — услышал он вдалеке её нарочно приглушённый и ставший сразу заметно скромнее голос.

Билл невольно прислушался. Босыми ногами он чувствовал стелющийся по полу сквозняк, было свежо, и нежные волоски на его предплечьях встали дыбом. В голове между тем прояснилась, книжница отошла, и вместе с нею схлынул душный морок непреодолимого влечения к ней. Билл стоял посреди тёмного коридора чужой квартиры, словно очнувшись от дурного сна.

— Боже… Что же я делаю? — пробормотал он сам себе одними губами. — Как же Магдалена?

Билл с удивлением обнаружил, что за весь сегодняшний день он ни разу не вспомнил о девушке, которую считал своей невестой. Это показалось ему странным. Больно уж резко чары таинственной книжницы завладели всем его существом.

— Я почти уверена, Магистр, он не тот, кого вы ищите, — донеслось до него из кухни, — Золотой империал? Я пока не спрашивала об этом, не хотела возбуждать подозрений. Забрать? О, да, конечно, шеф, если получится.

Билл сделал несколько бесшумных шагов по направлению к кухонной двери. Ему стало интересно.

— Хорошо. Поверьте, я смогу держать его под контролем. Он никуда от меня не денется, не беспокойтесь, Магистр, хвостиком будет за мной ходить… — книжница хохотнула, и этот её смешок неприятно резанул Билла. Он догадался, что речь о нём.

«Как бы не так, — решил он про себя, — денусь, ещё как денусь…» дерзкая уверенность книжницы разбудила в нём дух противоречия.

Билл смекнул, что входная дверь с большой вероятностью заперта, и ему вряд ли удастся за считанные мгновения справится с незнакомым замком. Заметавшись по коридору, он заметил приоткрытую дверь. Дни стояли уже жаркие, и окно в небольшой тихой комнате было распахнуто настежь и затянуто москитной сеткой. Достав из заднего кармана брюк канцелярский нож, которым он разрезал коробки, Билл быстро вспорол сетку. Этаж был второй, но довольно высокий. Внизу серыми облаками клубились кусты шиповника и сирени.

— Ты где? — послышался в коридоре зазывный голос книжницы.

— Эх… Помогай мне Бог! — прошептал Билл с лёгким оттенком иронии, и, одним махом вскочив на подоконник, сиганул вниз… Прежде он никогда не поминал всевышнего. Его отец, воинствующий атеист, с самого раннего детства внушал Билли, что никакого бога нет и быть не может.

С громким хряском Билл выбрался из кустов. Лицо и руки были ободраны, словно он сражался со стаей кошек. Нога болела чертовски. Да, пожалуй, прыгать из окна — это было несколько опрометчиво. Не перелом, конечно. Растяжение. Но ведь как больно! Как же больно… Он поднялся на ноги и с трудом сделал несколько шагов. Уф… Постепенно, однако, Билл привык к новым ощущениям и пошёл бодрее. Раз… Два… Раз… Два… Сначала он брёл, не разбирая дороги, все его мысли поглощены были пережитой не слишком мягкой посадкой. Билл и не заметил, как вышел за калитку, и, плутая узкими тротуарами, оказался в самом центре квартала для бедняков. Подволакивая ногу, он проковылял мимо автобусной остановки, где, скрючившись, сидел на лавочке человек. Билл шёл всё медленнее и медленнее, царапины неприятно саднили, щиколотка, кажется, начала опухать, да и усталость давала о себе знать — перед тем как попасть в сегодняшнюю переделку парень, как-никак, целый день таскал по лестницам коробки с книгами.

— Ты чего это красивый такой? Подрался? — услышал Билл совсем рядом встревоженный голос. — Да никак с девками! Гляди-ка, вся рожа ногтями изодрана! Ничего, брат, бывают такие шалавы, что вполне заслуживают парочку хороших затрещин…

Это был человек с автобусной остановки. Мужик лет шестидесяти с добрыми пьяными глазами. Билл выглядел жалко, и уличный свидетель теперь стоял возле него и всматривался, часто моргая.

— Вот что, приятель, у меня тут хатка неподалёку, я за портвешком вышел к тётечке нашей в ларёчек… — мужик тряхнул толстенной тёмно-зелёной бутылкой. — Я тебя давай доведу… а то куда ты таким молодцом ночью пойдёшь. Не дай бог патруль за мигранта примет… Только не обессудь, спать на полу придётся — комната у меня во… — мужик показал ладонями небольшой квадрат в воздухе.

Билл благодарно кивнул — неожиданное гостеприимство этого старого пьяницы пришлось очень кстати.

Благодетель почти на себе дотащил его до облупившегося пятиэтажного дома с маленькими пыльными окнами. По дороге мужик всё говорил и говорил, иногда останавливаясь, чтобы «смочить язычок»…

— Тут по ночам, брат, кошмар… до Заброшенных Верфей рукой подать, так шатается всякий сброд. Вона тебя как отделали. Небось ещё и обокрали… Известно, какой народ — заметили, что косой — пиши пропало. Я вот, было дело, уснул с получкой на лавочке — и всё, хана…

Билл задрёмывал под его добрый голос, уткнувшись носом в пропахшую табаком потёртую джинсовую куртку.

— Пришли, — благодетель втолкнул Билла в тёмную тесную прихожую, заваленную хламом. — Только шшш… у меня тут жильцы в двух комнатах…

Хозяин любезно постелил Биллу на пол какое-то грязное, но мягкое тряпьё. Оказавшись в тепле и приняв наконец после всех злоключений горизонтальное положение, он моментально уснул. Сквозь громкий стрекот старого холодильника и бормотание не выключенного радиоприёмника ему грезились тонкие перистые облака в потрясающе

нежном рассветном перламутровом небе, незнакомом небе, нездешнем, грезились бесконечные ЛЭП, тянущиеся до самого горизонта и чьи-то едва заметные осыпающиеся следы на сухом белом песке…

Открыв глаза и упёршись взглядом в полинявшие и кое-где отстающие от стен обои, он моментально вспомнил всё. Нога ещё побаливала, но уже вполне терпимо. Ушиб, не более. Билл даже чувствовал в себе силы приняться за работу. Он решил, что бегство из апартаментов книжницы было крайне глупым и трусливым поступком. Ведь теперь она может заподозрить, что её телефонный разговор был подслушан… Вот олух! И нужно было поддаваться эмоциям! Но стихийное отвращение, испытанное им к лукавой развратнице, оказалось сильнее логики… Биллу отчётливо вспомнилось ощущение её прохладного влажного пальца в его ключичной ямке. В тот единственный момент он не владел собой, не вполне принадлежал сам себе. Им владели желания. И страшнее этого Биллу ещё ничего не приходилось испытывать в жизни. А в таких случаях самая первая интуитивная реакция — спасаться бегством…

— Хочешь чаю? — осведомился ночной благодетель, заметив пробуждение гостя. — У меня просто больше нет ничего. Даже батон кончился. Но чаю могу. И даже портвешка, тока чуточку…

— Да нет, не надо, спасибо… Я и так не знаю, как благодарить вас… — запротестовал Билл.

— С кем не бывает! Меня самого Бог знает сколько раз чужие люди пьяного домой приводили… Долг платежом красен. Сначала — ты, а потом — тебя. Один человек может забыть добро, но Мир будет его помнить. Так вот, братец. Ступай с Богом.

Со словами «с утреца то свежо, потом занесёшь» на прощание благодетель вручил Биллу насквозь пропахший табаком, растрескавшийся жилет из кожзама и, ласково отечески обматерив его, как умеют только такие полупьяные добрые дядьки, вытолкал за дверь.

К открытию ярмарки Билл, конечно же, опоздал. Но ему чертовски повезло. Администратор тоже ещё не подъехал.

Теперь надо было разобраться с красоткой книжницей. Билл нутром чувствовал, что история с ней не закончилась, а только начинается… Едва он переступил порог склада, как ему непреодолимо захотелось снова её увидеть. Билл успел перерыть все ящики, помеченные на разгрузку, пока искал нужный, на котором чёрным маркером был размашисто подписан номер её секции (как же без предлога!). Превозмогая тупую боль в ноге, он кое-как поплёлся наверх.

Плутовка открывала свою секцию. На выдвинутом в проход стуле для отдыха аккуратной стопочкой лежала оставленная им минувшей ночью в её просторной прихожей джинсовая куртка. Билл робко приблизился, сжимая ящик мерзко мокнущими ладонями.

Книжница повернулась.

— Доброе утро! — воскликнула она, изобразив на лице приятное удивление.

Билл уже не сомневался в том, что все относящиеся к нему эмоции она именно изображает, а не испытывает. Это отвращало сильнее всего.

— Куда же это ты сбежал? — спросила плутовка чуть тише и с привкусом интимности.

— У меня возникли срочные дела… — промямлил Билл, тут же гневно одёрнув самого себя: что ты несёшь, тупица? Но большого выбора оправданий в его распоряжении всё равно не было.

— Неотложные дела? В столь поздний час? Интересно… — она дразняще усмехнулась

и приподняла нарисованную бровь.

— Мне вдруг стало плохо…

— Вот как?

Биллу показалось, что книжница немного озадачилась. По-настоящему. И он продолжил игру уже смелее.

— Меня замутило…

— Ой, извини, малыш! Это, наверное, от моего фирменного чая. Туда были добавлены особые травы… — елейно изображая сожаление, извинялась искусительница, — ты, должно быть, аллергик…

Билл неохотно кивнул.

— Вот. Я принёс вам книги, — сухо добавил он, ставя коробку на пол.

Билл чувствовал, как в нём неодолимо усиливалось желание неотрывно смотреть на эту женщину: на её руки и голые плечи, прикрытые полупрозрачной косынкой, на изогнутую талию, на ноги, показывающиеся из-за прилавка, когда она поднималась на стремянку, чтобы поставить на верхнюю полку какую-нибудь из новых книг. Ему вспомнилось невыносимо сладкое, лишающее разом всех мыслей, истребляющее самосознание блаженство, что он испытал в тот миг, когда она коснулась его — и голову обдало быстро нарастающим жаром — как в бане, если на горячие камни выплеснуть ковш воды.

— Иди же… Тебе надо работать, — развернувшись к нему на стремянке и склонившись, сказала она притворно наставительным тоном.

Холодея кончиками пальцев и воспламеняясь щеками, ушами, шеей он споткнулся взглядом в затенённой ямочке между стиснутыми платьем грудями.

— Освободи проход, что ли! — проворчал совсем рядом другой грузчик, сердито пнув коробку из-под книг.

Билл очнулся и, воровато забрав со стула свою куртку, нехотя побрёл на склад. Ему показалось, что хитрая книжница глядела ему вслед с властной торжествующей улыбкой.

Надо сказать, что уловки, которыми пользовалась Ехира, любимая ученица Магистра Роберто Друбенса, были элементарны. На первом этапе это даже не являлось магией. Ведь сама природа изначально наделяет любую женскую особь таинственной силой, притягивающей противоположный пол. Почти все женщины догадываются о ней, но лишь единицы достигают того уровня понимания, который необходим, чтобы полностью эту силу контролировать. В обществе такие уникальные особы одобрения не встречают, их обычно клеймят «стервами», а то и похуже… У большинства же почти всегда случается так, что обнаруживаются неугодные поклонники, а те, кого действительно хочется соблазнить, наоборот, не поддаются чарам… А вот ведьмы, в отличие от обычных женщин, умеют управлять естественными силами природы, заложенными в их телах, по своему желанию. Они могут прицельно воздействовать энергией своего либидо на выбранного мужчину и способны излучать её во много раз интенсивнее обычных женщин. Тогда-то и начинается колдовство: использование сил природы для воздействия на волю конкретного человека… Запрещённый приём.

Книги, прочитанные в детстве, стоя, и на голодный желудок, сослужили Биллу неплохую службу. Он заметил подвох. Юноше подумалось, что в его непреодолимом влечении к загадочной даме из отдела эзотерической литературы есть нечто неестественное. Как будто это не он сам, а кто-то внутри него, самостоятельный, отдельный, искусственно внедрённый в его сознание, так страстно жаждет близости с нею. Ведь чисто по-человечески

она ему абсолютно безразлична: он ни капельки не чувствует себя влюблённым, он испытывает нежную привязанность к другой девушке, невесте, Магдалене, кроткому и ласковому существу… Эта мысль и подтолкнула Билла к разгадке. Озарение пришло, когда он вспомнил в очередной раз телефонный разговор книжницы, её странную последнюю фразу, произнесённую с таким оскорбительным смешком: «Да он будет хвостиком за мной ходить…» Он понял всё. Мозаика сложилась. И выход теперь оставался только один — бороться.

Игра с ведьмой в перетягивание каната поначалу даже показалась ему весёлой и интересной затеей. Теперь он не сомневался в том, что ОНИ существуют — недаром люди понаписали столько эзотерической литературы…

Первое время Билл пытался просто не замечать навязчивых мыслей, которые, если он давал им волю хотя бы на секунду, множились со скоростью подогретых дрожжей. Он практически перестал появляться в торговом зале. А когда возникала острая необходимость туда подняться, Билл как можно дальше обходил злосчастную секцию ведьмы-искусительницы.

Но все эти попытки ни к чему не привели. Мысли, которые он старался не допускать до своего сознания, стояли на страже подобно толпе бывших вкладчиков у входа в офис разорившегося банка. С каждой минутой их становилось всё больше. Они готовы были сломать все засовы и ворваться. Смести всё подчистую своим неуправляемым потоком и полностью завладеть сознанием Билла. Заполонить его, вытеснив остальное.

Весь день длилась упорная борьба. Билл сдерживал нахальные фантазии о близости с проклятой чаровницей, представляя вокруг своей головы стеклянный купол, за пределами которого они роились, точно мотыльки возле лампы; Билл ощущал почти физически, как они бились в прозрачную стенку купола, отлетали и возвращались, с новой силой принимаясь колошматить крылышками непокорное стекло…

К вечеру купол начал тихонько трещать под лёгкими, но настойчивыми ударами мотыльковых крылышек. Казалось, он вот-вот поддастся их натиску, и развалится, рассыплется в один миг на тысячи беззащитных осколков… Билл выдохся. Он сел на ящик с учебниками по словесности и уронил голову на колени, ощущая опустошённость и безграничную усталость — у него больше не было сил думать волшебный купол. И как раз в этот короткий момент отчаяния самая хитрая мысль, зловеще затаившаяся до времени, почувствовав слабость защиты, вползла в сознание Билла подобно песчаной эфе…

— Одну ночь! Всего одну. Сегодня!.. — и он побежал наверх. — Эх… Пока она не ушла!

Билл отдавал себе отчёт в том, что ведёт себя подобно алкоголику, обещавшему с завтрашнего дня перестать пить, но сегодня… напоследок… позволившему себе рюмочку (только одну! последнюю! и всё!) Банальнейший самообман. Но он ничего не мог с собой поделать.

Плутовка нарочито медленно раскладывала книги. Она ждала появления юноши. Это, по-видимому, было частью её плана.

— Добрый вечер, — приветствие прозвучало довольно прохладно, — тебе что-нибудь нужно?

— Да, — со свойственной ему прямотой заявил Билл. — Я бы с удовольствием проводил вас…

— До куда? — ехидно спросила она. — До подъезда? До чайника на кухне? До кровати?

— Последнее, — мрачно сознался Билл.

— Боюсь, что это невозможно, — с вызывающе спокойной весёлостью сообщила книжница.

— Почему?.. — голос Билла прозвучал огорченно.

— У меня другие планы на вечер…

— А завтра? — Билл с неудовольствием отметил про себя, что последняя его интонация получилась умоляющей. Взгляд неудержимо скользил, прочерчивая стройный изгиб талии, выпуклость бедра, округлость обтянутой глянцевым капроном икры.

— Посмотрим… — давая ему, готовому радостно вцепиться в любой клочок надежды, этот самый клочок, произнесла плутовка с гордостью достойной богини, снизошедшей до смертного, — Завтра ещё только будет…

Билл повернулся и пошёл прочь, повторяя про себя её последнюю фразу. «Завтра ещё только будет… Будет… А будет ли?»

Проблеск сознания заставил его испытать отвращение к самому себе. И, как всегда, Билл был откровенен с собой до жестокости: «Посмотри, во что ты превратился… Послушай тот слюнявый бред, который ты несёшь… "Я бы с удовольствием проводил вас". Вот остолоп! Неужели из тебя так легко сделать раба? Неужели ты забыл, о чём она толковала со своим патроном по телефону! Безвольный ты тюфяк. Овощ. Чёрт знает, что они замышляют. Прекрати немедленно! Не смей думать о ней больше! Не смей…»

Остаток вечера напряжённая воля Билла стойко дежурила у надёжного щита, в который ломились обезумевшие мысли. С приближением ночи они становились всё агрессивнее, всё напористей. Уложив свёрнутую валиком куртку на ящики из-под книг, он прилёг отдохнуть, не прекращая отбиваться от них. Но мысли продолжали атаковать, и такие… От их содержания, вероятно, и сам змей-искуситель краснел бы… Внутренние силы Билла были уже на исходе. Тонкими струйками просачивалась адская отрава в щели воображаемого щита, воздвигнутого им вокруг его сознания. Ящик из-под книг сделался нестерпимо жёстким. Юноша ворочался. По его телу разбегался беспорядочными пятнами жар, он никак не мог найти удобного положения…

Чувствуя, что последние силы оставляют его, он нащупал спасительный кончик свежей идеи… «Похоже, что одной волей не обойтись. Тут нужны более жёсткие меры».

Поднявшись, Билл натянул свою тесную старенькую джинсовую куртку. О, проклятье! Она пахла чужим домом, её домом, так незнакомо, так нежно… Сладковатый вереск и пряный можжевельник… Билл прополоскал рот мерзкой ржавой водой и слегка смочил чёлку. Немного отпустило…

На книжном складе было одно единственное маленькое окно, выходящее во двор ярмарки. Покинуть склад в ночное время другим способом не представлялось возможным. Все двери запирались на электронные замки.

Поскольку склад находился в подвале, оконце располагалось на уровне земли, в нём виднелись лишь чёрные голые переплетения кустарника, опоясывающего кирпичные ярмарочные корпуса.

Чтобы выбрался на улицу, Билл осторожно разобрал ветхую деревянную раму и вынул стекло. На него пахнуло густой прохладой пасмурной летней ночи. Подтянувшись, он начал протискиваться между двумя уже когда-то кем-то выгнутыми металлическими прутьями решетки. Он кряхтел, цепляясь за мокрую землю и протягивая своё тело в узкую щель. К одежде прилипала грязь. Поднявшись на ноги, он почувствовал, что от свежего воздуха ему немного полегчало.

Тёплый влажный ветер лизнул лицо юноши ласково, как щенок…..Бежать куда глаза глядят, во влажную туманную ночь, как есть, не стряхивая земли с коленей и ладоней, бежать, чтобы искать и найти загадочную книжницу, повелительницу древних сил — эта мысль, конечно, шевельнулась, но Билл тут же придавил её как таракана. Он направился в круглосуточную аптеку.

Внимательно выслушав юношу, провизор выложил перед ним на прилавок целую батарею пузырьков и коробочек с нерецептурными снотворными средствами.

— Что-нибудь посильнее, — промямлил Билл, растерявшись от разнообразия.

Выдавив несколько скользких круглых таблеточек из серебристого блистера, он какое-то время катал их на ладони — хватит ли этого для того, чтобы забыться совершенно? заснуть мёртвым сном? провалиться в черноту без грёз и сновидений?

Проглотив горсть таблеток, он запил их водопроводной водой с сильным привкусом железа и, сложив валиком, снова пристроил снятую куртку вместо подушки. Лёг. Прежде Билл всерьёз не задумывался о Боге. Маленькие мальчики верят своим отцам. Тогда, на подоконнике у книжницы это было в первый раз. И теперь Билл, свернувшись калачиком на своём жёстком ящике, снова робко и неуклюже, как умел, обратился к Всевышнему, попросив, разумеется, совсем немного. Просто уснуть. И, что не менее важно, — проснуться.

…Сквозь мутное вязкое забытье краешком сознания он нащупал наступившее утро. От злоупотребления снотворными пробуждение было медленным, словно процесс выныривания из смолы. Голова отяжелела, веки слиплись.

Но раунд был выигран. Билл спал так крепко, что ни единая грёза о злополучной ведьме не потревожила его, и, даже пробудившись, он ещё не успел ощутить её присутствие. Зато ловко поймал на лету новую идею, способную помочь ему в сегодняшнем противостоянии чарам книжницы. Билл не сомневался ни минуты — схватка будет продолжена. Он вспомнил, что воздержание от пищи спасало очень многих отшельников от эротических соблазнов. Голод верный союзник в борьбе с вожделением. Сама природа сделала потребность организма в еде первичной по отношению ко всем остальным, потому всякое усмирение плоти логично начинать именно с желудка.

И Билл решительно отказался от завтрака. Новизна впечатлений придавала ему сил. Схватив первый попавшийся ящик с книгами, юноша бесстрашно устремился наверх.

Поначалу он действительно чувствовал огромное облегчение. Острия жалящих мыслей притупились. Томящий жар отступил. Распутные мыслеобразы утратили чёткость и краски.

Теперь Билла беспокоил пустой живот. До самого обеда он продержался с достоинством, его мысли вовсе потеряли ведьмины прелести из вида, сейчас они несли на своих длинных размашистых хвостах лишь рогалики, сайки, буханки хлеба, розовые кружочки колбасы, плотные сырные кубики и кринки, наполненные жирным сладковатым молоком…

Но попытка поесть вернула всё на круги своя. Адская карусель завертелась снова. И юноша вынужден был вообще отказаться от пищи.

8

На исходе полной недели, в течение которой Билл ни разу не появился, чтобы выказать ей своё расположение, Ехира забеспокоилась и решила ещё увеличить интенсивность своего женского излучения. Однако, удерживать настолько мощное поле на одном объекте было невероятно трудно, оно начало понемногу рассеиваться… Ехира уже несколько раз ловила на себе жадные взгляды проходящих мимо мужчин. Игра постепенно становилась всё более

опасной.

Но Билл не сдавал позиций. Чтобы не упасть в голодный обморок он по десять раз на дню пил горяченный чёрный несладкий кофе из автомата. А на ночь — снова снотворное — это была единственная возможность заснуть, не поужинав. Товарищи-мигранты начали спрашивать его, в чём дело. Билл заметно исхудал. Он никогда не был плотным юношей, а теперь и вовсе производил впечатление тяжелобольного или наркомана.

Ехира запаниковала. Её уже некоторое время терзала крамольная мысль, что она ненароком нарвалась на сильного соперника, и Билл на самом деле не глупенький мальчик, а могущественный колдун, или даже — помилуй, Первозданный Хаос! — агент надзорной службы… Она поделилась своими опасениями с Магистром.

— Я опасаюсь пробоя. Уже слишком сильное поле.

— И он никак не реагирует? Человек? Очень странно. Может, мы ошиблись, и он всё-таки обладает силой?

— Я уже не понимаю, Магистр. Вероятно, обладает. Но тогда это сила иной, неведомой мне природы, и я совершенно ничего не могу вам сказать о ней.

— Странный мальчик, — пробормотал Друбенс, отдаляя мобильный телефон от лица, — ты ведь мне его показал, Ниоб… Думаешь, есть у него сила? Может, я слишком мало знаю о людях, но за мои четыреста я ещё не слыхал о том, чтобы кто-то из них обладал какими-либо паранормальными способностями…

— Люди сами не знают, какой силой они наделены. Сила эта не такая как у нас, магов, но сила эта — великая… Только обычно в людях она крепко спит, — сказал Ниоб. — А мальчик этот… Он, кажется, способен разбудить её.

— Что ты имеешь в виду? — забеспокоился Друбенс, — терпеть не могу, когда говорят загадками!

— Только то, что я сказал, учитель. Ни больше, ни меньше, — поклонившись, Ниоб покинул комнату, учтиво прикрыв за собой дверь.

Время шло к полудню, когда Ехира услышала в зале первый визг девушки, подвергшейся насилию. Несколько минут спустя, завопил кто-то ещё. Публика засуетилась, люди стали перешёптываться и тесниться к выходам. Испуганные возгласы в толпе повторялись всё чаще, пока, наконец, не слились в невнятный встревоженный гул. Те, кому вовремя не удалось покинуть ярмарку, разделились на две категории — насильники и предполагаемые жертвы. Энергетическое поле Ехиры окончательно вышло из-под контроля и теперь воздействовало на всех, кто находился в радиусе нескольких сот метров.

Вокруг творилась какая-то чертовщина. Лысый парень в жилетке «хаки» хватал за ноги девушку, бегущую по лестнице и тянул вниз. Она отбивались, истошно вереща, юбка у неё задралась, и все присутствующие могли наслаждаться видом её круглых ягодиц, туго затянутых в чёрные капроновые колготки с узором — тонко вышитыми веточками и цветами. Другая девушка швыряла книги сразу в троих, наступающих на неё с разных сторон молодых людей — вид у неё был решительный, белокурые волосы растрепались, глаза горели яростным огнём… Одному из нападавших книга угодила острым углом в лицо, он ойкнул и, согнувшись, попятился назад, двое других навалились-таки на девушку, но её мужественная подруга, по-видимому, уже успевшая одолеть не один десяток противников, подоспев вовремя, обрушила им на спины мощный удар швабры, подобранной на бегу. Некоторые жертвы, однако, быстро примирились со своими врагами — и кое-где распустились во всей своей тошнотворной красе ядовитые цветы невообразимо бесстыдных

оргий… Помещение было заполнено женским визгом, грохотом, треском разрываемой одежды, и среди всего этого безумия, притаившись под прилавком, сидела, боясь шелохнуться, насмерть перепуганная силой собственных чар Ехира, а далеко внизу, в тёмном уголке под лестницей, свернувшись как котёнок, лежал комочком, дрожал и лязгал зубами Билл.

В это время во двор ярмарки въехал ничем не примечательный чёрный автомобиль. Из него вышли трое и бодрым шагом направились ко входу в здание, из которого время от времени выбегали растрёпанные посетители с испуганно вытаращенными глазами.

— Разделимся, — тихо скомандовал идущий первым человек в длинном тёмно-сером плаще, — я наверх, вы прочешете первый этаж.

Тихонько насвистывая, он принялся неторопливо подниматься по лестнице. Царящая вокруг суматоха, казалось, вовсе не трогала его, человек в плаще то и дело останавливался, будто прислушиваясь, или принюхиваясь к обстановке, он был совершенно спокоен. Дойдя до площадки, он снова немного постоял, призадумавшись, а затем свернул в торговый зал.

Ехира так и продолжала сидеть, скукожившись, под прилавком, когда заметила пару безупречных чёрных ботинок, остановившихся возле её секции. Решив, что это потенциальный насильник, почуявший её пьянящий женственный аромат, она ещё сильнее вжалась в боковую перегородку прилавка и инстинктивно зажмурилась.

— Выходите, леди, — услышала она неожиданно ровный уверенный голос, — прятаться бесполезно.

Молодая ведьма была настолько растеряна и выбита из колеи собственной неудачей, что у неё не возникло ни малейшего желания сопротивляться, в её сознании промелькнула единственная мысль — «этот не нападёт…!» Кое-как на четвереньках она выползла из своего убежища и медленно поднялась на ноги, сразу будто осунувшаяся, взъерошенная, несчастная.

Откинув полу длинного плаща, стоящий у прилавка человек быстро показал ей изящный стальной жетон.

— Капитан Фокс Рид, Особое Подразделение. Вы арестованы. Пройдёмте, пожалуйста со мной. Должен предупредить вас, что оказание сопротивления неизбежно повлечёт за собой усиление карательных мер.

Ехира сама протянула руки, позволив человеку в плаще надеть на неё специальные магнитные браслеты.

— Красавица у меня, — шепнул он в микрофон передатчика, замаскированного под наручные часы, — найдите жертву.

Служащие Особого Подразделения вскоре обнаружили Билла лежащим без памяти под лестницей, ведущей на склад. Тяжёлая работа, голод и последнее усилие воли, благодаря которому он не поднялся-таки в торговый зал, чтобы снова умолять Ехиру о встрече — Билл был к этому близок — оказались непосильной нагрузкой для организма юноши.

— Боже Праведный! — крайне изумлённо воскликнул парень в полосатом джемпере, — и в этакого щеночка целили направленной «сотней»?

— Да уж… — согласился его спутник, высокий и тощий, в чёрной футболке, с косухой, накинутой на плечи, — В его годы гормоны так бушуют, что и одной-то какой-нибудь прыщавой девчонки с толстыми ляжками достаточно, чтобы с ума сходить… а тут такое!

— И ведь, самое удивительное, он держался… Завидно даже, чёрт возьми, — шепнул парень в джемпере, слегка ткнув приятеля в бок. — Смог бы?

— Не приведи лихая! И пробовать бы не стал… «Сотня». Это же можно с катушек съехать запросто… — тощий парень опасливо повёл плечом, качнув пустым рукавом косухи.

Билл открыл глаза. Джемпер и футболка с рок-кумиром, пока что лишённые чётких контуров, расплывчатые, в поле его зрения сначала плавно скользили, качались, накладывались друг на друга, будто пытаясь поменяться местами, как ладья и король при рокировке. А потом резко остановились и обрели резкость.

— Привет, малыш. Мы не причиним тебе зла, — дружелюбно сказал джемпер.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась футболка.

— Скверно… — признался Билл, стихийно, как всякий спасённый к своим спасителям, проникнувшись доверием к этой сочувствующей одежде. Лиц он разглядеть ещё не успел.

— Всё закончилось, давай руку, — парень с косухой на плечах помог Биллу подняться на ноги.

— Мы нашли его, капитан Рид… — сказал парень в полосатом джемпере, поднеся к губам наручные часы, — Слушаюсь, — добавил он, мгновение спустя, и нажал на торце часов какую-то кнопку. — Веди его к машине, а потом поможешь мне, я наверх, — сказал он своему спутнику, затем повернулся к Биллу. — Сейчас ты пойдёшь с нами. Ничего не бойся. Всё теперь будет хорошо.

Билл и не думал бояться. Страх кончился в нём — как кончается энергия в батарейке или газ в баллоне — незаметно вышел весь… Как и остальные эмоции. Билл был пустой и гулкий — точно пластиковая бутылка, гонимая ветром по асфальту. Пошатнувшись от слабости, он вцепился в рукав стоящего рядом парня, и молча пошёл с ним.

Задняя дверца большого чёрного автомобиля осталась приоткрытой, и Биллу было хорошо видна часть ярмарочного двора; через двор наискосок те двое, что подобрали его под лестницей, теперь вели под ручки незадачливую обольстительницу к фургону, очень похожему на полицейский. Кроме Билла в машине находился человек в тёмно-сером плаще, он сидел на водительском сидении и неторопливо курил, стряхивая пепел в окно с полностью опущенным стеклом. Биллу на плечи сочувственно накинули косуху. Вид у него был уже вполне спокойный и даже довольный — на коленях у него стоял солидный бумажный пакет из известной сети закусочных; со здоровым шестнадцатилетним аппетитом Билл жевал уже второй трёхэтажный сандвич, извлечённый оттуда, закусывая его ломкими палочками обжаренной в фритюре картошки и запивая лимонадом из пластикового стаканчика с крышкой.

— Ты не ешь сразу много… — сообщил Биллу сидящий за рулём, заглядывая в зеркало заднего вида с насмешливым усилением, — А то кишки узлом завяжутся.

— Я постараюсь. — Некоторое время в салоне автомобиля раздавалось только шуршание пакетов и бульканье лимонада в стаканчике. С улицы доносился растерянный ропот толпы, постепенно собирающейся во дворе ярмарки. Освобождённые от чар бестолково бродили кругами, силясь понять, что же с ними произошло. Многие стыдились собственного вида и кутались во что придётся. Перед ведьмой, Билл продолжал наблюдать за нею краешком глаза, распахнулись задние дверцы фургона.

— Кстати, я забыл представиться, — сидящий за рулём докурил и приветливо протянул руку между сидениями, — капитан Рид.

— Билл… — юноша протянул руку навстречу и призадумался. Как отрекомендоваться посолиднее? Кто он? Что он такое? Бывший студент? Грузчик на ярмарке? Нет. Всё не то. Всё не годится. — Билл, — повторил он, — просто Билл.

Капитан Рид закурил вторую и снова принялся смотреть на улицу через окно автомобиля. Из толпы доносились женские причитания и приглушённая расстроенная брань.

— Может, вы мне объясните всё-таки, в чём дело? — спросил Билл, покончив с экстренной помощью желудку. — Вы ведь из полиции?

Вид у него был очень серьёзный и храбрый. Юноша отложил пакет в сторону и принялся сверлить обернувшегося Рида пытливым взглядом. К машине между тем подошли те два парня, что погружали ведьму в фургон. Они о чем-то оживлённо болтали между собой и хохотали.

— Может, поделитесь смешинками? — с шутливой обидой буркнул капитан Рид.

Парни умолкли, с сомнением покосившись на Билла.

— Всё с вами ясно, — вздохнул Рид, — одни лишь юбки на уме, полезайте уже в машину.

Парень в рокерской футболке сел назад, и у Билла появилась возможность разглядеть его получше. На полицейского не похож. Ни капельки. Скорее, на бандита. Голова с одной стороны бритая, в ушах — здоровенные туннели, в каждый можно просунуть два пальца, а то и три…

Парень в полосатом джемпере занял переднее сидение.

— Ну, может, вы хоть что-нибудь мне скажете? — повторил попытку Билл, — куда мы едем, зачем?

— Ишь какой шустрый, — заметил с добрым смешком парень с туннелями в ушах, — только прочухался, а уже задаёт вопросы!

— Это не так плохо, — прокомментировал Рид, выруливая на оживлённую магистраль, — бывают ситуации, когда времени на то, чтобы, как ты изволил выразиться, «прочухаться» как следует, совсем мало или вовсе нет.

— Ну, так вы мне ответите!? — не унимался Билл.

— А если это, предположим, секретная информация? — голос Рида прозвучал строго.

— То не от меня, — заявил Билл с уверенностью, вызывающей улыбку, — Я прочёл очень много книг о магии, и с детства мечтал либо опровергнуть все слухи о существовании колдунов, либо убедиться в их истинности лично. Думаете, я не догадываюсь, что мне пришлось столкнуться с настоящей ведьмой? — Биллу отчётливо вспомнился разговор, подслушанный в тот день, когда он получил в подарок свою ненужную монетку, — Так значит вы не полицейские! — просиял он, — вы, часом, не те ребята, кого называют «серыми»? Я слышал это слово от одного старика, довольно странный тип, скажу вам, он так смотрел, аж внутри становилось холодно, а потом дал мне вот что, — Билл решил: уж если монетка старика должна когда-нибудь сыграть роль в его судьбе, то сейчас именно тот момент, он извлёк её из кармана джинсовки и подбросил на ладони.

— Офигеть… — шёпотом пробормотал парень с туннелями в ушах.

Парень в джемпере круто повернулся на сидении и уставился на Билла круглыми глазами. Капитан Рид подозрительно глянул в зеркало заднего вида.

— Он тоже колдун!.. А мы-то, дураки, решили, что это нападение… Они вместе всё устроили и надо было его в тот же фургон сажать… — приглушённо затараторил парень в джемпере, придвинувшись к Риду.

— Панику прекратить, — спокойно сказал Рид, тоже негромко, и снова бросил настороженный взгляд в зеркало, — доедем до офиса, разберёмся.

За столом напротив Билла сидела пожилая, но, тем не менее, очень красивая женщина с густыми полностью поседевшими уже волосами, убранными в венцеобразную косу вокруг головы. Она смотрела на юношу вполне доброжелательно. Молодой сотрудник принёс поднос с кофе, сливками, сахаром в маленьких пакетиках и бесшумно поставил его на край стола. Густой аромат напитка быстро распространился по комнате.

— Так сколько тебе лет, — спросила она, — только отвечай, пожалуйста, честно, кроме нас двоих никто ничего не узнает, вся информация останется в этих стенах, таковы правила сбора показаний во всех наших отделениях.

— Вы не будете звонить моим родителям? — осторожно поинтересовался Билл.

Пожилая женщина снисходительно улыбнулась.

— Нет.

— И не сообщите в пансион, где я учился?

— Нет. Не переживай. Если ты всё хорошо расскажешь, то твоя жизнь вообще никак не поменяется, ты вернёшься обратно и будешь заниматься тем же, чем и занимался. Ты, вероятно, даже ничего не вспомнишь. Всё произошедшее здесь будет казаться тебе сном…

Последняя фраза женщины показалась Биллу немного жуткой. Несмотря на приятную обстановку и вполне деликатное обращение — вежливые слова, журналы для ожидающих, бесплатный кофе — он чувствовал себя крайне неуютно. Недоговорённость, присутствующая в каждой реплике любого, с кем Билл здесь пытался общаться, прямо-таки ощутимая таинственность, пугала его. «Где я? Кто все эти люди?» Однако, времени на размышление не было. Ему задавали вопросы, и следовало отвечать. Не приведи лихая, ещё пытать начнут или напичкают какими-нибудь «таблетками правды».

— Меня зовут Билл Крайст, мне пятнадцать лет… — он резко умолк, будто споткнулся обо что-то в воздухе, и тут же поправился, — почти пятнадцать, у меня день рождения через две недели…

— Замечал ли ты какие-нибудь странности за собой, ну, может, в твоём присутствии мигают лампочки или выходит из строя микроволновка? — невозмутимо продолжала женщина.

— Нет.

— Тебе не говорили твои знакомые, что ты иногда вызываешь у них неадекватные реакции, к примеру, спонтанные приступы ненависти, или напротив — нежности?

— Да нет, вроде…

— Дай мне руки, — сказала женщина, извлекая из ящика стола широкие сверкающие наручники, Билл послушно, хоть и с некоторой опаской выполнил просьбу.

Женщина закрепила на его запястьях до щелчка прохладные тяжёлые браслеты и повернула на маленьком пульте какое-то реле.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросила она через некоторое время, — Головокружение? Тошноту?

Билл помотал головой. Он не ощущал ровным счётом ничего, разве только от металла на руках было холодно и немного нервно. «Что тут, черт возьми, происходит?»

— А так? — спросила женщина, ещё чуть-чуть повернув реле, — Что-нибудь изменилось?

Билл снова мотнул головой.

— Хорошо, — высвободив из наручников хрупкие запястья юноши с голубоватым узором вен, женщина внимательно оглядела их, — Не чешется?

— Нет.

Потом женщина попросила Билла ещё раз подробно пересказать, каким именно образом он получил в подарок от старика таинственную монетку, которая, робко поблескивая в бледном оконном свете, лежала перед нею на столе. Рядом была лупа, несколько неизвестных растворов в плоских цилиндрических ёмкостях с крышками, пинцет.

— Что это? — настойчиво спросил Билл, указывая на монетку, — Я изучил все справочники по денежным знакам и не нашёл её.

Женщина взглянула на него удивлённо.

— Тебе так хочется знать?

— Больше всего на свете… — горячо согласился юноша. — Вы ведь не полицейские? — добавил он через мгновение.

— Не совсем, — ответила женщина уклончиво.

— Вы охотитесь на колдунов? — смело предположил Билл.

Женщина молчала, но в её взгляде чувствовалась заинтересованность. Она отодвинула остывший кофе и положила сцепленные в замок руки перед собой.

— Возьмите тогда и меня к себе! — воскликнул Билл. Он сам не успел осознать до конца как эти и все последующие слова у него вырвались, сложившись так правильно и стройно, — Я всегда интересовался магией, с самого детства, я читал книги, очень много книг! Давайте я вам расскажу всё, что знаю?.. Сделайте мне экзамен. Но даже если я буду отвечать хорошо, я понимаю: этого недостаточно. Я хочу сначала учиться… Долго учиться. А потом помогать вам!

Женщина продолжала молчать, но на её сомкнутых губах, когда-то, вероятно, потрясающе красивых, но сейчас немного подсохших, точно лепестки сорванной розы, начала медленно рождаться улыбка, очень необычная, растроганная и как будто чуть грустная.

Тишина, когда Билл закончил говорить, стояла тревожная, звонкая; в ней решалась судьба, и сама тишина как будто бы знала это, и волновалась, и была живая, вибрирующая, дрожащая.

Женщина вздохнула.

— Каждый доброволец — это, без сомнения, радость и большое событие для нас, но… Здесь довольно суровые правила. Кому-то они могут показаться необоснованными и странными. Не всем под силу взять на себя обязательства соблюдать их. Девять из десяти уходят, даже не дочитав свод до конца. Поэтому сначала ты познакомишься с ними, а затем сам примешь окончательное решение… — она сделала небольшую паузу, должно быть, формулировала трудную для выражение мысль, — …Ты имеешь право отказаться, это возможно на любом этапе, у нас служат только добровольно, но… Если это случится не сейчас, а позже, то придётся пройти небольшую процедуру…

— Какую?

— Коррекцию воспоминаний, — тихо сказала женщина. — Предупредить тебя об этом заранее — мой долг.

Билл вздрогнул. В первый момент ему стало так жутко, что захотелось уйти сразу: как можно скорее выскочить в зыбкую дымку моросящего дождя, побежать по тротуару, и даже не оборачиваться до тех пор, пока величественное серое здание с массивным гранитным портиком не затеряется в лабиринте городских улиц. Бежать… Не оборачиваться… Но…

Острое чувство потери пронзило Билла, когда он подумал о том, как вернётся на

ярмарку. Что он будет делать там? Какое будущее ожидает его? Как он собирается жить дальше? Сознание его было совершенно пусто, он вдруг понял, что на ярмарке его больше ничего не ждёт. Он уже ушёл оттуда. И путь его выглядел завершённым. Всплыли строчки из какой-то книги: «Взлетай, не боясь разбиться, ведь если упадёшь, ты просто окажешься там, где был раньше, на земле, только и всего; а вот если ты не попробуешь взлететь, то никогда не узнаешь, каково на ощупь небо…»

— Я согласен, — сказал Билл, — Покажите мне правила.

Женщина достала из ящика до невероятности тонкий чёрный планшет, бегло погладила пальцами сенсорный экран, что-то на нём настраивая, и протянула Биллу.

— Мне можно будет подумать? После того как я прочитаю? — спросил он.

— Три дня. И кто-нибудь из нас будет наблюдать за тобой.

— Спасибо, — Билл погрузился в чтение.

Тикали часы. Женщина взяла со стола монетку и, зажав её между большим и указательным пальцами, стала разглядывать. Рельефное изображение короны и скипетра полыхнуло бледно-жёлтым бликом. Билл к этому моменту уже потерял всякую надежду, что когда-нибудь узнает назначение таинственной монетки, и не обратил на женщину никакого внимания.

— Это — золотой империал Ордена Повелителей Пространства-Времени, тайного магического сообщества, распавшегося несколько веков назад, — сказала она, — а ты читай, читай, не отвлекайся.

Дочитав до конца, Билл осторожно положил планшет на край стола.

— Не хочешь, не говори ничего сейчас, — улыбнулась женщина, — у тебя есть три дня.

— Может, я дам свой ответ и раньше, — пообещал Билл, вставая, — мне нужно только спросить кое-что. У одного человека…

10

Когда он грезил о Магдалене на ярмарке, ему всегда представлялась одна и та же сцена встречи: они стоят на небольшом расстоянии, медленно соединяют вытянутые руки, будто собираясь кружиться, смотрят друг другу в глаза и бессмысленно улыбаются. Вечером он долго не мог заснуть, а на следующий день каждую свободную минуту выглядывал в толпе покупателей ярмарки загадочного «наблюдателя», обещанного красивой седой женщиной, и раз ему даже показалось, что он кого-то заметил… Но, мгновение спустя, подозрительный человек пропал, проглоченный ярмарочной суматохой, и больше не появлялся — к концу дня Билл даже начал думать, что сам вообразил этот проскользнувший в толпе силуэт — длинный плащ и шляпа — слишком уж много он сосредотачивал внимания на своём ожидании… и искал… искал.

После работы он отправился в заветный ларёк со сладостями. По мере того, как он приближался к цели, всё острее и слаще ощущалось волнение предстоящей встречи. Когда осталось пройти всего только одну недлинную улицу, Билл замедлил шаги. Почему сейчас от того, что скажет Магдалена, зависит вся его жизнь? Он сам так решил, и не отказывался от своего выбора. Но почему? Билл остановился. Что же есть в ней такого, в этой простенькой девочке, со вздёрнутым носиком в крупинках пудры, с отросшими корнями крашеных волос и кукольными слипшимися ресничками? Что даёт ей право решать его судьбу?

Ларёк виднелся в конце улицы. Рифлёная металлическая обшивка вертикальными полосами. Серое пятнышко крыши. Внезапно боковая дверца отворилась, выпуская двоих. Один из них замешкался, по-видимому, запирая ларёк на ключ. Билл без труда узнал

Магдалену — пучок жёлтых волос, немного сутулая спинка, семенящая походка. Её сопровождал очень высокий, худой и, судя по жестам, нервный молодой человек. Они о чём-то возбуждённо говорили. Спутник то и дело удерживал Магдалену за рукав, и, чуть обгоняя её, заглядывал в лицо. Она отвечала. Рассеянно и, как показалось Биллу, неохотно. Сутулилась ещё сильнее, будто пытаясь спрятаться в своих плечах.

Билл притаился в кустах, растущих вдоль тротуара, продолжив наблюдать. Магдалена и парень подходили, их голоса слышались всё отчётливее.

— Ты не можешь меня бросить, ты всё, что у меня есть, ты же мне обещала, помнишь? Вместе и навсегда! Я не стану жить без тебя, ты же знаешь.

— Но Эдвин…

— У тебя что, кто-то появился? — парень резко остановился и схватил Магдалену за руку, — говори! У тебя кто-то есть? — его голос истерично дребезжал.

— Нет… — ответила она испуганно.

— Тогда в чём дело? Что изменилось?

— Я устала, Эдвин… Прошу тебя…

— Нет. Скажи: ты ещё любишь меня?

— Люблю, — без выражения подтвердила она.

— Скажи ещё раз! — воскликнул парень с каким-то жутким глухим придыханием, — скажи это искренне, а не так, как сейчас!

— Люблю, — повторила Магдалена тупо.

— Ещё… — прохрипел парень.

— Люблю… — выдохнула Магдалена, делая над собой заметные усилия. Она подняла на парня глаза, полные страстной и безнадёжной мольбы, которой всё равно не суждено быть услышанной. Биллу показалось, что девушка сейчас заплачет, — Успокойся, Эдвин, всё хорошо, — продолжила она, скрепившись, уже другим, нежным и сильным голосом, — я люблю тебя и никогда не оставлю, никогда, ты слышишь. Вместе и навсегда. Тшшш… Успокойся…

И тут случилось нечто несуразное. Огромный парень, согнувшись почти пополам, рухнул на плечо Магдалены, и принялся громко рыдать, шмыгая носом. А она обнимала его, утешала шёпотом, гладила, как мать, по плечам, по спине, по волосам…

— Ну ладно тебе, шшшшшш, идём, Эдвин, всё хорошо…

Возвращаясь на ярмарку, Билл мучительно спорил сам с собой — нужно ли приходить снова, чтобы увидеться с Магдаленой, или это не имеет никакого смысла. «Если ты не попробуешь взлететь, то никогда не узнаешь, что такое небо…» Наверное, подумал юноша, это самое мудрое, что можно сказать человеку, когда он не решается что-либо сделать.

На следующий день Билл пришёл опять, и, стараясь не слушать биение собственного сердца, сунулся в ларёчное окошко.

— Привет.

— Это… ты? — Она стояла, удивлённо застыв, её густо накрашенные ресницы расходились как лучики от широко распахнувшихся глаз. На её трогательно выпуклом, напудренном лбу собралась складочка.

— Прости меня… Ладно… — невпопад пробормотал Билл.

Повисла продолжительная пауза. Билл стоял, просунув голову в окошечко, и преступно бездействовал. Возле ларька чуть поодаль раздражённо топтался человек в спортивных штанах с вытянутыми коленками, он, по-видимому, хотел что-то купить. Секунды шли, но

Билл продолжал стоять, увязая в собственных несчётное количество раз уже передуманных мыслях.

Магдалена мягко улыбнулась и, решив дать ход делу сама, сказала:

— Да всё хорошо. Не волнуйся.

Билл покраснел.

— Я… Я ведь исчез не потому… Я не испугался, ты не думай. Просто… — Слова выпадали сами собой, как мелочь из рваного кармана, неуклюжие, почти бессвязные; Билл чувствовал, что говорит совсем не то, что хотел сказать, совсем не то, что копил в себе так долго; такова жизнь — никогда не получается произносить заученные наедине с собой формулировки — всё надуманное неизменно разбивается о монолитную конкретность текущей секунды, разлетается, рассыпается на глазах. Он совсем растерялся и принялся вываливать на неё всё сразу, продираясь сквозь робость, пробивая ошеломляющей искренностью налёт шутливости на её на лице… — У меня ведь ничего не было тогда: ни дома, ни денег, ни даже планов… Я ничего не смог бы тебе дать. Сейчас, впрочем, мало что изменилось… Но… Я хотя бы кое-что зарабатываю. Я таскаю книги на ярмарке. Мы могли бы снять небольшую комнату и жить там вдвоём…

Она открыла боковую дверцу, древнее женское чутьё подсказало ей, что такой разговор не пристало вести через малюсенькое, сходное с тюремным, ларёчное оконце.

— Я серьёзно, — сказал Билл, взяв её руку. Она не отнимала, моргала длинными чуть подкрученными своими ресницами в небольших комочках туши и смотрела на него печально-печально, точно вслед поезду, увозящему кого-то безмерно дорогого куда-то далеко и навсегда.

Человек в спортивных штанах сердито сплюнул на тротуар и ушёл.

— Ты чудный, — сказала Магдалена с нежной грустью, — Я ведь знала, что ты придёшь… Когда-нибудь… Ты ведь порядочный, а такие всегда возвращаются туда, где, как им кажется, чего-то от них ждут. Но зря ты вернулся ко мне…

— Почему?

— Я не совсем свободна, понимаешь… Я не могу.

— Из-за того парня, Эдвина? Прости, я видел вас вместе, я стоял совсем рядом и не объявился. Это было вчера вечером… Вон на том тротуаре, — Билл взмахнул рукой вдоль улицы.

Тень набежала на лицо Магдалены. По-видимому, эти воспоминания были ей неприятны.

— Он странный какой-то. Зачем ты с ним встречаешься?

Девушка молчала, и снова в её глазах на миг промелькнуло вчерашнее выражение бессильной отчаянной мольбы, она быстро отвернулась и выдохнула:

— Это всё очень сложно. Не надо.

— Но я ведь тебе нравлюсь? — спросил Билл напрямик, от волнения не ощущая кончиков пальцев. Он знал, что имеет право задать вопрос, и он предчувствовал ответ, её интонации, краски лица, тело — всё это не могло лгать…

— Да, — ответила она смело, на выдохе, подняв на него свои несчастные и теперь отчего-то строгие глаза, — очень, — губы её дрогнули, — но это не имеет значения.

— Но… Что же тогда… имеет? — растерялся Билл, — ты ведь хотела бы… быть со мной… Я чувствую. А от него лучше уйти. Ваша связь тяготит тебя.

Магдалена посмотрела на Билла почти испуганно. Она, видимо, только сейчас осознала,

насколько он прав.

— Ты не знаешь ничего… Я должна остаться с ним. Он любит меня безмерно. Я его единственная надежда. Он так страдает, если мы ссоримся. Он слишком впечатлителен и не совсем здоров, понимаешь… Эдвин родился не здесь, его мать — мигрантка, там, откуда они бежали, шла война, они спаслись чудом, его отца убили на их глазах… У Эдвина сломана психика. С ним периодически случаются истерики, он плохо спит, ему требуется периодическая госпитализация. Я была слишком юна, я всего этого не знала. Я качалась на качелях во дворе, а он выходил читать на лавочку. Он декламировал стихи, рассказывал анекдоты, он очаровал меня… А потом… Один раз я уже хотела разорвать эти отношения. Но он попытался покончить с собой… Моё предательство погубит его. А я, зная это, не буду счастлива всё равно. Я должна позаботиться об этом человеке, понимаешь… Так мне говорит совесть…

Магдалена положила руки на плечи Билла и посмотрела на него совершенно невыносимым, отчаянно-нежным взглядом.

— А ты… Ты красивый парень. С тобой хорошо. Тебя ещё полюбят. Много раз полюбят… А кто полюбит его?

— Ты его любишь, — сказал Билл.

— Не знаю… Может быть… — пробормотала она, понурясь, — моя набожная бабушка часто повторяла, что настоящая любовь — это жертва и сострадание; любишь — значит, можешь отречься от самого себя, от своих желаний, от своего счастья ради другого человека…

«Ещё одно определение», — печально подумал Билл. Он смотрел на улицу, глядеть на девушку сейчас было слишком тяжело, и он провожал глазами скользящие мимо автомобили.

— Я сама всегда думала, — продолжала Магдалена, — что любовь — совершенно другое… И даже никак не скажешь о ней. Не опишешь никакими словами.

Она стояла, прислонившись к дверному косяку; простенький профиль её и застывший взгляд были устремлены куда-то вдаль, так далеко, как не могло проникнуть ни зрение, ни мысль, никакое чувство; она смотрела сквозь пространство, сквозь время, и во всей позе девушки, в этом её застывшем, завершённом стремлении к страданию, и героическом, и обречённом, было столько смысла, что казалось, она смотрит на Бога, и — как бы кощунственно и зловеще это ни звучало — видит Его.

— А теперь уходи… — быстро сказала Магдалена, неожиданно обернувшись к Биллу. — Эдвин обычно заглядывает ко мне в это время, будет очень плохо, если он увидит тебя. И ещё… — она замялась, — постарайся больше не приходить. Никогда. Да ты, наверное, и сам понимаешь…

Билл понимал. Ничего не говоря, он повернулся и медленно побрёл прочь. Тонкая струйка боли зарождалась где-то в районе живота; набирая силу, боль поднималась всё выше, вдоль позвоночника, наливала тело, словно бутыль, а затем выплёскивалась через темя наружу, растворяясь в общем океане боли, простирающемся без конца, без края — все существа, когда-либо жившие во Вселенной усердно наполняли его, словно огромный сосуд, этой болью, неизбежной болью несбывшихся желаний…

Но вместе с болью Билл чувствовал облегчение. Он шёл сюда отяжелённый надеждой, ничто так не притягивает человека к земле как его умозрение в будущее; ничто так не лишает человека способности решать свою судьбу, как его многочисленные планы,

заложником которых он становится, сам того не замечая. Теперь же Билл был пуст. Все планы оказались разом стёрты, как надпись мелом со школьной доски. Он в одно мгновение сделался совершенно свободным человеком.

«Да. Я согласен служить…» — подумал Билл.

глава 5

1

Дружба Нетты и Кирочки была странной. Неустойчивой, капризной, неожиданной. Как весенняя погода. Всё потому, что Нетта, сблизившись с Кирочкой, оказалась неким связующим звеном между загадочным миром подруги и внешним, настоящим миром; находясь где-то посередине, она как будто всё время выбирала и никак не могла решить, к какому из двух миров ей следует примкнуть. Другие девочки никогда не хотели брать Киру в свою компанию, но признавались, что охотно дружили бы с Неттой, не будь она лучшей подругой Кирочки… Изредка они звали её куда-нибудь: посидеть на переменке вместе, погулять или на день рождения. Несколько раз Нетта даже соглашалась, причиняя Кирочке невыносимую боль ревнивой отверженности. Однако, окончательное воссоединение Нетты ни с одним из двух миров так и не произошло; она металась от одного к другому, окунаясь в каждый быстро и боязливо, точно в прорубь, но не обретала полного удовлетворения ни в первом, ни во втором.

Как-то раз, после экскурсии в исторический музей, Нетта ни с того ни с сего решила присоединиться к группе одноклассниц, которые собирались посидеть немного в небольшом кафе «Мороженое» недалеко от школы. Разумеется, звать туда Кирочку никто не собирался, и она осталась совсем одна. Ей было до того обидно, что, забыв всякую гордость, она тоже поплелась за девчонками — день стоял пасмурный, ветреный, мрачный остров Заброшенных Верфей почти скрылся за плотной завесой мороси, Кирочка брела позади, на некотором расстоянии, завистливо прислушиваясь к весёлому чириканью девчонок. Она купила себе порцию мороженого и, сев за дальний столик, принялась с бессильной тоской пожирать глазами болтающую и хохочущую компанию одноклассниц.

За окном лежал в подслеповатом матовом свете промозглого дня ранней весны бульвар Плачущих Тополей. Почему он так назывался, никто не знал. В гладкой поверхности круглого столика отражалась часть улицы. В вазочке медленно таяло, оплывая, словно свеча, шоколадное мороженое. Кирочка сидела, сложив руки перед собой, и задумчиво смотрела на тополя. Они стояли в мелком дожде точно в дымке, высокие, стрельчатые, серые, и Кирочке казалось, будто они и в самом деле плачут…

Девочки в противоположном углу кафе, сгрудившись над столиком, разглядывали принесённый кем-то дамский журнал; и с ними была Нетта, задорно порхал и покачивался высокий толстый пучок её рыжих волнистых волос; среди бесконечного количества дождливых оттенков серого он казался ярким, солнечным, будто тропический цветок… А Кирочка сидела одна. Шарики в вазочке уже совсем подтаяли, превратившись в бесформенную, плачущую длинными струйками сиропа сладкую массу…

Кирочку охватил такой отчаянный, удушающий порыв злости, что она не нашла в себе сил усидеть на месте. Девочка вскочила, и сильно ударив двери выставленными вперёд ладонями, опрометью выскочила на улицу. Немногочисленные посетители кафе послали ей вслед несколько недоумённых взглядов. Смело отталкиваясь длинными ногами от мокрого тротуара, местами опалесцирующего бензиновыми разводами, Кирочка бежала вперёд. Ненависть билась в ней, пульсировала, словно огромное чёрное сердце, и Кирочка бежала, изо всех сил колошматя подошвами асфальт, бежала, чтобы уморить это лишнее сердце,

замучить его, вытрясти из себя…

Ей представлялось, как на Нетту и всех остальных девчонок налетает смерч, он подхватывает их, начинает кружить, всё быстрее и быстрее, перемешивать, точно чудовищный шейкер, и они, истошно визжа, носятся по кругу в этом смертоносном вихре, на его поверхности временами показывается то чья-нибудь рука, то пола плащика, то копна ярких рыжих волос; смерч не знает пощады, как пёструю тряпочку, он проглатывает эту копну, Нетта исчезает. И дальше продолжается неистовая пляска вихря, ниспосланного могучей загадочной силой, которая никогда не даст Кирочку в обиду… Вот бы кто-нибудь действительно за неё заступился — всю свою жизнь она только и делала, что терпела насмешки и издевательства! Пусть он никогда не покажется ей на глаза, но он будет всегда рядом, этот тайный защитник, способный отомстить всем врагам одним неощутимым невидимым невесомым мановением мысли…

Переменчивое поведение Нетты ранило Кирочку каждый раз заново: происшествие в кафе на бульваре Плачущих Тополей не было первым и не стало последним, оно лишь заняло своё место в череде подобных повседневных трагедий; и, казалось бы, у Кирочки должно было рано или поздно выработаться нечто вроде иммунитета, но к предательству невозможно привыкнуть; и всегда оно воспринимается болезненно, свежо и ярко, неизменно вживается глубоко, окрашивая мир всеми оттенками боли — и всегда думается, вот оно, на этот раз последнее, самое страшное, и теперь насовсем, навсегда.

Не единожды Кирочка давала себе зарок больше не общаться с Неттой — но никогда не могла исполнить задуманного. Она тосковала; безмерная нежность к единственной подруге, пробуждавшаяся в ней при любом контакте, при случайном соприкосновении плечами во время урока, при неизбежной встрече в коридоре или в столовой — непрошеная упрямая нежность, снова и снова вынуждала Кирочку прощать. Люди сильнее всего привязывается именно к тем, кто изматывает им души, изнуряет их непосильным трудом непрерывного преодоления страдания.

Однако, утверждать, будто Кирочкины переживания не вызывали у её подруги чувственного отклика было бы ошибкой; взаимность со стороны Нетты, безусловно, имела место: она тоже скучала, если случались размолвки, часто сидела одна, и даже иногда, очень редко, правда, да и то полунамёками, первая предлагала перемирие.

В обиходе подруг было множество забавных выдуманных словечек, понятных только им двоим; существовали игры, в которые умели играть лишь они одни в целом свете. К праздникам, а иногда и просто так, девчонки рисовали друг другу карандашами, фломастерами, акварелью красочные открытки или даже целые журналы, с картинками, наклейками, забавными историями, шутками-междусобойками, комиксами про одноклассников и учителей.

Подобные маленькие секреты способны сплотить сильнее, чем какие-либо другие интересы подростков — сформировавшийся вокруг подруг трогательный, игрушечный мирок, обособленный, отделённый от всего остального, неодолимо притягивал Нетту, и потому, вероятно, она не могла окончательно шагнуть за его пределы, к другим девчонкам с их вечными сплетнями, смешками в спину, разговорами о косметике и нарядах. С Кирочкой всегда можно было остаться наедине, даже если вокруг были люди, множество людей. Она с детства обладала поистине чудесным свойством — создавать вокруг себя такие уютные мирки — этому она научилась, когда её забрали из детского сада и отдали на попечение бабушки. Бабушка постоянно хлопотала по хозяйству или смотрела нескончаемые

телевизионные сериалы, не обращая на внучку никакого внимания; дети, предоставленные сами себе и при этом ограниченные в общении, обыкновенно вырастают в замкнутых чудаковатых взрослых, как будто немного сопротивляющихся всему внешнему, но наделённых взамен отзывчивости и готовности жить настоящим моментом, неуёмным воображением и какой-то таинственной отрешённо-счастливой мечтательностью — как будто Вселенная, навеки оставив этих своих избранников наедине с ними самими, приобщила их к чему-то более чистому, высокому и значительному, чем человеческое общество.

Другие сверстницы, конечно, тоже интересовали Нетту; и она довольно часто сознательно подавляла в себе желание к ним присоединиться, её привязанность к Кирочке была достаточно глубокой, и вдобавок, примешивалось чувство вины, ведь Нетта понимала, что, оставляя подругу, обрекает её на одиночество. Тем не менее, ссорились они нередко. И Кирочка всегда извинялась первая, вне зависимости от того, которая из них двоих оказывалась неправой. Она любыми способами пыталась вернуть утраченное расположение Нетты, порой унижаясь, порой позволяя подруге слишком многое и прощая даже то, что не следовало бы прощать; но не стоит поспешно судить её за это; мало кто способен в полной мере представить себе, насколько сильной может быть единственная привязанность изгоя.

И Нетта, как, наверное, любой человек, не осенённый подлинной святостью, не устояла перед великим соблазном этим воспользоваться. Но, к чести её надо заметить, она старалась не слишком наглеть. Кирочка ничего не жалела для Нетты — и добрую половину школьного завтрака, и домашние задания, и время, и порывы, и мечты — всё это она с радостью складывала на алтарь их дружбы; и, разумеется, посещение кафе на бульваре Плачущих Тополей вскоре было прощено Нетте, как и прочие небрежности, вольности, даже мелкие пакости — Нетта ведь была единственным существом, капризным, может быть, переменчивым, не упускающим своей выгоды, но, тем не менее, — Кирочка чувствовала — искренне привязавшимся к ней. И все жертвы, приносимые Кирочкой, объяснялись лишь её неуёмной благодарностью Нетте за это.

2

У Саша Астерса была длинная тонкая шея и крупная яйцевидная голова. Когда в средних классах он, подобно многим юношам, как-то размашисто и резко вытянулся, это стало ещё заметнее; русая стриженая голова, особенно если глядеть издалека, плыла в шумной утренней толпе школьников будто бы сама по себе; заметно возвышаясь над линией плеч, она воспринималась чем-то самостоятельным, отдельным, и оттого невообразимо гордым. Лоб у Саша был высокий, крутой, щёки трогательно округлые пока, нежные, должно быть; когда он стеснялся или сердился, они, как у большинства светлокожих, распускались большими красными цветами.

Учился Астерс неважно, но несмотря на это в классе его уважали. Он был немного неуклюж, нескладен, но одарён зато таким задорным искромётным обаянием, что когда он смеялся, хотелось смеяться тоже, просто смеяться, не важно над чем; среди мальчишек Саш легко становился заводилой; а многие девчонки уже бросали на него заинтересованные взгляды, красивые девчонки — не то что Кирочка! — они красили ресницы и даже волосы, модно одевались и носили свои тетради в кокетливых сумочках, а не в квадратных ранцах.

С пятого класса таинственная связь существовала между Кирочкой и Сашем Астерсом. Между «отличным парнем» и «ручкой от швабры». Должно быть, всё началось в тот день, на уроке географии, когда Кирочке показалось, что из загадочной страны фантазий поиграть с

нею пришёл дракончик Гордон; ему ведь нужно было в кого-нибудь вселиться, чтобы существовать в настоящем мире, и он выбрал именно яйцеголового Саша Астерса…

Всё выглядело чередой самых обычных насмешек, но внутри оно было совсем другое, горячее, мягкое — как начинка в столовском пирожке — спрятанная глубоко, она остаётся тёплой, даже если корочка уже остыла. Когда Саш шутил над Кирочкой и смеялся, обнажая ровные мелкие зубы — в ней вместо обиды почему-то неудержимо разрасталась радость — точно большое дерево, которое изнутри так весело и сладко щекотало ветвями Кирочкин живот.

И Саш повторял это снова и снова. Его глаза-бабочки оказывались близко-близко — казалось, вот-вот вспорхнут да сядут ей на щёки — когда он, перегнувшись через парту, пытался сунуть какую-нибудь очередную пакость — жука, мокрую бумажку, обломанный карандаш — в карман её школьного рюкзака.

Как-то раз в столовой к завтраку подали макароны. Кирочка сидела за соседним столиком спиной к Астерсу.

Внезапно что-то липкое и холодное прыгнуло ей на шею.

Она удивилась — макаронина!

Кира обернулась. Саш Астерс хихикал, скаля зубы. Глаза у него блестели. Щёки цвели.

Кирочка не поскупилась на месть. Она зачерпнула целую ложку остывших макарон и, не раздумывая, запустила ими в Саша. Предвкушая ответный удар, она тотчас выскочила из-за стола и помчалась между столиками семимильными прыжками больших ног. Радость от безнаказанности, и ещё от чего-то, чему не было названия, вольно и горячо билась под рёбрами; Кирочка неслась по проходу — быстрая, лёгкая, радостная — как первый весенний ветер, звёздами сияли её огромные антрацитовые глаза. И пространство перед нею расступалось, давая дорогу этому стихийному потоку радости; останавливались и пропускали бегущую девчонку встречные, завороженные, ослеплённые сверканием её чувств…

Саш успел уклониться от запущенных в него макарон. Они угодили на манишку сидевшего с ним рядом Лоренца Дорна.

Тот медленно поднялся. Лицо его было пропастью гнева, в руках он держал свою тарелку.

Кирочки и след простыл, а отомстить за макаронную атаку хотелось. И Лоренц, угрожающе сдвинув брови, вышел из-за стола и направился прямиком к Нетте. Видимо, он решил, что это будет справедливо: коль скоро в него попали предназначенные Сашу макароны, то за Кирочку пусть ответит её подруга.

Дорн уже готов был опрокинуть на голову ничего не подозревающей Нетты свою тарелку, как в просторном зале столовой нежданно-негаданно появилась классная. Надежды на месть рухнули, Лоренцу пришлось вернуться на место; он обреченно сел и принялся механически жевать холодные слежавшиеся макароны. Потом со злостью отодвинул их, толкнув тарелку ладонью, и до самого звонка просидел просто так, сложив руки перед собою, с вытянувшимся скорбной чертой ртом и недовольным сумрачным взглядом.

3

Физику в средней школе вела довольно эксцентричная пожилая дама. Она была до того полная, что казалось, положить ей на грудь стопку книг — не упадёт. Своим громким суровым голосом она внушала почти суеверный страх нарушителям дисциплины, и шкодливая малышня в коридорах, завидев её, кидалась врассыпную, и вплывала она в класс

неторопливо величественно, словно атомный ледокол.

Физичка очень любила подтрунивать над учениками. Она обыкновенно складывала на кафедру стопкой свои большие будто бы надувные ладони, в сладострастном предвкушении облизывала губы и начинала в воспитательных целях глумить какого-нибудь очередного бедолагу, которому на сегодняшний день не посчастливилось вписаться в узкие рамки её представлений о воспитанном школьнике. А некоторые ребята, которых она называла «любимчики», регулярно становились объектами насмешек, но это уже были насмешки несколько иного сорта; над фаворитами своими физичка пошучивала по-доброму, по её собственному выражению «любя». Она, например, частенько делала их героями маленьких выдуманных историй, призванных иллюстрировать какие-либо физические явления. Так случилось, что и Саш Астерс и Кирочка вместе оказались в этой немногочисленной группе «любимчиков».

Это случилось в конце зимы. За окном был хороший утоптанный снег. Белый, плотный, блестящий. Точно пластик. И как раз по физике проходили силу трения.

Кирочка откровенно недоумевала, как могло почтенной пожилой женщине прийти в голову сказать столь странную и возмутительную вещь; ведь все знали, весь класс, вся школа, что она, Кирочка, «дурочка», «фонарь», «ручка от швабры», чудачка, «урна для чужого плохого настроения», а он, Саш, «классный парень», «красавчик»; многие девчонки, наверное, хотели бы стать той, единственной… Да и могло ли сказанное физичкой в тот день вообще быть хоть на йоту правдой? Кирочка думала, что влюблённость, это нечто такое, что всегда будет случаться с другими, и никогда не затронет её лично.

— Коэффициент трения «мю» между снегом и металлом очень мал, — неторопливо проговорила физичка, оглядывая учеников а поисках героя очередной поучительной истории, — Допустим, Саш катает свою возлюбленную… на саночках, — физичка очень эффектно выдержала паузу, выразительно взглянув сперва на Киру, а затем на Астерса, — Вот он и сейчас на неё смотрит, а надо бы — в учебник…

Кирочка не сумела перебороть любопытства и быстро глянула на Саша.

Он был красен как рябина на снегу, как заходящее солнце в морозный день, как помидор, как степной мак, как роза, как артериальная кровь, как кумачовый флаг революции… Нет. Он, пожалуй, был даже краснее, чем все известные красные и алые предметы на свете. Он был сама краснота, сама алость; другие, может, даже ничего и не заметили, но для Кирочки в тот момент не было на свете ничего ярче — багрянец этих щёк ослепил её, она не хотела больше смотреть, но он светил ей отовсюду, его сияние невозможным образом отражалось во всех предметах, в школьной доске, в листе тетради, в обложке учебника…

И жалко Саша Астерса стало до хруста пальцев, стиснутых под партой! Ведь теперь, может, и над ним тоже будут смеяться. Даже если это не правда… Кто-нибудь всё равно подцепит на язык новую остроту физички… Как же так!

Кире хотелось закрыть своими руками покрасневшее лицо Саша, спрятать его, чтобы никто не видел. Ей было стыдно его стыдом. И ни и на секунду она не подумала о том, чтобы обрадоваться, боязливо и тайно, как радуются обычно девчонки, обнаружив ненароком симпатию юноши. Кирочка чувствовала вину и досаду. Как только у проклятой физички повернулся язык уличить Саша! Он ведь здесь совершенно не при чём. И это она, Кирочка, всё придумала: и ресничных бабочек, и дерево с длинными щекочущими ветвями, и игру в дракончика Гордона…

4

Нетту перевели в другую школу. С углублённым изучением иностранных языков. Так решила её мама. И Кирочка снова осталась одна. Она какой-то особенной грустной любовью полюбила теперь небольшое кафе на бульваре Плачущих Тополей. Иногда после занятий она приходила туда, брала порцию мороженого, садилась к окну и подолгу глядела на тополя; серые, стрельчатые, они ровными рядами высились на бульваре, устремлялись вверх, так пронзительно, так остро — ах, несчастные тополя! — безнадёжно пытаясь достать небо, они вечно тосковали о нём.

Кира была способная девочка; даже не прилагая больших стараний к учению, в школе она успевала хорошо и всегда от чистого сердца жалела людей, лишённых подобной ученической смекалки — «ботаников», «зубрил», «заучек» — которые, просиживая за уроками дни и ночи напролёт, всё равно получали «тройки». В Кирочкином классе была одна такая девочка: очень спокойная, ювелирно аккуратная, старательная, но хронически неуспевающая. Звали её Дагма.

Кирочка очень долго стеснялась предложить однокласснице помощь. И это достаточно легко объяснимо; всё-таки тема умственных способностей весьма щекотливая, и подходить к ней нужно как можно более деликатно. Кира уже несколько дней подряд, приблизившись к Дагминой парте, готовилась с нею заговорить, но каждый раз непреодолимо робела: она никак не могла решить, в какие слова облачить свой столь необычный порыв: «Ляпну вдруг не то, Дагма ещё обидится, скажет, мол, и без тебя я тут справлюсь, ручка от швабры…»

Так, наверное, Кирочка, с величайшей осторожностью и только по необходимости позволяющая другим нарушать границы своего одиночества, и не решилась бы никогда обратиться к Дагме. Но та однажды сама подняла голову от тетрадки и спросила:

— Ты что? Хочешь что-то спросить? Я заметила, ты не первую перемену стоишь надо мною и молчишь. Говори лучше. Так ты только мешаешь мне решать задачу.

— Какую? — спросила Кирочка.

— Номер сто двадцать два. По алгебре. Она у меня не получается… — Дагма сделала обречённо-сердитое движение в воздухе ручкой, словно перечёркивая злополучную задачу.

— А… хочешь… я тебе… объясню… — цепенея, словно перед прыжком в пропасть, пролепетала Кирочка.

Всё оказалось не так-то просто. Кира, конечно, готовила себя заранее к определённым трудностям, но она их явно недооценила.

Дагма слушала её очень внимательно, можно сказать даже благоговейно, так, как слушают человека, достигшего несоизмеримо больших высот мудрости, так, как слушают Мастера. Но это не помогало. От усиленной умственной работы на низком чуть вогнутом лбу Дагмы собиралась морщинка, широкие, похожие на гусениц брови сдвигались; она напрягалась почти физически: будто задачка была некой неподъёмной тяжестью, которую следовало сдвинуть с места и куда-то тащить. Но всё равно ничего не выходило. Алгебра по-прежнему оставалась недоступной её пониманию. Словно огромный светящийся шар, она манила мысли — беспомощные тонкокрылые мотыльки, они снова и снова пытались приблизиться к этому горячему солнцу знания, но падали, усталые, опаленные…

Упорство и терпение Дагмы, однако, поражали воображение. Она способна была часами сидеть на стуле своим обширным уютным задом и медленно, с непостижимым сосредоточением выводить алгебраические символы в тетрадке, старательно прорисовывать каждую петельку и палочку, совершенно не понимая смысла, стоящего за всем этим. У

Дагмы был каллиграфический почерк; тайные знаки выходили из-под её руки неторопливо, всегда одинаково, кругло, стройно, и особенная умиротворяющая красота этого процесса постепенно примирила Кирочку с его полной бессмысленностью. Дагма представлялась ей малюсенькой улиткой, что ползёт и ползёт, с поистине величественным упорством, по склону огромной горы.

Так и не добившись успеха, Кира подумала, что, может, и не стоит втолковывать Дагме абсолютно чуждую ей математику, ведь, вероятно, она создана для другого; у Дагмы, наверное, тоже есть свой мир, непохожий ни на Кирочкин, со статуэтками, спрятанными в диване, тополиной грустью и дракончиком Гордоном, ни на чей другой; в Дагмином мире, быть может, совсем не математики, но вместо неё есть нечто такое, чего даже представить себе не могут те, кому эта пресловутая математика доступна.

5

Выпускной решено было отметить на природе. Весёлый автобус, набитый вчерашними школьниками, плавно покачиваясь, увозил их по шоссе вдоль побережья, от сверкающих высоток, от солнца, бьющего в заднее стекло, бегающего золотыми полосками по спинкам автобусных кресел, от вечернего шума города, к тихим островам, брошенным в залив горсткой крупных горошин, и связанных друг с другом и с берегом вантовыми мостами. Острова не застраивались, их решено было оставить лоскутками нетронутой природы для отдыха горожан, вьюнок и дикий хмель вблизи берегов начали завоёвывать металлические конструкции мостов, они обвивали вздымающиеся в небо толстые стальные тросы; удивительные чувства рождало это сочетание невесомого и массивного, гибкого и твёрдого, цветущего, переменчивого, живого и монументального, статичного, навеки застывшего в своём технократическом величии.

Ребята разделились на небольшие группы; гуляли по лесу, перебегали по пустым и тихим вантовым мостам с одного острова на другой, забирались в старинную заброшенную усадьбу, утонувшую по самую крышу в зарослях малины и иван-чая; там, среди битого стекла и размокших картонок кто-то из мальчишек нашёл портрет Вождя в тяжёлой деревянной раме. Саш Астерс объявил, что возьмёт его домой и повесит на стену.

Кирочка бродила одна. Никто с нею не заговаривал; и она долго смотрела, как гас над заливом закат, медленно обступаемый облаками; он постепенно исчезал в их тучной кремовой гуще, становясь всё краснее и тоньше, пока, наконец, не истончился совсем, превратившись в щелевидную, плотно стиснутую со всех сторон, густо-багровую полосу.

Кирочка кидала камни в воду, а когда ей это наскучило, рискованно ступая по замшелым скользким прибрежным камням, зашла так далеко в море, как смогла, и, найдя относительно устойчивое положение на плоском камне, зажмурилась, подставив лицо ветру. Ей доставляло странную мрачную радость стоять вот так, представляя, что берег не в нескольких десятках метров, а в сотнях миль, и она одна здесь, совсем одна среди воды и ветра…

Саш Астерс вышел на берег и увидел чёрный тонкий силуэт девушки на фоне закатного неба. Он сразу понял, что это Кирочка. Саш застыл, поражённый и очарованный этой картиной: тихие волны, пастельные краски неба, девушка, стоящая, кажется, прямо на воде, далеко-далеко от берега; ветер в её волосах, косынке, юбке. Он чуть было не окликнул Кирочку, но остановил себя, рассудив, что толком и не знает, что ей сказать.

Уже в сумерках, когда нужно было возвращаться к автобусам, Кирочка, запутавшись в лесных дорожках острова, случайно застала врасплох целующуюся парочку. Продравшись

сквозь заросли дикой смородины и хмеля, она раздвинула руками ветки молодого орешника и увидела их. Двое остановились на узенькой тропинке и, обнявшись, соприкасались неопытными губами, робко, некрепко, словно щенки, что, принюхиваясь при знакомстве, так трогательно неуклюже тыкаются друг в друга мокрыми носами. Одним из этих двоих был Саш. Кирочка сумела это понять в полумраке, девушка же стояла спиной. Ирма Вайнберг? Или другая? Да разве ж это важно?..

Стараясь не шуметь, Кирочка исчезла среди ветвей. Но Саш, кажется, видел её. Он отвлёкся от поцелуя и какое-то время всматривался в серую мглу листвы сурово и напряжённо.

— Что такое? — спросила девушка.

— Да нет, ничего, показалось… — ответил Саш, снова склоняясь к ней.

Бежать по лесу совсем не то, что по городу. Лес — обитель гармонии. И когда ты расстроен, обижен, зол, он не принимает тебя; каждая кочка готова броситься тебе под ноги, каждый сук рад тебя уколоть — сама земля, усеянная коряжистыми палками, незаметными под длинной травой, встречает тебя враждебно. Кирочка бежала, спотыкаясь, сердито отмахиваясь от веток, хлещущих по лицу. И опять ей чудился чёрный вихрь; он закручивался всё быстрее и быстрее, сливаясь перед глазами в мутно-дымчатый столб от земли до неба; и иногда в его непрерывно вращающемся теле то здесь, то там мелькали новые туфельки Ирмы Вайнберг, её крашеные волосы, блестящая чешуйчатая сумочка для книг…

6

Жизнь не состоит из событий. Она непрерывна. Просто многие люди привыкли жить от события к событию, в перерывах смакуя собственные переживания так, словно ничего другого нет. Подобно тому, как человеческое сознание не в силах вместить бесконечность, оно не может принять абсолютную непрерывность; мы ограничены, и потому вынуждены дискретизировать. Само разделение времени на секунды, минуты, часы — лишь условность, принятая для простоты, и есть в этом разделении некая доля искусственности, ведь если бы существовали какие-либо кванты времени, то должны были бы существовать и промежутки между этими квантами, временные пустоты. Человеческое сознание не способно воспринимать время иначе, чем длительность процесса, но на самом деле время абсолютно непрерывно, безвременья в природе нет… Нужно вглядываться и вдумываться в каждую секунду своей жизни, бережно и любовно, даже если в эту секунду именно с тобой ничего не происходит — тебе решать, чем станет то, что ты увидишь, — восхитительным переживанием, которое захватит тебя целиком, или не стоящей внимания ерундой, которую ты пропустишь в ожидании чего-то яркого, невероятного, уникального, предназначенного лично тебе. Созерцание — есть великий дар, и не все наделены им. Умение созерцать — основа подлинного бескорыстия. Ведь всякий, неизменно находящий в созерцании удовольствие, счастлив только потому, что существует.

Кирочка, не ведая об этом, в полной мере была наделена таким даром. Для неё порхающие ресницы Саша Астерса существовали лишь как процесс; процесс можно наблюдать, но нельзя присвоить. В её сознании не возникало стандартных девчоночьих фантазий: о встречах, об объятиях, о поцелуях. И Ирма Вайнберг, физичка, Нетта, которая вскользь позволила себе заметить не в меру язвительно, дескать, Кирочка к Сашу неровно дышит — все они вызывали в ней досаду лишь потому, что каким-либо образом невольно овеществляли её переживания. Ирма ходила с Сашем за ручку по бульвару Плачущих Тополей; гуляя, Кирочка несколько раз видела их вместе. Физичка, тут и говорить нечего,

когда Кирочка вспоминала про «мю» и саночки, у неё начинали гореть уши. «Втюрилась, а что такого, со всеми это когда-то случается», — сказала подруга Нетта. Нельзя так. Это слишком грубо. Если бабочку брать пальцами за крыло, можно повредить тончайший слой пыльцы на нём — бабочка не сможет летать и погибнет… Если дракончику Гордону, обидевшись, крикнуть: «Да тебя вообще не существует!» — он больше никогда не придёт поиграть… И если волшебный процесс назвать каким-то конкретным словом, подвести под какое-то общепринятое понятие, он сразу перестанет быть волшебным, сразу утратит свою уникальность; он будет просто одним из тех процессов, что происходят и с другими тоже, повторяются много-много раз и даже составляют некоторую статистику.

В конце первого лета после окончания школы Нетта влюбилась. Она сама, ничуть не стесняясь, обозначила своё состояние этим словом. Стоял август. Воздух был бархатный. Заходящее солнце опускалось медленно; и потом долго ещё погасал широкий перламутровый шлейф, оставляемый им в небе. Безветренными вечерами можно было гулять в лёгких платьях. И для Кирочки началась очередная удивительная история, перед её глазами развернулся новый захватывающий процесс; ни минуты не колеблясь, она принимала всё происходящее с Неттой в себя.

Созерцание бывает не только зрительным, но и чувственным. И подлинно разделить чужой опыт возможно, лишь созерцая его, получая истинное наслаждение от существования всех его составляющих. Нужно большое терпение и самоотречение, чтобы проживать жизнь ближнего в мыслях и чувствах так же внимательно и заинтересованно, как свою собственную.

Нетта и Кирочка ходили гулять с маленьким кассетным магнитофоном, держа его за пластиковую ручку как сумку. Они включали полную громкость, и музыка неслась во все стороны, накатывалась волнами, обрушивалась как башенки из деревянных кубиков, или горошинами катилась по асфальту… А порой магнитофончик шуршал помехами, будто дождь по крыше. И в этом тоже находилась своя прелесть.

Возлюбленный Нетты по вечерам выходил кататься на скейтборде. В парке собиралась обыкновенно компания из пяти-семи пацанов с досками; они рассаживались на поребрике, демонстрировали друг другу новые трюки, вели непринуждённые приятельские беседы, щёлкали орешки и семечки. В предвечерье на фоне шёпота шин близкой автострады далеко разносился глухой стук скейтбордов об асфальт. Нетта вслушивалась в него как в ритм шаманского там-тама, и иногда ей даже казалось, что она может различить среди прочих звук, производимый именно доской её фаворита.

Он носил кепку набекрень и широченные штаны, сильно провисающие между ног, — так называемые «трубы» — оставалось загадкой, как он умудряется кататься в них на скейтборде и при этом не падать. Когда Нетта с Кирочкой нарочито медленно фланировали туда-обратно по парковой дорожке, он старательно делал вид, что не замечает их скользящих заинтересованных взглядов. Но один раз Кирочка, резко обернувшись, всё-таки поймала момент, когда он провожал Нетту глазами. Живой же человек, любопытно же ему, кто ходит тут, как кошка вокруг аквариума. Этот единственный короткий взгляд невероятно долго потом припоминался и обсуждался, находя всё больше новых трактовок и интерпретаций — давно известно, что из едва заметных на ладони мушек ничто не способно выращивать гигантских слонопотамов эффективнее, чем воображение влюблённой девчонки.

— Посмотри на меня со спины, — приказывала Нетта Кирочке, — я красивая?

Представь, что ты это он и смотри мне вслед… Ой, нет! Только не отсюда. Отойди на несколько шагов… Вот так.

Кирочка послушно пятилась по парковой дорожке, усердно вглядываясь в стоящую впереди Нетту. У неё была стройная спина с крестиком узких лямок сарафана. Талия. Ноги в сабо на высокой платформе сзади казались похожими на копытца. Рыжие пряди — точно языки пламени в костре — полоскал тёплый ветер.

— Ну что, красивая?

— Красивая, — сказала Кирочка.

Близился конец лета, и времени на то, чтобы очаровать скейтбордиста своей дивной спиной у Нетты оставалось всё меньше и меньше. Она загрустила. Конечно… Начнётся учебный год, испортится погода, парни перестанут приходить со своими досками в парк — исчезнет возможность каждодневно видеться с объектом обожания.

— Почему бы тебе к нему не подойти? Не поговорить с ним о чём-нибудь? Вдруг он даже не догадывается о твоих чувствах, — предложила Кирочка.

Нетта качнула пышной копной волос.

— Не… Я не могу… Так не принято. Парень должен делать первый шаг. Всё что можем мы, девушки, — это подавать едва заметные сигналы.

— А если он их не поймёт?

Нетта глянула на Кирочку как бы с высоты собственного колоссального женского опыта.

— Кому надо, тот поймёт, — сказала она и вздохнула.

Надо заметить, что период этой Неттиной невзаимной влюблённости в скейтбордиста ощутимо сблизил подруг, их отношения стали гораздо более чуткими и глубокими, чем прежде. Возможно, виной тому было окончание школы. Растаяло вокруг привычное общество одноклассников, и внезапное ощущение одиночества в большом мире, которое очень часто посещает выпускников, сильнее привязало Нетту и Кирочку друг к другу.

Нетта была влюблена, и Кирочка — в некотором особом смысле — тоже. Она влюбилась не в кого-то конкретно, а в сам процесс любви, ей нравилось наблюдать за его течением не будучи при этом активным элементом игры — как если бы она смотрела на реку с берега. Её собственное отношение к противоположному полу всё ещё оставалось по-детски сумбурным: симпатия к Сашу Астерсу так и не смогла оформиться, как у Нетты, в какие-то конкретные желания, школа кончилась, Саш исчез, не стало больше ошеломительно взлетающих чёрных бабочек, не стало процесса, не стало наблюдения, и поэтому все те восхитительные краски ювенильного цветения души, что предназначены, по идее, избраннику, Кирочка направила на существо, что находилось тогда с нею рядом — на свою подругу. Такая необыкновенно трогательная нежная любовь-дружба возможна только в юные годы, когда все чувства, удивительным образом обострённые, неустанно ищут точку приложения, объект, на который они буквально готовы обрушиться…

Те последние ясные дни догорающего лета были наполнены поистине волшебными ощущениями и переживаниями. Много позже, перебирая их в памяти, Кирочка всегда чувствовала прилив необыкновенной сердечной теплоты — главным героем этой удивительной истории на самом-то деле никогда не был тот скейтбордист, эта история повествовала лишь о них двоих — о Нетте и о Кирочке, потому что не было в ней совершенно никаких событий, в которых скейтбордист принимал бы непосредственное участие — только музыка, летящая из динамиков маленького кассетника с ручкой, только

тонкая голубизна летних сумерек, только дивный сказочный поющий и трепещущий мир, созданный воображением двух семнадцатилетних девчонок.

— Расскажи мне, — любила говорить Нетта, усаживаясь на диван с ногами и водворяя рядом какую-нибудь уютную плюшевую игрушку, — у тебя хорошо получается. Расскажи мне про нас… Как будто бы мы вместе…

И Кирочка рассказывала, призывая на помощь всю титаническую мощь своей фантазии — она выдумывала замысловатые приключенческие сюжеты с участием Нетты и скейтбордиста; легко и непринуждённо перемещая их во времени и пространстве, селила в дивно прекрасных краях; в мгновение ока они перевоплощались в бродячего музыканта и красавицу-графиню, в короля и нежную пастушку, в командира космических войск и загадочную инопланетянку — лишь одно оставалось неизменным, всегда и везде, в обрамлении колдовских лесов и на борту сверхсветового звездолёта, при встрече этих двоих охватывала такая великолепная, торжественная, эстетически совершенная страсть, что острая кинжальная грусть — мгновенное озарение — вспыхивала порой в мыслях юной сказочницы или её единственной слушательницы — это невозможно! Этого не будет. Ни с Неттой. Ни с Кирочкой. Никогда-никогда… На свете, наверное, нет мечты более прекрасной и более неосуществимой, чем первая девчоночья мечта о любви.

7

Поступив на первый курс, Кирочка не очень утруждала себя мыслями о том, чем она будет заниматься по окончании университета. Отец часто укорял её за отсутствие конкретных планов.

— Нельзя быть такой беспечной, — увещевал он, — плывя по течению невозможно ничего достичь, ты витаешь в облаках, жизнь в твоих глазах похожа на какой-то лиловый туман, на зыбкий мираж. Но это далеко не так!

Как ни старалась, Кирочка не могла заставить себя жить согласно представлениям своего отца о том, как нужно жить правильно. Она попросту не умела рисовать в своей голове подробный план будущего. Оно всегда представлялось ей не чёткими прямыми парковыми дорожками, а именно лиловым туманом, тихо колышущимся, загадочным, зовущим… Она внутренне была больше согласна со своей матерью. Женщины обладают глубоким интуитивным понятием о мире. Если мужчине непременно нужно что-то знать, то женщине иногда вполне достаточно просто верить.

Это было главное противоречие в Кирочкином сознании: отец учил её, продумав всё наперёд, уверенно идти к намеченной цели, идти прямо, не останавливаясь и не сворачивая, если понадобится — напролом; а мама говорила, что самое важное в жизни всегда устраивается само, и никогда не стоит суетиться, ломиться во все двери и пробивать дорогу лбом, нужно только быть внимательным к тем возможностям, которые предлагает, словно невзначай, сама судьба.

Параллельно с учёбой Кирочка устроилась работать а закусочную. Это было самое обыкновенное заведение быстрого питания, где подают пиццу, багеты, начинённые зеленью, и охлаждённые газированные напитки. Ей выдали форму — брюки с ремешком, стягивающимся на талии, клетчатую рубашку с коротким рукавом и козырёк с крупным изображением логотипа компании. Делать нужно было всё: Кирочка ходила туда-сюда между рядами столиков, протирала их, смахивала крошки и выбрасывала в мусорный бак, стоящий прямо в центре зала, огромное количество бумажной одноразовой посуды.

Больше всего Кирочке нравилось мыть стёкла. Это всегда приносило удовлетворение

потому, что она стразу же видела результат своего труда — напрыскав из пульверизатора на мутное от касаний пальцев и уличной пыли стекло специальный состав, она быстро-быстро растирала его сухой тряпкой, и — о чудо! — стекло на глазах становилось абсолютно прозрачным, гладким, сверкающим как кристалл!

Заведение было небольшое, и работали обычно вдвоём. Кирочка и парень за кассой. У него была какая-то более высокая должность, и он очень ею гордился. Ему больше не нужно было вытирать со столов и выкидывать объедки — его функции заключались в обслуживании посетителей за прилавком — он варил кофе, упаковывал пиццу и взбивал на специальной установке ароматные пенистые молочные коктейли — его работа была гораздо более чистой и приятной, чем Кирочкина, кроме того, он чувствовал себя в некотором роде начальником и никогда не гнушался тем, чтобы немного её погонять.

— Давай-давай, шевелись, вон там столик крайний не очень блестит, протри-ка его ещё раз.

Парень утверждал, что он сам «дорос» до этой своей почётной должности; а когда он только пришёл в закусочную, два года назад, и ему приходилось, как Кирочке, собирать со столов и выносить мусор.

— Ты хочешь стать управляющим? — спросил парень Кирочку как-то раз ранним утром, когда в их крохотном бистро ещё не было ни души.

Кирочка очень любила эти поистине волшебные минуты, когда оранжевые лучи медленно поднимающегося солнца, беспрепятственно проходя сквозь чисто вымытые ею стекла, ложились на столики и кафельный пол яркими золотыми дорожками. В такие минуты ей не хотелось ни с кем разговаривать, только стоять, застыв, с тряпкой или со шваброй в руках, и неотрывно глядеть в лицо сияющему новому дню, так властно и весело вступающему в своим права.

— А надо хотеть стать управляющим? — спросила она, досадуя на своего коллегу, так грубо нарушившего это хрупкое очарование стекла, света и тишины.

— Ну… вообще то да, — ответил парень, слегка опешив. — У человека должна стоять цель. Хотя бы маленькая, на день, на два, на неделю. Достигнешь этой маленькой, ставь новую, побольше. И так без конца. Не понимаю, как жить по-другому?

— А у меня нет целей, — ответила Кирочка, от нечего делать в десятый раз протирая столик, — только мечты.

— И чем одно от другого отличается? — удивился парень. — По-моему разницы нет. Ведь цель — это некое представление о будущем, и мечта — тоже. Суть одна. Только слова разные.

Кирочка задумалась. То, что говорил парень было правильно, но всё-таки не совсем.

— Мечта — это когда от тебя вообще ничего не зависит, — сказала она. — Вот я, к примеру, мечтаю встретить когда-нибудь одного своего бывшего одноклассника, но я ни номера телефона его не знаю, ни адреса… Это не может быть целью, ведь я ничего не могу активно делать для того, чтобы моё желание осуществилось, я могу только думать об этом иногда, и, быть может, это случится.

— Мечтательница… — пробормотал парень немного презрительно, — я всё предпочитаю держать в своих руках. — Он немного помолчал, сердито переставляя что-то на прилавке, потом снова поднял голову, — а зачем тогда ты работаешь здесь? Ради чего?

— Не знаю, — Кирочка пожала плечами, — девочки из группы мне посоветовали, и я решила попробовать…

— А по жизни кем хочешь стать?

Кирочку со школы этот вопрос неизменно ставил в тупик, она никогда не могла толком на него ответить.

— Я уже есть, — сказала она, глянув на парня из-под козырька. Ей не хотелось продолжать разговор, может, ещё оставалось несколько драгоценных минут до первого посетителя, и она охотнее потратила бы их на то, чтобы полюбоваться солнцем…

Юноша передёрнул плечами.

— Странная ты какая-то. Не надо тебе ничего. — Он раздражённо взмахнул тряпкой, в очередной раз протирая металлический поддон кофемашины, который и так был ещё по-утреннему чист — ни капельки, ни пылинки, — Будто сидишь и ждёшь, что к тебе придёт волшебник, который всё, что угодно, может сделать одним мановением руки. Глупо.

Ничего ему не ответив, Кирочка медленно пошла вдоль ряда столиков, навстречу яркому рассвету, льющемуся в зал сквозь чистые стёкла. Звякнул колокольчик на входной двери — час пробил — первый посетитель вошёл в бистро и решительным шагом направился к прилавку.

8

Когда наступила зима, Нетта влюбилась в другого мальчика. Зимой никто не катается на скейтборде. А Нетте просто необходимо было постоянно быть в кого-нибудь влюблённой, без этого она как будто бы теряла свою цельность — есть такие неугомонные женские натуры, для которых состояние влюблённости является своего рода наркотиком, и они стремятся постоянно его в себе поддерживать и культивировать.

Зима стояла тёплая, слякотная. Небо снизилось, став похожим на старую посудную губку. Лохматое, оно висело клочьями. Рукава грязных дорог наполнились колючим серым снегом. Чтобы поддерживать полы в закусочной в требуемой чистоте, Кирочке приходилось хвостом ходить за каждым посетителем заведения, стирая со светлого кафеля свежие разводы уличной грязи. Даже мытьё стёкол больше не радовало её — утра были по большей части такими тусклыми и бесцветными, что ради них не стоило стараться… Весь мир напоминал засиженное мухами зеркало. Только парень за прилавком суетился и улыбался как прежде. Его путь, видимо, всегда, в любое время года и суток, освещала прекрасная, сияющая ярче солнца мечта стать управляющим.

Морозы грянули совершенно неожиданно, в самом конце зимы, когда никто их уже не ждал. В считанные дни город преобразился: просветлел, засиял, став вдруг чистым, звонким. Отделанные стеклом и металлом небоскрёбы центра стояли в неподвижном стылом воздухе словно драгоценный хрустальный сервиз, и перламутровое небо, отражаясь в них, дарило им восхитительно нежную игру света.

Дорожки в парке были похожи на коридоры сказочного замка, по вечерам особенно, когда сумерки начинали едва заметно голубеть. Мороз обладает удивительным свойством — всё, охваченное им, как будто замирает, заостряется; линии становятся резче, чётче.

Привычка бродить по парку у Кирочки и Нетты сохранилась: пусть теперь центральная аллея, занесённая снегом, превратилась в нечто совершенно иное и уже ничем не напоминала о лете, музыке, скейтбордистах… Это всё осталось где-то в другом измерении, которое никак невозможно было совместить с величественным молчанием заиндевелых деревьев и пустых холодных скамеек.

Подруги, прогуливаясь, шли сквозь прозрачную стынь морозного воздуха. Аллея впереди была белая, ветви деревьев — словно карандашные линии на альбомном листе. Небо

— как абажур из тонкого молочного стекла.

— Смотри, какая белая дорога.

Кирочку охватило необыкновенно счастливое и спокойное чувство. Нетта показалась как никогда дорогой, близкой. Всё вокруг в этот миг было так прекрасно… Два цвета — чёрный и белый открыли истинное многообразие своих бесчисленных едва различимых оттенков. Ни одна ветвь не шелохнулась. Несколькими тонкими профессиональными штрихами в небе над парком обозначились высоковольтные провода. Мир запечатлелся в сознании захватывающе подробным графическим рисунком.

— Я хочу, чтобы эта белая дорога не кончалась никогда! — прошептала Кирочка, охваченная стихийным порывом упоения созерцанием.

Как хорошо было бы идти вот так далеко-далеко, без цели и без направления по белой-белой дороге. Вместе с Неттой. О чём-то говорить — легко и свободно. Не думать ни о прошлом, ни о будущем. Осязать воздух. Топить взгляд в прозрачности.

— Почему? — спросила Нетта.

— Не знаю. Мне просто очень хорошо сейчас. С тобой, — тихо, чтобы не нарушить торжественность мороза, ответила Кирочка.

Дальше шли молча. Аллея кончилась и повернула. Кирочка кинула последний взгляд на отрезок оставшейся позади Белой Дороги. Её перспектива открылась точно так же, как минуту назад. Отсюда она снова казалась бесконечной. Царственные деревья смыкались вдали. И тогда Кирочке пришла мысль, глупая и невозможная: если сейчас побежать обратно, вернуться на то самое место, где посетило её то странное умиротворенно-меланхоличное чувство, можно испытать его снова…

Они свернули в боковую аллею. Она медленно поворачивала на всём своём протяжении, и, оглядываясь назад, уже нельзя было видеть сходящуюся в точку белую бесконечность, такую прекрасную и жуткую… Стеклянный воздух был ломок. Тонкий как волосок месяц сиял на стальном небе.

— Я обязательно вернусь туда… — сказала Кирочка пылко, сама не понимая, что именно имеет ввиду.

9

Нетта, несомненно, по-своему ценила беззаветно преданную ей Кирочку, бесконечно трогательную в этой самоотверженной роли восхищённой тени. Но она никогда не упускала случая продемонстрировать какое-нибудь своё превосходство над подругой, реальное или мнимое. Будь то пятерки за сочинения, умение писать одинаково быстро обеими руками или придумывать за минуту большее количество синонимов к слову — Нетта всегда будто бы невзначай акцентировала внимание на своих победах и замалчивала Кирочкины. Теперь, когда девчонки повзрослели, внимание противоположного пола стало для них особенно важным — Нетта ненавязчиво сумела утвердить своё лидерство и в этом деликатном вопросе.

— Длинные ноги, — с умным видом вещала она, — это скорее недостаток, чем достоинство, — Нетта сделала паузу, подыскивая подходящий аргумент. — Иногда они даже мешают людям в общественном транспорте, — Она смотрела на Кирочку, во всю ширь распахнув свои честные глаза, и, вероятно, свято веровала в собственную правоту. — Вот, бывает, идёшь по салону автобуса — а там ножищи чьи-нибудь от стенки до стенки разложены…

Нетта умела сформулировать свои умозаключения так, что звучали они почти

доброжелательно, полушутливо, и Кирочка почти никогда не обижалась; кроме того, Нетте достаточно было сделать какую-нибудь приятную мелочь, подарить брелок или красивую ручку; Кирочкино сердце таяло, и виновная тотчас бывала прощена.

— Большой рост вообще не круто, — философствовала она, глядя на Кирочку снизу вверх, — миниатюрные девушки нравятся парням гораздо больше, их и на руках легче таскать. Мужчины жить не могут без того, чтобы мнить себя силачами и великанами, а на самом-то деле ищут где попроще, просто в жизни в этом не признаются; мужчина по природе защитник, и маленькая девушка лучше помогает ему утвердиться в этой роли. А вот большая… Но ты не отчаивайся, — резюмировала Нетта с невинной подбадривающей улыбкой, — каблуков не носи, прячь голову в плечи, когда с парнями знакомишься… И всё будет в ажуре! Вот увидишь!

Нетта смешно съёжилась, демонстрируя только что предложенный способ уменьшиться в росте. Кирочке неожиданно подумалось, что она похожа на нахохлившуюся утку. Но она не стала ничего говорить подруге, только вздохнула, в очередной раз смерив печальным взглядом свои торчащие из-под куцей клетчатой юбчонки непомерно длинные и тонкие ноги с узловатыми детскими коленками.

10

Так случилось, что Кирочка познакомилась в метро с молодым человеком. Она стояла, как предпочитает молодёжь, около самой двери, опираясь поясницей на торец сидения. Юноша вошёл, и, несмотря на то, что в вагоне было достаточно просторно и даже оставалось несколько сидячих мест, встал именно напротив Кирочки, прислонившись к торцу другой скамьи сходным образом.

Несколько перегонов они ехали так, и Кирочка заметила, что парень неотрывно смотрит на неё. Ей сделалось приятно и немного нервно. С ней никогда прежде не знакомились в метро. Но сейчас (она чувствовала) это произойдёт.

Так и случилось. Юноша вышел из вагона вместе с Кирочкой и попросил у неё номер телефона. Он был немного ниже её ростом, но она не усмотрела в этом ничего плохого.

Через несколько дней юноша ей перезвонил и предложил встретиться в кафе. И Кирочка — ах, наивность! — решила взять с собой свою единственную подругу, что называется, «для моральной поддержки». Подумать только — её пригласили на настоящее свидание! С нею такое происходило впервые, и она испытывала по этому поводу сильные эмоции.

Дело было весной. Город сиял на солнце задорным глянцем мокрых улиц. Небо было свежее, яркое. Кирочка надела хорошенькие новые сапожки на совершенно плоской подошве, купленные по совету Нетты специально для первого свидания, и даже постаралась с трогательным юным кокетством подобрать себе новый вязаный берет и в тон ему цветастый шейный платок. Собиралась она очень долго, вертелась перед большим зеркалом в прихожей так и сяк, и всё ей казалось, что этот платок можно было бы повязать и лучше…

Для встречи выбрали недорогой студенческий кафетерий недалеко от центра. Сначала всё шло просто замечательно. Молодой человек заказал девушкам разных пирожных и, улыбаясь, смотрел как они ели, а сам долго помешивал в прозрачной кружке крепкий горячий чай. Разговор завязался сам собой, без искусственного оживления, каким обычно стремятся прикрыть смущение, без долгих неловких пауз, что часто случаются между малознакомыми людьми — все участники беседы сразу подхватили и более-менее ровно вели свои роли в ней. Нетта была, как она сама считала, несколько полнее, чем нужно,

поэтому она быстро отставила пирожные, и говорила больше. Кирочка же простодушно уплетала, изредка вставляя односложные реплики. Она очень любила пирожные и, увлёкшись, не заметила, что к кончику её носа пристала небольшая звёздочка зефирного крема. Нетта, конечно же, видела всё, но вместо того, чтобы деликатно обратить внимание подруги на этот маленький конфуз, стала делать вид, что тоже ничего не замечает. Кирочка отставила опустевшую тарелку из-под пирожных и включилась в беседу. Она выглядела очень забавно с крупной точкой белого пышного крема на самом кончике носа; она искренне что-то рассказывала, активно помогая повествованию жестами и мимикой… Спустя какое-то время молодой человек перегнулся через стол и тихо сказал ей:

— Я думаю, тебе стоит взглянуть в зеркальце. Ты немного испачкалась…

Нетта захихикала. Кирочка почувствовала прилив краски к своим щекам.

— Спасибо, — пробормотала она растерянно и, резко поднявшись из-за стола, направилась в дамскую комнату, находившуюся в другом конце зала.

Пока Кирочка стояла в очереди — ох уж эти дешёвые студенческие кафе! — из-за центральной колонны ей не было видно, что происходит за столиком.

— Девушка, у вас весь нос в креме, — заботливо сообщила Кирочке стоящая перед нею дама.

«О, Господи…» — подумала она. «Какой позор… Ну, дура… Не стоило набрасываться на эти пирожные… Нетта, вот, она умная… Сидит, ручки сложив, да жеманно хихикает… Именно так и следует, должно быть, вести себя на свиданиях… Нос в креме… Надо же! Наверное, выгляжу я ужасно смешно».

Пробившись к зеркалу, Кирочка оценила масштабы трагедии. Как любая молоденькая девушка на первом свидании, она, конечно, преувеличивала, но в её размышлениях, несомненно, присутствовало рациональное зерно. Вряд ли молодой человек сможет после этого досадного промаха смотреть на неё, так комично спустившую себя в его глазах с небес на землю, с прежним поэтическим или рыцарским восхищением… Умывшись, Кирочка как следует высушила лицо бумажным полотенцем, в сотый раз поправила шейный платок, и, немного приободрившись, направилась в зал.

Вернувшись, она застала весьма интересную картину. Как будто невзначай Нетта придвинулась ближе к молодому человеку, и они сидели теперь, почти соприкасаясь плечами. Он оживлённо говорил, вычерчивая пальцем на столе какую-то схему. Девчонка похихикивала и кокетливо косила глазами.

Кирочке стало грустно. Дело было вовсе не в этом юноше. Он не особенно ей нравился. Её поставило в тупик поведение подруги. Отойдя немного назад, к колонне, она некоторое время отстраенно наблюдала за происходящим. За те недолгие минуты, что Кирочка отсутствовала, Нетта каким-то непостижимым образом умудрилась очаровать молодого человека, и он уже, казалось, даже не помнил о том, что первоначально приглашал на свидание другую девушку… «Вот это я понимаю… Магия в действии…» — размышляла Кирочка, обречённо припав спиной к колонне и обиженно сопя носом. — «Ведьма. Подлая ведьма! Всё вышло потому, что она его околдовала… И я сама никогда так не смогу. Мне это попросту не дано… Вот бы обладать такой властью над мужчинами…»

Стоя у колонны, Кирочка смотрела на подругу как бы со стороны, выхватывая взглядом разные мимолётные подробности, качание волос, блеск знакомых стареньких часов на руке; и вдруг ей с невероятной ясностью представилось, что она видит эту рыженькую круглолицую простушку впервые и их никогда ничто не связывало. Ощущение пришлось

Кирочке по вкусу. «Ненавижу… Вот бы вообще забыть, что она есть на свете. И никогда не вспоминать…» — подумала девушка с каким-то злобным восторгом.

Делая вид, что ничего не произошло, Кирочка вернулась за столик. Нетта и молодой человек продолжали болтать и смеяться чему-то так, как будто вовсе не замечали её присутствия.

Скучая, Кира взяла маленькую, с двумя зубцами, вилочку и принялась за последний сиротливо стоящий в сторонке десерт — шоколадный мусс со сливками и компотной вишенкой наверху. Что ещё делать? Если никто всё равно не обращает на неё внимания, почему бы не подкрепиться?

— Ну что, осилишь? — насмешливо спросила Нетта, неожиданно повернувшись к ней. Юноша улыбнулся.

Видимо, они оба уже находили её забавной.

Кирочка почувствовала, что краснеет от ярости и унижения. Это уже никак невозможно было стерпеть. Она поднялась, взяла свою сумочку и, никому не сказав ни слова, направилась к выходу из кафе. Проходя между столиками, она старалась идти медленно, прямо, высоко держа голову — сохранять достоинство.

Но, едва оказавшись на улице, она побежала. Кирочка с детства привыкла превращать избыток чувств в движение. Бег всегда помогал ей успокоиться.

Она бежала, не видя ничего, кроме серой ленты асфальта под ногами, неслась как в детстве, сердито ударяя подошвами землю, не глядя вперёд.

— Ну, ведьма! Вот увидишь ещё у меня! Коротышка! Уродина! Посмотрим! Я покажу тебе! Стану такой красавицей, что тебе и не снилось! Мужчины с одного взгляда будут влюбляться в меня! — Кирочка брала дыхание, как в хоре, и продолжала свой монолог ненависти, — А тебя, шкура, я сдам охотникам! Теперь, клянусь, я найду их, даже если их в природе не существует! Я сама стану одной из них! Я хочу охотиться на ведьм, я хочу всех их перебить, чтобы ни одной не осталось! Ни единой…! Я ненавижу ведьм!

Повторяя это, как мантру, она бежала и бежала, прохожие глядели озадаченно, некоторые оборачивались; те, кого она задевала, бранились. Кирочка неслась без оглядки, марая пятнами злости нежную ткань весеннего дня, она спасалась от боли бегством, она страдала как в детстве, когда её махом лишили и леденца, и веры в людей, она мстила, отпуская в тонкое пространство Вселенной свои страшные слова…

И вдруг…

Кирочка с размаху влетела прямо в объятия к высокому молодому человеку в распахнутом чёрном плаще. Он видимо, не успел посторониться.

— Смотреть надо, куда идёте, — прошипела она, раздраженно и торопливо отстраняясь.

— Мне смотреть? — раздался приятный и ничуть не рассерженный голос, — по-моему это вы неслись как на таран.

— Почему это на таран? — спросила она сварливо; Кирочка была огорчена происшествием с Неттой, раздосадована нелепым столкновением, и ей хотелось выпустить пар. Наверняка ведь она видит этого синеглазого парня в первый и последний раз.

— Потому что вы тяжёлая и большая, — скаля сахарно-белые зубы в обескураживающей улыбке, объяснил незнакомец.

— Ну знаете… — Только и смогла выдавить возмущённая Кирочка. «Даже посторонние люди и те сразу принимаются надо мной потешаться… Вот невезучая…», подумала она с тоской. В этот момент Кирочке стало до того жалко себя, что она громко всхлипнула и тут

же вытерла нос рукавом, совершенно не заботясь о том, какое впечатление произведёт на случайного прохожего с ясными синими глазами.

Если бы тогда Кирочке кто-нибудь сказал, что эта встреча самая главная во всей её жизни, она, наверное, не колеблясь, назвала бы сказавшего идиотом.

— Я тот парень, который охотится на ведьм, — сказал синеглазый и заржал. Именно заржал — нисколечко не стесняясь, вызывающе невежливо, с открытым ртом.

Кирочка знала, что молодые люди, когда хотят познакомиться с девушкой, частенько используют уловки, порой дурацкие, чтобы заинтриговать, привлечь внимание к своей персоне.

— Вы что, подслушивали? — неуместно возмутилась Кирочка.

— Вы бормотали довольно громко, — пояснил синеглазый в том же добродушно-шутливом тоне.

— Вы разыгрываете меня? — Кирочка взглянула на него с сомнением. Умытое весеннее солнце, выбравшееся из облаков, слепило её, она приложила ладонь ко лбу. Очистившийся участок неба над головой был такого удивительного яркого светло-синего цвета. Но синие глаза незнакомца были ещё ярче.

— Нет, — просто ответил он, — и если вы тоже совершенно серьёзны, говоря, что хотите стать охотником на ведьм, то я готов вам помочь. Вон там, — синеглазый махнул рукой вперёд по улице, — находится наш офис. Если вы ещё не передумали, можно пройти собеседование прямо сейчас.

Кирочка растерялась. Её раздирали сомнения: вдруг этот незнакомец попросту шутник, хохмач, и она попадёт в крайне дурацкое положение, если поверит ему. Что если в здании «офиса» их будет ожидать компания подвыпивших друзей синеглазого, которые с радостью ему подыграют; один Бог ведает, чем такое приключение может для неё, Кирочки, закончится… Или, хуже того, этот синеглазый — псих; ведь, возможно, никаких ведьм в реальности не существует — они лишь игра не в меру разбушевавшегося воображения, и Кирочка просто случайно встретила на улице человека, разделяющего её болезненные убеждения в существовании магии — такой вариант тоже не исключён… Пойти куда-то под ручку с психом — тоже не слишком хорошая затея… Но всё-таки что-то не позволяло Кирочке окончательно подчиниться доводам разума. Тайная, робкая, едва теплящаяся вера в чудеса, наверное. Тихий голос Дракончика Гордона, притаившегося где-то в далёком закоулочке её души…

— Собеседование… — пробормотала она, — …Простите, но я в таком виде… — она начала машинально поправлять растрепавшийся на бегу шейный платок, — Не в лучшем.

— Ничего страшного. Как говорится… Знал бы, где встретит меня судьба, оделся бы получше, или хотя бы уши помыл.

Синеглазый снова рассмеялся.

— Не волнуйтесь, у нас всё по-простому. Идёмте. Кстати, меня зовут Билл. Билл Крайст…

глава 6

1

На курсах подготовки служащих Особого Подразделения по надзору за сверхъестественным слушателей набралось человек десять; юношей и девушек — примерно поровну. Кирочка, как и во всех прежних коллективах, начиная с детского садика, не стремилась заводить знакомств: во время перерывов в занятиях она обычно бродила в одиночестве по коридорам или читала книгу. И никто ей не мешал. Это было удивительно, но другие слушатели тоже не особенно рвались общаться друг с другом, при встрече доброжелательно кивали, улыбались, и довольно — будто бы всех их специально подобрали по некому таинственному критерию, который можно обозначить как особенно трепетное отношение к своему внутреннему одиночеству. Каждый из них занимался своим делом: просматривал новости, слушал музыку, глядел в окно… И это было чудесно. В маленьком коллективе слушателей не образовывалось парочек, не бытовало сплетен, и не возникало никаких конфликтов. Впервые в жизни Кирочка чувствовала себя по-настоящему на своём месте.

Но однажды обычный порядок вещей нарушился. В перерыве между лекциями к ней неожиданно подошла девушка. Она была почти такая же высокая как Кирочка, с пышными точно сахарная вата мелко вьющимися волосами оттенка красной глины, молочно-белым лицом, большими выпуклыми голубыми глазами. Мягкие и округлые формы девушки плавно обрисовывались под пёстрым ситцевым сарафаном, широкая юбка которого ниспадала почти до пят.

— Здравствуй, — сказала девушка.

У Кирочки сразу же возникло какое-то неприятное чувство; она подумала, что теперь, наверное, всё рыженькие девушки будут вызывать у неё реакцию отторжения, даже если они ни в чём не виноваты. Кирочке стоило большого труда подавить зарождающее желание ответить как-нибудь не в меру резко или безразлично, чтобы девушка поняла, что ей не особенно тут рады.

— Здравствуйте, — сказала Кира. Обращение на «вы» в ответ на дружелюбное «ты», решила она, не будет грубостью, но оно сразу отбросит рыженькую красавицу в её попытке сближения на несколько шагов назад.

— Меня зовут Аль-Мара.

Имена слушателей в группе практически не произносились вслух; лекторы нечасто обращались к аудитории, а имена называли и того реже, только если случалась необходимость, к примеру, при ответе на вопрос. Поэтому имя, преподнесённое рыженькой девушкой Кире, словно нежный цветок на ладони, так вызывающе ярко, откровенно и беззащитно, почти напугало её.

— Давай иногда будем садиться вместе, — продолжала девушка, — и обменяемся электронными адресами. Если, к примеру, одна из нас заболеет, то другая сможет переслать ей видео-лекцию или контрольный тест…

Это было резонно; Кирочке ничего не оставалось, кроме как осторожно кивнуть и с услужливой торопливостью согнать с соседнего стула свою сумку, чтобы уступить его рыженькой девушке.

— Спасибо.

Кирочка почуяла совсем близко от себя чужой запах. Модная джинсовая сумка с длинным «языком» обиженно натянула вальяжно расслабленный прежде ремешок, когда хозяйка небрежно повесила её на спинку своего стула. Рюкзак Аль-Мары, вслед за сумкой лишившийся отдельного места и опущенный на пол, тоже сразу досадливо смялся, съёжился, всем видом своим будто говоря: «Эх, ты… С друзьями так не поступают. Я же тебе не какая-то там сумочка дамская, я походный и боевой товарищ… Эх, ты…»

Неожиданный стук в прозрачную стенку одиночества настораживает человека точно так же, как внезапный стук в дверь. Кирочка чувствовала лёгкую растерянность; она внимательно прочитала свод Правил, который предлагают прочесть каждому, кто собрался поступать в Особое Подразделение; и Кирочка была правильная девочка, она не собиралась ничего нарушать, и если в Правилах сказано, что «глубокие личные взаимоотношения между служащими не допускаются», значит, не следует подвергать себя лишнему риску их возникновения… Почему же тогда эта девушка так спокойно к ней подходит? Неужели она забыла?

Кирочке вспомнилось, как Крайст угостил её после собеседования чаем. Они зашли в какую-то маленькую кафешку с высокими столиками, за которыми нужно стоять, а не сидеть; поболтали недолго, съели по пирожному, он спросил её, как всё прошло, а потом, при прощании сказал, подмигнув синим глазом:

— Только никому не рассказывай никогда, что мы с тобой пили тут чай. Теперь нам разрешено общаться только в служебных целях.

И добавил торжественно:

— Это был единственный наш чай. Первый и последний.

И рассмеялся. Кирочку поразило тогда, как это он умеет произносить такие грустные вещи с таким беспечным сияющим лицом.

Кирочка часто вспоминала, о чём говорила с ней на собеседовании полковник Айна Мерроуз — главный специалист по кадровой политике Подразделения.

— Я вас не буду спрашивать о чём-то обыкновенном, — предупредила она, — Только о том, чего вы не сможете сказать больше никому. Я попрошу вас ответить на мои вопросы с максимально возможной откровенностью, спешу заверить вас, ни одно слово не выйдет за пределы этого кабинета.

Кирочка немного волновалась; она сцепила руки в замок под столом и вращала большими пальцами.

— Вы были влюблены? — спросила Айна.

Кирочка сразу подумала о Саше Астерсе: самым необыкновенным впечатлением её жизни был именно он; за секунду перед её внутренним взором возникло его раскрасневшееся лицо на фоне электронной доски в кабинете физики.

— Наверное, — ответила она.

— В чём заключались и чем закончились ваши отношения?

Кирочка молчала; ей хотелось в этот момент собрать все тонкие прозрачные ниточки собственных воспоминаний, смотать в один клубок и протянуть Айне — пусть разбирается сама.

— Отношений как таковых не было, — сказала девушка.

— Но вы, вероятно, хотели этих отношений?

— Не думаю… — ответила Кирочка тихо.

Айна одобрительно улыбнулась.

— Мне очень нравится, что вы никогда не отвечаете с уверенностью; это означает, что вы действительно стараетесь быть откровенной. Чем более чутко человек прислушивается к себе, тем меньше понимает, что с ним происходит.

Пока Айна Мерроуз записывала что-то в блокнот, Кирочка разглядывала её. Мама заплетала ей в школу точно такую же косу — венком вокруг головы — только у Айны волосы были седые, как зола, как грозовое облако, как ледяной кристалл; несколько металлических шпилек удерживали эту своеобразную корону. После школы Кирочка решительно постриглась и теперь носила каре — её тяжёлые тёмные волосы лежали монолитом, не завивались и не топорщились, лишь слегка загибаясь на концах.

— Вы когда-либо думали о создании семьи? — спросила Айна.

— Я знаю, это запрещено, — с готовностью выпалила Кирочка, — я согласна от этого отказаться.

— Не торопитесь, — сказала с едва заметной улыбкой полковник Мерроуз, — прежде, чем от чего-то отказаться, надо понять и внутренне принять все причины, по которым данный отказ является необходимой мерой. Иначе вам сложно будет потом избежать лишних раздумий и сожалений.

Кирочка кивнула, приготовившись внимательно слушать.

— Семья очень сильно связывает человека, — начала Айна, — вы не думайте, что запрет на семейную жизнь — наша прихоть; это решение далось руководству очень тяжело; свод Правил вырабатывался долгие годы, методом проб и ошибок; на заре существования Подразделения офицерам разрешалось вступать в брак… Но… С течением времени стало понятно, что это отражается на качестве их службы не лучшим образом. У многих возникали серьёзные трудности. Семейный быт диктует человеку определённый стиль поведения, на него накладывается ряд обязательств, как физических, так и моральных, необходимость исполнять которые рано или поздно начинает ему досаждать; постоянное тесное взаимодействие с другими людьми ставит человека в зависимость от их настроения или состояния, ему сложнее сохранять внутреннее равновесие; конфликты в семейной жизни неизбежны — со временем люди привязываются друг к другу и у них формируются определённые ожидания. Семейный человек всегда «должен» членам своей семьи. А если эти ожидания не оправдываются — а так чаще всего и бывает, ведь никто не может быть точь-в-точь таким, каким его хотят видеть другие — люди начинают предъявлять друг другу претензии. Ссориться. Обижаться. И постепенно между ними отмирает всё хорошее. Поэтому несчастливых семей гораздо больше, чем счастливых. В семье вот ведь ещё какая неприятность: невозможно всем угодить, для всех и всегда быть хорошим; отвечая перед многими, всегда приходится кого-то предпочитать и кем-то пренебрегать, иначе невозможно… Это ввергает семейного человека в порочный круг бесконечных оправданий. Он крутится как белка в колесе, бестолково суетится, распыляется, и по мере того, как быт внедряется в духовную сферу человека, захватывает всё больший градус его внимания, внутренний мир человека начинает мельчать, и тот глобальный порыв к созиданию, что изначально заложен в каждом из нас, постепенно вырождается в погоню за мелочами. «Лишь бы всё у всех было хорошо». Разумеется, жизнь обыкновенного человека не лишена красок, она богата событиями и насыщена; обыкновенный человек может быть очень счастлив; но его счастье слишком ограничено, слишком узко; это совершенно не то счастье, которое испытывает человек, проникший умом в тайну материи или устремившийся

сокровенной молитвой к непознанным вершинам духа. Лишь наедине со Вселенной можно проникнуться тем величественным и торжественным чувством гармонии, которое несёт свободное и ясное осознание собственного существования. Только при поддержании своего внутреннего мира в таком первозданно незамутнённом состоянии возможно научиться определять, где тонюсенькие ниточки причинно-следственных связей, которыми пронизано мироздание, разорваны неожиданным вторжением магии…

— А что такое магия вообще? — спросила Кирочка.

— Магия — это и есть нарушение причинно-следственной связи между событиями, и чем маг сильнее, тем на более грубое вторжение в законы природы он способен. Простой пример, я всегда привожу его курсантам на вводной лекции по курсу «Пути воздействия магии на материальные объекты»: всем известно, что между двумя сосудами, соединёнными трубкой, закачанный в один из сосудов газ спустя небольшое время распределится равномерно. Такое состояние системы наиболее вероятно, однако, чисто теоретически ничто не запрещает газу оставаться в одной половине сосуда, ведь все движения и соударения частиц газа абсолютно случайны. Практически любой маг может усилием воли удержать такой газ в одной половине сосуда, т. е. реализовать маловероятное состояние физической системы… Однако, мы отвлеклись от темы, — строго оборвала сама себя Айна Мерроуз, — как вы уже поняли, наша служба требует глубокого размышления, сосредоточения, я бы даже сказала, аскетизма. Как служение Богу. Тайна ускользает от тех, кто пытается прикоснуться к ней походя, между прочим… Но суета — это далеко не единственное неприятное следствие наличия привязанностей, другая опасность их в том, что они лишают объективности. К несчастью, люди склонны во многом оправдывать родных и близких. «Своих» и «чужих» всегда мерят разными мерками. А кто знает, как повернётся судьба? Вдруг ваша лучшая подруга окажется опасной ведьмой? Именно поэтому защитник магической справедливости должен быть одинок. Как перед лицом смерти или за миг до отхода ко сну. Только тогда он сможет принять верное решение.

Кирочка внимательно смотрела на Айну.

— Любая привязанность — это ещё и страх, — сказала полковник Мерроуз, — люди могут обижаться, злиться, ненавидеть втайне своих домашних, но при этом, как ни странно, они всё равно безумно боятся их потерять. Привычка к людям и обстоятельствам гораздо страшнее привычки к материальным вещам; ведь любая материальная вещь может быть очень легко возмещена, но ничто не возместит потери, например, привычного круга общения. Офицер Особого Подразделения в любой момент должен быть готов к переменам.

Айна Мерроуз умолкла и посмотрела в окно. Мелкий дождь прочертил по стеклу несколько тоненьких пунктирных линий. Кирочка смотрела на аккуратно уложенную венком толстую серебристую косу Айны.

— Погода испортилась, — задумчиво сказала полковник Мерроуз, снова обернувшись к Кирочке, — ну и самое главное вы, наверное, уже поняли сами…

Кирочка опустила ресницы в знак смиренного повиновения мудрости.

— Скажите мне…

— Привязанности по большей части взаимны. Сильнее всего люди боятся расставаний. Поэтому наличие семьи — это ещё и ответственность за чужой страх, за чужую боль, которую офицер Особого Подразделения может причинить, скажем, своей гибелью… На службе может случиться всякое… Мы свободны исчезнуть, пока нам некого бросать.

Айна снова замолчала, перебирая пальцем по сенсорной панели, встроенной в рабочий

стол.

— У большинства поступающих вызывает вопросы самое последнее Правило в списке, самое знаменитое наше Правило, — полковник Мерроуз подняла глаза и улыбнулась, тонко, с едва уловимой грустной иронией, — я говорю, как вы, наверное, догадались, о Правиле Одной Ночи…

Кирочка опустила глаза. Ей показалось, что Айна вот-вот спросит о том, случались ли в её жизни когда-либо ночные свидания… Но, к её большому облегчению, никакого вопроса не последовало.

— Это Правило тоже плод долгих раздумий нескольких поколений руководителей, — продолжила полковник Мерроуз будто бы немного виновато, словно оправдываясь за что-то перед Кирочкой, — Был даже период, когда от офицеров требовали полного воздержания… К счастью, от этого быстро отказались. Слишком много возникало ненужных эксцессов. — Айна слабо улыбнулась, — Для вас ведь не секрет, что человек при всей его высокой организации сознания продолжает оставаться существом биологическим… И у него возникают определённые потребности, обусловленные инстинктами. Попытки переспорить собственную природу в большинстве случаев заканчиваются плачевно; с инстинктами мудрее сотрудничать, чем бороться. Они сильнее нас. Им миллионы лет. Вы ведь понимаете, о чём я? Так вот: физические отношения с противоположным полом не запрещены. Есть только одно простое правило: партнёры должны быть случайными. Их может быть сколько угодно, лимита не существует, но с каждым позволено провести только одну ночь. Единственную. И эта ночь должна стать окончательной точкой в отношениях. Больше никаких звонков, никаких электронных писем… Ничего. Это тоже профилактика привязанности.

2

Доверие рождается трудно; прежде чем позволить кому-то дотронуться до самого нежного, чувствительного, беззащитного, того, что и сам-то трогаешь с опаской, словно языком лунку от вырванного зуба, придётся слой за слоем снять с себя плотную упаковку, запечатанную прошлым, обидами, предательствами, разочарованием…

— Выпьем чаю? — спросила в один из дней после лекции Аль-Мара.

— Так нельзя же… — встревожилась Кирочка.

— Кто тебе сказал? — Легкомысленный смешок.

— Крайст… Вообще нельзя пить чай.

— Ну, с Крайстом, может, и правда нельзя, — согласилась Аль-Мара, улыбнувшись случайной категоричности Кирочкиной формулировки, — он парень… Это совсем другое, опасностей больше… А нам с тобой… Почему бы не выпить чаю, в самом деле?

Кирочке, конечно, хотелось иметь друга, но боязнь быть отвергнутой навсегда поселила в ней робость при сближении с людьми. Кто их знает, вдруг они, заполнив, как в своё время Нетта, часть её внутреннего одиночества, будут так же мучить её, раскачивать душу, то уходя, то вновь возвращаясь?

Аль-Мара была удивительной; когда она говорила, её глаза премилым образом округлялись; Кирочке хотелось смотреть на неё беспрерывно, каждую мелкую привычку Аль-Мары, будь то покусывание губы от волнения или потребность рисовать на полях конспектов, едва успев заметить, Кирочка уже находила очаровательной. Она снова увлечённо наблюдала объёмный многомерный процесс; плавные покачивания копны густых пышных как пена кирпично-русых волос, исполненную достоинства грацию нежных пухлых

плеч; Кирочка жадно вбирала в себя улыбки, жесты, приятный немного гнусавый голос. У этого восхитительного процесса было имя. Аль-Мара. Ко всему прочему, эта девушка обладала незаурядным талантом рассказчицы — заслушавшись, можно было просто-напросто забыть о времени, так мастерски художественно и реалистично раскрывалось пространство повествования, что слушатель будто бы сам оказывался на месте событий…

Кирочка сначала сосредоточенно сопротивлялась сближению, но вскоре сдалась — обаяние Аль-Мары было непреодолимо.

— Чай, кофе, пирожные? — спросила она, шаловливо присаживаясь на барный стул.

— Кофе, — сказала Кирочка, — чёрный, несладкий.

— А я буду чай и два эклера. Возьми и ты себе ещё что-нибудь, — с хитрым прищуром присоветовала Аль-Мара, — пить голый кофе скучно.

— Как же правило, не помню номер, ну, короче… Где сказано, что не следует потакать своим гастрономическим слабостям. Внедрение в тонкий мир требует умеренности в удовлетворении желаний… — робко напомнила Кирочка.

— Вот когда вспомнишь номер, тогда я и буду соблюдать это правило, — расхохоталась Аль-Мара; её солнечно-медные волосы разгорались в потоке света из окна, делая небольшую кафешку будто бы чуть светлее.

— На самом деле всякое желание, которое ты отрицаешь, от этого только становится сильнее, — изрекла она, придвигая ближе принесённое официанткой блюдо с пирожными, — поэтому, чтобы не стать навеки заложницей эклеров, иногда я позволяю себе их есть.

Кирочка задумчиво болтала малюсенькой ложечкой в своём пахучем эспрессо. Это было совершенно бесполезное действие — сахара в чашечку она не положила, аккуратной пирамидкой кубики лежали на салфетке рядом. В словах Аль-Мары бесспорно было разумное зерно; все несбывшиеся желания так или иначе остаются в душе, некоторые застывают, превращаясь в камни сожалений, некоторые продолжают жить, только тихо, тайно, они ждут своего часа, словно бутоны или набухшие почки.

— Ну, ладно, уговорила, — угрюмо заключила Кирочка, — я закажу тирамису.

Аль-Мара была в теле и не в пример многим девушкам ничуть не стеснялась этого; двигалась она так легко и весело, что со стороны казалось, будто она даже получает особенное удовольствие от своих немодно женственных пышных форм.

Аль-Мара не лезла за словом в карман, и для всех, даже для Крайста, любившего подтрунивать над курсантами, особенно над девчонками, незамедлительно находила такой же искромётный, остроумный и нахально-шутливый ответ. Кирочка очень этому завидовала; сама она, если над ней смеялись, стеснялась, терялась и застывала с мрачной страдающей миной…

Аль-Мара со всеми в группе держалась приветливо и доброжелательно, улыбалась лучисто и девушкам, и молодым людям, но только она никогда не кокетничала, не заводила разговоров о мужчинах и отношениях, среди всех её историй, рассказанных Кирочке, не нашлось ни одной, посвящённой какому-либо чувству её юности — она упорно игнорировала эту тему, так, словно никогда в своей жизни не влюблялась и даже не думала об этом.

Кирочка ничего не спрашивала, хотя ей, конечно, было любопытно; она даже осмелилась поделиться с Аль-Марой своей маленькой сбивчивой историей про Саша Астерса, полагая, что той будет проще раскрыться в ответ.

Но Аль-Мара только нахмурилась, выслушав, вежливо покивала, а затем плавно перевела беседу на другое. Кирочка почувствовала, что после этого разговора Аль-Мара на некоторое время будто бы отдалилась, отгородилась едва ощутимой холодностью, и новых попыток расспросить подругу о её любовном прошлом предпринимать не стала — она решила, что здесь кроется какая-то тайна, призрак прошлого, воскрешать который, возможно, не доставляет Аль-Маре радости; крайне бестактно добиваться от человека откровенности на том этапе отношений, на котором он к ней ещё не готов. Захочет, сама расскажет.

— Кстати, сегодня, если мне не изменяет память, мы должны приехать к Крайсту на примерку формы для Большого Парада, — сказала Аль-Мара, слизав с пальцев крем.

— Что-то такое припоминаю, — отозвалась Кирочка, копаясь в сумке.

— Он назначил нам встречу в сквере напротив Храма Истинной Веры. В шесть, — Аль-Мара глянула на наручные часы, — сейчас половина пятого, мы успеем без спешки добрести пешком и ещё даже посидеть там на лавочках, съесть по мороженому.

— Ты, видимо, решила окончательно и бесповоротно меня совратить, — буркнула Кирочка с шутливым гневом.

— Нет, всего лишь немного поддержать пошатнувшееся равновесие между твоим желанием следовать своим порывам и твоей решимостью их подавлять, — рассмеялась Мара в ответ, пуская фонтаны искристой радости из сузившихся в щёлки глаз.

Позолоченные купола Храма Истинной Веры среди тёмной зелени вековых дубов ярко сияли в лучах солнца; вокруг Храма, но не рядом, а всё-таки на некотором расстоянии высились громадные небоскрёбы, будто бы они предусмотрительно отошли в сторону, дабы не затмевать своим титаническим ростом величия обители божьей.

На чистых выкрашенных белой краской скамейках в уютном скверике перед Храмом в этот предвечерний час почти не было свободных мест. Несмотря на весенний прохладный ветерок, маленький островок покоя и мягкой листвы среди отвесных железобетонных стен мегаполиса пользовался у горожан большой популярностью. Одну скамейку заняла группа молодёжи: длинноволосый парень наигрывал на гитаре, вокруг него сгрудилось человек пять слушателей. Другую скамейку облюбовали интеллигентные старушки с крохотными собачонками в комбинезонах. На третьей сидел пожилой мужчина с ноутбуком.

Аль-Мара и Кирочка, купив в киоске неподалёку два сахарных рожка, заняли свободный край скамейки.

— И не холодно вам мороженое есть? — осведомился Билл, появившись у них за спинами.

От неожиданности Кирочка чуть не выронила рожок. Аль-Мара рассмеялась.

— Да брось, Крайст, таким горячим штучкам, как мы, просто необходима система охлаждения.

С сияющей улыбкой Билл обратился к Кирочке.

— Дай лизнуть.

— Нет, — смерив Крайста подозрительным взглядом, она инстинктивно приблизила руку с рожком к груди, будто боясь, что его отнимут, — кто знает, какие у тебя там микробы на языке…

— Бука, — сказал Крайст, — Мара, может, ты поделишься?

— Держи, — та сразу протянула ему рожок, — От меня если и убудет, то я только порадуюсь.

Она хлопнула себя по налитой, туго обтянутой голубой джинсой, ляжке и рассмеялась.

— Ты любишь мороженое? — спросила Кира; некоторое время она смотрела, как Крайст ест, а потом отвернулась, почувствовав необъяснимое стеснение от того, что позволила себе наблюдать это процесс…

— Не знаю, странно звучит, любить мороженое, это слишком высокий глагол для обыкновенной еды, я вообще никак к мороженому не отношусь, я не думаю о нём столько, чтобы как-либо формулировать нашу взаимосвязь, вот сейчас я его проглотил, и всё, оно перестало для меня существовать.

— Мороженое превращается в ощущение, — сказала Аль-Мара задумчиво, забрав у Крайста рожок и тут же медленно облизав его, — и только потом перестаёт существовать. Оно переходит в наши положительные эмоции — это его вторая жизнь… Может, и мы во что-то перерождается, когда умираем…

— Да ну вас, — фыркнула Кирочка, — давайте ещё гражданскими правами наделим мороженое, — она встала со скамейки и выбросила в урну шуршащий пакет из-под своего сахарного рожка, — надоело тут сидеть, идёмте.

Когда они вошли по приглашению Билла в небольшой кабинет с электронной доской и несколькими школьными партами, девушки сразу же заметили на одном из разбредшихся в беспорядке стульев большую картонную коробку.

— Примерьте, — велел Крайст, протянув её Кирочке.

Она отогнула плотные картонные ушки и заглянула внутрь. Там лежала очень аккуратно сложенная, по-видимому, недавно пошитая одежда. Из коробки приятно и тонко пахло новым. Кирочка взяла одну из вещей и развернула. Это был китель: необыкновенно изящно скроенный, невиданного роскошного металлически-серого оттенка, из какого-то особенного удивительно лёгкого, тонкого и приятного на ощупь сукна.

— Красивый… — прошептала Кирочка, с восхищением проводя пальцами по материалу. Аль-Мара нетерпеливо выглядывала из-за её плеча, тоже желая поскорее увидеть подарок.

— Вас, девчонок, хлебом не корми, дай обновку примерить. В новехоньком платье вы подходите к зеркалу каждый раз с такой надеждой, словно ожидаете увидеть себя полностью перерождёнными, неожиданно прекрасными. Сдаётся мне, что именно это ваше предвкушение волшебного преображения и заставляет вас часами мерить шмотки в магазинах…

— Восхитительное ощущение, — пробормотала Аль-Мара, по примеру Кирочки исследуя материю на ощупь, — будто бы гладишь пегаса, или ещё нечто подобное, неземное… Мне кажется примерно так это и бывает…

— Эксклюзивное сукно с примесью шёлка, — пояснил Билл, — Оно создано специально для формы Особого Подразделения.

— Но зачем нужна форма, если подразделение тайное? — спросила Кирочка.

— Исключительно для удовольствия. Есть у нас такая красивая традиция: каждый год проводится Большой Парад — мы все собираемся вместе, чтобы взглянуть друг другу в глаза, поделиться впечатлениями от службы — полнее почувствовать своё единство. Поверьте, каждому из нас в глубине души просто необходимо знать, что он не одинок перед лицом Тайны. Большой Парад — это восхитительное приключение. И я вам даже немного завидую, девчонки, потому что мой первый Парад впечатлил меня просто невероятно, не припомню, чтобы я когда-либо ещё так ясно и полно чувствовал, что живу…

В коробке лежали ещё форменные блузки дымчато-розового оттенка, двое брюк, две пары высоких сапог из тонкой матовой кожи и фуражки с блестящими пластиковыми козырьками.

Пока девушки облачались в форму, Крайст, вежливо отвернувшись, курил и задумчиво любовался попеременно видом из окна и отражением происходящего у него за спиной в зеркальной поверхности портсигара.

Заметив это, Аль-Мара запустила в него фуражкой. Билл увернулся и, улыбаясь, как всегда, обескураживающе невинно, отпарировал на предъявленные ему обвинения:

— Доверие между офицерами Особого Подразделения подразумевает отсутствие всяческого стеснения, наша нагота приобретает свой волшебный и сокровенный смысл только тогда, когда мы подразумеваем под ней свою сексуальность; мало кому придёт в голову стесняться снять с себя одежду, к примеру, в кабинете врача.

— От сексуальности трудно абстрагироваться, если вообще возможно, — сказала Аль-Мара холодно, она подобрала свою фуражку и подошла к зеркалу, висящему на стене. Кирочка успела заметить: взгляд подругиного отражения в тот момент был суров и мрачен.

3

Погода была ветреная. По асфальту, шурша, полз дубовый лист. Упёршись в носок Кирочкиного сапожка, он остановился. Крайст вышел следом, он зажмурился на солнце, и весенний ветер, ударив ему в лицо, разметал перышки тёмно-русых прядей на лбу. Отогнутая ветром пола его распахнутого пальто ненароком погладила Кирочкину руку — она тут же сделала шаг в сторону.

— Может, дождь надует, — задумчиво изрек Билл, взглянув на небо.

Кирочка заметила, что на каблуках она немного повыше его, и это внезапное открытие доставило ей неизъяснимое удовольствие.

Чтобы сесть в машину, им пришлось недолго пройтись бок о бок по тротуару. Этих нескольких десятков шагов девушке хватило, чтобы вдоволь насладиться своим превосходством в росте. Вероятно, тщеславные переживания отразились у неё на лице; как бы иначе Биллу удалось, словно по бумажке, прочесть её мысли:

— На мой взгляд, совершенно незачем культивировать лосизм в природе, — ехидно заметил он, оценивая взглядом величину каблука её весенних полусапожек.

— Что же я могу поделать, если мне нравится такая обувь, — исполненным гордости и достоинства голосом заявила Кирочка; она решила про себя не поддаваться на провокации Крайста и не выглядеть задетой, как бы он ни пытался её высмеять. Очень возможно, и завел-то он свою шарманку-постебушку потому только, что сам чувствовал себя неуютно, идя рядом с нею. Ну да, недолюбливают мужчины слишком высоких девушек…

Сгруппировавшись, Кирочка уместилась на переднем сидении. Её острые, обтянутые чёрным капроном коленки упёрлись в переднюю панель.

— Там внизу где-то должна быть ручка… — услужливо подсказал Крайст, — отодвинь сидение, тебе сразу станет гораздо удобней, — наблюдая за тем, как Кирочка, склонившись, возилась с не совсем, по-видимому, исправным, механизмом, он добавил, — у тебя исключительно длинные ноги, Лунь… Признаюсь, это первое, что я заметил в день нашего знакомства. Собственно, сей факт и подтолкнул меня к тому, чтобы прервать твой стремительный полёт вдоль по тротуару маленьким столкновением…

— Так это не было случайное столкновение, ты нарочно меня схватил? — резко выпрямившись, с негодующим изумлением воскликнула Кирочка.

— Да, признаюсь, — в синих глазах Крайста бесновалось веселье, словно волны на поверхности бескрайнего моря, — столкновение было вполне себе запланированное, а ты разве против?

Кирочка молчала насупившись.

— Неужели я не спас тебя от скучной жизни среднестатистического человека? Имеют ли мои изначальные побуждения теперь хоть какое-то значение?

— Может и не имеют, — согласилась она мрачно, — только их всё равно никуда не денешь. Всё, что ты когда-либо думал, переживал, мечтал… Любая твоя мысль оставляет след. Шрам. Пусть едва заметный, пусть ты сам о нём уже не помнишь, но он есть… — она умолкала и через некоторое время добавила, — Вот, значит, как вы, мужчины, нас воспринимаете! Пока на яйца вам не наступишь, и внимания не обратите, да?

Крайст рассмеялся.

— В самую точку! За всех мужчин не скажу, конечно, но лично я примитивен как топор: люблю солёные анекдоты, сочные бифштексы и горячих женщин, и пусть хоть сам чёрт читает псалтырь за мою падшую душу!

Кирочка сидела, нахохлившись, словно голубь на вентиляционном люке — поток воздуха из-за опущенного стекла ерошил ей волосы. Умопомрачающая вспышка озарения разогнала на миг мысли; девушка растерялась, не зная, с какой стороны к этому озарению подступиться, чтобы оно, невыносимо яркое, как рождение сверхновой, не обожгло её своим леденящим светом.

— Получается… — с усилием выговорила она, — …Ты, Крайст, изначально рассматривал меня всего лишь… как кандидатуру для…

— Не стану скрывать, это была моя первая мысль, — спокойно ответил Билл, — Когда я увидел тебя, этакого огромного кузнечика, бегущего мне навстречу… Женские ножки — одна из моих многочисленных слабостей. Но потом, услышав твои откровения о ведьмах, я решил, что представить тебя в Управлении будет значительно интереснее…

Сценарий иного, альтернативного развития событий проскользнул перед внутренним взором Кирочки покадрово, как диафильм. Кафе. Или даже ресторан. Двое за уютным столиком. Шампанское. Ни к чему не обязывающая беседа. Номер в отеле…

Невнятное чувство какого-то тревожного отвращения заставило Кирочку содрогнуться.

— Не дуйся, — сказал Билл почти ласково, по дружески, видимо, почувствовав, насколько глубоко он ранил девушку своим неосторожным признанием, — Сексуальное влечение — это биологическая необходимость. Оно возникает независимо от нашего сознания. И не стоит себя винить в нём, его нужно просто принять, на то мы и люди, чтобы держать под контролем свои инстинкты…

Небоскрёбы центра сверкали на солнце невыносимо ярко; словно стрелы, взмывали они в небо, самоуверенные, точёные, лихие. Затекала шея смотреть наверх; и там — только блеск и синева. Синева и блеск.

— Аль-Мара иногда… пугает меня, — сказала Кирочка, некоторое время спустя, желая чем-то перебить неприятное послевкусие последнего разговора, — у неё был такой… взгляд, когда она поняла, что ты на нас смотрел…

Крайст усмехнулся.

— Да я и не смотрел, я так, подразниться немного… А Мара… Ну что с неё возьмёшь? Она же бывшая ведьма.

Кирочка даже подскочила на сидении.

— Как это возможно?! Разве магов берут в Особое Подразделение? — перед её внутренним взором тут же промелькнуло зеркало на стене с отражённым в нём лицом подруги — в глазах у той будто бы приоткрылась на миг невероятная глубина, пропасть, космическая даль, они горели нездешним холодным зыбким светом.

— Она не совсем ведьма, — пояснил Билл, — она… Как бы это объяснить получше… Есть переходные типы. Существа, способные видеть самые тонкие нити Вселенной, но не наделённые даром прямого воздействия, проще говоря, предсказатели…

— Мне она ничего не говорила… — выдохнула Кирочка.

— Возможно, Мара боялась потерять твоё расположение; людей в большинстве случаев настораживает, если они вдруг узнают, что кто-то, с кем они так запросто общались — не просто человек…

4

Мысль о том, как сложилась бы её дальнейшая жизнь, если бы события пошли по иному сценарию, ещё долго тревожила Кирочку. Возвращаясь в памяти к дню и часу их первой встречи, она каждый раз поражалась, насколько тонким было то лезвие, по которому прошли они с Крайстом над пропастью… страшной, чёрной пропастью самой обыкновенной развязки… Что, если бы она не бормотала вслух о своей ненависти к ведьмам, или Крайст не услышал бы этого, или не обратил бы внимания?

Всё могло бы случиться совершенно иначе, но вышло в точности так — Шом, свидание в кафе, крем на носу, обида не Нетту, бег — всё выстроилось в поистине величественную цепь случайностей, столь легко и изящно приведших Кирочку в объятия Крайста — несколько мгновений на тротуаре сделали больше, чем можно себе представить… Весеннее небо, мокрый асфальт, его распахнутое пальто и её растрёпанный новый шейный платок. То была точка бифуркации — непостижимое и загадочное явление — ветвление судьбы…

Разбирая комод, на дне одного из ящиков Кирочка обнаружила коллекцию странных чёрных статуэток, которые собирала в детстве. Теперь, разумеется, когда-то, так трепетно хранимая и пополняемая за счёт школьных завтраков, коллекция утратила для неё всякую ценность — вот ведь как бывает — Кирочка уже несколько раз подумывала о том, чтобы выбросить фигурки, но всегда что-то останавливало её, ладно, мол, пусть лежат, кому они тут мешают, в тёмном-то углу… И сейчас она тоже собралась с досадливым вздохом задвинуть ящик, ну вот, опять не хватило духу избавиться от хлама… но её внимание привлекла одна из фигурок, всегда казавшаяся ей немного жуткой, изображавшая сиамских близнецов-девочек, тела которых разделялись выше пояса, словно две ветви, растущие на одном стволе. Близнецы смотрели в разные стороны; у одной из них в руке была раскрытая книга, а другая держала на ладони крохотную монетку, поставленную на ребро.

Кирочка задумчиво вертела статуэтку, рассматривая с разных сторон, пока не заметила впервые на нижней стороне дощечки-подставки довольно мелко нацарапанное слово: судьба. И тогда её недавнее прозрение относительно Крайста вновь вспыхнуло в сознании своим страшным холодным светом. Неужели всё могло так закончиться? Навсегда. И она, Кирочка, была на волосок от того, чтобы потерять…

Перед её внутренним взором проплыла безжалостно и неотвратимо — как крышка гроба — захлопывающаяся дверь гостиничного номера…

Нет!

Кирочка вздохнула с тем же непередаваемым оттенком облегчения, с каким вздыхает человек, только что чудом избежавший смерти.

— Господи! — прошептала она, порывисто прижимая к груди свою странную жуткую статуэтку, — Господи!

Кирочка никогда не обращалась к Богу; мать её верила, отец был атеистом, поэтому, всегда находясь где-то ровно посередине между ними, дочь пыталась вообще об этом не думать, чтобы избавить свой разум от неминуемого противоречия. Но сейчас Кирочку переполняло такое невероятное ошеломляющее чувство благодарности, что она просто не могла не выразить его. А кому ещё подобную благодарность можно адресовать?

— Господи! Боже мой… Какое же это счастье, что не-судьба…

5

Аль-Мара родилась на берегах почти горячего сапфирового южного моря, недалеко от крупного портового мегаполиса, в небольшом поселении полудикого кочевого племени джанги. Внешне Аль-Мара с малолетства сильно отличалась от своих сородичей: её глаза, льдистые, серо-голубые — небывалое явление среди смородиновых или тёмно-вишнёвых глаз соплеменников привлекали к себе не всегда доброжелательное внимание. И такого медного оттенка мелко вьющихся волос не было ни у кого больше — соплеменницы все, как одна, были темноголовы, косы у них ниспадали почти до пят: тяжёлые и жёсткие как конские хвосты. Ростом Аль-Мара была почти на голову выше других девушек — сложение у женщин джанги было коренастое, налитое — они походили на добротные глиняные кувшины, прочные и приземистые. Смугла кожа их блестела на ярком солнце как лакированная.

— И в кого ты такая уродилась… — вздыхала мать, пришивая к подолу своих старых девичьих юбок для рослой дочери дополнительные воланы.

Когда Аль-Мара появилась на свет, родственники сильно удивились — никто из них не посмел усомниться в честности её матери — и глядели на неё как на чудо. Ведь неоткуда было взяться среди этих смуглых, насквозь прокопчённых солнцем, людей таким большим и круглым светлым глазам, такой нежной бледной коже — словно малюсенькая капелька чужой крови, когда-то давно попавшая в жилы далёкого предка, долгое время путешествовала по ним, не растворяясь, передавалась из поколения в поколение в неизменённом виде, пока, наконец, не проявилась удивительными льдистыми глазами Аль-Мары, холодной белизной её тела… Это имя на странном отрывисто-певучем наречии джанги означало — «как море».

Всех девушек племени с раннего детства обучали древнему искусству предсказания будущего — любая из них умела превосходно гадать на картах, свечном воске, пепле или по руке. Несмотря на свою внешнюю чуждость сородичам и Аль-Мара достигла определённых успехов в этом непростом ремесле. С его помощью взрослые более опытные соплеменницы зарабатывали в большом городе — они приподнимали перед «шакки» — так назывались на их родном языке цивилизованные люди — туманную завесу грядущего и потом приносили домой — маленькая Аль-Мара ещё не знала, как это называется — красиво разрисованные хрусткие бумажки, которые можно было обменять на всё, что угодно: и на сладкий изюм, и на красивые ленточки или бусы.

На заработки отпускали только достигших совершеннолетия девушек — считалось, что это очень опасно — большой город джанги не жаловали. Наставница, обучающая юных девушек ведовству, рассказывала про его обитателей порой совершенно жуткие вещи. Сверкая из под высохших век немеркнущим глянцем непроглядно-чёрных глаз, она говорила, что шакки «нашли способы травить младенцев во чреве матери, особыми стальными

крючьями на куски их рвать и извлекать прежде срока, чтоб они не родились и не жили, не зная ни о Цветке Времени, распускающемся в момент зачатия, ни о том, чем отличается смерть Малая от смерти Большой…» Зловеще понижая голос, старая наставница ещё рассказывала, будто бы шакки «изобрели такое дьявольское оружие — Бегущий Огонь, более жаркий, чем само адское пекло, который разносится на огромные расстояния в один миг, уничтожая всё живое — остаётся там, где он прошёл, лишь чёрная мёртвая земля, вода делается ядом, и, долгое время спустя, в этих местах умирают от мучительных болезней люди, а дети родятся уродами — кривыми, трёхрукими или одноглазыми…» Джанги привыкли считать, что шакки обладают Силой, не ведая Мудрости, а это — говорила наставница — самое страшное, ведь «всякая сила — есть, прежде всего, ответственность за последствия её применения…» Джанги верили, что есть Большая смерть и Малая — Малой смертью умирает старик, который уже успел всё отдать миру, сколько смог повидал и испытал — он уходит спокойно, радостно, освободившись от желаний и отдав долги… А Большая смерть — это уничтожение жизни на корню, уничтожение сознательное и чём-то оправдываемое, «законное»… Большая Смерть — есть сама идея убийства человека человеком…

— Мара, почему ты никогда не говорила мне о том, что была гадалкой?

— Откуда ты знаешь? — встревожилась Аль-Мара.

— От Крайста.

— Наша наставница Магар-ра говаривала, что настоящему мужчине боги дают одну из этих двух вещей — симпатичную рожу или длинный болтливый язык — когда хотят наказать или испытать его дух, так они предупреждают мужчину, что в следующем воплощении он может родиться женщиной, если не признает своих ошибок; Крайст, по-моему, неслабо умудрился разозлить богов, ибо у него есть и то, и другое… — Аль-Мара скорчила такую мину, что Кирочка не смогла удержаться от улыбки.

— И всё-таки почему? — Кирочка смотрела на подругу требовательно.

— Может, ты мне, конечно, и не поверишь, — призналась Аль-Мара, — но я боялась твоей зависти… Вдруг ты решила бы, что я чем-то лучше тебя оттого, что умею… что вижу… иногда… и не стала бы со мной общаться.

Кирочка ощутила трепет в груди — будто птица вылетела из солнечного сплетения. Вот она, настоящая подруга. Существо, которое слышит твои чувства. Способное твою радость принять с радостью, а твою беду — без злорадства. Нетта, сколько Кирочка ни вспоминала, своими разговорами пыталась только вызвать зависть к себе и утвердить своё превосходство…

— Только пообещай мне, — продолжала Аль-Мара со взволнованным придыханием, — что ты никогда не будешь мне напоминать об этом, я не хочу возвращаться, хочу забыть…

— Хорошо-хорошо, — без раздумий пообещала Кирочка.

глава 7. Волосы и кинжал

1

Кирочку всегда интересовало, как живут люди за пределами Города. В детстве мама говорила ей, что там никого нет. Но Кирочке в это не верилось. Официально, разумеется, за крайней границей коттеджных посёлков, предназначенных под дачи, не разрешено было находиться без специального разрешения. Город окружал по периметру высокий бетонный забор, продолженный сверху несколькими рядами колючей проволоки. За забором существовали только хозяйственные сооружения. Заводы, склады и, конечно же, Оранжереи, где выращивались продукты питания. Чтобы покинуть Город, нужно было предъявить на одном из круглосуточных КПП специальный пропуск. Он позволял осуществлять выезд на междугородние скоростные автотрассы, которые тянулись, если смотреть на карту, от границ Города в разных направлениях подобно лапкам огромного паука. Обнесённые на всём своём протяжении пластиковыми заграждениями многополосные шоссе пересекали хозяйственную зону, санитарную зону, представленную бескрайними свалками отходов человеческой жизнедеятельности, и продолжались дальше, вдоль заросших лесом, согласно документам диких, никем не заселённых мест.

Стемнело. Дальний свет лежал на асфальте зыбким золотистым пятном. Служебный автомобиль, миновав КПП, выехал на внешнее скоростное шоссе, окаймлённое гирляндами белых фонарей.

Кирочка ёрзала на сидении в предвкушении головокружительных приключений. Приятное волнение охватывало её. Радостное нетерпение порхало где-то в глубине живота. Первое настоящее задание! Кирочка и прежде ощущала нечто подобное: перед выступлением в школьном актовом зале, когда нужно было петь песню, перед экзаменами, к которым была готова.

— И куда же мы едем? — спросила она Крайста; он невозмутимо курил, опираясь локтем на опущенное стекло, и придерживая другой рукой руль с небрежной уверенностью опытного водителя.

— В замок потомственных языческих шаманов.

— Они что-то натворили?

— Не совсем так. Им нужна наша помощь.

— Помощь? Но ведь Особое Подразделение вроде как борется со всякими колдунами, шаманами и прочей нечистью?..

— Ну, ты хватила, — рассмеялся Крайст, — Не боремся мы ни с кем. Мы же не инквизиция, в конце концов. Наша деятельность несколько тоньше — мы не стремимся уничтожить или искоренить, мы скорее очищаем магию, пресекаем злонамеренное колдовство. Только и всего. Да и это не основная наша функция…

Кирочка посмотрела на Билла вопросительно.

— Главное в нашей службе — оберегание Тайны. Мы трудимся для того, чтобы простые люди могли жить спокойно и счастливо, сохраняя за собой законное право — не верить ни в какие сверхъестественные силы, считать, что ведьмы, колдуны, привидения — это сказки для малышей. Наша цель — отгородить их мир прочной стеной неведения, чтобы они ничего не боялись, трудились, любили друг друга, воспитывали детей, строили города и

космические корабли… Мы призваны сохранить за ними свободу веры.

— Но зачем? — наивно удивилась Кирочка.

— Неверие защищает людей от огромного количества страхов и соблазнов. Проще говоря, от них самих. Представь, что творилось бы вокруг, если бы все поголовно были осведомлены о возможности трансформировать реальность с помощью магии? Люди бы ежеминутно подозревали друг друга в манипулировании сознанием, чтении мыслей или проникновении в сновидения. Кроме того, многие из них наверняка бы попытались реализовать с помощью колдовства свои не слишком безопасные для равновесия и гармонии окружающего мира властолюбивые, корыстолюбивые или сластолюбивые помыслы. Начался бы хаос. Ты же сама, наверное, понимаешь, Сила должна быть в руках тех, кто способен разумно ею распорядиться. А ящик Пандоры страхов и желаний человечества лучше держать закрытым. Для этого и существует Особое Подразделение.

— Но ведь мы с вами тоже только люди… Какое у нас в таком случае оружие против магии?

— Вот именно, Кира. Мы — люди. Это и есть оружие. За нами всегда останется право сомневаться. Именно в возможности неверия и заключается наша сила. Постарайся вспомнить, тебе когда-нибудь приходилось усомниться в существовании сверхъестественного?

— Конечно! Когда мне было три года, я случайно узнала, что это не Дед Мороз, а мама кладёт подарки под Новогоднюю ёлку. Она думала, что я уже сплю и ничего не слышу…

— Вот видишь! И такие моменты — маленькие грустные открытия, разочарования, крушения пусть наивной, детской, но всё-таки веры, есть у каждого человека! Поэтому люди не могут поверить во что-то абсолютно… Но это, я полагаю, устроено в нас очень мудро… Ведь обладай разум таким свойством — способностью к слепой и безграничной вере — человечество перестало бы развиваться. Ведь именно сомнение делает нас существами познающими…

— И как же можно воспользоваться неверием в схватке с реальным колдуном?

— О! У вас впереди ещё целый курс лекций «Базовые приёмы самообороны». Забегая вперёд, скажу. Всё очень просто. Ты смотришь колдуну прямо в глаза, не отводя взгляда, ни в коем случае, и по возможности даже не моргая, помни, ему иногда достаточно мгновения, чтобы освободиться, ты смотришь и думаешь о том, что все его сверхъестественные способности — это всего лишь порождение твоей фантазии, игра воображения; ты внушаешь колдуну изо всех сил, что он выдумка, сказка. Такой трюк способен парализовать его магическую волю. Но только при одном условии: твоё неверие должно оказаться сильнее веры мага в себя… Именно так мы действуем при арестах.

— А если неверие окажется слабее?

— Ну… Тогда пиши пропало. Чаще всего маги убивают «серых». К людям они ещё иногда бывают милосердны, но к нам… Ведь, становясь посвящёнными в Тайну, мы в каком-то смысле перестаём быть просто людьми… Поэтому они и называют нас «серыми».

— Ой! Вот как, оказывается… Я-то думала — из-за формы!

Билл рассмеялся.

— Да нет. Это форма задумана в соответствие с этим прозвищем. Командование решило, что нам не следует его стыдиться.

Заметив небольшой пролом в пластиковом ограждении, Билл свернул с шоссе на глухую одичалую просёлочную дорогу.

— Кажется, здесь.

Машина мягко покачивалась на рессорах, попадая колёсами в рытвины мокрой глинистой почвы. Фонари остались далеко позади, и вокруг сгустилась синяя весенняя ночь. Ближний свет фар выхватывал из темноты зеркальца небольших луж, придорожные кусты и камни. Зеленоватый край небосвода был срезан зубчатой кромкой леса.

— Мы почти на месте.

Мало-помалу Кира начала различать в глубине надвигающегося леса мелькающие огни. Приглядевшись, она догадалась, что это — освещённые окна огромного здания — дворца или даже, пожалуй, настоящего замка.

— Приехали, — констатировал Билл, глуша мотор, — дальше дороги нет. Придётся нам немного прогуляться пешком по болоту…

— Не беда! — с весёлой готовностью воскликнула Кирочка, распахивая дверцу и восторженно вдыхая свежесть ночного весеннего леса.

— Конечно, — шутливо проворчал Крайст, — С твоими-то лосиными ногами! Только по болотам и носиться.

— Да когда ты уже перестанешь меня подкалывать? — рассердилась Кирочка.

— Когда ты начнёшь адекватно реагировать, — с усмешкой ответил Билл, — как Куратор я призван оберегать вас от различных опасностей, от ложных важностей в том числе; запомни, что бы люди не говорили о твоей внешности, это не должно нарушать твоего душевного равновесия, ибо они почти никогда не говорят правды, по разным причинам, хотят польстить, бояться обидеть… Ложные важности создают уйму лишних сложностей…

Кирочке сразу вспомнилось, как Нетта при любом удобном случае напоминала ей о её росте и нескладности.

— Я считаю, что у тебя очень красивые ноги, — бросил Крайст в темноту, — но этому, как я уже сказал, не следует придавать большого значения.

2

В замке их, по-видимому, ждали. Внешние ворота отворились почти сразу, после того, как Билл трижды стукнул в них тяжёлым железным кольцом.

Высокий, но очень сутулый пожилой человек с необыкновенно длинными серебристо-седыми волосами, по всей вероятности, слуга, не говоря ни слова, повёл гостей по садовой дорожке к дверям замка. Вокруг стояла удивительная мягкая ночная тишина, лишь мелкий гравий чуть слышно ворковал в такт шагам.

Поднявшись по широкой парадной лестнице вслед за молчаливым спутником, Билл и Кира очутились в громадной гулкой зале с двумя рядами окон — вдоль каждой из боковых стен. Эта зала была одновременно и проходом из переднего крыла замка в заднее.

В центре её был установлен длинный, как и сама зала, но очень низкий стол. На ярко-оранжевой скатерти была расставлена нетронутая глиняная посуда. Вокруг стола на полу, поджав под себя ноги, расположилось несколько человек.

Один из этих людей, сидевший ближе к дверям, ловко встал и направился к вошедшим.

— Славная ночь, не так ли? Община Детей Солнца приветствует вас.

Говоривший был белолиц, светловолос, в отличие от сопровождавшего гостей молчаливого старца очень коротко стрижен. На лбу у него была широкая расшитая бисером лента, в центре которой красовалась блестящая нашивка в виде большого круглого солнца с короткими и загнутыми таким образом лучами, что казалось, будто оно вращается по часовой стрелке.

— Лейтенант Крайст и курсант Лунь, Особое Подразделение, — сказал Билл протягивая руку.

— Прошу меня извинить, но рукопожатия у нас не приняты. Внутри общины мы здороваемся объятиями, а с чужими телесные контакты стараемся по возможности исключать.

— Как вам будет угодно.

Кирочка тем временем разглядывала сидящих у стола людей. Они все были разные — мужчины и женщины, совсем молодые и пожилые, светлокожие и смуглые, длинноволосые и стриженые — но одно их объединяло: у каждого на лбу была широкая лента с вращающимся солнцем в центре.

— Присоединяйтесь к нашей общине. Мы будем рады разделить с вами трапезу, — с эффектным приглашающим жестом произнёс человек, только что отвергший руку Билла.

— А зачем вы едите ночью? Это же не слишком полезно для здоровья, — неуверенно продвигаясь вперёд, спросила Кирочка.

— Мы едим только ночью, — ответил шаман, — таков обычай. Лишь когда Священного Солнца нет на небосклоне, мы можем позволить себе удовлетворить низменные телесные потребности — дабы не осквернить взор Его.

— Какой кошмар! И это в век информационных технологий, глобальной автоматизации и активного освоения космического пространства… — со смешком шепнул Кирочке Билл.

— Да уж… — отозвалась она.

За столом можно было сидеть только на полу. Ни стульев, ни чурбаков, ни даже подушек нигде поблизости не наблюдалось. Да и сам стол был едва ли выше лестничной ступени.

Делать нечего. Подражая хозяевам замка, Билл и Кира устроились возле странного стола на пятках, подогнув под себя ноги.

Молодая женщина, блондинка с янтарным отливом в золотых волосах, дружелюбно улыбаясь, поставила перед ними глубокие глиняные чаши. На дне каждой обнаружилась малюсенькая горстка холодных варёных бобов.

— И они считают, что это ужин? — с насмешливой досадой шепнул Билл Кирочке в самое ухо, — Я бы сейчас не отказался от хорошей отбивной с картофелем или здоровенного сандвича с салатом, курицей или креветками.

— Я вообще не ем после шести часов вечера, — пробурчала она в ответ, — Тем более такую гадость.

— Вы привыкли получать максимум удовольствия от жизни, а мы служим Свету, — нравоучительно заметил сидящий рядом с Биллом человек, который, по-видимому, случайно расслышал обрывок их разговора.

Кирочке стало очень неудобно. А Билл моментально нашёлся и ловко отпарировал:

— У нас просто свои обычаи, сын Священного Солнца.

Шаман в ответ на это полушутливое подражание своей манере общения вежливо поклонился.

Златояра, девушка с янтарным блеском в волосах, которая тоже, по-видимому, заметила некоторое неудовольствие гостей, слегка брезгливо прокомментировала:

— Да, наша пища проста, и не так питательна и разнообразна, как ваша, но мы не употребляем, подобно вам тела убитых, мы не плотоядны, мы берём в пищу лишь то, что вбирает в себя лучи Солнца. Мы проповедуем ненасилие.

Билл с натугой проглотил тугой жёсткий боб и изрек:

— Я не могу сказать, что на каждом шагу встречаю тех, кто открыто проповедует насилие. Конечно, история таких товарищей помнит, но, насколько я знаю, все они кончили плохо…

Златояра вскинулась:

— Проповедовать можно, и не произнося ни слова. Проповедь в настоящем понимании — есть твоя жизнь, твой след, твой пример. Вы едите убойную пищу и, значит, тем самым одобряете убийства.

— Ну, знаете… — Билл попытался подавить улыбку, — ворон, выклёвывающий глаз мёртвому лосю не проповедует насилие. Он просто ест. И для меня, например, все куры, лежащие на прилавке в супермаркете просто умерли, я их не убивал, потому, собственно, и не могу возложить на себя вину за их смерть.

— Если бы никто не ел кур, их бы не убивали, — чуть побледнев, с поджатыми губами, процедила Златояра.

— Животные не понимают, что такое смерть, поэтому к ним неприменимо понятие насилия, — не унимался Билл, — я в детстве смотрел какую-то передачу о природе, я плакал тогда над ней, там показывали, как молодая зубрица почти три дня пролежала возле тушки своего погибшего зубрёнка, она регулярно облизывала его, пыталась растормошить, приносила ему какую-то пищу и клала возле мордочки. Сам факт смерти не был ею осознан, и она до последнего надеялась, что зубрёнок встанет, если к животным применимо понятие «надежда»…

— Отчего же вы плакали? — спросила Златояра, почти злорадно. По её лицу было понятно, что некоторое время назад она сделала свои выводы о Билле Крайсте, как о личности, и вряд ли что-либо могло уже повлиять на них, — Вам было жаль зубрёнка?

— Нет, мне было жаль материнских иллюзий. Такое трудно выразить в двух словах… В общем, это всегда больно, когда кто-то на твоих глазах не способен принять очевидное…

Остальные сидящие за столом не обращали на их разговор никакого внимания, не вмешивались в него. Каждый был занят своими бобами.

— Вы, — снова заговорил Билл, после паузы, несколько изменив тон; теперь в его глазах, мгновение назад глубоких и почти страшных, запрыгали весёлые чёртики, — вы сами, я уверен, не вполне скрупулёзны в исполнении вашей концепции о ненасилии. Ведь, к примеру, вам не приходит в голову, когда вы едите мёд, что он тоже является продуктом насилия, — все вегетарианцы и прочие натурофилы, каких развелось видимо-невидимо, я знаю, очень любят мёд — так вот, довожу до вашего сведения, что любой, кто добывает это золотистое тягучее лакомство для вас совершает поистине ужасное насилие над пчёлами! Просто варварство! Он пугает их дымом из дымаря, сея среди них панику, выгоняет из улья, и, в довершении всего, лишает бедных насекомых честно запасённой на зиму пищи, заменяя её самым обыкновенным дешёвым сахаром…

Златояра молчала, глядя на Крайста, как на врага. Другие шаманы тоже отвлеклись от плошек и подняли глаза на чужаков. Кирочке стало не по себе под этими устремлёнными на неё со всех сторон взглядами; опустив голову, она уставилась в свои бобы.

— Приятного аппетита, товарищи, — сказал Крайст, по-видимому, догадавшись, что возмутил общественность, и умолк, отправив в рот скудное угощение солнечных братьев.

Бобы брали руками. По одному. Потом долго и тщательно пережёвывали. Прошло около получаса, прежде чем нудный обряд поедания бобов, к великой радости Билла и Киры,

завершился. Оба вздохнули с облегчением, когда одна из девушек унесла куда-то их глиняные плошки. Златояра тоже встала и принялась суетиться вокруг стола.

— Перейдём теперь к сути дела, сын и дочь Тёмного Неба, — обратился к гостям шаман, что приветствовал их первым при входе в залу. Он был здесь, по всей видимости, главный.

— Как… как вы сказали? — удивилась новому обращению Кирочка.

— Мы всегда обращаемся так к чужим, не обижайтесь, — мягко ответил Верховный Шаман и продолжил начатую речь, — Мой старший сын Светозар попал в беду. Поэтому вы и приглашены сюда. Его невеста сможет лучше ответить на некоторые вопросы. Расскажи нашим гостям всё, Златояра.

Величественным кивком головы Верховный Шаман указал на шустро снующую туда-сюда девушку. Взмахнув лёгким как бабочкино крыло подолом из нежно-голубой полупрозрачной ткани, янтарная блондинка порхнула поближе к нему и грациозно уселась на пол.

— Ведьма похитила его в то самое утро, когда мы должны были сочетаться браком перед лицом Священного Солнца… — сказала Златояра и покраснела.

— Обряд бракосочетания в нашей общине совершается самим Солнцем, — благородно избавляя стыдливую невесту от необходимости сообщать подробности, пояснил Верховный Шаман, — Как правило, это происходит поздней весной или летом. Жених с невестой на рассвете отправляются в лес, находят живописную полянку, залитую светом первых золотых лучей…

Златояра опустила глаза долу, сверкающие пряди светлых волос упали ей на лоб; по виду девушки нетрудно было догадаться, в чём именно состоит обряд.

— Мы поняли, — сказал Крайст, сделав знак Верховному Шаману, что он может не продолжать объяснения.

— И что же произошло? — бережно поинтересовалась Кирочка, обратившись к Златояре.

— Когда мы пришли в лес, налетел откуда ни возьмись необычайно сильный ветер, ураган, меня сбило с ног и понесло… Я не помню ничего. А когда я очнулась, Светозара со мною уже не было. Он исчез!

— Очень интересно. И что же, по вашей версии, это могло быть?

— Не что, а кто, — уточнила девушка едко, — Я практически уверена: это была она. Аннака Кравиц, Магистр Песчаной Розы. Самая могущественная из ныне живущих ведьм способных управлять силами воздушной стихии. Она уже не первый раз крадёт жениха из нашей общины… Никто из похищенных ею юношей не вернулся. Мы ничего не знаем о судьбе наших несчастных братьев… Возможно, коварная колдунья умертвляет их при исполнении своих отвратительных ритуалов!

— Зачем она их похищает? У вас есть предположения? — спросила Кирочка.

— Солнце ведает, что ей нужно… Шаман-Отец думает, что она похищает их волосы… — тихо сказала Златояра.

— Волосы? — переспросил Билл. — На кой они ей? На парики что ли?

— Как вы несерьёзны… — янтарная девушка посмотрела на него с осуждением.

— Почему эти волосы так важны для вас? — спросила Кирочка.

— Длинные волосы символизируют чистую мужскую энергию. В нашей общине мальчика не стригут с рождения до тех самых пор, пока Священное Солнце не сочетает его

браком с возлюбленной женщиной, которую он выбрал спутницей своей жизни. После этого жена сама срезает мужу волосы специальным ритуальным кинжалом. Считается, что только тогда вся жизненная энергия молодого мужчины ни на что не растрачивается, не распыляется и полностью уходит на строительство семьи. Каждый юноша получает ритуальный кинжал из рук отца в день своего семнадцатилетия. Подарить его девушке — означает предложение вступить в брак.

— И сколько раз можно так жениться? — поинтересовался Билл.

— Только один, — твёрдо ответила Златояра, — и только по любви.

— Второй раз совсем нельзя? — осторожно спросила Кирочка.

— Это называется — блуд. Он влечёт за собой смерть.

— Эх… сколько же раз я уже должен был сдохнуть… — шепнул Билл Кирочке, озорным жестом слегка ткнув её локтем.

— Разве родители не говорили тебе в детстве, Крайст, что хвастаться — не лучшая привычка, — ехидно заметила в ответ она тоже шёпотом, дабы пощадить столь трагически серьёзное отношение ко всему этому Златояры.

— Вы что, казните их? — спросила Кирочка уже серьёзно у Дочери Солнца.

— Нет. Они умирают сами. Их опаляет внутреннее Солнце.

— Что вы имеете в виду?

— Совесть, — ответила золотоволосая девушка.

— В таком случае, дочь Священного Солнца, что требуется от нас? — деловым тоном спросил Билл.

— Я прошу вас вызволить моего жениха от Магистра Песчаной Розы. И как можно скорее.

— Пока он ещё с волосами, верно? — с едва заметной ехидцей уточнил Билл.

Златояра кивнула.

— Мы сделаем всё возможное, но обещать ничего не можем… Впрочем, волосы не зуб…

Кирочка ощутимо ткнула Крайста, дав ему понять, что не все здесь способны оценить его своеобразное чувство юмора.

— Теперь, если позволите, мы хотели бы отдохнуть, — вежливо обратилась она к Златояре.

— Конечно, — кивнула девушка, — до рассвета есть ещё время. Идёмте, я покажу вам вашу спальню.

— Одну на двоих? — настороженно переспросила Кира, — хм… странно.

— Что же в этом странного? — спросила блондинка.

— У нас так не положено… — Деловито уточнила Кирочка. — Обычаи, принятые под Тёмным Небом, предписывают предоставлять разнополым субъектам разные комнаты.

Она взглянула на Билла — от еле сдерживаемого смеха ярко синие глаза его сверкали.

— Понимаю, — гордо ответила Златояра, — Многие люди настолько испорчены, что боятся самих себя. Но сделать ничего не могу. У нас в замке только одна гостевая зала. Это значит, что сегодня у вас появится необыкновенная возможность научиться целомудрию у Священного Солнца и очиститься от блудных мыслей.

— Превосходно, — недовольно пробурчала Кира.

Солнечная блондинка провела гостей сквозь анфиладу небольших комнат, расположенных в боковой части заднего крыла замка — он, если смотреть сверху,

напоминал букву «Н». Миновав длинный прямой коридор без окон, они очутились в невероятно просторном помещении, освещённом стилизованными под свечи бра.

В центре залы, прямо на каменном полу, на небольшом расстоянии друг от друга лежали два соломенных матраса. Ни одеял, ни подушек предусмотрено не было.

— До встречи с Солнцем, — сухо простилась с гостями Златояра и вышла, бесшумно затворив тяжёлую дверь. Через мгновение в зале погас свет.

— Забавное приключение, не находишь?

— Я в восторге, — угрюмо заключила Кирочка и принялась оттаскивать свой матрас подальше от матраса Крайста.

Постелив его в углу, она улеглась, естественно, не раздеваясь, и, отвернувшись к стене, закрыла глаза. Девушке было настолько неудобно на жёсткой колючей соломе, что она мысленно попрощалась с возможностью выспаться этой ночью.

В зале было так тихо, что, не взирая на всю её огромность, можно было слышать дыхание человека, находящегося в противоположном углу.

Кирочка повернулась и взглянула на Крайста.

Он лежал на своём матрасе навзничь, положив одну руку под голову, и неторопливо курил, глядя в потолок.

— Тут разве можно? — спохватилась Кирочка.

— Табличку не повесили, пусть пеняют на себя, — спокойно ответил Крайст, выпустив струйку дыма.

Кирочка отвернулась и заёрзала, снова пытаясь устроиться на неуютном матрасе. Она положила руку себе под голову и закрыла глаза. Но сон не приходил. В гнетущей тишине залы чувствовалось присутствие Крайста. Его соломенный матрас тихонько похрустывал при каждом движении, он тоже не спал, гостеприимство шаманов, видимо, и ему не пришлось по вкусу.

Повернув голову, Кирочка снова вгляделась в глубину залы.

— Ну что, блудные мысли покоя не дают? — насмешливо поинтересовался Билл, услышав шорох. Он так и лежал на спине; тлеющий огонёк сигареты, как маячок, плавал в сумрачной голубизне. За большими окнами простиралось ночное небо.

— Даже если и так, — отпарировала, подражая его манере, Кирочка, — можешь не волноваться, Крайст, они не о тебе…

— Слава Богу, — рассмеялся он.

— Знаешь, мне кажется, что эти солнцепоклонники немного чокнутые, — заговорила она снова после небольшой паузы.

— Разумеется, — согласился Билл, — в каком-то смысле каждого можно назвать чокнутым. Все мы на чём-то повёрнуты…

— И всё-таки… — Кирочка приподнялась, опершись на локоть, — мне не дают покоя рассуждения этой блондинки про борьбу с блудными мыслями. Так уж ли это нужно? И какие именно мысли считать блудными? — Кирочка с шуршанием улеглась на матрасе, устремив взгляд в потолок; возможность не видеть собеседника иногда располагает к откровенности, — Мне приходят разные мысли. Временами очень странные. Я не всегда могу их побороть. Они лезут ко мне в голову, и я продолжаю их додумывать, представляю, как делаю или говорю что-то, чего бы в реальности никогда не сделала и не сказала: я получаю от этого удовольствие, мне это нравится… Порой я воображаю даже страшные вещи. В детстве я часто представляла себе, как всех, кто меня обижал, настигает возмездие:

их уносит чёрный смерч… Понимаешь?

— Что же в этом такого? В чём причина твоего беспокойства?

— Ну, ведь это вроде как плохо. Грех. Нельзя желать никому зла…

— Ничего подобного. То, что ты говоришь, встречается у большинства людей и является вполне нормальной реакцией на подавление нашего «эго» внешним миром. Другие могут осудить тебя лишь за конкретные поступки. Даже если ты мысленно готова расстреливать всех подряд из ружья, никто не слышит выстрелов, грохочущих в твоём сознании. Никогда не следует забывать о том, что всё это просто мысли. Неуловимые и бесплотные. Твоя голова — твой храм, твой дом и твоя крепость. Мысли останутся только мыслями, никто ничего не узнает, если ты сама не захочешь.

— Спасибо, Крайст, — задумчиво проговорила Кирочка, — ты прямо как исповедник. Душу мне облегчил…

Она услышала, как он тихонько посмеивается, зажав в зубах сигарету.

— В таком случае я желаю своей немногочисленной пастве спокойной ночи; хотя бы не слишком колючей ночи… Теперь поздно.

По знакомому похрустыванию соломы Кирочка догадалась, что Крайст устраивается спать.

— И тебе того же, — ответила она, сворачиваясь калачиком на матрасе.

3

Кирочке почудилось, будто кто-то стоя рядом смотрит ей в лицо, и она проснулась. Открыла глаза.

Лучи майского рассвета рождали на мраморной отделке комнаты необыкновенно нежные перламутровые оттенки.

Кирочка повернулась и взглянула на Крайста. Он спал на боку, слегка согнув ноги в коленях и подложив правую руку под голову. Он не притворялся. Кирочке стало неловко смотреть на него спящего; она увидела, что у Крайста густые и длинные ресницы; прежде, когда она встречалась с ним взглядом, это не так бросалось в глаза…

Дверь залы внезапно скрипнула. В предутренней тишине этот звук показался оглушительным. Кирочка вздрогнула. В ту же секунду за дверью послышались бегущие шаги. Мелким жемчугом они посыпались по гулкому мрамору, затихая вдали.

Девушка вскочила и метнулась к дверям. Выглянув из залы, она успела заметить в конце коридора убегающую фигуру с развевающимися длинными светлыми волосами.

— Что случилось? — Билл проснулся и, рассеянно промаргиваясь, сел на матрасе.

— За нами кто-то следил, — ответила Кирочка с взволнованным придыханием.

— Да ну. Брось. Кому мы с тобой нужны?

— Не знаю. Но я своими глазами видела, как кто-то улепётывал по коридору!

— Бог с ним. Не зацикливайся. Если мы действительно нажили тут врага, он непременно даст о себе знать ещё раз. Давай лучше работать. У нас полно дел. Я кое-что придумал.

В этот момент в залу заглянула Златояра.

— Солнце явилось взору, гости. Рада приветствовать вас. — На девушке было надето теперь другое, такое же лёгкое и воздушное как прежнее, но только оранжевое в мелких блёстках платье.

— Взаимно, — Билл поклонился, ловко подражая манере солнечных шаманов, — Благодарим вас за ночлег. Мы желаем отправиться к Магистру Песчаной Розы как можно

скорее. Но для этого нам понадобятся ваши наряды.

— В каком смысле? — блондинка подозрительно приподняла брови.

— Мы должны выглядеть как сын и дочь Солнца, — пояснил Билл.

— Но… но это невозможно. Чужие не должны прикасаться к священным повязкам… — обеспокоенно отозвалась девушка, касаясь ладонью широкой ленты на лбу.

— Послушайте меня, прекраснейшая дочь Солнца. Боюсь, что у вас нет выбора. Вы ведь хотите получить назад своего жениха живым и… — Билл сглотнул усмешку, — … волосатым.

Златояра молчала. Взгляд её выражал недоверие.

— Ну, хорошо, — выговорила она после недолгого раздумия, — Я должна посоветоваться с нашим Отцом, и, если он позволит, то я принесу вам полотняную рубашку, штаны, повязки и четыре платья для вашей спутницы. Ждите.

— Зачем сразу четыре? — изумилась Кирочка.

— Рассветное, полуденное, закатное и ночное, — пояснила дочь Солнца, — Вы должны будете их менять в соответствии со временем суток.

— И это в век информационных технологий, глобальной автоматизации и активного освоения космического пространства… — шёпотом повторила Кирочка давешнюю шутку Крайста.

Златояра вышла, а Билл тем временем извлёк из своего небольшого чемоданчика блистер с какими-то таблетками, выдавил две на ладонь и проглотил.

— Что это? — спросила Кирочка.

— Средство для ускорения роста волос.

— Зачем?

— Ты до сих пор не догадалась? Мы будем с тобой маскироваться под Детей Священного Солнца. Всё должно выглядеть максимально правдоподобно.

— И насколько же быстро они будут расти? — с сомнением поинтересовалась Кира.

— К вечеру будут примерно до пояса.

— Ух ты! В салоны красоты бы такие препараты!..

— …Или в частные клиники. Для лечения облысения, — добавил Билл, — но, увы и ах. Мы не имеем права никому ничего рассказывать. Формулу действующего вещества этих таблеток разработали маги, согласившиеся сотрудничать с нами. Тайна должна оставаться неприкосновенной, что бы ни случилось.

— А если магия останется единственным средством, чтобы, скажем, кого-нибудь спасти? Неужели нельзя будет ею воспользоваться?

Крайст ненадолго задумался.

— Открыто — ни в коем случае. Как бы страшно это ни звучало — тайна дороже чьей-то отдельно взятой жизни. Она — наивысшая ценность.

— Но ведь это же ужасно… Столько хорошего скрывается от человечества… Эти таблетки наверняка не единственное достижение колдовства, которое можно было бы использовать во благо.

— Да, — согласился Крайст, — но последствия выхода Тайны из-под контроля абсолютно непредсказуемы… Этого нельзя допустить. Подумай сама… Рано или поздно учёные изобретут и средства от облысения, и лекарства от смертельных болезней, отыщут более быстрые и эффективные способы перемещения в пространстве. У них на это просто уйдёт больше времени. Тайна должна быть неприкосновенна. И всё.

4

К вечеру Крайст действительно оброс шикарной густой и немного волнистой тёмно-русой шевелюрой. В Кирочкины обязанности входило периодическое расчёсывание этого богатства, вырастающего на глазах, на зависть всем девушкам ниспадающего сияющими потоками, ложащегося ей в руки тяжёлым и гладким шёлком.

— Я не делаю тебе больно, — спрашивала она, робко запуская гребень в волосы Билла. Необходимость прикасаться к другим людям никогда особенно не радовала Киру, а уж теперь… Ей хотелось, чтобы эта процедура расчёсывания волос закончилась как можно скорее. Да и самому Крайсту было немного не по себе. Лёгкие и как будто чуть встревоженные прикосновения чужих рук были ему не то чтобы неприятны, но непривычны.

Стемнело. Кирочке пришлось переодеться в нежно-голубое платье. Оно оказалось чуть коротко ей, как, впрочем, и все остальные, среди девушек общины не нашлось ни одной такой же высокой как она. Тонкое воздушное платье открывало лодыжки, хотя должно было спускаться до пят; оно обрисовывало под полупрозрачной тканью всё тело как нагое, скрадывая только излишние его подробности.

Билл надел полотняную рубаху с геометрическим орнаментом, вышитым цветными нитками, и повязал голову широкой лентой с символикой сыновей Солнца.

— Ты знаешь, где мы будем искать Магистра Песчаной Розы? — спросила Кирочка, когда они уже сели в машину.

— Разумеется. В нашем распоряжении имеется база данных с адресами и телефонами всех видных практикующих магов. Осмелюсь предположить, Кравиц забавляется с этими волосатиками в своём пригородном коттедже.

— Это далеко отсюда?

— Не слишком. Около трёх часов езды на автомобиле. Сектор 209-А.

— Тебе ещё что-нибудь известно об этой Аннаке Кравиц? — с любопытством спросила Кира.

— Она менеджер по продажам в одной крупной строительной компании.

— Ничего себе… Неужели магам приходится жить и работать как самым обычным людям?

— Ну, естественно. Не будут же они, в самом деле, рассказывать всем подряд о своей причастности к сверхъестественному! Подобно нам с вами, колдуны прячутся среди людей. Они приобретают паспорта, профессии, социальные статусы. Некоторые шифруются настолько искусно, что нам в Особом Подразделении приходится изрядно поломать головы, прежде чем их обнаружить.

— Я что-то до сих пор не могу понять, зачем тебе понадобились эти волосы… — задумчиво проговорила Кирочка, разглядывая сверкающие струйки на плечах Крайста.

— Маленькая рабочая хитрость. Неужели ты всерьёз полагаешь, что мы собираемся бороться с Магистром Песчаной Розы?

Кирочка пожала плечами.

— Это было бы неразумно. Силу следует применять только в самом крайнем случае, и сначала всегда стоит попробовать обойтись без неё. Особенно, если соперник обладает таким могуществом как Аннака Кравиц…

— И что же ты собираешься делать?

— Мы устроим ей вполне безобидное представление. Для этого нам и нужны нелепые солнечные костюмы. Тебе когда-нибудь приходилось играть роль, ну, например, в школьном

спектакле, хотя бы зайчика? — Билл прикурил, несколько раз затянулся, и, зажав сигарету между пальцами, снова положил руку на рулевое колесо, — Сценарий очень простой: мы с тобой якобы добропорядочные представители общины Священного Солнца. Брат и сестра, скажем. Мы говорим Кравиц, что община послала нас выкупить Светозара из плена и подарить ей вместо него меня — принести в жертву, — Билл с преувеличенным пафосом тряхнул своей шикарной шевелюрой, — Мы разыграем перед Аннакой трагическую сцену. Сочувствие, я уверен, ей не чуждо. Можешь себе представить, насколько великий подвиг для юноши из общины — добровольно явиться к ведьме на порог?

— Ну а дальше что?

— Самое забавное. Мы предложим ей обменять меня — добровольную жертву — на Светозара и, в случае успеха, вернём его невесте целым и… волосатым.

— А как же ты, Крайст?

— Я? Обо мне тревожиться не стоит! Вряд ли Кравиц вздумает сварить из меня бульон. Как-нибудь выкручусь…

5

Ухоженный коттедж могущественной ведьмы был окружён цветущими яблонями. Нежные лепестки лежали на садовых дорожках как снег. Сладкий аромат простирался далеко, трогая тёплыми пальцами ноздри всех проходящих и проезжающих мимо.

Билл поднялся по ступенькам крыльца и бесцеремонно позвонил.

— Кто там? — спросил строгий женский голос.

— Нам нужна госпожа Аннака Кравиц.

— По какому вопросу?

— По личному.

— Подождите, я доложу.

— Она что, держит прислугу? — с неприязненным удивлением в голосе предположила Кирочка.

— Думаю, нет. Это почти наверняка ученица, молодая ведьма. Каждый маг стремится передавать свои знания и опыт.

Билла и Киру пригласили подняться на второй этаж.

На просторном балконе, увитом ползучим растением с воронковидными белыми цветами, Аннака Кравиц и Светозар, удобно устроившись в садовых плетёных креслах, непринуждённо и весело играли в карты. Волосы юноши пока ещё оставались на месте; более того, он совершенно не выглядел несчастным пленником. Скорее, наоборот. На маленьком столике был накрыт лёгкий завтрак, и Светозар, крепкий невысокий блондин, не отвлекаясь от игры, с молодым аппетитом таскал с плоского фарфорового блюда ароматные поджаристые оладьи.

— Мир вам, — Аннака поприветствовала вошедших чуть заметным царственным кивком головы. — Чем могу быть полезна?

Билл озвучил заранее приготовленную речь. Кирочка покивала. Светозар глянул на них подозрительно.

— Добровольная жертва общины, говорите… — Аннака испытующе посмотрела сперва на Билла, потом на его спутницу. Никогда ещё Кирочке не приходилось видеть такой величественной красоты. На вид госпоже Кравиц можно было дать лет тридцать пять — у неё было строго овальное лицо с очень высоким лбом, длинный нос, пышные губы и большие миндалевидные глаза внешними углами направленные к вискам, — Добровольная

жертва… — повторила она, иронично поднимая бровь, — Поди-ка сюда…

Билл приблизился. Теперь он стоял напротив Аннаки рядом с креслом Светозара. Ему показалось, что в изумрудных глазах ведьмы промелькнули лукавые искорки. Неужели она не поверила? Аннака тем временем медленно переводила взгляд с Билла на Светозара и обратно, будто бы сравнивая молодых мужчин между собой.

— И который из них двоих симпатичнее? — непринуждённо обратилась она к Кирочке, точно к подружке на девичнике с мужским стриптизом, — Твоё мнение?

Оробевшая девчонка не могла выдавить из себя ни звука.

— Лично мне больше по вкусу вот этот, — заключила Аннака, ткнув тонким прохладным пальчиком Крайста там, где глубокий вырез рубахи открывал кожу, — Вези своего заложника домой и не забудь поблагодарить соплеменников…

— Но… у меня же нет водительских прав… — пролепетала Кирочка, умоляюще глядя на Билла. «Неужели ты оставишь меня одну? Это же мой первый выезд на задание!» — говорили её глаза.

— Моя управляющая отвезёт вас, — Аннака небрежно кивнула молодой ведьме, стоящей в дверях, — Проводи гостей, Тара.

Билл напоследок ободряюще Кирочке подмигнул, улучив момент, когда никто не мог этого заметить.

— До скорого, сестрёнка!

Она повернулась и обречённо поплелась к машине следом за Светозаром и хранящей благородное молчание ведьмой-ученицей. Умом Кирочка понимала: Билл гораздо опытнее её, он офицер и, конечно, знает, что делает… Но неизъяснимая тревога всё равно не давала ей покоя.

— Вот я и добралась до тебя, Крайст, — загадочно сощурившись, сказала Аннака Кравиц, как только машина отъехала от дома.

— Собираетесь извести меня на фарш? — невинно сияя синими глазами, осведомился Билл, — Давайте я хоть мясорубку принесу!

— Нет. Спасибо, конечно… Но я и без неё прекрасно справлюсь… — с неожиданной ловкостью Аннака схватила его за волосы и, притянув к себе, крепко поцеловала в губы.

6

Кира и Светозар были встречены в солнечном замке всеобщим ликованием.

Верховный Шаман Белозар представился Дочери Тёмного Неба только сейчас, согласно обычаю, лишь те, кто заслужил, получали привилегию называть его по имени. Белозар и Златояра по очереди заключили Кирочку в сердечные объятия. Это была великая честь для гостя общины, и удостаивались её немногие.

Кирочку теперь считали в замке героем. Поприветствовать спасительницу похищенного юноши лично пожелали все Сыновья и Дочери Солнца. Неожиданная популярность нисколько не обрадовала девушку, показавшись тягостной и даже немного неприятной. Ведь спасением Светозара община была обязана не ей, а Биллу Крайсту.

Кирочке как раз вспомнился случай на уроке математики в седьмом классе, когда учитель, проверяя домашнее задание, попросил всех учеников назвать ответ задачи по очереди с места. Она задачу не решила, но, опасаясь двойки, озвучила ответ, услышанный от отличницы, сидящий впереди неё. Ответ оказался верным, и учитель попросил всех, назвавших его, подойти к нему с дневниками за отметкой «пять». В само решение задачи он, демонстрируя доверие к ученикам, даже не заглядывал. Никогда в жизни Кирочке не было

стыдно ни за что сильнее, чем за эту «пятёрку» в седьмом классе…

И сейчас она испытывала нечто подобное. Сыновья и дочери Солнца обступили её, благодарили наперебой, обнимали. Кирочка потерянно улыбалась в ответ, ну не отталкивать же их, в самом деле?

К счастью, вскоре все эти, вновь обретшие своего названного брата, дети Священного Солнца от неё отвлеклись и захлопотали вокруг стола: после заката решено было устроить праздничную трапезу и даже вынести к ней из погреба (это делалось в исключительных случаях) особую дурманящую настойку из редких лесных кореньев. И тут-то, среди предпраздничного суетливого мельтешения, Кирочка снова почувствовала на себе давешний таинственный взгляд. Она огляделась, ища в толпе хоть кого-нибудь, кто теоретически мог бы так на неё смотреть — тяжело и странно — будто высасывая, будто забирая…

Вдруг…

Толпа всколыхнулась и сомкнулась за ним прежде, чем Кира успела разглядеть убегающего. Всё, что она успела заметить, это были волосы. Длинные, светлые, летящие плащом.

Кирочка бросилась вдогонку. Пробираясь в толпе и не находя взглядом приметных волос, она уже начала терять надежду настигнуть беглеца, когда неподалёку раздался сердитый окрик Верховного Шамана.

— Стой, Лучезар! Ты куда так летишь? Что-то давно не видно тебя за работой. Помоги-ка расставить кувшины с ягодным морсом.

— Да, отец… — раздался в ответ виноватый голос мальчишки-подростка.

Кира взглянула в ту сторону, откуда донеслись слова.

Рядом с Белозаром, шаманом-Отцом, и обнаружился этот самый загадочный обладатель плаща золотистых волос и, по всей вероятности, пламенного взгляда. Им оказался парнишка, совсем ещё юный, лёгкий, тоненький как стебель полевой метёлки. Выражение угрюмой серьёзности, которое он старательно придавал своему полудетскому лицу, слегка позабавило Кирочку.

Заметив на себе её неотрывный взгляд, мальчуган снова поспешил исчезнуть.

— Лучезар! — догнав его в два прыжка, девушка сомкнула пальцы у него на запястье.

Юноша оробел. Кира почувствовала это по напряжению в его тонкой руке, которую она держала.

— Зачем ты следил за нами?

— Я не следил! — отчаянное смущение воришки, которого застали врасплох, заставило ответ Лучезара прозвучать грубовато.

— Будто бы я вчера родилась и ничего не вижу… — Кирочка досадливо поморщилась. — Что тебе от нас нужно?

— Ничего, — огрызнулся Лучезар, попытавшись высвободить руку. Длинные волнистые волосы, искрящейся парчовой завесой упавшие мальчишке на лицо, скрыли его от Кирочки.

— Ты всё ещё здесь? Отец же приказал тебе выносить кувшины! Что за несносный озорник! — раздался совсем рядом строгий голос Златояры. — Ну-ка бегом в погреб!

Кирочке пришлось выпустить Лучезара. Он, по-видимому, этому обрадовался. Его как ветром сдуло, только волосы взметнулись…

Кирочка увидела, что к ней напрявляется Верховный Шаман.

— Дочь Тёмного Неба… — почтительно обратился он, — …в качестве благодарности за спасение моего Старшего сына Светозара община устраивает Большой Солнечный

Карнавал в твою честь…

— Я польщена, — вежливо ответила Кирочка и попыталась поклониться на манер членов общины. — …Но мне это кажется не совсем справедливым, ведь эта победа практически целиком заслуга моего куратора, лейтенанта Крайста. Поэтому и карнавал должен быть устроен в его честь, а не в мою.

— Как? — Удивился Белозар, — Разве ваш друг не погиб героически в схватке с Магистром Песчаной Розы? Я, признаюсь, так и решил, когда вы вернулись без него…

— Надеюсь, что нет. Дело в том, что лейтенант Крайст, поручив мне позаботиться о Светозаре и доставить его домой, остался с врагом один на один… — Перед внутренним взором Кирочки в лёгкой дымке возникло красивое лицо Кравиц, — …И он, вероятно, до сих пор с ним… сражается.

Перед последним словом Кирочка невольно сделала паузу, так, словно тщательно подбирала его перед тем, как произнести. Она в первый раз подумала о Билле с тревогой. Вряд ли, конечно, Кравиц в этот самый момент пытает Крайста или пьёт из серебряного кубка его ещё тёплую кровушку… Могущественная ведьма не произвела на Киру впечатления существа жестокого и несправедливого. Впрочем, внешность может быть обманчивой…

— Ясно. — Сказал Верховный Шаман. Вид у него был озадаченный. — В таком случае нужно отложить Солнечный Карнавал до его возвращения.

— Это отличная идея, — обрадовано согласилась Кирочка. Ей не хотелось отдуваться в одиночку. Согласно её представлениям, подвиг, достойный такого чествования, должен был быть действительно великим.

— Вы, наверное, очень переживаете за своего товарища… — Сочувственно поинтересовался Белозар. — …Не стесняйтесь обращаться за помощью. Любой из детей Солнца с радостью поговорит с вами. Солнце щедро на утешение и дружескую поддержку. Оно питает каждый цветок на земле, и света хватает всем… Надеюсь, ваш друг с достоинством преодолеет все испытания и вернётся к нам…

— Благодарю вас. — Кирочка снова неуклюже поклонилась. Она уже успела забыть о Лучезаре, и теперь, обернувшись и снова увидев его, ощутила лёгкое раздражение. Юноша стоял в нескольких шагах, прижимая к груди стройный глиняный кувшин; его роскошные волосы, рассыпавшись по плечам, ярко сияли в лучах заходящего солнца, бьющих в окна парадной залы.

Кирочка гордо прошествовала мимо, не удостоив парнишку ни единым взглядом.

7

На исходе вторых суток отсутствия Крайста, Кирочка всерьёз забеспокоилась. Неужели Кравиц всё же решила, как выразился сам Билл, сварить из него бульон? Она не была уверена, что сможет помочь куратору в случае чего, но решила действовать.

Кирочка выпросила у Белозара один единственный имеющийся в общине мопед, старый, как сама идея мопеда, кое-как завела его и отправилась на выручку. Ехать по скоростному шоссе на допотопном мопеде было очень рискованно, поэтому пришлось петлять по заросшим и заболоченным просёлочным дорогам до самой городской стены. Где-то мопед вёз Кирочку, где-то приходилось тащить его, цедя отборную брань сквозь крепко стиснутые зубы.

За воротами Города на многие километры тянулись бытовые и промышленные свалки. Они потрясли девушку, оставили в её душе неизгладимое впечатление. Пока она видела эти

свалки мельком из окна скользящего по скоростному шоссе автомобиля, ей трудно было оценить их реальный масштаб; а теперь, оказавшись среди гигантских мусорных куч с маленьким мопедом, петляя между ними и то и дело замечая крупных отъевшихся крыс, шныряющих среди гниющего хлама, Кирочка испытала настоящий шок. Цивилизация способна производить величайшие шедевры искусства, осуществлять невероятные прорывы в науке и технике, возводить монументальные памятники культуры, но больше всего, как это ни грустно, она производит всё-таки отходов…

Коттедж Аннаки среди цветущих яблонь стоял как ни в чём не бывало — он не выражал своим видом ничего зловещего. Кирочка миновала благоухающий сад, поднялась по ступеням белёного крыльца и, прислушиваясь к стуку собственного сердца, позвонила.

Дверь открыла сама Кравиц и дружелюбно ей улыбнулась. На Магистре Песчаной Розы был изящный шёлковый пеньюар и домашние тапки. По внешнему виду колдуньи никак нельзя было заподозрить, что Крайст съеден ею или замучен каким-либо другим не менее чудовищным способом.

Пройдя по приглашению Аннаки в просторную гостиную, Кирочка сразу же увидела его. Билл, целый и невредимый, сидел за небольшим столиком, сервированным на двоих, и сосредоточенно уничтожал завтрак — маленькие круглые гречишные лепёшки в сиропе, творожный крем и молоко.

— Вы очень вовремя, — приветливо и жизнелюбиво обратилась к Кирочке хозяйка, — после завтрака я как раз собиралась отпустить лейтенанта Крайста с миром. Хотите кофе?

Кира вежливо отказалась.

— Ой, чуть не забыла. Последний штрих, — сказала сама себе Аннака и, приблизившись к столу, взяла в руку длинный широкий нож для нарезки хлеба.

Кирочка настороженно наблюдала за ней.

Кравиц подошла к Биллу сзади, небрежно-страстным движением собрала в толстый пучок его шикарные волосы и, намотав их себе на руку, отсекла одним ударом ножа. Потом, склонившись и приобняв Крайста таким жестом, что Кирочка сразу почувствовала себя лишней в комнате, что-то прошептала ему в самое ухо.

Билл поднялся.

— Нам пора. И, как говорится, спасибо этому дому, — он кивнул Кирочке, — Пошли.

Кравиц проводила их до дверей.

— Рада была знакомству, — сказала она напоследок с лучезарной улыбкой.

Служебный автомобиль стоял во дворе под яблоней; на чёрную глянцевую крышу и на капот густо нападали лёгкие нежно-кремовые лепестки. Нажав кнопку на электронном ключе, Крайст выключил сигнализацию. Ожидая, что он поведёт машину, Кирочка села туда, где сидела обычно, на переднее место рядом с водителем.

— Садись за руль, — объявил Билл, преспокойно устраиваясь на заднем сидении.

— Это ещё почему?! — негодующе воскликнула Кира, — у меня же нет прав! Нас оштрафуют…

— Три дня и три ночи я доблестно сражался с ведьмой и порядком устал, — пояснил Билл, зевая и натягивая на лицо кепку, — мне не помешало бы немного вздремнуть…

Кирочка сердито засопела и нехотя перелезла на водительское сидение. Она наконец-то догадалась, какого рода пыткам подвергался Крайст в уютном загородном коттедже Аннаки Кравиц. И теперь мысль о предстоящем чествовании «героя» в замке возмущала её. Происходящее казалось каким-то гротескным представлением, актёры в котором постоянно

переигрывают. Кирочка включила автоматическое управление и сосредоточенно уставилась на дорогу. К Крайсту она умышленно не оборачивалась. Он, вероятно, спал.

8

Солнце медленно спускалось за горизонт. Плавилось, растворялось — как шипучая таблетка аскорбинки в стакане воды — расплывалось алым, оранжевым, розовым по западной части неба.

Наблюдение за закатом — ежевечерний ритуал шаманов Священного Солнца — сегодня был особенно торжественным, ведь сразу после него должен был начаться Большой Карнавал.

На крыше замка его жители оборудовали специальную площадку — с неё можно было очень долго видеть постепенно опускающееся светило. В молчании застыли дети Священного Солнца на коленях со скрещенными на груди руками, устремив глаза на позолоченный закатом край небосвода. Они расположились строго в шахматном порядке, в своих воздушных алых полупрозрачных одеждах, предназначенных для этого времени суток — никто не шевелился — настолько все они были погружены в сосредоточенное созерцание последних тающих лучей заходящего солнца.

Зрелище было поистине величественным. Даже Билл при всей свойственной ему насмешливости, несерьёзности с почтением наблюдал за этим красивым ритуалом и за всё время, пока длились чинные проводы дневного светила, не отпустил ни одной шуточки по этому поводу.

— Зачем вы каждый вечер наблюдаете за закатом? — отважился он потом спросить у Верховного Шамана.

— Это дань мгновенности и неповторимости бытия, герой… — ответил Белозар, — закат каждый раз разный, не может случиться двух одинаковых закатов, и, кроме того, не следует забывать о том, что любой их твоих закатов, герой, может оказаться последним. Важно не пропустить его.

Когда солнце скрылось за горизонтом окончательно, оставив после себя лишь невнятный отблеск — светлеющее пятно на зеленоватом небосклоне — в общине начался долгожданный праздник.

Шаманы пели, танцевали, употребляли настойку из кореньев, угощались замечательно вкусными маринованными орехами и сушёными ягодами — дарами Солнца.

— Ты думаешь, мы не отравимся? — Билл с сомнением заглянул в небольшой глиняный черепок, на дне которого поблёскивала в электрическом свете тёмная лужица шаманской настойки, — Это с неё ведь они прыгают как черти!

Кирочка апатично пожала плечами. Ей до сих пор было стыдно перед самой собой за незаслуженно принимаемые почести, и она немного досадовала на Крайста за то, что он не только не разделяет её переживаний, но и не спрашивает даже о причинах её сумрачного настроения.

— Совести у тебя нет, Крайст, вот что, — сказала она.

— Это ещё почему? — поинтересовался он, ничуть не возмутившись предъявленному обвинению.

— Никакой ты не герой, — сказала Кирочка эмоционально, — Известно… — она запнулась, — каковы твои подвиги… А ведёшь себя как герой, и принимаешь все эти знаки уважения и благодарности так, будто действительно их заслужил…

Билл рассмеялся.

— Ах, вот оно что!.. Попробую тебе объяснить… Наша разница в том, что ты гораздо больше вещей принимаешь всерьёз. Пойми, от того, что я сказал бы этим шаманам правду, мало что изменилось бы. Если другие люди уже решили возвести тебя в ранг героя, то сколько ты ни доказывай им, что на самом деле ты ничтожество, вряд ли они тебе поверят. Община получила назад своего Светозара и теперь радуется. Зачем мешать?.. — Крайст снова глянул на лужицу мутной настойки в черепке и прибавил, — Думаешь, не отравимся? Впрочем, есть только один способ это проверить.

С озорным блеском в глазах Билл одним глотком осушил свой черепок. Кирочка решила от него не отставать и сделала то же самое.

В груди спонтанно обнаружилось солнце — круглое мягкое и тёплое — по телу рассыпались мелкие искры звенящей электризующей приятности…

Кирочка вскочила, следом за нею прозрачным крылом взлетела нежно-голубая ночная юбка. Билл тоже поднялся.

— Я хочу танцевать! — воскликнула девушка и, схватив Крайста за обе руки, закружила его.

— Ну и чертовщина! — отстраненно удивился он на себя, крепче хватаясь за её длинные тёплые пальцы. Вокруг них кружилось множество пар. В этом не было ничего особенного. Солнечный круг. Солнцеворот. Чередование дня и ночи, зимы и лета. Вечные попытки неповторимого повториться. В глазах мелькали голубые платья и расшитые рубахи шаманов; они закручивались всё быстрее и быстрее, словно яркий весёлый смерч, уносили все мысли и тревоги…

Устав от быстрых танцев и решив перекурить, Билл и Кира поднялись на крышу. Бездонная пропасть чёрного звёздного неба разверзлась у них над головами. Ночь стояла такая ясная, что крохотные слабо мерцающие песчинки — звёзды, все до одной, были хорошо различимы. Их мерклый дрожащий свет — трепетание безмерно далёких миров — пробуждал неизъяснимую грусть.

Двое на крыше застыли в молчании, вдыхая сладостный ужас перед собственной ничтожностью, который каждый хоть раз в жизни испытывал при виде распростёртого над головой тихого звёздного неба.

Постояв с минуту неподвижно, Крайст щёлкнул зажигалкой. Всплеск весёлого оранжевого пламени прогнал величественный призрак вечности, сотканный из робко струящегося на землю звёздного света.

— Я никогда не видела такой красивой ночи! — прошептала Кирочка восторженно и закружилась на месте, раскинув руки, — Эта настойка делает меня такой счастливой… Самой счастливой! Мне кажется сейчас, что невозможно просто испытывать большего счастья — будто Вселенная взяла меня бережно на ладонь, замерла надо мною и смотрит нежно-нежно…

— Ты напилась шаманского зелья и фантазируешь, — угрюмо пробормотал Билл, выпустив струйку дыма. Она пролилась в темноту миниатюрным подобием млечного пути.

— А что ты чувствуешь, Крайст? Неужели настойка на тебя совсем никак не подействовала?

Билл пожал плечами. Кирочка достала сигарету, и он привычно ей прикурил.

— Не знаю, — заговорил он чуть погодя, снова поглядев наверх, — ничего особенного я не чувствую. Представь только, что там, далеко-далеко, на маленькой планете возле какой-нибудь неизвестной звезды двое стоят, вот как мы сейчас, курят, смотрят в небо и зачем-то

тоскуют о нас с тобой, о том, что мы так далеко друг от друга, и им никогда не узнать нас. Это самая светлая печаль.

— Настойка обнажает внутреннюю суть — показывает вам содержание вашей души, — услышала Кирочка совсем рядом серьёзный и гордый голосок Лучезара. Он всё это время стоял в темноте у края крыши и не был замечен ни ею, ни Биллом.

— Мы достаточно уже, по-моему, освежились… — стушевалась Кира. Навеянная настойкой лёгкость резко прошла, ветерок студил плечи, под пристальным взглядом Лучезара, как будто преследующим её стремящееся ускользнуть лицо, ей сделалось муторно. — Идёмте вниз.

Кирочку посетила неуютная мысль, что должно что-то произойти, и ей захотелось это пресечь…

— Я могу оставить вас, — резко и, как показалось девушке, с обидой, выпалил Лучезар, — если хотите побыть наедине.

— Нет. Ты нам нисколько не помешал. Тут просто немного свежо. — поспешила уверить парнишку Кира. У неё в этот момент возникло ощущение какого-то недоразумения, нависшего в воздухе, она чувствовала, Лучезар появился здесь не просто так; всякий раз, когда она встречалась с ним взглядом, в ней вспыхивало необъяснимое тревожное предчувствие. Длинные золотые волосы и загадочные тёмные глаза — редкое сочетание пугало и завораживало.

— Все любовники так говорят, когда их застают вдвоём, — в интонации Лучезара слышалось отвращение.

Билл рассмеялся; Кирочка застыла на месте, не в силах вымолвить ни слова от неприятного обескураживающего удивления. Юноша стоял напротив неё; в ночи его глаза казались ещё больше, глубже и темнее; нежная кожа белела в призрачном свете звёзд.

— Что тебе от нас нужно? — спросила она глухо.

— Я скажу это тебе только наедине, пусть он уйдёт, — объявил Лучезар, не слишком уважительно кивнув в сторону Билла.

— Да что это за бесцеремонность! — Воскликнула Кира, уже не пытаясь скрывать возмущение.

— Ну! Не кипятись, — урезонил её Крайст, невозмутимо улыбаясь, — Неужели ты до сих пор не догадалась, что у молодого человека к тебе нечто очень личное? Я тут, действительно, пожалуй, третий лишний.

Видя, что Билл собирается уходить, Кирочка удержала его. Ей не хотелось оставаться наедине с Лучезаром.

— У меня нет от тебя секретов, Крайст, — сказала она, постаравшись, чтобы фраза не прозвучала испуганно или умоляюще.

Лучезар гордо вскинул голову и, не проронив ни слова, направился к лестнице.

— Может, он в тебя влюбился… — задумчиво сказал Крайст, когда юноша отошёл так далеко, что уже не мог его слышать, — знаешь, в таком возрасте это бывает. Один раз увидел и…

Кирочке не хотелось ничего говорить; она жадно глотала затяжки, чувствуя, как постепенно успокаивается; прохладный майский ветер относил в сторону тёмные пряди волос и дым; звёзды сияли ярко. Действие настойки прошло — в голове прояснилось — и Вселенная, связь с которой несколько минут назад Кирочка ощущала всем существом, снова стала чем-то отдельным, внешним, почти враждебным.

9

Близился рассвет. По традиции в конце Карнавала сыновья и дочери Солнца снова расселись вокруг стола. Верховный Шаман привлёк всеобщее внимание, трижды ударив деревянной палочкой в специальный бубен, обшитый по краям золотой бахромой.

— А теперь, мой солнечный народ, мы приступим к самой важной части нашего праздника — торжественной церемонии вручения Прощальных Даров. На рассвете наши гости вынуждены будут покинуть нас. Пусть каждый из вас сейчас подарит им что-нибудь на память, чтобы тепло нашего Солнца пребывало с ними и впредь.

После этого жители общины начали по очереди подходить к Кире с Биллом и складывать перед ними на стол всевозможные трогательные самодельные сувениры: нитяные фенечки, бусы из сушёных ягод, деревянные фигурки, глиняные свистульки и прочую симпатичную, но совершенно не нужную мелочь.

— Как же мы раньше то жили без всего этого? — с неуловимой насмешкой шепнул Кирочке Билл.

— Ну, вот не можешь ты, Крайст, пакость не сказать, — обиделась за солнечный народ она, — по-моему, всё это довольно мило.

Последним к гостям должен был подойти сам Верховный Шаман Белозар, а перед ним — два его сына, старший — Светозар со своей невестой Златоярой, и младший — златокудрый Лучезар.

— Я не знаю, как благодарить вас, — пафосно приложив руку к расшитой рубахе слева, там, где сердце, произнёс старший сын шамана-Отца, — много слов было сказано, но ни одни слова не смогут в полной мере выразить мои чувства. Как говорят у нас в общине: я бы с радостью подарил вам солнце, друзья мои, но оно и так светит всем.

Златояра, стоявшая рядом с женихом, чинно поклонилась, этим жестом как бы подтверждая его слова. В руках у Светозара появилась небольшая деревянная шкатулка с искусно вырезанным на крышке изображением солнца, благостно и сыто улыбающегося, с расходящимися во все стороны волнистыми лучами. Златояра осторожно приподняла крышку и всыпала внутрь горсть неочищенных лесных орехов.

— Примите, пожалуйста! Эти дары само Солнце доносит до вас нашими скромными руками, — сказала девушка и снова поклонилась.

— Теперь ты, Лучезар, — Светозар кивнул младшему брату, — скажи нашим гостям добрые слова и подари им что-нибудь.

Лучезар вышел вперёд. В руках у него ничего не было.

— Несносный мальчишка! — воскликнула Златояра с негодованием. — Ты не приготовил спасителям твоего брата прощального подношения? О, Милосердное Солнце! Как же это неучтиво!

Шаман-отец сердито сдвинул густые брови.

Юноша молчал. Вид у него был дерзкий и решительный. Он медленно обвёл глазами стоящих широким кольцом людей и произнёс, указывая на Билла:

— Мне всё равно никто не поверит, если я скажу, что ждёт этого человека.

Потом он перевёл взгляд на Киру, внутри у которой с каждой секундой рос, становясь всё оглушительнее, всё нестерпимее, звонкий трепет тревожного предчувствия. Все части её тела стали будто бы намного легче; в животе поселилась наэлектризованная пустота.

Лучезар сделал шаг назад, резким движением выдернул из круглого праздничного каравая, который должен был поднести гостям его почтенный отец, длинный хлебный нож с

деревянной ручкой — обнажённая сталь ударила по глазам молниеносным бликом — прежде чем кто-либо из присутствующих успел осознать происходящее, Лучезар со звонким стуком положил нож на пол прямо к ногам Кирочки.

Крайнее изумление отразилось на лицах всех членов общины. По живому кольцу, сомкнувшемуся вокруг гостей, волной прокатился неопределённый испуганно-жалобный вздох.

— Лучезар! — сорвавшись со своего места в кольце и выскочив вперёд, в панике выкрикнула Златояра, — Он не ведает, что творит! Ему всего пятнадцать лет! — срывающимся голоском запричитала она, обращаясь к Кирочке, — Он ведь как брат мне теперь стал, я как о родном о нём пекусь… Прошу вас, отдайте этот нож мне…

Некоторое время Кирочка стояла в нерешительности; она не имела ни малейшего представления о том, что ей надлежит делать. В первый момент она, конечно, не собиралась поднимать брошенный нож, но по мере того, как Златояра подбиралась всё ближе и ближе к нему, тянулась к рукоятке своими бледными тонкими руками, в душе Кирочки уверенно назревал протест; причитания блондинки были ей неприятны, да и большинство странных обычаев общины не вызывало у неё тёплого отклика.

— Насколько я поняла, — произнесла она прежде чем наклониться за ножом, — это подарок, и теперь только я решаю, как мне им распорядится.

Солнечные шаманы потрясённо молчали. Лучезар стоял, глядя в пространство; гордое юное личико его было бледно.

— Понимаешь ли ты, сын, что это для тебя означает? — раздался в гнетущей тишине громовой голос Верховного Шамана.

— Да, отец, — тихо ответил юноша. Он опустил голову; широкая золотая прядь соскользнула как лента, заслонив половину его лица.

— Но это же немыслимо… Это… это… ужасно! — Беспомощно всплеснув руками, Златояра горестно всхлипнула.

— Одумайся, брат, — строго сказал Светозар.

— Оставьте его. Пусть он сам сделает свой выбор.

Как на выстрел все обернулись в сторону произнёсшего последние слова. Это нарушил своё молчание сребровласый старик, тот самый, что отпирал и запирал ворота замка, топил печи, мёл лестницы, мыл полы, стёкла, стены и делал много другой тяжёлой неприятной работы. Во время длительных трапез он безмолвно следил за порядком на столе. Приносил и уносил глиняные чаши, разливал морсы и настойки. Много лет он прожил, не произнеся ни единого слова, ему запрещено было разговаривать с «чистыми» детьми Священного Солнца, и от долгого молчания голос старого слуги был скрипучим и страшным.

— Я о своём выборе не пожалел ни разу, — продолжил он, тяжело и надрывно откашлявшись, — Я встретил свою единственную женщину много-много лет назад. Её звали Элайза Грэйн, и она была «серым» лейтенантом. Когда я увидел её, моё сердце забилось сразу по всему телу, размножилось, разлетелось на тысячи осколков. Я понял ясно, что если она не станет моей, то жизнь не будет иметь никакого смысла, будет пустой и напрасной, вся, до самого конца, что бы ни происходило вокруг, и кто бы ни находился рядом. Мне тогда только исполнилось семнадцать лет, и я знал, что меня ждёт…

Старик, устав говорить, прервался. В груди у него что-то зловеще заскрипело. Он откашлялся снова и продолжил говорить, ещё глуше, ещё страшнее. Звуки, которые неохотно выпускало на волю его иссохшее горло, расправлялись, летели, настигали внезапно

притихших людей, вея на них холодом, безнадёжностью, смертью — словно неожиданно разверзлась посреди огромного зала забытая могила.

— Несмываемое клеймо «блудник», долгие годы позора, всеобщее презрение, вся самая тяжёлая и чёрная работа, может быть, даже смерть — вот что обещала мне единственная ночь, проведённая в объятиях возлюбленной. Настолько скверной, непозволительной, недопустимой кажется нашему солнечному народу связь без будущего, без привязанности, и с женщиной, у которой она, эта связь, не первая и не последняя. Они не подают вам руки… — Старик обернулся и посмотрел на Билла. — Потому, что они не признают никаких обычаев кроме своих, и невыносимо горды тем, что сами свои же обычаи исполняют. И какое бы великое добро вы ни сделали для них, какой бы подвиг ни совершили, они будут вас благодарить в глаза, но на душе у них будет одно — презрение к вам, бесконечное презрение к детям Тёмного Неба, к вашим мерзким обычаям, поощряющим насилие над животными, чревоугодие и неразборчивый блуд…

Старик снова замолчал. Скрипучий рвущий нутро кашель согнул его. Но он нашёл в себе мужество говорить дальше. Билл и Кира чувствовали, с каким трудом даётся ему каждое слово.

— Мне тогда было только семнадцать лет. Впереди у меня была вся жизнь — длинная жизнь в любом случае без неё. И единственный шанс на счастье. То, что ждало меня впереди, было не важно. Существовал только миг — непостижимый в своей остроте и насыщенности — единственный миг, в котором я по-настоящему жил… И я подарил ей себя, не задумываясь, не рассуждая, не заглядывая вперёд. Мы провели божественные сутки в маленьком домике лесника на берегу реки. А потом она исчезла. Так, как всегда исчезают, чтобы ничего не объяснять и не прощаться — ушла, пока я спал…Элайза забыла остричь мои длинные волосы. Так я и проходил с ними всю жизнь.

В подтверждение своим словам он слегка качнул головой. Серебристо-седые пряди ниспадали до самого пола словно пенистые струи водопада, обволакивая всё дряхлое, высохшее, измученное непосильным трудом тело старика.

— Мой народ был жесток ко мне — меня наказали обетом молчания, и в моей жизни не промелькнуло больше ни единого радостного мгновения… Но я ни разу, слышите, ни разу, не пожалел о том, что был с ней… На свете возможно такое великое, невыразимое, ослепительное счастье, что испытав его всего на мгновение, можно оправдать сколь угодно долгий срок ожидания или расплаты.

Старик замолчал, и все поняли, что больше он не скажет ни слова. Кирочка шагнула вперёд. В руках у неё сверкнул в свете множества ламп нож, подаренный Лучезаром.

— То, что когда-то было так красиво начато, должно быть достойно завершено.

Она подошла к старику, собрала в пучок его поредевшие, белёсые волосы и одним легким движением отсекла их. Длинные, тонкие, невесомые — они остались у неё в руке — серебряные нити, паутинки, их кончики слегка колыхались, захватываемые воздушными потоками.

— Пусть теперь вместе с волосами с этого человека будет снят весь позор, пусть заботой и уважением окупятся все его мучения — это единственный подарок, который я хочу получить от вашего Щедрого Солнца, — проговорила Кирочка, с трудом подавляя негодование, — Не нужны мне ваши фенечки. Всё это фальшь, невыносимая фальшь, если вы способны на такую бессмысленную жестокость. И здоровым, и больным, и красивым, и кривым, и чистым, и блудным — солнце с неба светит всем одинаково. Вам ли не знать об

этом…

— Звезду на погон, чёрт подери, — пробормотал себе под нос Крайст, глядя на Кирочку с искренним восхищением.

Верховный Шаман, привыкший ко всеобщему почтению и никогда раньше не сталкивавшийся с подобной дерзостью, просто не знал, как себя вести. Он растерялся.

Кирочка подошла и, присев на корточки, аккуратно положила хлебный нож перед ним на пол.

— Не ради вас, а только ради него, — сказала она, указав взглядом на Лучезара, потом, не дожидаясь ответа, отвернулась и обратилась к Крайсту так, словно кроме него вокруг больше никого не было, — идём к машине, всё, хватит…

Билл кивнул, и они вместе покинули залу. Никто больше не заговаривал с ними и не навязывался в провожатые. Когда они очутились на улице, одна половина неба уже золотилась рассветом. Оглянувшись, Кирочка увидела несколько силуэтов на крыше замка — они замерли, молитвенно приложив руки к груди, прозрачные одежды шаманов слегка трепетали на прохладном утреннем ветру.

— Встречают рассвет, — ехидно констатировал Крайст, — каждый рассвет может стать последним.

Услышав шуршание ног по гравию за своей спиной, Кирочка обернулась. Их догонял Лучезар. Она решила никак не реагировать и продолжила путь, даже слегка ускорив шаги. Парнишка, она поняла это по более тревожному чем прежде шороху гравия, тоже пошёл быстрее.

— Стой… Послушай, пожалуйста…

Он взял её руку удивительным жестом: и решительность и робость сочетались в нём. Так могло получиться только у очень юного, неискушённого, но весьма пылкого юноши.

Обернувшись, она увидела его глаза. Что-то яростное и зловещее плескалось в них.

— Он убъёт тебя! — сказал Лучезар очень тихо, но так твёрдо и страшно, что Кирочка вздрогнула, — у меня есть дар предвидения, но о нём никто не знает, пожалуйста, поверь мне…

— Кто? — спросила она, машинально пытаясь высвободить свою руку.

— Не знаю… Он представляется мне чёрным облаком, смерчем, я не вижу его лица… Просто не делай этого, не служи в Особом Подразделении, выйди замуж за хорошего человека, забудь всё… Тогда ничего не будет.

— И ты дал мне этот нож потому что хотел спасти меня?

— Да, — сказал он и вспыхнул, пряча лицо в длинные волосы; Лучезар краснел совсем как Саш Астерс — ярко, скоро и почти всей кожей сразу… — Я смотрел на тебя во время ужина, ты не замечала, а потом мне всё это приснилось… Я вижу вещие сны, клянусь; когда он пришёл, чернота заволокла всё небо, в Городе поднялся небывалый ветер, и фонарный столб упал на машину какого-то мужчины…

— Тебе не следует злоупотреблять настойкой, — предостерегла Лучезара Кирочка. Списать странные слова юноши на непредсказуемое действие шаманского напитка было куда проще, чем попытаться прислушаться к ним.

— Каждому предсказателю приходится делать этот выбор: говорить или молчать; предупредив тебя, я исполнил свой долг, — лицо Лучезара будто бы окаменело, разом утратив нежные краски. Он развернулся и энергично зашагал прочь; полотно его шикарных волос мягко переливалось в лучах рассвета.

— Ну и как ты находишь этих красавцев? — спросил Крайст задумчиво, когда они уже выехали на скоростную трассу.

Кирочка брезгливо повела плечами.

— В первый раз вижу, чтобы нечто, весьма благообразное внешне, имело настолько отвратительную суть. Им жалко куриц, которых продают в супермаркетах, но при этом они даже особенно не задумываясь могут так страшно мучить живого человека… Причём даже не преступника, нет, обыкновенного живого человека…

— Так обычно и бывает. Добро и зло не существуют сами по себе, как два яблока разного цвета, в реальности всё перемешано, границы стёрты, и зло — чаще всего оно есть просто неуместное преувеличение чего-либо, иногда вполне благородного… Такая гипертрофия любого начала, самого доброго и светлого — это зло — ведь в связи с неумеренным вниманием к чему-то одному неминуемо вырождается всё остальное…

Некоторое время ехали молча; вдалеке виднелись уже первые свалки санитарной зоны, утренняя заря поднималась над ними, небо нежно розовело, а первые лучи солнца, отражаясь от битого стекла и металла, делали гигантские мусорные кучи похожими на горы сокровищ; солнце действительно щедро и милосердно, теперь Кирочка видела это воочию, оно даже свалку способно превратить в величественное, достойное восхищения зрелище.

Кирочке некоторое время уже не давал покоя один вопрос, но она не решалась напрямую задать его Крайсту. Девушка чувствовала потребность заранее составить представление о том, что она может испытать, когда настанет срок и ей самой придётся соблюсти Правило Одной Ночи… Ей казалось, что спрашивать об этом не только неприлично, но и бесполезно. Ведь каждый человек уникален, и впечатления Крайста, даже если он согласится подробно их описать, вряд ли помогут ей встретить её собственные переживания во всеоружии. Желание спросить, однако, только усиливалось от того, что Кирочка пыталась его в себе подавить.

Крайст курил, шёпотом играл автомобильный приёмник — Кирочка решила, что, возможно, ей больше не представится шанса поговорить о Правиле.

— Билл, — осторожно начала она, — а что если тебе придётся встретится с Аннакой Кравиц ещё раз? Вдруг она совершит какой-нибудь проступок, или просто в силу обстоятельств окажется необходимым вступить с ней в контакт? Будет ли это нарушением Правила?

Вопреки ожиданиям Крайст отнёсся к её вопросу на столь деликатную тему так же просто, как если бы она поинтересовалась маркой его любимой зубной пасты.

— Нет. Вынужденные встречи могут случаться. Никто не в силах полностью исключить их вероятность. Запрет распространяется только на инициированные нами самими встречи или любые другие способы сообщения — письма, звонки… Другое дело, что нужно правильно повести себя, если пришлось встретиться снова.

— Ты не боишься, что тебе придётся часто видеться с Кравиц? Ведь мы постоянно контактируем с магами, а они с нами, наше общество довольно замкнутое, вероятность встречи выше… Что если после нескольких случайных встреч всё же возникнет привязанность? Ведь каждая из них, пусть на мгновение, пусть мимолётной случайной мыслью, но будет воскрешать в твоей памяти то, что было? Ты не боишься влюбиться в Аннаку?

— Ну что за странные фантазии? — Крайст самоуверенно тряхнул своей лохматой после недавней необычной стрижки головой, — Влюбиться в Кравиц? Мне? О чём ты?..

— Ты не допускаешь такой возможности?

— Не допускаю. Я считаю, что большая часть переживаний человека может контролироваться его разумом. Любви никакой нет. Она продукт излишне разгулявшегося блудливого воображения поэтов, художников, бродячих певцов, одним словом, разных бездельников, склонных в силу обострённого чувства собственной важности придавать своим эмоциям исключительное значение. Веками они, эти подлинные служители культа любви, складывали в её копилку по словечку, по песенке — вся культура человечества, всё искусство выросло на этой благодатной почве — только ленивый не внёс свою лепту во взращивание великой легенды. Что, скажи мне, первым делом приходит в голову тонкошеему тринадцатилетнему юнцу, когда в его крови начинают бушевать гормоны? Ну, конечно же, посвятить тайной даме сердца какое-нибудь корявенькое стихотворенийце! Полёт души… А на деле всё куда грубее и проще. Неодолимость влечения полов обусловлена животным началом в каждом из нас. Мы всего лишь разумные приматы, Кира. И нет абсолютно никакой разницы, какие конкретно две особи — мужская и женская — дадут общее потомство, это случайность, природа диктует живым организмам комбинировать гены так, как только возможно, и выбор того или иного индивида имеет значение постольку, поскольку он ценен биологически. Жизнеспособное ли получится потомство? Удачна ли эволюционно комбинация тех или иных родительских признаков? А любовь — есть великая иллюзия человечества, божественный идол, созданный разумом для оправдания собственного существования и им же возведённый на пьедестал. Всякому мыслящему существу просто необходимо во что-то верить, во что-то высокое, идеальное, вечное. Ведь жизнь большинства людей бессмысленна и полна страданий, Кира, без мощного стимула её тяготы неподъёмны. Бедность, тяжёлая работа, болезни, увечья, потеря близких — всё это отвращает людей от реальности, побуждая их обратиться к миру идей — нерушимых и прекрасных. Одна из них и есть любовь: «Ради неё стоит держаться, мы всё примем, всё стерпим, всё преодолеем…» Но любая медаль о двух сторонах; та же любовь способна и погубить: самые болезненные переживания индивида связаны, как правило, с неудачным любовным опытом. Особенно впечатлительные навсегда остаются душевными калеками после единожды нанесённой раны. А сколько самоубийц указало именно эту причину ухода в мир иной в прощальной записке? Получается, мы всю жизнь тешим себя иллюзией, и она же нас разрушает. Вот если бы мы подходили к любви исключительно с позиции здравого смысла, логики, анализа — селекционеры знают, как лучше всего скрещивать растения и животных — мы были бы избавлены от всех страданий, обусловленных романтизацией инстинктов.

— Но это же цинизм…

— Нет, — Билл рассмеялся, — нет. Это всего лишь рациональное мышление. Запомни: человек, живущий эмоциями и ощущениями, всегда поигрывает человеку, живущему по разуму. Большинство странных и опрометчивых поступков, совершенных людьми самыми разными, в том числе фигурами масштабными, историческими, скажем прямо, большинство глупостей во Вселенной, Кира, совершено было, заметь, «во имя любви»… Я долгое время пытался понять, что она такое, я верил в неё как в Деда Мороза, я думал она есть нечто конкретное, как эликсир бессмертия или живая вода… Я копил знания о любви. Но так ни черта и не понял. Каждый видит в ней своё, вот в чём штука, как в зеркале, и оправдывает ею свои поступки, не важно, добрые, злые… Из любви к человечеству, знаешь ли, некоторые сочли возможным совершать геноцид… Впрочем, Кира, можешь благополучно выкинуть из

головы всё, что ты сейчас услышала от меня. Я, наверное, просто не умею любить.

— Ты веришь в Бога, Крайст?

— Если считать, что та удачная комбинация разных случайностей, благодаря которым я родился и всё ещё жив, есть воля божья, то до сих пор Он нехило мне помогал, — сказал Билл и рассмеялся.

Кирочку немного покоробило, что он обратил в шутку разговор на столь серьёзную и для многих даже болезненную тему, и она решила больше не говорить с ним об этом; кто знает, может, Крайст прячет за своим непробиваемым щитом вечного стёба глубокие религиозные чувства…

— А сколько лет Кравиц? — спросила она некоторое время спустя.

— Попробуй угадать.

Кирочке представилась величественная красота Аннаки, необыкновенно сочные краски её лица.

— Тридцать пять?

— Не угадала. Ещё варианты?

— Пятьдесят? — с явным сомнением в голосе предположила Кирочка. Возможности косметологии и пластической хирургии в нынешнем веке возрастают день ото дня, но всё же…

— Около двухсот, если судить по взгляду. У колдунов определить возраст иначе невозможно. Они могут трансформировать тело по своему желанию. Только глаза их выдают. Когда смотришь неотрывно, за ними точно открывается пространство, и чем оно глубже и обширнее, тем старше маг…

Билл насладился Кирочкиным изумлением и продолжил:

— Вот именно поэтому мои чувства к Кравиц, если бы они даже возникли, оказались бы абсолютно бесперспективными. Только представь, сколько у неё таких было. Я для неё как шоколадная конфета — съел и забыл. Она видела уже так много, что я совершенно ничем не способен её заинтересовать. И, главное, она вполне проживёт ещё лет двести. А я? Маги такого уровня как Аннака Кравиц вообще не принимают людей всерьёз…

— И тебе не обидно?

— С чего бы?

— Разве ты не хотел бы ей запомнится, Крайст, запасть в душу?

— Зачем?

— Ну… чтобы знать, что ты для кого-то существуешь… как нечто прекрасное… неповторимое… Как яркое впечатление, как мечта…

— Это гордыня. Одна из главных человеческих слабостей. Запомни раз и навсегда, Кира: ты обыкновенна, ты повторима, ты заменяема. И, главное, в этом нет ничего страшного… Чем глубже ты вобьёшь данную концепцию себе в голову, тем легче и радостнее тебе будет жить на свете.

Солнце поднялось высоко; за окном автомобиля уже мелькала молодая изумрудная зелень частных садов, чешуйчатые крыши дач, металлическая паутина заборов.

— Все маги живут так долго, Крайст?

— Нет, конечно. Большинство колдунов проживает обыкновенную человеческую жизнь. Некоторые даже имеют семьи, ничего не подозревающие об их причастности к миру магии. Долгожителями становятся только практикующие колдуны, ведь они постоянно пополняют свою жизненную энергию за счёт Источника. А практикуют, как правило, только сильные.

Слабым гораздо труднее пробиться к Источнику, они быстро растрачивают свои ресурсы и окончательно превращаются в людей…

Кирочка сразу подумала о Нетте. Эхом этих воспоминаний всегда была лёгкая неизъяснимая грусть.

Интересно, а что теперь делает школьная подруга? Как она живёт? Кирочка ощутила острое желание снова где-нибудь случайно встретить её, несколько недель назад в центре Города это почти произошло. Тогда они сидели в небольшом уютном кафе с Аль-Марой, и Кирочка увидала сквозь высокие стеклянные двери Нетту, проходившую по улице. В первый миг ей захотелось выбежать на крыльцо, помахать ей, прокричать что-нибудь, догнать и начать сумбурно расспрашивать про всё-всё… Может быть, даже обнять после долгой разлуки… Кирочка метнулась к дверям, жалобно звякнул маленький колокольчик над входом, порыв прохладного ветра прижал к телу тонкое шерстяное платье. Она немного постояла, глядя в спину уходящей Нетте, но так и не решилась её окликнуть.

Вернувшись за столик, Кирочка подумала, что Нетта вряд ли обрадовалась бы этой неожиданной встрече; наверняка она торопилась куда-нибудь, или вдруг воспоминания об их школьной дружбе никогда не казались ей чем-то значимым, и она была бы неприятно изумлена Кирочкиным внезапным порывом нежности, или, возможно, это вовсе оказалась бы какая-то другая женщина, просто очень похожая…

Когда о ком-то вспоминаешь с грустью, он может иногда померещиться в случайном прохожем; сознание часто так играет с людьми, склонными к сожалениям о прошлом, то ли неумело утешая, то ли желая подразнить — будто бы эта мнимая встреча способна дать шанс что-то вернуть или исправить.

глава 8

1

Роман с ведьмой или с колдуном — самая банальная неприятность из всех, которые подстерегают офицера Особого Подразделения. За годы службы Билл Крайст успел наслушаться душещипательных историй на эту тему — магнетическое притяжение полов одинаково властно над всеми, вне зависимости от причастности к сверхъестественному — с момента своего возникновения Особое Подразделение накопило порядочную коллекцию дерзких, красивых, пронзительно-грустных любовных трагедий, которые передавались шёпотом из уст в уста или, напротив, торжественно пересказывались на лекциях в назидание новым поколениям курсантов.

О своей возможности угодить в подобную переделку Билл до поры до времени даже не думал. Он вообще не имел привычки заранее примерять на себя какие-либо обстоятельства или ситуации. «Будут бить — тогда и плакать начнём» — говаривал он, легкомысленно отмахиваясь от обсуждения каких бы то ни было теоретических перспектив.

Правило Одной Ночи работало безотказно. Ни одна женщина не задерживалась в памяти Билла Крайста дольше, чем на пару суток. Ни одна… Кроме Магдалены и… Аннаки Кравиц. О маленькой продавщице он иногда думал с жалостью и тревогой — хорошо ли ей живётся там, в мире обыкновенных людей, оставленном им, Биллом, навсегда? А Аннака… это было нечто совершенно другое. Возможно, первое семечко прорастающего в нём чувства заронила Кира Лунь, так запросто заговорившая с ним тогда, в машине, по дороге из замка шаманов-солнцепоклонников, о существующей для него возможности влюбиться в могущественную ведьму…

— Дурные идеи — они ведь заразнее гриппа. — Журил Билл Кирочку, — Если бы не ты со своим девичьим романтизмом, так я бы уснул, проснулся и не вспомнил бы на другой день ни о какой Кравиц! Эта твоя любовь теперь прорастает во мне как сорняк какой-то!

— Это тебя, Крайст, наказал Бог, в которого ты не веришь, — отпарировала Кирочка, постепенно привыкающая быть бойчее в словесных дуэлях, — вот теперь и попробуй выкорчевать из своего сердца любовь, которой не существует!

Началось всё с того, что будто бы само Мироздание ополчилось на Билла, начав прямо-таки навязчиво напоминать ему о существовании Аннаки. Одним чудесным утром, приехав на работу, он обнаружил среди бумажной корреспонденции небольшой рекламный проспект. Обычно Билл сразу выбрасывал их в мусорную корзину, никогда не рассматривая. Так он планировал сделать и теперь… Но… Корзина для бумаг куда-то таинственным образом пропала — Билл не обнаружил её на привычном месте, вероятно, уборщица забыла поставить её обратно после того, как опорожнила. Отложив проспект на край стола, Билл приступил к чтению писем. Он не вспомнил о нём до самого конца рабочего дня, и уже уходя, заметил злосчастный проспект на краю стола и решил прихватить с собой, чтобы выбросить на улице. Спускаясь на лифте от скуки Билл заглянул в него.

«Строительная компания «БОЛЬШОЙ ДОМ»

Мы ценим ваши идеи. Индивидуальные планировки. Загородные квартиры в живописных жилых комплексах. Коттеджи. Летние домики. Бани. Ваше дело — мечтать,

воплощение — доверьте нам! Наши менеджеры с радостью ответят на любые ваши вопросы»…

Далее следовал список имён, фамилий и телефонов, лениво пробежав его глазами Билл уже собирался скомкать проспект, как вдруг упёрся взором в знакомое до невольного замирания сердца сочетание букв:

«Кравиц Аннака, тел…»

— Чёрт! — сказал он сам себе, невольно зажмурившись, точно от яркой вспышки. И тут же подумал о ней.

Аннака возникла перед его внутренним взором со сверкающим хлебным ножом, со своими нежными холодными руками. По телу Билла пробежала лёгкая дрожь — эхом воспоминаний о её прикосновениях — информация, полученная в ощущении, проникает глубже в сознание и сохраняется дольше… Телесная оболочка древнее разума; пусть всё, что она несёт в себе, довольно примитивно, но зато гораздо более долговечно.

Билл, как и собирался, скомкал листовку и выбросил в ближайшую урну. Однако, это было только первое в череде безжалостных напоминаний об Аннаке Кравиц.

Несколько дней спустя, один из старших офицеров попросил Крайста «не в службу, а в дружбу» позвонить в строительную компанию и узнать, скоро ли будет готова баня, заказанная в подарок его престарелым родителям. Казалось бы, чепуха. Пустяковая просьба. Да так оно и было бы, если бы строительной компанией исполнителем заказа не оказалась именно компания «Большой дом», а менеджер, ведущий проект, именно в эту неделю не взял бы отгул, передав свои дела коллегам…

— Добрый день, к сожалению, в данный момент все операторы заняты, — зазвучал в трубке приятный голос девушки, записанный на автоответчик, — оставайтесь на линии, вам ответит первый освободившийся оператор.

Через несколько минут вынужденного прослушивания классической музыки Биллу, наконец, улыбнулась удача; его поприветствовал живой человеческий голос. Он задал свой вопрос, в трубке послышалось быстрое клацанье клавиатуры; извинившись за ожидание, девушка-оператор сообщила, что на интересующем Билла объекте произошло хищение стройматериалов, и за более подробной информацией ему следует обратиться к ведущему менеджеру.

— Вас соединить? — вежливо спросила девушка.

— Да, будьте любезны.

Ещё минуту Билл слушал отрывок симфонии, название которой никак не мог вспомнить. А потом он услышал её голос:

— Добрый день. Меня зовут Аннака Кравиц, чем я могу вам помочь?

Билл почувствовал, как неотвратимо ускоряется пульс; сердце прыгало, словно разболтанная телега, пущенная с горы. Слова застряли у него в горле.

— Я слушаю, говорите, — спокойно повторила она своим глубоким чувственным голосом.

Биллу представились в этот момент её губы возле телефонной трубки — алые, сочные, полуоткрытые, застывшие в ожидании момента, когда снова придётся размыкаться, изгибаться, выпуская на волю звуки речи.

«Идиот» — сказал он сам себе, и, громко откашлявшись прямо в трубку, заговорил не своим недовольным дребезжащим голосом:

— Мне тут говорят, у вас какое-то хищение! Что за безобразие? Кто за это должен отвечать? Скоро будет готова моя баня? Мне нужна баня, репу вам в рот! Вы понимаете? Я заплатил — уж будьте любезны. Хоть тресните! Клиент должен париться только в бане, обо всём остальном должны париться работники сервисной службы, ясно?

— Не расстраивайтесь, — сказала Аннака, и Билл почувствовал её мягкую улыбку, — все материалы застрахованы; ваш заказ будет выполнен, мы приносим свои извинения за небольшую задержку; если хотите, мы можем выехать на место строительства, чтобы вы своими глазами оценили результат нашей работы.

— Спасибо, — пискнул Билл в трубку своим новым противным стариковским голоском, — не надо!

Он нажал отбой с таким чувством, словно защёлкнул замок на двери, убегая от опасных преследователей. Почему мысли об этой женщине до сих пор имеют над ним такую власть? Почему они завораживают, дурманят и, он, попав в плен какой-нибудь из них, застывает, словно окутанный пряным ароматом диковинного цветка? Биллу вспомнилось необоримое влечение к продавщице из отдела эзотерической литературы. Ведь Кравиц тоже ведьма… Неужели и она использует запрещённые приёмы?

Нет. Билл не привык выгораживать себя. Никакими прямыми доказательствами того, что Аннака приворaживала его сознательно, он не располагал. Потому искать причину ему следовало в нём самом. Девяносто девять из ста, Кравиц уже и думать забыла об очередном симпатичном смертном парне, побывавшем в её постели. Чем он, вообще говоря, способен удивить двухсотлетнюю ведьму, чтобы она в него не то что влюбилась, хотя бы запомнила?

То, что чувствовал Билл, не было порождением чужой воли. Оно шло изнутри. Будто бы тонкая золотистая струйка выливалась из его солнечного сплетения, покачиваясь, плыла сквозь пространство, ища Аннаку, чтобы незримо и неощутимо к ней прикоснуться, нежно окутать её шею, талию, стройную ножку…

«Клиент должен париться только в бане, вы понимаете?» — звенел у Билла в ушах его собственный ненастоящий сварливый голос. Отложив телефонную трубку, он запустил растопыренные пальцы в свои густые волосы и с шумным выдохом откинулся в кресле.

— Вот чёрт…

2

Аннака Кравиц чувствовала себя паршиво. Несколько дней уже она не вставала с постели, лежала бледная, осунувшаяся; льющийся в окно свет чистого и яркого неба нестерпимо резал глаза, отдаваясь в голове мучительной болью.

— Сдвинь шторы, Тара. Это невыносимо, — слабым голосом попросила она, обращаясь к ученице, которая обеспокоено суетилась в спальне прихворнувшей наставницы.

Голова Аннаки была налита болью, словно тяжёлой плотной и вязкой жидкостью. Боль распирала голову изнутри, плескалась в ней, ударяя волной то в одну, то в другую сторону черепа.

— Может, вам чего-нибудь принести? Воды? Таблетку? — сочувственно спрашивала ученица.

— Не надо мне ничего, Тара! — отвечала Аннака, беспокойно поворачивая голову на подушке то влево, то вправо, словно пытаясь вытряхнуть боль, вылить её оттуда…

— О, Первозданный Хаос, породивший меня! — Новый тупой удар в висок чем-то

тяжёлым и мягким вырвал у колдуньи глухой стон.

Она знала, что таблетки ей не помогут. Природа её недомогания была очевидна ей, и оттого ещё сильнее страдала могущественная ведьма: стыд обжигал её. Аннака опасалась, что причина недуга станет известна и Таре.

Ведь это была не просто мигрень.

Чем старше становится ведьма, тем тяжелее переносит она влюблённость. И это имеет довольно простое объяснение. С годами колдовская сила возрастает за счёт накопления энергии Хаоса. Концентрируясь в материальном теле ведьмы, эта энергия со временем начинает вести себя, словно самостоятельное живое существо, которое больше всего на свете не терпит привязанностей, зависимостей, и в случае их появления в буквальном смысле начинает рвать изнутри, разрушать физическую оболочку как причину возникновения этой несвободы. Женская влюблённость быстрее и крепче всего сковывает внутренний Хаос, и в ответ на неё он бушует особенно сильно.

Молодая колдунья отделывается, как правило, не слишком тяжёлым воспалительным заболеванием, простудой, непродолжительной депрессией. Её внутренний конфликт выражен пока не очень резко, и сила Хаоса в пространстве её подсознания ещё не успела окрепнуть настолько, чтобы заметно повредить физическому телу. Но зрелой ведьме, тем более обладающей таким могуществом как Аннака Кравиц, противоречие между Женским и Потусторонним способно причинять поистине чудовищные страдания.

Именно этим она и мучилась, щурясь даже от слабого света, прикладывая ко лбу совершенно не облегчающее боли влажное полотенце и, ко всему прочему, безмерно стыдясь за свою Женственность, заставшую её врасплох, перед своим же внутренним Хаосом.

Причиной её недуга был Билл Крайст.

Сто девяносто лет стукнуло Аннаке. И последние пятьдесят из них она наслаждалась первозданным покоем абсолютной самодостаточности и даже позволила себе думать, что этому покою ничто уже не может угрожать. За свою длинную жизнь она научилась бороться с неизбежной для существования в человеческом тела покорностью женской природы, и не раз ей удавалось победить зарождающееся чувство к мужчине.

Но Крайст… В нём ведь не было совершенно ничего особенного! Таких ясноглазых, лучезарно белозубых, широкоплечих и неутомимых в ночных трудах на ложе Аннаки перебывало столько, что счёт им она потеряла не дожив и до ста… Почему же так восторженно замирало всё внутри, стоило ей только обнять Крайста и, ощутив пальцами сквозь шёлк молодой кожи тёплый металл мышц на его спине, ласково ткнуться носом в беззащитную ямку солнечного сплетения?

— Чёрт бы его побрал! Будь он проклят! — цедила сквозь зубы Аннака, терзаемая болью.

И тут же восклицала:

— Нет! Нет! Храни его Источник!

Непримиримая двойственность её природы превращала влюблённость в мучительную лихорадку, в пытку, в безумие. Песчаная Роза — разрушительная Сила внутреннего Хаоса — люто ненавидела Крайста, а Аннака — маленькое беззащитное женское тело — невыносимо жаждало его.

В комнату вошла Тара с телефоном в руке.

— Это по работе, Магистр. Какой-то истеричный старикан спрашивает про баню… Третий раз уже за сегодня. Задолбал. Сказать ему, что вы на больничном?

— Что? Баня?! — Аннака с усилием приподнялась на локтях. Глаза её сверкнули. — Дай сюда, я всё-таки поговорю с ним…

Тара положила стильный почти плоский телефон на столик около кровати и предусмотрительно выскользнула из комнаты.

— Оставь меня в покое, Крайст, — выговорила Аннака, чувствуя, как её стремительно отпускает, как с каждым мгновением уходит боль, даже его дыхание в трубке было целительным, даже неосязаемое присутствие этого мужчины будило в ней Женщину, загоняя бунтующий Хаос всё глубже и глубже в подсознание… — неужели ты сам не понимаешь, что будет только хуже. Не звони сюда больше.

Не дожидаясь ответа, могущественная ведьма нажала отбой и утомлённо рухнула на сложенные стопкой подушки. Но перед тем как окончательно провалиться в бессмысленную черноту с новой силой накатившей на неё головной боли, Аннака сладко вздрогнула, успев подумать о том, что она всё же могла бы опять почувствовать покоряющую тяжесть, твёрдость сильного тела Крайста, задорный напор его молодой мужественности… Стиснув виски ладонями, Магистр Песчаной Розы по кошачьи жалобно застонала…

— Больше не приноси мне телефон, Тара. Ни с чем. Хоть с вестью о рождении Исполнителя Желаний! — процедила она сквозь зубы заглянувшей в комнату ученице, — выключи его совсем.

— Слушаюсь, — с лёгким поклоном ответила наставнице девушка.

3

Громадные тёмные очки защищали её глаза от нестерпимо яркого света. От соприкосновения с набитой документами полиэтиленовой папкой на жаре рука Аннаки Кравиц обильно потела. Спотыкаясь, она ковыляла по разбитой грузовиками дороге на высоченных тонких каблуках. В горячим воздухе клубами поднималась пыль, встревоженная автомобилями, велосипедами, и дачной техникой, которая иногда с громким тарахтением проползала по песчаной дороге.

Стропила недостроенной бани, словно рыбий скелет вырисовывались на фоне чистого неба. От зноя воздух казался жидким, и поверхность этого прозрачного океана слегка подёргивалась. Коричнево-загорелые, глянцевые от пота рабочие в одних трусах курили, сидя на деревянных чурбанах и разбросанном брусе, лениво перешучивались, щурясь на солнце. На земле возле них стояло несколько тёмных пивных бутылок.

— Это что такое? Здесь не солярий и не мужская парная! Что вы расселись? — угрожающе потрясая в воздухе своими хрупкими белоснежными руками, напустилась на рабочих Аннака, — Вы, значит, будете тут на солнышке балдеть, холодное пиво пить, а я перед клиентами за задержки отдуваться!?

— Пиво тёплое, — сказал один из рабочих, под хохот и ухмылки остальных протягивая ей бутылку, — желаете?

— Не злите меня! — Аннака сжала кулачки, со стороны это выглядело скорее забавно и умилительно, нежели угрожающе.

Рабочие весело скалились. Никто ведь из них и понятия не имел о том, что если эту маленькую дамочку действительно разозлить, то поднявшийся ураган будет крыши с домов срывать так же запросто, как шапки с прохожих, и ломать фонарные столбы, точно одноразовые зубочистки.

Руки в боки стояла она перед толпой здоровенных, разомлевших от пива и зноя, мужчин: яркая и тонкая, похожая на алый фломастер в своём костюме, состоящем из

приталенного короткого жакета и длинной узкой юбки.

Рабочие нехотя побросали окурки и начали медленно разбредаться по участку. Аннака со вздохом раскрыла папку, собираясь делать опись имеющихся на площадке строительных материалов. «Любовная мигрень» всё ещё мучила могущественную колдунью, она потёрла виски пальцами. Новый всплеск боли, точно удар волны в плотину, заставил её страдальчески сморщиться. О, Великий Источник! Сколько раз уже она подумывала о том, чтобы сдаться, послать всё куда подальше, найти Крайста и обречённо порхнуть в его распростёртые объятия! Никогда прежде голова у Аннаки не болела так долго, обычно она отделывалась двумя-тремя днями недомогания, нынешний же приступ длился уже вторую неделю… Магистр Песчаной Розы склонилась, и, подняв с земли одну из оставленных рабочими бутылок, хлебнула из горла. От горьковатой, пенистой, почти горячей с привкусом мыла жидкости её передёрнуло.

— Ну и дрянь же это отечественное пиво! Сварила бы пивоваров в их же котлах, — проворчала она, сердито хватив бутылкой об стоящий неподалёку берёзовый чурбан.

Однако, несколько минут спустя ей странным образом полегчало. Она подняла голову от папки и с благодарностью взглянула в знойное небо.

— Погорячилась я маленько. Может, на вкус зелье и не очень, но обладает превосходными лечебными свойствами…

Застегнув папку на кнопку, ещё несколько минут Аннака удовлетворённо понаблюдала за возобновлённой её усилиями суетой рабочих, а потом тихонько выскользнула за калитку — ясное дело, эти лодыри сразу сбавят обороты, как только заметят, что с них снят неусыпный надзор начальственного ока, потому исчезнуть надо как можно незаметнее.

Проковыляв полсотни метров вдоль пыльной дороги строящегося дачного сектора, она издалека заметила стоящего на обочине парня в синей полураспахнутой рубашке. Аннака остановилась. Узнать его в облаке серовато-жёлтой пыли, взметнувшейся из-под колёс проехавшей бетономешалки, ей помогло не столько зрение, сколько сердце, замершее вдруг так неописуемо сладостно и жутко, а затем ускорившее свой бег…

Крайст!

Аннака застыла посреди дороги, не зная, что предпринять: развернуться ли ей сейчас и побежать обратно (это, очевидно, ничего не даст, на таких каблуках далеко не убежишь), взлетать нельзя — свидетелей море, ринуться ли ему навстречу или продолжать стоять вот так безвольно, ждать, пока…

Он подошёл и буквально ослепил её своей улыбкой. Ярко синее небо, ярко синяя рубашка, ярко синие глаза в роскошном обрамлении тёмных ресниц… Преодолев последние несколько шагов, что разделяли их, Билл подхватил Аннаку на руки и закружил. Потом поставил на землю, прижал к себе крепко по всей её стройной алой длине; осторожно приподняв на лоб солнцезащитные очки, заглянул ей в глаза и спросил так коротко и так ясно:

— Ну что, моя?

— Да… — пролепетала она на выдохе, и, горестно шмыгнув носом, покорно уткнулась ему в грудь. Хрупкая и чуточку забавная. Одна из самых страшных ведьм планеты притихла в объятиях лейтенанта Билла Крайста как школьница на первом свидании. Он гладил её по волосам и, едва касаясь, целовал виски.

— Ничего, Ани, ничего, — шептал он. — Даже если бы мы могли быть вместе, я бы всё равно рано или поздно умер… Либо от старости, либо Магистр какой-нибудь извёл бы меня

на компот. Поэтому нет никакой разницы, Ани, дни мы с тобой провели вдвоём или годы… Никакой.

Она прижалась к нему сильнее — её красно-каштановая макушка тонко и сладко пахла луговыми цветами. Он несколько раз поцеловал пробор в волосах Аннаки.

Она подняла глаза. Их двухсотлетняя глубина открылась перед ним так, как будто он таинственным образом очутился внутри её сознания: Билл увидел извилистую тропинку в солнечном сосновом лесу, на которой спящими змеями лежали узловатые корни; маленький домик с соломенной крышей; девочку, которая кормила с ладони коня; потом он увидел горы, их островерхие пики терялись в облаках; каменистую дорогу; колесо повозки, неуклюже взбирающееся на очередной булыжник — перед ним прошла за несколько мгновений вся длинная жизнь могущественной колдуньи — точно они прожили её вместе. Он побывал везде, где бывала она, и прочувствовал всё то, что она чувствовала.

Билл ощутил тихое прикосновение к своему сознанию мудрости. Окружающие предметы как будто стали чётче, резче, яснее. Многие события его собственной жизни предстали в совершенно ином свете. И та Вселенская боль, которую он неизменно ощущал затылком, сталкиваясь с человеческими привязанностями, с чувствами, с любовью обрела неожиданно новый оттенок — Билл почувствовал просачивающуюся сквозь неё радость. Радость, неотделимую от боли, размешанную в ней. Радость, которая не имела бы смысла, не будь этой боли. Радость, этой болью рождённую.

— Я влюблен в тебя, Ани. И ты первая, кому я это говорю…

— Неужели? — спросила она, лукаво приподнимая безупречно подведённую бровь.

— Клянусь… Ни разу в жизни я не произносил ничего подобного… И, более того, наивно полагал, что минует меня чаша сия… — перед его внутренним взором на миг возникло бледное страдающее личико Магдалены, снизу вверх глядящей на Эдвина в тот акварельно пасмурный день, когда он видел их вместе, — Правда, я прожил всего только двадцать два года… Это ведь ничтожная малость, не так ли?

Аннака улыбнулась.

Тогда Билл внезапным озорным движением сгрёб её в охапку и понёс. Она смеялась, махала в воздухе ногами, рискуя потерять алую востроносую туфельку на шпильке.

Лица случайных прохожих, невольных свидетелей этой сцены, озарялись улыбками. На душе у этих людей становилось легко, спокойно. И пенсионеру с рюкзаком на тележке, и пацанёнку на детском велосипеде, и водителю проехавшего мимо грузовика с песком — всем им мир показался в эту секунду лучше, красивее, добрее от того, что в нём возможно такое счастье; от того, что он способен запросто вместить в себе столько ликования и не сломаться, не обрушиться, не лопнуть. Они ведь не ведали о той боли, которой это мгновение абсолютного счастья было уравновешено, о той цене, за которую оно было куплено у судьбы.

— Моя! Моя! — Шептал Билл, стискивая Аннаку сильными руками так, словно боялся, что её отберут. — Я отнесу тебя сейчас в какой-нибудь уютный мотель и сделаю с тобой то, чего никто ещё не делал за все твои двести лет…

— Вряд ли это возможно! — рассмеялась она.

— Вот увидишь! — нежно пробурчал Билл, обдав её шею тёплым дыханием.

— А ты, оказывается, хвастун… — ласково пожурила его Аннака. Прислушавшись к томительному предвкушению, тяжело и мощно всколыхнувшемуся в глубине её живота, она была почти готова ему поверить…

Билл так и нёс на руках шальную свою добычу, своё бесценное алое сокровище; нёс без напряжения, упиваясь контрастом между тем, какое оно маленькое, лёгкое, его сокровище, и тем, как много оно для него значит.

— Как же твоя служба? — спросила она, словно опомнившись. — Тебе же это запрещено…

— Пустяки! — легкомысленно отмахнулся Крайст, покачивая её как ребёнка, — Моя! Моя!

— Нет… Нет! Я не могу… — вполголоса воскликнула Аннака, тёмные очки её подняты были на лоб, устремлённый на Билла взгляд выражал печальную решимость, — Не жалей ни о чём! Всё правильно в том виде, в каком оно существует. Прощай…

В лицо Билла ударил резкий порыв горячего ветра — точно дунул кто-то очень большой. От неожиданности он выронил Аннаку. Она тут же отпрыгнула от него метров на десять, словно пролетев немного по воздуху над дорогой.

Случайный прохожий воззрился на Билла, выпучив глаза.

— У вас вроде бы только что была на руках девушка!?

— Вам показалось, — угрюмо отрезал Билл.

Когда он обернулся, Аннака уже исчезла.

4

Билл Крайст был весьма симпатичен генералу Россу — настолько, насколько это позволяло прописанное в Своде Правил не предвзятое отношение одного офицера Особого Подразделения к другому… Ну, может быть чуть больше. Человеческие симпатии возникают сами собой и, кажется, ниоткуда — мало кому удаётся безупречно их контролировать. По возрасту Билл как раз годился генералу в сыновья. Росс видел в нём возможного достойного преемника.

Получив от Билла мгновенное сообщение с просьбой как можно скорее его принять, генерал решил, что случилось что-то серьёзное — Крайст же не Айна; полковник Мерроуз, конечно, честно и самоотверженно служила всю свою жизнь, не раз награждалась орденами и медалями, но, нельзя не признать, что она склонна слишком часто тревожить вышестоящее начальство по пустякам… Генерал Росс вздохнул. Всё-таки ему всегда было приятно видеть Айну — с каким бы очередным пустяком (по большей части полковник Мерроуз с лёгкостью могла разрешить их сама) она к нему ни обратилась.

Получив сообщение о том, что он будет принят, Билл поспешил явиться в кабинет генерала. Росс протянул ему руку для приветствия и с отеческой улыбкой поинтересовался:

— Что же заставило вас так незамедлительно ко мне примчаться? Садитесь, лейтенант Крайст. — Несмотря на своё высокое положение, этот величественный седой человек обращался ко всем без исключения, даже к осуждённым, неизменно доброжелательно и только на «вы».

— Я пришёл просить наказания, генерал.

Росс заинтересованно поднял брови. Он был практически уверен в том, что Крайст не станет ни на кого доносить, совершенно не тот тип, но на всякий случай спросил:

— Кто провинился, лейтенант?

— Я… — выдохнул, понурив голову, Билл.

— Вот как. И что же вы натворили? — генерал сделал вид, что ему срочно понадобилось что-то среди бумаг, и раскрыл первую попавшуюся из лежащих на столе папок. Он не был уверен, что ему удастся сохранить строгое и серьёзное лицо при виде

устремлённых на него ясных раскаивающихся глаз Крайста. Генерал предчувствовал, что исповедальные речи сидящего напротив молодого человека почти наверняка не будут иметь такого огромного значения, какое сам молодой человек, судя по церемонности его поведения, им придавал. Но выслушать его было нужно не только для поддержания собственной репутации чуткого и добросовестного руководителя, но ещё и потому, что всякая большая беда начинается с маленькой неприятности. Генерал всегда вспоминал притчу про мышь и водовоза, рассказанную ему старшим товарищем в те времена, когда он сам был ещё лейтенантом. Генерал находился в хорошем расположении духа, и Билл был ему приятен. — Я слушаю вас.

— Я едва не нарушил Правило Одной Ночи. Я был на волосок от этого. Точнее, мысленно я уже нарушил Правило… и если бы не благоразумие ТОЙ… женщины… Она спасла меня, генерал.

— Спасла? — переспросил Росс, заинтересованно поднимая взгляд от папки, — Это благородно. Каким же образом?

— Она сбежала… — тихо сознался Билл.

— Как? Прямо из ваших страстных объятий? — генерал смотрел на Крайста, уже не пытаясь сдерживать улыбку. Как же нравился ему этот парень!

— Так точно, генерал, — синеглазый искуситель ведьм сидел, не поднимая взгляда, точно провинившийся старшеклассник перед директором.

— Это была жертва с её стороны! — весело заметил Росс.

Признавшись в своей провинности, Билл не ощущал уже той тяжести, с которой пришёл. Шутливое настроение генерала постепенно расслабило его; он почувствовал себя так, словно принёс в этот кабинет не свою проблему, а коробку конфет, половину которых генерал Росс уже с удовольствием уплёл. Выслушать без осуждения, но с пониманием — редкий дар; чувствуя исходящее от генерала ровное сияние мудрой и спокойной отеческой силы, Билл радовался ей точно росток солнцу.

— Получается, она знала о том, что это значит для вас, лейтенант Крайст?

Билл кивнул.

— Колдунья?

— Магистр Песчаной Розы, — с неуловимой нежностью в голосе Билл дал имя своему греху. Ему тут же вспомнилась тёмная головка доверчиво прильнувшей к нему Аннаки, шелковистый цветок её макушки у него под подбородком.

— Ничего себе… — генерал Росс с уважительным удивлением приподнял седые брови и иронично заметил — Какие девочки у вас, лейтенант…

— Я до сих пор думаю о ней. Накажите меня. — Билл поднял глаза. — Я заслужил это.

— Вы полагаете?

— Да. Я потерян для Службы. Я необъективен. Ведь если бы Аннака… то есть Магистр Песчаной Розы… Если бы она совершила преступление, то я… — Биллу представилась в этот момент сцена гипотетического задержания Аннаки. Перед его внутренним взором промелькнула хрупкая кисть её руки, тонкое запястье, которое целовать, целовать, а не сковывать холодной сталью наручников… В лёгком тумане воображения моментально обозначились сочные вишнёвые губы Аннаки, белая шея, мочка небольшого уха… И нужно было бы говорить с ней как с чужой, смотреть на неё как на чужую, шаблонно помочь ей сесть в служебную машину и бесстрастным тоном сообщить о её правах, так, словно ему никогда не приходилось ощущать себя частью её, малой частью… Когда Билл был с

Аннакой, ему казалось, будто он крохотная капелька, зажатая в огромном тёплом ласковом кулаке океана… Будто бы не кисти её лёгких рук ложились ему на спину, а накрывало волной; и пространство глотало его, и он растворялся в нём, как соль, как дым, и продолжал существовать лишь как смутное воспоминание о самом себе…

— Я бы не смог соблюсти закон, — сказал он генералу.

— Вы думаете я никогда не был двадцатидвухлетним мальчишкой? Был. И всё прекрасно понимаю. Знаете, всего один человек за всё время существования Особого Подразделения умудрился не нарушить ни одного правила…

— Полковник Санта-Ремо, генерал, — скороговоркой выпалил Билл, — и я во всём стремлюсь быть похожим на него.

Бирюзовые глаза генерала, такие выразительные на фоне его снежной седины, светились отеческой гордостью. Какой парень, однако!

— Знаете, что меня всегда поражало в вас, лейтенант Крайст? Эта ваша способность видеть свои слабости и беспощадность к ним — внутренний суд над самим собой. Ваша прямота радует меня, а ваше доверие делает мне честь, Билл. Спасибо. Я расскажу вам ту притчу, которую вспомнил в связи с вашим приходом. Водовоз возвращался с колодца с полной бочкой воды. На возу у него сидела мышь. Она заметила в бочке маленькую трещину и говорит водовозу: «Водовоз, водовоз, оглянись, вода уходит по капле». Водовоз не обратил внимания: мышь маленькая, трещина — и того меньше, поехал дальше. Телега наехала на ухаб, бочку тряхнуло, трещина сделалась шире. Мышь увидела это и говорит водовозу: «Водовоз, водовоз, оглянись, вода струйкой уходит… Водовоз снова не обратил внимания, что мышь слушать, трещина не такая уж и большая, поехал дальше. Новый ухаб. Трещина ещё сильнее раздалась. Опять мышь водовоза предупреждает: «Водовоз, водовоз, ручейком вода пошла…» И на этот раз махнул рукой водовоз, поехал дальше. Наехал на ухаб, развалилась бочка, хлынула вода потоком… Вы бдите себя, лейтенант Крайст, неусыпно бдите, и в этом ваша сила. А что касается необъективности… Не бойтесь… Вы скорее не совершите ошибку там, где допускаете вероятность её совершить. Большинство ошибок совершают, будучи абсолютно уверенными в собственной правоте. Офицер не потерян для службы, пока готов в любой момент поставить под сомнение самого себя со всем своим внутренним содержанием, со всеми принципами и опытом…

Генерал встал, прошёлся по кабинету, постоял у окна, затем снова взглянул на Билла:

— Можете идти.

— Как? А наказание?

В глазах у генерала вспыхнул добрый солнечный смех. Выражение его лица при этом почти не изменилось.

— Ну, раз уж вы так просите… Наказание будет.

5

Лекция кончилась. Айна Мерроуз, собрав листы со своими преподавательскими заметками, вышла из аудитории. Кто-то открыл окно.

Запахло дождём, свежей листвой и совсем немного — табачным дымом. Ветерок потрогал страницы Кирочкного конспекта. Она недовольно поглядела, захлопнула и убрала тетрадь в сумку. Аль-Мара тоже начала собираться. Все слушатели поднялись с мест и зашумели, предвкушая, как выйдут из душного помещения в яркий, блестящий, только что крещённый июльским ливнем город.

— Почему ты всё время ходишь только с рюкзаком? — спросила Кирочка подругу.

— Не люблю сумки — суетно с ними как-то, руки всё время заняты, вечно ищешь куда поставить, чтоб не в грязь и чтоб не увели… То ли дело рюкзак: и руки свободные, и спине тепло, и ощущение, что кто-то тебя обнимает сзади — близкий, родной… — Аль-Мара закинула лямку на плечо, — Ну давай, пошли скорее…

Проходя по коридору, они заметили Крайста, представленного в весьма необычном качестве: с пирамидальным колпаком из газеты на голове, в заляпанном малярном комбинезоне, громыхая жестяным ведром с краской, он усердно белил одну из стен.

— Какая встреча!

Девушки остановились возле стены, окинув взглядом уже сотворённое Биллом ровное светлое пятно.

— Молодец!

— …Кажется, белить стены должны были мы с Марой и ещё кто-то из нашей группы, — вспомнила Кирочка.

— Радуйтесь, вы избавлены от этого, — сказал Крайст, рисуя валиком на сероватой поверхности новую ослепительно белую полосу.

— Принести тебе мороженого? — сочувственно спросила его Аль-Мара, — или сэндвич?

— Спасибо, я не голоден, — ответил он, макая валик в ведро, в котором, казалось, так аппетитно покачивалась, плескаясь, стекая по стенкам густыми белыми струйками, вовсе не белая краска, а нежная свежая сметана.

— Как хочешь…

Некоторое время Билл смотрел вслед уходящим девушкам; сочная фигура Аль-Мары в пёстром красно-коричневом сарафане грациозно уплывала в бело-голубую даль коридора, рядом, словно аист, шла, покачиваясь на своих затянутых в синюю джинсу, длиннущих ногах Кирочка; Билл так долго смотрел на белую краску, что прочие цвета секунду-другую казались ему непривычными; он отвернулся и, окунув валик в ведро, прочертил по стене ещё одну мокрую глянцевую совершенно белую полосу. Краска безжалостно поглотила какие-то мелкие царапины, сколы, робкие карандашные надписи; стена будто получила вторую жизнь, начинающуюся с самого начала, без единого воспоминания, с абсолютно чистой совестью…

Билл вздохнул и снова окунул валик в краску.

К концу дня он добрался до противоположного конца коридора. Сквозь распахнутое окно до него долетал призывный шум летней улицы.

Поставив почти опустевшее ведро на пол, Билл сел на широкий подоконник. Большое дерево, растущее во дворе, так лихо раскинуло свои ветви, что казалось, вот-вот дотронется ими до рамы. Его густая листва бросала сетчатую тень на асфальт, на стену здания, на сидящую фигуру Билла. «Говорят, колдуны всегда чувствуют, когда о них кто-то думает… Впрочем, люди тоже чувствуют это. Только никогда не верят себе…»

— Сачкуем? — размышления Билла прервал тот самый старший офицер, который просил его справиться насчёт бани.

Билл неопределённо пожал плечами; сейчас ему не хотелось ни с кем разговаривать.

— Мои родители, кстати, вчера уже парились.

— Очень хорошо, — сказал Билл, не пытаясь демонстрировать, что ему есть хоть какое-то дело до предмета разговора.

За окном было солнечно; на горизонте над домами круглились мягкие облака — словно

головки зрелых одуванчиков.

Вдруг вместе с сильным порывом ветра в окно влетела роза. Настоящая, белая роза. На длинном черенке, с большой нежной головкой. Она на миг зависла в воздухе, а потом осторожно опустилась на подоконник рядом с сидящим Биллом.

Старший офицер от неожиданности вздрогнул и инстинктивно прижал к груди папку, которую держал в руках. В его глазах отразилось изумление, граничащее с испугом.

— Какой ветер! — как ни в чём не бывало, словно так и должно быть, чтобы срезанные розы прыгали сами на четвёртый этаж, весело пожаловался Билл, — Ужас какой-то! Скоро утюги будут летать. Надо бы закрыть окно…

Офицер пятящимися шагами направился восвояси.

Билл бережно взял розу за ножку, с удовольствием понюхал её и улыбнулся, мысленно благодаря Аннаку за летающий привет.

глава 9. Изобретатель

1

Что такое идея? Какова её природа? Откуда берутся идеи? Происходят они из человеческого сознания или содержатся во внешнем мире? Мика Орели задавался подобными вопросами с раннего детства.

Отец мальчика был архитектором. Как-то раз во время прогулки он с гордостью показывал пятилетнему сыну растущие день ото дня небоскрёбы центра:

— Взгляни, сынок, какие великолепные дома строятся. В них вложен труд огромного числа людей. Сначала создаётся проект; он включает в себя чертежи, планы, схемы, говоря более понятным тебе языком — рисунки дома. Любой дом сначала создают на бумаге, и только потом — в городе.

— А деревья? — Спросил, удивлённо озираясь, мальчик, — Кто чертит деревья?

Долгое время Мика считал, что любую идею порождает наблюдение. Лет двенадцати от роду он подолгу наблюдал за круглыми камнями, которые пускал катиться с горы, и сделал вывод, что в своё время изобретатель колеса увидел нечто подобное — то есть всякая человеческая мысль обязана своим возникновением явлениям внешнего мира. Это убеждение крепло в нём день ото дня. Действительно: самолёт похож на птицу, вертолёт — на стрекозу, реактивные ракеты — на выпрыгивающие из костра угольки… Технический прогресс — следствие векового созерцания природы.

Но тогда кто или что является источником этих идей, не имеющих отношения к человеческому сознанию? Каким образом возникли все те объективные законы, согласно которым мир существовал задолго до появления в нём человека? Термоядерный синтез в звёздах, небесная механика, состав атмосферной среды, конфигурация птичьего крыла, цвета и формы соцветий и лепестков… Мика ни капли не сомневался в том, что всё это — тоже чьи-то идеи.

В двенадцать лет будущий изобретатель прочёл книгу, посвящённую материалистической концепции мироустройства, согласно которой материя есть изначальное, несотворённое, бесконечное в пространстве и во времени — вечное — и непрерывное, изменяющееся нечто, а сознание — это лишь одна из форм существования материи, и обладает им только человек.

Мику не давал покоя вопрос: откуда всё-таки материя, не имеющая сознания, берёт идеи для своих непрерывных и неисчерпаемых трансформаций? Он приходил с этим вопросом ко многим людям, которые, как ему казалось, могли дать ему ответ, и каждый из них говорил разное.

— Не сомневайся в божественности природы Вселенной, — изрёк дядя, служитель Храма Истинной Веры.

— Случайные флуктуации, приводящие к устойчивым состояниям, становятся закономерностями, — пощипывая бородку, сказал сосед, физик-теоретик.

— А хрен его знает… — задумчиво закатив глаза, отозвался дядя Витя, интеллигентный алкоголик, известный всему двору непревзойдённым мастерством чинить любые вещи, какие только можно сломать.

— Мне кажется, всё вокруг живое, и в каком-то смысле разумное, даже камень, просто

мы не можем эту жизнь понять, — мечтательно пробормотала мама.

— Оставь отвлечённые рассуждения, лучше учи уроки, — строго пресёк все философствования отец.

В конечном итоге, Мика пришёл к выводу, что ни материя, ни идея не способны существовать сами по себе, и ничто из них не может быть Первоначалом, ибо объективная реальность в том виде, в котором он наблюдал её — с цветами, облаками, звёздами — есть результат их непрерывного взаимодействия, синтеза, что материя и идея — это две переходящих друг в друга противоположности, неотделимые одна от другой.

В седьмом классе Мика изобрёл аппарат для изготовления лимонада, и успешно пользовался им до тех пор, пока изобретение не конфисковал директор по причине ухудшения дисциплины: на переменах к Мике выстраивалась целая очередь за «халявной» газировкой. Поговаривали, будто директор поставил Микину машину у себя в кабинете, пил лимонад сам, усы облизывал, да ещё и потчевал тем лимонадом чиновников из РОНО.

Учителя считали Мику гением. Сам же он так не думал, и нисколько не зазнавался, но не из скромности, происходящей от характера, а, скорее, от своего ума, который в своё время позволил ему понять, что идея не может принадлежать какому-то отдельно взятому сознанию; она всегда представляет собою совокупность многих сложно организованных частей. Сознание способно породить идею, лишь переработав огромное количество разнородной информации; и часто случается так, что новая идея — это всего лишь более ранняя идея, дополненная небольшой, но существенной деталью. Настолько существенной, что прежняя идея, принявшая в себя эту недостающую деталь, словно последнюю каплю, мгновенно обретает цельность и сразу возводится в ранг великого открытия.

В двадцать лет Мика экстерном закончил университет и поступил инженером на Большой Завод Секретного Назначения.

Изобретатель заимел привычку задерживаться на работе допоздна, до тех самых пор, пока охранник не запирал внешние ворота, а вахтёрша на проходной не заваривала себе травяной чай и, отвалившись на спинку кресла, не выдыхала: «Ну, вот и ещё один день прошёл. Слава Богу…»

Покончив с основной работой, Мика разворачивал СВОИ чертежи. Он держал их запертыми в столе и извлекал только по вечерам, когда все сотрудники расходились.

С раннего детства Мика мечтал изобрести универсальный «уничтожитель зла». В мусорную корзину полетела уже не одна тонна бумаги с чертежами, эскизами или просто рисунками этого экзотического прибора. Маленький Мика чертил схемы «уничтожителя» непрерывно — к моменту поступления в школу он до того натренировал руки, что мог провести совершенно прямую линию без линейки и нарисовать идеальную окружность без циркуля. С возрастом количество чертежей стало постепенно снижаться — Мика мало-помалу переставал верить в успех своей затеи, и теперь оценивал своё стремление делать эти загадочные эскизы как некую странность, вероятно, болезненную, а потому он стал стесняться перед посторонними и никогда никому чертежи не показывал, сжигал их или надежно прятал.

Работал изобретатель всегда лихорадочно — не щадя себя, жалея времени на сон и перекусы — нередко он, сильно измучившись, засыпал прямо в малюсеньком кабинетике, отведённом ему дирекцией Завода, положив голову на стол.

Работы было хоть отбавляй, новые поручения высылались сплошным потоком, времени оставалось у Мики совсем мало, но это его не останавливало. С невиданным упорством

вырывал он у безжалостно проносящихся суток час-другой на свои тайные труды. Видно, какая-то часть души изобретателя, загадочным образом избежав тлетворного веяния аналитических рассуждений, всё ещё продолжала верить в успех.

И успех пришёл. Сначала Мика даже сам себе не поверил, когда, собрав по чертежам небольшую установку, заставил бесследно исчезнуть почти год уже стоявший на окне фикус. Он решил, что фикус ему приснился. Когда долгое время спишь по три-четыре часа в сутки, внезапно исчезающие и так же внезапно возникающие предметы не такая уж редкость. Но когда заводская уборщица, с трудом протиснув свой необъятный зад в каморку молодого изобретателя, осведомилась о судьбе фикуса, Мике пришлось всё-таки признать верной гипотезу о его существовании.

Фикус, конечно, не есть великое зло, но какой прибор-уничтожитель способен сам по себе отделить добро от зла? Да, к несчастью, и не всякой рукой, нажимающей кнопку на панели такого уничтожителя, руководит разум, наделённый этой способностью в полной мере…

Мика назвал своё изобретение гордо — Отправляющий В Забвение (ОВЗ). Принцип действия этой адской машины упрощённо можно было бы описать примерно так: когда излучение генератора ОВЗ воздействовало на любой материальный объект, все составляющие его элементарные частицы одномоментно изменяли свои характеристики таким образом, что становились симметричными самим себе. Проще говоря, под воздействием импульса вещество превращалось в антивещество, в антиматерию, которая не могла существовать больше среди обыкновенной, неизмененной материи и вытеснялась ею — в том месте, где существовал предмет, на миг возникала точечная сингулярность пространства, микроскопическая чёрная дыра, и она засасывала в себя не только сам предмет, но и всю информацию о нём, поскольку её появление разрушало нормальную конфигурацию пространства-времени и, следовательно, причинно-следственные связи между событиями, когда-либо имевшими место в данной точке пространства. Степень искажения континуума — то есть максимальная давность информации об объекте, которую можно было стереть — зависела от интенсивности излучения. Мика проводил эксперименты с различными сувенирными безделушками, которых у каждого в доме пропасть, ни на что другое они всё равно не годились, непонятно, зачем их вообще несут мешками к каждому празднику многочисленные родственники и знакомые. Молодой изобретатель заметил, что если, например, установить генератор на минимальную мощность и направить излучение на какой-нибудь сувенир, он исчезнет в ту же секунду, но будет казаться, что его нет на месте, допустим, со вчерашнего дня, а если немного увеличить мощность, то покажется, будто исчезнувший предмет отсутствовал уже неделю. Мика сделал вывод о том, что чем дольше существует объект, тем большая мощность потребуется для его полного уничтожения, поскольку в процессе своего существования предметы непрерывно создают информацию, люди на них смотрят, их трогают, запоминают, просто ходят мимо, замечая краем глаза; каждый предмет оставляет след в сознании, и это в некотором смысле «скрепляет» его со Вселенной, удерживает в мире. Пока Мике удавалось добиваться максимум двух-трёх недельного забвения в зависимости от величины предмета — крупные забывались труднее мелких. Но если получалось довести срок забвения какого-нибудь мелкого сувенира до даты его изготовления, он истреблялся окончательно, на уровне идеи, и Мика сам забывал, что такой сувенир у него когда-то был и мог восстановить всю информацию о нём только по записям в блокноте, в котором описывал свои опыты.

Прибор он прятал на работе в платяном шкафу. И ненароком навел на себя подозрения.

— Отчего вы вешаете свои вещи на стену? Они же пылятся… — спросила уборщица.

— В шкафу живёт моль, — быстро нашёлся Мика.

— Ууу! Напасть! — загудела уборщица, — Сейчас мы её! Где у меня тут универсальный бытовой яд?

В руках у неё появился баллончик с распылителем; угрожающе направив его на шкаф она ринулась вперёд.

— Нет, — возопил Мика, преграждая ей путь, паника в глазах выдала его с головой, — Там моль не простая! Специально выведенная для секретных испытаний…

Уборщица хоть и с неохотой, но опустила своё оружие. «Уж не женщину ли ты там спрятал?» — говорили её маленькие прищуренные глазки. Несколько дней спустя после этого случая, неизвестно уж, при содействии уборщицы, или сам по себе в кабинетик Мики явился директор. И случилось это в самом конце рабочего дня, когда все нормальные сотрудники уже спешили покинуть территорию завода через проходную, а Мика, развернув чертежи своего «универсального уничтожителя зла», решил в них кое-что подправить… Но он, к несчастью, не рассчитал своих сил и вскоре засопел, сложив голову прямо на развёрнутые листы со схемами и формулами.

Именно в таком состоянии и застал его директор Завода. На цыпочках он приблизился к столу Мики, решив полюбопытствовать, на каком же проекте так сморило одного из самых ценных сотрудников. Каково же было его удивление, когда, вглядевшись в чертежи, он понял, что они вообще не имеют отношения к тем заданиям, которые должен был выполнять Мика согласно календарному плану. Левак!

Большая часть схемы генератора была закрыта щекой и рассыпавшимися волосами спящего инженера, но даже тех фрагментов, что были доступны для обозрения, директору хватило для того, чтобы сделать вывод: перед ним — великое изобретение! Благоговейный ужас охватил в этот миг директора; искусительные картины роем тропических бабочек пронеслись в его сознании: предчувствие всемирной известности, огромный правительственный заказ, возможно, даже премия от Президента… Торжественность момента нарушилась досадно и грубо: от упоения грядущим успехом у впечатлительного директора закружилась голова, он пошатнулся и, пытаясь удержать равновесие, наступил каблуком на оброненную под стол шариковую ручку, которая от этого громко и неизящно хрупнула.

Мика встряхнулся и, часто моргая спросонья, испуганно взглянул на директора из-под упавшей на глаза чёлки.

— Извините, господин директор, — промямлил он помятым голосом, — Я ухожу уже… Собираюсь…

— Разумеется, уйти сейчас это ваше право. Рабочий день окончен, — напустив на себя строгость, проговорил директор, — но будьте любезны сначала объяснить мне, что за чертежи лежат у вас на столе… Вам должно быть известно: выполнение левых заказов в рабочее время недопустимо.

Одновременно с этим монологом, выдержанным в ровном официальном тоне, под столом директор злобно пнул растрескавшуюся ручку. С тихим лязгом она прокатилась по полу и остановилась возле плинтуса.

— Это… Это личное… — испуганно пробормотал Мика, делая попытку прикрыть чертежи растопыренными ладонями…

— Письмо девушке? — поинтересовался директор, иронично приподняв бровь, — очень интеллектуально развитая, должно быть, особа.

Мика привык к тому, что его изобретения присваивают. Началось всё с той самой лимонадной машинки, из которой потом пили шипучку все чиновники РОНО. Затем был ускоритель для велосипеда. Мика собрал его для себя, чтобы преодолевать, не уставая, большие расстояния, но хулиганы из параллельного класса выследили велосипед Мики — он всего то на минутку оставил его возле булочной — и угнали вместе со злосчастным ускорителем. Да и бог с ними, и с ускорителем, и с лимонадной машиной. Пусть пользуются на здоровье, пока не поломают. Но «универсальный уничтожитель зла» — это совершенно другое дело. Ведь он, попав в недобрые руки, вполне может стать универсальным уничтожителем чего-угодно, а этого Мика Орели как раз не хотел, осознавая мощь своего изобретения и, следовательно, свою ответственность.

— Ты скоро? — в проёме двери возник очень высокий полностью седой человек.

Директор обернулся; на лице его обозначилась торопливая виноватая улыбка.

— Ой, прости… Совсем про тебя забыл. Конечно, сейчас пойдём. Посидим, вспомним молодость.

— Ты чего это, заставляешь парнишку работать сверхурочно? — высокий одним размашистым шагом приблизился к столу Мики. В голосе его скрывалась доброжелательная улыбка.

— Это мой одноклассник, — выговорил директор, умело скрыв недовольство тем, что приходится представлять вошедшего подчинённому, тем самым как бы приоткрывая завесу своей приватной жизни, — генерал некой секретной службы, какой именно он и мне не говорит… — директор натянуто рассмеялся.

Мысли его беспомощно летели вдогонку неминуемо ускользающей — он чувствовал — президентской премии.

Молодой инженер в нерешительности переводил глаза с директора на генерала и обратно. Безупречный костюм, золотые запонки и лаконичная лысина. Директор всегда выглядел сильно озабоченным, даже если думал о ерунде, хотя сам этого никогда не замечал. Ясные льдисто-голубые глаза генерала смотрели просто и мудро. Тонкие косые морщинки у наружного угла глаза и длинные горизонтальные на лбу выдавали человека влюблённого в жизнь — часто смеющегося и удивляющегося. Снежно-белые кустистые брови и усы навевали приятные детские воспоминания. Вот и сейчас генерал смотрел так, ласково, чуть склонив голову, словно добрый волшебник из сказки.

Мика увидел в нём порядочного человека. Это не было выводом разума — за несколько минут невозможно понять, что представляет собой собеседник, пусть даже он успел за это время пересказать всю свою жизнь. Доверие Мики к генералу шло изнутри — интуитивное, бессознательное.

И он решил открыться. Мысль о том, чтобы навсегда остаться один на один со своим чудовищным изобретением пугала молодого инженера. Рано или поздно, но всё равно придётся рассказать о нём. Только окажется ли в решающий момент рядом человек, достойный подобного откровения?

— Это чертёж генератора особых волн… — терпеливо начал Мика, подняв на генерала внимательные свето-карие глаза. Тот опустил взгляд в чертежи, и как будто бы пытался вникнуть в них параллельно с восприятием устной информации.

— Как вы планируете его использовать? — спросил генерал после того, как молодой

инженер закончил свои объяснения.

Мика пожал плечами.

— Вы в полной мере понимаете, что именно вы изобрели? — тихо спросил генерал, наклонившись над столом и заглядывая в глаза сидящему юноше. Мике было мучительно неудобно сидеть перед уважаемыми людьми, но встать он не мог, для этого пришлось бы отодвигать стул, а кабинетик был такой тесный… Генерал смотрел на растерянного изобретателя долгим испытующим взглядом, и лицо его не было больше сияющим лицом Санта-Клауса с конфетной коробки: оно сделалось сосредоточенным и немного грустным. — Это оружие, молодой человек. Очень страшное оружие.

2

Большой парад Особого Подразделения планировалось провести на заброшенной авиабазе окружённой со всех сторон изумрудным молодым лесом.

Сочная листва, перебираемая ветром, сияла на солнце. Ясный летний день клонился к закату. Его оранжевый свет ровным полотном застилал обширную взлётную полосу, вымощенную крупными бетонными плитами.

Место разгона самолётов теперь стало полем — мозаичным каменным полем — в щелях между плитами кое-где успела вырасти трава и небольшие деревца, в основном, берёзки. В некоторых местах сами плиты немного потрескались, и сквозь них прорастала, устремляясь к солнцу, стрельчатая осока.

Билл остановился и присел на корточки возле одной из травинок.

— Глядите-ка, сюда…

Кирочка тоже присела на корточки. Аль-Мара просто остановилась рядом.

— Удивительно, не правда ли? — Билл коснулся рукой тоненького заострённого на конце стебелька, — Что за сила в ней? В хрупкой былинке, которую я могу запросто согнуть пальцем? Отчего она способна пробить камень?

— Она тянется к свету… к теплу… к солнцу, — ответила Кира.

— Но зачем? Ведь пока она семя, она ещё не ведает о солнце, не знает ничего о нём, верно? Что же побуждает её пробивать сначала тугую броню семени, потом тянуться в тёмной земле к поверхности, затем искать слабое место в камне — размытую дождём трещину, скол — чтобы выбраться на поверхность?.. Ведь она даже не знает есть ли там солнце…

— Она пытается. Солнце нагревает землю и даёт ей надежду. Она не знает о солнце, но чувствует его тепло… — предположила Аль-Мара. — Она верит.

— Возможно, ты и права. В живой природе — жить или погибнуть — вопрос вероятности. И ей не остаётся ничего, кроме как попробовать увидеть солнце…Но как ведь сильна!

— А если, по твоей философии, Крайст, всякая жизнь — попытка, вот ты только что сказал, жизнь травинки — попытка увидеть солнце, то тогда наша, человеческая жизнь, попытка чего?

Крайст ненадолго задумался, потом смело встретил ищущий Кирочкин взгляд и усмехнулся.

— Наша жизнь — это попытка познать любовь.

Ей показалось, что глаза у него при этом стали чуть печальнее, чем обычно. Он ещё раз глянул на тонкую острую травинку, торчащую из щели в бетонной плите и осторожно погладил её.

— Идёмте, — заключил он, поднимаясь, — Скоро приедет генерал Росс.

На базу постепенно съезжались люди. Они оставляли машины в лесу и, пересекая невысокий молодой березняк пешком, выходили на взлётную полосу.

Все были одеты в одинаковую лёгкую и прочную серую форму. Они собирались небольшими группами, по два-три человека, о чём-то говорили, смеялись. Некоторые совершенно свободно переходили от одной группы к другой или вообще не присоединялись ни к одной из них, предпочитая в одиночестве наслаждаться звуками и красками раннего летнего вечера. Кирочка заметила, что в обращении этих людей друг к другу очень много внутреннего тепла — их связывало особое не физическое родство, сближала причастность к Тайне — каждый чувствовал себя неотъемлемой частью большого целого. А отсутствие бытовых связей между этими людьми обеспечивало непринуждённость отношений. Их не тяготили взаимные долги и обязательства, обещания, скрытые желания и обиды. Они не возлагали друг на друга надежд и не ждали определённых реакций на свои действия. Каждый из них был независим. Все эти люди просто радовались чудесному летнему дню, блеску козырьков, удачным шуткам и возможности видеть друг друга, говорить, улыбаться. Спокойно встретившись, они могли так же спокойно расстаться — в этом не было печали. И Кирочка впервые осознала величие свода Правил — она воочию увидела результат борьбы с привязанностями, зависимостями, с самим рабством человеческих чувств, неизбежно возникающих в результате тесных взаимоотношений — результат глубинного внутреннего отшельничества.

Прищуренные на солнце глаза, золотистые, как будто светящиеся лица, улыбки… Зрелище было таким необыкновенным и прекрасным, что Кирочка вздрогнула от восторга — мелкие мурашки легонько пробежали по позвоночнику. Ещё никогда ей не приходилось видеть сразу столько по-настоящему счастливых людей.

Их было не очень много. Не более двух сотен.

— Ты думаешь, это все? — шёпотом спросила Кирочка у Аль-Мары. — Или ещё приедут?

— Вряд ли в Особом Подразделении тьма народа, — отвечала она, старательно заправляя под фуражку свои густые тяжёлые волосы, — что это за тайна, которую знает целый город?

— Но ведь очень большое число простых людей верит в колдунов, — продолжала рассуждать Кирочка, — вот моя двоюродная тётя, например, постоянно ходила к каким-то бабкам, гадалкам, всё ей казалось, что на ней то порча, то сглаз.

— Среди колдунов полно шарлатанов, — безапелляционно заявила Аль-Мара, — кроме того, верить и знать — далеко не одно и то же.

Тем временем счастливые люди перестали общаться и повернули головы в сторону заходящего солнца. Пластиковые козырьки фуражек празднично засверкали в его лучах.

По взлётной полосе медленно ехала чёрная машина. Солнце играло на гладкой поверхности капота и тонированных стекол.

— Это, наверное, генерал Росс, — шепнула Кирочка Аль-Маре. Другие курсанты тоже заволновались, кивками головы они показывали друг другу на приближающийся автомобиль и тихо переговаривались.

Добравшись до середины мозаичного поля, служебная машина с тонированными стёклами остановилась.

Генерал Росс вышел из-за дверцы и приветственно поднял руку. Киру удивило, что у

него не было шофёра — за рулём сидела полковник Айна Мерроуз.

Повинуясь традиции, счастливые люди разом сняли свои фуражки.

Задняя дверца автомобиля открылась, и из него следом за генералом и Айной вышел ещё один человек. Это был изобретатель Мика Орели, единственный из присутствующих облачённый в простую одежду — на нём были старые джинсы и красная растянутая футболка. Он вышел и скромно встал по левую руку от генерала.

— Это что ещё за шпендик!? — удивлённо прошептал Билл Крайст, — Насколько я знаю, посторонние на парады не допускаются. Но раз уж он приехал с генералом — значит нужно…

Люди в серой форме окружили машину.

— Я рад видеть вас здесь, друзья мои! — Доброжелательно и без лишнего пафоса обратился к ним генерал Росс. — Нынешний парад будет не совсем обычным, я бы хотел сразу представить вам нашего гостя, — генерал повернул голову в сторону молодого инженера, — господина Мику Орели — изобретателя принципиально нового вида оружия…

Мика сделал шажок вперёд и коротко поклонился. В толпе прокатился негромкий прерывистый ропот, потом — несколько мгновений полной тишины — и, наконец, первые нерешительные аплодисменты; один хлопок, другой, третий, их количество стало лавинообразно нарастать, пока все они не слились в стихийный ликующий шквал…

— …и сегодня мы покажем вам это оружие в действии! — продолжал генерал под стихающие рукоплескания.

Жестом он попросил людей расширить круг около машины и разомкнуть его. Теперь Особое Подразделение выстроилось полукольцом.

Тем временем генерал извлёк из багажника автомобиля фанерный ящик и поставил его на землю. После этого Мика Орели достал из потёртой сумки, что висела у него на плече, игрушку, лохматого плюшевого медведя, и усадил его на этот ящик. Затем генерал открыл небольшой чемоданчик, ранее находившийся у него в руках, и вынул оттуда пистолет.

Оружие было сработано превосходно. Внешне оно ничем не отличалось от обычного боевого пистолета. Собственно, это он и был. В пистолете имелся барабан для патронов, которыми его владелец мог при необходимости стрелять. Задумывалось это Микой исключительно для маскировки, а в итоге получилась полезная дополнительная функция. А поворотом малозаметной ручки на корпусе пистолет переводился в режим излучателя. Стоит заметить, что самая первая модификация генератора ОВЗ была величиной со среднюю микроволновую печь, и Мике стоило немалого труда уменьшить генератор до размеров пистолета.

Генерал тем временем приподнял изобретение в руках, чтобы каждый из присутствующих мог видеть его. Косой луч заходящего солнца резко вонзился в глянцевую чёрную поверхность дула, пробежав по нему слепящим бликом.

— Пистолет как пистолет. Вроде бы ничего особенного, — произнёс генерал, показывая оружие со всех сторон. — А теперь смотрите!

Генерал направил пистолет на плюшевого медведя и нажал на курок.

Яркая вспышка света на миг ослепила всех. И тут же исчезла. Люди начали недоуменно переглядываться. У каждого из них было ощущение, что здесь что-то произошло, но никто не помнил, что именно.

— Открой ящик, — скомандовал генерал.

Мика Орели откинул крышку фанерного ящика, на который минуту назад генерал

направлял пистолет, и, точно иллюзионист, вынул оттуда двойника внезапно исчезнувшего медведя — точно такую же плюшевую игрушку.

Все ахнули. По полукольцу стоящих людей прокатилась новая волна аплодисментов.

— Наша работа над новейшим оружием, однако, ещё не завершена, — генерал Росс немного возвысил голос, — Теперь нам предстоит самое трудное — найти тех, кому можно будет его доверить…

Мика Орели стоял потупившись. Некоторое время назад он заметил в первом ряду Кирочку. Прежде ничего подобного с молодым инженером не происходило. Ему одновременно хотелось и смотреть на неё и отвести взгляд. Девушка как будто бы светилась — то ли тонкие лучи оранжевого закатного солнца так удачно падали на её лицо, и то был просто фокус, обман чувств, то ли сама она являлась источником какого-то таинственного, неизвестного современной науке излучения.

Официальная часть Парада на этом завершилась, и генерал Росс подходил теперь к каждому в отдельности и кому-то давал напутствия, кого-то хвалил, а кому-то делал замечания. С его больших щедрых ладоней на погоны иногда падали маленькие звёздочки.

Курсанты особенно волновались, как-никак это был их первый парад, и Кирочка, и Аль-Мара, и другие ребята из группы стояли ровным строем, застыв на своих местах, и с замиранием сердца ожидали момента, когда генерал обратится к ним. Тогда каждому из них следовало сделать шаг вперёд и назвать своё имя.

— Кира Лунь… — тихо сказала Кирочка, покинув строй, когда до неё дошла очередь. Она удивилась тому, как значительно и одиноко прозвучал её маленький от робости голосок.

— Кто же ваш куратор, курсант Лунь?

— Я, генерал! — гаркнул возникший рядом Крайст, голосом громким и крепким, как хруст свежего огурца.

При взгляде на генерала Росса у Кирочки в голове непонятно отчего возникла мысль об отце. Не о собственном её родителе, нет, то была мысль об отце ВООБЩЕ — как о главном сильном мудром и нежном первоначале каждой жизни. Она смотрела на генерала, и в ней крепло необъяснимое ощущение, будто она знает его уже давным-давно. Редко она чувствовала сразу такую теплоту к людям. Кирочке хотелось улыбнуться генералу, но она боялась, что этого не положено и стояла притихшая, робкая.

А сам генерал ей улыбнулся. И Аль-Маре улыбнулся. И другим курсантам тоже. Но выходило у него при этом так, что ни одна улыбка не выглядела деланной, казённой — каждый курсант усмотрел в предназначенной ему (именно ему!) улыбке генерала личное благословение и напутствие.

— Он как солнышко. Будто бы всех любит… — восторженно прошептала Аль-Мара.

После того, как генерал Росс озарил своим вниманием каждого, по традиции была проведена минута молчания о тех, кто присутствовал на прошлом Параде, но на этот волею судьбы уже не попал…

Кирочка стояла задумчивая. Резкая тень от невысокой бетонной стены становилась всё длиннее. Свет рыжел. Трепетная красота окружающего мира подтолкнула её к тому, чтобы подумать о смерти со стихийным пронзительным отчаянием. «А что если мне назначено погибнуть совсем скоро?» Кирочка почувствовала быстрый холодок, прикоснувшийся к её спине — то ли вечерний ветер, то ли неизбывный ужас перед неизбежным… Она окинула взглядом всё вокруг: маленькие изумрудные листья берёзок, выросших между плитами, длинные острые стебли осоки, ленивые мягкие облака на горизонте. Как жаль ей стало всего

этого в тот миг! Но более жаль стало чего-то другого; оно пока ещё не оформилось ни в какую мысль, притаилось на самом дне сознания плотным тёплым комом; более всего, умирая, жалеет человек свои неосуществлённые желания.

3

Кирочка и Аль-Мара шли следом за Крайстом к машине.

Тонкая лесная тропка вилась между деревьями, местами теряясь среди кочек, на которых кое-где виднелись тугие бледно-зелёные бусины незрелой клюквы. Впереди маячила широкая красивая спина Крайста, солнца уже почти не было видно за деревьями, оно опустилось совсем низко, и просвечивало сквозь лес узкими красными полосами. Налетели комары и мошки — Кирочка ощущала их назойливое кружение в стынущем вечернем воздухе.

Внезапно она угодила ногой в небольшую ямку — чью-то норку или ещё какую лесную западню — и, услышав знакомый щелчок сустава, сразу ощутила резкую боль в колене.

Кирочка вскрикнула и села на землю.

— Что с тобой? — встревоженно спросила шедшая следом Аль-Мара.

— Нога… — прошептала Кирочка. Глаза её против воли наполнились слезами.

— Подвернула, что ли? — участливо спросил Крайст, вернувшись на несколько шагов.

Она кивнула.

— Больно, должно быть…

Аль-Мара и Билл, случайно столкнувшись друг с другом, в замешательстве застыли над пострадавшей.

Опираясь на руки, Кирочка отползла немного назад от злополучной кочки. От боли она прикусила губу и с трудом подавила стон.

— Держись, я помогу тебе подняться.

Билл первый протянул Кирочке руку, Аль-Мара попыталась приподнять подругу за плечи.

— Я не могу идти…

Кирочка изо всех сил вцепилась в рукав Крайста, сморщив и потянув безупречно гладкую серую материю, но подняться ей всё равно не удалось.

— Чёрт! — процедила она сквозь зубы, обречённо оседая на землю.

Ей было не только больно физически, но и невыносимо стыдно за то, что это случилось на глазах у сослуживцев; пусть кроме Аль-Мары и Крайста рядом никого больше не оказалось, остальные ушли вперёд, но довольно и того, что им двоим придётся теперь всё рассказать… Необходимость признать наличие у неё хронической болезни страшила Кирочку. Ведь всем в Особом Подразделении известно: причина любого телесного недуга в духовной нечистоте; физическое тело всегда принимает на себя проблемы тонкого мира человека — изъяны мировоззрения, страхи, внутренние противоречия. Служащие Особого Подразделения должны быть абсолютно здоровы, так написано в своде Правил, — это подтверждение гармоничности и правильной структуры их внутреннего мира.

— Может быть, это вывих? — участливо предположил Билл.

— Нет. Ничего страшного. — Почувствовав вызванный паникой прилив сил, отчеканила Кирочка, — Сейчас я сама всё улажу…

Стиснув зубы от боли, она с трудом выпрямила длинную ногу в серой штанине, придерживая сустав рукой — он снова тихонько щёлкнул. Кирочка зажмурилась и беззвучно выругалась.

— Ну, вот и всё!.. Встал, кажется, на место, — с напускным безразличием сказала она своим спутникам, — Теперь, наверное, я смогу идти сама…

Крайст смотрел на неё с сомнением. Аль-Мара — с неподдельной тревогой. Никто из них не сделал новой попытки подать руку, оба застыли, как будто заново прислушиваясь, присматриваясь к ситуации и постепенно понимая, что всё куда серьёзнее, чем казалось на первый взгляд. Кирочке очень хотелось избежать неприятного разговора о своей болезни, но это было, по-видимому, уже невозможно. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы Билл и Аль-Мара решили, будто случившееся — обычная травма… Но ведь они оба не вчера родились и, конечно, понимают, что здоровый человек не может вот так запросто вывихнуть колено, наступив в норку крота… Кроме того, есть же ещё человеческое доверие. Никто его не отменял, более того, в своде Правил есть особый пункт, касающийся доверия. «Не обманывай тех, кто служит вместе с тобой Тайне и людям, доверяй каждому из них как самому себе, ложь — лишний груз для твоего сознания, повод для ненужных страхов и пустых мыслей, не множь сомнения, тревоги и внутренние противоречия — не лги…» Так сказано в своде Правил. А скрывать — это почти обманывать…

— Вы… ведь вы… никому не расскажете, — она подняла на Крайста и Аль-Мару блестящие умоляющие глаза, — это… это… оно уже не в первый раз у меня, больно, но само проходит, если неосторожно ступишь ногой. Я… я никому не говорила, очень боюсь, что с этим мне не позволят служить, — Кирочка не выдержала и всхлипнула, скрепившись, она прислонила рукав к лицу и продолжила, — Понимаете, если меня выгонят, я не смогу жить, совсем не смогу, я видела сон, кошмарный, я часто вижу его, сон, в котором я возвращаюсь, возвращаюсь в настоящий мир, без вас, без чудес, в обычный мир, и… и мне там так плохо… Всё серое, я вижу всё серое в этом сне, и…

Кирочка расплакалась. Она опустила голову, и позволила крупным, быстро скатывающимся слезинкам падать вниз на мягкий пышный мох, на тёплые влажные кочки, затянутые будто сеткой жёлтой лесной травой. На тонких изумрудных веточках, поднимающихся между кочками поспевала мелкая красноватая черника.

— Мы не расскажем, — тихо, но очень твёрдо сказала Аль-Мара. — Ведь правда, Крайст?

Кирочка подняла голову и тоже посмотрела на него. Блестящие плёнки непролитых, но назревающих слёз делали её тёмно-серые глаза ещё больше. Билл никогда прежде не видел во взглядах у людей, с которыми ничего серьёзного, в сущности, пока не произошло, такого отчаяния, огромного, стихийного; подобно страху смерти, оно заполняло собою всё, не оставляя прочим чувствам ни малейшего уголка в сознании… Он не мог долго выдерживать этот взгляд и уже приготовился было ляпнуть скороспелое дежурное утешение хотя бы, пока ничего стоящего не пришло в голову, но в этот момент совсем рядом послышался шорох приближающихся шагов.

Из-за поворота тропинки появились Мика Орели, полковник Айна Мерроуз и генерал Росс.

Кирочка по-прежнему сидела на земле и растирала колено. Её ноги: одна вытянутая, другая полусогнутая — казались гораздо длиннее тела. Билл и Аль-Мара осторожно переглянулись. Генерал и его спутники были уже совсем близко.

— Что тут произошло? — спросила Айна Мерроуз, остановив на Кирочке свои внимательные глаза.

Все трое остановились: генерал Росс присоединился к группе, собравшейся вокруг

сидящей на мху девушки, Мика Орели остался в стороне; небывалое волнение не позволило ему подойти ближе, ведь именно ОНА сидела там, в центре сомкнувшегося кольца спин; Мика решил, что гораздо лучше будет вообще не вступать в контакт с девушкой, которая вызывает в нём такие странные эмоции.

Кирочка всё ещё сидела на земле, она уже почти не чувствовала боли; боль либо прошла уже, либо была моментально вытеснена другим, более сильным переживанием; внутри Кирочки всё сжалось в тугой холодный комок, все мысли, все чувства, когда она встретилась взглядом с Айной Мерроуз. Генерал Росс стоял с нею рядом, лицо его было спокойно; минуту назад, пока шёл и разговаривал, он улыбался, и улыбка эта, казалось, ещё не успела окончательно покинуть его лицо, оставив в уголках губ и глаз несколько крупинок своей искрящейся золотистой пудры. Кирочка перевела взгляд с Айны на генерала, и ей сразу стало спокойнее, «он простит, он добрый» — нежно подумалось ей.

— Курсант Лунь подвернула ногу. — Тихо сообщил Билл.

Генерал Росс присел на корточки и заглянул Кирочке в глаза.

— Вам больно? — заботливо спросил он.

— Нет. Нет. Что вы… Уже не очень… — забормотала Кирочка, вновь ощущая невозможность сопротивляться слезам; отечески ласковое внимание генерала растрогало её, ей было стыдно, но она не могла ничего поделать с собой: слёзы текли и текли, оставляя на лице блестящие мокрые дорожки…

— Ну… ну, что это… — насмешливо протянул генерал, — нюни, — он протянул руку и одарил Кирочку грубоватой лаской — стёр большим жёстким пальцем слезинку с её нежной щеки, — Отставить нюни!

Генерал рассмеялся. Вместе с ним улыбнулись Билл и Аль-Мара. Кирочка поняла, что всё позади. Никто у неё больше ничего не спросит, надо только встать и как-нибудь доковылять до машины…

— Давайте руку, курсант Лунь, — генерал протянул девушке свою широкую крепкую ладонь.

Встретив его улыбку и ясный взгляд синих глаз — на фоне седых бровей и усов они казались особенно яркими — Кирочка нерешительно подалась вперёд.

— Ну, чего вы так боитесь? Я же не кусаюсь. — Он взял Кирочку за плечо, — Давайте так, оп-па! — Несмотря на преклонный возраст в руках генерала оставалось на удивление много силы. Он поднял девушку с земли и поставил на ноги. — Ну-ка, джентельмены помоложе, помогите-ка девушке преодолеть остаток пути!

Только сейчас Кирочка заметила, что за спиной у генерала всё это время стоял Мика и странно на неё смотрел. Неотрывно — как полуденное солнце на одинокое дерево в поле. Он и сейчас не сдвинулся с места, несмотря на прозвучавший призыв, а продолжал стоять, так, словно всё происходящее было отделено от него прозрачной стеной. Он смотрел.

Нога всё ещё болела. Кирочка попыталась сделать несколько шагов, но едва не упала снова — Аль-Мара поддержала её под локоть. Крайст зашёл с другой стороны и предложил опереться на его руку.

— Сегодня что-то сильно… — виновато пояснила Кирочка. — Обычно я почти сразу могу идти без посторонней помощи…

— Отчего это у тебя? — шёпотом спросил Билл.

— Не знаю, — Кирочка мотнула головой, отгоняя назойливого комара, — Я в детстве несколько раз ушибала эту коленку, она у меня болела — я не обращала внимания — а потом

стала так защёлкиваться, если неосторожно ногу поставишь или движение резкое какое допустишь. Один раз это случилось на работе — в бистро. Меня увезли тогда на скорой, долго обследовали, сказали — сустав медленно разрушается…

— И он совсем может разрушиться? — опечаленно спросила Аль-Мара.

— Не знаю, — мрачно сдвинув брови пробормотала Кирочка, — мне ничего больше не говорили.

— Навряд ли это случится, — как можно более беспечно вставил Крайст, — у нас тут такие умельцы-колдуны, что они даже от смертельных болезней избавить могут, не то что от такой пустяковины. Раз-два, дунул-плюнул и готово! Коленка как новая! Хошь танцуй, хошь — в большой теннис играй!

Кирочка хмыкнула.

— Свежо приданье…

— Зря ты так, — укорила её Аль-Мара, — ни один целитель тебе не поможет, если ты сама в излечение верить не научишься.

Так они и шли, поддерживая Кирочку с двух сторон; болото кончилось, передвигаться по песчаной тропинке, усыпанной сухой прошлогодней хвоёй стало гораздо легче. Мика Орели, которого никто не замечал, бесшумно, словно тень, следовал за ними в нескольких шагах позади.

Стали садиться в машину. Аль-Мара открыла Кирочке дверь и придержала её за локоть. Крайст курил в сторонке, упоённо затягиваясь, ему предстояло сесть за руль. Начало темнеть; контуры деревьев на фоне зеленовато-голубого неба казались почти чёрными; закатная область небосклона нежно розовела, а на противоположной мягко золотился, поднимаясь, тонкий молодой месяц. Затоптав окурок, Крайст огляделся по сторонам и увидел Мику. Тот стоял, не спуская взгляда с той дверцы автомобиля, что минуту назад захлопнулась за Кирочкой.

— Тебе чего? — осведомился Билл вполне доброжелательно.

— Ничего, — попятился молодой инженер, — я… я только… я смотрел.

— Девочки, что ли, понравились? — спросил Крайст в своей излюбленной шутливой манере, он и не думал обижать этого странного стеснительного «шпендика» и уж тем более не предполагал, что попадёт, что называется «в точку» своим вполне невинным подколом.

Молодой инженер промямлил что-то нечленораздельное. Он стоял в золотистом облаке света задних огней автомобиля, застенчиво опустив взгляд; светло-русые неаккуратно стриженые волосы падали ему на глаза, на лоб, на шею. Кожа у него была такая светлая, что на ней сразу проявился румянец, нежный, слабо розовеющий, словно первая однобокая яблочная зрелость.

— Дать телефончик? — осведомился Крайст иронично. Ему было приятно постоять здесь ещё, полюбоваться лишнюю минуту гаснущим небом над лесом, вдохнуть полной грудью насыщенный влажный запах сосен…

— Да. — Мика сделал твёрдый шаг навстречу Биллу. Его большие честные глаза смотрели с надеждой. Он и помыслить не мог, что над ним подшучивают.

— Опа-на! — догадавшись, с кем имеет дело, озадаченно пробормотал Крайст.

Мика ждал. И с каждым мгновением в его глазах крепла уверенность, что в лице Билла он обрёл надёжного союзника и, ничего не опасаясь, может ему довериться.

— Та, что подвернула ногу… — прошептал он чуть слышно.

При мысли о том, что «шпендик» полчаса тащился за ними по лесу, невесть зачем, и

при этом безнаказанно шарил своим странным взглядом по ногам, спине, затылку, ещё каким-нибудь частям Кирочки, Биллу сделалось немного неприятно, но он не стал долго разбираться в этом мимолётном ощущении, просто не обратил на него внимания; меньше думаешь о чувствах — крепче спишь. Он снова взглянул на Мику и пошарил в нагрудном кармане, чтобы ещё покурить.

— Ладно, пиши, — тихо сказал он, оглянувшись на машину.

Инженер сердечно поблагодарил его и исчез в лесу. Докуривая, Билл чувствовал себя скотом. «Давненько я не попадал в такие дурацкие ситуации». Сумерки постепенно сгущались, лес превращался в сплошной и плотный сгусток тьмы, в небе над зонтикообразными кронами старых сосен робко проявлялись первые серебристые звёзды.

— С кем это ты там трепался? — лукаво спросила Кирочка садящегося в машину Крайста.

— Да так… Дал твой номер телефона этому шпендику, изобретателю супер-оружия, — ответил Билл со своей неизменной белозубой улыбкой.

Кирочка удивлённо захлопала глазами.

— Это крайне невежливо, распространять чужие контакты, — сказала Аль-Мара.

— Ну, простите, очень уж жалко стало его, смотрел как телёнок, — пробормотал Крайст, выруливая из леса на шоссе. Ближний свет фар выхватывал из темноты могучие стволы сосен, большие камни и черничные кустики по краю песчаной дороги.

— Отчего ты всё время зовёшь его шпендиком? — спросила Аль-Мара чуть погодя, — на мой взгляд хороший скромный интеллигентный молодой человек. А что ростом невелик… Так ведь это не главное.

— Да ботан же он! С него книжная пыль так и сыплется, — пояснил Крайст, — ты не понимаешь, я на него смотрю не так, как ты; мы, мужчины, друг на друга по-другому смотрим…

— Всё ясно, — с вздохом резюмировала Кирочка, — начиная с каменного века вы до сих пор подсознательно боретесь друг с другом за роль альфа-самца. И ты, Крайст, по-моему, просто завидуешь его мощному интеллекту.

— Я никогда не завидую, — отрезал Крайст, сосредоточенно всматриваясь в неровности песчаной дороги, вот-вот в золотистом свете фар должен был показаться поворот на шоссе. Машину мягко покачивало. — Нечего нам тут делить, вы и без меня знаете, у каждого он свой, одинокий путь под проводами.

— Это откуда? — насторожилась Аль-Мара, — …Так поэтично.

Крайст неопределённо повёл плечом.

— Не помню. Всплыло спонтанно.

— Я могу прочесть вам целиком.

Сначала всё разрушится внутри,
мы будем знать, что час настал, и скоро
мы снова врозь пойдём с тобой, смотри,
на небо диск взбирается как в гору.
И нет печали в том, что коротки
под жёлтым небом радостные встречи.
Все проводы — касание руки.
Рассвет крылом обнимет наши плечи.

И будущее, снова в путь маня,
Далёкие раскроет перспективы.
За шагом — шаг. Ты будешь без меня
глядеть на облака, что так красивы,
кормить свой взор рыжеющей листвой,
тенями вышек, выросших рядами…
У каждого из нас он будет свой,
тот одинокий путь под проводами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кирочка декламировала, не спеша, вдумчиво проговаривая каждое слово. Аль-Мара слушала застыв, а потом, в наступившей тишине, тихо, чтобы не нарушить её благоговейную торжественность, спросила:

— Кто это написал?

— Стэйси Мур. Поэтесса, которая выбросилась из окна.

— О, господи… Из-за чего?

— Говорят, от невозможной любви…

— Других причин выходов в окно человечеству известно не так уж много, — Крайст хмыкнул, — Всегда относился к поэзии с некоторой долей скептицизма. Есть в ней какой-то нарочный, преувеличенный драматизм. И в самих поэтах тоже, какие-то у них совсем уж нежные души, словно улитки без панциря.

— Но зато они умеют так точно облечь в слова то, что другие только смутно чувствуют, — восхищённо прошептала Аль-Мара, — нам нравятся стихи, когда мы узнаём в них свои переживания, поэты — это переводчики с языка сердца. Иногда я им даже немного завидую…

— Я могу ещё вспомнить, — подростком Кирочка читала много стихов, некоторые из них сами собою запоминались, и теперь повод выпустить их на волю воодушевил девушку, — Это написала подруга Стейси Мур, тоже поэтесса, после её смерти:

Их зовёт тишина в потускневшем ноябрьском сквере.
Им свинцовое небо приветливо стелет сукно.
Все обычные люди, чтоб выйти, используют двери.
А поэты крылаты — они выбирают окно.

4

Над рекой было тихо. Мягкий туман лежал на воде. Кирочка и Мика не шевелясь сидели в плоскодонной металлической лодке. С поднятого весла беззвучно срывались маленькие капли. Кирочка ещё не решила, клясть или благодарить Крайста за то, что он дал молодому изобретателю номер её телефона.

— Я очень люблю наблюдать рассвет, находясь наедине с природой… — шёпотом, словно боясь спугнуть красоту, проговорил Мика. — И мне захотелось поделиться этой радостью с тобой…

Кирочка зачарованно разглядывала контуры леса, проступающие в редеющем тумане.

— Я ведь не знаю, как нужно общаться с девушками, о чём говорить с ними… Вот я и подумал, что мы с тобой сперва покатаемся на лодке, потом поищем грибов, понимаешь, теперь сезон боровиков…

— А как ты с мужчинами общался? Девушки ничем не хуже.

— Извини… Но, видишь ли, я вообще практически ни с кем не успевал общаться. Я в основном читал.

— Аааа… — протянула Кира уважительно.

Мика поднял на неё внимательные карие глаза.

— Ты так и не ответила мне, о чём с тобой можно говорить?

— О чём угодно, но только чтобы я тебя понимала. Иначе какой смысл?

— Я понял… — ответил юноша. — Но пока нужно молчать. С минуты на минуту появятся первые лучи утренней зари…

Кирочка удивилась, что Мика Орели относится к рассвету почти с таким же благоговением как и необразованные солнечные шаманы. Но потом она подумала, что истинно великий ум, понимая суть процесса, не перестаёт восторгаться его совершенством, и если поклонение шаманов имеет интуитивную, чувственную, религиозную природу, то Мика восхищается мудростью и рационализмом природы осознанно, глубоко вникнув в её законы.

Всё утро посвящено было катанию по реке, а когда солнце поднялось над лесом, Мика с Кирой вскарабкались на высокий слоистый песчаный берег, развели костёр и испекли припасённую в Микином рюкзаке картошку. Кирочка успела проголодаться и уплетала незатейливую стряпню за обе щёки.

Потом они отправились за грибами. Тёплый влажный июльский лес стоял как наполненная кладовая — там поспевали всевозможные лакомые дары земли — жалко было ступать — всюду пестрели россыпи цветных ягод: крупные глазки черники, пламенеющая белобокая брусника, медовая, тающая во рту морошка.

— Здесь совсем недалеко проходит граница, — тихо сказал Мика, — наш дачный сектор крайний, и дальше за бетонной стеной в два человеческих роста начинается запретная зона.

— Я была за стеной, — гордо провозгласила Кирочка, — мне выдавали временный пропуск.

— И что же там? — спросил Мика спокойно, как будто бы не заметил Кирочкиного наивного хвастовства.

— Да ничего особенного. Лес, почти такой же, как здесь, только более дикий, и мусорные кучи, много-много куч, прямо целая мусорная пустыня с барханами, насколько хватает глаз, и овраги, наполненные мусором.

— Мы следим за своим участком леса, — деловито пояснил Мика, — каждый фантик подбираем и уносим с собой. Это ведь то же самое, что наши дачные участки, не убережём — не останется у нас ни тишины, ни ягод, ни грибов.

Кирочке, как всякому жителю мегаполиса, нечасто доводилось гулять по лесу, перешагивая валежины и канавки, пролезая сквозь густой кустарник или колючие заросли молодых елей в поисках темноголовых округлых с нежным сладковатым запахом белых грибов. Вскоре она притомилась и присела отдохнуть на землю возле пышных черничных кустов.

Приметив, Кирочка сорвала и отправила в рот несколько крупных ягод, покрытых бледно-голубым бархатистым налётом, исчезающим от прикосновения пальцев.

Мика опустился на мох рядом с нею. Неподалёку росла высокая пышная ольха. Дымчатый ствол её был строен и ветвиться начинал гораздо выше человеческого роста. Какое-то время молодой изобретатель разглядывал это красивое и сильное дерево, а после

спросил:

— Ты знаешь из какого места на стволе начинает расти ветка?

Кирочка помотала головой. Никогда в жизни ей не случалось озадачиваться подобными размышлениями. «Ум, оказывается, — подумала она, — это не только возможность находить правильные ответы, но и умение задавать хорошие вопросы».

— Теоретически, ветка может вырасти в любом месте… — начал Мика, заглянув при этом Кирочке в глаза с целью определить, интересно ли ей, настроена ли она слушать пространные объяснения. Он был очень скромен: никогда не занудствовал, навязывая людям свои долгие, сильно насыщенные информацией беседы и не давил собеседников интеллектом. Кира выглядела заинтересованной, и он позволил себе продолжать:

— …У неё есть выбор из множества направлений, и имеется ряд факторов, способных повлиять на этот выбор — таким образом образование ветви представляет собою сложный вероятностный процесс. Некоторые из этих факторов конкурируют, то есть ослабляют друг друга, а некоторые, напротив, усиливают, то есть действуют совместно — в итоге направление роста ветви определяет некая результирующая сила, суммарное влияние всех факторов. Скажем, это могут быть: количество солнечного света, приходящееся на выбранный участок ствола, толщина коры на нём, интенсивность движения древесных соков. Выбирается то место, где влияние каждого из факторов наиболее благоприятно. Там появляется чуть заметное утолщение, затем почка, лист и так далее. При сохранении совокупности всех поддерживающих факторов в этом месте развивается полноценная ветвь. Этот процесс невероятно сложен; рост ветви в том или другом месте ствола только кажется нам случайным: мы просто не всегда способны проследить все определяющие его закономерности — связи между событиями — и точно переложить их на язык логики. Возможности науки, к сожалению, пока не безграничны.

— Вот это да… — вздохнула Кирочка, разглядывая небольшую сухую веточку под ногами. — Как много, оказывается, таится в такой простой на вид вещи как этот прутик. Видишь, сколько на нём ветвлений…

— Так везде. Мир бесконечно сложен. Неисчерпаем. И именно в возможности познания заключается самое большое счастье человека. Каждое новое открытие, каждая идея, найденная в мире, всякая объяснённая закономерность — восстановленная связь между явлениями — всё это маленькие победы разума. Великая радость. Мир существует для того, чтобы мы изучали его, и Вселенная, как мне кажется, породила сознание с целью познать самоё себя. Как же иначе? Поэтому, не интересуясь окружающим миром, проявляя безразличие к нему, не вдаваясь в его законы, оправдывая своё невежество, мы в каком-то смысле совершаем предательство. Мы предаём ту великую цель, ту главную идею, во имя которой созданы.

— Как интересно! — воскликнула Кирочка. Ей очень понравился ход Микиных мыслей. — Предательство… — задумчиво проговорила она. — Ты когда-нибудь предавал?

— Нет. Но это отнюдь не означает моей непогрешимости. Вероятно, просто некого было предавать.

— А я предала. И моё предательство стоило этому существу жизни. Когда мне было десять лет, я предала козу.

— Козу? — удивлённо переспросил Мика.

Кирочка с сомнением посмотрела на него, решая, стоит ли рассказывать такому умному человеку глупую детскую историю с козой. И решилась рассказать. Общение с Микой не

тяготило её; она отдавала себе отчёт: всё закончится очень скоро — Правило Одной ночи, о чём тут говорить? — на более глубокий интерес к себе со стороны молодого изобретателя Кирочка надеяться не осмеливалась, и оттого ей было легко, ни один разговор с Микой, даже самый откровенный, не мог нарушить её внутреннего одиночества, потому что она знала — им предстоит расстаться навсегда. Он был для неё всё равно что случайный попутчик, с которым, благодаря обоюдному безразличию, можно говорить на любые темы.

Ребёнком Кирочка почти каждое лето проводила в дачном секторе К-435 у дедушки с бабушкой. Если дома мама и папа хотя бы изредка нарушали её уединение книжками, мультфильмами или какими-нибудь разговорами, то здесь было раздолье: дедушка с бабушкой целыми днями занимались разной хозяйственной работой, в суть которой Кирочка особо не вдавалась, и иногда даже не замечали внучки, забывали о ней, заботясь о своих курах, гусях, козах, заготовке сена или окучивании картофеля.

Кира была предоставлена сама себе, и это её вполне устраивало. А если всё-таки становилось скучно, то она приходила к бабушке в огород или к деду в сарай. Они обычно, поболтав с нею несколько минут, отсылали восвояси: «Не мешай».

Кирочка покорно уходила и продолжала свои странные бесполезные детские занятия: плескала толстой палкой в ржавой бочке для сбора дождевой воды, представляя себе, что она плывёт на гребной лодке в чужедальние страны; рыла ямы в песке осколками шифера или бегала туда-сюда вдоль дома, что-то тихонько бормоча. Она рассказывала сама себе сказки.

У деда с бабушкой были козы. Все белые как одна. И когда после выпаса стадо бегом спускалось с пригорка, казалось, что это катятся снежные колобки.

Но как-то весной одна из этих совершенно белых коз принесла двойню, и те козлята (вероятно, козёл случился необычной расцветки) родились не совсем белыми. Две маленькие козочки.

Одна из них была бежевая, с яркой белой подпалиной на боку и удивительным загривком — длинные мягкие волоски на нём стояли дыбом — коричневатые с чёрными кончиками. Глаза у неё окантованы были чёрным, а от носа вверх шла очень милая полоска коротенькой рыжей шерсти, ограниченная с двух сторон чёткими линиями более тёмного оттенка — мордочкой коза немного напоминала маленькую обезьянку. Бабушка дала ей кличку Чита.

Сестра же её, к сожалению, уродилась почти белой, лишь несколько волосков на загривке слабо серели словно посыпанные пеплом, да вокруг глазок был тёмный кант.

Кирочке очень понравилась козочка Чита. Она могла бесконечно любоваться как переливались на солнце, перебираемые ветром, шелковистые волоски на загривке. Ей хотелось, чтобы Чита стала её собственной козой, но бабушка невзначай обмолвилась о том, что именно её хочет купить перед зимой сосед, чтобы его внучка следующим летом пила парное молоко.

Кирочка расстроилась. Бабушка, конечно, утешила её, сказав, что внучка может выбрать себе любую другую козочку и даже дать ей имя.

Кире пришлось довольствоваться Читиной сестрой. Она назвала её Диной и стала подкармливать с рук сухариками, грибами и зелёными ветками. Коза очень скоро привыкла к девочке. Кире даже удалось научить её отзываться на кличку. «Ди-на-ди-на-ди-на-ди-на!» — напевала она протяжно, стоя у калитки загона, и козочка вставала, грациозно вынимая из под себя длинные тонкие ножки, подбегала к Кирочке, обнюхивала её пальцы и хрумкала

принесённым гостинцем. Девочка гладила её, с нежностью приминая густые шелковистые волоски загривка.

Читу Кирочка старалась не замечать; она убедила себя в том, что её собственная козочка гораздо лучше, но в глубине души сама в это не верила, а потому чувствовала теперь к бедняжке Чите некоторую неприязнь. Иногда она даже обижала её: таскала за загривок, выдирая тёмные длинные шерстинки, которые ей безумно нравились, дразнила, поднося к носу сухарик и потом резко убирая его, или гоняла палкой. Читина красота стала её несчастьем. Не в силах победить своё желание обладать козочкой, Кирочка несознательно обращала его в гнев.

Так продолжалось всё лето до тех пор, пока дедушка не сказал бабушке после традиционно обильного деревенского ужина, что сосед купил себе козу в соседней деревне и козлята ему больше не нужны.

На следующий день дед позвал Кирочку к себе в сарай — это было удивительно, обычно он днями её не замечал — и спросил зачем-то:

— Какая козочка больше всего тебе нравится? На следующий год будешь пить её молочко!

— Чита, — не задумываясь ответила Кирочка.

О верной Дине, бегущей на зов, она в этот момент не думала совершенно — главным было осуществление желания глубоко запрятанного в душу…

Весь оставшийся день Кира была счастлива, она ходила вприпрыжку, напевала — словом всячески выражала удовлетворение своим бытием.

Расплата настигла её на следующее утро.

Встав по дачному обыкновению поздно, Кирочка умылась, причесалась, заплела свои густые тёмные волосы в косу и выбежала во двор. Ночная роса уже почти просохла — ясное летнее утро затопило девочку красками и звуками — синевой чистого неба, блеском сочной листвы, стрекотанием кузнечиков, слепящим светом…

Козы неторопливо прохаживались на лужайке перед домом, лениво пожёвывая редкую, вытоптанную траву. Кирочка вгляделась. Что-то явно было не так.

Пропала Дина!

Сперва Кирочка решила, что она просто далеко убежала, спряталась или задержалась в хлеву. Но козочки не было нигде: ни на заднем дворе, ни в загоне, ни на пасеке… Кира сбегала даже туда, хотя жутко боялась пчёл.

Что если она ушла пастись одна?

Кирочка направилась в сторону леса. «Ди-на-ди-на-ди-на-ди-на!» — звала она.

И вдруг…

Пробегая мимо будки, Кира случайно обратила внимание на собаку. Чёрная лайка что-то с остервенением глодала, басисто рыкая; иногда она отбрасывала свою добычу, играя; размашисто хлопала пастью, силясь раскусить твёрдое…

Кирочка присмотрелась. Это было копытце. Пронзив весь позвоночник сверху донизу, выпрямив тело, отозвавшееся дрожью, страшная догадка приковала девочку к тому месту, где она стояла.

Кирочка вошла в дом и заглянула на кухню — мозаика теперь сложилась полностью — толстый мясник, сверкая стёклами очков, старательно мыл над раковиной широкое и длинное лезвие своего ножа: крепкие короткие пальцы тёрли яркие кровавые разводы на этом орудии убийства, вода стекала с него бледно-красная, матовая сталь скупо бликовала в

свете небольшого окна. А на столе стоял огромный эмалированный таз до верху наполненный рваными кусками свежего тёплого ещё алого мяса, и внизу на лавке лежала аккуратно сложенная, словно одежда, маленькая шкурка Дины. Сквозняк шевелил на ней длинные бледно-серые волоски.

В этот момент Кирочка прокляла своё желание. Она больше не хотела видеть Читу, она вообще больше не хотела привыкать ни к каким животным. Слишком больно было теперь вспоминать, как ещё вчера верная Дина обдавала протянутые ей тонкие детские пальцы нетерпеливым дыханием, и, надеясь на угощение, облизывала их горячим длинным шершавым язычком.

— Как думаешь, ты смог бы убить козу? — спросила она Мику.

— Нет. Я вообще не убиваю живое. Смотри…

У Мики на руке в это время сидел комар. Он поднёс руку поближе к Кирочке и показал его. Комар был большой, насосавшийся уже, его длинное жальце глубоко вошло в белую кожу юноши.

Мика тихонечко дунул на комара. Тот торопливо начал доставать своё жальце. Мика подул ещё — комарик повис на застрявшем жальце, крылышки его затрепетали. А потом вырвался и улетел.

— Я даже комаров не убиваю, — тихо сообщил молодой инженер, — Только если нечаянно.

«Истинный ум полон милосердия — подумалось Кирочке — и чем больше дано человеку богатств разума и души, тем тоньше он должен быть, добрее. Гений обязан гораздо сильнее простых смертных любить мир, ибо многое ему доступно. А способный на великое благо, способен и на великое зло.»

5

Напоследок Мика хотел показать Кирочке падающие звёзды.

— Земля сейчас как раз проходит сквозь скопление астероидов… — пояснил он, — И если мы останемся на этой опушке до темноты, то непременно увидим метеоритный дождь.

Вечерело. В лесу медленно сгущалась тьма.

— Мы не заблудимся? — спросила Кирочка осторожно.

— Не волнуйся. С малолетства я бродил в этом лесу и знаю здешние тропинки как свою ладонь. Да и плутать-то тут негде — со всех сторон дачи… Удивительно, что за весь день мы никого не встретили. Обычно тут по пятеро грибников на один гриб!

Над деревьями поднялась огромная круглая луна. Воздух оставался тёплым и как будто бы становился мягче, гуще. Волнами наплывали нежные ночные ароматы.

Кирочка села на траву, Мика Орели опустился рядом. Сначала он сел не очень близко к ней, но потом придвинулся. Кирочка ощутила лёгкое волнение, она понимала, что сейчас — самое время для первой ласки, юноша и так слишком долго терпел — они весь день провели вместе — затаившись, она ждала: вот-вот он что-нибудь себе позволит: приобнимет за талию, положит руку на колено или что-нибудь в таком духе… Кирочку немного пугала эта ясность и неотвратимость во взаимоотношениях полов: отчего никогда невозможно остановиться на полпути, и все зарождающиеся чувства, тонкие, прозрачные, невесомые, рано или поздно всё равно скатываются в бездонную пропасть плотского желания? «Сексуальное влечение — это природная необходимость» — так сказал ей Крайст, он белозубо улыбался, как всегда; ему повезло, он смотрит на вещи просто, он умеет принимать всё как есть, без иллюзий, без ретуши, и при этом не злиться, не желать ничего изменить…

Мика Орели не был Кирочке противен, напротив, она находила его привлекательным молодым человеком, но всё же от его первого прикосновения к своему телу она вздрогнула.

— Что с тобой? — спросил Мика, тут же убрав свою робкую прохладную руку. Девушка не видела его лица, но по какому-то неописуемому невыносимому дрожанию темноты между ними, она поняла, как неосторожно обрушена ею его первая смелость.

— Ничего… Замёрзла немного, — ответила Кирочка быстро.

— Хочешь мою куртку?

— Нет, ладно, я так, — поспешно отказалась девушка, почувствовав лёгкое угрызение совести… К ней со всей душой, а она…

Мика предусмотрительно отодвинулся и, кажется, немного погрустнел. Вдруг совсем неподалёку раздался громкий треск ломающегося валежника и ещё какой-то другой непонятный звук — точно кто-то плакал или кричал.

— Здесь могут быть звери? — забеспокоилась Кирочка.

— Ну, разве только белки, — рассмеялся Мика, — тут же повсюду дачи!

Молодой инженер хотел рассказать ещё что-то об обитателях местных лесов, но Кирочка жестом заставила его замолчать — до неё отчётливо донеслось мяуканье кошки.

— Это люди, — шепнула Кирочка, — и, кажется, не слишком добрые.

— Миу. Ау…

Жалобное мяуканье звучало теперь совсем рядом.

Кира вскочила. Она начинала кое о чём подозревать.

— Теперь ведь полнолуние?

— Да. Самое что ни на есть.

— Идём, — Кирочка дёрнула Мику за рукав и потянула в ту сторону, откуда доносились кошачьи вопли. Она чувствовала приятное волнение от погони и необыкновенную гордость — надо же! Она, пока ещё только курсант, самостоятельно напала на след ведьмы!

Вскоре они вышли на широкую тропу, ведущую к посёлку, и заметили немного впереди двух людей, свернувших с неё и начавших уже углубляться в лес.

В лунном свете можно было достаточно хорошо различить их. Одеждой им служили длинные чёрные плащи с капюшонами, вроде тех, что надевают палачи. Один из них держал в руке посох, а другой шёл, взвалив на спину плотный мешок, в котором, судя по всему, и находилась кошка — он ходил ходуном, топорщился и издавал звуки.

— Ведьмы… — восторженно прошептала Кирочка. — Идём, но очень тихо… Её сердце от предвкушения подвига застучало скорее. Она еле сдерживалась, чтобы не побежать во весь опор.

Мика оказался гораздо разумнее.

— Это не может быть опасно для нас?

— Может, — уверенно и гордо отчеканила Кирочка, — но такова моя служба, я должна… Ты, впрочем, можешь остаться здесь…

И она широким шагом направилась вперёд по тропе вслед за странными тёмными силуэтами. Мужское самолюбие взыграло в Мике и он последовал за ней.

— Это точно ведьмы! — комментировала происходящее Кирочка, — Они собираются принести чёрную кошку в жертву сатане. Традиционно это делается в полнолуние. Не допускать же, в самом деле, живодёрство? Мы должны спасти зверька… Даром я, что ли, я будущий офицер Особого Подразделения?

Полоса смешанного леса кончилась, и они очутились в редком сосновом бору. Кира

ускорила шаги, но ступать старалась как можно тише. Ведьмы же впереди шли не слишком осторожно: у них под ногами жалобно похрустывали шишки и сухой мох — звуки, порождаемые их передвижением заглушали все прочие, и они не оборачивались.

Дойдя до небольшого пологого холма, на вершине которого высились, образуя почти правильный пятиугольник мощные сосны, ведьмы остановились.

— Святилище… — шёпотом пояснила Кира.

Земля между соснами была выжжена. Стволы мощных деревьев у основания залеплены были красной глиной. Их соединяли друг с другом невысокие глиняные валы, образующие пятиконечную звезду — пентакль — расположенную острым концом на запад. Эта звезда как бы вписывалась в сформированный соснами пятиугольник.

Ведьмы, легко перешагнув через валы, оказались внутри звезды. Одна из них присела на корточки и начала что-то делать на земле. Кирочка догадалась, что колдунья собирается развести огонь, и вскоре действительно в центре святилища затрещало, задымило, и тонкие яркие языки пламени потянулись вверх, озаряя стволы сосен прыгающими пятнами рыжего света.

— Пора, — сказала вторая ведьма так громко, что находящиеся на приличном расстоянии Кира и Мика смогли её услышать.

Хлопотавшая у огня ведьма поднялась. Подруга взяла её за руку, и они, сделав несколько кругов вокруг костра, встали по разные стороны от него и разом скинули плащи.

Под ними они оказались совершенно нагими, но у каждой на шее висел амулет из чёрно-жёлтого камня — «кошачий глаз», а талия была подпоясана широкой алой лентой из какой-то парящей полупрозрачной материи.

Обе ведьмы имели привлекательное женственное сложение: крутые бёдра, длинные стройные ноги и медовые капли крепких грудей с устремляющимися вперёд высоко стоящими острыми сосками.

Мика, никогда в жизни не лицезревший женской наготы, застыл поражённый.

Волосы у ведьм были одинаковой длины, до лопаток, у обеих — тёплых оттенков каштанового. При свете костра они пленительно и зловеще отливали багровым.

Девушки продолжали ходить кругами, негромко напевая какой-то тяжёлый, тревожный мотив, и по очереди отхлёбывали из небольшой круглой чаши, передавая её друг другу над головами.

— Это «люциферовы невесты», — деловито сообщила Кирочка своему спутнику, — Нам рассказывали о них в рамках теоретического курса «Секты и магические сообщества». Они всю жизнь сохраняют девственность, сношаясь исключительно бесконтактно посредством обмена сексуальной энергией с духами, демонами, призраками и прочей нечистью, не имеющей плоти…

В этот момент одна из ведьм ловким движением извлекла из мешка умоляюще мяукающую кошку. Кирочка видела, как жалобно разевается маленькая розовая пасть.

Голая ведьма крепко держала зверька за шкирку, а её подруга тем временем извлекла откуда-то длинный остроконечный кинжал.

Кирочка поняла, что медлить больше нельзя. Она подобрала с земли крупную увесистую шишку и с силой запустила ею в чёртовых невест.

Шишка просвистела перед самым носом той, что держала кошку. От неожиданности ведьма выпустила её, и освобождённый зверёк мгновенно скрылся в темноте.

— Кто здесь? — ведьма с кинжалом выскочила за пределы пентакля. Передвигалась она

с поразительной быстротой и при этом с такой же поразительной грацией. Клинок угрожающе посверкивал в лунном свете.

— Прячемся! — медленно пятясь назад, в спасительную темноту, Кирочка потянула Мику за рукав. Яркий лунный диск на их счастье как раз скрылся за облаками. Оступившись, юноша громко сломал ногой сушину.

— Они там! — закричала ведьма своей подруге. По звуку она точно угадала направление, где находились молодые люди и обернулась.

— Нас всё равно найдут… — прошептала Кирочка. Они притаились в тени мощного ствола, — Надолго этого убежища не хватит, сейчас они принесут огонь…

Сосредоточившись, она попыталась вспомнить, чему их обучали на первом курсе в рамках самого важного теоретического курса «Защита от колдовства в непредвиденных обстоятельствах». Ведьмы приближались. Одна из них несла, высоко подняв над головой, факел, ослепляюще яркое пламя полоскалось от ударов воздушных струй, по стволам деревьев проскальзывали тени.

Кирочка метнулась навстречу. Главным было сейчас — поймать и удержать взгляд колдуньи — парализовать её магическую волю.

— Кира Лунь. Особое Подразделение. Вы арестованы. — выпалила девушка тоненьким, срывающимся от волнения голоском. Бояться нечего. Она делает всё в точности так, как её учили. Прямо по конспекту. Смотреть прямо в глаза, не сомневаться ни секунды, просто знать, что ты сильнее… Кирочка застыла на месте, вонзая взор прямо в сознание ведьмы, бесстрашно устремляясь в сияющую глубину её карих глаз.

Колдунья остановилась. Острие выпавшего из её руки клинка на треть ушло в землю.

— Ах, вот кто помешал нам совершить Великое Жертвоприношение! — воскликнула её подруга, брызнув Кирочке прямо в лицо оранжевым светом факела, — Маленькая серая потаскушка… Ты всё испортила и поплатишься за это!

В руке у ведьмы что-то сверкнуло. Зеркало. Небольшое. Вроде тех, что носят в дамской сумочке. Слепя Кирочку факелом, она решительно двинулась к ней. И вдруг… Несколько крупных шишек смачно поцеловало голое тело колдуньи. Шлёп. Шлёп. Шлёп! Одна из них попала в руку. Факел покачнулся и зашипел. Ведьма сойкнула и выронила его. Сгусток пламени, стрекоча и разбрасывая искры, покатился по земле.

Кирочка тем временем успела надеть антимагические наручники на другую ведьму, которую она до сих пор удерживала взглядом. Наручники как раз выдали всей группе на прошлой неделе, после Парада. Кирочка не расставалась с ними и даже на ночь клала под подушку, так не терпелось ими воспользоваться; она не смела надеяться, что возможность представится так скоро.

Колдунья с зеркалом сделала несколько шагов по направлению к новоиспечённой защитнице порядка. Это были немного странные шаги — такие лёгкие и широкие, что казалось, будто идущая преодолевает силы гравитации.

Серебристый блик отражённого зеркалом лунного света лизнул стволы сосен.

Не прошло и секунды как колдунья оказалась всего в каком-нибудь метре от Кирочки и с силой швырнула зеркало оземь прямо к её ногам.

Лесная почва была мягкой. Зеркало треснуло, но не раскололось. Серебристый туман брызнул из него вверх — словно маленькое облачко поднялось над ним…

В этот момент Мика, решив, что Кирочке снова нужна его помощь, выдернул из земли позабытый всеми клинок и, вооружившись им, принялся наступать на бросившую зеркало

ведьму. Она немного подалась назад, некоторое время неотрывно смотрела на приближающегося юношу, а потом быстро начертила пальцем в воздухе какой-то знак. Мика споткнулся и упал, словно натолкнувшись на невидимую преграду.

Ведьма попыталась подойти к нему, вероятно, чтобы забрать кинжал, но Кира в два прыжка очутилась подле изобретателя и заслонила его собой. Она уже знала, что следует делать. Смотреть прямо в глаза. Не отводя взгляда и не моргая.

Вторая люциферова невеста оказалась значительно сильнее. Кира почувствовала, как что-то начинает сдавливать ей голову. Из глубины ведьминых глаз словно потянулись длинные призрачные руки, пытающиеся запустить свои узловатые пальцы в Кирочкино сознание… Инстинктивно она зажмурилась. Но именно этого делать не стоило. Ведьма обрела полную силу и сбила Кирочку с ног одним мысленным посылом.

— Аааа!

От неожиданности ведьма обернулась на крик. На неё бежал Мика с кинжалом.

Кирочке хватило сэкономленного таким образом мгновения, чтобы подняться. Она поняла, что юноше угрожает серьёзная опасность. Нужно было во что бы то ни стало защитить его. Кира бросилась Мике наперерез, и, сбив его с ног, накрыла своим телом. Она подняла голову, и, успевшая приблизится ведьма, натолкнулась на её взгляд точно на каменную стену. Узловатые пальцы снова потянулись к Кирочкиным мыслям, намереваясь натянуть их, словно тонкие нити, а затем безжалостно порвать. Лоб девушки обдало холодным. Она инстинктивно подалась назад. Ей никак не удавалось сосредоточиться, чтобы вспомнить, о чём рассказывали в теоретическом курсе «Приёмы ментальной самообороны»…

«Главное, не отводить взгляд…» Кирочка продолжала смотреть, перед глазами у неё замаячили радужные всполохи. Казалось, она вот-вот потеряет сознание. И вдруг… Идея пришла так внезапно, что Кирочка едва не зажмурилась от радости.

Она представила себе нож. Обыкновенный столовый нож, медленно отрезающий призрачные ведьминские пальцы по одному. Он входил в них легко, будто в растопленное масло, и тут же они, утратив связь со своим энергетическим центром, начинали таять, словно сигаретный дым…

Ведьма скорчилась, словно от болезненного спазма, и её секундного замешательства хватило Кирочке на то, чтобы подскочить и сорвать с неё алый пояс. У люциферовых невест он считался священным и утратившая его лишалась права пользоваться Силой.

Ведьма развернулась и бросилась наутёк. По пути она подобрала плащ, лежавший на земле у костра, и на бегу, смешно подпрыгивая, кое-как закуталась в него.

— Чёрт с ней, — облегчённо выдохнула Кирочка. — А эту нужно доставить в отделение…

Она извлекла из брошенной на мох сумки мобильный телефон и набрала Крайста. Сообщив ему о случившемся, она с чувством выполненного долга закурила, опустившись на мох рядом с пленённой ведьмой.

— Ну вот, теперь можно и отдохнуть.

Ведьма, несколько минут назад внушавшая суеверный ужас своим мрачным величием, теперь казалась существом жалким. Она сидела на земле, обхватив руками колени, выгнув щуплую спинку — под белой кожей виден был беспомощный гребешок позвоночника — и зримо дрожала от холода.

Кирочка быстро встала, подбежала к потухающему костру в святилище и, вернувшись

оттуда с плащом, накрыла им озябшую девушку.

— Мы против бесчеловечного обращения с задержанными, — деловито пояснила она.

Девушка угрюмо молчала. Она была совсем молодая, лет восемнадцати, и очень красивая. Крупные малиновые губы в свете луны казались почти чёрными, большие глаза прятались в загадочной тени длинных ресниц.

— Расскажешь нам всё, мы быстро тебя отпустим, — отчеканила Кирочка строго; она изо всех сил старалась выглядеть уверенной и опытной — было бы неловко, если бы задержанная догадалась, что она пока только проходит курс обучения.

Ведьма продолжала молчать, устремив взгляд в одну точку.

— Мы слушаем, — повторила Кирочка настойчиво. Ей казалось, что у неё получается производить нужное впечатление. Она гордилась собой и слегка важничала.

Но задержанная, казалось, вовсе не замечала её; возможно она, оставив своё бренное тело здесь, на поживу стражам магического правопорядка, сейчас находилась неизмеримо далеко — скажем, бродила по астралу в поисках тех, кто мог бы выручить её из беды.

Кирочка ещё не владела техникой вывода колдунов из транса. Зачёт по этой дисциплине нужно было сдавать как раз на летней сессии, и она, как очень многие студенты, отложила подготовку к нему на самый последней момент. Но там, где недостаточно опыта, порой выручает смекалка. Кирочка, не долго думая, сняла с задержанной алый пояс и, повертев скомканной тряпицей перед самым носом юной ведьмы, припугнула её:

— Лучше будет, если ты всё расскажешь по-хорошему; синтетические ткани так легко воспламеняются…

И угрожающе пощёлкала зажигалкой.

— Не надо! — жалобно воскликнула задержанная, рванувшись вверх. — Я всё расскажу. Наши сёстры послали нас сюда совершить ежемесячное Жертвоприношение, — начала она тонким, огорчённым голоском, — для этой цели выбирают именно тех девушек, у которых текущий менструальный цикл совпадает с лунным. Обряд совершается в полнолуние, ибо считается, что оно символизирует овуляцию. Мы верим, что одна из нас, если чёрные силы будут благосклонны, зачнёт в такую ночь Омена, сына Князя Тьмы…

— И на что вам этот Омен?

— Омен есть воплощение человеческой страсти. Он не Зло, как думают многие. Омен есть порыв, желание. И поэтому он несёт Смерть. Людей всегда убивают их желания, точнее нескончаемая погоня за их осуществлением…

— Мудрая мысль, — тихо заметил Мика, до сих пор не проронивший ни слова, — И ещё очень красива ваша аналогия между лунным циклом в природе и менструальным циклом в женском организме… Мне такое не приходило в голову. А ведь в основе этих двух циклических процессов лежит одна и та же идея — идея замкнутого кольца, вечного вращения, повторения, возврата к прежнему через определённое время. Созревающий фолликул постепенно увеличивается, солнце начинает освещать луну, медленно выходящую из области земной тени, четверть, половина, и, наконец, полнолуние — фолликул лопается, яйцеклетка готова к оплодотворению… А потом всё повторяется в обратном направлении: луна «убывает» — в организме женщины начинается фаза жёлтого тела… В природе очень много циклических процессов. И все они по сути аналогичны… — Мика поднял голову, и благоговейно залюбовался луной, — Гениально… Просто гениально…

6

Кирочка надела лёгкое белое платьице до колен с жемчужными пуговками на лифе,

белые туфельки без каблука, крутанулась перед зеркалом, взметнув воздух летящей юбкой, подумала и подпоясалась оставленным на память ведьминым красным поясом.

Встретились они, как было условлено, у залива.

С верхнего яруса набережной, ограждённого высоким парапетом, вела вниз гранитная лестница. По широкой каменной губе нижнего яруса катились волны. Ещё одна лестница спускалась в глубину — ступени её исчезали в зеленоватой воде.

Кирочка стояла почти у самого края каменной площадки. Очередная волна, медленно облизав гранитную плиту, добралась до носков её туфель.

Она услышала, как кто-то спускается по лестнице и обернулась. Это был Мика. Он подошёл совсем близко, и какое-то время они вместе смотрели на залив. Наверное, стоило о чём-нибудь говорить, но именно теперь Кирочка почувствовала внезапную скованность мыслей. Особенно высокие валы, ударяясь в край площадки, обдавали её длинные голые руки мелкими брызгами, и на ветру нежная кожа начала покрываться мелкими мурашками. Мимо пролетела откормленная грязная чайка. Она тяжело и медленно махала крыльями, будто бы с трудом продираясь сквозь воздух.

— Жаль, что у нас нет хлеба… — посетовала Кирочка, с усилием преодолев порог своей тревожной немоты, и долго провожала птицу глазами.

— С тобой что-то происходит, — тихо сказал Мика, — ты как будто бы вся напряжена.

— Ничего, — ответила Кирочка быстро, — нормально, — ей не хотелось говорить о своём состоянии, да она и при желании не смогла бы описать охватившие её чувства. Правило Одной Ночи, оно повисло, словно сабля на волоске, над робкой зарождающейся симпатией Кирочки к молодому инженеру. Всему виной было происшествие с ведьмами. Что говорить, минута опасности, пережитая вместе, способна сблизить двоих куда сильнее, чем месяц унылого шляния за ручку по кафешкам-киношкам. Мика случайно оказался заброшенным на непозволительную глубину в пространство Кирочкиного одиночества, она не могла предвидеть, какими будут её переживания утром на следующий день, и предчувствие потери угнетало её.

— С твоей стороны неразумно было бросаться на ведьму, — сказала она, развернувшись к нему, — Ты мог погибнуть. Это стало бы огромной потерей для человечества… Такие люди… Такие умы рождаются очень редко… Ты изобрёл генератор для пистолета…

— Если бы я его не изобрел, это сделал бы рано или поздно кто-нибудь другой. Ни в одном научном открытии нет ничего уникального — они лишь описывают окружающий мир в рамках определённых упрощённых моделей. Истинную ценность имеет только неповторимое.

— Что ты считаешь неповторимым?

— Личность. Человеческую индивидуальность. Это самое большое сокровище.

Налетевшая на край площадки волна шумно разбилась и вспенилась, брызги взлетели так высоко, что Кирочка инстинктивно заслонила лицо рукой — на белоснежном платье проявилось несколько точечных мокрых пятен.

— Ты не простудишься? — спросил Мика, — Может, нам стоит подняться на набережную?

Кирочка пожала плечами.

— Давай поднимемся.

Набережная простиралась вперёд на многие километры. Всё побережье залива было заковано в гранитную броню. Когда случалась хорошая погода над серой лентой парапета

насколько хватало глаз плыли в лёгком мареве разномастные головы прохожих, а в пасмурные дни набережная оставалась угнетающе пустой — только ревел, пролетающий по ней и не встречающий преград, жёсткий морской ветер, да сердито ухали, отчаянно кидаясь на неприступную каменную стену, высокие волны.

Кирочка подняла голову. Отсюда были хорошо видны высотные корпуса гостиницы «Прибрежная». На пластинах глянцевой обшивки небоскрёбов ярче пламени горели красно-оранжевые отблески заходящего солнца. Вершина одного из зданий увенчана была сферическим прозрачным куполом. Стеклянный шар изысканного видового кафе «Жемчужина» тихо сиял в нежном кремовом небе — словно в раскрывшейся раковине. И дальше — за изящными пальцами гостиничных корпусов, за линией прибрежных торгово-развлекательных павильонов громоздился огромный город; его невозможно было объять взглядом даже из окна «Жемчужины», на горизонте, у самого предела видимости, как будто в тумане тонкими паутинками вырисовывались новые и новые строительные краны, кубики домов, купола и шпили различных построек… Город продолжал расти, расползаясь, словно гигантское пятно на теле планеты, подминая под себя всё больше леса, полей и чистых рек; он был и красив и страшен в своём рукотворном величии всеобщей чёткости и упорядоченности линий, в своей геометрической точности, выверенности форм. Таинственное, зыбкое, неожиданное с помощью человеческого ума постепенно заменялось правильным и идеальным.

— Ты когда-нибудь измерял свой интеллект? — спросила, чтобы долго не молчать, Кирочка.

— Каким образом? — удивился Мика.

— Тесты есть специальные. Вроде шарад. В книжных магазинах продаются. Раз в месяц выходит новый выпуск. Там в каждом сборнике — несколько вариантов. Надо любой из них решить за час и подсчитать баллы.

— Аааа… — радостно вспомнил Мика. — Ты имеешь ввиду эти загадки логические что ли? Я их ещё в школе разгадывал для забавы, у меня на весь выпуск уходил час от силы. И они мне быстро надоели… — Всё это юноша говорил со спокойной улыбкой, без малейшего намёка на хвастовство или самодовольство.

Кирочка быстро взглянула на него. В её глазах было восхищение, граничащее со страхом. Как правило, всякое качество, возведённое в абсолют, вызывает у обыкновенного человека суеверный трепет.

— Вот видишь! Такие возможности — необыкновенно редкий дар. Большинство не обладает и десятой долей твоего интеллектуального могущества. Зря ты напал на ведьму… Это был необоснованный риск.

— А если бы ты погибла?

— Такова моя служба, — не в меру напыщенно ответила Кирочка. Патетически приподнятый подбородок и взгляд, устремлённый вдаль, придавали её облику лёгкий оттенок комизма. — Я не представляю собой ничего великого, неповторимого и незаменимого.

— Кто тебе это сказал?

— Крайст… Он наш куратор. Перед самой первой лекцией он проводил в группе вводную беседу. Крайст выразил это так: чувство собственной исключительности и важности — самая бесполезная иллюзия разума, но именно ею разум более всего дорожит.

— Он прав и неправ одновременно, — вдумчиво заметил Мика, — всякое живое

существо, порождённое Вселенной — будь то человек, кошка, птица или комар — по-своему прекрасно, уникально и имеет неотъемлемое право на существование. Пусть всё повторяется, но оно никогда не повторяется в точности. Жизнь на планете — поразительно слаженный цельный организм, и каждая крошечная часть его достойна сохранения и защиты. Мне противна сама идея убийства. Я просто не мог допустить… И решение броситься на ведьму было скорее интуитивным, чем рассудочным…

— Ты храбрый, — выговорила Кирочка, действуя в рамках доступной её пониманию модели отношений. Она находилась рядом с мужчиной, и что бы этот мужчина ни говорил, ему всяко приятно будет признание его мужественности. Не все измышления изобретателя её сознание готово было принять. Иногда она, слушая его, чувствовала, что как будто тянется за чем-то и никак не может дотянуться. И это чувство расстраивало её.

— Я обыкновенный. У любого разумного существа в сознании должна быть заложена ответственность за судьбу окружающей его жизни, — тихо ответил молодой инженер.

Кирочка остановилась. Ясные умные глаза Мики теперь смотрели прямо на неё. Он был существенно ниже ростом, как грибок: приземистый, крепкий, плечистый. В нежном свете бежевого неба его карие глаза казались почти жёлтыми. Его намерение поцеловать девушку стало очевидным — на любом свидании случается такой момент — переломный — когда отношения приобретают окончательный курс и либо начинают продвигаться вперёд быстрее, чем прежде, либо постепенно сходят на нет. Всё решается в те несколько секунд, пока двое смотрят друг на друга, медленно сближая лица, внимая аромату дыхания… Одна знакомая девушка рассказывала Кирочке о том, как сбежала со свидания, заметив, что у парня не почищены зубы. Это открытие внушило ей настолько сильное отвращение, что у бедняжки даже не хватило выдержки соблюсти вежливость.

У Кирочки не было никаких причин чувствовать отторжение. Мика чистил зубы. От его свежей рубашки тонко пахло стиральным порошком. Но… Кирочку охватило стремительное беззвучное отчаяние: она чувствовала совершенно необъяснимое отвращение. Мика привлекал её как личность, она восхищалась его умом и человечностью; внешность юноши Кирочка тоже находила весьма приятной; его белая кожа, которая так легко краснеет, неуловимо напоминала ей о Саше Астерсе… Девушка велела себе успокоиться. «Возможно, это просто страх, ведь раньше со мною ничего подобного не происходило…» Но, немного подумав, она поняла, что источник страха не сама мысль о поцелуе, а именно отсутствие желания целовать Мику в губы и принципиальная невозможность этим желанием управлять. «Нельзя заставить себя хотеть или не хотеть… И единственное, что может сделать человек, чтобы направить себя — это преодолеть желание…»

Секунды бежали. Мика стоял, подняв на Кирочку свои ласковые солнечные глаза, и терпеливо ждал. «Он достоин, чтобы я его поцеловала…Он ведь спасал меня, рискуя собственной жизнью. Хотя бы из чувства благодарности…» Прибегнув к доводам разума, Кирочка почувствовала себя уверенней. Иррациональная паника поутихла; на смену ей пришла обыкновенное замешательство, стеснение перед первым поцелуем… Но решение было принято, и последние несколько мгновений дались Кире относительно легко: она склонилась, прикрыла глаза, и Мика, верно прочтя подтекст этого набора жестов, с радостной готовностью подался навстречу.

7

Когда они поднялись в номер, начинало смеркаться.

Кирочка подтолкнула дверь с позолоченными цифрами. Она закрылась, щёлкнув. И в

этом негромком звуке Кирочке снова почудилась какая-то тревожная неизбежность, будто бы дверь, замкнувшись, стала ещё одним рубежом, преодолев который уже невозможно вернуться обратно.

Мика приблизился и, крепко стиснув талию девушки, привлёк её к себе. Вся прежняя робость его куда-то пропала. Мужской инстинкт, вырвавшийся на волю, обнаружил свою жестокую суть. Не вполне владея собой, оказавшись не в силах воспользоваться мощью своего интеллекта для того, чтобы аккуратно расстегнуть Кирочкино платье, Мика нетерпеливо рванул его и порвал…

Круглые жемчужные пуговки посыпались, запрыгали, застучали, раскатываясь по полу.

Кирочка начала пятиться назад; мелкими шажками она отходила к окну, а Мика теснил её, неуклюже спотыкался, жадно тянулся губами, бестолково шарил руками…

И тогда Кирочка испугалась по-настоящему. Не самого Мики, он был скорее нелеп, чем страшен, а тех грозных сил природы, что способны в мгновение ока вынуть из человека прекрасную чувственную душу и заменить её, пусть на время, бесформенным комком чего-то чёрного, гадкого, похожего на слизь в водостоке…

Девушка беспомощно ухватилась за штору, точно ища у неё поддержки; жалобно скрипнули, сдвинувшись, кольца, на которых была подвешена штора; Кирочка ощутила лопатками прохладу оконного стекла…

— Осторожно… — пролепетала она чуть слышно.

Мика пыхтел, словно закипающий чайник; жар, исходящий от его кожи чувствовался на расстоянии; шея у него порозовела, и на ней быстро-быстро пульсировала жилка… Кирочка уже не видела перед собою человека; среди её испуганно разбегающихся мыслей маячили отрывочные ассоциации с быком, с медведем; с чем-то огромным, напористым, свирепым, но при этом совершенно лишённым разума; поведение Мики ввергло девушку в странный панический ступор: ей хотелось громко закричать, вырваться, побежать, увернуться от накатывающей на неё волны насилия, но она продолжала стоять, застыв, вжавшись в оконное стекло, монолитно опустив руки вдоль тела. Кирочка испытала мгновенный пронзающий ужас первозданной женской покорности, инстинктивной, животной, обусловленной необходимостью сохранить вид; той силе, что столь непредсказуемо превратила Мику в зверя, нельзя было сопротивляться; то был бы вызов самой природе; и тело Кирочки об этом знало, оно обмякло, постепенно примиряясь с неизбежностью, но её разум… Он не мог преодолеть растерянного отвращения перед скотской откровенностью происходящего. Мика извлёк из порванного платья и сосредоточенно мял круглые Кирочкины груди, алчно стискивая каждую из них всей пятернёй, он шумно дышал ей в самое ухо… Несчастный юноша не делал ничего сверхъестественного — он только пытался не слишком умело реализовать свою мужественность — но в глазах Кирочки это было чем-то неестественным, грубым, чудовищным…

— Осторожно, — повторила она снова, хотя ничего страшного не происходило, Мика не делал ей больно и не угрожал больше никаким вещам, просто ей казалось, что это слово может хотя бы немного утихомирить то яростное беснование, что поднялось в нём… Но юноша как будто ничего не слышал, находясь где-то в другом измерении; Кирочка с новой волной паники поняла, что в эту секунду перед нею действительно зверь, и она не знает, как достучаться до той тонкой дивной души, что была в этом теле не далее как час назад. Может, Микина душа и правда вознеслась куда-то в неведомые эмпиреи, оставив земле плоть, не желая становится соучастницей безобразия?.. Может, окатить его ледяной водой? Ударить

вазочкой по голове?

Получалось нелогично и несправедливо — ведь именно Кирочка всё это затеяла, сама привела сюда Мику, но, тем не менее, она явственно осознавала, что ни секунды больше не хочет находится в объятиях этого существа, так бесповоротно впавшего в состоянии первобытной половой агрессии, что она передумала; но процесс, к сожалению, находился уже на той стадии, на которой прервать его без потерь не представлялось возможным…

— Ой, прости, — воскликнула Кирочка, решительно упершись ладонями в его грудь, — я, кажется, забыла почистить зубы!

Она резко оттолкнула от себя ничего не соображающего, сопящего, с мутными глазами Мику — неожиданность сыграла в её пользу — Кирочка ловко высвободилась от него, а затем, в два скачка оказавшись на другом конце номера, проскользнула в ванную и заперлась на задвижку. «Не зря, однако, Крайст окрестил его шпендиком, — подумала она с бессильной злостью, на всякий случай подпирая дверь обнаруженной под раковиной пластиковой табуреткой, — Господи! И надо было оказаться в такой идиотской ситуации!» Мика тем временем опомнился и, дотумкав, что произошло, принялся требовательно барабанить в дверь ванной.

— Открой, пожалуйста! — просил он, — Я не хотел тебя обидеть… В чём проблема? Я что-то делал не так? Объясни хотя бы!

А Кирочка и при желании не смогла бы объяснить. Она стояла посреди гостиничной ванной, придерживая рукой разодранное на груди платье, и вздрагивала при каждом стуке в добротную дверь, которая вовсе не собиралась ни трещать, ни, тем более, падать… Мика даже ни разу не дернул её как следует и вскоре ушёл, видимо, обидевшись. Он был слишком умён для того, чтобы долго настаивать на своём.

Из номера не доносилось больше ни звука, а через какое-то время, чутко прислушивающаяся Кирочка, не сразу поверив своим ушам, различила на фоне тишины лёгкий храп. Она приоткрыла дверь и осторожно выглянула в номер. Уже совсем стемнело, неярким золотистым светом горел ночник, отражаясь в чёрном глянце окна… Мика мирно спал в разобранной постели, под одеялом и покрывалом, трогательно спрятав руки под подушку. Вся его одежда, сложенная аккуратной стопочкой, лежала на стуле рядом. С тех пор как он попал в просак, уснув на столе в рабочем кабинете, молодой инженер установил себе чёткий распорядок дня, от которого старался по возможности не отступать. Теперь, вне зависимости от обстоятельств, он ложился спать ровно в 23.00, а вставал в 7.00, считая такой режим оптимальным для своего здоровья. Мика вычитал где-то, что недосыпание истощает ресурсы головного мозга, и работникам интеллектуального труда следует особенно внимательно относится к качеству и продолжительности сна. Молодой инженер принял это к сведению. Большие круглые часы на стене показывали полночь, и даже пушки уже не смогли бы разбудить его.

Осмелев, Кирочка покинула своё укрытие. Она подумала, что ничего ужасного не случится, если она ненадолго приляжет рядом с Микой поверх покрывала и немного отдохнёт. Стихийный протест истощил её моральные и физические силы; девушка чувствовала усталость.

Сначала она очень робко присела на краешек огромной кровати. Мика спал и даже не пошевелился. Заснул он, вероятно, недавно, но так глубоко и так сладко, как иногда засыпают маленькие дети: неожиданно для самих себя, молниеносно, не выпуская из рук игрушек… Кирочка отважилась выполнить своё первоначальное намерение и с

наслаждением растянулась на свободном спальном месте. Сначала она неторопливо покурила в горизонтальном положении, а потом стала соображать, что делать теперь с платьем. «Надо бы спуститься и попросить у портье иголку с ниткой».

Точно ветерок в открытую форточку в её сознание влетела необъяснимая тревога.

В номере стояло трюмо.

По неясной причине оно, перестав отражать окружающие предметы, начало стремительно мутнеть. Скользнув взглядом по створкам, Кирочка заметила серебристый туман, постепенно сгущающийся в пространстве между ними.

Она вскочила.

Из зеркала, источающего туман, начала медленно высовываться полупрозрачная рука, в точности такая же как та, с которой Кирочка столкнулась несколько дней назад в лесу. Рука приближалась к ней, протягиваясь через весь номер млечной тающей лентой, напоминающей след, оставляемый в ясном небе летящим самолётом. Следом появилась и вторая такая же рука. Кирочка почувствовала удушье. Бесплотные узловатые пальцы с каждым мгновением всё сильнее впивались ей в шею.

— Это моё воображение. Это моё воображение! — твердила она, тщетно пытаясь успокоится. Пульс у Кирочки частил, она бестолково металась по всему номеру… Титаническим усилием воли ей удалось-таки сбросить с себя зловещие руки… Тотчас же воспользовавшись обретенной свободой, девушка метнулась к кровати и, стащив с неё верхнее тяжёлое покрывало, быстро накрыла трюмо.

Руки исчезли.

Продолжая дрожать, Кирочка нашарила в сумочке смартфон. Она была настолько напугана и растеряна, что напрочь забыла и о времени суток, и об обстоятельствах, в которых оказалась. Паника вытеснила все представления о приличиях. Трясущимися пальцами не с первого раза удалось ввести пароль безопасности. Войдя в служебную сеть, она отправила быстрое сообщение Крайсту:

Лунь: У меня тут… Оно вышло из зеркала и начало душить!.. Мне нужна помощь! Я не знаю…

Она прибавила ещё что-то невразумительное. Ритмичные прикосновения к гладкому холодному дисплею успокаивали её, и, закончив набирать текст, она почувствовала облегчение. Словно все руки у всех душителей на свете были уже вырваны с корнями. Крайст всегда точно знает, что делать. Он обязательно поможет.

Оповещение об ответе на дисплее загорелось не сразу.

Крайст: Вообще-то я спал. Недавно прилёг, блин горелый. До позднего вечера пришлось возиться с протоколами допросов.

Лунь: Я извиняюсь… Но тут такое! Действительно страшное…

Кирочка заметила и в первом, и во втором сообщении несколько опечаток — сенсорный дисплей отказывался слушаться её нервных пальцев. Но рассказать о своей беде нужно было как можно скорее, и она не стала исправлять: ничего, Крайст поймёт.

Крайст: Где — ТУТ?

Лунь: В отеле. Тот отель, который на заливе. Из зеркала в номере тянутся руки!

Крайст: Как это тебя туда занесло?

Лунь: Не важно! Руки же!

Крайст: Вот прямо сейчас — РУКИ?!

Лунь: Нет. Я накрыла зеркало.

Крайст: Правильно. Когда надо, соображаешь, студент. Пока ничего конкретного сказать не могу, надо взглянуть.

Лунь: Приедешь?

Крайст: Придётся… Тебе же, вроде как, грозит смертельная опасность. Как Куратор, я должен оберегать вас, неразумных. Иногда. Когда это требуется.

Лунь: Ясно. Буду ждать.

Кирочка подумала немного, и отправила следом второе сообщение.

Лунь: Возьми ещё с собой, пожалуйста, какой-нибудь ненужный свитер… или кофту…

8

Билл приехал через сорок минут.

Он дожидался Кирочку внизу, у стойки информации. Она торопливо спускалась по лестнице, придерживая рукой расстёгнутое платье.

— Так вот зачем нужен был свитер… — с усмешкой проговорил, завидев её, Крайст, — ну что же… Вполне благородное назначение для старой шмотки куратора: оберегать курсанта от холода и лишних взглядов…

Стянутое тонкое платье подробно очерчивало мягко скруглённый подъём девичьей груди; в одном месте между случайно разошедшихся краёв ткани, которые Кирочка придерживала руками, непрошенно сияла молочная белизна её кожи и виднелась нежно-нежно розовеющая кромка чуть выпуклой ореолы соска… Заметив это, Билл отвёл взгляд.

Кирочка взяла у него из рук свитер и тут же надела. Он пришёлся ей почти впору, маленько только широк, и рукава оказались немного длиннее, чем нужно. Свитер пах Крайстом: тёмно-синяя приятно покалывающая пряжа хранила слабые ароматы табачного дыма и модной мужской туалетной воды.

Они поднялись по лестнице на четвёртый этаж и вошли в номер.

— Ну и где эта карающая десница?

— Там! — Кирочка взглядом указала на занавешенное трюмо.

Билл сдёрнул покрывало. Зеркало как ни в чём не бывало отразило его, комнату позади и слегка потрёпанную Киру. Взъерошенная, раскрасневшаяся, в мужском свитере она выглядела трогательно и забавно.

— Оно… наверное… ушло. — Виновато вымолвила девушка.

— Интересно, куда? А ещё интереснее — вернётся ли? — Крайст скользил по номеру сосредоточенным взглядом. Потом он прошёл в ванную, раскрыл окно и осмотрел стёкла.

Приблизившись ещё раз к зеркалу, он провёл по нему пальцами, обернулся к Кирочке и спросил:

— У тебя есть ещё зеркала? Свои собственные?

— Сколько угодно… Даже в общежитии… И в сумочке, — она достала и показала Крайсту складное дамское зеркальце.

— Убери их все. День куда-нибудь. Но никому ничего не объясняй. Как можно меньше говори об этом. Соври что угодно. Бабушка умерла, к примеру. А эту штуку, — Крайст указал на маленький предмет у Кирочки в руках, — даже не думай открывать. Побудь немного в блаженном неведении относительно того, как ты выглядишь. Для твоего же спасения.

Билл ещё раз внимательно оглядел номер. Не слишком роскошный. Стандартный. Сквозь распахнутое окно с залива доносился умиротворяющий шёпот ночного прибоя. Луна — яркая и почти круглая, с надкушенным слегка бочком, высоко стояла над заливом, серебря гребни невысоких волн.

— Пора уходить отсюда, — он кинул взгляд на большие круглые часы на стене, — второй час… И завтра опять на дежурство.

Кирочка виновато опустила взгляд и попыталась незаметно для Крайста подобрать несколько маленьких жемчужных пуговок от платья. Ей не хотелось, чтобы он видел их. Билл уверенно направился к выходу из номера и, небрежно кивнув в сторону мирно сопящего Мики, с весёлым удивлением, словно только сейчас его заметил, сказал:

— Утомился, бедолага… Такой погром был, душители всякие приходили, а он не слышал ни черта…

Несколько мгновений Билл молчал, разглядывая тихую счастливую улыбку на лице спящего изобретателя, а затем смачно добавил:

— Шпендик.

Потом, повернувшись к Кирочке, смерил её многозначительным взглядом и усмехнулся…

— Надеюсь, ты помнишь Правило, — напомнил он деловито.

Кирочка вспыхнула; намёк Крайста показался ей крайне бестактным, она не знала, что ему ответить; если бы Крайст узнал всю правду о том, что с нею произошло, он стал бы потешаться — в этом Кирочка, успевшая немного узнать своего куратора, не сомневалась нисколько. Вряд ли такой бесшабашный парень отнёсся бы с должной чуткостью к её девичьим переживаниям о беспардонности матушки-природы…

Крайст уже стоял в дверях. Кира последовала было за ним, но у самого выхода резко остановилась и оглянулась.

— Ну что ещё? Никак не можете отпустить феерически приятные воспоминания? — по красивому гладко выбритому лицу Крайста проскользнула неуловимая ядовитая ухмылочка.

— Да хватит уже издеваться! — вспылила Кирочка, — я пережила такой ужас!

— Охотно верю, — шутливо посочувствовал Билл, выразительно взглянув на спящего Мику…

Кирочка поёжилась, втянув руки в длинные рукава Крайстовского свитера, и подняла на него глаза, постаравшись вложить во взгляд как можно больше холода и укоризны.

— Я никогда не издеваюсь, — пояснил Крайст примирительно, — просто ты временами относишься к самой себе слишком серьёзно. В нашем деле это вредно. Да и вообще… Повышенное внимание к собственным переживаниям сильно отвлекает. А дружеская шутка — лучшее средство вернуть человека к реальности. Не обижайся.

— Погоди секунду, — в голосе Кирочки всё ещё слышалась досада. Возможно, Крайст действительно хотел ей помочь, разбавив тихую грусть прощания навсегда своими гнусными усмешечками… Нет. Она решительно отвергает подобные благодеяния.

Кирочка вернулась и, склонившись над спящим Микой, нежно поцеловала его в висок. Девушка чувствовала горечь и вину; она надеялась этим жестом сгладить случившееся хотя бы в собственном сознании, вдобавок, её всерьёз задели насмешливые и бесцеремонные комментарии Крайста, ей хотелось немного его осадить, дать этому зубоскалу понять, что между нею и Микой всё далеко не так смешно, как он думает…

— А вот теперь — идём, — твердо сказала она, заботливо подоткнув молодому инженеру одеяло.

глава 10

1

Вождение автомобиля оказалось, пожалуй, единственной наукой, которая давалась Кирочке с большим трудом. Ей было сложно участвовать одновременно в нескольких процессах — смотреть вперёд и в зеркало заднего вида, следить за знаками на дороге, переключать передачи в случае чего, да ещё и не забывать показывать поворот.

Три раза она проваливала экзамены, и права ей удалось получить только с четвёртой попытки. Теперь для получения допуска к вождению служебного автомобиля оставалось научиться пользоваться специальным оборудованием для отслеживания нарушителей.

— Я буду твоим инструктором по начинке наших тачек, в них и сам чёрт с фонарём не разберётся, тут нужен человек бывалый, — Крайст улыбался как всегда солнечно, озаряя пасмурный день, раздвигая как занавес туман и морось на парковке перед Главным Зданием, — поздравляю, кстати, с правами. Молодец! Надо будет съесть по мороженому за твоё шофёрское будущее.

Кирочка потупилась, принимая похвалу со скромным достоинством школьной отличницы. Разумеется, о количестве своих неудач она благоразумно умолчала. Не хотелось ей, чтоб на зубах у Крайста повисла очередная серия фирменных шуточек на этот счёт… Сам-то Крайст водит превосходно… Он может преспокойно за рулём курить, есть эскимо или болтать — всё это не мешает ему вовремя и плавно повернуть, заметить притаившийся в кустах дорожный знак или перебегающего дорогу хомяка.

— Кстати, я всё хотела узнать, почему ты вместо нас белил почти все стены в учебном корпусе? — спросила Кирочка, пока они перекусывали в машине.

По правде говоря, этот вопрос давно не давал ей покоя, но она либо никак не могла улучить момент, чтобы его задать, либо, если возможность представлялась, на неё нападала непрошеная робость. Они некоторое время назад обсуждали трудовой подвиг Билла с Аль-Марой, и Кирочка была практически уверена, что Крайст нёс наказание; мало кто по личной инициативе стал бы в самые лакомые жаркие летние деньки, созданные для того, чтобы валяться на пляже, бесплатно красить стены. Подобные соображения вынуждали Кирочку чувствовать стеснение, обычно людям не приятно распространяться о своих оплошностях, но она не могла побороть любопытства.

К немалому её удивлению, Билл ответил сразу, и, как показалось Кирочке, даже охотно.

— Я провинился.

— Как?

— Кравиц… — коротко пояснил он, но сумел подкрасить это слово таким количеством эмоциональных оттенков, что Кира всё поняла сразу: прояснять что-либо дополнительно не требовалось…

И она тайно, нежно, чуть печально позавидовала всему, испытанному Крайстом, точно ему посчастливилось прокатиться на аттракционе, на котором ей кататься не довелось, но очень хотелось; она искоса взглянула на него; сквозняк топорщил щёточку волос у него надо лбом, он курил, опираясь локтем на опущенное стекло и, временами поглядывая в боковое зеркало, насвистывал какую-то песенку. «Нагло катается, пока я веду машину…» — подумалось Кирочке.

Слишком поздно заметив на дороге неглубокую ямку, она резко налегла на руль, чтобы отвернуть; машину качнуло, несколько автомобилей сзади притормозили, послышались истеричные звуковые сигналы; Крайста мигом вышвырнуло из его безмятежного созерцательного настроения:

— Какого чёрта ты делаешь? — осведомился он недовольно.

— Там была ямка… — виновато пролепетала Кирочка.

— Яяямка… — передразнил Билл, — я бы тебе права не давал, кто же так дёргает-то?

Билл положил свою руку на руль поверх Кирочкиной.

— Вот смотри… Хватает едва заметного плавного движения, и машина уже слушается. Если на дороге неровность, тебе не нужно сильно уезжать от неё в сторону, достаточно просто почувствовать, где окажутся колёса…

Кирочка ощущала прикосновение тёплой ладони Крайста. Это было не то чтобы неприятно ей, скорее тревожно. Ведя её руку, он слегка подтолкнул рулевое колесо и аккуратно выровнял машину.

— Видишь, она поворачивает и так. Совершенно ни к чему выкручивать руль как гайку…

Словно опомнившись, Билл быстро убрал ладонь. Кирочка испытала нечто вроде облегчения. Всегда, если между ними случался какой-либо телесный контакт, пусть короткий, пусть случайный, они оба чувствовали какое-то неудобство, напряжение, словно делали что-то непозволительное, запретное и даже опасное. Обыкновенное рукопожатие при встрече и то смущало их — оба стремились завершить его как можно скорее — в результате оно выходило скомканным и небрежным. Эта необъяснимая физическая полярность была мучительно очевидна обоим, но никто из них ни разу не предпринял попытки об этом поговорить.

Несколько улиц проехали без приключений. Билл показывал, как пользоваться датчиком обнаружения источника аномальной магической активности. Выехали на скоростную автостраду, по обеим сторонам которой высились пыльные пластиковые заградительные пластины.

Внезапно датчик громко запищал.

Кирочка глянула в зеркало заднего вида — над ним едва заметно курился серебристый дымок — и тут же на неё накатила стремительная волна удушья.

— Крайст! — Завопила она, непонятно зачем изо всех сил давя на тормоз, — Там — оно!

Невидимая рука, сдавившая ей горло, оказалась намного сильнее, чем в прошлый раз — Кирочка выпустила руль, и автомобиль потерял управление.

Билл моментально стащил с себя футболку и замотал ею зеркало заднего вида. Громкий звуковой сигнал раздался впереди — навстречу мчался грузовик; Билл протянул руку и в последний момент успел отвернуть, однако, избежать аварии не удалось…

Глухой удар потряс машину. Послышался лязг сминаемого железа, и звон осыпающегося стекла. «Мои фары, его фары, страховка…» — с тоской подумал Билл. Легковой автомобиль, ехавший сзади, не успел остановиться, и произошло столкновение.

— Ты в порядке? — спросил Билл у уткнувшейся в руль Кирочки.

— Вроде… — ответила она, жадно дыша. — Скажи мне… Ты это видел?

Билл кивнул.

— И что же это?

— Хм… Всё довольно серьёзно. Пожалуй, на проклятие похоже. Заговор на смерть. Ты не помнишь, та ведьма, которую вы арестовали, при вас с зеркалами ничего не творила?

— Нет. Но её подруга, та, которая сбежать успела, кинула зеркало мне в ноги…

— Ё-моё! И оно разбилось?

— Не до конца. Треснуло только. Там мягко было. Мох…

— Твоё счастье! Разбилось бы, так хана… Везучая ты, однако, Лунь…

— Везучая, везучая… — проворчала Кирочка, — Делать то что? Всю жизнь теперь что ли от зеркал шарахаться как чёрт от ладана?

— Проклятие надо снимать. И как можно скорее. Я знаю, пожалуй, только одно существо, способное тебе помочь…

— Кто же это?

— Магистр Песчаной Розы. Ей вполне под силу справиться с духом зеркала.

— Любушка твоя? — спросила Кирочка чуть насмешливо.

— А если и любушка? — он невозмутимо посмотрел на собеседницу.

Кирочка отвернулась; ясный и твёрдый взгляд Билла смутил её, она пожалела, что осмелилась пошутить на столь деликатную тему.

— Как бы там ни было, она не только сможет тебе помочь, но и согласится это сделать, — продолжал Билл так, словно никакой неловкости не получилось, — Аннака из тех Магистров, которые понимают необходимость сотрудничать с Особым Подразделением.

В стекло автомобиля тем временем агрессивно постучали. Водитель, который ехал сзади, был на взводе. Он весьма неучтиво жестикулировал, бранился и грозил судом.

Крайст порылся в бардачке и протянул Кирочке визитку. Она машинально прочла:

«Строительная компания "БОЛЬШОЙ ДОМ". Квартиры. Коттеджи. Хозяйственные постройки. Аннака Кравиц, менеджер по продажам, рабочий телефон…»

— Что же я ей скажу?

Билл нахмурился. Ему казалось, что в сложившейся ситуации можно и не напрашиваться на долгие и подробные объяснения. В окно служебного автомобиля барабанили уже с удвоенной энергией, да и воспоминания об Аннаке всё ещё волновали Билла: прикоснуться к ним призрачными пальцами мыслей лишний раз было боязно и сладко, точно потрогать недавно затянувшуюся рану. Он не хотел раздразнивать себя. Ассоциации прокатились, точно тополиный пух, нежные, щекотные, невесомые…

— …Ну, скажешь, будто хочешь купить коттедж, к примеру. А при личной встрече, она, я уверен, догадается сама, — недовольно пробурчал он и поспешил выйти из машины, чтобы принять на себя град из отборнейших ругательств владельца ехавшего позади автомобиля.

2

Шёл проливной дождь; длинные тяжёлые струи обрушивались на асфальт, по тротуарам и улицам бежали, шумя и пенясь, ручьи, город звенел, дрожал, сотрясаемый мощным необъятным ливнем; Кирочке хотелось спать, она заварила себе кофе и, болтая ложкой в чашечке, подошла к окну. В серых клубах дождя у перекрёстка виднелась клеть с арбузами и дынями, недалеко от неё, прямо среди пляшущих струй, жадно обнимались двое. Они стояли без зонта, в тесно прилипшей к телам совершенно мокрой одежде, прижавшись друг к другу так, словно в этом было их единственное спасение, их великая надежда. Кирочка отвернулась, увиденная в окно воссоединившаяся пара пробудила в ней грустное волнение,

она села к столу пить кофе. Достав из кармана полученную от Крайста визитку, она задумчиво вертела её в руках, в десятый раз уже, наверное, перечитывала, будто за ночь на ней необъяснимым образом могла возникнуть какая-нибудь новая информация.

— Добрый день! — Аннака Кравиц в старомодном тёмно-бордовом платье с тугим атласным лифом и длинной широкой юбкой учтиво протянула Кирочке руку для приветствия. — Что привело вас ко мне, погода явно не благоволит бесцельным прогулкам, — в далёкой глубине чуть раскосых изумрудных глаз могущественной колдуньи стремительно мелькнул огонёк узнавания. Она приподняла бровь и улыбнулась чуть лукаво.

— Добрый день… — очарованно робея, пробормотала гостья. Величественная осанка Кравиц, её яркая женственная красота и таящаяся внутри устрашающая сила — всё это вызывало в Кирочке благоговейный трепет. Детская мечта быть ведьмой жила ещё где-то на задворках её сознания, девчонкой она представляла себя в образе колдуньи именно такой, какой была Аннака…

— Прошу вас, пожалуйста.

Кравиц сделала приглашающий жест — он, как и всё в ней, был полон изящества — и прошла вглубь квартиры. Кирочка влюблённо смотрела ей вслед. Узенькая, как ножка бокала, талия, стянутая корсетом. Бант на поясе платья — точно присевшая на секунду большая бабочка — вот-вот вспорхнет… Походка плывущая, завораживающая.

— Хотите чаю? — Магистр Песчаной Розы непринуждённо опустилась в кожаное кресло. — Садитесь, — Она указала глазами на второе такое же кресло, стоящее рядом. За окном бесчинствовал распоясавшийся ливень, размахивал во все стороны широкими рукавами, полными воды и шума, бесновался, голосил, но здесь, за тонкими жабрами кремовых жалюзи было тихо, прохладно и немного сумрачно.

Кирочка села. Ей всё ещё не удавалось прийти в себя. Ситуация подталкивала к тому, чтобы приступить к обсуждению дела, но волнение спутало Кирочкины мысли. Она залюбовалась своей собеседницей настолько, что никак не могла начать разговор. Аннака это заметила, улыбнулась. Великодушно, с едва заметным оттенком благодарности. И заговорила первая.

— Я догадываюсь, почему вы здесь. Вам требуется моя помощь?

Кирочка кивнула.

— Лично вам? — Аннака слегка поморщилась и коснулась пальцами висков. До сих пор, стоило ей вспомнить о Крайсте, у неё сразу начинала раскалываться голова.

— Да. Меня преследует дух зеркала. Лейтенант Кр…

Аннака сделала быстрый отстраняющий жест рукой в воздухе.

— Прошу вас… — Могущественная ведьма отхлебнула воды прямо из хрустального графина, — Этого человека как чёрта к ночи в моём присутствии упоминать не рекомендую. Мне сразу делается дурно. Она потёрла виски и встряхнула головой. — Продолжайте…

Кирочка начала подробный пересказ случившегося в лесу; Аннака слушала очень внимательно, почти не шевелясь при этом, будто бы обратившись в один только слух и совершенно отключив остальные чувства. В комнату незаметно вошла Тара; она приблизилась к окну, слегка раздвинув пальцами жалюзи, получила представление о погоде, и снова исчезла для того, чтобы, спустя несколько минут, вернуться с чайником и двумя малюсенькими тонкостенными чашечками на расписном деревянном подносе.

Посуда тихонько позванивала, когда, расставляя её на столе, Тара опускала чашки на предназначенные им круглые углубления в блюдцах. Она осторожно приподняла крышку

заварочного чайника, над ним поднялось лёгкое облачко душистого пара. Прикрыв глаза, Тара потянула носом и, решив, видимо, что напиток готов, принялась разливать янтарную дымящуюся жидкость в звонкие фарфоровые чашечки. Закончив сервировать стол, Тара незаметно выскользнула из комнаты.

— Угощайтесь, пожалуйста, Кира… — Аннака приподняла свою чашку и с удовольствием понюхала клубящийся над ней пар, — моя ученица великолепно готовит чай…

Кирочка нерешительно взялась за тонкую ручку чашки.

— Расслабьтесь, — улыбнулась колдунья и первая пригубила напиток, — Вкус может показаться вам странным, но это потому, что вы наверняка никогда не пробовали отвара семьтайн-травы…

— Какой-какой травы? — насторожилась Кирочка.

Аннака сделала ещё один глоток, загадочно улыбнулась и ничего не ответила. Кроме чайного сервиза Тара принесла несколько длинноногих вазочек с мелким ванильным печеньем и сушёными экзотическими фруктами. Хозяйка взяла угощение и положила его на край своего блюдца, вероятно, только для того, чтобы Кирочка тоже не стеснялась брать. Предметы чайного сервиза были удивительно лёгкими, звонкими — изысканной тонкой тёмной штриховкой на них была нанесена роспись — летящие птицы. Они взмывали над паутинкой безлиственных деревьев в белое фарфоровое небо.

Аннака пила отвар мелкими глотками, после каждого чинно опуская чашечку на блюдце. Момент казался подходящим для доверительной дружеской беседы. Кирочку давным-давно уже терзало любопытство, и она решилась-таки спросить:

— Расскажите, пожалуйста, каким образом вам, колдунам и ведьмам, удаётся скрывать от людей то, что вы живёте так долго?

— В этом и нет ничего сложного, — ответила Аннака, если и удивившись вопросу, то совершенно не подав вида, — Когда нам по человеческим меркам приходит время умирать, мы просто инсценируем смерть и потом находим себе новую личность, более молодую.

— Личность?! — переспросила Кирочка с тревогой, — Вы что, в кого-то вселяетесь?

— Упаси Источник! — успокоительно рассмеялась Аннака, — Мы обычно подыскиваем несчастную жертву обстоятельств: безвременно погибшего молодого человека, подростка или ребёнка, чью смерть ещё не успели констатировать и запротоколировать медики или криминалисты. Мы просто занимаем место такого человека. Формально. По документам.

— А как же внешность? — Спросила Кирочка, — Вы подыскиваете похожих людей?

— Это идеальный вариант, но очень большая редкость… Обычно всё-таки всегда приходится что-то корректировать.

— Если не секрет, где тогда настоящая Аннака Кравиц?

— Она утонула в пруду в возрасте одиннадцати лет.

— А её родители? Ведь они могли догадаться, что с их дочерью что-то не так?

— То было не первое моё перевоплощение… — Аннака подлила в чашечку из чайника с длинным грациозно изогнутым как лебединая шея носиком, — Я всё предусмотрела. Сначала, когда спасатели выловили меня из воды и оживили с помощью искусственного дыхания и непрямого массажа сердца, я сделала вид, что мой мозг повреждён из-за длительного кислородного голодания — поэтому я многого не помню. А потом я постепенно изучила всю жизнь Аннаки. Догадалась, какие у неё были любимые куклы, с кем

она дружила и как училась в школе. С тех пор я — это она. Уже больше двадцати лет.

— Как же вы притворились мёртвой? — удивилась Кирочка.

Аннака снисходительно улыбнулась.

— Этот трюк — один из самых простых. Останавливать обмен веществ в теле на непродолжительное время умеют даже слабенькие колдуны, — пояснила она.

— Как же они потом оживают?

— Силой воли возвращают своё сознание в тело через теменную чакру. Ничего сложного.

Кирочка сидела, не притрагиваясь ни к чаю, ни к угощениям, и рассеянно хлопала глазами. Аннака Кравиц взяла из вазочки белоснежный кубик сушёного кокоса и грациозно поднесла к губам. Яркие, сочные они не менее грациозно приоткрылись…

— Есть у вас настоящее имя? — спросила Кирочка.

— Было когда-то… — ведьма задумчиво отодвинула от себя чашку с блюдцем; Кирочка смотрела ей в лицо не отрываясь, в нём теплились удивительные живые неразличимые краски; по тихому перезвону — будто в комнату внесли несколько маленьких колокольчиков, Кирочка догадалась, что расторопная и незаметная Тара убирает посуду. — Но я уже не помню его.

— Такие платья… как у вас… Сейчас такие совсем не носят. Только если в кино или на какие-нибудь торжественные случаи. Вы прямо как королевская фрейлина…

— Знаю. Мне больше по душе мода моей юности. Я не надеваю подобные наряды на люди, вы понимаете, но дома… Почему бы и нет?

Прошуршав пышными юбками, хозяйка встала и лёгким жестом предложила гостье следовать за собой. Кирочка была почти на две головы выше Аннаки, но идя за нею сквозь анфиладу комнат, она почти забыла об этом — с таким поистине царственным величием несла колдунья свою маленькую точёную фигурку. Шла она достаточно быстро, но при этом её походка не была семенящей, как у многих невысоких женщин, Аннака будто плыла, плавность её движений подчёркивала роскошная тяжёлая юбка-колокол, сзади материя платья шлейфом текла за колдуньей по полу. Кирочка теперь понимала, почему Крайст не выдержал и всё-таки влюбился в эту женщину; отчасти она даже разделяла его чувства, упираясь взглядом в белую спину Аннаки, в её тонко вырезанные лопатки и позвоночник, Кирочкно восхищение было почти таким же горячим, тревожным, сладостным, как любовь.

В одной из комнат — при виде этого Кирочка пришла в ужас — сидел прикованный к батарее наручниками очень худой лохматый давно небритый мужчина лет тридцати пяти; на нём была несвежая белая пижама в голубую полоску, он болезненно, изможденно дремал, изредка подёргивая тощими конечностями.

— Аннака, что это?! — спросила Кира, остановившись.

— Маньяк. Вы только не волнуйтесь, с порядочными людьми я так не поступаю, — могущественная ведьма доброжелательно улыбнулась гостье и вполголоса пояснила, — он насиловал и убивал девушек.

— И зачем он вам? — удивилась Кирочка, с опаской и недоверием оглядываясь на маньяка, являющего собою теперь столь жалкое, достойное не страха, а сочувствия, зрелище.

Разбуженный шагами, он вздрогнул, вскинул грязную косматую голову и жалобно протянул:

— Пииить…

— Я попытаюсь вылечить его, а потом выдам правоохранительным органам.

— Вылечить? Как… разве это болезнь?

— В некотором роде. В каждом таком человеке живёт Зверь, и вылечить — значит убить этого Зверя. Видите ли, Кира, ни один человек по своей природе не убийца; всякий маньяк не нормален, даже если он здоров по всем меркам врачей-психиатров, имеет высокий уровень интеллекта и устойчивую нервную систему. Его сознанием владеет Зверь — некая нематериальная сущность, призывающая к убийству. Это может быть всё, что угодно: женоненавистничество, затаённая детская обида, религиозный фанатизм, идея расизма, фашизма, или — мир воистину непредсказуем! — элементарное раздражение при виде алого лака на ногтях, бывает и такое. Маньяки всегда совершают свои чудовищные деяния за идею. Убить Зверя — значит вычленить и уничтожить эту нездоровую, патологическую идею, несущую смерть. Тогда маньяк снова станет нормальным человеком.

— Вы делаете добро! — восхищённо воскликнула Кирочка. — Получается, вы светлый маг…

Аннака мягко улыбнулась и покачала головой.

— Не бывает светлых и тёмных магов. Точно так же, как не бывает добрых и злых людей. Просто каждый из нас выбирает, как использовать свою Силу. Любой маг, равно как и любой человек, не однозначен. Вспомните, хотя бы, общину Детей Священного Солнца. Думаете, им есть дело до сотворённого мною добра? Они с твердокаменной убеждённостью считают меня злой ведьмой, чуть ли не кровопийцей…

— Зачем же вы так делали, ну похищали этих их… длинноволосых? — нерешительно поинтересовалась Кирочка.

— Для прикола, — в изумрудных глазах Аннаки запрыгали лукавинки, — зачем же ещё?

— Но… но ведь их же это так… травмировало…

— Отношение к любому событию человек формирует сам, и это их вина, что они так болезненно реагируют на пустяки, — сказала колдунья.

В её словах Кирочка как будто услышала Крайста — ведь совсем недавно он говорил ей почти то же самое, объясняя, почему именно он считает необходимым подтрунивать над нею…

— Избыточная серьёзность в восприятии чего-либо неизбежно делает людей ограниченными, — продолжала Аннака, — они во всём начинают видеть только отражение того, что полагают сверхценностью…

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Кирочка, ей тотчас вспомнился несчастный длинноволосый старик, — Они там все просто больные на голову. Носятся, как курица с яйцом, со этой своей непорочностью. Фанатизм никогда ни к чему хорошему не приводит…

Хозяйка и гостья оказались в небольшой пустой комнате без окон. Все четыре стены завешаны были тяжёлой чёрной тканью. На первый взгляд это помещение напоминало фотостудию, но ни прожекторов, ни штативов, ни вентиляторов нигде не было видно.

— Добро пожаловать в мой рабочий кабинет, — сказала Аннака, — Здесь я обычно упражняюсь.

Кирочка огляделась. Люстра под потолком — единственная в комнате вещь — кичливо сверкала радужными гранями бесчисленных хрустальных подвесок. На фоне чёрных стен она была словно бриллиант в подарочной бархатной коробке.

— Нам нужна постель! — скомандовала Аннака, хлопнув в ладоши.

И тут же, повинуясь её голосу, из другой комнаты приплыл по воздуху словно гордый крейсер, а потом, повернувшись на бок, ловко пролез в дверной проём раздвижной диван

внушительных размеров. Он опустился на пол в центре комнаты и с готовностью разложился.

— Зеркала! — снова скомандовала Аннака, и они тоже, снявшись со своих постоянных мест в ванной, в кухне, в спальне, в гостиной и в коридоре, не толкаясь в дверях и не создавая толпы, друг за другом неторопливо влетели в комнату.

Влетев, они выстроились правильным пятиугольником вокруг дивана и остались неподвижно висеть в воздухе.

— …И что теперь? — спросила поражённая Кирочка.

— Ложитесь спать, вот что, — улыбнулась колдунья, — Погода сама что ни на есть сонная, не так ли?

Она откинула одеяло, которое успело прилететь откуда-то крупной белой птицей, и первая уютно устроилась на разложенном диване.

Кирочка, с сомнением поглядывая на зеркала, вслед за хозяйкой робко прилегла на свой краешек ложа. Ощутив ласковое прикосновение подушки, она сразу почувствовала усталость. Захотелось спать. Она прикрыла глаза, и мысли, завертевшись воронкой, стали сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее опускаться куда-то в тёмную тихую глубину. Путаясь и задевая друг друга, они летели точно крупные хлопья мокрого снега и таяли… таяли…

Кирочка уснула.

3

Билл Крайст знал, конечно, что он легко нравится женщинам, но никогда сознательно не пользовался этим, напротив, иногда даже он старался оберегать особо чувствительных особ от своего непреодолимого обаяния, словно назло или в насмешку дарованного ему, загнанному судьбой в жёсткие рамки Правила Одной Ночи.

Билл совершенно не хотел быть роковым красавцем, он старательно избегал определённых увлекающихся женских психотипов, а так же ситуаций, повышающих вероятность возникновения скороспелых привязанностей; Билл постоянно думал как следует себя вести, чтобы его короткие нашествия на благодатные поля призывно протянутых к нему женских рук обходились без жертв, но все усилия его обычно шли прахом — хрупкие сердца разбивались столь обильно и звонко, как в экранных мелодраматических скандалах — дорогая фарфоровая посуда.

И сейчас, конечно, он никак не мог знать, что обыкновенная поездка в троллейбусе может положить начало большой любовной драме. Служебная машина была помята ощутимо; отбуксировав её в авторемонтную мастерскую, Билл немного погрустил о том, что на некоторое время придётся смириться с утреней суетой общественного городского транспорта.

В продолжение недели он несколько раз встретился в троллейбусе с одной и той же кондукторшей. Во время поездки в час пик, стоя в толчее, Билл расстегнул портфель, чтобы достать бумажник, и выронил несколько папок. Кондукторша оказалась настолько любезной, что подняла их, обтёрла от грязи об свой замызганный красный жилет, вручила Биллу, суетливо и мило разулыбавшись, а потом даже поблагодарила за протянутую им плату за проезд, которая, в общем-то, благодарности не стоила.

Билл разглядел девушку. Она была совсем молоденькая — лет восемнадцати, низенькая — едва доставала Крайсту до плеча, и очень некрасивая. Маленькие глазки. Горбатый нос. Вздёрнутая верхняя губка, из-под которой как у зайца торчали два крупных передних зуба.

Но Биллу девушка нечаянно понравилась. В ней было что-то чудесное, завораживающее. Внешняя некрасивость компенсировалась мягким светом, идущим изнутри, и казалась скорее забавной, нежели отталкивающей.

Получив из рук «зайчика» проездной билет, он привычно сложил в уме сначала четыре первых, а затем четыре последних цифры его номера; с детства Билл таким способом проверял билеты на «счастливость», эта наивная привычка его не раздражала, и потому он не стремился от неё избавиться.

— Ну что, счастливый? — тихо спросила маленькая кондукторша.

Поразившись её догадливости, Билл взглянул на девушку.

— Нет, билет неудачника, — ответил он.

— Ой, а как это… Я даже не знаю такого… Хоть и кондуктор… — смешливо пролепетала она, — научите меня.

— Всё просто, «счастливый билет» это когда суммы четырёх первых и четырёх последних цифр номера равны, а «билет неудачника» — когда они отличаются на единицу.

— Почему? Откуда вы это знаете?

— Сам придумал, — улыбнулся Билл, — согласитесь, всегда обиднее проигрывать, находясь на волоске от победы.

Девушка почувствовала себя неудобно от того, что так долго разговаривает с пассажиром и задерживает остальных; она спрятала взгляд и продолжила пробиваться сквозь толпу, проверяя проездные карточки электронным щупом и выдавая билеты.

Билл не мог понять, чем именно этот «зайчик» так его привлёк. Он видел её в троллейбусе ещё несколько раз, и тогда они уже обменивались улыбками как старые знакомые; в квартале, где он жил, у Билла полным-полно было разных продавщиц, официанток, кассирш и билетёрш, которые регулярно одаривали его невинным кокетством или мелкими дружескими услугами; он не видел совершенно ничего плохого в том, чтобы у него появилась ещё и знакомая кондукторша…

«Зайчик» перманентно волновался и особенно медлил, протягивая Биллу билет; он запомнил в подробностях эти маленькие руки с трогательно обгрызенными ногтями, покрытыми сильно облупившимся красным лаком. Когда маленькая кондукторша, заметив его, спешно пробивалась сквозь толпу с радостной приветливой улыбкой на узком некрасивом личике, в груди у Билла разливалась непрошеная хмельная теплота; рано или поздно это должно было произойти — он не удержался, склонился, шепнул ей, не ведая с каким опасным огнём вздумал играть:

— Захочешь погулять или выпить где-нибудь по чашечке чая, звони.

Билл достал из кармана и протянул «зайчику» визитку.

Девчушка опустила глаза и покраснела, но — это было заметно — очень обрадовалась. Она тут же сцапала предложенную визитку и бережно спрятала её за пазуху.

4

Кирочку разбудило охватившее её безосновательное тревожное чувство. Она открыла глаза и увидела, что Аннака стоит напротив одного из зеркал, перед которым клубится знакомый зловещий серебристый дымок. Потом, остановив взгляд на лице колдуньи, неотрывно глядящей в это зеркало, она испугалась по-настоящему. Кирочка инстинктивно подалась назад, порывисто сгребла руками одеяло, точно собиралась заслониться им как щитом.

Никогда прежде она не наблюдала проявленной силы столь могущественной ведьмы.

Глаза Аннаки как будто стали в несколько раз больше и ярко светились, словно две лампочки изумрудного цвета. Навстречу колдунье из зеркала неторопливо тянулась страшная призрачная рука. Аннака резко бросилась вперёд, схватила таинственную руку за запястье и с необыкновенной быстротой намотав на свою, выдернула её из зеркала.

Рука извернулась, высвободилась, и, извиваясь как червь, покатилась по полу. Аннака дунула на неё. До Кирочке долетел лёгкий всплеск тёплого воздуха. Рука перестала катиться, замерла, внезапно отвердев, остекленев — она стала как ледяная — и вдруг рассыпалась на тысячи мелких бледно-голубых переливающихся кристаллов.

Аннака дунула снова. Кристаллы начали разлетаться в разные стороны, постепенно растворяясь в воздухе. Это было очень красиво. Они сверкали и таяли как искры от костра или снег, кружащийся в столбе фонарного света…

Зеленоглазая красавица-ведьма неспешно прошлась по кругу, внимательно заглянув в каждое зеркало, затем повернулась к Кирочке: изумрудное сияние в её глазах медленно погасло, как монитор ноутбука при переходе в ждущий режим — Аннака снова превращалась в обыкновенную женщину. Она дружелюбно улыбнулась своей гостье.

— Как вы себя чувствуете?..

— Впечатляет… — выдохнула потрясённая Кира.

— Это ещё что! В прежние времена поединки магов были явлением чуть ли не обыденным. Схватка Великих Магистров — вот это я понимаю… Зрелище.

— Для чего им нужно было драться?

— В большинстве случаев таким образом определялось, у кого больше Сила… А нынче маги поумнели. Или просто стали трусоваты. Поединков почти не случается… Даже скучно иногда. В прошлом году, правда, я побила Магистра Голубой Грозы, задиристую истеричку, выскочку, и теперь она ждёт случая взять реванш…

Кирочка уже совсем оправилась от испуга и проявляла любопытство:

— Аннака, известно ли вам кто сейчас самый сильный маг?

— Магистр Белой Луны, кажется, в миру Роберто Друбенс… Уверенности нет. Он никогда ни с кем не боролся. Но, это известно доподлинно, Друбенс — самый старший…

— Сила зависит от возраста?

— Естественно. Если она есть, то она пробуждается в период полового созревания; причём мощь первого проявления, первой вспышки — это так называемое Ядро, нулевой уровень, минимум для конкретного мага; чем больше Ядро, тем могущественнее маг. В последствие с годами Сила только увеличивается, постепенно, по мере накопления магического опыта, и к возрасту зрелости становится в десятки раз больше изначальной…

5

У Билла не было никаких определённых намерений относительно маленькой кондукторши. Он проникся к ней чисто человеческой симпатией и сначала вовсе не воспринимал это забавное существо как женщину. Не желая навязываться, Билл оставил ей визитку — пусть звонит сама, если захочет. Однако, в том, что она позвонит, он почему-то не сомневался. Так и случилось.

Решено было погулять в лесопарке на окраине Города; среди яркой, насквозь пронизанной солнечными лучами и оттого как будто светящейся изнутри листвы, в обрамлении более тёмной тенистой малахитовой зелени трав, в тонких сетях качающихся на ветру теней древесных крон, Биллу удалось получше разглядеть девушку, изъятую из бестолковой автобусной толчеи — и теперь она не казалась ему такой уж некрасивой.

Заметно было, что маленькая кондукторша постаралась одеться как можно лучше, и Билла это растрогало. Фигурою своей она напоминала амфору — тяжёлый низ, облегчённый верх — в ней удивительным образом сочетались женственная грузность бёдер и детская хрупкость плеч. Ноги у неё были несколько коротковаты, и она ещё усилила это впечатление модными джинсами с заниженной талией. Плоский узкий животик с пупком-капелькой, однако, был очень мил. «Русалочий хвост» — подумалось Биллу обо всём этом, о голубой облегающей джинсе, о талии… Грудь же у «зайчика» практически отсутствовала. Глубокий вырез бледно-розовой маечки открывал ключицы, торчащие остро и жалко. Выпавшие из причёски пряди русых волос ручейками сбегали вдоль тонкой исключительно длинной шейки.

Девушка опять покраснела, вся, даже уши, бархатистые, немного оттопыренные, и Билл, решив, что разглядывает её слишком уж грубо, отвёл взгляд. Он по-прежнему не находил в своём внимании к «зайчику» ничего эротического; мысль, что это знакомство может стать очередным любовным приключением, ещё ни разу не посетила его.

Гуляя по лесу, они исследовали добрую сотню запутанных тропинок, вытоптанных такими же туристами выходного дня; после двухчасового плутания, когда оба уже успели подумать, что заблудились, им ярко улыбнулась из-за редеющих сосен широкая светлая вырубка. Она тянулась сквозь лесопарк словно пробор в волосах, и на ней высились, втыкаясь в небо, стройные ажурные башни высоковольтной линии.

— Смотри-ка, провода… Теперь мы точно не потеряемся. Уж куда-нибудь они выведут нас. — С улыбкой ободрил Билл свою спутницу.

Линии тянулись в даль насколько хватало глаз, кое-где под ними поднимался молодой лес — тоненькие берёзки, сосенки, осинки, в которых не было и трети роста могучих башен. В этой юной роще по мягкой траве бежала тропинка — колея проехавшего когда-то здесь многотонного грузовика. Рядом тянулась и вторая такая же колея, только гораздо сильнее заросшая.

— Ты любишь гулять под проводами? Я с детства любил…

Билл посмотрел наверх. Над ним простирались линии электропередач — чёткие карандашные штрихи на голубом листе небосвода. Как бисер нанизаны были на провода вблизи вышек фарфоровые и стеклянные диски изоляции.

— Почему ты так любишь провода? — удивилась маленькая кондукторша, — я их не люблю, мне всё время вспоминается троллейбус. И ещё так жалко те деревья, что под проводами, до слёз жалко, им ведь не суждено вырасти, их безжалостно спилят, чтобы они не повредили ЛЭП, а они всё равно растут…

— Да. Это, пожалуй, действительно грустно. С другой стороны… Так мир устроен. Мы все в каком-то смысле — лес под проводами. И когда мы его видим, то просто вспоминаем об этом.

Билл сделал несколько шагов вперёд и посмотрел наверх. Он стоял под самой линией, тонкие чёрточки проводов пересекали бледно-голубое небо. Ветер провёл по лбу Билла наискосок словно кистью прядью его чёлки.

— Глядя на провода, как никогда ощущаешь бесконечность пути. Они тянутся и тянутся… Чёрт знает куда…

По лицу Билла неуловимо проскользнула тень нездешней печальной задумчивости. Провода чуть слышно гудели, грациозно покачиваясь на лёгком ветру. Билл какое-то время стоял с поднятой головой, рассеянно любуясь ими, а потом, спохватившись, так же

неожиданно, как и ушёл туда, вернулся из непостижимой зыбкой страны мыслей обратно на землю, к девушке.

Опрокинув личико, она смотрела на него. С благоговением. Некоторое время назад Билл начал замечать, что его спутница как будто немного напряжена, словно ждёт чего-то. А теперь он понял. Глядя на провода, Билл спонтанно обрёл небывалую ясность реальности. Мир вокруг точно предстал перед ним с углублённой резкостью, с усиленной цветностью — озарение снизошло… Он ведь понравился этой девушке… Не просто, а именно крупными буквами, жирным шрифтом, курсивом: понравился. И ждала она от него вовсе не милой приятельской болтовни, а именно мужского внимания, нежности, может быть, даже страсти…

Биллу стало до боли жаль, что он искал и не находил в себе по отношению к ней ничего, кроме бережного умиления. Было такое чувство, нежная тёплая тоска, как осень, горчинка зависти, почти неощутимая, так атеисту, наверное, бывает жаль иногда, что он не может поверить в Бога…

Билл смотрел и видел отчаянное желание этого маленького смешного существа, троллейбусной кондукторши с кроличьими зубами, быть в его глазах Женщиной — прекрасной и вожделенной. Искушение было непреодолимым. Каждому человеку, наверное, хоть раз в жизни хотелось побыть волшебником, самым могущественным из всех — исполнителем желаний… Волшебником, который может неожиданно достать из расшитого рукава или из шляпы что угодно — голубя, платок, розу… Достать и отдать восхищённой девочке с горящими глазами, и услышать её восторженное — ах!.. Билл чувствовал, что ему выпал шанс сотворить волшебство; глядя в обращённое к нему распахнутое, ищущее, алчущее личико маленькой кондукторши он начинал осознавать своё всемогущество, крепче срастаться с ним; для того, чтобы совершить Чудо, сейчас ему достаточно было просто протянуть руку…

Но он должен был предупредить её. Так же, как предупреждал всех остальных девушек — найдя самые понятные и деликатные слова, объявить ей, что рассчитывать она может только на одну единственную ночь… За всё время своей службы Билл ни разу не уходил по-английски, не сбегал из отеля рано утром, пока жертва его полуночной жатвы спала… Он был безукоризненно честен с женщинами и всегда говорил им заранее, чем всё закончится.

Предупредить маленькую кондукторшу…

Билл представил себе, как изменится тогда выражение узкого некрасивого личика, как резко оно погаснет, поблёкнет, отвернётся от него, как ссутулятся хрупкие плечики, как она будет брести по тропинкам лесопарка к автобусной станции рядом, но уже бесконечно далеко; он понял уже, что девушка ещё слишком юна для коротких приключений, вероятно, она даже невинна, и в ней живёт ещё самое большое и самое напрасное женское ожидание — ожидание всепоглощающей великой идеальной любви…

Она шла чуть впереди, опустив голову, наверное, уже перестав надеяться. Билл клял себя за то, что вообще пришёл сюда с нею. «Не нужно было трогать этот цветок, не нужно было срывать его, остолоп, если у тебя даже нет вазы, не стоило тревожить своей смазливой рожей эти чистые мечты…»

Он нагнал маленькую кондукторшу и взял её за руку. Особым, нежным, овладевающим захватом. Девушка почти испуганно взглянула вверх — его синие глаза обещали ей рай — и она замерла изумлённая нежданным счастьем, раскрасневшаяся, растерянная.

Чудо может существовать только один миг. В этом его бессмысленность и его прелесть.

Билл осознавал, что поступает безответственно, отвратительно, подло, гнусно, ряд можно ещё продолжать, но он творил волшебство, и это его оправдывало. Бледненькое личико маленькой кондукторши засияло, трепетно, нежно, словно бумажный фонарик, внутри которого зажгли лампаду, а её неказистые богатства предстали в новом качестве: гордо выпрямилась спинка, робко обозначились под маечкой острые холмики грудей…

Билл провёл ладонью по мягкой щеке девушки, по подбородку, склонился и бережно поцеловал разомкнутые губки. Она тотчас храбро закинула руки ему на шею и ответила неумело, но с неожиданной страстью. Билл обнимал её, медленно перебирая пальцами крупные бусины позвоночника, и, почти задыхаясь от неистового натиска её горячего шершавого языка, внимал тому, как плавила его изнутри жалость, слёзная, стыдная, неуместная, но столь же неудержимая, как и её желание.

Прервав поцелуй, Билл снова заглянул в лицо девушки; в нём как будто что-то изменилось — небольшая тучка закрыла солнце; она сомневалась, она думала, в тайных глубинах своего сознания она делала какой-то важный неведомый Биллу выбор… В этот момент ему показалось, что он вот-вот расплачется от умиления. Чтобы отвлечься, он снова принялся целовать маленькую кондукторшу, но уже спокойнее, по-дружески — лоб, виски, уши; Билл ощущал идущий от кожи девушки слабый детский, пронзительно невинный запах, то ли жевательной резинки, то ли фруктовой карамели…

— Не всё сразу, малыш… — сказал он тихо-тихо, склонившись к ней, — мы подождём…

Ни разу в жизни ему не приходилось давать обещаний, которые он заведомо не собирался исполнять. Билл с детства осуждал подобное поведение. Но в сложившейся ситуации он просто не мог поступить иначе. А самое обидное — ни сейчас, ни после, Билл это ясно понимал, он не сумеет всё достаточно аккуратно и толково объяснить этой милой некрасивой девочке, и она будет думать, что просто не понравилась, в очередной раз не понравилась высокому синеглазому парню… Она будет мучительно перебирать возможные причины, почему он не позвонил ей, неудачно ли она оделась или говорила на первом свидании не те слова, которые нужно… Бедняжка.

Билл проводил девушку до дома.

«Чудо получилось. Пусть всего несколько мгновений, но ты всё-таки была счастлива…» — подумал он себе в утешение, прощаясь с нею возле подъезда. «…когда целовала меня, так смело и жадно, позволив себе поверить в то, что я тебе принадлежу, тебе одной, искренне, всецело и навсегда…»

Мысленно желая маленькой кондукторше всего самого хорошего, Билл подождал, пока за нею закроется тяжёлая металлическая дверь.

6

— Вы спасли мне жизнь, Аннака, даже не знаю, как благодарить вас…

— Никогда нарочно не думайте о благодарности, Кира, это совсем не то, что следует выдавливать из себя. Однажды, возможно, и мне понадобится ваша помощь… А, возможно, и нет. Подлинно бескорыстный человек знает, что делать добро не трудно, потому он никогда не чувствует себя неуютно в обществе тех, кто ему помог. Выпьете со мной ещё по чашечке чая?

Кирочка вежливо отказалась:

— Нет, спасибо. Теперь мне нужно идти, я получила сообщение от Кра… — она опомнилась слишком поздно; Аннака Кравиц прикоснулась пальцами к вискам, и, досадливо

сморщившись, медленно опустилась в ближайшее кресло.

— О, первозданный Хаос!

— Ой… Извините, пожалуйста! — Кирочка бросилась к сидящей колдунье, раскинув руки, будто собиралась обнять Аннаку, в её широко открытых глазах металось испуганное раскаяние. Она сделала это безотчётно, повинуясь мгновенному чувственному порыву — девушка ощутила жгучий стыд за свою рассеянность, а вслед за ним острое желание искупить вину, утешить свою избавительницу, как-нибудь помочь ей…

— Вам принести воды? — спросила она сочувственно, склонившись над сидящей Аннакой.

— Не беспокойтесь, ничего страшного… Сейчас само пройдёт, — ответила ведьма, ритмично растирая виски.

«Вот ведь Крайст… ну даёт… — промелькнуло в сознании Кирочки, — …умудряется наделать гадостей одним фактом своего существования…»

Эта мысль слегка позабавила её. Будет чем при случае его подколоть.

Кирочка налила Аннаке воды из графина. Ведьма взяла у неё из рук стакан и откинулась в кресле.

— Позвольте мне… я… — Кира встала за спинкой кресла и положила руку на лоб Магистра Песчаной Розы.

Могущественная колдунья очень удивилась — прежде ни у кого не хватало смелости на такое решительное физическое сближение — все знают, что маги не слишком любят чужую инициативу в таких вещах. Однако, Кирочкину руку Аннака не отняла — прикосновения длинных прохладных пальцев были приятны ей, от них становилось легче. Головная боль отступала, таяла…

— Отчего это у вас? — спросила Кирочка тихо, — …если не хотите рассказывать, можете не отвечать. Но мне очень интересно. У мужчин-колдунов тоже так?

— Нет, — проговорила Аннака, проглотив воду, — у них всё наоборот. Они от любовных приключений только набирают силу…

— Почему?

— У разнополых магов по-разному устроены энергетические системы. В каждом женском существе заложена мощная сила, направленная на зачатие, на созидание, на продолжение жизни. Женщина — и тело её, и разум — плодородная земля, ложась в которую, прорастают семена, в этом и сила её и слабость, незасеянная пашня не способна дать всходов, женщина пассивна по своей сути, и, следовательно, несвободна. Колдовство же — начало активное. Природа колдовства — изначальный Хаос, сопротивляющийся установлению всякого порядка, всякому созиданию; Великий Хаос — есть абсолютная свобода — в его основе лежит стремление к разрушению. Поэтому внутренний Хаос ведьмы и её женственность всегда находится в антагонизме. Сила колдуньи возрастает постепенно в течение всей жизни, но частые влюблённости могут истощать её. С колдуном-мужчиной происходит прямо противоположное: он рывком становится сильнее, когда исполняется его любовное желание. У колдуна-мужчины сила растёт скачками, каждая новая разбуженная взаимность женщины — это капля силы; так происходит потому, что у любви мужской и женской тоже очень разная природа: женское начало стремится связать себя, соединившись с объектом своей страсти, отождествить себя с ним, раствориться в нём как малое в большем; для женщины любовь — полная капитуляция, для мужчины же, напротив, любовь — победа, триумф, утверждение своей самости…

— Прошло? — спросила Кирочка, осторожно убирая руку со лба колдуньи.

— Более-менее, — Аннака благодарно кивнула, — у вас прекрасные руки, Кира, лучше холодного компресса…

Хозяйка поднялась, чтобы проводить девушку до дверей. По широкому сумрачному коридору, заставленному массивной старинной мебелью, таинственно прошуршало её шикарное платье. Кирочка шла следом, любуясь нежным сиянием атласной материи, окаймлённой пышным кружевом, длинная юбка ползла по паркету за Аннакой словно пенистая волна, отхлынувшая с песчаного берега.

— Не стесняйтесь обращаться ко мне, если вам снова понадобится помощь, — сказала колдунья на прощание.

глава 11. Жрица богини Прорвы

1

Завершался Большой Парад, уже четвёртый в жизни Кирочки и Аль-Мары. Генерал Росс стоял перед ровным строем курсантов-выпускников; небесно-голубые глаза его светились подобно глазам земледельца, собравшего большой урожай, нашедшего удовлетворение в результатах своего труда. Во взгляде этих глаз были и тихая радость, и гордость, и новые надежды.

— Позвольте мне немного побыть банальным, сказать то, что говорилось уже несчётное количество раз и будет повторяться впредь. Сегодня очень важный день для всех нас, — генерал говорил, и вокруг стояла такая тишина, что был слышен шелест травы, молодых деревьев и дыхание стоящих рядом, где-то далеко-далеко, вероятно, на одной из загородных сельскохозяйственных баз замычала корова, и лишь этот единственный звук осмелился нарушить торжественную тишину, — сегодня ряды Особого Подразделения пополнят молодые офицеры, прошедшие курс обучения и успешно сдавшие выпускные экзамены. От всего сердца я хочу поздравить их с хорошим началом, а нас, опытных офицеров, преподавателей, ветеранов, с тем, что снова нашлись самоотверженные люди, выбравшие эту непростую службу и готовые достойно продолжать наше дело.

После того, как генерал произнёс напутственную речь, ему поднесли обитую серым бархатом шкатулку — началась самая праздничная и волнительная часть церемонии: выпускники подходили к генералу по очереди и получали из его больших добрых рук свои новые погоны с первой лейтенантской звёздочкой.

Каждый выпускник поворачивался к строю и приносил торжественную клятву:

— Отныне я сопричастен Тайне и обязуюсь защищать Её всеми доступными мне способами, жертвовать во имя Её сохранности всем, чем располагаю, быть справедливым и объективным в максимально возможной степени; я клянусь исполнять поручение, данное мне Вселенной, с глубокой самоотдачей, не ожидая награды, не желая себе ни материальных, ни духовных, ни чувственных благ. Отныне и впредь моей единственной целью будет поддержание гармонии в окружающем меня мире, а единственной моей радостью — гармония в собственной душе.

Кирочка чувствовала, как колотится её сердце. Все смотрели на неё — несколько сотен глаз — когда генерал положил в её раскрытую ладошку заслуженный знак почёта — два серо-розовых лепестка, на каждом из которых, точно капелька света, сверкала маленькая серебряная звезда.

Билл Крайст находился достаточно далеко, в своём строю, но Кирочка знала, что он тоже смотрит в этот момент на неё; как никак, именно ему она обязана тем, что сейчас имеет возможность стоять здесь, благодарно глядеть в яркие ясные глаза генерала Росса и с гордостью ощущать на своей ладони почти незаметную, но необыкновенно важную ценную волнующую тяжесть Поручения… Вселенная за спиной Кирочки была огромной, теперь как никогда она чувствовала себя одним из её малюсеньких отростков, корешков; она как будто видела себя со стороны — центром спирали, осью вихря, точкой в четырёхмерном пространстве, вокруг которой всё развёртывается и закручивается — в ней зарождалось величественное осознание собственной ежесекундной причастности к каждому процессу в

мире, пусть даже происходящему в недрах неизмеримо далёкой звезды…

— Это твой мир, сумей защитить его, — сказал генерал тихо-тихо, — это было похоже на личное напутствие, предназначенное именно Кирочке, хотя, возможно, он говорил нечто подобное и другим, но так, чтобы каждый принял сказанное глубоко в сердце.

Одарив выпускников первыми погонами, генерал Росс произнёс традиционную речь о важности поддержания духовной независимости и соблюдения Правил; о мужестве тех, кто прожил всю свою жизнь, ни разу не нарушив ни одно из них, как обычно, он упомянул героя, полковника Санта-Ремо, чьё имя было известно всем в Особом Подразделении как пример безукоризненной службы.

— Чуть не забыл, — добавил генерал в конце, снабдив свои слова уже совершенно неофициальной улыбкой, — настоящий подвиг совершил куратор вступивших в наши ряды сегодня молодых офицеров; на протяжении всего периода обучения он терпеливо и щедро делился с ними своим опытом и знаниями, помогал в трудных ситуациях; это, я думаю, должно быть достойно вознаграждено, лейтенант Крайст…

Билл сделал шаг вперёд, вытянулся, и генерал, сказав несколько тихих слов благодарности будто бы наедине перед всем строем, вручил ему, как и выпускникам, пару новых погон, на каждом из которых, поймав солнечный свет, заискрились три маленькие звёздочки.

2

Теперь Кирочка независимо и гордо разъезжала по улицам на чёрном служебном автомобиле со спутниковым навигатором и всякими разными приспособлениями для обнаружения нарушителей Магического Кодекса. Она уже чувствовала себя видавшим виды офицером Особого Подразделения, и ей не терпелось приступить к самостоятельному выполнению какого-нибудь опасного задания. Каждое утро она садилась за руль с надеждой, что именно сегодня одна из лампочек на приборной панели начнёт тревожно мигать — превышение допустимого уровня активности! — и ей нужно будет мчаться на место происшествия.

Лето догорало большим костром. Каждый вечер оранжевое солнце падало в залив, превращая воду в расплавленное золото. До темноты во влажном вязком воздухе трепыхался пьяный смех посетителей открытых летних кафе на побережье, дымились мангалы, распространяя густой пряный аромат шашлыка. Томительные горячие закаты таяли один за другим, как тонкие ломтики сливочного масла. Кирочка ощущала во всём теле нежную упругую тяжесть, иногда по ночам ей едва удавалось заснуть перед рассветом, чувственные грёзы одолевали её, дурманили, пьянили. «Должно быть, это и есть проявления той самой потребности, о которой говорил Крайст.» — решила Кирочка. Она стала подумывать о знакомстве с мужчиной.

— Тебе нужно отвлечься, — нахмурившись, посоветовала Аль-Мара, когда Кирочка в весьма туманных, стыдливых выражениях поделилась с нею своими ощущениями, — у меня появилось задание, но я ещё не настолько уверена в своих силах, чтобы отправиться в одиночку, да и полковник Мэрроуз советует мне взять напарника…

Аль-Мара подняла на Кирочку взгляд и, заметив в её глазах мерцающие отблески будущего восторженного согласия, продолжила:

— Поступили сведения, что за границами Города в районе озера Жум-Нэ существует незаконное тайное поселение. По некоторым данным оно насчитывает почти четыре тысячи человек. Мне поручено разобраться, что там вообще происходит, и я хочу предложить тебе в

этом поучаствовать…

— Да-да-да! — Воскликнула Кирочка, порывисто завладев запястьями подруги и пытаясь её закружить, — Самостоятельное задание! Это же просто здорово! — успев привыкнуть к человеку, Кирочка перед ним уже не стеснялась бурно проявлять эмоции.

— Ну, хватит, что ты как маленькая, радости полные штаны, — сквозь удивлённую улыбку увещевала её Аль-Мара, неохотно поддаваясь.

3

Об озере Жум-Нэ в народе ходила легенда, будто бы иногда перед восходом солнца, в тот час, когда сумрак ночи только начинает робко бледнеть, всегдашние густые туманы над озером окрашиваются в необыкновенные нежные цвета — бледно-зелёный, розовый, кремовый — но видеть эти радужные туманы суждено не всем, а лишь тем, кого ожидает в жизни небывалое счастье.

Рассказывали, будто раньше, ещё до того, как на въезд в Город и выезд из него были наложены ограничения, на берегу озера Жум-Нэ стоял роскошный отель, у которого, несмотря на не слишком удобное местоположение и чрезвычайно наглые цены, никогда не было недостатка в клиентах — туристы валили валом, особенно летом; люди, по большей части именитые и богатые, останавливались там с целью поймать то бесценное мгновение, когда обыкновенный предутренний туман начинает играть цветными переливами. Некоторые просиживали на берегу ночи напролёт, но, если верить слухам, никто радужных туманов так ни разу и не увидел. Отель на берегу озера существовал, обирая незадачливых искателей счастья, до тех пор, пока его хозяин не погиб при загадочных обстоятельствах, затем какое-то время он пустовал, а в последствии был разобран по указу губернатора Города. Озеро и несколько гектаров леса окрест, как и прочие объекты экологического надзора, обнесли сеткой-рабицей, а примерно десятилетие спустя Город был закрыт, и поток туристов «ловцов тумана» прекратился совершенно, хотя, говорят, и теперь находятся чудаки, пытающиеся всеми правдами и неправдами выбраться из Города, отыскать легендарное озеро и испросить у него своими жадными, измученными повседневной рутиной взорами, ждёт ли их ещё в этой жизни нечто несказанное, тайное, прекрасное…

Выехав около полудня Аль-Мара и Кирочка прибыли на место только после захода солнца, когда погожее небо уже начало постепенно блёкнуть, гаснуть, лесной воздух стал прохладным, влажным, и уже налилось в продолговатый ковш глубокой озёрной долины невесомое пенистое молоко тумана, подсвеченного луной.

— Нужно ставить палатку, — деловито сообщила Кирочка, заглушив мотор, — Найдём здесь на холме местечко поровнее и займёмся этим.

— Рядом с озером?

— А что такого?

— Ну, мало ли… Набредут на нас какие-нибудь нехорошие люди… В тряпичной палатке мы ведь абсолютно беззащитны… Я предлагаю углубиться в лес.

Вступив в шуршащий мутно-серый сумрак сосняка, и поймав ноздрями шелковистый ночной воздух, девушки почувствовали тот сладостный трепет, который охватывает всякое разумное существо при соприкосновении с таинством жизни нетронутой природы. То здесь, то там зажигались во мху бледно-зелёные огоньки светляков.

Удивительно, но чем дальше Кирочка и Аль-Мара углублялись в лес, уходя от светящейся белоснежной простыни озера, напоминающей облако, упавшее на землю, тем меньше они боялись. Наступающая со всех сторон живая шелестящая мгла властно и нежно

укрывала их. Верхушки сосен успокоительно шептались на ветру, мягкий пышный мох таил тысячи звуков: шорох, стрёкот, тихий хруст…

Некоторое время спустя девушки вышли на широкую тропу, усыпанную шишками и сухой прошлогодней хвоёй.

— Люди здесь наверняка есть, — вполголоса предположила Аль-Мара, — дорога заросла бы, если бы по ней никто не ходил; да и бурелома в этом лесу практически нет, значит — костры…

Аль-Мара остановилась и внимательно потянула носом воздух.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Трудно сказать… Но нетронутыми эти места точно не назовёшь.

— Откуда ты столько знаешь о лесе?

— Я выросла на природе. Наше племя сознательно противилось цивилизации, мы жили кострами, собирательством, охотой, рыбной ловлей…

— И гаданием?

— Ну… Оно никогда не приносило много, обычно на эти деньги женщины покупали себе украшения, наряды, иногда, очень редко, лакомства — племя осуждало подобное поведение, всё взятое из города считалось скверным… Разрешалось приносить только хлеб, его ели даже старейшины…

Аль-Мара углубилась в воспоминания о своём детстве. Она редко заговаривала об этом с Кирочкой, и та слушала её с большим вниманием.

Аль-Мара с ранних лет любила всё живое. Разнообразие природы изумляло её; каждый миг рождающая что-то новое, населённая несчётным множеством живых существ, планета представлялась ей единым целым, организмом, где каждая малюсенькая букашка, травинка или червячок знают своё место и свою роль… Аль-Мара любила ходить босиком. Ей тогда чудилось, будто она чувствует, как дышит под ногами земля; ощущая ступнями её мягкое щедрое тело, и слушая, как шуршат осторожно сминаемые травинки, она вплеталась, словно нить, в лёгкую и прозрачную, как паутинка на дереве, ткань летнего дня в лесу. Она ходила осторожно, словно боялась спугнуть время, отмеряемое здесь тихими шорохами листвы, бегущими узорами кружевных теней и далёкими всхлипываниями кукушки.

Лес обступал посёлок со всех сторон, и Аль-Мара никогда не боялась его. Она ловко лазила по деревьям, легко перепрыгивала рвы и канавки, различала множество грибов, ягод и трав; в лесу с нею ничего не могло случиться, лес казался ей родной стихией, здесь она была дома, он принимал её в себя, и она — звонко поющая среди ветвей маленькая девочка в простом платье — становилась его частью, такой же как любое дерево, камень или цветок.

— В далеком детстве меня едва не ужалила змея, — сказала Аль-Мара, — ты просто не представляешь, насколько удивителен наш мир, и насколько чудесные, выходящие за рамки нашего понимания вещи могут в нём происходить. Ты ведь не веришь, что можно говорить с животными?

Кирочка помотала головой.

— В тот день я встретилась с очень большой змеёй. Мне было пять, и змея была толще моей руки. Она шипела на меня, и я знала, что её яд убьёт меня мгновенно. Змея уже собиралась броситься на меня, она собралась в клубок и угрожающе подняла голову — я не делала резких движений, не пыталась бежать, наши старухи говорили, что нельзя открыто паниковать, если встретил змею — я замерла, тело моё было неподвижно, но всю невероятнейшую концентрацию воли к жизни, которая нашлась во мне тогда, я употребила

на то, чтобы мысленно сообщить змее, что я не хочу ей зла, и она может не защищаться от меня ядом… Я думала эту мысль изо всех сил, глядя, если можно так сказать, змее прямо в лицо, и, ей богу, в её холодных, похожих на гладкие камушки глазах на миг сверкнуло что-то похожее на понимание… Змея опустила голову и уползла.

— Это просто невероятно! — воскликнула Кирочка, — рассказать бы об этом учёным, которые изучают змей…

Аль-Мара печально качнула головой.

— Они будут последними, кто вникнет в суть этой истории. В лучшем случае они попытаются найти какие-нибудь объективные причины того, почему змея уползла. Что-то внешнее, вообще меня не касающееся, могло отвратить её, например… Возможно, объективные причины действительно были… Но для меня… Я чувствовала так, будто я разговаривала со змеёй, и это самое главное. Твоя жизнь — твои переживания, и больше ничего, как бы тебе ни хотелось, ты не можешь покинуть своё сознание и посмотреть на неё со стороны…

— Ой! — Аль-Мара вздрогнула и резко остановилась.

На тропинке впереди возник человек. Он неожиданно спрыгнул откуда-то сверху, оказавшись прямо на пути девушек, в нескольких шагах от них. В руках у него был меч — самый настоящий, сверкающий в лунном свете широким стальным лезвием. Сзади послышался глухой звук — будто что-то упало на землю. Кирочка резко обернулась. Оказалось, это приземлился второй странный человек у неё за спиной.

— Кто здесь? — спросил первый.

— Мы… просто… гуляем, — делая большие паузы между словами проговорила Аль-Мара, попутно подмечая детали облика ночного меченосца и стараясь по возможно определить, чего ждать от него, — У нас нет при себе наличных денег, — прибавила она на всякий случай.

— Денег? — удивлённо переспросил человек с мечом. — Мы не грабим красивых девушек. Мы витязи, а не разбойники.

— Витязи? — изумилась в свою очередь Кирочка и оглянулась.

Второй меченосец подошёл ближе, и она смогла разглядеть его в полумраке. Это оказался юноша лет девятнадцати-двадцати, широкоплечий, осанистый, в настоящей металлической кольчуге, с тёмными кудрями до плеч, выбивающимися из-под шлема. Первого витязя заслоняла от Кирочки статная фигура Аль-Мары, и она его не видела. Но, судя по голосу, это тоже был молодой парень.

— Не наши, — мрачно сказал тёмнокудрый.

— Ну и что, — отозвался второй, — зла не будет, если мы позовём их к костру. Две девушки в ночном лесу… Это не очень хорошо. Сам знаешь, разные у нас есть персонажи…

— Идёмте с нами, — миролюбиво обратился он уже к Аль-Маре, — У нас здесь неподалёку лагерь, там можно погреться у огня, отдохнуть, и выпить чего-нибудь горячего, если хотите.

У подруг давно уже урчали животы от голода, и пока они организовали бы собственный походный быт, прошло бы наверняка немало времени, а отдохнуть и перекусить хотелось немедленно — потому предложение лесных витязей было как нельзя кстати.

— Но есть одно условие… — более разговорчивый парень достал из кармана небольшой, но мощный фонарик, — при вас не должно быть никакой электроники, ни смартфонов, ни фотоаппаратов, ни камер — ничего. Снимать у нас нельзя.

— Дела… — Кирочка напряглась. «А что если они обыкновенные жулики, и сейчас просто заберут наши гаджеты и смоются.» — пронеслось у неё в голове, она очень хотела поделиться этой мыслью с Аль-Марой, но странные парни в кольчугах стояли рядом и она постеснялась шептаться с подругой.

— Мы вернём всё вам, когда вы будете уходить, — пообещал витязь.

Аль-Мара, не колеблясь, отдала юноше свой смартфон, Кирочка, пусть и не без некоторых сомнений, поступила сходным образом; она знала, что интуиция у подруги, бывшей гадалки, удивительная, и если уж она верит этим меченосцам, то, вероятно, у них действительно нет худых намерений. Кроме того, Кирочку несколько успокаивало, что её главная защита — офицерский браслет, замаскированный под наручные часы, — остаётся у неё на руке, и при необходимости она всегда сможет послать сигнал тревоги.

— Меня зовут Асан, — представился разговорчивый витязь, — А его — Эрмес, — он ткнул в своего тёмноволосого приятеля, не слишком расположенного к общению, — Вы не пугайтесь, что он молчит. Он не злая бука, просто немного недоверчив.

Эрмес едва заметно кивнул. Кирочку с самого начала необъяснимым образом потянуло к нему, и молчание этого юноши, сосредоточенное и даже немного хмурое, только подогревало её интерес.

— Я прежде никогда вас здесь не видел. Вы, наверное, из Города? — спросил Асан.

— Да. Мы слышали, что у вас тут есть такое озеро… — охотно озвучила ему Аль-Мара часть заготовленной легенды.

— Всё ясно. Очередные искатели счастья. Теперь сезон, — с некоторым пренебрежением в голосе констатировал Эрмес.

— Лично я не вижу в этом ничего плохого, — реабилитировал девушек Асан, — человек должен хотеть счастья… Иначе непонятно, зачем он вообще живёт.

— Кто-нибудь из вас видел эти туманы? — спросила Аль-Мара.

— Радужные? Нет. Боюсь, что это выдумка, — Асан немного опечалился, ему не хотелось разочаровывать девушек, — впрочем, может, все, кто жаждал их увидеть, не такие уж счастливые… И именно вам повезёт.

Тропинка сильно сузилась и петляла теперь в молодом ельнике; вежливый Асан светил фонариком и отводил в стороны преграждающие путь лесные шлагбаумы — колючие ветви, Эрмес шёл последним.

Между деревьями замаячили огоньки. Вскоре чувствительные ноздри Аль-Мары уловили уютные запахи кострового дыма и пищи, приготовленной на открытых жаровнях.

С небольшого холма, на вершине которого они оказались, открывался вид на обширную вырубку, тесно заставленную шатрами, плащевыми и брезентовыми палатками, тентами, натянутыми над прихотливыми рыжими цветками костров. У очагов хлопотали люди, они жарили мясо, рыбу, грибы, пекли на остывающих углях земляные овощи. Некоторые палатки светились мягким бархатистым светом, словно тонкие бумажные фонарики, внутри которых зажгли свечи.

— Это наш лагерь, — сказал Асан, начиная спускаться по тропинке с холма.

Оказавшись внизу, Кирочка и Аль-Мара с любопытством оглядывались вокруг. Остальные обитателя лагеря выглядели точно так же странно, как и встреченные ими в лесу витязи. У девушек возникло стойкое ощущение, что они, переместившись во времени, оказались на стоянке какого-то древнего кочевого племени; абстрагироваться от застёжек-молний на входах палаток, электрических фонариков, заменяющих факелы, и пластиковой

посуды на дощатых столах не составило большого труда — попадающиеся на глаза люди одеты были либо в доспехи, либо в грубые полотняные рубахи, либо в жилеты и штаны из шкур или лоскутков кожи, будто их всех загримировали для съёмок фильма, действие которого происходит в стародавние времена.

— Зачем вам вся эта странная одежда… доспехи… и… холодное оружие? — отважилась спросить Аль-Мара, весьма бесцеремонно прикоснувшись к рукояти меча, что висел на поясе у Асана.

— Осторожно! — укоризненно взглянув на девушку, парень сделал шаг назад, — Меч трогать нельзя. Он настоящий.

— Острый? — настороженно осведомилась Кирочка.

— Достаточно, чтобы отсечь какую-нибудь часть тела, если нормально размахнуться, — недовольно пробурчал Эрмес. Он как будто бы нисколько не разделял энтузиазма своего приятеля помочь девушкам с костром и горячей пищей; их общество, вероятно, даже раздражало его.

— Ого… — протянула Аль-Мара, — Я смотрю, с вами шутки плохи…

— Не бойтесь, — миролюбиво пояснил Асан, — Наши воины никогда не нападают на пришлых.

Молодой витязь ничего больше не добавил, оставив девушек в недоумении; он не желал, по-видимому, подбрасывать хворост в разгорающийся с каждой минутой костёр их любопытства.

Эрмес всем своим видом показывал, что вообще не одобряет привод двух незнакомок в лесной лагерь. В колышущемся свете очагов Кирочка разглядывала его — юноша был хорош собою необычайно — жасминово белолицый, с крупно вьющимися тёмными волосами и с глазами серебристо-голубого оттенка, окаймлёнными чёрным воланом густых ресниц, поражающими воображение своим изысканным странным свечением. Приятеля же его, Асана, природа не одарила столь роскошной чувственной красотой, но смотреть на него отчего-то было даже приятнее: милый, щупленький, пучеглазый, со смешным вздёрнутым носом, обрызганным частыми мелкими веснушками — он привлекал своей живостью, отзывчивостью, быстрой порхающей мимикой.

Оба юноши были в стальных шлемах и кольчугах мелкой ковки, на поясе у каждого в кожаных ножнах горделиво покачивался длинный меч. Обувь у них тоже была непривычная; это были мягкие сапоги, сшитые из лоскутков кожи.

Сев к костру, витязи расстегнули и сняли тяжёлые боевые поручи; с удовольствием закатали до локтей грубые рукава рубах; и у одного и у второго на правой руке красовался широкий браслет из какого-то удивительно красивого бледно-голубого камня — он переливался на свету подобно нефтяной плёнке на поверхности воды.

— Дозорные вернулись! — громко сказала девушка-воительница, тоже одетая в боевые доспехи, только несколько облегчённые; в руках у неё был лук, а за спиной вместо рюкзака висел самый настоящий колчан со стрелами.

У костра на узких скамьях, которыми служили распиленные вдоль на две половины брёвна, сидело немало народа. И все ряженые: в шлемах, с разрисованными щитами, с мечами, с саблями… Кое-кто из них жарил, вращая над алыми углями насаженное прямо на клинок мясо. Витязи вели между собой странные разговоры.

— Думаешь, они нападут перед рассветом?

— Я не уверен, но на всякий случай нам лучше быть наготове.

— …И кого-то это к нам привели дозорные? — с одобрительным хитрым прищуром осведомился толстый бородатый парень, который то и дело прикладывался к походной фляге в кожаном чехле.

— Они устали и просто выпьют у нашего костра по чашке горячего травяного чая… — как будто немного виновато пояснил Асан.

Эрмес ловко ломал сухие палочки, подобранные на земле, и подбрасывал их в костёр. Кирочка чувствовала непривычное и постыдное желание быть ближе к нему; опустившись на скамью совсем рядом с юношей, она придвинулась почти вплотную, но он вежливо отсел, оставив между ними пустой участок бревна. Девушку это неприятно удивило, почти обидело.

— Почему ты так мало говоришь? — спросила она.

Эрмес пожал плечами.

— Мужчину украшает молчание, — вставила девушка с колчаном за спиной, — Особенно воина.

Кирочка следила за руками Эрмеса — любовалась его длинными пальцами, их точёными гибкими суставами, беззащитно выпирающими венами на предплечьях; веточки ломались с тихим сухим треском; одну за другой парень складывал их в костёр, тонкие хищные языки пламени вытягивались вверх, будто стремились дотянуться до пальцев кормильца и благодарно лизнуть их. Диалог этих рук и огня — то был процесс, невыразимо, завораживающе прекрасный; Кирочка в очередной раз застыла, замерла в покорном восторге перед творческой мощью Создателя. Огонь пощёлкивал, вдалеке гудели сосны, небо было черно.

— Твоя кольчуга, должно быть, здорово тяжёлая, — Аль-Мара улыбалась сидящему рядом на скамье Асану. Выпив чашку ароматного травяного настоя, она почувствовала себя бодрее.

— Семь кило. Хочешь — примерь. Два шага сделаешь — зубами заскрипишь, а я в ней, представь, целыми днями хожу, да ещё и по деревьям лазаю… — хорохорился юноша; девчонка ему, по-видимому, приглянулась, и он, не в полной мере, может, это ещё осознавая, пускал в ход свои неказистые мужские чары.

— А плавать ты в ней не пробовал? — рассмеялась Аль-Мара.

Асан отвернулся и замолчал, шутка немного его задела.

— Что это у тебя? — минуту спустя снова заговорила Аль-Мара, приметив на руке у Асана голубой браслет. Он был широкий выпуклый и очень гладко отшлифованный. — Красивый! Можно я его потрогаю?

Юноша молча протянул руку. Разглядывая, она повращала браслет на его худеньком запястье.

— На ощупь почти как стекло. Для чего он тебе?

— Не скажу, — лёгкий румянец заиграл на щеках молодого человека, — чужим, кстати, вообще нельзя ничего рассказывать, даже то, что вы с подругой узнали о нашем существовании — уже нехорошо… Такие правила.

— И что же в вашем существовании такого особенного? — Аль-Мара выглядела как самая обыкновенная любопытная девчонка, никто бы не подумал, что она хладнокровно продумывает каждое слово. Блестящие глаза, приоткрытые губки, нетерпеливое поигрывание часиками на запястье… Плутовка, вероятно, начала догадываться о том, что приглянулась Асану, оставалось только правильно себя повести…

— Я не могу говорить с тобой об этом, ты ведь из Города, так, — юноша понизил голос до шёпота, — то, что мы здесь устроили, не совсем законно…

Аль-Мара небрежно махнула рукой.

— Нашёл, чем пугать! Ты думаешь, как мы из Города выбирались? По специальному разрешению? У нас тоже все документы липовые… — она решила, что эта маленькая ложь, сделав её в глазах Асана «товарищем по несчастью», подтолкнёт его к откровенности.

— Вы сделали это ради туманов?

— Да. А что такого? Я слышала о людях, которые изготавливали себе фальшивые пропуска в сельскохозяйственный сектор и на мусоросжигатели, чтобы просто посмотреть, что там, за Городом… У меня всего лишь пятидневная справка эксперта-эколога. Могу показать…

Асан взглянул на Аль-Мару как на наивного ребёнка.

— Большинство из тех, кто здесь, изготовили себе поддельные свидетельства о смерти, — юноша произнёс это даже с некоторой гордостью за своих друзей.

— О, боже… Зачем?

— Чтобы никогда не возвращаться. Мы не хотим жить по законам Города, поэтому мы ушли сюда, мы хотим быть ближе к природе, и нам больше по душе те роли, которые мы берём на себя здесь, на улицах мегаполиса мы все стали бы другими. Говорят, что не дано выбирать историческую эпоху, общество, в которых жить, но мы предприняли такую попытку… В этом смысл нашего лагеря… — голос юноши звучал гордо и немного враждебно, — первые из нас пришли сюда много лет назад, им пришлось очень трудно, они создавали всё с нуля; а сейчас мы существуем здесь практически автономно, у нас есть даже защита на случай обнаружения лагеря, если ты, например, расскажешь, что видела нас в лесу, то мы можем быстро переместиться на другое место, именно поэтому нас до сих пор не переловили. Наш мир дорог нам, и мы готовы на многое, если не на всё, чтобы защитить его…

Внезапно к костру выскочила девушка с колчаном за спиной и большим луком в руке.

— Тревога! — завопила она, — они идут!

— Надо вас спрятать, — выражение лица Асана стало непроницаемым, жёстким; он побледнел, и веснушки на переносице стали ещё заметнее, — за мной!

Он резко схватил Аль-Мару за руку и потянул к ближайшему шатру. На стоянке возник переполох — люди забегали, засуетились, некоторые начали торопливо облачаться в доспехи.

— Мы окружены! — заголосил парень с бородой. В одной руке у него была фляга, в другой — меч.

Аль-Мара поискала глазами Кирочку. Перед её глазами мелькали люди, они прыгали через костры и брёвна, на ходу хватали оружие; кто-то вылил в костёр чашку воды, раскалённые угли злобно зашипели, повалил дым; Аль-Мара вынуждена была отвернуться.

— Кто-нибудь о ней позаботиться, не волнуйся, — продолжая тянуть девушку за собой, сказал Асан, — мы стараемся не причинять вреда чужим…

В шатре было темно. Аль-Мара почувствовала руками мягкие шкуры на полу. Снаружи доносились крик, улюлюканье, звон мечей. Несколько раз кто-то падал на стены шатра, вдавливая их внутрь, натягивая своим телом. Аль-Мара чувствовала совсем рядом тепло Асана, слышала его учащённое дыхание. Прежде она не могла себе представить, что, оказавшись наедине с мужчиной, она почти не будет его бояться… Снаружи было

значительно страшнее. Кто-то истошно закричал и снова повалился на стену шатра, прямо возле того места, где притаилась Аль-Мара. Она порывисто отпрянула, и очень вовремя — острая сабля с треском рассекла ткань, проникнув в шатёр концом своего длинного изогнутого лезвия.

— Мама дорогая! — Аль-Мара отползала дальше, комкая шкуры неловкими испуганными движениями; натолкнувшись в темноте на препятствие, которым оказался Асан, она инстинктивно крепко и отчаянно прижалась к нему.

Так они и провели некоторое время, час или около того, пока за тонкими брезентовыми стенами их убежища кипело сражение: Асан сидел на коленях посреди шатра, неуверенно прижимая к себе полулежащую у него в объятиях Аль-Мару, и, с благородной целью её утешить, разумеется, робко поглаживал налитые плечи девушки.

Когда всё стихло, она торопливо, сконфуженно высвободилась от него — неожиданная, в некотором роде вынужденная близость изрядно смутила обоих — и поползла к выходу.

— Стой! Я первый… Нужно посмотреть, всё ли в порядке, — Асан осторожно выглянул из шатра сквозь прорезь, оставленную саблей.

— Может, теперь ты мне что-нибудь объяснишь, — потребовала Аль-Мара, — какого лешего нас сейчас чуть не изрубили в капусту?

— Мы играем в ролевую игру, — виновато прошептал Асан, продолжая высматривать что-то сквозь щель, — только ты это… потерпи пока выходить… там…

— Я всё равно выйду! — воскликнула девушка, — мне нужно найти Киру! — она приподняла завесу и решительно высунулась из шатра.

— Не надо!

Аль-Мара выпрямилась во весь рост и огляделась. Костры потухли. Шум сражения ещё не стих окончательно, он откатился дальше, в глубину леса. Люди с фонариками растерянно бродили туда-сюда по изрядно потрёпанной стоянке. На полу валялись посуда, оружие, доспехи. Два человека спешно уносили куда-то третьего, накрытого простынкой, сквозь которую быстро проступали багровые пятна.

— Мама дорогая…

— Я же говорил тебе: не выходи пока… — укоризненно заметил девушке стоящий у неё за плечом Асан.

— Ну и игры у вас…

— В Игре всё по-настоящему. И жизнь, и смерть, и… любовь. — Тихо, но необыкновенно твёрдо произнёс юноша.

4

— Мы не можем пока отпустить вас, — сказал Кирочке бородатый парень с флягой; когда на лагерь напали, именно он помог ей найти укрытие, — наши враги совсем рядом, придётся вам пока побыть нашими гостями…

Девушка решила немного прогуляться по стоянке, поискать Аль-Мару — всюду кипела жизнь — люди наводили порядок, восстанавливали порезанные и прожжённые палатки, разводили костры, чинили и чистили доспехи. Заметив знакомую фигуру, она остановилась.

Эрмес сидел на земле и усердно затачивал лезвие своего меча небольшим точильным камнем. Трение металла о камень рождало неприятный резкий царапающий звук. Иногда между поверхностями меча и точила возникали, чтобы тут же исчезнуть, одиночные оранжевые искорки. Кирочка подошла и встала у юноши за спиной — ей хотелось быть ближе к нему — она ничего не могла с собой поделать — никого она здесь не знала, Аль-

Мара и та куда-то пропала; на душе у Кирочки было тревожно, Эрмес казался ей единственным островком покоя… Какое-то время она молча наблюдала за ловкими неторопливыми движениями затачивающих клинок рук юноши — это зрелище завораживало её, гипнотизировало. Голубой браслет покачивался на его правом запястье, играя радужными бликами в пляшущем свете костра.

— Ты мне как будто хочешь что-то сказать? — положив точильный камень, и снизу вверх внимательно взглянув на Кирочку своими выразительными, полными скромного достоинства глазами в чёрных бархатных ресницах, проговорил Эрмес.

Догадавшись, что он обратился к ней, Кирочка ощутила стремительно нарастающую слабость в коленях и трепещущий холодок в кончиках пальцев; она застыла, поражённая одновременно и мужественной и нежной формой его бледно-розовых губ, крепкими скулами в едва заметных точечках щетины, высоким чистым лбом…

— Н… Нет. — Пролепетала она. — Я просто на тебя смотрю…

— Не надо, — мягко, но настойчиво попросил юноша, и, опустив голову, снова взялся за точильный камень. Как только это он умудрился вложить в два коротеньких слова сразу столько оттенков смысла, полную октаву вежливого отказа, всё, от спокойного осознания собственной привлекательности и понимающей снисходительности к Кирочкиному желанию до чуточку виноватого смиренного признания какого-то своего внутреннего долга, довлеющего над его судьбой.

— Но… почему? — чуть не задохнувшись от больно хлестнувшей её обиды, спросила Кирочка, и, тут же почувствовав всю беспомощность, нелепость и неуместность этой реплики, ещё больше разобиделась и разозлилась.

Эрмес снова вскинул на неё свои прекрасные глаза и посмотрел продолжительно, сочувственно, но строго, продлевая муку её беспредельного и безнадёжного отчаяния.

— У меня есть возлюбленная, — коротко пояснил он и опять, теперь уже окончательно, занялся заточкой меча, словно непроницаемой стеной отгородив себя от Кирочки своим молчаливым сосредоточением на этом деле. Широкий голубой браслет, бликуя глянцевой отшлифованной поверхностью, мерно заколыхался на его правом запястье.

Она повернулась и медленно пошла прочь, в темноту, со стыдом ощущая, как её глаза наполняются слезами и не находя в себе сил их сдерживать. Кирочке вспомнилось, что примерно то же она испытывала на выпускном, когда случайно увидела Саша Астерса целующего девушку… Детская ревность. Не столько болезненная, сколько обидная. Стихийная злость на невозможность обладания чем-то красивым, желанным. Негодование, от которого не дышишь, а как будто глотаешь воздух, и давишься, и вздрагиваешь… Кирочка остановилась. Перед её внутренним взором отчётливо предстала кукла, о которой она мечтала в детстве: русалка с хвостом из сверкающей ткани, расшитой круглыми цветными блёстками и с длинными-предлинными, длиннее самого тела золотыми волосами, к которым крепились сияющие звёздочки. Потом такую куклу купили дочке соседей. Кирочка тогда очень расстроилась, заперлась от родителей в комнате и горько плакала от зависти. Наверное, каждый хотя бы раз в жизни испытывал это мучительное чувство — ревность к собственному желанию, сбывшемуся с кем-то другим.

5

Раннее утро в сосновом лесу — красные, розовые, оранжевые ленты протянулись между деревьями; лёгкая белесая дымка, если смотреть вдаль. Воздух прохладен, влажен; от первых костров лагеря дым поднимается вверх и рассеивается не сразу, повисая шатром. Безветрие.

Кирочка и Аль-Мара сели, грея руки об походные пластиковые кружки с растворимым кофе, полусонные, одурманенные запахом костров и насыщенным кислородом лесным воздухом.

Асан хлопотал у очага; он вскипятил девушкам воду в котелке и теперь жарил на толстостенной чугунной сковородке ломтики булки, привезённые ими из Города.

— Послезавтра день летнего солнцестояния, — объявил он.

— Ну и что? — удивилась Аль-Мара.

— Это не очень хорошо, что вы здесь… — юноша ловко перевернул лопаточкой одну из гренок; было заметно, что приготовление пищи на открытом огне является для него привычным ремеслом; булка не подгорела, а лишь слегка зазолотилась.

Асан понизил голос до шёпота:

— Сегодня в наш лагерь приезжают жрицы Плодородия… Это ещё одна из тайн, которую вы узнаете, если останетесь. А вы останетесь. Потому что мы не имеем права отпускать вас; в лесу сейчас может быть опасно…

— Вы держите нас в плену? — Кирочка напряглась.

— Упаси Прорва-мать, — Асан поглядел на неё снизу вверх и улыбнулся. Он сидел на корточках возле костра и выкладывал лопаточкой гренки на тарелку. — Мы вас оберегаем. Нам в первую очередь невыгодно, чтобы с вами что-то случилось. Ведь если вы исчезнете в лесу, власти Города пришлют сюда людей с собаками, машины, вертолёты… Так уже было не раз. И нам опять придётся менять место стоянки; вы видели слишком много — мы не можем стопроцентно полагаться на ваше молчание. В лагерь каждый год забредают какие-нибудь случайные люди; преступники, сбежавшие из Города, чтобы скрыться от властей, заблудившиеся учёные, биологи, экологи, изучающие лес, злополучные искатели озера счастья, наконец… Мы отпустим вас, но только когда будем уверены, что наши враги ушли.

— Ах… вот зачем у вас мох на крышах палаток, чтобы не засекли с вертолётов пожарной охраны, — проговорила Аль-Мара задумчиво, — Зачем вам такая морока? Почему бы не жить в Городе, как другие…

— Это так просто не объяснить. Все, кто приходит сюда, приходят за сказкой. И приносят с собой свою частичку сказки… Может быть… Когда-нибудь… Если вам очень захочется, вы сможете найти нас снова. И присоединиться к нам. Город… где камеры слежения установлены везде, даже в общественных туалетах и банях, где люди одурманены суетой и ложными ценностями, где информации так много, что она стремительно обессмысливается… город, где не торгуют разве только воздухом — если он однажды начнёт душить вас, то… милости просим.

— Вы сами придумали эту вашу Игру, в пространстве которой вы здесь существуете? — спросила Аль-Мара.

— И да, и нет, — Асан подул на румяную гренку и разломил её пополам, она распалась с крепким четким звуком, будто тонкая деревянная палочка, — Мир, в котором происходит действие Игры, выдумала одна зарубежная писательница, весь, до мельчайших подробностей: законов, обычаев, богов… Мы общими усилиями всего лишь воссоздали его в реальности. Но… Каждый из нас пришёл сюда собой; каждый из нас — персонаж. Мы никого не копируем и не изображаем, как, к примеру, актёры. Любой из нас играет самого себя.

— А кто всё-таки эти жрицы, которых вы ждёте сегодня? Они тоже персонажи?

Асан кивнул.

— Это тайна, — сказал он, почти жалобно взглянув на Аль-Мару. Девушка ему совершенно очевидно нравилась; не заметить его кротких взглядов на её сочные плечи, руки, грудь было очень трудно; он чувствовал вину и стыд за то, что не может отказать ей, и всегда отвечает, когда она спрашивает…

— Ну… пожалуйста… — Аль-Мара просительно улыбнулась. — Так любопытно…

— Женщины, которые служат вечной Красоте, Материнству и Плодородию… — обречённо понурив голову, зашептал Асан, — Они удивительно искусны в обольщении, лица и тела их прекрасны. Они снисходят к нам раз в год в день летнего солнцестояния и выбирают себе самых лучших мужчин… Многие витязи, я уверен, приготовили им дары…

— Дары? — Аль-Мара отхлебнула немного кофе, — Они что, дань с вас собирают, что ли?..

Асан как будто немного обиделся.

— Так заведено. Жриц одаривают самой лучшей пищей, ценностями, вещами, которые удалось забрать из лагеря поверженного противника. Ещё иногда витязи состязаются между собой прямо на глазах у жриц, демонстрируя им мужественность, силу, ловкость — это довольно-таки зрелищно — и жрицы выбирают победителей…

— Для чего?

— Ну, как будто совсем маленькая… — проговорил Асан, улыбнувшись просто и мило, — Витязи ищут любви этих загадочных женщин… Об их красоте и страсти слагают легенды… Что в них правда, что вымысел — остаётся гадать… На самом деле жрицы — это особенная пленительная тайна, не только для чужих, но и для наших мужчин, считается, будто для любви ничего не нужно знать, и она сама — дурман, наваждение, от неё пьянеют как от вина; жрицы открывают свои секреты только женщинам, так заведено, — но я знаю о них чуть больше, потому что мать Эрмеса, моего лучшего друга, одна из них, и она служит богине вместе с Магатеей…

— Магатея… — заворожённо прошептала Кирочка, — Такое красивое имя…

— Она верховная жрица Прорвы — Богини Плодородия и Материнства. В неё давным-давно влюблён Эрмес, почти с самого своего детства. Она намного старше его, она уже служила богине, когда он родился, но… Этим женщинам доступно какое-то страшное откровение природы, возможно, даже колдовство… они не стареют… Вы сами сможете убедиться, когда они придут. Магатея прекрасна… на неё можно смотреть не отрываясь… каждый жест её — произведение искусства…

Кирочка помрачнела, Аль-Мара тихонько рассмеялась:

— Кажется, ты и сам в неё влюблён!

— Нет, — с лёгким укором заметил ей юноша, — Я только разделяю чувства своего друга. Он постоянно говорит о ней, когда мы одни. Ему, как и мне, девятнадцать, очень многие девушки заглядываются на него, но он с невиданным упрямством бережёт свой голубой браслет. Эрмес надеется, что настанет день и Магатея выберет его…

— Она до сих пор не выбрала? — с лёгкой досадой осведомилась Кирочка.

— …Нет. Каждый год она приезжает и удаляется в шатёр с кем-то другим. Это так мучает его. Он сходит по ней с ума… А в шестнадцать лет даже попытался наложить на себя руки, и Магатея, узнав об этом от его матери, долго говорила с ним наедине; она что-то ему пообещала такое, что он даже мне не сказал… С тех пор всё ждёт.

Внезапно жуткий стон донёсся из одной из ближних палаток. Девушки вздрогнули.

— Раненый проснулся… — напряжённо выдохнул Асан.

— У вас тут есть врач?

— Не беспокойтесь… Ему помогут.

Кирочка опасливо покосилась в сторону палатке: под брезентовым куполом хлопотал тусклый огонек, двигались нерезкие тени.

— Кто были те люди, что напали на вас? Или это тоже секрет?

Асан едва заметно кивнул, в глазах его читалась благодарность за понимание.

— Они просто играют с нами. У них тоже — мечи и луки. Разве в детстве вы никогда не разбивались на два лагеря и не играли в войну?

— Но… если в вашей игре всё по-настоящему, как ты мне сказал тогда, ночью, — приглушённый голос Аль-Мары звучал почти спокойно, но щеки её, обыкновенно мягкие, яблочные, побледнели, захолодев, — это же слишком страшная игра?

— А жить по-твоему не страшно? — невозмутимо спросил Асан, — Жители Города рискуют не меньше нашего, я уверен. У вас столько лифтов, эскалаторов, автомобилей… Регулярно кто-то гибнет среди всей этой бездушной техники: тут — электрические двери заклинило, там — поезд метро сошёл с рельсов…

Аль-Мара подумала и кивнула. Действительно. Почти каждое утро в сводке новостей оповещают об очередных жизнях, унесённых Городом. На скоростной трассе сбит человек; грузовик сломал ограждение и сорвался со второго яруса автодороги…

— Чем же тогда ваша Игра отличается от жизни, если в ней всё по-настоящему?

Асан пожал плечами.

— Я понимаю о чём ты… Но не знаю, как тебе лучше ответить. Игра просто красивее. Так, наверное. В жизни много обыденного, а мы предпочитаем яркость, азарт, захватывающие приключения…

6

Протиснулся между шатрами и неспешно выполз на середину лагеря внедорожник, блестящий на ярком солнце как жук скарабей чёрной гладкой спиной.

Дверца со стороны водителя отворилась и на плотный утоптанный грунт уверенно ступила стройная женская нога в тряпочном кеде и бледно-голубой узкой джинсовой брючине. Следом появилась и сама женщина в простой, мужского покроя, светлой полотняной рубашке, до середины распахнутой на груди, так, что даже виднелась между полами маленькая гладкая чашка бюстгальтера. Она была худая, со стремительными мелкими геометрически чёткими чертами лица; что-то умиляющее было в выпуклых грудных костях и тоненьких плечах, угадывающихся в полупрозрачных на свету просторных мешках рукавов.

— Это она… — таинственно шепнул Асан стоящей с ним рядом Аль-Маре.

По торжественности его тона и по тому, как изменилось лицо Эрмеса, с невероятной быстротой отразив друг за другом несколько выражений от восторженной радости до смущения, граничащего с испугом, Аль-Мара сразу поняла, о ком речь.

Женщина приблизилась. В руках у неё был большой дутый полиэтиленовый пакет. Эрмес подбежал к ней и молча принял его, протянутый равнодушно-повелительным жестом, таким, каким обычно отдают багаж коридорному отеля.

На остроскулом лице жрицы выделялись не накрашенные, узкие, изящно выпуклые губы, довольно длинный тонкий нос и радужно-переливающиеся озерца солнцезащитных очков. Она подняла очки на лоб; глаза оказались большие, светло-карие, с необыкновенно сильным, пронзающим взглядом. Чуть заметно сверкнув любопытством, эти глаза

остановились на Кирочке и Аль-Маре.

— Здравствуйте, — сказала, миролюбиво кивнув девушкам, Магатея.

Потом она поприветствовала Асана:

— Привет, — лёгкая улыбка, быстрый взмах руки.

Жрица Прорвы очень мило сощурилась, склонив голову набок, и ловко заправила за ухо упавшую прядь орехово-русых волос — все движения её действительно удивительным образом приковывали внимание; Асан говорил правду, на неё можно было смотреть как на огонь — не отрываясь.

Эрмес уже вернулся, успев отнести пакет в один из шатров.

— Благодарю тебя, — не глядя, бросила ему жрица.

Кирочку неприятно поразило такое обращение с серьёзно влюблённым юношей. «Словно с рабом…» — подумалось ей. А ещё мучительнее, больнее задело её то, что Эрмес так легко это принимал: он, казалось, позволял Магатее такое поведение по отношению к себе не только безропотно, но даже с какой-то нежной, покорной радостью.

Кто-то ещё поприветствовал жрицу, и она отвлеклась. Кирочка теперь видела только её гордую стройную спину под парусом тонкой рубахи; через несколько мгновений исчезла и спина — Магатею заслонили обступившие её обитатели лагеря. Повернув голову, Кирочка случайно успела заметить, с какой отчаянной нежностью во взоре высматривал жрицу среди толпы ошеломительно прекрасный Эрмес… Небо над бором было синее, и при свете ясного дня серебристо-голубые, как у хаски, глаза юноши сияли ярче; крупные тёмные локоны до плеч ласково, словно женские пальчики, перебирал ветер.

Лучше не смотреть. Почувствовав, как в груди снова разливается неизбывная вековая горечь не-обладания, Кирочка отвернулась.

7

Кирочка и Аль-Мара были приняты лесными игроками как уважаемые гости; их щедро угощали, разрешили установить палатку, приглашали принять участие в играх и забавах, но на вопросы, когда им можно будет уехать, отвечали неопределённо. День клонился к вечеру. Свет истончался, стволы сосен приобретали розоватый румянец.

Девушек снедало любопытство. Увидеть загадочную жрицу снова им не удалось, но, прогуливаясь вокруг лагеря, они заметили, что слегка на отшибе, в бору, несколько мужчин спешно устанавливают небывало яркий и просторный шатёр.

— Сколько времени жрицы пробудут здесь? — спросила Кирочка за ужином у одного из дружелюбных бородачей, успевшего уже хорошенько приложиться к фляге.

— Соберут в самую короткую ночь волшебные семена и уедут, — ответил тот и загоготал.

Кирочка принялась ломать мелкие палочки и подбрасывать их в огонь, её снова посетила мысль о недосягаемости желаемого; нет на свете муки более острой и более бессмысленной, чем эта; предвкушение удовлетворения или даже счастья от обладания чем-либо всегда иллюзорно, но люди раз за разом наступают на эти грабли; они снова и снова наделяют вещи, события или других людей властью давать им счастье, чтобы потом разочаровываться или оставаться навеки жалкими заложниками несбывшегося…

Аль-Мара возле соседнего костра общалась с Асаном. Юноша эмоционально что-то ей рассказывал, периодически вскакивая со скамьи и активно жестикулируя, она сидела, развернув к нему лицо, и умиротворённо улыбалась. В рыжих волосах девушки загадочно притаились малиновые, медные, оранжевые отблески пламени.

Кирочка вздохнула и, подув на подожжённую палочку, прикурила сигарету от уголька.

8

Тёплый влажный воздух палатки не давал Кирочке уснуть глубоко. Она ненадолго погружалась в тяжёлое душное забытьё, временами выныривая из него, словно из мутной воды; какое-то время её сознание плавало на поверхности, на самой границе сна и яви, когда реальность перед глазами причудливо сплетается с грёзами… Перед внутренним взором появлялось, прояснялось, приобретало резкость, а затем снова расплывалось и исчезало большеглазое выразительное лицо Магатеи, её красивые губы, которые медленно и грациозно шевелились, произнося какие-то странные несвязные слова…

Кирочка открывала глаза, утыкаясь взором в спасительную черноту палатки. Откинув одеяло, она лежала навзничь, слушала звон одинокого комара, запертого молнией под колпаком синтетической ткани, и ещё больше растравляла себя мыслями. Её не отпускала пронзительная тоска по ощущению от прикосновения к материи, принявшей столь пленительную форму, к нежной щеке Эрмеса, к здоровым блестящим волосам, к губам… Агрессивно желаемые объекты хочется либо заполучить, либо уничтожить… Чёрный смерч, верный Кирочкин спаситель и защитник, затягивал Эрмеса и Магатею в свою адский шейкер; и роскошные тёмные локоны юноши, и его прекрасные глаза, и умилительную птичью хрупкость жрицы алчная мгла воронки поглощала с таким же уверенным равнодушием, как и прочие предметы, листья, мусор, вчерашние газеты…

Кирочка выползла из палатки покурить. Села прямо на землю, застыла на миг, заслушавшись звуками серо-синего мутного леса, заглядевшись на бледнеющее предрассветное небо. Машинально вытянула сигарету из пачки в нагрудном кармане наброшенной на плечи джинсовой курточки, медленно, с удовольствием затянулась. Последние звёзды таяли среди тонко вычерченных сосновых крон. Любуясь ими, Кирочка подумала о том, сколько человеческих желаний успело вспыхнуть и погаснуть в острых лучах их холодного света. Ощутив свою беспомощность перед Вечностью, она немного успокоилась. Потушила окурок в песке, несколько раз вдохнула и выдохнула чистый хвойный воздух и, почувствовав сонливость, полезла было обратно в палатку…

Но лёгкий шепчущий звук шагов по лесу заставил её обернуться. По узкой мшистой тропинке среди сосен неторопливой трусцой бежала Магатея. Кирочка и со спины сразу узнала этот тонкий стремительный силуэт. Ещё днём она подметила характерную небрежно-грациозную ломкость, звонкость движений жрицы. Теперь на ней был светлый спортивный костюм, ярким пятном порхающий в предрассветной голубизне.

Кирочка не придумала ничего иного, кроме как вскочить и броситься вслед. Она сделала это безотчётно. К ненавидимому, как и к любимому, необъяснимо влечётся человеческое существо. И стремление изучить врага даже, пожалуй, сильнее, чем интерес к объекту какой-либо нежной симпатии. Куда она бежит? Зачем? Желание немедленно это выяснить в какой-то миг пересилило рассудок.

Длинные шаги Кирочки зашелестели по лесу. Услышав их, жрица остановилась и обернулась.

Встретившись с ней взглядом, Кирочка мгновенно и очень сильно смутилась, до замирания, до потери дара речи. Только теперь к ней пришло понимание, что выглядело это странно и неуместно — как она ринулась вдогонку жрице, по-видимому, совершающей утреннюю пробежку.

— Доброе утро, — произнесла Магатея удивлённо и, как показалось Кирочке, чуть

насмешливо; её умные и необыкновенно внимательные глаза в сумерках казались темнее.

— Недоброе, — глядя в мох, глухо буркнула Кирочка.

— Отчего же? — жрица свойственным только ей одной неописуемо милым жестом склонила голову набок и улыбнулась. Очарование её словно плотина способно было остановить натиск любой самой свирепой ярости.

Кирочка не отвечала; она отважилась поднять взгляд и теперь смотрела на Магатею исподлобья, настороженно и мрачно.

— Слышишь, поют птицы, вестники рассвета, — Магатея умолкла, а мгновение спустя, когда задрожала невдалеке нежная трель, подняла тоненький палец, словно указывая Кирочке на этот звук, — земля прекрасна в своём пробуждении, прислушайся к ней. Способов наслаждаться — гораздо больше, чем кажется, а вот времени — гораздо меньше, не упускай его, девочка.

Кирочка устыдилась некстати проявившихся не лучших свойств её натуры; о дружелюбное спокойствие Магатеи, словно волны о гранит набережной, разбивались все гневные грубые побуждения…

Но Кира всё-таки озвучила задуманное на бегу:

— Я хочу попросить вас не обижать Эрмеса… Он так любит вас.

Фраза прозвучала напыщенно и сурово. Магатея взглянула на Кирочку своими быстрыми, мгновенно схватывающими суть, блестящими глазами. И рассмеялась. Ласково и радостно, как над неуклюжими шажками годовалого ребёнка.

Реакция жрицы была неожиданной; Кирочка недоумённо насупилась.

— Я, кажется, догадываюсь, почему твои глаза мечут молнии в мою сторону… — задумчиво проговорила Магатея, осторожно касаясь своим живым пытливым взглядом Кирочкиного лица, — Запомни, девочка, каждый проходит свой путь… И только свой. Ты молода, красива, тебя ждёт много чудесного впереди, и я могу, если хочешь, показать тебе мой путь для того, чтобы ты осознала, что он ничем не лучше твоего, идти им нисколько не слаще, и за щедрый дар любви прекрасного Эрмеса заплачена мною определённая цена…

Кирочка стушевалась под пристальным взглядом жрицы; тайна её была, судя по всему, очевидна Магатее словно строка в раскрытой книге; услышав имя Эрмеса из чужих уст, девушка почувствовала, как стихийно, неотвратимо прихлынул жар к лицу, ушам, шее…

— Приходите с подругой в мой шатёр под конец зноя, когда солнце начнёт понемногу склоняться к горизонту, — сказала жрица, нетерпеливым жестом заправляя тоненькую как прутик прядь волос за ухо, — буду рада, а теперь мне нужно бежать дальше, мои ежедневные десять километров ждут меня, и нет такой силы, которая бы отменила их сегодня…

Магатея улыбнулась напоследок как будто немного рассеянно; не простившись, она легко и почти бесшумно побежала дальше в бор, оставив Кирочке воздушное, нежно колкое, точно лимонад на языке, ощущение незавершённости какого-то приятного, необыкновенного приключения…

Вернувшись в палатку, Кира сразу же уснула, глубоко и спокойно, словно дитя, припавшее к материнской груди.

9

Вечернее солнце, просвечивая сквозь деревья, впивалось в глаза тонкими золотистыми иглами света. Сочные кроны сосен застыли высоко-высоко, словно сине-зелёные облака.

В узорчатом оранжево-красно-жёлтом шатре Магатеи царил уют: сияние дня, проникающее внутрь, словно сквозь тонкую бумагу, сквозь его расписные яркие стенки,

приобретало таинственность и мягкость.

Приглашённые гостьи седели прямо на полу рядом с небольшим столиком, на котором ловкая щупленькая девочка лет десяти в длинном и просторном кремовом платьице с широкими рукавами сервировала чай. Тонкими белыми ручками с бледно-голубыми нитями вен она расставляла на кружевной салфетке чайные приборы: глиняные пузатые чайнички с пахучими заварками из лесных цветов и трав, изящные плетёные вазочки с сухофруктами, цукатами и орехами, маленькие толстостенные чашки, блюдца.

Малютка двигалась очень быстро, но в то же время на удивление грациозно: наблюдая за нею, Кирочка испытывала невыразимое наслаждение бескорыстного созерцателя. Вскоре послышался шорох занавески; мгновение спустя из-за внутренней тканевой перегородки шатра вышли в открытых нарядных платьях сами устроительницы чайной церемонии — две жрицы богини Прорвы — Магатея и её подруга.

— Агея, — представила верховная жрица свою спутницу, которая была чуть выше её, полнее, с высокой грудью, ясноглазая и темноволосая, как Эрмес, и Аль-Мара догадалась, что это и есть его мать.

Агея сдержанно поклонилась гостям и грациозно опустилась на колени, расправив вокруг себя широкий подол хвойно-зелёного атласного платья, перехваченного на талии чёрным поясом.

— Спасибо, Ксифея, ты можешь быть свободна. Ступай, поиграй во что-нибудь… — ласково сказала Магатея девочке, легонько потрепав её белокурую головку, — Это моя младшая дочь, — тут же пояснила она Кирочке и Аль-Маре.

Девочка особым образом поклонилась матери, потом сделала очень красивый реверанс гостям и резво убежала.

— Она тоже станет жрицей, когда вырастет? — полюбопытствовала Аль-Мара.

— Если захочет, — ответила Магатея, — В нашем деле неволить нельзя. Красота — это творчество… Не заставишь ведь насильно человека, к примеру, быть поэтом или художником, а служение богине — по-своему тоже высокое искусство.

Магатея привычным движением слегка перехватила подол длинной струящейся юбки, чтобы сесть. Кирочка неотрывно смотрела на неё. Надетое на Магатее платье, тёмно-голубое, расширяющееся книзу наподобие колокольчика, с завышенной талией, полностью открывало верхнюю часть груди с тонким рисунком костей, ломаную линию перехода от шеи к плечам, руки — длинные изящные предплечья жрицы аж до самых локтей унизаны были голубыми переливающимися браслетами, точь-в-точь такими, как тот, какие носили на запястьях Асан и Эрмес. Кирочка не была посвящена в пленительную тайну браслетов, но смутно догадывалась, что в них заключено нечто волнующее, эротическое.

Магатея села, шикарная юбка распласталась вокруг неё словно цветок хризантемы; браслеты, когда жрица двигалась, тихонько постукивали друг о друга как чётки. Она налила чаю себе и гостьям.

Беседа за столом шла своим чередом.

— Можно узнать, почему вы позвали нас именно на закате? — спросила Аль-Мара, пробуя пахучий крепко заваренный напиток, изготовленный, по словам Ксифеи, из каких-то сушёных кореньев.

— У нас сейчас время вечернего чаепития, — трогательно заключив маленькую глиняную чашечку, как камушек, в ладони, сообщила Агея, — красота начинается с дисциплины и потому наш день строго регламентирован…

— По традиции мы совмещаем именно этот ритуал с приёмом гостей, — добавила Магатея, — Угощайтесь… — Она кивнула на вазочку с цукатами.

Аль-Мара нерешительно взяла, слегка надкусила небольшой бледно-красный сушёный плод и запила его чаем. Пряная горечь кумквата — это оказался именно он — изысканно сочеталась с тонкой сладостью травяного напитка.

— Вкусно… — удивлённо признала девушка.

— И практически безвредно для фигуры… — заметила Агея, — Мы не едим никаких других сладостей.

— Совсем никогда? — изумилась Аль-Мара. Она обожала шоколад, мороженое, сдобу и с трудом представляла себе существование без них.

Магатея отрицательно помотала головой.

— Красота в двадцать лет — это дар природы, а в пятьдесят — прилежный труд её обладательницы, жизнь жриц — сплошные необходимости и ограничения во имя продления того краткого периода, в продолжение которого женщина способна исполнять свою скромную и великую роль — возбуждать желания, вдохновляясь которыми мужчины преобразуют и совершенствуют мир.

Магатея сделала небольшой глоток чая и продолжила:

— По утрам мы встаём в шестом часу…День начинается с медитации, бесценного сеанса прямого общения со Вселенной… Далее, до девяти часов у нас разминка: десять километров трусцой, гимнастика или занятия боевыми искусствами; потом — лёгкий завтрак: как правило, фрукты и цельные злаки; затем — водные процедуры, уход за кожей лица и тела, массаж, грязевые маски или обёртывания; после этого — обед: в основном овощи, тушёные или сваренные на пару; после обеда — занятия с детьми, чтение и творчество, вечерний чай, общение с подругами или гостями; потом ужин — нежирное белковое блюдо: яйца, птица или рыба; ароматическая ванна, расслабляющая гимнастика и гармоничная музыка, облегчающие отход ко сну…

Вдруг снаружи шатра послышался резкий свист, что-то шумно пронеслось мимо, проскользнув по оранжевой стене молниеносной тенью. Аль-Мара и Кирочка насторожились.

— Неужели нападение? — Агея недовольно повела плечами. — Они ведь должны знать, что праздники Солнцестояния священны!

В этот момент входная занавеска приподнялась, и в шатёр влетел хорошенький мальчик лет двенадцати-тринадцати, длинноногий, смуглый, с пушистыми битумно-чёрными ресницами, он вихрем пронёсся мимо чайного столика и шмыгнул за перегородку. Тут же в шатёр заглянули две девчонки: одна из них была Ксифея, а другая чуть постарше, уже высокая, с чуть наметившейся грудью и толстой каштановой косой до пояса.

— Нестор! — строго крикнула Магатея, — Тут не место для игр. У нас, между прочим, гости. Кроме того, вы так носитесь, что мы уж грешным делом подумали, что лагерь атаковали враги!

Юноша вышел из-за перегородки, от быстрого бега на щеках его играл дивный румянец оттенка зрелой брусники, характерный для загорелой кожи; он виновато опустил голову и заложил за спину худенькие как верёвочки руки.

— Извини, мама… — сконфуженно прошептал он, взмахнув пышными щёточками ресниц, — просто Фиона хватала меня, и я хотел спрятаться от них…

— Ну-ка подойди сюда, — строго сказала Агея девочке с косой, — сколько раз я тебе

говорила, чтобы ты вела себя прилично!

— Но мама! Мы играли в русалок и рыбака, там такие правила, и Нестор сам согласился…

— А потом передумал! Я этих твоих «русалок» знаю… Не играйте больше в эту игру. Возьмите карты, шахматы, потренируйте память или порисуйте гуашью. Есть много хороших забав… Ступайте!

И тут Агея заметила, что на запястье у её дочери мягко переливается радужно-голубой браслет, который, по идее, должен был быть на руке у Нестора…

— Фиона? — грозно обратилась к девочке величественная жрица, — что всё это значит?..

Магатея удивлённо приподняла свои красивые брови:

— Нестор? Сынок?

— Мама… — юноша залился краской ещё гуще, — мы так играем, я дал Фионе поносить свой браслет, на время, просто так, она очень просила, Фионе больше всего нравится воображать, будто бы она жрица…

— Не делайте так больше, — напутствовала детей, заметно расслабившись, Агея, — идите…

Она махнула им рукой.

Ксифея и Фиона первыми выбежали из шатра, вслед за ними нехотя поплёлся Нестор.

— Это всё ваши дети? — с восхищённым умилением спросила Аль-Мара.

Агея улыбнулась:

— Есть и ещё… Самый младший мой сын остался с няней.

— А мои старшие дочери учатся в городе, — добавила Магатея.

— Нестор и Ксифея такие непохожие… — заметила Кирочка.

— Они от разных отцов, — невозмутимо пояснила Магатея, — Как и все дети жриц. Природа стремится к генетическому разнообразию…

Кирочка не сводила глаз с унизанных браслетами рук этой загадочной женщины. Сколько же мужчин принесли к этому алтарю свои чувства и мечты? Наверное, подарить браслет — это значит признаться в любви…

— Ваши старшие дочери уехали, потому что не захотели служить богине? Они, наверное, совсем взрослые… — спросила Аль-Мара. В действительности, конечно, её давно уже мучил вопрос, сколько лет самой верховной жрице, но она стеснялась его задать и выдумывала окольные пути, способные привести к ответу. Магатея об этом, вероятно, догадывалась, проницательность её была удивительной, создавалось ощущение, будто бы она видит своих собеседниц насквозь.

— Моей старшей дочери двадцать семь лет, — ответила она со снисходительной улыбкой, дающей понять, что своего возраста она совершенно не стесняется, и если гостьи желают, то они могут об этом спросить.

Кирочка и Аль-Мара смотрели на неё с нескрываемым изумлением.

— …И здесь нет никакого колдовства, как вы, наверное, думаете, — добавила верховная жрица, удовлетворившись произведённым эффектом, — Многие считают, что мы владеем какой-то тайной, секретом времени, которым наделила нас великая богиня Плодородия. Но это всего лишь одна из красивых легенд, которыми мы окружаем себя. Очарование создаётся иллюзиями… Наша неувядающая красота, как вы уже поняли, — результат каждодневных усилий; жёсткая самодисциплина — она и есть служение богине, не только этой, но и любой

другой; всякая твоя победа над ленью и желаниями — стоит улыбки того бога, которому ты поклоняешься; наша красота — тот дар великой и могущественной Прорвы, который мы заслужили сами обращёнными к ней молитвами, выраженными и в словах и в деяниях…

Пока Магатея говорила, Кирочка внимательно вглядывалась в её лицо: силилась отыскать на нём неизбежные отметины времени, всё ещё не веря, что возможно в столь зрелом возрасте сохранять свежесть кожи. Заметив это, Магатея велела ей подойти.

— Смотри… — сказала она тихо, поднося пальцы к виску, — вот здесь…

И только на таком близком расстоянии, стоя почти вплотную, Кирочка заметила мелкие морщинки там, где кожа особенно тонка и потому уязвима: по нижнему веку и возле наружного угла глаза она казалась подёрнутой паутинкой, тончайшим тюлем, из-за едва намеченного, почти невидимого узора, нанесённого на лицо жрицы неотвратимой кистью времени… Поражённая Кирочка не знала, что сказать. Она даже не могла понять, что впечатлило её больше, незначительность морщин на лице Магатеи или та совершенно необъяснимая шокирующая откровенность, с которой они были продемонстрированы…

— И никакого секрета? — восхищённо прошептала Аль-Мара.

— Растительные маски, умывание ледяной водой и полноценный сон… — Магатея тонко улыбнулась, — запоминайте девочки, богиня велит нам щедро делиться своими секретами во имя умножения прекрасного во Вселенной…

— Но ведь невозможно сохранять красоту и молодость вечно… — робко заметила Аль-Мара, — Рано или поздно…

— Да. Таков удел всех земных женщин. Когда приходит некий срок, для меня, как вы понимаете, это уже не за горами, мы, жрицы, добровольно уходим…

Магатея произнесла последние слова со смиренной непоколебимой решимостью в голосе; Кирочка и Аль-Мара, прислушавшись не разумом, но чувствами, почти уловили второй, сакральный, запретный смысл этих слов; вроде бы они звучали вполне обыкновенно, но сокрытое в них жуткое неизбежное прозрение как будто усиливало их, делало огромнее, мощнее.

— Уходите… Куда? — с ужасом от промелькнувшей по краю сознания догадки, спросила Аль-Мара.

— Туда. Ты правильно всё поняла, девочка, — ответила ей Магатея с грустной торжественной улыбкой, — Жрицы смертны, но красота их живёт вечно, продолженная в дочерях.

Верховная жрица, казалось, ничуть не была выбита из колеи необходимостью открывать самую страшную из своих тайн. Её спокойные внимательные глаза остановились на лице Кирочки.

Девушка вздрогнула, только теперь она смогла осознать в полной мере всё то, что Магатея говорила ей на рассвете.

— Богиня Прорва прекрасна и безжалостна как всякий закон природы. Жизнь созидающая, она и разрушает её, — продолжала верховная жрица, — Великое женское начало, способное породить и уничтожить — есть то, чему мы поклоняемся и служим до тех пор, пока способны на это. Женщина, которая не может воспламенить мужчину страстью, зачать и продолжить его род, не нужна природе; есть даже такая теория, что биологическая бесполезность приводит любой организм к скорой смерти, ибо кроме продолжения жизни во Вселенной нет никакой целесообразности, никакой движущей силы, никакого смысла… — Магатея говорила, и в глазах её вспыхивал время от времени почти зловещий

благоговейный нездешний огонь, она верила в произносимые слова всей силой своего несгибаемого духа, и, несомненно, она готова была умереть в тот срок, который назначит чтимая ею страшная богиня, навсегда прекратив в её организме женские биологические циклы…

— В нашей вере есть такая традиция, — Магатея снова посмотрела на Кирочку, как бы показывая, что эти слова адресованы лично ей, — жрица, чувствующая, что время её пришло, выбирает себе «последний подарок жизни» — юношу, молодого, здорового, желанного и проводит с ним год, все дни которого полны сладчайшего из наслаждений, доступных смертным; и если великая богиня оставляет позднюю любовь пустоцветом — не венчает её зачатием — то жрица добровольно умертвляет себя… А если богиня оказывается милосердной и одаривает последнюю страсть жрицы плодом, то она имеет право оставаться на земле столько, сколько потребуется родившемуся младенцу.

Магатея умолкла. Кирочка опустила взгляд. Воцарилась такая густая неподвижная тишина, что единственный звук — шелест крылышек заблудшего мотылька о ткань шатра — казался оглушительным, словно гул гигантской турбины…

— Мой час настал, и я обещала Эрмесу, что выберу его.

— Я понимаю… — прошептала Кирочка. Ни зависти, ни обиды не было больше, лишь восхищённый трепет перед самоотверженностью служительниц богини, перед безропотным принятием женской доли, столь же упоительной, сколь и беспощадной.

Она несмело взглянула на жрицу из-под ресниц.

Суеверный ужас перед холодной предрешённостью будущего Магатеи и перед противоестественной экзальтированной готовностью жрицы такое будущее принять шевельнулся внутри, юркнул под сердце, словно ящерка. Все знают, что смерть неизбежна для каждого, но находятся в блаженном неведении относительно срока, и такая неопределённость конца создаёт иллюзорное ощущение бесконечности, оно позволяет непрерывно, каждый миг верить в то, что всё ещё впереди, даже за час, за минуту, за секунду до смерти. А жрицам Прорвы известно всё наперёд — пятьдесят лет красоты, отмеренные женщине — и всё. Какое же великое мужество нужно иметь, чтобы на протяжении всей жизни вершить повседневные дела, не теша себя этой великой иллюзией бесконечности, творить, думать, трудиться и даже… быть счастливой?

10

Когда стемнело, неподалёку от узорчатых шатров жриц развели большой костёр, к которому постепенно начали стекаться обитатели лагеря — там должна была состояться завершающая часть праздника Солнцестояния. По традиции, юноши, которые днём демонстрировали свою силу, ловкость и успехи в воинском деле, ночью могли проявить себя творчески: посвятить понравившейся жрице стихи, песню или что-нибудь в этом роде.

Сидели широким кругом, на туристических пенках, деревяшках, шкурах, а тот, кто выступал, выходил в центр и стоял у самого костра, чтобы его было хорошо видно всем в ярком свете пламени. Для играющих на музыкальных инструментах здесь был установлен небольшой удобный пенёк.

Выступали как юноши, так и девушки. Любительское, неумелое, но искреннее творчество этих людей дышало каким-то сближающим туристическим походным теплом; несмотря на заметные несовершенства, смотреть и слушать было приятно. Кирочка отметила про себя, что попадаются и весьма неплохие произведения. Не выходили в центр круга только жрицы, вероятно, за ними было закреплено положение почётных зрителей. С

присущей им грацией они лишь одобрительно качали головами и награждали понравившихся исполнителей лёгкими всплесками аплодисментов.

После того, как выступил последний желающий, и все торжественно умолкли, ожидая, что жрицы вот-вот начнут выбирать юношей, которых нынче ночью поведут в свои шатры, Магатея поднялась и, неожиданно для всех, взяв из рук сидевшей рядом девушки гитару, вошла в центр круга.

Судя по реакции публики это было событие из ряда вон выходящее. Удивлённые голоса сидящих в кругу людей зашелестели, словно волны по гравию.

— Вы позволите? — тихо спросила жрица.

Зрители, казалось, разом перестали дышать. Согласие было дано. Молчаливое, но абсолютное. Магатея, придержав сзади длинную юбку, присела на пенёк и, приобняв гитару бережно, как новорожденного, ущипнула одну, другую струну, прислушиваясь к настройке, затем разом погасила звуки, положив на струны ладонь.

— По традиции, жрицы могут быть только музами… — можно было заметить, что она немного напряжена, голос её непривычно возвысился и колокольчиково зазвенел в полнейшей тишине, — но сегодня, пользуясь правами, которые мне даёт ночь моего последнего выбора, я буду петь… Тот, кому адресованы эти слова и ноты, всё поймёт…

Магатея умолкла, а затем, обведя взглядом публику, резво пробежалась по грифу маленькими гибкими пальцами. Энергично ударив другой рукой по струнам, она запела…

Музыка была удивительная, нежная и грустная, полная неописуемых, бормочущих, задыхающихся, тихо всхлипывающих гитарных переборов… Кирочка очень долго жалела потом, что ей не удалось запомнить ни одного куплета целиком, она уловила только общий смысл этой проникновенной исповеди, вплетённой в мелодию. Магатея пела о запоздалой пламенной любви немолодой уже женщины, стыдящейся своих чувств и не смеющей надеяться на взаимность со стороны совсем юного мужчины; верховная жрица разрывала чёрный тюль ночной тишины леса своим неожиданно высоким, трогательно срывающимся голосом; она пела о неизбывной женской мечте познать настоящее большое любовное счастье, о мечте, которую не в силах заставить померкнуть даже подступающая старость; отсветы пламени костра подрагивали в темных глазах жрицы, словно непролитые слёзы; она пела о себе самой, о надежде на грани отчаяния, о сладостной тревоге перед долгожданным искуплением…

Раздирающе эмоционально, безжалостно пела она… У некоторых слушателей к концу песни заблестели глаза. Обидно, что столь сильное по своему воздействию на души людей произведение невозможно было сохранить, увековечить, просто сняв ролик камерой на смартфоне… Кирочке в память запал только припев, который она потом долго повторяла, прислушиваясь снова и снова, вдумываясь, срастаясь с его смыслом…

В течении времени вечном и мудром -
вся радость и боль. Созревающий колос
склонился к земле, ты заметила утром
на гребне свой первый серебряный волос…
И не было б в этой находке печали,
и время тебя так бы не оскорбило,
когда бы все женские чувства молчали,
когда бы не встретила, не полюбила.

Последние аккорды мелодии пролились плавно и очень-очень грустно, стихая, музыка словно утекала, как жизнь, неотвратимо, по капле; эти звуки ещё несколько мгновений дрожали в ночном воздухе, словно тонкие листья на ветру.

В наступившей тишине верховная жрица величественно поклонилась публике едва заметным кивком головы. Со всех сторон раздались громкие аплодисменты. Когда они схлынули, Магатея подошла к Эрмесу.

Сидя в первом ряду, он смотрел на неё снизу вверх своими диковинно сияющими серебристыми глазами. Восхищенно. Благодарно…

— Идём, — сказала она повелительно, протянув ему свою твёрдую маленькую руку.

Застенчивая и счастливая улыбка тронула красивые губы Эрмеса; лёгким движением он поднялся на ноги и смиренно последовал за нею, быстро идущей впереди, мимо остальных. Сидящие у костра молча провожали их печальными задумчивыми взглядами.

11

Асан и Аль-Мара сидели в темноте на толстом бревне, обозначающем границу лагеря; в вышине над ними чинно покачивались чёрные шапки сосен; несколько мелких звёзд среди ветвей теплились, словно невообразимо далёкие костры, неровным дрожащим светом.

— Жрицы отбывают с восходом солнца, — сказал юноша, — вас мы выведем к озеру ночью, так положено, необходимая предосторожность, во мраке сложнее запомнить дорогу…

Аль-Мара вздохнула.

— Ну что, будем прощаться?

Асан молчал, вращая на хрупком запястье свой гладкий прохладный браслет. Обоим было очевидно, что им не суждено увидеться снова. И так же оба чувствовали, что между ними, если они расстанутся сейчас, останется недосказанность, незавершённость. Нужно было утолить ту трепетную тоску, то робкое искание, которые каждый из них находил в себе.

— Ты так и не сказал, для чего он тебе, — Аль-Мара придвинулась к Асану, и робко дотронулась пальцем до гладкой поверхности браслета.

— Ты разве ещё не догадалась? — спросил юноша; в темноте Аль-Мара не видела его лица; они намеренно ушли от костров, чтобы побыть наедине, но, судя по голосу, Асан немного стеснялся обсуждать эту тему.

Аль-Мара не настаивала на ответе, она опять спросила про браслет просто, чтобы что-то сказать, чтобы не молчать тягостно и многозначно, как всегда молчат при прощаниях.

До слуха молодых людей издалека, как будто откуда-то из параллельного пространства доносились гитарные аккорды, восхищённые возгласы, аплодисменты…

— Как же вы осенью, зимой? — спросила Аль-Мара, — в палатках же холодно и сыро?

— У нас есть утеплённое подземное зимовье, — прошептал Асан в самое ухо девушки, ненароком коснувшись щекой воздушного облака волос, — был один умелец, инженер, он ухитрился даже провести туда электричество, эти линии, высоковольтки, тянутся на многие мили через лес…

— Вы сами выкопали землянки?

— Нет, конечно. Так случилось, что неподалеку здесь планировалось строительство трубопровода, и экскаваторами были вырыты глубокие канавы; после того, как строительство заморозили, часть из них засыпали, но не все; под землянки мы использовали

их.

— А где живут жрицы?

— Никто точно не знает; одни говорят, будто у них дома на колёсах, микроавтобусы со всеми удобствами; другие — будто они обитают в заброшенном замке… Третьи вообще верят, что эти женщины спускаются с небес. Как ангелы. Жрицы — это тайна.

— Но ведь у всякой богини должен быть Храм?

— Не у этой. Она везде и всюду. Каждую весну Земля рождает траву и цветы; каждая жрица — сама является храмом своей богини, ибо храм Прорвы — есть женское чрево, дающее жизнь…

— А браслет, — добавил он, — символизирует дар мужчины великой Прорве за то, что в лице одной из своих дочерей, она распахивает перед ним двери священного Храма Вечной Жизни…

От большого костра по-прежнему доносились песни и голоса; но глухой шум мощных сосновых крон над головами казался громче, темнота отступала со всех сторон, во мху, возле самих ног Аль-Мары, словно осколок звезды, упавшая с неба искорка, зажёгся огонёк светляка.

Совершенно новое, необыкновенно печальное и нежное чувство переполняло сердце девушки; ещё несколько дней назад она и представить себе не могла, что после всего случившегося тогда, в гавани, много лет назад, она сможет испытывать такое по отношению к юноше…

В шатрах лагеря начинали загораться ночники; отсюда, с небольшого холма, освещённые изнутри палатки казались светляками во мху.

Аль-Мара не понимала причин этой внезапной перемены в самой себе, она знала только, что теперь исцелена; толстые стволы могучих сосен, словно колонны древнего храма обступали со всех сторон юношу и девушку, сидящих в тишине; Аль-Марой овладела в этот миг такая горячая стихийная благодарность Асану, его робости, веснушкам, кривому зубу, который было иногда видно, когда он говорил или смеялся. Придвинувшись к юноше вплотную, она нашла на ощупь кисть его руки.

— Скажи, а могу я тоже побыть богиней, хотя бы недолго…

— Она везде и всюду, — прошептал Асан, и ликуя, и не веря себе, и падая жарким лицом в пропахшие лесом и костром рыжие облака.

12

В шатре, когда они остались совершенно одни, и в последний раз качнулась яркая входная занавеска, взбудоражив потоком воздуха пламя свечей, Магатея повернулась к Эрмесу лицом. Они стояли так некоторое время — просто глядя друг на друга и не произнося ни слова.

— Время пришло, — она как будто с усилием нарушила это немного затянувшееся молчание, — ты здесь…

Эрмес ничего не ответил; он смиренно опустил взор и смотрел теперь не на возлюбленную, а прямо перед собою, на застланный мягким узорчатым ковром и усыпанный сухими розовыми лепестками пол. Порхающее пламя нескольких свечей освещало шатёр загадочно и нежно. По стенам, словно птицы, пролетали неуловимые полутени. Магатея шагнула к Эрмесу. Длинный подол платья потревожил лепестки на полу, с лёгким шорохом они немного переместились вслед за лёгкой тканью, увлекаемые ею. Наверное, именно они источали этот тонкий сладковатый аромат, что иногда накатывал волнами, стоило

всколыхнуть тёплый воздух в шатре. Магатея взяла руку Эрмеса с браслетом, поглядела на него, насладилась игрой света на голубоватой гладкой поверхности шлифованного камня, потом чуть сдвинула браслет и нежно поцеловала то место, где он был, тонкую кожу запястья со сплетёнными ниточками бледно-синих вен.

— Берёг всё-таки, упрямец… Страшно подумать, скольким девушкам это стоило слёз, — ласково укорила его она, — я же никогда не хотела быть собакой на сене, я ведь говорила тебе много раз, что ты можешь быть свободен, и в любом случае я позову тебя, когда придёт время…

— Я помнил об этом, Мэг… Я помнил каждое твоё слово… — игравшие на лице юноши краски обретённой долгожданной радости и стыдливого предвкушения делали его ещё красивее, — я не мог, я хотел только тебя…

Магатея сделала ещё один небольшой шаг вперёд, чтобы тут же порывисто прильнуть к нему: рядом с высоким мужественным Эрмесом она оказалась ещё меньше, ещё изящнее. Словно игрушечная. В кольце его крепких рук она наконец позволила себе почувствовать всю глубину собственной беспомощности, слабости и всецело отдаться безнадёжному ужасу перед тем Храмом, что она воздвигла в собственном сознании. Магатея тихо всхлипывала, тесно прижимаясь к выступающим мышцам его груди, словно к камням стены плача… Он несколько раз поцеловал её склонённую русую голову.

— Я нашёл его! — Эрмес подцепил что-то пальцами у Магатеи на макушке.

От неожиданности она на миг отпрянула от него.

— Что?

— Серебряный волос! Смотри. Вот он, у меня…

Юноша раскрыл ладонь: тонюсенький седой волосок был трудно различим на ней, он казался прозрачным точно леска, и если бы не тень, отбрасываемая им на руку юноши, то и заметить его было бы очень непросто. Эрмес дунул. Тень волоска вздрогнула и пропала.

— Ну всё… Всё. Нет его, — шептал он, гладя по спине, успокаивая, как маленького ребёнка, жрицу, которая теперь прижималась к нему ещё отчаяннее; стыдясь, силилась сдержать рыдания, и всё равно рыдала, безудержно, трогательно, жалко, часто подрагивая своими острыми лопатками и плечами.

13

— Нам пора, — Кирочка осторожно тронула Аль-Мару за плечо, — Мне бы очень хотелось встретить рассвет на озере…

— Мы успеем, вы, думаю, даже сможете поставить палатку прямо на берегу, если захотите отдохнуть. Может быть, вам повезёт. Туманы, обычно, бывают перед рассветом, — пояснил Асан с обыкновенной своей милой услужливостью, однако было заметно, что он немного опечален.

Аль-Мара поднялась и, чуть помедлив, покинула освещённое костром пространство. Кирочка и Асан двинулись следом.

— Я провожу вас, — тихо сказал юноша.

Кирочка намеренно шла быстрее, оставив Аль-Мару и Асана на несколько шагов позади, и чувствовала спиной отчаянное грустно-нежное напряжение этих последних минут. Вокруг живой мглистой стеной высился серо-синий бор. Со стороны озера между стволами кое-где уже проглядывало зеленовато-голубое небо. Идти оставалось совсем недолго. Нужно было только спуститься вниз с пологого холма в озерную долину; по обеим сторонам тропинки выступали из темноты огромные серые, затянутые бархатистым тёмным мхом

камни…

— Простимся здесь. Хорошее очень место. Красивое. — Асан поставил на землю большой рюкзак Аль-Мары, который он нёс. Кирочка поступила так же. Юноша подошёл сначала к ней и, заключив девушку в дружеские объятия, несколько раз ободряюще хлопнул её по спине. Потом он повернулся к Аль-Маре. Та шагнула ему навстречу, и они обнялись тоже, только теплее и дольше, а, отстранившись, Аль-Мара взяла лицо Асана в ладони и быстро поцеловала его в губы.

Только сейчас Кирочка заметила, что на руке у её подруги мягко переливается в бледном свете предутреннего неба широкий радужно-голубой браслет.

— Ну, всё, прощай… — Аль-Мара, уже отойдя на шаг назад, протянула руку и в последний раз провела прохладными пальцами по щеке юноши.

Кирочка закинула рюкзак на плечи и продолжила спуск. Её подруга засеменила следом, чувствуя лопатками тяжесть рюкзака и непривычную лёгкость уже состоявшегося прощания. Несколько раз она оборачивалась. Асан неподвижно стоял на том же месте, пока сумерки леса, смыкающегося за спинами у идущих, не поглотили его тонкую фигуру.

14

Спуск к озеру Жум-Нэ был живописный, ступенчатый — крутые откосы чередовались с продолжительными участками почти ровной местности. С верхних ярусов открывался поистине завораживающий вид на серебряное зеркало воды и лес, растущий внизу.

Палатку поставили достаточно далеко от воды, перед началом последнего, почти отвесного песчаного спуска. В блеклом свете, обещающем скорый восход, высокий берег казался надкусанным куском пирога.

Аль-Мара залезла в палатку и легла, отвернувшись к стене; Кирочка знала, что она не спит, но не заводила разговора; она просто не смогла бы найти для подруги нужных ей в этот момент слов; жизненный опыт Аль-Мары разом стал намного богаче её собственного опыта… Кирочка выползла из палатки покурить. Она села прямо на мох, с удовольствием вытянула ноги, достала сигарету из пачки.

Отсюда озера видно не было, только казалось, будто бы там, в нескольких десятках шагов, лес кончается, а сразу же за ним вырастает огромная бледно-серая стена бесконечной высоты — предрассветное небо.

Ночь была удивительно тепла и тиха, лишь какая-то птица долго и грустно пела где-то совсем рядом; Кирочке захотелось спуститься к озеру; она убрала так и не прикуренную сигарету обратно в пачку и рывком поднялась на ноги — ни о какой легенде она сейчас не думала, просто решила немного посидеть на берегу, подумать и посмотреть, как медленно светлеет горизонт над озером: вода, небо и между ними голубоватая полоска бора на другой стороне…

Спускаясь по крутому песчаному откосу, заросшему могучими соснами, витые корни которых кое-где были обнажены, она размышляла об Эрмесе и Магатее, об их бесконечно красивом и ярком, но недолгом, обречённом счастье. И Кирочке подумалось необыкновенно спокойно, ясно, что ведь это удивительно мудро: жить, зная всему срок, и чем короче счастье, тем оно острее, пронзительней, и тем лучше оно осознаётся… А то, бывает, живёшь, и даже не понимаешь, что счастлив, и только потом, оглядываясь назад, спохватываешься: а ведь БЫЛ, я БЫЛ тогда счастлив…

В то лето, когда Нетта была влюблена в скейтбордиста, они с Кирочкой поехали вместе на дачу. По вечерам, в пору долгих тёплых закатов, когда небо было кремовое, и сладко

пахло во дворах скошенной травой, они подолгу гуляли, лежали прямо на земле в душистых лугах, теребя в зубах стебельки, глядя в небо, болтая обо всём на свете. И тогда это не казалось им чем-то особенным, но гораздо позднее, много лет спустя, они обе, вспоминая об этом независимо друг от друга, думали, что так оно и выглядит — счастье. Они в то лето держали его в руках, купались в нём, барахтались…

Счастье ведь как туман — лишь впереди да позади — а пока ты в нём, пока погружён, затоплен им — его и не видать…

Как-то подруги сидели поздним вечером, уже в сумерках, на лавочке у дома, и Нетта спросила вполголоса:

— Ты ведь никогда не целовалась?

Кирочка отрицательно помотала головой.

— Хочешь, я тебя научу?

Кирочка доверчиво взглянула на неё и кивнула. Нетта приблизилась к ней лицом.

— Давай поиграем… — шепнула она. — Как будто бы ты — это ОН…

Кирочка зажмурилась, воображение у неё было невероятное, она легко могла представить себя кем угодно — вокруг стояла поистине магическая ночь, шумели деревья, глухо и страстно трещали в траве цикады — и именно сейчас ей представился шанс стать частью чудесной любовной сказки, одним из её главных действующих лиц…

Нетта почти неощутимо коснулась губами Кирочкиных губ, так, словно бабочка, пролетая мимо, задела их крылом. Один раз. Потом ещё и ещё.

Это была игра: волнующая, пьянящая, разжигающая желания, но невыносимо тщетная тем, что она не могла в полной мере эти желания утолить. Репетиция любви, но не сама любовь. Абсурдное, неизбывное предчувствие счастливыми ещё большего счастья впереди…

Кирочка спустилась по крутому песчаному склону и остановилась на берегу, возле самой кромки спокойной воды, которая чуть только волновалась, смачивая песок у ног девушки — будто огромное озеро тихо-тихо, как младенец, дышало во сне. Вековые сосны молчали. Молочный туман выстилал озёрную гладь лёгким пухом. Казалось, будто нежное белое облако как кошка спустилось с небес к любимому водоёму, приласкаться к нему, прижаться пушистым боком.

Кирочка застыла, как зачарованная, вбирая в себя предутреннее спокойствие природы. Машинально она вытянула из нагрудного кармана сигарету, и щелчок зажигалки — единственный звук, возникший в этой царственной тишине — словно порвал что-то в ней, нарушил… Спугнул кого-то. Или, наоборот, позвал.

Медленно затягиваясь, Кирочка смотрела на туман. Не вглядываясь, просто отдыхая глазами на его мягкой постепенно густеющей белизне. И вдруг в тумане как будто бы что-то затрепетало. Проскользнул в его воздушной мгле лоскутком прозрачной ткани нежно-голубой отблеск, вслед за ним ещё один — розоватый, потом — кремовый. Кирочка замерла… Это было похоже на лёгкий танец лучей цветных прожекторов, направленных на непроницаемую млечность тумана. То здесь то там мягкое облако, лежащее над озером, приобретало тот или иной пастельный оттенок, они быстро сменяли друг друга, переливались, подрагивали, мерцали… Кирочка любовалась, затаив дыхание. Вот они, оказывается, какие, радужные туманы озера Жум-Нэ, сулящие необыкновенное счастье…

Сначала она хотела позвать Аль-Мару — разделить с подругой неожиданно выпавшее ей на долю чудо — но что-то остановило её, быть может, тишина, громко кричать в которой и даже просто разговаривать казалось кощунством, а, быть может, мысль, что увиденное

должно принадлежать только ей одной, как всякое таинственное предзнаменование.

Так или иначе, Кира тихонько докурила, попила воды из озера и, устало поднявшись по крутому песчаному откосу, вползла в палатку; Аль-Мара уже спала; стараясь не шуметь, Кирочка влезла в свой спальный мешок и, пока совсем не рассвело, лежала с открытым глазами.

Ей вспомнилась одна из тех фигурок, которые она собирала в детстве — молодая девушка, стоящая в нерешительности между двумя большими зеркалами — первое перед нею, второе за спиной — и повернувшая голову так, чтобы не глядеть ни в одно из зеркал, ни вперёд, ни назад… До этого момента Кирочка не могла понять, почему снизу на подставке этой статуэтки почти незаметно, вероятно, остриём шила, нацарапано было слово «счастье»…

15

— Зачем они живут в этом странном игровом пространстве, в этом придуманном мире? Ведь они могут быть нормальными людьми. У них есть право выбора… — говорила Аль-Мара Кирочке в машине, пока они подъезжали к Городу по скоростной автотрассе.

— А зачем мы служим в Особом Подразделении? Иногда мне кажется, что весь мир состоит из разных выдуманных ролевых игр, в любой из которых ты можешь участвовать. Бизнес, политика, семья… У каждой из этих игр есть свои правила, которые ты обязан соблюдать, пока играешь, а реальности, её, как таковой, вовсе нет. Единственная реальность — это то, что происходит у тебя внутри. Твои чувства — они настоящие, во что бы ты ни играл…

— Пожалуй, ты права. Но ведь Кодекс Особого Подразделения как раз и призывает нас всегда оставаться наедине с собой; он существует для того, чтобы освобождать сознание от каких бы то ни было общественных ролей, стереотипов, поведенческих клише…

— Да. Но ведь сам Кодекс, это тоже свод определённых правил — правил другой игры. Только и всего. Ведь ты, например, знала, что не сможешь остаться с Асаном, и хотя тебе трудно было проститься с ним, больно, может быть, ты даже поплакала… Но, тем не менее, у тебя не возникло мысли нарушить Кодекс ради него. Точно так же и жрицы Прорвы не думают о том, что они могли бы жить спокойно до старости, для них это то же самое, что для тебя долгий роман с Асаном — невозможное, недопустимое…

Кирочка взглянула на подругу и тут же раскаялась в своих последних словах. Не стоило так запросто задевать в праздном, по сути, разговоре тончайшую материю её свежего, ещё не до конца пережитого и осмысленного опыта.

— Да что ты вообще можешь знать об этом? — мрачно проворчала Мара и, прикусив губу, отвернулась к окну.

До самого Города они больше не разговаривали. Кирочка очень боялась, что Аль-Мара обиделась, кляла себя за чёрствость и духовную безграмотность — ну как можно было такое ляпнуть?

Немного отлегло у неё от сердца, только когда Аль-Мара первая нарушила молчание, радостно приподнявшись на переднем сидении:

— Смотри-ка, уже ворота виднеются! Считай — дома…

16

Аль-Мара никак не переменилась после поездки к загадочному озеру Жум-Нэ. Несколько дней, быть может, она ходила несколько более рассеянная и задумчивая, чем обычно, но этот эффект был в значительной степени усилен Кирочкиным воображением.

Аль-Мара точно так же перешучивалась с Крайстом, рассказывала истории и уплетала эклеры в шоколадной глазури:

— Иногда позволять себе грешное наслаждение, но удерживаться от злоупотребления — есть более высокая ступень развития духа, чем полный уход от соблазна, — говорила она, неподражаемо облизывая пальцы, — У каждого духа своя глубина искушения, которую он способен выдержать…

Она хохотала, наблюдая вежливое недоумение на лицах присутствующих — стоит ли привлекать столь высокие философские рассуждения к такой простой и обыденной вещи, как пирожные?

Но всё-таки в лучшей подруге появилось что-то новое, волнующее, непостижимое для Кирочки, и потому как бы способное поставить Аль-Мару на более высокую ступень по отношению к ней. Между ними не возникло отчуждения, нет, они по-прежнему пили чай и болтали при встрече, перемена заключалась исключительно в восприятии, в тончайшей, едва ощутимой материи… Кирочка немного завидовала неожиданно обретённой подругой принадлежностью к какому-то другому, будто бы более просторному и мудрому миру.

Наверное, всё вышло из-за Аль-Мары. Кирочке теперь тоже захотелось отведать тех вожделенных пирожных с блюда познания, которые все кроме неё уже успели попробовать…

Человек, сидящий напротив, в ресторане отеля, казался ей вполне подходящей кандидатурой для утоления любопытства. Он был хорошо одет, приятен в общении, и, по-видимому, принадлежал к числу тех ценных людей, которые не имеют привычки задавать лишних вопросов. Кирочка познакомилась с ним несколько дней назад на платной парковке. Считается, что не слишком прилично знакомиться в общественных местах, но Кирочка не видела в этом ничего плохого.

Волнуясь, она переложила на столике с места на место сложенный тканевый веер — этот милый аксессуар незнакомец подарил ей перед тем, как они пошли в ресторан — он приглянулся Кирочке на бульваре у ярко-одетой торговки мелочами. В том, как мужчина сразу купил ей этот веер, было что-то вульгарное. Кирочка указала на него, смеясь, а он тут же достал бумажник. Она даже не успела попробовать возразить, веер был ей, в общем-то, не нужен, и она указала на него просто ради продолжения разговора.

Незнакомец сидящий напротив улыбался томной ничего не выражающей улыбкой. Ему нравился вечер, нравилась юная дама с нежной светлой кожей и большими антрацитовыми глазами, нравился даже дешёвый веер у неё в руках. Бывают такие моменты в жизни, когда абсолютно всё в ней тебя устраивает, и обычно они случаются тогда, когда происходящее не принимаешь всерьёз.

Кирочка перехватила его взгляд и тут же отпустила глаза, машинально развернула веер и стала играть с ним, чтобы чем-то занять руки. Веер был чёрный, ажурный, с тонко вышитыми нежно-розовыми, белыми, серебристыми цветами; отделанный по краю плотным чёрным атласным воланом.

Они выпили ещё по бокалу шампанского и встали.

— Поднимемся наверх, — решительно сказала Кирочка. Она пошла вперёд, от волнения чересчур энергичными, размашистыми шагами, а он, следуя за нею, удовлетворённо отметил, насколько выгодно подчёркнуты линии её фигуры узким длинным тёмно-серым платьем.

Задержавшись у зеркала в холле, Кира невольно залюбовалась собою, высокой и

стройной, как свеча, шампанское коснулось мира волшебной кистью, он стал красочнее, ярче, звонче; в этот миг всколыхнулась в сознании девушки какая-то отчаянная озорная лёгкость, весёлая покорность неизбежному — эх, была не была!

Она толкнула дверь номера — там было свежо, сумрачно, мягко блестела новая полированная мебель. Замочек щёлкнул — они всегда так обреченно щёлкают, эти гостиничные замки! Кирочка сжала одну похолодевшую кисть в другой. Незнакомец, приблизившись, дохнул ей в шею. Прикрыв глаза и уронив руки вдоль тела, она позволила ему себя обнимать.

глава 12

1

Магистр Друбенс вздрогнул и проснулся.

Он превосходно владел искусством управления сновидениями, и давно уже чувствовал себя в неизвестных глубинах собственного подсознания как рыба в воде, нырял глубоко, расслабленно плавал по течению, нежась среди образов, предавался блаженству всевластья и никогда не забывал о том, что здесь он — дома, и всё, что может случиться с ним — есть лишь его собственные мысли.

Но сейчас что-то изменилось.

Магистр видел перед собою статуэтку мальчика с дудочкой. Сначала он держал её в руках и просто разглядывал, в точности так, как это было наяву; а потом, как нередко случается в снах, пространство неожиданно исказилось, окружающие предметы моментально изменили форму, размеры, расположение: теперь Магистр стоял возле статуэтки мальчика с дудочкой, выполненной в натуральную величину — застывший в глянцевом эбеновом дереве подросток как будто смотрел на Магистра, открыто и смело, чуть приподняв точёный мальчишеский подбородок.

Он был весь чёрный, гладкий, холодный и вдруг, словно лёгкий ветер подул, и лицо юноши просветлело; оно налилось красками жизни, зарумянилось нежно, как летний рассвет; чернота стала быстро спадать с него; с тонких рук, с груди, с трогательных детских коленок, секунда другая и он весь уже был настоящий, яркий, светлый; кто-то вдохнул в него душу; мальчик опустил руки, как будто передумал играть на дудочке, поднялся на ноги и, пройдя мимо Магистра, повернул в нему свою красивую голову и тихо сказал:

— Я пришёл.

Магистр впервые не мог ничего поделать с материей сна. Он привык к тому, что она мягкая, послушная, пластичная, как тёплый воск…

Но сейчас он стоял и не имел сил пошевелиться.

Мальчик уходил, Магистр смотрел ему в спину; в живых волосах мальчика вил гнездо ветер, он тихо перебирал их; внезапно подросток наклонился и положил на землю изящную чёрную флейту, которую до этого нёс в руке.

Затем он оглянулся на Магистра, как будто оставлял флейту именно ему, посмотрел на него долго, немного грустно и снова продолжил путь…

— Он пришёл.

Повторил Магистр. От этих слов на него пахнуло холодным молчаливым ужасом неизбежности.

Он вздрогнул и проснулся. Глотнул воды из стакана, стоящего на ночном столике.

Магистр решил, что нужно ещё разок навестить мастера Гая в его трущобах. Он велел Ниобу сварить кофе, надел пальто, берет, взял зонтик и отправился. Старик никак не мог привыкнуть к точным прогнозам синоптиков: он всегда брал зонт, будто бы предсказание погоды по-прежнему, как в годы его далёкой юности, оставалось прерогативой интуиции.

Небо было, естественно, ясное. Морозная синева. Немного ветрено. Но Роберто Друбенс всё же опасался непрошеного мокрого снега. Вероятность события, он знал это как маг, штука упрямая, но вполне преодолимая, если как следует взяться…

Пройдя сырой сумрачный подземный переход, бедняцкие кварталы, обогнув улитку многоуровневой дорожной развязки, Магистр достиг конца своего пути — он очутился возле сточной канавы, заросшей камышом и ивой; они торчали из глубокого снега словно редкие волосы лысеющего человека. На другой стороне канавы были гаражи, разрисованные граффити, старые, низкие, бессменно стоящие здесь словно последние стражи границ между двумя мирами. Вдоль ряда гаражей, скучая, прогуливался молодой полицейский.

Заметив, что Роберто Друбенс собирается прошмыгнуть сквозь щель между гаражами, он решительно двинулся к старику.

— Здравствуйте, гражданин. От всего сердца извиняюсь за вторжение в ваши планы, но туда нельзя.

— Это ещё почему? — Друбенс оскорблённо взглянул в глаза молодого человека с дубинкой на поясе.

— Там ведутся работы по отлову незаконных мигрантов.

Магистр понял, что придётся применить магию. Он снова поднял взгляд на рослого детину с добрым лютиковым лицом. Перед глазами у парня зарябило, сперва слегка, а потом всё сильнее, заплясали яркие всполохи, словно взлетающие подолы танцовщиц кабаре. Когда полицейский окончательно проморгался, Друбенса уже и след простыл.

Старик достаточно резво передвигался по разбитой полицейскими внедорожниками промёрзшей клочкастой земле.

Гниющие автомобили, арматура, серые доски с гвоздями, горы битого стекла — бесценные сокровища трущоб — сейчас всё это было милостиво облагорожено чистым снегом — он лежал на хламе, на всей этой отгремевшей, отъездившей своё, конченой жизни подобно белой простыни, которой накрывают мертвеца. Огромная покрышка, по-видимому, тракторная, стала похожа на шоколадный пончик с белой глазурью.

Магистр шустро добрался до заветного пролома в стене, сквозь который можно было попасть в обитель короля мусорной кучи — Гая Иверри. Приблизившись к пролому, Магистр брезгливо зажмурился и приготовился защищать голову — вспомнил о голубях. Из чёрной зияющей дыры на него пахнуло тёплой сыростью и помётом. Но никто так и не вылетел.

Магистр набрался смелости и заглянул внутрь. Сперва он ничего не увидел. Привыкшие к яркому свету погожего дня глаза не различали в темноте даже очертаний предметов. Костёр не горел, и совершенно очевидным было одно — людей здесь нет…

Магистр шагнул вперёд. Свет, льющийся из пролома, ложился широкой клубящейся полосой на пыльные диваны, бесстыдно обнажившие свои ржавые пружины, ломаные стулья, тряпьё. Всё было разворочено, перевёрнуто, ещё в большей степени разрушено, словно в квартире после обыска, и гордая обитель короля мусорной кучи напоминала теперь обыкновенный мусорный бак.

Друбенсу стало грустно. Он понял, что опоздал.

Полиция регулярно проводит подобные зачистки. Сейчас Гай, наверное, в трудовом поселении для мигрантов… И его волшебные руки! Руки, которые чувствуют каждую лишнюю шероховатость, каждую малюсенькую выемку на материале… Эти чуткие кропотливые руки ваятеля будут грубеть, изо дня в день, таская мешки и доски на строительстве какого-нибудь очередного коммерческого объекта…

Магистр вздохнул.

Он заметил у себя под ногами карманный фонарик, которым, по-видимому, пользовались жители трущоб.

Включив его, Магистр бестолково пошарил белесым лучом вокруг себя. Он не ставил себе цели найти что-то определённое; ценности, вне всякого сомнения, забрали. Да и могли ли они вообще тут быть?

Внезапно между стулом без двух ножек и краем продавленного, но некогда роскошного дивана какой-то предмет ответил тусклым бликом на робкое прикосновение фонарного света.

Статуэтка!

Чёрный глянцевый материал призывно блестел в дрожащем фонарном круге. Она была одна и лежала в таком неожиданном месте, что узреть в этом чей-либо умысел было трудно. Её не прятали; скорее всего, просто выронили, когда забирали остальные.

Это оказался мальчик с дудочкой.

Магистр склонился и бережно подобрал фигурку. Случайное и по сути пустяковое событие неожиданно обрело смысл: из большого мешка, в который обычно собирают вещи задержанных мигрантов, что-то выпало, никто обычно даже внимания не обращает…

Но Роберто Друбенс — совсем другое дело. Магические практики научили его видеть более тонкие ниточки связей между событиями. Или ткать их… Иногда эти два действия невозможно отличить друг от друга.

Как только его пальцы коснулись поверхности материала, холодной, гладкой, Магистр решил, что сегодняшняя находка — глас небес, подсказка, новый фрагмент грандиозной мозаики, которую ему предстоит собрать…

— Сон в руку! Надо же… — пробормотал он суеверно, убирая фигурку в карман плаща.

Внимание Магистра привлёк ещё один предмет — чёрный кейс. Он лежал в самом дальнем углу, и луч фонаря лишь слегка задел его; створки кейса были раскрыты, он распластался, точно мёртвая птица, его строгие кожаные поверхности были покрыты тончайшим как паутина слоем гипсовой пыли.

Гай Иверри очень долго торговался с Антикваром, желая выудить у этого скряги нечто хоть сколько-нибудь значительное. В результате кейс Эдварда Боллтона так и не был продан, чтобы затем быть почищенным и перепроданным ещё кому-нибудь. Он гордо избежал участи пойти по рукам и гнил в сыром углу.

Магистр осторожно поднял его, оставив на запылённой поверхности чёткие следы пальцев.

Замочек был сломан. Кейс — пуст. Но в одном месте дно его было немного повреждено, и Магистр догадался, что в кейсе имеется секретный отсек. Шумно выдыхая пар, он приложил некоторые усилия и выломал дно.

Какой-то удлиненный предмет, бережно завёрнутый в несколько слоёв ткани, нашёл своё пристанище в потайном отделении кейса.

Магистр принялся нетерпеливо разворачивать ткань.

Это оказалась флейта. Необыкновенно изящная, чёрная, довольно увесистая, изготовленная, по-видимому, из того же загадочного плотного гладко отшлифованного материала, что и статуэтки, найденные Гаем.

Магистр решил поднести её к губам, он никогда не играл, но это вполне естественное желание, когда в руки попадает музыкальный инструмент, — попробовать как он звучит…

Но как только он начал приближать флейту к лицу, им овладело беспокойство, сначала очень лёгкое, но по мере того, как расстояние между губами Магистра и флейтой сокращалось, беспокойство нарастало, угрожая перейти в панический ужас… В какое-то

мгновение Магистр не выдержал и опустил флейту.

Он понял, что она не совсем обычная. Но какого рода заклятие на неё наложено, Магистр пока определить не мог. Он ещё раз внимательно оглядел инструмент; почти незаметная, тоненькая как карандашный штрих трещинка проходила почти по всей длине флейты, гладкий чёрный материал скупо поблёскивал в свете, льющемся из пролома в стене.

Магистр положил флейту в карман. Это место отдало ему всё, что могло, надо было уходить; Магистр привычно чувствовал тишину пространства здесь, где он уже побывал, и постепенно нарастающий зов там, где он должен был оказаться.

Жмурясь от яркого света, Роберто Друбенс вышел на улицу через пролом.

«Ах, вот оно что…» — устало подумал он, приметив огромный транспарант, натянутый вдоль фасада полуразрушенного здания напротив.

Торгово-развлекательный центр «Радуга над заливом» — гласила синяя надпись на белом фоне.

Магистр прикрыл сухие веки; перед его внутренним взором моментально выросло огромное здание, сверкающее на солнце стеклом и металлом как бриллиант; сотни дорогих бутиков, тысячи квадратных метров торговых площадей, ресторанный дворик, скоростные лифты и эскалаторы… Сколько можно! До чего уже дошли люди: для того, чтобы потреблять самим, они заставляют потреблять других…

Каждую минуту на свет рождается новое желание. Где-то есть такие люди, и их очень много, для которых профессия — сидеть и думать, чего же ещё такого предложить другим людям. Чтобы они это захотели. И были рады за это заплатить.

Фабрика желаний.

Она работает исправно. Захотел — приобретай. Нет денег? Ничего страшного! Банки тут как тут — они готовы предоставлять тебе кредиты, чтобы твои желания исполнялись незамедлительно. Чтобы ты даже не успел подумать, а действительно ли тебе это так необходимо? Тебя вынуждают спешить. Ведь чем быстрее ты будешь осуществлять желания, тем больше желаний ты успеешь осуществить. И потратишь на это больше денег.

Тебя старательно убеждают в том, что исполнение желаний — единственный смысл твоего существования.

2

Эрн рос удивительно красивым мальчиком. Он становился прелестнее день ото дня: будто бы самые лучшие идеи Художника — творца человеческих тел — слетались к его колыбели как мотыльки, постоянно совершенствуя облик младенца.

В раннем детстве — пока Эрн ещё сидел в коляске или шёл за руку с папой — его красота выступала в роли постоянного источника удовольствий; везде: во дворе, в транспорте, в магазинах — над ним принимались кудахтать тётечки «ах, какая прелесть!», его гладили по хорошенькой белокурой макушке, рассказывали ему сказки, пели песенки, изобильно одаривали яблоками, бубликами и леденцами. Дирк едва успевал убирать предназначенные сыну гостинцы в сумку — не без оснований он опасался, что от такого количества лакомств у ребенка начнётся диатез. Разумеется, избыток восхищённого внимания не мог не сказаться и на характере мальчика — Эрн рос самовлюблённым, привередливым и плаксивым. К трём годам он уже усвоил, что стоит ему поглядеть на кого-нибудь жалобно своими огромными фиалковыми глазами, улыбнуться, помахать очаровательно пухлой белой ручонкой, как ему тотчас перепадёт какая-нибудь ласка или угощение.

Эрн был прекрасен в той же степени, в какой был уродлив его отец. Никто из тех, кто видел их вместе, не верил в то, что они вообще родственники. Тем более, такие близкие. Незыблемость законов генетики заставляла окружающих немедля отвергать мысль об отцовстве Дирка. В головах людей не укладывалось: каким образом самое уродливое существо могло породить самое красивое? Все друзья и знакомые Дирка были уверены в том, что он воспитывает найдёныша.

Со временем под давлением общественного мнения Дирк и сам начал сомневаться в своей причастности к рождению Эрна, но он так полюбил мальчика, так привык к нему, что не хотел знать правды и не обращался в генетический центр. Он не делал этого до тех пор, пока в возрасте шести лет избалованный и эгоистичный красавчик Эрн, разглядывая себя в маленьком зеркальце, не заявил ему:

— Такой урод не может быть моим отцом.

Высказывание ребёнка так поразило Дирка, что в первый момент он даже не мог ничего сказать. Конечно, он понимал, что перед ним существо юное, незрелое, которому пока чужды высшие нравственные и моральные ценности; мало кто ещё в таком возрасте понимает, что следует быть почтительным и благодарным по отношению к своему родителю…

— Нет, это такой злой и глупый мальчик не может быть моим сыном, — отчеканил Дирк и быстро вышел из комнаты. В воспитательных целях он решил не реагировать на громкий рёв Эрна, которому показалось, что его незаслуженно обидели.

— Уууууу! Аааааа! Я хорооооооошиииий! Ыыыыы…

Этот случай подтолкнул Дирка к решению сделать тест на отцовство. Не то, чтобы он осерчал на мальчика и захотел отказаться от него под благовидным предлогом, нет, скорее незаслуженная обида просто обнаружила его глубоко запрятанное желание узнать правду.

Незаметно отрезав прядь нежных серебристых волосок спящего младенца, он отправился в медико-генетический центр.

Результаты экспертизы удивили Дирка невероятно. Он не ожидал такой реакции от себя самого. Несколько минут он стоял как вкопанный, тупо пялясь в непонятные значки, распечатанные на нескольких листах, под которыми, как итог, как квинтэссенция, выделялась набранная жирным шрифтом лаконичная и ясная фраза:

ВЕРОЯТНОСТЬ ОТЦОВСТВА СОСТАВЛЯЕТ 99,9%

Несколько дней спустя Дирк, успев притерпеться к тяжести своей ноши, принёс распечатку Эрну и ткнул его хорошеньким носиком в вышеупомянутую надпись.

— Так-то.

Эрн только похлопал густыми ресницами.

Однако, это знание сказалось на нём благотворно. На какое-то время он даже перестал перечить отцу по любому поводу, как бывало обычно, и начал чаще слушаться его.

В Дирке же открывшаяся истина инициировала настолько тонкие и глубокие перемены, что они во многом остались загадкой для него самого. Он уже почти свыкся с мыслью, что растит прелестного подкидыша, чужого, а не своего ребёнка, но, тем не менее, вкладывал в него все силы и тёплые чувства. С раннего детства Эрна везде — в кабинете педиатра, на площадке во дворе, в детском саду — несчастному отцу твердили одно: его родство с этим прелестным ангелом невозможно — и, в конечном итоге, убедили… Дирк перестал

надеяться на то, что мальчик приходится ему сыном.

Странно, но, утвердившись в своём отцовстве, Дирк не стал любить Эрна сильнее. Более того, он начал находить в нём всё больше изъянов — нет, не физических, их у Эрна невозможно было даже представить — глубоких внутренних изъянов души: капризность, лень, тяга ко всему запретному, высокомерие и эгоизм — невиданный, беспредельный, переходящий все мыслимые границы эгоизм…

Благодаря вышеупомянутым ласковым тётечкам, Эрн с ранних лет начал осознавать свою красоту и непомерно ею гордиться. Он, вероятно, считал, что своим существованием делает большое одолжение Вселенной, другие обитатели которой не столь прекрасны.

Все возникающие у него желания и причуды Эрн полагал подлежащими немедленному удовлетворению. И в том почти не было его вины: с момента своего рождения он не знал ни в чём отказа; стоило ему показать пальчиком на что-нибудь, он почти наверняка это получал, продавщицы на рынках выбирали для него самые лучшие фрукты, в автобусах ему всегда уступали местечко у окна — красота это тот идол, перед которым склоняются безоговорочно, ибо природа её божественна, и нет у людей власти творить её по собственному желанию; красота даётся при рождении и посему она всегда незаслуженный дар, и более всех других богатств будоражит чужие страсти, вызывая вожделение, зависть и благоговение…

Эрн хотел. Безудержно. Яростно. Всякий пустяковый каприз стихийно овладевал всем его существом.

Изыскивая всевозможные способы получить желаемое, он с редкостным бесстыдством воздействовал на окружающих, если исполнение каприза зависело от них, а в случае неудачи вымещал на них зло — говорил обидные вещи или подстраивал какую-нибудь пакость. Он просто изводил Дирка требованиями купить ему ту или иную игрушку, грозил отцу, шантажировал его. Понравившиеся безделушки у сверстников он либо просил подарить с настойчивостью доходящей до беспредела, либо отнимал, либо крал.

Разумеется, дружить с Эрном никто не стремился; то есть если поначалу другие дети и чувствовали к нему симпатию, обусловленную его миловидностью, то, узнав его ближе, большинство из них не задерживалось в его окружении долго. Эрна это не особенно печалило; гораздо больше, чем абстрактная «любовь» окружающих его интересовали вполне конкретные осязаемые, обоняемые и ощутимые удовольствия, которые можно было от них получить.

Когда пришла пора отдавать сына в школу, Дирк столкнулся с ещё одной трудноразрешимой проблемой: заставить Эрна что-либо делать было попросту невозможно. Мальчик вырос абсолютно немотивированным к труду; единственным, что его интересовало, были удовольствия, к получению которых не требовалось прилагать серьёзных усилий; читать по складам и решать элементарные примеры на сложение и вычитание Эрн кое-как научился к концу второго класса, причём не обошлось без внушений ремнём; содрогаясь от жалости к чаду, сам чуть не плача, Дирк взялся за этот универсальный дозатор мудрости лишь тогда, когда окончательно смирился с полной неэффективностью всех остальных подходов.

Соученики Эрна и большая часть персонала школы были твёрдо убеждены в том, что он туповат; этой верой они как бы компенсировали сами для себя его ангельскую красоту, в некотором смысле уравнивали его с собой: «вот, дескать, как мир устроен мудро, во всём есть великая гармония, и если уж в одном месте — густо, стало быть, в другом — пусто…»

Вероятно, все они сильно огорчились бы, когда бы им стало известно, что они заблуждаются. Эрн был весьма сообразителен во всём, в чём видел прямую выгоду для себя.

Несколько раз его хотели исключить из школы; но и директору, и завучу, и преподавателям, которых Эрн регулярно выводил из себя своим пренебрежением к знаниям, становилось всегда в последний момент жалко Дирка, несчастного отца-одиночку, работающего не покладая рук и еле-еле справляющегося со своим отпрыском. «Бедняга!» — перешёптывались эти чувствительные женщины в стенах учительской — «С какой самоотверженной любовью он растит найдёныша с таким скверным характером! У этого человека просто огромное сердце! Я бы на его месте давным-давно сдала этого хама в приют!»

Любые проявления заботы, поблажки и снисхождения Эрн принимал как должное. Он никогда не чувствовал стыда, если ему прощали баловство; словно маленький император, всё хорошее он считал уже принадлежащим ему по праву.

В начале пятого класса учитель географии взял-таки Эрна за прелестное ушко и оттрепал как следует, на что вредный мальчишка написал жалобу уполномоченным по правам ребёнка, и они добились увольнения географа из школы.

После этого случая педагоги окончательно махнули на Эрна рукой; закрыв глаза, ему рисовали «тройки», не спрашивая с него практически ничего, «не замечали» ни частых прогулов, ни опозданий; теперь школа перестала доставлять Эрну какой бы то ни было дискомфорт, он приходил, когда хотел, когда хотел, уходил, делал, что хотел, и потому практически не безобразничал, не мешал учителям работать, чем они и были очень довольны.

Дирк вздыхал украдкой; всякий родитель желает, чтобы его чадо поднялось по лестнице жизни выше, чем он сам; как отец Дирк — видит Бог! — сделал всё возможное… Впрочем, быть грузчиком или укладчиком в супермаркете не самая ужасная участь…

3

Сотворение всякий раз начиналось заново. Сначала песок. Потом небо. Но процесс никогда не повторялся в точности. Объекты создавались в разной последовательности и всегда различались в мелочах. Мир творился как воспоминание — из раза в раз единообразно, но в то же время по-разному. Возвращаясь в памяти к какому-либо событию из прошлого, человек, как правило, не копирует прежнее восприятие один в один; вспоминая снова и снова, он акцентируется на разных деталях или эмоциях; в зависимости от его настроения, текущих взглядов на жизнь, вскрывшихся фактов получаются совершенно отличные друг от друга картины.

Так обстояло дело и с этим загадочным пространством; Магистр остерегался называть его сном; это было нечто другое — одинокое тревожное путешествие, непрерывный поиск неизвестно чего…

Магистр, оказываясь здесь, всякий раз чувствовал некоторое замешательство от окружающей его пустоты — только небо и белый песок — это странно, неуютно и, пожалуй, неправильно. И он начинал вспоминать привычное. Предметы. Направления. Цели. Появлялись бесконечные линии проводов, дорога, крыши далёкого города в кремовой дымке зноя…

И Магистр шёл вперед. Возникновение конкретной обстановки вокруг успокаивало его. Когда ничего нет, и идти некуда. А идти нужно было. Стоять на месте просто невозможно, особенно когда вокруг всё белое, бесконечное и бессмысленное — кажется, будто не только

пространство исчезло, но и время остановилось.

Поэтому Магистр продолжал идти вперёд, повинуясь изначальной таинственной внутренней необходимости искать события, чтобы хоть как-то двигать время вокруг себя.

Он никому не рассказывал об этих своих видениях; Магистр ни с чем их не связывал, и обычно накрепко забывал о них, стоило ему заняться повседневными делами. С момента смерти своего Учителя, Магистра Лица Глядящего во Тьму он увлеченно искал доказательства приближения исполнения пророчества о великом Пришествии.

Ниоб и Ехира помогали ему. Как умели. Это были лучшие его ученики, и, может, не без некоторого тайного, даже от себя тщательно скрываемого неудовольствия, они искупали, как это принято у колдунов, дарованную им мудрость, заботясь о престарелом Магистре. Ниоб занимался в основном ведением дома, Ехира — секретарской работой, письмами, документами, счетами Учителя, ставшего с годами забывчивым и рассеянным. В свободное время Ехира донимала Ниоба, у которого этого самого свободного времени почти не было, вероятно, он сам не хотел его иметь и потому постоянно искал и находил себе дела, протирал листья комнатных растений, вышивал узоры на кухонных прихватках, удалял пыль с древних книг, без устали полировал мебель или отмывал до зеркального блеска кафельную плитку.

— Ниоб, а ты когда-нибудь спал с женщиной? — спрашивала Ехира, покачивая ногой в изящной туфельке и чёрном чулке вышитом бордовыми розами.

Весь лучший вкус жизни, самый сок её, составляли для молодой чаровницы половые удовольствия; она была искушённым знатоком их и тонким ценителем. Впрочем, это было вполне естественно, если принять во внимание её магическую специализацию — управление энергией либидо…

Ниоб молча пылесосил любимое мягкое кресло Магистра.

Ехира регулярно задавала ему подобные вопросы; её нисколько не заботило, что он ни разу за добрый десяток лет не удостоил её ответом и даже взглядом; Ниоб разговаривал с плутовкой и смотрел на неё только если этого требовало общее дело. Она, вероятно, считала, что сие происходит от неопытности Ниоба в вопросах телесной любви; всякую зажатость в разговорах на интимные темы она полагала происходящим от неведения, своими обширными познаниями, как теоретическими, так и практическими, она безудержно стремилась поделиться со всеми, кто оказывался на достаточно близком расстоянии.

— Наше тело, — говорила она, принимая соблазнительную позу на диване, — это универсальный источник блаженства, ни на что другое, если подумать, оно не рассчитано… Всю свою жизнь надо использовать этот восхитительный инструмент всласть: кожа наслаждается купанием, массажем, прикосновениями; язык — вкусом еды и питья; глаз — красотой, слух — великолепным звуком, нюх — экзотическими ароматами… Следует окружать себя тем, что приносит удовольствие. И глупо этого стесняться; в том наша природа, и на мой вкус, — умысел создателя; он сотворил нас для того, чтобы каждый наслаждался сам собой… После утренних занятий в спортзале, массажа, сауны, я принимаю душ, обтираю своё тело кремом, чувствуя, как моя кожа радуется этому, надеваю красивое бельё, платье, которое мне нравится, не спеша делаю макияж, соответствующий моему настроению, вкусно и сытно завтракаю… Я иду по улице и явственно ощущаю свою цельность, осмысленность, важность. Я ловлю на себе мужские взгляды, и, предвкушая ещё большее наслаждение от соединения с любым из них, наслаждаюсь каждой секундой своего материального бытия… Тебе ясно, Ниоб? Не понимаю, как можно закрываться от лучшего,

что доступно смертным…

Он всегда молчал, и она постепенно переходила на другие темы.

— Зачем ты так часто и тщательно стираешь пыль? Ведь ты знаешь, что в следующую же секунду, как только ты отправишься дальше, на это место сядут новые пылинки?

— Ни в чём, по большому счёту, нет смысла, — отвечал Ниоб, продолжая трудиться, — но, чтобы тебе было понятнее, есть такая вещь, как удовольствие от процесса…

Каждый обитатель особняка Магистра Белой Луны был погружён в свой собственный мир; Ехира — в непрерывную эксплуатацию проверенных и интенсивный поиск новых источников наслаждения; Ниоб — в своё неторопливое, почти ритуальное наведение чистоты, а сам Магистр — в мрачно-торжественное ожидание Пришествия.

Он был уверен, что на Земле появился, или появится в самое ближайшее время Посланник, Знамение, Исполнитель Желаний — в разных старинных текстах его называли по-разному — юный колдун невиданной доселе Силы — и именно ему, Роберто Друбенсу, предстоит встретиться со страшным гостем лицом к лицу, завоевать его расположение, образно говоря, приручить титана, направив великое могущество Источника на благие цели, не позволив злу завладеть им…

Магистр знал свой путь. На его глазах выступали слёзы радости и умиления каждый раз, когда он думал о себе в этой великой роли — надёжного щита и спасителя цивилизации.

Оставался только один вопрос: на какое именно великое дело, способное осчастливить всё человечество разом, следует пустить ту Силу, которую принесёт с собой Исполнитель Желаний?

— Больше всего люди боятся смерти, — размышлял старик вслух за чашечкой кофе, — они столько разных теорий напридумывали для того, чтобы худо-бедно смягчить в собственном восприятии эту прискорбную данность биологических тел, тут тебе и боженька на небесах, и рай, и колесо вечных перерождений… Даже не знаешь, что выбрать. Глаза разбегаются… Если люди так не хотят умирать, почему бы не избавить их от этой необходимости… Но тут есть небольшая проблема: куда девать весь тот народ, который будет продолжать прибывать в мир, ведь мало того, что люди не хотят умирать, так они ещё и жаждут размножаться?

Не сразу, но Магистру удалось найти выход.

— Я создам новый мир. Свой собственный. Такой, в котором вообще не будет материальных тел. Обитель чистой информации. Жёсткий диск бесконечной ёмкости, математическую Вселенную, где каждое существо — информационная единица, новые идеи возникают, а прежние — не уничтожаются…

Магистр Друбенс был очень добрым стариком. Он готовился устроить Апокалипсис, от всей души желая счастья каждому живому существу. Глядя в его горящие огнём Великой Идеи глаза невозможно было усомниться в том, что намерения его являются исключительно благими…

— Ты только представь, Ниоб… — Магистр взахлёб пытался делиться своим энтузиазмом с молчаливым Учеником, который, стоя на стремянке, невозмутимо протирал плафоны люстры. — …Только представь! Смерть исчезнет как таковая. Время утратит свою необходимость. Все предметы станут идеальными и вечными. Красота, точность и симметрия будут абсолютны! Подумай сам, так же выглядит рай, Ниоб… Ведь всякое страдание происходит от нарушения равновесия. А любая Идея, выраженная в материи, всегда шероховата, не совершенна, не безукоризненно точна… Она не может быть

воссоздана в первозданном виде и этим причиняет боль, ведь души наши, Ниоб, все родом из мира идей, они помнят его бессознательно, и мучительно ищут здесь, от рождения до самой смерти, но никак не могут отыскать… Потому все мы несчастны. Каждый по-своему. И мы ищем утешение в мимолётных желаниях, надеясь, осуществив их, получить то, чего нам так не хватает — рай. И всякий раз разочаровываемся. Счастье наше земное — это лишь вечное Предвкушение… Предчувствие.

Ниоб никак не прокомментировал пылкое откровение Учителя. Закончив протирать плафоны, он аккуратно сложил стремянку и поставил её в угол. Мгновение спустя в руках у него возникли садовые ножницы.

— Время подрезать кусты, Магистр.

— Да, да, конечно, иди… — опомнился Друбенс, — я, наверное, совсем тебя заболтал. Не хотелось бы мне быть в ваших глазах одним из тех престарелых зануд, которых изображают на плакатах социальной рекламы. «Душевное общение — дороже любого подарка. Поговорите с пожилым человеком».

Ниоб поклонился и вышел, неслышно прикрыв за собой дверь.

4

— Этот парень на книжной ярмарке, синеглазый, книги выносит со склада… Он странный, — говорила Ехира Ниобу, перемешивая крошечной ложечкой эспрессо в малюсенькой как напёрсток чашке.

Человек в тюрбане оторвался от своего нужного и важного дела — протирания хрустальных бокалов в серванте — и взглянул на неё.

— Магистр теперь уверен, что он обыкновенный человек, — продолжала Ехира, — потому что золотой империал так и не пробудился у него в руках…

— Я знаю о ком ты, — Ниоб поднял бокал на вытянутой руке и взглянул через него на свет, — ты погляди только, какое чудо, если смотреть в стекло, то мир кажется совершенно другим.

— Да хватит уже твоих дурацких иносказаний! — вспылила ведьма.

Ниоб поставил бокал на полку и собрался протирать следующий, деликатно обхватив его двумя пальцами за ножку…

— Почему Учитель отдал последний золотой империал именно ему?

— Это случилось очень давно, — Ниоб опустил руку и взглянул на собеседницу, — тогда в лесу было до того много ветрениц, что казалось, всё ещё лежит снег. И я ползал на коленках, собирал их в тугой пучок, потом бежал, спотыкаясь, нёс на вытянутой руке, как облако, и подарил одной девочке. Я до сих пор не знаю, почему именно ей.

Ехира фыркнула и поднялась с дивана.

— Ты никогда не говоришь ничего конкретного.

— Какой был бы из меня тогда предсказатель, — проговорил Ниоб, дунув в бокал, с целью извлечь оттуда пушинку, — говори я всегда то, что вы хотите услышать?

— Ну, скажи то, чего мы не хотим слышать! Хоть что-нибудь скажи…

— Твои чары на этот раз окажутся бессильны…

Глаза Ехиры сузились и сверкнули; предсказание явно пришлось ей не по вкусу. Она взяла свой кофе и вышла из комнаты.

«Ниоб — плохой предсказатель, это все говорят, он либо молчит, либо говорит странные вещи, которые понять можно, в общем-то, как угодно…»

Под окнами веранды Магистра плавали фантазийные лиловые облака сирени. Спускаясь

с крыльца, Ехира подумала о Билле. Её мысль вспорхнула, пронзила пространство, словно прочная прозрачная нить, и легонько коснулась его. Билл остановился передохнуть, поставив ящик с книгами на ступеньку. Мысль ведьмы, словно комар, вилась вокруг, неосязаемая, незримая, и он никак не мог понять причину внезапной тревоги, кольнувшей под сердцем…

Вдруг что-то звякнуло о широкую ступеньку ярмарочной лестницы. Спохватившись, Билл хлопнул ладонью по нагрудному карману рубашки, где хранилась заветная монетка. Золотой империал прыгал по лестнице, катился вниз, звеня и время от времени ловя блики света от ламп.

Сверкнув в последний раз, он приземлился на ладонь Айны Мерроуз, которая принялась разглядывать его в ювелирную лупу… Закрылась и открылась тяжёлая матовая дверца сейфа; империал снова оказался на ладони, теперь уже на другой, юной, ярко сверкнувшей свежими нежными лепестками пальцев. И тут империал вспыхнул, засиял ослепительно, точно маленькое солнце, затмевая своим светом и руку, держащую его, и всё вокруг…

Это видел внутренним взором Ниоб, стоя возле серванта и всё ещё держа за ножку хрустальный бокал; качнув головой в чалме, он отогнал наваждение, вытянув руку, снова полюбовался оконной рамой и облаками, преломлёнными идеально прозрачным тонкостенным параболоидом бокала.

глава 13. Побочный эффект

1

Когда Аль-Маре исполнилось шестнадцать лет, ей разрешили в первый раз отправиться вместе с подругой, которая уже не единожды ходила на заработки в город. И именно тогда произошло с девушкой то дикое, гадкое, несправедливое, что наложило свой отпечаток на всю её последующую жизнь. В порту к ней привязался пьяный морской офицер, приняв за даму свободных нравов, которых там было очень много. Сперва он пытался добиться её благосклонности шутками, уговорами, предложениями пойти выпить и потанцевать, но потом, отчаявшись, пустил в ход грубую силу.

Затащив Аль-Мару в какой-то тёмный закоулок, он прижал её к стене, задрал юбку на голову… Она отчаянно сопротивлялась, но хмель сделал его упрямее и злее… Он был сильный, очень сильный, молодой, красивый, с язвительными чёрными усиками. И оттого, что он такой привлекательный, высокий, мускулистый, наглый — многие другие девушки, возможно, с радостью удовлетворили бы его желания — от этого вне всякой логики было только ещё более гадко… Аль-Мара долго потом вспоминала, содрогаясь от омерзения, его крепкую жилистую шею, бронзовую от загара, с блестящими бусинками пота; в тот жуткий момент ей почему-то бросился в глаза поразительный контраст могучего дикого мяса и стройной правильности четкого как сложенная белая бумага форменного воротника.

Выручили из беды девушку собаки. Это вышло удивительно. Несколько бродячих кобелей случайно забрели в подворотню, где нахал пытался преодолеть постепенно ослабевающее сопротивление Аль-Мары и принялись неистово лаять на него. Внезапное вторжение этих диких и явно не слишком дружелюбно настроенных к нему животных немного отрезвило моряка, он отвлёкся от своей жертвы и хотел было прогнать псов, но самый большой и страшный из них — лохматый серый кобель с рваной мордой, по-видимому, вожак — так убедительно зарычал на него, что офицер пустился наутёк… Аль-Мара была спасена.

Но то невероятное унижение, которое она испытала, очень глубоко вошло в душу девушки. Рассказать кому-нибудь о произошедшем казалось невозможным. Аль-Мара чувствовала жгучий стыд и вину — словно она совершила страшное преступление. Собственное тело стало теперь казаться ей отвратительным. Оглядывая себя в зеркало: широкие упругие бёдра, мягко выпуклый живот с тёмной ямкой пупка, нежные девичьи груди точно капли молока, красивые полные плечи — Аль-Мара с трудом подавляла приступы тошноты — ведь именно оно, тело, послужило причиной невыносимого несмываемого позора, ужаса, унижения…

С мужчинами первое время девушка даже не разговаривала. Все они, как один, представлялись ей плотоядными, алчными существами, ищущими в женщине лишь успокоения своей непостижимой голодной хищной природы. Особенно её пугали крепкие, атлетического телосложения особи противоположного пола — встречая таких в городе, Аль-Мара старалась спрятаться, чтобы они не могли смотреть на неё долго. Ей казалось, что даже расточаемые этими загорелыми холёными самцами взгляды опасны: они въедаются сразу и долго потом остаются на теле, словно разводы чего-то мерзкого…

Девушка теперь стала часто бывать в городе. Это казалось странным, но её тянуло туда

снова и снова, она испытывала одновременно и неприязнь и интерес к этому огромному организму из стекла и бетона.

— На севере, за морем, — говорила своим зловещим скрипучим голосом наставница Магар-ра, — есть города ещё больше, ещё громче, ещё страшнее, чем этот, там дома такие же высокие как горные хребты, и ни единой травинки там нет, всюду камень; железные ленты обвивают эти исполинские дома подобно плющам, и ползают по этим лентам железные насекомые…

Аль-Маре очень захотелось увидеть те города, о которых рассказывала старуха. Она часами бродила по просторным асфальтированным площадкам в грузовом порту, с завистью глядела, как выходят из каналов в море торговые суда. Девушка гадала прохожим и зарабатывала этим вполне достаточно на скромную самостоятельную жизнь. Попытка изнасилования сильно отдалила её от семьи и от соплеменников. Сделавшись молчаливой, замкнутой, Аль-Мара сознательно избегала долгих и близких контактов с людьми. Она почти ничего о себе не рассказывала и, предпочитая проводить время в городе, возвращалась в поселение только поздней ночью. Девушка самостоятельно научилась читать по слогам вывески магазинов, банков и гостиниц, писать печатными буквами своё имя. Разумеется, это было её тайной. Желание овладеть «премудростью шакки» вероятнее всего вызвало бы у соплеменников непонимание и осуждение.

Когда мать нашла среди вещей Аль-Мары длинный широкий чек из универсального магазина, исписанный с обратной стороны шариковой ручкой — девушка упражнялась на нём — не особенно любимая и прежде дочь окончательно впала в немилость.

— Ты постигаешь чуждую родичам твоим бесовскую грамоту? — строго спросила мать.

Аль-Мара молчала, она не знала, что сказать; врать она не могла, но суеверный страх проклятия предков всё ещё жил в ней. Девушка стояла, покорно уронив руки и понурив свою пушистую огненную голову, ждала, когда на неё обрушится праведный гнев родительницы.

— Как ты родилась не наша, так и умрёшь чужой, — в сердцах сказала мать.

Эта фраза глубоко запала в душу девушки и в нужный момент решила её судьбу. Бывают такие вещи, на которые ум реагирует не сразу, а спустя какое-то время, иногда довольно большое. Подобное произошло и с Аль-Марой.

Однажды, когда она по своему обыкновению обреталась в порту, капитан пассажирского судна, отбывающего на север, случайно заметив её в общей суматохе, предложил ей место горничной. Прежняя девушка, которая убирала комфортабельные каюты, некстати захворала, срочно требовалось найти ей замену; капитан решил, что юная, рослая, похожая на попрошайку Аль-Мара в пыльном сарафане до пяток и с потёртой рыбацкой сумкой через плечо вряд ли откажется…

Так и случилось. Девушка отнеслась к предложению как к подарку богов, без лишних раздумий и долгих прощаний в составе команды пассажирского теплохода «Вестник» она отбыла на север, навстречу новой жизни, великолепной, зовущей, полной непочатых тайн как чистый морской горизонт.

2

Рахель Грик была невероятно впечатлительной и увлекающейся особой. Она верила в то, что по надписям на рекламных щитах можно узнать свой путь в жизни, если нужная надпись в нужный момент попадётся на глаза. Она очень внимательно относилась к разного рода приметам и суевериям, никогда не забывала взглянуть в зеркало, выходя из дома, а, встретив чёрную кошку, непременно поворачивала назад. Всё это создавало немало

трудностей в её личной и общественной жизни, она регулярно получала нагоняи от начальства за опоздания в офис, пропускала важные встречи из-за разных глупых случайностей, вороны, каркнувшей не вовремя, некстати упавшей вилки или ножа.

Рахель была просто находкой для разного рода рекламных агентов, распространителей косметики, модных товаров и услуг — ведь она была идеальным потребителем — существом, почти не имеющим собственных потребностей, но легко поддающимся навязыванию их извне.

Большую часть своего свободного времени она проводила в молах: Рахель постоянно что-то покупала, что-то тут же приходилось выбрасывать, поскольку в её квартире уже не хватало места — вокруг неё с бешеной скоростью вертелось пёстрое колесо вещей.

Каждый месяц Рахель покупала новый номер своего любимого глянцевого журнала «Красивая жизнь» и во всём стремилась соответствовать красочным изображениям на его разворотах. Она выкладывала в социальные сети огромное количество фотографий купленных вещей, видов из окна отеля, сантехники и мебели в номере, если отправлялась в отпуск; обращаясь к профессиональным фотографам, Рахель регулярно изготовляла студийные портфолио в шикарных платьях из последних коллекций, причём они не всегда оказывались ей по карману; она покупала их, аккуратно фотографировалась, не срезая бирки, а затем просто возвращала наряды обратно в магазин по чеку. Создание вокруг себя бриллиантового сияния роскошной жизни кинодивы было главным фокусом её интересов и стремлений.

Так бы, наверное, продолжалось и дальше, но случайность положила начало поистине волшебной истории. В разделе «Мистика и эзотерика» любимого журнала Рахель Грик опубликовали статью под интригующим названием «Мечты сбываются. Это факт.» Далее на двух страницах на фоне счастливо улыбающейся девушки с великолепной фигурой, огромной квартирой и модной машиной рассказывалось о том, что если каждый день по несколько минут думать об исполнении своих желаний с таким чувством, как будто они уже сбылись, то через некоторое время они действительно сбудутся, причём безо всяких усилий со стороны желающего! Здорово, не правда ли?

И Рахель принялась мечтать. Если всё так просто, решила она, то зачем мне продолжать создавать для окружающих иллюзию, будто я живу шикарно? — ведь теперь я знаю, как ВЫМЕЧТАТЬ себе настоящую шикарную жизнь!

С тем же энтузиазмом, с которым прежде Рахель убеждала своих друзей в соцсетях в своём фотографическом благополучии, она взялась теперь медитировать на исполнение желаний. Для верности она делала это не по несколько минут в день, как рекомендовали в вышеупомянутой статье, а вообще целыми днями. Она мечтала дома, сидя на гимнастическом коврике, мечтала в душе, в пробке по пути на работу, на рабочем месте, в обеденный перерыв и даже по вечерам на свиданиях в ресторанах!

Но, как ни странно, несмотря на всё усердие госпожи Грик на поприще мечтания, её мечты не торопились претворяться в жизнь, или, если даже они и сбывались, то совсем не так, как она ждала, причиняя ей этим немало огорчений.

В попытке разрешить возникающие проблемы с помощью всё того же глянцевого журнала, Рахель обратилась к последней странице оного, где обычно публиковались рекламные объявления гадалок, колдунов, кандидатов и докторов эзотерических наук, специалистов по корректировке кармы и прочих сопричастных к потустороннему миру товарищей, за умеренную плату готовых помочь страждущим обитателям этого.

Гадалка, вся обвешанная костяными и деревянными амулетами, сделав несколько картинных движений ладонью над толстой чёрной свечой, хорошо поставленным замогильным голосом заявила госпоже Грик, будто бы она проклята, а чтобы снять проклятие, потребуется выполнить один очень сложный древний магический ритуал и она даже сможет в этом помочь, но…

Гадалка назвала Рахель сумму за свои услуги совершенно немыслимую. Бедняжка такими средствами не располагала, и, будучи легковерной и впечатлительной, впала в панику. По уверениям ведуньи, положение у дамы было просто отчаянное: проклятие грозило разрушить не только личную жизнь самой госпожи Грик, но и судьбы её далёких потомков… Перепуганная женщина приняла решение воспользоваться потребительским кредитом.

Торопливо семеня маленькими ножками в лакированных туфельках она убегала от своего страха и отчаяния. Шпильки клевали асфальт как голодные голуби. Рахель Грик свернула на Улицу Банков. Здесь в окружении слепых чистых витрин с табличками курсов валют и рекламными плакатами процентных ставок по вкладам она почувствовала себя спокойнее. Полтора километра настежь раскрытых (на улице стояло лето) дверей в лучшую жизнь! Выбирай любую.

Рахель одолела три ступеньки крыльца и вошла в банк. Нажав на надпись «кредиты» на сенсорной панели, она взяла из подсвеченной щели аппарата только что отпечатанный, тёплый ещё, талончик электронной очереди и присела на уголок пухлого кожаного дивана в вестибюле. Она была очень бледна, её губы и подбородок слегка подрагивали — словом, вид она имела странный и жалкий. Взяв со столика изрядно уже потёртый глянцевый журнал «Ваши деньги», Рахель начала перелистывать его бессмысленно и нервно. Некоторое время спустя на табло загорелся номер её очереди.

По-птичьи вытянув шею, она поднялась с дивана, и, держа свою стильную сумочку-клатч двумя руками перед грудью, суетливо засеменила к окошку. Она настолько была поглощена тревогой за судьбу своих несуществующих пока потомков, что не заметила молодого мужчину, который стоял в центре вестибюля и озадаченно разглядывал выданный ему электронной системой талончик.

Столкновение было неминуемо. Рахель забавно ойкнула и выронила клатч. Неожиданная встряска взбаламутила её мысли как блёстки в дешёвом шарике-сувенире, наполненном водой.

— Извините, — пробормотала она, часто моргая.

— Ничего страшного…

Она обмерла, ослеплённая синевой глаз и свечением рубашечного воротничка, что был белый как сама белизна, как вечная идея белого цвета. Билл даже не представлял, что делается с женщинами, когда он и не думает ничего с ними делать. Он только обронил в пространство спокойную вежливую улыбку и сказал Рахель два слова. Только. Два.

Такое сине-бело-бронзовое сияние — безупречный воротничок, раскинув крылья подобно журавлику оригами, открывал загорелую шею Билла — от впечатлительности Рахель происходила её невероятная влюбчивость — глаза незнакомца тут же очаровали её. Они говорили о любви — в их непостижимой глубине узрела госпожа Грик невольное обещание; в них, почудилось ей, проскочила искра, способная воспламенить большую Мечту.

Крайст подобрал с белых плиток пола клатч и протянул его Рахель.

— Спасибо, — она взяла клатч, и, как будто не зная, что с ним делать, застыла, держа его в протянутой руке.

— Что с вами? Вы чем-то встревожены? — заботливо поинтересовался внимательный Крайст, от него не укрылось, что стоящая перед ним дама не вполне владеет собой, — Выпейте воды. Финансовые вопросы лучше решать в спокойном и сосредоточенном состоянии.

Морок очарования перед глазами Рахель начал постепенно рассеиваться.

Билл протянул ей пластиковый стаканчик с ледяной водой из кулера. Бедняжка взяла его и алчно опрокинула в рот.

— Что же с вами произошло? — немного удивлённо поинтересовался Крайст, более настороженно вглядываясь в лицо странной клиентки банка, — Мне кажется, вам нужна помощь.

— Вы правы! — воскликнула Рахель, единым махом окунувшись в бездну своего отчаяния с головой. В таком состоянии люди обычно готовы довериться первому встречному. — Я так несчастна! Представляете, меня прокляли!

— Хм… — Билл поднял брови. — Это интересно. И кто же поступил с вами так нехорошо?

— Понятия не имею! Да и нет в этом, по-моему, ничего интересного! — обиженно, как будто ей нагрубили, выпалила Рахель, — Это… это… УЖАСНО!

Она вновь вспомнила о гадалке и сокрушённо замотала головой…

— Ужасно! Ужасно!

— Не переживайте! — поспешил утешить импульсивную даму Билл, сконфузившись от того, что другие клиенты банка, ожидающие своей очереди, оторвались от гаджетов и глядели на них, — Мне кажется, что я смогу вам помочь.

Прикосновением пальца, лёгким, как порхание бабочки, он оживил дисплей наладонника.

3

Кирочка и Аль-Мара поднимались по гулкой широкой лестнице в подъезде дома, где жила госпожа Рахель-Генриетта-Изара-Элеонора Грик. Высокие окна-арки хорошо освещали просторные пролёты. Звук шагов отдавался эхом где-то далеко вверху, отражаясь от мозаичной полусферы купола здания.

На огромной площадке третьего этажа, вымощенной крупной серо-розовой каменной плиткой, стояли глубокие кожаные кресла, журнальный столик и кадка с пальмой. Высокие двери, отделанные деревом, неприветливо глядели на пришедших тёмными кружками глазков.

Кирочка решительно позвонила в одну из них. Подвижная камера над дверью тревожно встрепенулась и, повернувшись, уставилась прямо на девушку.

— Кто там? — спросил сквозь негромкое шуршание женский голос из динамика, установленного чуть в стороне от двери.

— Госпожа Грик? Мы пришли помочь вам. Это касается вашего предположительного контакта со сверхъестественными силами… — Кирочке было не слишком приятно общаться с бесстрастным оком камеры видеонаблюдения. Да и распространяться о цели визита к Рахель среди чутких, напряжённо вслушивающихся во всё происходящее динамиков охранных систем тоже не хотелось.

— Одну минуточку!.. — раздался взволнованный голос, а спустя некоторое время

массивный засов бронированной двери громко стукнул, и она очень медленно будто бы неохотно отворилась.

Рахель стояла на пороге в стилизованном под кимоно домашнем халате. Вокруг её головы намотано было большое полотенце.

— Извините… — хозяйка в обществе двух полностью одетых девушек застеснялась и поплотнее запахнула своё кимоно, — Вы подождёте, пока я приведу себя в порядок? В гостиной есть журналы, и я могу попросить домработницу подать кофе…

Она меленько засеменила по коридору в стильных домашних сабо на очень высокой деревянной платформе.

Кирочка и Аль-Мара понимающе переглянулись, представив себе, как долго придётся сидеть сиднем на широком диване, перелистывая скучнейшие глянцевые журналы, пока эта дама — Рахель показалась им гламурной и невыносимо шаблонной особой — наносит на себя в несколько слоёв рекомендованные рекламой крема, пудрится, одевается…

— Мы люди простые, можно обойтись без церемоний… Вы и так прекрасно выглядите! — немного растерянно воскликнула Аль-Мара вслед уходящей хозяйке.

Рахель обернулась; пышным пионом расцвела у неё на лице довольная улыбка. Она обожала комплименты и предпочитала всегда им верить.

4

— Располагайтесь, — продуманным движением руки в широком рукаве халата-кимоно госпожа Грик указала девушкам на диван в гостиной.

— Нам сообщили, что у вас имеются некоторые проблемы… — без предисловий начала Кирочка, осторожно принимая объятия модной мягкой мебели, — Неприятности… Так скажем… Весьма необычного характера…

Кирочка чувствовала себя непривычно среди окружающей её витринной вычурной роскоши. (Разумеется, это всё были вещи с бросовых распродаж, которые Рахель неустанно вынюхивала по всему городу как лисица, но, надо отдать ей должное, выглядела обстановка дорого.)

— Какой у вас красивый дом, — заметила Аль-Мара, умеющая безошибочно угадывать те струны человеческой души, прикосновение к которым даёт самый благозвучный отклик.

Рахель снова заулыбалась. Она воодушевлённо обвела взглядом гостиную и уже было собралась поделиться историей приобретения каких-то эксклюзивных сувениров, но Аль-Мара в высшей степени тактично намекнула ей, что время визита ограничено.

Кирочке не терпелось приступить к работе, госпожа Грик одновременно и забавляла её, и начинала уже немного раздражать; неприятное чувство вызвали не в меру заинтересованные расспросы Рахель о Крайсте, дама попыталась выяснить, почему он не появился лично — Кирочке это показалось обидным — да, возможно, Крайст и более опытный офицер, но стоит ли так откровенно выказывать свои предпочтения?.. Госпожа Грик совершенно не вызывала у неё симпатии.

— Так в чём суть вашей проблемы? — решительно подтолкнула разговор Кира.

— Я проклята… — произнесла Рахель на выдохе, таинственным голосом, вытаращив для убедительности глаза.

— Вот как? И как же вы это чувствуете?

— Дело в том… — задумчиво начала дама, бессознательно кокетливым движением поправляя на голове массивный тюрбан из полотенца, — …что мои мечты всегда сбываются неправильно.

Кирочка быстро взглянула на Рахель; Аль-Мара, успевшая ненадолго уйти в себя, тоже подняла глаза, оторвавшись от созерцания сфинкса, небрежно прилёгшего на стеклянной поверхности журнального столика и навеки застывшего в холодном тёмном камне.

— Неправильно… — удивлённо повторила Кира, — Надо признаться, эта формулировка мне не слишком ясна. Что вы имеете в виду?

— Сейчас объясню. Видите ли, — несколько нервозно продолжала госпожа Грик, трогая в очередной раз полотенце на голове так, словно боялась, что оно куда-нибудь денется, — всякий раз, когда какое-нибудь из моих желаний сбывается, за этим обязательно следуют неприятности, так или иначе связанные с исполнением этого желания… Приведу пример. Как вы, наверное, заметили, я немного склонна к полноте… Это всегда так сильно меня угнетало! Мне очень хотелось иметь стройное подтянутое тело… как на обложках журналов. Я пересидела за свою жизнь на стольких диетах! Я занималась с персональными тренерами и консультантами по питанию! Мне составляли программы похудения с учётом особенностей организма… Чего только я не пробовала… И, представьте себя, результат никогда не был впечатляющим. То есть я, конечно, худела, если выполняла все требования по пунктам, но… Вы сами понимаете. Не всегда у меня получалось… Иногда до смерти хотелось побаловать себя чем-нибудь вкусненьким, или ужасно лень было идти на очередную тренировку… И постепенно великими трудами сброшенный вес возвращался. Ну, вы, наверное, знаете. Подобный текст с жалобами на прошлые печальные опыты содержится в рекламном буклете каждого новейшего средства для похудения. Вот, дескать, сколько бы вы до этого ни пережили безрезультатных попыток, теперь обязательно получится, вот именно с нашим средством… — Рахель вздохнула, — так вот… После всех своих неудач я решила попробовать просто мечтать о похудении. И ничего не делать. Как в том журнале писали. Что же вы думаете? Какое-то время изменений не было. Никаких! А потом… О, чудо! Я начала сбрасывать вес… При этом есть я продолжала всё, что мне нравится… Красота! Я безо всяких диет потеряла почти десять килограммов! Но, о ужас! На очередном профилактическом осмотре мой врач диагностировал у меня редкую болезнь печени, какое-то нарушение в составе желчи, такое, что мой организм теперь практически полностью лишён способности усваивать жиры! От этого страдает качество кожи, снижается острота зрения и даже нарушается свёртываемость крови… Мне скоро потребуется носить очки. Я на лягушку в них похожа, такой удар по гламурному образу… А от контактных линз у меня слезятся глаза! И, что самое обидное: от легкоусвояемых углеводов я всё равно толстею…

— Печальная история, — выдавила из себя Кирочка.

Рахель сокрушённо замотала головой, обхватив свой драгоценный тюрбан обеими руками.

— И, представьте себе, подобное происходит со всеми моими мечтами! Когда я долгое время хотела иметь спортивный автомобиль, у меня в кои то веки появился поклонник, который мог мне его подарить, но он оказался настолько невозможным занудой, что покупка автомобиля не доставила мне совершенно никакого удовольствия, более того, я потом не знала, куда деться от этого парня. После разрыва я, естественно, вернула ему и злополучную машину, и все другие его подарки тоже, но он продолжал надоедать мне телефонными звонками, осыпать меня угрозами и проклятиями, пока не довёл до нервного истощения… — госпожа Грик снова шумно и обречённо выдохнула — Такое ощущение, что исполнение любого моего желания имеет некий «побочный эффект».

— Поэтому вы решили, что тут не обошлось без вмешательства потусторонних сил? —

уточнила Аль-Мара.

— Да. Так мне сказала гадалка. Её зовут Всемогущая Элла. Она размещает объявления в журналах, и даже иногда на улице раздают флайеры с рекламой её услуг: «Твоя судьба. Заходи. Узнай. Измени!» Может, видели?

Аль-Мара и Кирочка переглянулись.

— Думается мне… — задумчиво проговорила Аль-Мара, — Что здесь всё куда проще, чем мы полагали… Вы стали жертвой мошенницы…

— Как же так? Быть не может! — обиженно воскликнула госпожа Грик, предположение о том, что гадалка может оказаться аферисткой было для неё весьма неожиданным; оно грозило обрушить существующие представления Рахель о мире; она привыкла безоговорочно верить всей доступной ей информации о товарах и услугах: кремы против старения должны омолаживать, массажёры — оздоровлять, а ворожеи — видеть души человеческие насквозь… — Это вы меня обманываете! В Интернете столько восторженных отзывов об этой гадалке!

Кирочка перекинула на плечо свою толстую тёмную косу и подмигнула Аль-Маре.

— Не расстраивайтесь, госпожа Грик. Мы сейчас отправимся ко Всемогущей Элле вместе. Надеюсь, вы не откажетесь познакомить нас с ней? Я как раз хотела, чтобы мне погадали…

— Конечно!.. — воодушевилась Рахель. — У неё как раз проходит акция «Приведи подругу — получи 50 % скидку!» Может, мне тогда хватит на ритуал. И кредит брать не придётся… Вот… только приведу себя в порядок. И сразу отправимся! Подождите меня. Я скоро!

Госпожа Грик подобно колибри выпорхнула из гостиной.

— Так что же ты всё-таки думаешь? — спросила Кирочка, дунув в пышную шапочку пены на принесённом горничной капучино.

— Ничего нет там… Самый обыкновенный механизм компенсации. Нам рассказывали о нём на уроках ведовства ещё в раннем детстве. Племени джанги с древнейших времён известна «легенда о качающейся обезьяне».

— Что за легенда? — Кирочка подцепила невесомую пену ложечкой.

— Давным-давно в джунглях появилась необыкновенно могучая лиана. Ветви её свисали вниз, будто толстые канаты; с одной стороны рядом росло высокое дерево с удивительными яркими спелыми плодами, а с другой — густые заросли колючек. Всем хотелось поесть плодов с большого дерева. Они были привлекательны на вид и казались вкусными. Но залезть на дерево с земли было невозможно, ствол его был скользок и не имел внизу ветвей. Одна молодая обезьяна решила попытать счастья и достать себе замечательных плодов, раскачавшись на лиане. Но чем сильнее она качалась, чем ближе подлетала к вожделенным плодам, тем ближе становились колючки, а когда обезьяне удалось-таки ухватить лакомство, размах лианы стал уже так широк, что на обратном пути она угодила прямо в колючие заросли…

Кирочка покачала головой.

— Это известная зависимость. — Продолжала Аль-Мара. — Чем больше у человека разных желаний, и чем масштабнее эти желания сами по себе, тем к большим неприятностям он должен быть морально готов. Внутренняя жизнь человека похожа на график гармонической функции, и у каждого человека своя амплитуда этой функции, у кого-то — больше, у кого-то меньше; поэтому кто-то способен возноситься к вершинам

блаженства и низвергаться в пучину глубочайшего отчаяния, а кто-то проживает свой век ровно, без особых взлётов и падений…

— Получается, тот, у кого эта амплитуда больше, способен стать более богатым, более страстно любимым, более счастливым? — с интересом переспросила Кирочка.

— Так учит древнее предание племени джанги… Верить ему или не верить каждый решает для себя сам.

— Эта амплитуда… У каждого конкретного человека она постоянная или может меняться в течение жизни?

— Разумеется, может. Каждый способен увеличить её размах, раскачаться, как вышеупомянутая обезьяна… Но… Стоит помнить… Раскачивание своей лианы — это долгий и довольно болезненный процесс, тут нужно терпение. Возникающие желания ни в коем случае не должны опережать готовности принимать их «побочный эффект».

— А что может случиться?

В этот момент в комнату заглянула полностью одетая и накрашенная Рахель.

5

На чердаке одного из недавно отреставрированных старинных каменных домов исторического центра Города находился офис гадалки Эллы. Так в объявлении называлось это тесное и сумрачное, душное от свечей и благовоний помещение.

Фасад дома был недавно выкрашен в удивительно нежный пастельный оттенок зелёного, парадный подъезд и окна отделаны были белой лепниной, а наверху помещалась милая остеклённая башенка, сияющая на солнце.

В зданиях Центра обычно сдаётся в аренду каждый метр; на первом этаже дома квартировало рекламное агентство, у входа в него толпились девочки-промоутеры в смешных коротких пышных платьях с брендом молочного шоколада; этажом выше помещались мини-отель с зазывным красным фонарём над дверью и туристическая фирма «Чайка»; на третий этаж забралась адвокатская контора, на четвёртый вскарабкались прачечная и парикмахерская — Кирочке, Рахель и Аль-Маре по пути пришлось прочесть все эти вывески. Поднявшись на самый верх, где парадная лестница вырождалась, превращаясь в узенькую чердачную лесенку с металлическими перекладинами, они позвонили в низенькую деревянную затянутую искусственной паутиной дверь. Рядом с дверью, подвешенная на леске, болталась плюшевая летучая мышь.

Щёлкнул засов и, обдав пришедших густым духом ароматических курений, на пороге появился очень молодой — лет семнадцати-восемнадцати — янтарноглазый юноша, удивительно красивый, худенький и болезненно бледнолицый; его чёрная шёлковая рубашка и узкие брюки выгодно подчёркивали его изысканную хрупкость. На поясе у юноши висел кинжал. Он слегка пригнулся, чтобы не удариться головой о притолоку.

— Госпожа ждёт, — таинственно проговорил он и поспешил нырнуть в черноту, что зияла за раскрывшейся дверью.

— Это её помощник, — Шёпотом пояснила Рахель спутницам.

Никогда прежде Кирочке не доводилось иметь дело с коммерческими колдунами, и ей было весьма любопытно, что представляет собою эта Всемогущая Элла.

Сначала Кирочка ничего не видела. Вокруг было слишком темно. Остановились шедшие перед нею, и она остановилась тоже.

— Всегда приходится миновать мрак, чтобы выйти к свету, — вкрадчивым голосом пояснил помощник гадалки.

Он приподнял тяжёлую завесу из какой-то плотной тёмной ткани, и Кирочка увидела впереди золотистый мерклый мерцающий свет.

Гадалка, непринуждённо раскинувшись в низком кресле с гобеленовой обивкой, приветствовала вошедших чуть заметным величественным кивком головы. Женщина она была роскошная, знойная, жгучая: лет сорока пяти на вид, смуглая, полная и гладкая, с глазами поразительных размеров и черноты, густо обведёнными карандашом, с пышной копной смоляных мелко вьющихся волос и тёмными усиками над губой. Кирочка даже немного потерялась, натолкнувшись на непроницаемый взгляд Эллы. На столе перед ворожеей в подсвечниках из птичьих черепов горело несколько свечей.

— Что привело вас? — глубоким грудным голосом спросила она и слегка улыбнулась сочными малиновыми губами, намекая на своё дружелюбное расположение.

Кирочка медлила с ответом, будучи не в силах отвести взгляда от длинной щели между огромными шоколадными грудями Эллы, стиснутыми чёрным платьем со стразами, кружевами и перьями. Воистину, эта женщина была столь могущественна в сфере любовной, что не оставляла равнодушными даже представительниц своего пола. Кирочка вдруг ощутила себя младенцем, жаждущим испить соков жизни из этой монументальной груди. От этой мысли ей сделалось стыдно, и она поспешила ответить колдунье заранее заготовленной фразой:

— Я слышала, что вы наделены даром прозревать будущее, госпожа… Окажете ли вы мне честь, открыв его передо мною с помощью карт?

Аль-Мара тем временем украдкой наблюдала за прелестным помощником госпожи. Он стоял возле её стола, недвижный, безмолвный; он был подобен восхитительной мраморной статуе; завораживала безукоризненная точность всех смелых тонких линий, из которых он был собран этой загадочной и случайной встречей света и тьмы, этой капризной игрой плещущегося свечного пламени…

— Дитя моё, — ответила Элла с достоинством, выдержав внушительную паузу, будто бы необходимую ей для размышления, — Прежде чем вопрошать Судьбу, могу ли я увериться в том, что ты готова к Пророчеству, и каким бы оно ни было, ты примешь его без ужаса или гнева?

Последние слова гадалка произнесла почти шёпотом, медленно, страстно, интонацией стараясь придать им особенное таинственное сакральное значение. Это было не более чем часто используемым трюком для введения клиента в состояние лёгкого транса, в котором сознание его становится подобно мягкому тесту, и ловкая ворожея легко может навязать ему любую эмоцию или точку зрения.

— Да, госпожа… — Кирочка не могла не признаться себе, что в эту минуту ей стало немного жутко. Чего-чего, а нагнать страху черноглазая Элла была настоящая мастерица. Юноша искусно помогал ей в этом. Он потянул за какие-то ловко натянутые в помещении нити, и откуда-то с потолка, словно танцующие призраки, спустились воздушные занавеси из полупрозрачных тканей; от них на стол и окружающие предметы легло ещё больше теней, дрожащих, узорчатых, жутких…

Госпожа Элла извлекла из широкого гипюрового рукава колоду карт и приготовилась священнодействовать.

— Ты пока можешь остановиться. Врата времени открываются небыстро. Твое намерение прежнее? — ещё более усердно нагнетая интонациями потустороннюю жуть осведомилась гадалка.

— Да, госпожа… — тихо ответила Кирочка, с удивлением отметив про себя, что, несмотря на огромное количество прочитанных учебников по гипнотическим приёмам и свои лейтенантские погоны, она всё же слегка робеет.

Элла начала сосредоточенно тасовать колоду. Гипюровые рукава её порхали, словно чёрные крылья демона, отбрасывая на стол чёткие резные тени. Кирочка на какое-то мгновение даже забыла, что сейчас день, и за стенами этой сумрачной клети есть солнце.

— Снимай! — приказала Элла, протягивая Кирочке колоду на раскрытой ладони.

Девушка нерешительно толкнула карты кончиком пальца. Помощник включил тем временем тихую, томительно-напряжённую музыку. Ловкими пухлыми руками Элла проделала с картами какие-то таинственные манипуляции, затем разложила их на столе перед Кирочкой в несколько стопок рубашками вверх и, резко вскинув глаза, блестящие точно две отполированные агатовые бусины, велела ей выбрать одну из этих стопок. Кирочка повиновалась. Тревожная музыка в этот момент не без помощи красавца-помощника замерла и…

…у Эллы зазвонил мобильный.

— Чёрт! — не выдержала она. — Такой момент!

Ей было, видимо, очень досадно за сорванное представление. Гадалка поднесла широкое и плоское устройство к уху. От телефонного звонка повеяло бытом, зловещее напряжение, с таким трудом созданное вокруг гадалки, мгновенно лопнуло, словно огромный мыльный пузырь.

— Я слушаю, — сказала она строго, но через мгновение вся просияла, казалось, и плечи, и внушительная грудь, и руки её улыбаются, — Моя дорогая! Прости, не узнала сразу… Ты сменила номер? О, как я тебя понимаю, душечка… — Элла некоторое время молчала и хмурилась, слушая, а потом снова заговорила приторно ласковым голосом, — Марка? Конечно, милая. Какие вопросы! Он сейчас спустится. У меня сеанс, не очень удобно говорить… Целую, пока…

Ворожея нажала отбой и многозначительно кивнула помощнику.

— Тебя ждут внизу.

На хорошеньком лице юноши на какую-то секунду, словно зыбкая тень от свечи, мелькнуло отвращение — кроме Аль-Мары никто этого не видел — красивые тонкие губы хрупкого помощника гадалки чуть заметно дрогнули, но тут же вынужденно вытянулись в кроткую учтивую улыбку.

— Да, госпожа… — тихо ответил он и, поклонившись, исчез во мраке.

Кирочка не обратила на эту маленькую сцену никакого внимания — она всецело была поглощена предвкушением гадания; жажда необыкновенных ощущений пульсировала в ней, заставляя трепетать всё тело; заминка с телефонным звонком не вызвала в ней ничего, кроме лёгкого разочарования, никогда в жизни ей не приходила мысль самостоятельно или с чьей-то помощью пытаться заглянуть в будущее; она ожидала предсказания, как события, открытия, удивительного приключения…

— Вернёмся к нашему раскладу, — бережно опустив чёрную глянцевую пластинку телефона на стол, Элла взяла в руки и ловко раскрыла веером выбранную Кирочкой стопку.

— О, это превосходно! — воскликнула она, опустив карты на стол, — Крестовый король — красивый и богатый мужчина, возможно, тайный поклонник, но, более вероятно, друг, десятка черви — исполнение желаний, валет пик… — Элла ещё раз пробежала глазами по картам, как будто сомневаясь в чём-то, а потом добавила, — …юноша, очень своенравный…

Неужели сын?.. Шестёрка с девяткой при даме… Нет — это что-то странное…

Входная дверь внезапно раскрылась, и ворвавшийся в комнату сквозняк смёл лежащие на столе карты и перевернул одну из них. Это оказался пиковый туз. Оставшаяся часть колоды перемешалась, и некоторые карты попадали на пол. Никто не заметил, как вздрогнула Аль-Мара.

— Ну вот… — покаянно выдохнула Элла, — Весь расклад сбился. Проклятый сквозняк. Сколько раз просила Марка дверь починить, так ведь у него руки-крюки, да и мозгов — муха насидела… Годится только для украшения стола… Придётся мастера вызывать…

— Спасибо, — растерянно поблагодарила Кирочка, она, хоть и старалась взять себя в руки, всё-таки расстроилась из-за неудачного гадания.

Ворожея собрала карты и загадочно проговорила:

— Врата времени не открываются дважды, вам придётся записаться на следующий сеанс. А сейчас я могу провести небольшой ритуал по очистке кармы.

— Бесплатно? — насторожилась Кирочка.

— Не беспокойтесь… Это подарок от нашей фирмы. — Элла достала откуда-то тонкие коричневые палочки какого-то редкого благовония и стала по очереди подносить их к свече. Заструился плотный серебристый дым, по комнатке поплыл сладкий дурманящий аромат… Кирочка почувствовала желание закрыть глаза. Ей стало необыкновенно спокойно и хорошо… Вокруг неё покачивалась тёплая темнота, она словно плыла куда-то, оторвавшись от земли, от всего прежнего, плыла счастливо и легко…

Сначала не было ничего. Чуть погодя пространство единым духом просветлело. Яркий день явился фотовспышкой по глазам. Кирочка не парила теперь, а шла, мягко ступая по тёплому белому песку. Высоко-высоко над её головой в нежно-кремовом небе тонкими бесконечными линиями чернели провода…

— Пошли! — услышала она над собой повелительный, почти гневный голос Аль-Мары. — Вставай!

Кирочку тянули за руки, она на ватных ногах брела вперёд, спотыкаясь, ощущая непомерную тяжесть и неуклюжесть собственного тела, в которое её сознание возвращалось медленно, неохотно, подобно тому, как после привала сытый, разомлевший на солнце путник вновь взваливает на себя громадный рюкзак…

— Что это было? — спросила она, очнувшись. Прохладный сыроватый воздух подъезда прогнал болезненные грёзы, навеянные ароматическими курениями.

— Аллергия, — сказала Аль-Мара.

— Мы все перепугались, — добавила Рахель, — прежде здесь никто не терял сознания…

— Простите меня… — зачем-то сказала Кирочка, и, опасливо придерживаясь за перила лестницы — она всё ещё чувствовала неуверенность при ходьбе — принялась спускаться.

Маршем ниже навстречу им попался Марк. Вид у него был как будто слегка усталый, между разлетевшимися полами рубашки на нежной груди виднелся слабый след помады… Аль-Мара быстро отвернулась.

Но Марк успел поймать её взгляд. Он догадался, что она не только смотрела, но и видела. Тонкое лицо его как будто погасло; юноша опустил ресницы и инстинктивно спрятал за спину кулак с зажатыми в него банкнотами, свёрнутыми трубочкой.

— Что-то не так? — спросила Кирочка подругу, когда они вышли на улицу. Аль-Мара показалась ей нехарактерно задумчивой и молчаливой. — Ты выглядишь такой

загруженной… Это из-за моего обморока? Не переживай так! Со мной ведь уже всё хорошо…

Рахель Грик вспомнила о назначенном визите к маникюрше и поспешно откланялась. Кирочку удивило, что она так легко забыла о проклятии, якобы на неё наложенном, но ничего не стала говорить. Её больше тревожило поведение Аль-Мары. Та избегала смотреть в глаза, не предлагала, как бывало обычно, заглянуть в кафе-мороженое, не шутила, не улыбалась… Кирочке уже случалось наблюдать подобные пугающие своей неожиданностью уходы подруги в себя, но они всегда бывали следствием каких-то сильных впечатлений ею полученных… В «офисе» Эллы, с точки зрения Кирочки, не произошло ничего особенно страшного, такого, что могло бы выбить Аль-Мару из колеи… Или произошло?

— Мара, ты уверена, что всё нормально?

— Да, всё хорошо, — ответила та как будто с лёгкой досадой; обычно подобным образом реагируют на навязчивые расспросы о том, о чём не хотят рассказывать.

— Ты думаешь, эта Элла — настоящая предсказательница? — спросила Кирочка.

Реакция подруги была странной. Аль-Мара резко обернулась; глаза её презрительно сверкнули, точно она услышала оскорбление в свой адрес.

— Смеёшься?! Да это же просто мошенница! Дешёвая фокусница, иллюзионистка! Она смыслит в картах не больше, чем лошадь в латыни!…Да и в ритуалах, как я погляжу, тоже… — бывшая ворожея ненадолго замолчала, словно пыталась проглотить рвущееся наружу возмущение, — и вообще… Желательно, чтобы в ближайшее время этот притон посетила полиция, — добавила она с оттенком гадливости в голосе.

— С чего ты это взяла?.. Может, всё-таки объяснишь? — Кирочка не понимала резкости подруги и поэтому растерялась.

— Она не верно прочла расклад, — напряжённо ответила Аль-Мара.

— Только и всего? Не стоит принимать такие мелочи близко к сердцу, тем более, он был неудачным… — Кирочка неуверенно пыталась найти ключ к беспокойству Аль-Мары, чтобы оно полностью выплеснулось наружу. — Я сама вообще об этом не думаю…

Она взглянула на подругу и замерла. Всегда такую решительную, уверенную и спокойную Аль-Мару, несмотря на знойную летнюю погоду, била дрожь. И сама Кирочка, прежде совершенно уверенная в том, что ничего значительного не произошло, почувствовала в этот момент невнятное волнение…

— Как ты не понимаешь?! — воскликнула Аль-Мара. — Неудачных раскладов не бывает, а этот был, как говорят истинные Предсказатели, самостоятельный, то есть карты сложились под воздействием внешних сил…

— Что же это значит? Расклад сулит мне что-то плохое?

Аль-Мара замотала головой.

— Я тоже не понимаю, я не знаю…

— Не обманывай меня, — пристально глядя в лицо подруги, смело сказала Кирочка, — Если бы ты не прочла расклад, то не утверждала бы, что Элла — шарлатанка.

— Ты права, — выдохнула Аль-Мара, понурив пышноволосую голову, — Но я не могу тебе сказать. Таков закон Врат Времени. Разрешено произносить только благие предначертания. Любое пророчество направляет мысль, мысль укрепляет связь с будущим, делает его зримым; поэтому неведение может ослабить негативное предзнаменование, лишив его энергии. Страх же способен как усугубить неминуемое, так и накликать вероятное…

6

Кирочка, как могла, старалась отвлечься от тревоги, навеянной невысказанным жутким пророчеством карт; ей вспомнился златовласый Лучезар, тоже в своё время узревший на горизонте её судьбы чёрную тучу… Предсказатели, конечно, могут ошибаться. И это случается довольно часто… По статистике, они гораздо реже оказываются правы, чем ошибаются. Так написано в параграфе «Условия стабильности сверхтонких ментальных структур»… Кирочка с отличием закончила курсы подготовки офицеров.

Она сидела за столом и постукивала ногтями по его полированной поверхности. Пальцы нерезко, призрачно отражались в ней… Пора заняться служебными делами.

Первым делом Кирочка позвонила Рахель и объяснила ей, что никто не накладывал на неё никакого проклятия, а «Всемогущая Элла» — банальная авантюристка, навострившаяся наживаться на впечатлительных и доверчивых людях. Только сейчас, в последний раз разговаривая по телефону с госпожой Грик, Кирочка осознала, что её прежнее раздражение незаметно для неё самой перешло в расположение; если раньше эта женщина казалась ей пустоголовой «гламурной штучкой», то теперь она в полной мере оценила очаровательную чистоту натуры Рахель, её способность видеть мир неизменно прекрасным, радужным, идеальным…

— Вам следует быть осторожнее, — дружелюбно напутствовала Кирочка даму, — С такой наивной детской душой очень легко стать жертвой мошенников и прохиндеев.

Разговор оставил приятное ощущение. Такие прощания Кирочка любила, в ней как будто уравновесились какие-то внутренние весы, когда она нажала отбой. Всё хорошо. Всё очень хорошо…

7

В зале погас свет. Медленно нарастая, раскрываясь, словно распускающийся цветок, зазвучала музыка.

На полукруглую, приподнятую над полом примерно на метр сцену, выбежали четыре девушки. Легко и грациозно поднявшись с разных сторон по боковым лесенкам, они встретились в центре. Четыре пары ловких рук вместе поймали большой искрящийся шар, упавший откуда-то сверху.

Они все были одинакового роста, тонкие, безгрудые; их короткие платьица с полупрозрачными порхающими юбками, осыпанными мелкими блёстками, переливались в потоках света прожекторов, установленных по краю сцены.

Шар внезапно распался на дольки, словно разрезанный арбуз, и каждая девушка извлекла из него пои: небольшие мячики на длинных цепочках.

Разбежавшись снова в разные точки сцены, девушки подняли мячики над головами; музыка сделалась тихой, загадочной, она почти замерла, так останавливается ползущая змея и, подняв голову, приготавливается к встрече с опасностью.

Девушки синхронно встряхнули мячиками. Пои разом вспыхнули; вокруг рассыпалось множество искр. Ритмичная музыка фонтаном брызнула из динамиков.

Танцовщицы стояли квадратом. Симметрично размахивая цепями, они рисовали в воздухе огненные кольца и петли, гибко продевались сквозь них, опоясывались искрящимися лентами, подпрыгивали, приседали, вращая пои так быстро, что каждая оказывалась словно под куполом из живого огня. Лёгкие и сияющие, они строили в воздухе друг для друга настоящие огненные замки, ловили на лету цепочки с шарами, передавали их по кругу; выполняя сложные акробатические трюки и прыжки, они взлетали так неожиданно и

просто, что, казалось, притяжение земли вовсе не имело над ними никакой власти…

— Итак, господа и дамы! — объявил поднявшийся на сцену по окончании волшебства конферансье. Самых первых его слов было почти не слышно за шквалом аплодисментов. Одна из девушек, в платье с тугим искрящимся лифом и юбкой воздушной как сгусток тумана, уже при зажжённом свете проворно выбежала на сцену, подобрала что-то с пола и убежала опять. — Это был неподражаемый танцевальный квартет «Огненные бабочки». Самое яркое и, не побоюсь этого слова, жаркое культурное событие этого лета…

— Здорово, что ты привела меня сюда, — восторженно шепнула Кирочка сидящей рядом с нею Аль-Маре. — Это просто восхитительно!

Билеты брали на первый ряд. Ведущий вечера спустился со сцены, гости начали вставать со своих мест. В зал из-за кулис снова вылетела как снежинка нарядная девушка из квартета; она подбежала к молодой женщине, сидевшей через два кресла от Кирочки, и взяв её за руки стала что-то тихо и быстро ей говорить…

Кирочка не удержалась от того, чтобы напрямую выразить оказавшейся неожиданно так близко танцовщице своё восхищение. Дождавшись, пока девушка закончит, она жестом остановила её, стремительную, готовую взмыть ввысь, оттолкнувшись длинными жилистыми ногами, и воскликнула:

— Я такое видела впервые! То, что вы делаете, это… это почти магия!

Плясунья улыбнулась благодарно и чуть снисходительно — так всегда улыбаются знаменитости, слыша очередную похвалу в свой адрес — учтиво задержалась возле Кирочки на несколько мгновений, как будто для того, чтобы убедиться, что ей сказали всё, что хотели, и упорхнула.

— Вам правда понравилось? — спросила та самая женщина, к которой только что подбегала танцовщица.

— Да! Да… Ещё бы! — с готовностью подтвердила Кирочка.

— Я рада, — улыбнулась женщина.

Девушки глядели на неё недоумённо.

Словно прочтя их мысли, молодая женщина поспешила объясниться:

— Я бывшая прима этого квартета, его создательница, автор идеи, если угодно…

В этот момент из боковой двери зрительного зала появилась девушка-танцовщица, уже успевшая переодеться в джинсы и футболку. Кирочка узнала её по причёске: убранные по-балетному гладко и залитые лаком волосы блестели в свете ламп. Она катила перед собою инвалидную коляску.

— Спасибо, — тихо сказала молодая женщина, когда танцовщица приблизилась. Девушка бережно принялась помогать ей пересесть из зрительского кресла в коляску.

— Вот видите, — молодая женщина приветливо улыбнулась Кирочке и Аль-Маре, — теперь я почётный зритель. Танец продолжается, но уже без меня… Необыкновенное ощущение — и приятное, и грустное — тебя уже нет, а дело твоё живет. Стихи мёртвого поэта. — Её лицо озарилось; женщина-инвалид смотрела куда-то вдаль; туда, где молодой осветитель, склонившись, внимательно разглядывал один из прожекторов, установленных вдоль сцены.

Кирочка и Аль-Мара замерли, ловя каждое слово неожиданной собеседницы. И это не было только лишь данью вежливости: что-то в этой женщине завораживало; её необыкновенная простота, но при этом строгая сдержанность чувств — сильный характер, проявляющийся во всех жестах, мимике и в манере твёрдо держать осанку… Даже сидя в

инвалидном кресле.

— Моя откровенность шокирует вас? — спросила женщина. Она достала из удобной сумки на поясе маленькую фляжку в кожаном чехле, отделанном стразами и отхлебнула из неё.

— Немного… — ответила Кирочка. Она с интересом разглядывала бывшую приму: удлинённые карие глаза, высокий бледный лоб, убранные по-балетному в кичку тёмные волосы.

— Вам грустно, что вы пока не можете танцевать? — осторожно спросила Аль-Мара. Ей сложно было оценить степень увечья танцовщицы в коляске, и, повинуясь естественному человеческому стремлению верить в лучшее, она предположила, что прима имеет шанс поправиться и вернуться к любимому делу.

Женщина в коляске горько улыбнулась:

— Я никогда не смогу танцевать. Врачи надеются когда-нибудь хотя бы поставить меня на ноги… — она снова отхлебнула из фляги и убрала её.

Аль-Мара и Кирочка пришибленно молчали, испытывая обыкновенную мучительную неловкость здоровых и полноценных людей перед инвалидом…

— Я стараюсь не думать о том, что могло бы быть, если бы я не упала… — Задумчиво произнесла бывшая прима. — Всё, что происходит, должно куда-то привести. «Огненные бабочки» существуют, они танцуют, они прекрасны, они больше не нуждаются во мне. Девушка, которую я помогла найти для замены, — она приветливо кивнула в сторону танцовщицы, которая привезла коляску, — необыкновенно талантлива. Она сделает больше, чем я. Вот увидите. Помнится, я проходила мимо Храма Истинной Веры, стоял душный полдень, и двери были открыты настежь; я случайно тогда услышала обрывок проповеди — пастор говорил о страданиях — никогда не спрашивайте «за что?» — небесная справедливость не укладывается в наши плоские представления о воздаянии за содеянное, есть другой вопрос, куда более правильный — «зачем?»…В каком-то смысле я даже благодарна своему падению; оно научило меня мечтать. Раньше, пока танцевала, порхала, взлетала… я была уверена, что могу получить всё, что захочу, у меня не было завораживающего ощущения присутствия в жизни неуловимого Чуда, я просто ставила цели и достигала их; у меня каждый миг рождалось столько новых планов и стремлений, я тонула, я буквально захлёбывалась ими, и знала, что исполнение желаний — в моих руках… — Бывшая прима снова смотрела в сторону осветителя, хлопочущего над прожектором, но не прямо на него, а куда-то насквозь, словно было за его плечами, за тёмно-серой драпировкой занавеса, за стенами театра, что-то неописуемое, запредельно прекрасное — солнце, всходящее над раем… — Только теперь, когда многое для меня стало невозможным, я научилась мечтать спокойно. И желания начали сбываться… «Огненные бабочки» никогда не имели такой бешеной популярности, как этим летом; мы танцевали в своё время почти бесплатно, за идею, нам не на что было покупать пои и яркие концертные платья, а сейчас… Наши выступления анонсируют новости культуры. Когда-то я так горячо мечтала об этом… И это сбылось.

От последней фразы женщины в инвалидной коляске Кирочка ощутила неприятный холодок где-то в районе лопаток и вспомнила о пророчестве.

— Здесь сквозит, — тихо сказала она Аль-Маре.

— Кондиционеры мощные, — как будто немного виновато улыбнулась бывшая танцовщица, — приходите ещё, совсем скоро премьера новой программы…

8

Прежде Рахель Грик не подозревала в себе такого великого таланта мечтательницы. Обычно фантазии конкретного человека чем-то ограничены. Всегда есть какая-то непостижимая верхняя граница, дальше которой мечты не могут уноситься… Этакий потолок реализма. Большинство людей склонны даже в грёзах держать связь со своими реальными возможностями, а сознание Рахель не было сковано ответственностью за исполнение собственных желаний. После прочтения статьи у неё появилась очаровательно легкомысленная уверенность в существовании волшебства, Бога, если угодно, случайности, которая, обрушившись внезапно, окатив кого-либо искристыми брызгами благодати, разом превращает этого кого-то из провинциальной официантки в, скажем, звезду большой сцены или возлюбленную президента…

Для того, чтобы начать мечтать — в первую очередь о красивом романе с мужчиной! — госпоже Грик хватало совсем небольшого толчка. Объекту мечты обычно достаточно было или взглянуть на Рахель как-то, с её точки зрения, по-особенному, или сказать, по её ощущениям, что-нибудь не в меру ласковым голосом, или оказать пустяковую услугу, к примеру, придержать тяжёлые двери в метро. Впечатлительная дамочка тут же воспламенялась и, расценивая что-либо из вышеперечисленного как выражение романтической симпатии, с жаром принималась сочинять в своей голове пылкие любовные истории, повторяющие иногда отдалённо, а порой и точь-в-точь популярные книги и кинофильмы. Герой фантазий, естественно, ни о чём не подозревал. Более того, зачастую встреча этого счастливца, не ведающего своего счастья, с Рахель была единственной и случайной.

Теперь госпожа Грик пленилась новой мечтой: синеглазым красавцем, проявившим к ней участие в банке. Крайст великолепно вписался в образ космического супергероя из недавно вышедшего на экраны блокбастера. А Рахель — это несказанно её радовало — в образ его прекрасной спутницы с загадочной планеты Кро. У актрисы, исполняющей эту роль, как раз были жёлто-зелёные глаза, соломенного цвета волосы, крупно завитые на бигуди, и тонкий длинный рот как у Рахель, которого последняя со школы привыкла стесняться… Мечта произрастала на благодатной почве сознания госпожи Грик как вольный полевой цветок — она не надеялась ни на что всерьёз и грезила исключительно для удовольствия…

Так было, пока в один прекрасный день она не встретила Крайста в своей любимой кондитерской на Перекрёстке Снов.

— Мне кажется, или мы с вами уже где-то встречались?.. — дружелюбно поинтересовался Билл, заметив на себе неотрывный взгляд незнакомой дамы.

— О да! — воскликнула она радостно, поражённая тем, что герой фантазий узнал её. — В банке. Вы помните?

Разумеется, он ничего не помнил. У него просто был такой трюк: когда кто-нибудь с интересом на него засматривался, Билл всегда намекал этому человеку на возможную эпизодическую встречу в прошлом в надежде, что тот сам расскажет о ней. Это позволяло Биллу делать вид, что все эти люди: продавцы, охранники, администраторы отелей и ресторанов, которые очень часто его узнавали, слабенькие колдуны, выплатившие штраф по выписанной им квитанции, ночные таксисты и прочие шапочные знакомые — ему не безразличны и он даже помнит каждого из них. Обычно трюк срабатывал, и Крайсту, после того, как он уже по-настоящему восстанавливал в памяти обстоятельства знакомства, всегда

удавалось быть вежливым и милым.

Так случилось и на этот раз. Рахель была очарована и оттого готова безоговорочно верить в самую приятную для себя версию событий: синеглазый герой очарован не меньше, он помнит её и, вполне вероятно, даже хочет продолжить знакомство.

— Давайте выпьем кофе, — предложил Билл, чувствуя некоторую обязанность, к счастью не слишком его тяготившую, соответствовать радужным ожиданиям этой дамы.

На уютной террасе маленького кафетерия, увитой ползучими растениями с удивительно нежными кремовыми воронковидными цветами, Рахель съела три пирожных — она была так счастлива, что даже не беспокоилась о фигуре — и опустошила высокую чашку латте. Билл курил, глядя на неё, щурился от оранжевого света заходящего солнца, пробивающегося сквозь занавес ползучих растений, и думал о легковесности и эфемерности всего — нет ведь в мире ни одной вещи, которая была бы незыблемой, ни одной ценности, ни одной цели — всё непрерывно меняется и внутри тебя и вовне, мысли тают как облака, сменяясь новыми, и процесс этот нескончаем…

Рахель обожала задавать красивым мужчинам отвлечённые философские вопросы. Она привыкла к тому, что прежде это всегда позволяло ей без каких-либо усилий произвести впечатление вдумчивой и серьёзной особы.

— Ради чего вы живете? — спросила Рахель, задумчиво подперев щёку рукой и заглядевшись вдаль, туда, где виднелся в просвете между ползучими растениями нежно-голубой горизонт залива.

Билл молчал. Только маленькая улыбка притаилась, словно играющий котёнок, в уголке его рта.

— Вы не знаете? — голос Рахель прозвучал несколько разочарованно. — Мне, например, кажется, что весь смысл человеческой жизни — в мечтах о будущем. У кого-то одна мечта — большая и прекрасная как солнце, у кого-то — как у меня — множество маленьких… Люди все разные, но мне кажется, что на свете нет и не было ни одного человека, который бы не мечтал.

— Вам кажется, — мягко возразил Билл. — Хотя бы один такой человек есть.

— Да? И где же он?

— Перед вами.

— И вам не скучно? — изумилась Рахель, — да и как у вас это получается?

— Я научился. В юности я мечтал, конечно. Но это было очень невнятно и странно всегда, я даже не могу вспомнить теперь — о чём…

— Возможно научиться не мечтать?! Но зачем? — голосок госпожи Грик дребезжал от волнения. Привычная картина мира рушилась, как подсохший на солнце песочный замок.

— Чтобы жить истинной жизнью, здесь и сейчас. Вот, скажем, вы видите божью коровку, которая ползёт по деревянной балке, удерживающей навес. Нет. Вы заняты своими мечтаниями. Вы не видите её, а она есть. И так каждый день мы проходим мимо жизни, упакованные внутри самих себя, заваленные собственными мыслями…

Рахель молчала, глядя на собеседника во все глаза. Она обратила внимание, что свет удивительно падает на его лицо сквозь причудливые щели в живой стене, и, как ей показалось, всё поняла. Послевкусие кофейного пирожного томило язык, с улицы на террасу проникал ветерок, теребивший тонкую прядь около уха — это было сейчас и это было прекрасно. Рахель впервые в жизни вообще ни о чём не думала, поддавшись очарованию окружающих событий. Крайст так легко говорил о важном, и так просто о глубоком, что ей

казалось, будто бы она и сама всегда это знала, просто Билл каким-то непостижимым образом заставил её вспомнить…

— По мне… — продолжал он, — …иметь Прекрасную Мечту — крайне эгоистичное, потребительское отношение к миру. Ведь пока ты мечтаешь, даже если при этом ты очень позитивно настроен, делаешь много добра и прочее, ты любишь Вселенную не просто за то, что она есть, а за то, что она может тебе дать…

— Что же в этом плохого? — спросила Рахель.

— Ничего плохого… Просто Вселенная никому не должна.

Крайст улыбнулся чуть грустно. Рахель решила перевести беседу в иное русло; отвлечённые беседы о вечном не только умножают печаль, но и отвлекают от вопросов более насущных, практических…

— Вы когда-нибудь были женаты, Билл? Есть у вас дети?

— Женат? Нет, не был… — Он взглянул на госпожу Грик, как ей показалось, чуть насмешливо, — Дети? Наверное, нет. Во всяком случае, я никогда их не видел.

Чтобы смягчить благородное смятение, вызванное у Рахель небрежностью его ответа, Билл подарил ей улыбку, загадочную и немного томную.

— Вы совсем не такой, каким представляетесь… — медленно проговорила Рахель, вращая перед собой на столе малюсенькое блюдце от кофейной пары.

— Так и есть. Ваше суждение обо мне, или о любом другом человеке — это всегда лишь проекция его поведения на ваши собственные представления о мире, внутренние установки, выработанные жизненным опытом, укоренившиеся стереотипы. И по-другому просто не может быть. Единственное мерило, которое у вас есть — это вы сами. Поэтому тому, что вы думаете обо мне, не стоит доверять безоговорочно — это всего лишь отпечаток в вашем сознании, набросок, слепок. И в мысленном пространстве каждого из тех, кто когда-либо не поленился составить обо мне представление, поверьте, я разный…

— Получается, вообще невозможно узнать другого человека?

Билл пожал плечами.

— Может быть и можно. Только вот ведь какая штука: многие из нас и самих себя знают недостаточно хорошо… Древняя мудрость гласит: познай себя. Это самое трудное. Вот вы, к примеру, всегда можете истолковать свои ощущения? Вы понимаете себя?

Рахель задумалась.

— Не знаю. Иногда мне так муторно… Чувства часто противоречат разуму, и я не могу принять решение. Иногда бывает, например, я на час зависаю в магазине: никак не могу выбрать, какую из двух совершенно одинаковых сумочек я хочу — синюю или красную… Умом я понимаю, что нет никакой разницы, какую из этих сумок я куплю, но если я возьму любую из них, всё равно где-то в глубине души останется чувство неудовлетворённости, ведь другую я хотела тоже… И я буду думать, это так странно, Боже мой, что я проживу целую жизнь и не пройдусь по улице с той, второй сумкой, которую я не купила… И так я стою и думаю прямо в магазине. Я могу невероятно долго метаться между «купить» или «не купить», «синюю» или «красную»… Я, наверное, немного не в себе…

— Нет, что вы… — Билл учтиво погасил улыбку и отхлебнул остывшего кофе. — С вами как раз всё в порядке. Ну, почти… Не в себе, я полагаю, тот, кто никогда ни в чём не сомневается.

Рахель немного загрустила; она почувствовала, что разговор снова скатывается в плоскость не слишком приятного скорбного вечного, и решила слегка подкорректировать

курс:

— Знаете, почему вы мне понравились? Я увидела ваши глаза и подумала, что вы смотрите на меня с любовью… Но я ошиблась. Дело было не во мне. Узнав вас сегодня, я заметила, что вы смотрите так на всё. На любого человека или предмет. Смотрите, излучая любовь глазами, словно её так много внутри вас, бесконечно много… Вы расточаете её непрерывно, но она неисчерпаема. Будто внутри вас горит костёр или светит солнце…

— Хм… — Билл взглянул на Рахель с неожиданной серьёзностью. — Это интересное наблюдение. Сам я ничего подобного, поверьте, не ощущаю. Иногда мне даже кажется, что я вообще никого не люблю…

— Вы удивительный человек… — выдохнула Рахель, глубокомысленно возведя тонко и чётко обведённые карандашом выпуклые глаза к потолку — Вы не мечтаете, вы не любите, мне такое существование даже представить трудно, что же вы тогда делаете?

— То, что должен.

— Господи… Я вот всегда делаю то, что хочу… — немного виновато призналась Рахель, — кто-то из философов, я точно не помню кто, я вообще плохо училась, говорил, что жить так, как живёте вы, руководствуясь единственно чувством долга — это наивысшая степень порядочности!.. Рядом с вами я чувствую себя такой эгоисткой! — добавила она с чувством, театрально встряхнув локонами.

— Ну что вы… — ободряющей улыбкой Крайст смягчил у Рахель этот внезапный взрыв недовольства собой, — это я рядом с вами чувствую себя аскетом, помешанным на самоотречении. «Синюю» или «красную» сумочку выбрать? — он не обидно передразнил её, — Боже мой, в таком случае я бы не купил ни одну…

— А разве вы не аскет? — Рахель кокетливо прищурилась; подобный поворот беседы возвращал ей утраченную было надежду соблазнить Крайста. — Если вы даже не позволяете себе пофантазировать в удовольствие?

— Я? Аскет? Какое там..! — Билл махнул рукой и рассмеялся. — Я просто не склонен об удовольствиях фантазировать, я привык их получать…

Рахель определённо нравилось происходящее; она кокетливо заулыбалась. Всё шло по классическому сценарию… Кино-мачо всегда ведут себя примерно так, как сидящий напротив мужчина с такими ошеломляюще синими глазами…

— Вы — моя мечта… — восторженно пробормотала Рахель, заглядывая Крайсту в лицо и накрывая его руку, лежащую на столе, своей. Всякий раз, когда мир преподносил ей очередную иллюзию воплощения волшебной грёзы, она приходила в экстаз.

— Ну, если я мечта, то могу ведь и исполниться, — заметил Билл, погасив хитрые огоньки в глазах коротким взмахом ресниц.

Отпустив его руку, Рахель слегка напряглась.

— Все мои мечты приносят с собой, сбываясь, неприятности…

— И на этот раз они не исключены. Скорее, даже гарантированы, — весело сообщил Билл.

Рахель вскинула на него разочарованно-удивлённый взгляд:

— Простите, но я не совсем понимаю вас… Что это значит?

— Я вас брошу. Сразу. Исчезну перед рассветом, словно меня и не было никогда, — спокойно ответил Крайст. Обыденный тон, которым было сделано это заявление, ещё сильнее шокировал бедняжку Рахель.

Возмущённая, раздосадованная, недоумевающая, она порывисто вскочила из-за стола.

Последняя сказанная Крайстом фраза никак не вязалась с тем образом, который успел сложиться в её сознании.

— Ну… Спасибо, что хоть предупредили. В таком случае вам лучше так и остаться мечтой! — выпалила она и, замолчав, оскорблённо поджала губки.

Билл продолжал сидеть и спокойно улыбаться, глядя снизу вверх своими вызывающе ясными, ни в чём не виноватыми глазами на госпожу Грик, внутри которой в тот момент бесновалась буря…

— Вы очень мудры Рахель, страшащемуся лишиться, лучше не обретать, — изрёк он, делая знак проходящему мимо официанту.

Ответом ему был удаляющийся сердитый стук тонких каблучков.

9

Кирочка лежала в постели с открытыми глазами. Тревоги о пророчестве всегда приходили по ночам, когда одна за другой тихо и медленно ложились на дно взбаламученные дневной суетой лёгкие песчинки мыслей. Она взяла с ночного столика наладонник, задумчиво полюбовалась своим отражением в его мёртвой чёрной поверхности…

Обмен личными сообщениями между офицерами особого Подразделения не был запрещён открыто, но и не поощрялся, тем более на дворе стояла ночь, тёплая летняя ночь, полная шорохов, звёзд, кружевных лунных теней… Мало ли, что могут о ней подумать… Впрочем, Крайст, Кирочка это знала точно, не станет копошиться в ворохе возможных подтекстов ситуации… Она всегда будет существовать для него в обличии конкретного факта — «было», «не было» — а кто что при этом подумал — шелуха — прошлогодняя листва, которую уносит ветер или досадливо сметает швабра дворника…

Набранное сообщение выглядело вполне прилично:

л. Лунь: Как-то тревожно мне, Крайст. Со мною произошло нечто необычное, и, боюсь, оно теперь не отпустит меня.

Кирочка немного помедлила перед тем, как нажать на поле с надписью «отправить». Всё же ей было неудобно… Что если Крайст спит… или… не дай Боже!…проводит время с женщиной… И тут встревает она со своими дурацкими страхами!

Однако, Билл ответил почти сразу:

л. Крайст: отпустит, куда денется, если сама не будешь удерживать. Приветствую. Что стряслось на этот раз?

л. Лунь: Мне погадали на картах…

л. Крайст: Катастрофа! Небось, предрекли роковую любовь?

л. Лунь: Тебе смешно?

л. Крайст: Конечно! Ведь тебе же её предрекли, а не мне. Предрекли бы мне, я бы и сам испугался до смерти.

Кирочка почувствовала, как губы её поневоле начинают складываться в улыбку.

л. Лунь: По-твоему, роковая любовь — это самое страшное?

л. Крайст: А что может быть страшнее?

л. Лунь: Ну… Не знаю… Штука в том, что мне не предсказали ничего конкретного… Просто «нечто недоброе».

л. Крайст: Зло и благо относительны. Не ломай голову. Зачем вообще бояться того, чего даже не можешь как следует себе представить? Это нерациональное расходование эмоциональной энергии.

л. Лунь: Спасибо, Крайст.

л. Крайст: На здоровье. Не забывай, что страх легче всего внушить, и труднее всего изгнать, ибо у нас, существ мыслящих, он изначален: осознание собственного существования с первой секунды идёт рука об руку с протестом против собственного исчезновения…

Отложив наладонник, Кирочка привычно почувствовала облегчение. Умеет Крайст, однако, налаживать расстроенные нервы, починять поломанные судьбы и прочищать замусоренные мозги… А такой, казалось бы, раздолбай… Кирочкиной тревоги не осталось и следа. Теперь ей было спокойно и хорошо, а карточное гадание представлялось совершенной глупостью. Крестовый король, валет и туз… Надо быть полной дурой, чтобы придавать цветным картинкам, сброшенным на пол сквозняком, какое-то глобальное жизнеопределяющее значение!..

Кирочку выбралась из постели и, подскочив к комоду, выдвинула ящик, на дне которого сложены были её странные чёрные статуэтки.

Найдя среди них ту, что изображала хрупкую девушку, напряжённо глядящую на запертую шкатулку в своих руках, она перевернула её и, поднеся к ночной лампе, прочла на дощечке-подставке снизу почти незаметно нацарапанное слово:

СТРАХ.

глава 14. Тени минувшего

1

Урсула, симпатичная маленькая брюнетка с ямочками на щеках и тонкой шейкой, стриженая под мальчика, на которой женился, как принято говорить «по залёту» Лоренц Дорн, тот самый, с которым Нетта мечтала танцевать на дискотеке в восьмом классе, стояла в прихожей и заботливо поправляла своему мужу бабочку, провожая его на встречу выпускников. Её огромный круглый живот — она носила второго ребёнка — упирался в Лоренца Дорна — успевший со школьных времён порядком раздаться вширь, он был туго упакован в стильный костюм-тройку и издалека благоухал популярной туалетной водой.

— Только смотри, не пей много… — заботливо напутствовала мужа Урсула, — Помни о своей поджелудочной…

— Ладно, — отмахнулся Дорн.

Он склонился к жене, небрежно коснулся губами её виска, не поцеловал, нет, мазнул слегка.

— Пока.

Его тяжёлые шаги обрушились на лестницу. Он был из тех мужчин, которые не могут долго сохранять чувства к одной женщине. Есть такие ленивые души, не умеющие находить новых граней в привычном и постоянно требующие смены декораций.

У Лоренца Дорна регулярно рождались претензии к окружающему миру: начальник, по его мнению, слишком много занудствовал, депутаты чересчур нагло воровали, дворники плохо мели тротуары — и всякая претензия создавала в его голове невнятное желание куда-нибудь деть причину недовольства; Лоренц Дорн ни о чём не мечтал, он просто хотел временами, чтобы все обстоятельства, его раздражающие, самоликвидировались; нашлась бы новая работа, где начальник не такой как этот, а какой — он даже не задумывался толком, просто другой, нашлась бы возможность куда-нибудь уехать из страны, которая прогнила от коррупции и отупела от пропаганды по телевизору, нашлась бы новая любовь, свежая и прекрасная, как первый подснежник… Словом, все желания Дорна сводились к тому, чтобы исчезли все его нежелания, и лучше сами собой…

Чтобы строить вокруг себя ту радостную яркую насыщенную реальность, которую он, тоскуя, рисовал в своём воображении, Лоренцу не хватало смелости и упорства; по инерции он продолжал тянуть лямку унылой обыденности. Лоренц давным-давно уже разлюбил Урсулу и нашёл силы сознаться в этом самому себе, семья тяготила его: по вечерам в пабе он жаловался знакомым и случайным на всех и вся, полнел, смотрел сериалы, футбол и вечерние новости, страстно ругал начальство и правительство, чтобы хоть куда-нибудь изливать горечь своей неудавшейся жизни.

— И всё из-за того, что я женился по залёту… — После нескольких кружек пива втолковывал он бармену. — Никогда не делай так, брат. Я раньше думал, что есть какие-то знаки, направляющие по жизни, указывающие путь… Вот идиот! Я и женился только потому, что верил в эти знаки… Знаешь, когда она забеременела, я сначала хотел просто смыться, но меня начали преследовать разные символы. То на рекламном щите надпись увижу: «Они нуждаются в твоей заботе» или вроде того… То чужой ребёнок ни с того ни с сего ручкой мне помашет на улице. И подумается под такое дело: «Вот дерьмо я какое, хочу

от младенца сбежать…»

— Это совесть, — глубокомысленно комментировал бармен, не переставая чётко и внимательно манипулировать бутылками, рюмками, лимонными колечками, трубочками — всё это вертелось ярким калейдоскопом в его ловких больших руках, покрытых золотистыми вьющимися волосками.

— Совесть… — повторял Дорн, лениво дуя в густую пивную шапку на очередном бокале, — чёрт бы её побрал… Она мешает людскому счастью. В большинстве случаев.

— Совесть — это всего лишь такой механизм, который каждый раз делает проекцию вашего поступка на вашу внутреннюю мораль, — говорил бармен, вытряхивая кофейную гущу из рожка, — Если поступок укладывается в неё, то всё окей, если нет — вы ощущаете дискомфорт. Чтобы быть счастливым, достаточно просто изменить установки вашей морали таким образом, чтобы совесть вам не мешала…

Дорн вздыхал и опустошал следующий бокал.

— Я женился по залёту. Я думал, что этим самым Бог рекомендует мне именно эту женщину… Даёт, так сказать, толчок. Вот олух… — жалоба повторялась снова с самого начала с незначительными вариациями; бармен делал вид, что внимательно слушает — что ему оставалось? — и поддерживал беседу стандартными репликами.

— А долго вы перед этим встречались? — его привычные руки, казалось, сами собой смешивали кому-то коктейль.

— Около года…

— И ты бы не женился, если бы…? — бородатый смешливый желтоволосый бармен облокотился на стойку и подмигнул.

— Не знаю. — Угрюмо ответил Дорн, со стуком опуская пивную кружку. — Может, и женился бы всё равно…

2

Кирочка надела тёмно-синее атласное платье с длинным, до самого бедра разрезом сбоку на юбке, подколола волосы высоко на затылке и кинула на обнажённые плечи невесомый газовый шарфик в тон платью. Он коснулся кожи как прохладное дуновение. Кирочка в последний раз взглянула на себя в зеркало, удовлетворённо улыбнулась и, взяв сумочку, отправилась.

Встреча выпускников организовывалась в ресторане на одной из центральных улиц Города, которая, если идти по ней прямо, постепенно спускаясь вниз, выходила на набережную Залива. Полосы движения на этой улице разделены были нешироким бульваром, засаженным кругло постриженными деревьями; сквозь бульвар вела мощёная серо-розовым камнем пешеходная дорожка. Магистр Роберто Друбенс, вероятно, помнил старые улицы ещё в те времена, когда по ним ездили на извозчиках. Теперь он, бывало, прогуливаясь в неважном настроении, ворчал на говорящие светофоры для слепых или на пустые такси с электронным управлением — дожили, дескать, таинственные голоса кругом, призраки за рулём — цивилизация так разогналась, что магия уже никому не нужна, и вздумай она открыться миру, этого никто даже не заметит…

Быстрым шагом Кирочка шла по бульвару и думала о Нетте. Она представляла себе свидание со старой подругой, восстанавливала в воображении её лицо таким, каким его помнила, пыталась заранее спланировать диалог… Ведь Нетта же будет там, Кирочка была почти уверена в этом, не пропустит же она встречу одноклассников, пять лет спустя после окончания школы? Ненароком попадая острым каблуком туфельки в щель между камнями

мостовой, Кирочка спотыкалась, выправлялась, улыбалась своим счастливым, лёгким мыслям и шла дальше…

Ресторан занимал первый этаж массивного старинного здания. В зале царил прохладный сумрак, столь приятный после душного зноя раннего июльского вечера. На забронированных столиках горделиво ожидали гостей высокие тонконогие бокалы, белоснежные лилии салфеток, распустившиеся на тарелках, нетронутые столовые приборы. Их блеск в приглушённом свете был роскошен и скромен. Ужин ещё не начался.

Первым Кирочка заметила и узнала Лоренца Дорна. Он сидел в пол-оборота за одним из столиков и глядел перед собой. Она подошла. Обменялись несколькими традиционными репликами. В сущности, ничего особенного между ними не произошло, но Кирочка почувствовала себя не слишком уютно в обществе Дорна. У него и сейчас были бархатные глаза. Почти такие же как в школе. Нет. Что-то неуловимо изменилось в них, и до такой степени, что почти невозможно было узнать в этом полном неповоротливом мужчине, выглядевшем гораздо старше своих лет, того хорошенького светловолосого мальчика, который как будто гладил всё, на что направлял взгляд, доброй плюшевой лапой старой мягкой игрушки…

— Ты очень изменилась… — заметил Лоренц с тем непередаваемым оттенком мужского восхищения, который радостно пьянит в случае, если симпатия взаимна, и вызывает непреодолимую неловкость в обратном.

— Всё меняется… — ответила Кирочка, пытаясь выдумать предлог, чтобы отойти.

Глаза Дорна уже не гладили тёплым потёртым плюшем. Они мазали беззащитную наготу Кирочкных плеч чем-то отвратительно липким. Но они всё ещё оставались бархатными, как ноготки, и потому было страшно и жалко заглядывать в эти глаза, собирать в них завалявшиеся где-то по краям, запутавшиеся в пушистых ресницах остатки прошлого, по безжалостной прихоти сохранённые временем…

— Там Дагма идёт!.. — воскликнула Кирочка, оборачиваясь ко входу так, словно там ждало её спасение. — Извини. Пойду, поздороваюсь…

Бывшая одноклассница тоже сильно изменилась. Она немного похудела, и с лица её исчезло вечное выражение бессильной задумчивости; на низком скошенном лбу разгладилась складка от непрерывных бесплодных усилий мысли. Это лицо озарилось теперь идущим из глубины существа могучим древним женским призывом и казалось почти красивым. Медлительность большой улитки, присущая Дагме, осталась в ней, но производила уже совсем другое впечатление — то было спокойное дамское достоинство. Дагма выглядела на редкость гармоничным и довольным жизнью человеком. Все характерные особенности её личности, которые при современной тенденции к ускорению всех процессов могли на первый взгляд показаться недостатками, нашли достойное применение в её профессии. Со своей сосредоточенной неторопливостью и удивительным терпением Дагма стала прекрасным реставратором старинной мебели и зарабатывала этим неплохие деньги.

Кирочка ждала Нетту. Беспокойно сидя на уголке стула, она то и дело поглядывала в окно или в сторону входа в зал; ей не хотелось признаваться себе в этом, но большинство разговоров за столиками не были ей интересны, и она поддерживала их только из вежливости; она пришла сюда, в сущности, ради одного единственного человека, и прочие одноклассники со своими такими разными и разнообразными жизнями, дорогими вечерними платьями и костюмами, бокалами шипящего шампанского, шутками и историями

служили лишь ярким фоном, праздничной подсветкой для одного единственного события… Которое не собиралось случаться…

3

Саш Астерс опоздал. Задержался на работе. Он приехал почти к самому концу ужина. Кирочка давно уже заскучала и, потеряв надежду дождаться Нетту, собралась уходить.

Она стояла у освещённой вечерним светом высокой арки окна банкетного зала и неторопливо пила шампанское, держа бокал двумя пальцами за ножку.

Войдя, Саш Астерс сразу увидел стройный женский силуэт в оконной арке, прозрачный насквозь бокал в руках у смутно знакомой незнакомки, тонкий шарф у неё на плечах — на просвет будто синий дым. Повинуясь волшебству случайного впечатления, он сразу же направился в сторону окна, на ходу взяв у официанта бокал шампанского и залпом осушив его.

— Добрый вечер…

Взлетели две большие чёрные бабочки — Саш посмотрел на Киру. Он узнала его и дружелюбно улыбнулась.

— Что-то ты поздно… Привет.

Кирочка не ожидала увидеть Саша вот так просто, прямо перед собою, без пиджака, с немного расслабленным галстуком и зеркальной пряжкой на ремне брюк… Все эти годы он был для неё чудесным, драгоценным воспоминанием; сегодня она надеялась увидеть здесь и его тоже, заодно с Неттой, хотя, может, так и не успела до конца это осознать…

— Лучше поздно, чем никогда… — улыбнулся Саш.

То тайное, что всегда существовало между ними, никуда не подевалось. У Саша Астерса были такие же тёмные ресницы, точно крылья, и в нём на удивление легко воскресало прошлое и обнаруживалось присутствие того смешливого яйцеголового мальчишки…

Говорили о каких-то пустяках. Проворные официанты тем временем задёрнули шторы на окнах и сдвинули большую часть стульев, освободив центр зала.

А потом возникла музыка.

Медленная. Чарующая. Манящая. Никто из посетителей ресторана не сдвинулся с места. Стыдливо погасли большие светильники… Просторное помещение для проведения банкетов погрузилось в таинственный полумрак, словно палуба затонувшего корабля.

— Давай потанцуем… — вырвалось у Кирочки.

Ей с невероятной чёткостью вспомнилась в тот миг дискотека в восьмом классе. И их несбывшийся танец. Как же она хотела этого тогда!

Саш без слов положил руки ей на талию. Почти неощутимо. Воздушно.

Кирочка любила обувь в тон платью и надела совершенно новую пару. Туфля натирала ей ногу. Кроме того, сейчас она была не прочь избавиться от нескольких лишних сантиметров роста…

— Извини… — тихо сказала она Сашу и скинула туфли.

Передвигаясь в такт мелодии, они вышли на середину зала. Саш неожиданно оказался таким высоким, что Кирочка смогла без труда спрятать лицо, легонько ткнувшись носом ему куда-то в основание шеи, и это было необыкновенно приятное ощущение; вполне позволительно молчать, не смотреть в глаза, только внимать нежному запаху чистой мужской кожи и хорошего одеколона… Кроме них никто не танцевал. Кирочкины руки лежали у Саша на плечах. Она ощущала пальцами плотную ткань его рубашки. Твёрдое тело под ней. Мечты сбываются. Когда совсем этого не ждёшь. Взгляды их в какую-то секунду

всё-таки встретились, но Кирочка почти сразу опустила взор: она почувствовала себя оробевшей той волшебной приятной робостью, которая всегда возникает у девушки в обществе мужчины, к которому она не вполне равнодушна, особенно если и он испытывает встречную симпатию.

Тайное между Сашем и Кирочкой пробуждалось. Становилось всё явственнее с каждой минутой…

— Помнишь, как ты танцевал с Ирмой Вайнберг в восьмом классе? — От шампанского сознание Кирочки стало похожим на зыбкий островок тополиного пуха на асфальте; мысли летали, кружились, терялись — точно невесомые пушинки в случайных потоках воздуха. Иногда, обретая направление и силу, они оформлялись, превращаясь в белых мотыльков, и становились словами… — Ты был в неё влюблен?

— Не помню…

Саш некоторое время молчал. Кирочка смотрела на его губы и подбородок, в их форме, в сухой шероховатости бритой кожи была неизъяснимая печальная красота.

— Я был влюблён в тебя, — сказал он.

Музыка начала постепенно стихать. Мимо танцующих прошёл официант с подносом заставленным янтарными на просвет бокалами. Кирочка и Саш взяли себе ещё по одному.

— Ты знаешь, что шампанское делают из светлого винограда, такого спелого, что он почти прозрачный…

Саш слегка наклонил бокал, рассматривая на просвет золотистую жидкость, искрящуюся мелкими пузырьками. Кирочке представились огромные гроздья крупных немного удлинённых ягод, с тугой зеленовато-жёлтой кожицей, с желеобразной мякотью, тающей на языке как мёд. Сквозь ягоды проходят солнечные лучи, отчего они как будто светятся изнутри…

За её спиной раздались чьи-то грубые шаги. Кирочка обернулась.

Лоренц Дорн, порядком перебравший шампанского, приближался к ним. Рубашка, кругло натянутая на животе — точно мяч в мешке. Галстук небрежно расслаблен. Лицо красное, яростное.

— Не скучаете?

Стандартная фраза прозвучала не в меру резко для человека, желающего присоединиться к светской беседе, почти язвительно.

— Нет, — немного насторожившись, ответил Саш.

В зале стало душно. Лоренц Дорн стоял круглый, потный. Он излучал что-то злое и безнадёжное — Кирочка ощущала это всей кожей, мигом взмокшей под синтетическим платьем…

— Я бы тоже не скучал в обществе такой цыпочки!

Дорн улыбнулся губами похожими на ветчину. Вышло очень неприятно. Кирочка по злому капризу хмеля виделась сейчас ему частью той яркой полной восхитительно прекрасной жизни, которую у него всегда отнимали обстоятельства. И продолжают отнимать. Бедняга Лоренц, наблюдая за танцующими несколько минут, непостижимым образом узрел в них отражение всего, чего, как ему казалось, он был несправедливо лишён; и возненавидел их за это…

Кирочка в тот миг безошибочно почувствовала, что Дорн хочет ударить Саша, но никак не может найти повод. Он смотрел своими глазами-ноготками. Смотрел страшно, жалко, с неукротимой отчаянной завистью, с неутолимой скорбью о себе самом.

— Идём отсюда… — приподнявшись на цыпочках, шепнула Кирочка Сашу в самое ухо.

Он кивнул.

Её туфли стояли под столиком в другом конце зала.

Когда они вышли, она почувствовала ступнями тёплое и колкое прикосновение асфальта. Всюду разливалось золотистое волшебство. Это был оранжевый вечерний свет. Это было небесное шампанское. Кирочка рассмеялась.

— Ух ты, а я сбежала с бала почти как Золушка… Только без обеих туфель!

— И с Принцем, — добавил Саш с галантной улыбкой.

Кирочка внезапно посерьёзнела.

— Что же такое случилось с Лоренцом? Он ведь был вроде неплохим парнем…

— Он несчастлив.

— Почему? Я слышала, что у него жена. Ребёнок… И квартиру они купили…

— Женился он по залёту.

— И в этом вся причина?

Саш пожал плечами.

— Я не уверен. Но сам он говорит именно так…

— А жена его? Бедняжка! Она тоже несчастлива?

— Отнюдь. Она из тех женщин, которым жизненно необходимо о ком-то заботиться. Без этого они чувствуют себя бесполезными. Для них это единственных способ самореализации. А Лоренц ей идеально подходит. Ведь он просто молча принимает эту заботу и продолжает тихонько страдать, считая себя жертвой обстоятельств.

— Ты полагаешь в любых обстоятельствах можно быть счастливым? — спросила Кирочка.

Саш тихо рассмеялся:

— Это философский вопрос. Я отвечу на него небольшой притчей о человеке, который не любил кошек. Он их просто ненавидел. А его жена, напротив, мечтала завести кота. И каждый вечер, возвращаясь в метро с работы, этот человек представлял себе, что дома его ждёт следующая картина: жена принесла-таки домой кота и, более того, этот кот успел уже нагадить где-нибудь в квартире… Всю дорогу, пока он ехал домой, он представлял себе, что под дверью его ждёт аккуратненькая кучка… И когда этот человек, оканчивая свой долгий путь, открывал дверь ключом, в волнении замирал, принюхивался и понимал, что в его жизни пока не появилось ни кота, ни кошачьего дерьма… он испытывал прилив такого невероятного, такого исступлённого счастья, что едва не падал замертво на пороге своей квартиры…

Кирочка рассмеялась.

— Я считаю, — продолжал Саш, — что счастье — внутреннее состояние, которое кто угодно может у себя вызвать, причём в любое время, когда захочет. Достаточно просто в это поверить.

Улица вела их к Заливу. Кирочке поневоле вспоминалось всё то, что говорила ей на собеседовании о семейной жизни Айна Мерроуз.

— А ты женат?

Снова взлетели две диковинные чёрные бабочки — Саш взглянул на неё.

— Нет.

Им обоим было странно легко и отчего-то немного грустно. То тайное, что существовало между ними всегда, стало теперь совсем явным. Но оно и обесценилось. Как-

то вдруг. Именно потому, что прояснилось. Заходящее солнце делало небо золотистым, словно пузырёк шампанского. А Кирочка и Саш были внутри этого пузырька, и сами себе казались они случайными, прозрачными, невесомыми.

Залив становился всё ближе, оттуда тянуло уже прохладной свежестью. Они остановились возле самого гранитного спуска к воде. Несколько десятков ступеней вели вниз, на широкую каменную площадку, омываемую заливом: волны иногда взбирались на неё и катились далеко по гладким плитам. Кирочка вспомнила, что когда-то они так же стояли с Микой Орели, только ниже, у самой воды, и не именно в этом месте, а немного дальше по побережью на запад; она взглянула в ту сторону — теперь там разливался закат — солнца уже не было, и на небе, светлом, бледно-зелёном, потухали его последние розовые и красные лучи. Кирочка узнала чёткий силуэт многоэтажного здания со шпилем. Гостиницу «Прибрежная».

Саш Астерс смотрел на кружевную кромку волны, медленно подбиравшейся к безукоризненно блестящему, острому носу его ботинка, и думал о том, что неудобно припарковал машину, но сегодня точно уже не сможет сесть за руль…

— У меня ноги замёрзли… — Кирочка очнулась от восхитительного золотого сна и обнаружила, что стоит босиком на холодном и влажном камне.

— Давай поймаем такси. Я отвезу тебя домой, уже поздно…

Саш сделал шаг по направлению к ней. В этот момент налетел ветерок, и с плеч Кирочки вспорхнул легчайший синий шарф. Тонкий как лезвие, он расправился в воздухе и некоторое время парил над волнами словно облачко дыма, а потом упал в воду.

— Ой… — сказала Кирочка.

Саш смотрел на её голые плечи, в вырез вечернего платья — туда, где волнистая кромка тёмно-синего кружева встречалась со сливочной белизной приподнятой корсетом Кирочкиной груди… Она повернулась и пошла вверх по лестнице, придерживая юбку. Лопатки двигались под светлой кожей. И Сашу вдруг захотелось приложить губы между ними, провести кончиком пальца словно кистью по позвоночнику вниз до того места, откуда начинается платье… Он встряхнул головой. Это шампанское. Кирочка оглянулась.

— Идём?

Саш стоял неподвижно, и в его глазах было нечто такое, что заставило и Кирочку замереть тоже. В пол-оборота. На лестнице. Лишь лёгкое дуновение шевельнуло тонкую прядь волос упавшую ей на шею.

Саш, не торопясь, начал подниматься по ступенькам.

В такси молчали. Лишь перед самым прощанием, распахнув перед Кирочкой дверцу машины, Саш спросил:

— Могу я тебе позвонить?

Успевший немного остыть асфальт коснулся её ступней.

— Нет, — ответила Кирочка.

Ночи как таковой не было, но ей всё равно стало ясно, что больше видеться с этим мужчиной нельзя… Правило как будто уже нарушилось само собой… Когда Кирочка стала подниматься по лестнице и, обернувшись, встретила взгляд всё ещё стоящего у воды Саша, её накрыло странное отчётливое почти жуткое ощущение абсолютной осмысленности бытия — именно в тот миг она остановилась на ступеньках — он смотрел ей вслед, на её спину, лопатки; у Кирочки мелькнула вздорная мысль, что Вселенная, возможно, создала сама себя именно ради таких моментов — чтобы мужчина и женщина замирали, глядя друг другу в

глаза, останавливая время, обесценивая глубиной своего мгновенного слияния пространство, в котором тела их существуют отдельно…

Выскочив из машины, она не оглянулась. На цыпочках побежала к подъезду. Кирочка знала, что Саш Астерс и сейчас смотрит на неё из-за опущенного стекла; это знание было приятным настолько, что по её позвоночнику легко и весело пробежала стайка мурашек… В эти секунды на свет родилось столько невнятных несбыточных желаний! Они взлетели, словно маленькие прозрачные мотыльки, закружились над стройным силуэтом босой женщины в тёмно-синем вечернем платье, над такси с приоткрытой дверцей, над тёмной сочной листвой деревьев…

Саш медленно нащупал в кармане пиджака бумажку с Кирочкиным номером телефона, который она не задумываясь написала ему в начале вечера. Согласно неписанному правилу, теперь стоило эту бумажку выбросить — ведь дама сообщила, что не желает продолжения… Но Саш решил оставить. Так. На всякий случай. Никогда не знаешь, ключ от какой двери вручила тебе жизнь на этот раз — мудро хранить их все — авось какой-нибудь отомкнет врата рая…

4

Билл толкнул дверь и вышел из офиса кредитной организации, где работали знакомые ведьмы, на гладкий тротуар Улицы Банков. Дул ветер, и он накинул пиджак. День стоял пасмурный, но сухой. Билл взглянул на часы и быстро зашагал вдоль по улице. Его всегда раздражало отсутствие в этом районе Города места, где можно нормально перекусить, здесь не только не было приличного ресторана или хотя бы уютного кафетерия, нигде не торчало даже ни единого киоска с шаурмой и сомнительными пирожками. Одни только офисы банков — крупных и мелких, коммерческих и государственных, популярных и не очень… Поэтому обычно Билл, если случались дела на Улице Банков, в обеденное время ходил на Фруктовый Рынок, что находился в двадцати минутах скорой ходьбы от этого голодного квартала капиталов; там он покупал себе бутыль мутного свежевыжатого сока, несколько круглых зерновых хлебцев и кулёк королевских фиников. Ими торговала слабенькая пожилая ведьма с повязкой на глазу, она всегда бывала очень рада Биллу, обращалась к нему «красавчик», выбирала для него самые крупные финики, тёмно-тёмно-шоколадные, почти чёрные, лоснящиеся от сладкого сока. Билл благодарил её улыбкой, и улыбка эта, дружелюбная и в меру кокетливая, с лихвой окупала все ведьмины хлопоты.

Сегодня он тоже отправился на Фруктовый Рынок, который был не только самым большим и разнообразным в Городе, но и самым дешёвым. Потому среди его пёстрых плащевых палаток постоянно толпился разномастный народ: любой, от распоследнего бедняка, обитающего на заброшенной верфи у Залива, до успешного служащего с Улицы Банков мог найти там что-нибудь для себя. Войдя в ворота, Билл влился в один из людских потоков, которых на рынке существовало великое множество, как течений в океане. Двигаться же по собственной траектории, вне этих потоков, здесь было весьма проблематично. Пробираясь вдоль ряда палаток с аккуратно разложенными крупными и невероятно красивыми овощами и фруктами, которые никогда не продавали с витрины, Билл заметил в глубине одной из них удивительно знакомое женское лицо. Вырвавшись из потока, он приблизился к палатке. «Господи, неужели это она!?»

За прилавком, на котором были выстроены безупречно правильные пирамиды из одинаково глянцевых и круглых яблок, томатов и апельсинов, заложив руки за спину, стояла Магдалена. Она осталась почти такой же, как в тот день, когда он видел её в последний раз,

и хотя годы шли, она всё ещё походила на девочку. Но это было очень грустное сходство, потому что на лбу и переносице у «девочки» появились теперь мелкие морщинки, а во всем лице её проявилось выражение вечной усталости женщины, задавленной бытом, которой совершенно неоткуда ждать подмоги. На ресницах у Магдалены как и прежде комочками трогательно и жалко лежала тушь. Волосы, крашенные в жёлтый, жёсткие точно зубная щётка были убраны простой резинкой в пучок на затылке.

Билл протиснулся к самому прилавку и стал смотреть на эту замученную старую девочку… Он не надеялся быть узнанным ею. Просто наблюдал. Магдалена вскоре обратила на него внимание.

— Желаете чего-нибудь? Яблок? Очень сладкие…

— Да. Пожалуй, яблок. Сладких. — Ответил Билл автоматически, повторяя за нею; ему просто захотелось самому проговорить те слова, которые только что выпустили на волю её губы, прочувствовать их вибрацию…

— Ты?.. — спросила Магдалена, словно испугавшись. Она близоруко сощурилась, пытаясь разглядеть его получше, и Билл сразу понял: узнала. Но её тут же отвлекла какая-то пожилая крикливая женщина:

— Так вы будете взвешивать мне помидоры?!

— Секунду. Я сначала взвешу молодому человеку яблок. — Магдалена кивнула в сторону Билла.

— Он тут не стоял! Без очереди протиснулся! — возопила женщина.

— Прости меня, — сказал Билл так тихо, что Магдалене пришлось догадываться по губам.

— Здесь не поговоришь толком… — она глядела ему в лицо своими лучистыми глазами, выделяя это лицо из толпы, освещая его как фонариком лучом своего доброго отношения, — я заканчиваю в шесть.

Билл не успел ничего сказать, Магдалена сунула ему яблоки и повернулась к жаждущей помидоров женщине. Какой-то тип с бряцающей телегой, нагруженной пустыми ящиками, толкнул его.

— Чего разинул хайло, мажор? На небо смотришь? Нашёл место! Уйди с дороги.

Толпа оттеснила Билла от прилавка. Он больше не видел Магдалену. Только её жёлтая макушка, как поплавок, иногда появлялась над грудами овощей и фруктов. Только сейчас Билл вспомнил, что она не взяла с него денег за яблоки. Забыла. Яблока было два. Он взвесил их на ладони. Бордовые. Блестящие как новая парниковая плёнка. Он сунул их за пазуху.

5

Билл пришёл на рынок снова к шести часам. Палатки уже закрывались. Торговки убирали товар: бережно укладывали фрукты и овощи в плоские фанерные ящики, накрывали их картонками, ставили друг на друга, опускали вниз плащевые занавесы палаток и застёгивали их на молнии. Билл встал в стороне, дожидаясь Магдалену. Она торопливо завершила свои дела, и, облегчённо выпрямившись, после окончания рабочего дня словно расправившись, раскрывшись, как цветок, принялась высматривать в поредевшей толпе Билла. Она сразу увидела его и, помахав, побежала навстречу. На ней была лёгкая светлая ветровка, простая цветастая юбка и резиновые сапоги. Болтаясь на её маленьких ногах, они глухо постукивали.

— Почему ты больше не работаешь в том ларьке на нашей улице? — спросил Билл.

— Это долгая история, — Магдалена отмахнулась, — его пришлось продать за долги… Давно уже. Эдвин играл с каким-то жульём в карты и… — на несколько мгновений она умолкла, словно устыдившись того, что сказала, потом продолжила, в этой своей милой торопливой манере, вызывающей у Билла невольную улыбку, — Эдвин ведь работать совсем не может, нервный он, одно время пытался устраиваться, но всюду не выдерживал, то его оскорбляют, то тяжело ему, то платят мало… Я одна семью кормлю… — Магдалена улыбнулась грустно, и взглянула на Билла с какой-то необъяснимой и оттого ещё более обидной укоризной. — У тебя-то, поди, один костюм стоит столько, сколько мы за год проживаем…

— Пойдём, посидим где-нибудь, чаю выпьем… не на проходе же тут стоять, болтать? — предложил Билл, стараясь держаться как можно проще.

— Нет, не стоит. Не нужны мне милости… Я не совсем уж голодная оборванка… Поговорить и на лавочке можно.

Билл оказался в замешательстве. Его поразило то, как сильно теперь стеснялась Магдалена перед ним своей бедности.

И он сказал:

— Ты забыла с меня взять за яблоки, поэтому я, вроде как, должен… Это не будет «милость».

— Ладно, тогда. Только не очень долго. Мне нужно ещё купить продуктов домой, Эдвин не ходит по магазинам, у него спину ломит, защемление нервов…

— Я помогу тебе их принести, — предложил Билл, — семейство то, небось, большое.

— Он, я, и трое ребятишек.

Зашли в грошовую пышечную, находившуюся сразу за воротами рынка. Билл решил не смущать Магдалену каким-либо приличным заведением, чтобы она не чувствовала себя там как нищенка на балу. Перекусили, запив ароматные тёплые пышки дрянным растворимым кофе с молоком. Магдалена заторопилась.

— Эдвин всегда волнуется, если долго меня нет, нервный он, и Тобаска плачет, младшая дочка, три месяца, я недавно её от груди отняла, пришлось, на рынок ведь с нею ходить никак невозможно, а денег нет.

— Я тебя подвезу, — сказал Билл сразу, — сэкономишь сегодня на метро.

6

Выходя из его автомобиля с тонированными стёклами, Магдалена с непривычки зажмурилась от яркого вечернего солнца, улыбнулась обескураженно, жалко и снова будто бы стала семнадцатилетней. Глядя на эту женщину, Билл чувствовал, как сжимается у него под дорогим пиджаком сердце, с каждой минутой всё сильнее…

Магдалена затащила его в один из супермаркетов эконом-класса, которых в этом районе Города было много, а в Центре не было вообще; здесь продавали продукты для бедных: плотную серую булку, мягкую желеобразную колбасу непонятного вкуса, лапшу «залей кипятком», картофельное пюре в стаканчиках, заменители молока и творога на основе растительных жиров…

Магдалена резво шныряла между рядами, на ходу бросая в корзину всё самое дешевое. Биллу пришлось уговаривать её взять для детей свежих яиц, более-менее приличного мяса и шоколадных конфет за его счёт. Он расплатился, взял пакеты и понёс к машине.

Семейство Магдалены обитало в одном из самых бедных кварталов, на улице Деревянных Монет, более глубоким дном считались только Заброшенные Верфи, но там

обитала совершеннейшая голь, кормившаяся незаконной торговлей, милостыней или воровством, и люди, у которых были хоть какие-то заработки, с презрением обходили эту часть Города.

Билл медленно ехал сквозь грязные дворы. Низкие облупившиеся дома глядели на него неприветливыми глазницами тёмных окон. Он смутно узнавал места, так, словно уже был здесь когда-то очень давно, будто бы в другой жизни… «Старик, — вспомнил он, — добрый пьяный старик, спасший меня в ночь побега от книжницы… Кажется, он жил в одном из этих кварталов».

Теперь здесь жила Магдалена. Между деревьями во дворе натянута была бельевая верёвка. Ветер трепал какие-то линялые тряпки на ней. На загаженном собаками и исполосованном протекторами газоне догнивал старый автомобиль, с проеденной ржавчиной дырою в боку. Отовсюду веяло небрежением отчаявшейся нищеты, и Билл мысленно поразился — странно, что это никогда не приходило ему в голову прежде — как в одном Городе, и даже не слишком далеко друг от друга, могут существовать эта улица Деревянных Монет с убогими тесными домишками и гостиница «Жемчужина», где одна чашка кофе в вестибюле стоит…

— Приехали! — сообщила Магдалена, оборвав его мысли.

Билл вынул пакеты из багажника.

— Не возражаешь, если я поднимусь с тобой… Они порядочно весят.

Магдалена заколебалась было, но потом сказала:

— Ладно. Я скажу Эдвину, что ты депутат, который помог нам продуктами, ты похож… Эдвин ведь постоянно пишет депутатам разным, и в благотворительные фонды пишет, он жалуется, как плохо мы живём, как дороги коммунальные услуги, он ведь нервный, у него и справка есть врачебная, что он нервный, и положены ему льготы какие-то, да только проку от них, от этих льгот… Спицей вязальной щи хлебать.

Билл слушал этот знакомый, до слёз умилительный суетливый говорок, поднимаясь с пакетами по пропахшей кошками лестнице вслед за Магдаленой, и от жалости у него саднило в горле…

Обернувшись к нему, она добавила пришибленно:

— Ты только прости, если у нас бардак. А у нас точно бардак, ведь Эдвин никогда не убирает ничего, у него спину ломит, защемление нерва…

На площадке четвёртого этажа она остановилась и нажала кнопку звонка.

За обитой облезлым дерматином дверью что-то завозилось, заскрипело, зашаркало, и она отворилась. На пороге стоял молодой мужчина, высокий и худой, небритый, с изящным, но очень неприятным длинным лицом, выражающим вечное недовольство.

— Здравствуй, милый, извини, что я задержалась. К нам депутат приехал, видишь, Эдвин, какой у него костюм, из бутика, ты не груби ему, он мяса принёс, и яиц, и конфет… — Магдалена говорила с мужем какой-то виноватой интонацией, точно оправдывалась перед ним за что-то. Из комнаты донёсся громкий требовательный плач младенца. Тобаска завывала подобно пожарной сирене.

— Иди уже к ней, я целый день сегодня её нянчил. Устал… Она задёргала меня всего, замучила… — жалующимся тоном сказал Эдвин.

— Прошу тебя, всего минутку, я попрощаюсь с депутатом только, вежливыми же надо быть, милый, ты пойми…

— Ладно… — Ворчливо согласился Эдвин, исчезая в глубине тёмной тесной,

заваленной хламом прихожей. На ходу он обернулся.

— Кстати, господин депутат, у нас ещё канализация плохо работает, сделайте что-нибудь, пришлите кого надо…

Магдалена прикрыла дверь квартиры, оставшись на лестнице. Билл молчал.

— У тебя есть дети?

Он мотнул головой.

— Почему? Тебе грех не иметь их, ты так красив и богат, они были бы очень счастливы с тобой…

— Не думаю. Всё относительно. Есть, например, древняя философия, которая учит, что вообще вся жизнь человеческая — путь сквозь скорби к ещё большим скорбям. Люди живут, страдая, а потом умирают. И богатые тоже. И красивые. И чем они красивее и богаче, тем больнее и обиднее им умирать. Так что зачем намеренно обрекать кого-то, кто совершенно ничего тебе не сделал, никакого зла, на страдания? Относительно этой философии не иметь детей — это не грех, а подвиг.

— А всё-таки жалко, что у тебя их нет, — сказала Магдалена, — у них были бы удивительные глаза…

Определённо, у этой старой девочки была какая-то своя, непонятная Биллу философия. Ведь она, несмотря ни на что, продолжала верить, что счастье возможно… Возможно в принципе. Теоретически. Пусть и не для неё.

— Ну, а теперь уходи. — Магдалена потянула на себя дверь, — Пора. И… знаешь, мне очень трудно на тебя смотреть. Я чувствую сразу какую-то безнадёжность, какую-то… Не могу вспомнить слово… Какую-то… Напрасность… Всего.

— Тщету, — подсказал Билл.

— Ты такой чужой, ты всегда был чужой, даже когда я тебя целовала, ты был смешной и глупый, а всё равно чужой, и потому я тебе велела не приходить. Потому что больше всего на свете я хотела тогда, чтобы ты стал не чужой, но я знала почему-то, что это никак невозможно. И Эдвин нервный. Он бы себя убил… Точно убил. Ой, прости, я глупости говорю, наверное, и тебе это всё не интересно…

Она умолкла и продолжала смотреть на него, стоя в дверях.

— А если просто, если на меня не смотреть, — спросил Билл, — безнадёжность не чувствуется?

Магдалена отрицательно замотала головой.

Билл улыбнулся. Тонко, грустно.

— Ты как тот старик из тёмной избы. Есть такая притча. Жил старик в избе без окон, хорошо жил, привык в темноте жить, всё на ощупь различал и был всем доволен. Но однажды зашёл к нему странник с фонарём. Тут старик и увидел, что изба его убога, что углы паутиной заросли, что стены закоптились… И не смог больше жить по-прежнему…

Билл говорил и чувствовал, что она уже не слышит его, точнее не совсем понимает. В её глазах появилось характерное напряжённо ищущее выражение. Она постоянно прислушивалась к тому, что происходит за обшарпанной дерматиновой дверью.

— Ой… — Магдалена как будто спохватилась, голосок её поднялся и задребезжал, словно тонкий хрусталь в серванте, тяжело задетом плечом, — всё, совсем пора. Эдвин там с Тобаской, он устал, ему спину беречь надо. Прощай. Она собиралась уже закрыть дверь, но Билл успел сунуть ей визитную карточку.

— Возьми на всякий случай. Если понадобится моя помощь.

Билл повернулся и начал, не торопясь, спускаться по лестнице. Потом резко остановился и, взглянув на Магдалену через плечо, сказал:

— Я хотел жениться на тебе.

Это не имело уже никакого значения, жизни их ушли каждая по своей колее очень далеко от точки их случайного соприкосновения, это было странно, глупо и, пожалуй, чересчур сентиментально, так сказать сейчас, но Билл зачем-то сказал. Именно так. Он всегда старался быть искренним. Мысль пришла ему в голову — он её озвучил… И продолжил спускаться.

Магдалена смотрела в идеально прямой шов на спинке его дорогого серебристо-серого пиджака и думала, что вот наконец-то ей удалось встретить по-настоящему счастливого человека. Такой богатенький красавчик, казалось ей, просто не может не быть счастливым, хотя она, в сущности, ничего не знала о Билле. Это у своих, ближних, всегда проблемы, все они на что-то постоянно жалуются, плачутся, каждый по-своему несчастлив, а далёкие — это совсем другое дело… Всегда мнится, что у них всё лучше, и улыбки на фотографиях лучистее, и объятия горячее и даже вода в кране чище…

Во дворе Билл сел в машину и долго не трогался с места. Ему было больно. Большая вселенская боль снова погрузила своё ядовитое щупальце ему в затылок. И не отпускала. Биллу всегда бывало больно, когда он не мог помочь. А он никогда не мог помочь. Он просто чувствовал чужую боль как свою. И сейчас ему открылась новая, ещё более глубокая, чем всё, что он видел прежде, бездна страдания, страдания добровольного, и потому совершенно безвыходного; его невероятно разозлил этот Эдвин, который не может ни работать, ни в магазин ходить, ни говорить нормально — всё ворчит да плачется — ничего не может, ей богу, моральный импотент какой-то, вцепился в хорошую бабу, как клещ, нервный он, не троньте его, а детей настругать сумел, вот уж кому-кому, а этому — точно грех… Биллу нестерпимо захотелось напиться.

Он доехал до центра, припарковал машину на платной стоянке неподалёку от Улицы Банков, и пешком отправился в паб «Глаза Бездны».

Примерно час спустя он вышел оттуда. Дул ветер с мелкими каплями дождя, и он застегнул пиджак. Спиртное согревало его изнутри, он бодро шагал в сторону автобусной остановки, старательно убеждая себя, что не так уж всё и плохо, в конечном итоге, ведь Магдалена сама выбрала эту жизнь, она привыкла, и, наверное, даже не особенно страдает, это ему, Биллу, со стороны такая жизнь кажется адом, и он бы сам так жить ни за что не стал… Но люди все разные. Утешение, было, конечно, слабое, Билл это понимал. Но больше ничего не мог придумать.

Автобус остановился. Билл давно не ездил общественным транспортом, и сейчас, после нескольких порций виски, это обыденное в общем-то действие переживалось им как необыкновенное приключение.

Он примостился на свободный край сидения, предназначенного для двух человек. Все остальные места были заняты, и многие стояли, но именно это сидение никто не пожелал занять. Рядом с Биллом у окна сидел вонючий косматый старик, по всей видимости, обитатель Заброшенных Верфей, на коленях у него стояла засаленная матерчатая сумка в горошек, ручки которой он беспокойно сжимал жёлтыми узловатыми пальцами, а на голове у старика красовалась нелепая широкополая панама из соломы, найденная, скорее всего, на свалке.

Острый запах давно немытого тела распространялся от старика по всему салону.

Пассажиры автобуса порой посматривали на Билла: кто — удивлённо, а кто и с тенью осуждения.

«Интересно, — думал он, демонстративно глядя в окно, — что они все так лупятся, это оттого, что я пьяный, или потому, что я сюда сел? Я ведь ничего не нарушил… Имею право. Этот бездомный такой же человек, как и остальные!»

Свернув на Улицу Банков, автобус и проплыл сквозь известную на весь Город цифровую лазерную рекламу — цветные отблески пробежались по стёклам.

«Каждую минуту мы делаем кого-нибудь счастливым! Большой Империалистический Банк» — гласила крупная объёмная надпись, которая в прямом смысле висела в воздухе над проезжей частью. Над надписью, эффектно сверкая, вращалась огромная трёхмерная монета.

Билл выдохнул в рукав, опасаясь обдать кого-нибудь густым духом спиртного. Ткань его безупречного пиджака соприкасалась с грубой лоснящейся от грязи джинсовой курткой сидящего рядом нищего старика.

«Чистоплюи. Лицемеры… Жалкие трусы, утешающие себя самообманом… Не вы ли по воскресеньям на благотворительных акциях в парках и дворцах культуры жертвуете деньги на благоустройство приютов для бездомных, говорите на микрофон о любви к ближним, о человечности, о всеобщем братстве? Оказывается, всем этим вы лишь время от времени подкармливаете свою жалкую буржуазную совесть — мы молодцы, мы пожертвовали, поставим галочку — а на деле вам даже сесть рядом со своими "братьями" противно…»

Билл нетрезвым презрительным взглядом пробежался по лицам благополучных и деловитых пассажиров автобуса. В эту секунду все они его раздражали. Каждого из них он готов был взять за грудки, с отвращением встряхнуть, глядя в глаза припомнить несчастному все его грехи, большие и маленькие, и наставить заблудшего на путь истинный красивым ударом в челюсть…

«Я совсем пьяный…» — подумал Билл грустно.

Внезапно между затянутыми в цветастые сарафаны телами двух тучных дам, держащихся за поручни и ошеломляющих окружающих видом своих дряблых подмышек, мелькнули отрадно знакомые пальчики, те самые, с обгрызенными ногтями и облезлым ярко-красным лаком. Они отрывали кому-то билет.

Надо же как не повезло! В кои-то веки сел в автобус, и тут — на тебе! В сознании Билла всплыла в этот момент мысль, вычитанная давным-давно в одной из эзотерических книг на ярмарке: судьба человека — отражение его совести. Ну, как тут не согласиться… И тогда Билл, сознавая, что совершает один из самых гнусных поступков в своей жизни, вынул из кармана пиджака крупную банкноту и, сунув её под нос своему вонючему соседу, шепнул ему быстро:

— Мне нужна твоя шляпа, друг. Немедленно. Я покупаю её.

Старик встрепенулся, заросшие седыми бровями, словно густым лесом, глазки забегали туда-сюда, от банкноты до Билла и обратно, потом всё-таки остановились на банкноте… Старик какое-то время смотрел на неё, оставаясь неподвижным, потом разом весь просиял и торопливо стащил с себя столь дорого оцененный головной убор.

Автобус остановился. Билл кое-как нацепил на себя панаму, она была совсем старая, вне всякого сомнения, найденная на свалке; между полями и тульёй в одном месте зияла прореха, от панамы воняло стариком, но Биллу сейчас до этого не было никакого дела… Он пониже опустил поля на лицо, и юрко выскочил из автобуса.

Небо пухло весь день, но дождь собрался только к вечеру. И хлынул. Словно из

лопнувшего пакета. Это было совсем скверно. Билл шёл и мок. На нём был дорогущий «депутатский» пиджак и вонючая шляпа из мусорного бака. С её полей капала вода. Билл был пьян и печален… Вся боль и неустроенность человечества подкралась в этот миг к нему и застыла у него за спиной, словно гигантская цунами, готовая обрушиться на берег.

Билл сел на поребрик и закурил.

Так же тяжело ему было только один раз в жизни. Когда, поступив на службу в Особое Подразделение, он впервые после своего побега из пансиона позвонил родителям. Мать рыдала, она даже ничего не могла сказать, слова корежились, комкались и ломались у неё на губах, превращаясь во всхлипы. Билл знал, что так будет, поэтому он очень долго медлил, прежде чем позвонить. Но оттягивать до бесконечности этот звонок ему не позволяла совесть. Разговаривал он со своим старшим братом. Тот оказался единственным человеком, который смог встретить «блудного сына» нужными словами. Отец передал через брата Биллу своё отеческое проклятие. И Билл принял это спокойно, он предвидел и проклятие тоже, его отец был не из тех, кто легко готов понимать и принимать людей, имеющих смелость жить по своим собственным правилам. Отец Билла точно знал, как надо жить, а Билл решился покачнуть каменную твердыню его абсолютной правоты, бросить вызов его могучему жизненному опыту и отеческой мудрости. Проклятие было неизбежно. Биллу было горько, но он знал: это — единственная цена свободного выбора. Так — или вообще никак. Дешевле не бывает… И уж лучше один раз с кем-нибудь поссориться, чем прожить чужую жизнь, совершенно бесполезную, пустую и бесцветную для тебя самого.

Сигарета, про которую Билл забыл, истлела и обожгла ему палец. Очнувшись от своих раздумий, он услышал в кармане сигнал принятого сообщения. Он достал наладонник, даже не пытаясь прятать его от дождя. Несколько капель упало на глянцевую чёрную поверхность. Билл погладил экран пальцами. Он загорелся, и перед Биллом распласталось длинное деловое сообщение. От лейтенанта Лунь. От Кирочки… Билл встряхнул головой так, словно это могло помочь ему хотя бы немного протрезветь. Строчки стояли перед глазами нечитаемым штрих-кодом. И он, даже не пытаясь их разобрать, ответил:

л. Крайст: Я пьян, Кира… После.

л. Лунь: Что-нибудь случилось?

л. Крайст: Нет. Ничего не случилось. Просто у одной моей знакомой… муж… Он не может ни в магазин сходить, ни мусор вынести, ни на работу устроиться, нервный он, спину у него ломит, а детей у них трое… Ничего не случилось. Ровным счетом ничего. Просто в автобусе я встретил девушку, которую влюбил в себя, а потом смылся, потому что должен был смыться. Я купил у какого-то бродяги шляпу, которую он, бьюсь об заклад, нашёл на помойке, и надел, чтобы она меня не узнала. Ничего не случилось. Просто я трус, на голове у меня вонючая шляпа, и идёт дождь. Совершенно ничего не случилось. Жизнь.

Билл торопился, набирая сообщение, путал буквы в словах; встроенный редактор кое-как исправлял опечатки, иногда меняя сами слова… Биллу было недосуг перепроверять набранное. Отправил как получилось…

л. Лунь: О, Господи! Я сейчас приеду за тобой, Крайст. И это меня не затруднит, не бойся. Делать всё равно мне сейчас нечего. Где ты находишься?

л. Крайст: Не стоит, наверное… Я так сейчас выгляжу, что тебе лучше этого не видеть. Ты потеряешь уважение ко мне, и будешь потешаться надо мной всю оставшуюся жизнь… Хотя, ладно… Я в Центре, неподалёку от Улицы Банков. Поделом мне. Если ты и будешь теперь потешаться надо мной, то это совершенно заслуженно, сколько я сам над тобой

потешался!

л. Лунь. Я обещаю не потешаться.

На какое-то время экран погас, но потом загорелся снова:

л. Лунь: Уже еду.

7

— Садись скорее, ты промок до нитки. Тебе просто необходима сейчас горячая ванна. — Кирочка распахнула перед Биллом дверцу автомобиля. Он выглядел смешно и жалко. С его серебристо-серого делового костюма ручьями стекала вода. Некоторое время он нерешительно топтался на тротуаре.

— Я тебе весь салон намочу, Кира.

— И что теперь? Садись. Ты же простудишься…

— А как же шляпа? — пьяно удивившись, спросил Билл.

— Да выбрось ты её! Ну… Или оставь на память о сегодняшнем дне…

— Даже не знаю, что лучше.

— Потом решишь. Садись.

Кирочка привезла Билла домой и наполнила для него ванну.

— Залезай, — провозгласила она повелительно.

Он начал сбрасывать с себя промокшую одежду. Пиджак, рубашку, злополучную панаму — дождь сделал её похожей на огромный ядовитый гриб: отсырев, она сделалась тяжёлой и рыхлой.

— Я пойду приготовлю чай… — сказала Кирочка, затворяя за собой дверь. Билл остался один на один с горячей водой под пышным колпаком пены. Скинув на коврик всё оставшееся, он с удовольствием растянулся в ванне. Кирочка подошла снаружи к двери. Сначала она стояла молча — это немного смутило Билла — а потом сказала ему через дверь:

— Я чайник поставила… Можно кое-что тебе рассказать, Крайст?.. — вопрос был явно риторическим. Не дожидаясь ответа, она продолжила. — Моя подруга Нетта, сейчас мне что-то так отчётливо припомнилась эта история, в первый раз напилась в шестнадцать лет. Знаешь, что она тогда сделала? Она пришла ко мне домой поздно вечером, шёл дождь, так же как сейчас, лило словно из ведра, и она стояла у меня под дверью — я точно помню, вот как ты сегодня стоял возле машины — мокрая и смешная. Она принесла мне маленькую — меньше ладони — подушечку в форме сердца. Нетта сшила её сама из старого вельвета, вышила бисером на ней слово «любовь» и отделала её мехом… Мне до сих пор хочется плакать, когда я смотрю на эту подушечку. Она тогда заплетающимся языком что-то мне ещё говорила. Она, наверное, любила меня — ведь любила же, Крайст? — хотя мне и казалось, что вся дружба наша одни сплошные страдания, и ей нет до меня никакого дела, и я просто выгодна ей, да и только… Она обычно вела себя очень прохладно… Но мне всё-таки кажется, что она любила меня, в глубине души, глубоко-глубоко, и невероятно сильно любила, просто выразилось это вот так спонтанно и странно…

— К чему ты это? — спросил Билл.

— Не знаю… Просто захотелось поделиться, — донеслось из-за двери, — ещё мы с нею, было дело, после уроков купили на рынке невкусное печенье — то есть мы, конечно, думали, что оно вкусное, это потом выяснилось, что не очень — и нас так развеселило тогда, что печенье невкусное, и название его развеселило, дурацкое какое-то, «гуга», нас всё вокруг веселило в тот день… И мы швыряли печенье в окно троллейбуса. И смеялись… Мы были очень счастливы в тот день, мне до сих пор кажется, что таких счастливых дней в моей

жизни было раз два и обчелся…

Билл провёл по всклокоченным волосам и лицу мокрыми горячими ладонями. За дверью ванной послышались шаги. Кирочка ушла и вернулась.

— Чай на столе, — сказала она, — я поехала домой. Спокойной ночи…

— Спасибо… — отозвался Билл.

Несколько мгновений она тихо стояла возле двери ванной и не уходила. Ей хотелось рассказать сейчас Крайсту ещё и про Саша Астерса, про макароны, про дракончика Гордона, про небо, похожее на пузырёк шампанского, про взгляд, от которого мурашки идут по позвоночнику, и сознание пронзает мысль, что именно ради этого взгляда ты и жил… Кирочке казалось, что Билл способен это понять и разделить. Но она только спросила:

— В чём, по-твоему, смысл жизни, Крайст?

— Во всём и одновременно ни в чём, — рассмеялся он за тонкой дверью, к нему постепенно возвращалось его всегдашнее легковесное присутствие духа.

— Благодарю… — откликнулась она.

Щёлкнула входная дверь. На лестничной площадке было раскрыто окно, за которым шумел словно радиопомехи частый отвесный ливень. Кирочка нажала крупную плоскую стальную кнопку. В глубине шахты мягко тронулся комфортабельный лифт.

глава 15. Рыбьи души

1

Кирочка и Аль-Мара сидели в изысканном видовом кафе, которое располагалось в мансарде известной на весь Город гостиницы «Жемчужина». Цены здесь часть публики попросту отпугивали, а немногих оставшихся несколько удивляли. Все соседние столики были пусты. Само здание гостиницы представляло собой обшитую со всех сторон каким-то матовым серебристым материалом высотку без острых углов, похожую, скорее, на корпус космического корабля, чем на жилое строение. А на самой вершине высотки был установлен огромный прозрачный шар, собранный из тысяч стёкол; изображая жемчужину, в ясные дни он ослепительно сиял, его видно было почти из любой точки Центра — именно внутри него и находилось кафе.

Отсюда, с крыши самого высокого строения в Городе, он виден был весь почти как на ладони; совсем немного уступающие по высоте небоскребы бизнес-квартала — как растопыренные пальцы гигантской руки; округлые золочёные купола Храма Истинной Веры в мягком облаке листвы — точно яйца райской птицы в гнезде; жилые дома — мелкие рассыпанные кубики; и, наконец, линия горизонта, в ясные дни всегда в нежно-голубой дымке — там, далеко-далеко плавно склоняющееся небо встречалось с морем, таким же бирюзовым, ровным, бескрайним…

Напротив Кирочки и Аль-Мары, слегка робея, сидел симпатичный юноша лет восемнадцати-двадцати. Он почти ничего не говорил, слушая весёлое щебетание девушек и иногда воровато посматривая исподлобья то на одну, то на другую. На гладкой перламутровой поверхности столика перед Аль-Марой стоял бокал свежевыжатого сока, перед Кирочкой — кукольная чашечка эспрессо; молодой человек теребил лежащий перед ним гаджет в удивительно красивом резном чехле из тончайшей натуральной кожи, на ощупь нежной, как обратная сторона листа мать-и-мачехи…

— Роскошная вещь… — Кирочка ласково провела пальцами по поверхности чехла.

— Это подарок, — пояснил юноша, — от отца. Он владелец сети салонов-ателье кожаных и меховых аксессуаров «Рококо». Недавно у нас сменился основной поставщик кож, построили новый завод совсем рядом с Городом, на реке Исмунь, прежде мой отец заказывал кожи в Предгорье или за границей — по деньгам выходило порядочно. А теперь, благодаря новому заводу, наша прибыль ощутимо увеличится. Причём мы не только сэкономим на доставке: само сырьё на этом заводе гораздо лучше, чем где-либо.

— А как же экология области? Я слышала, что кожевенное производство очень сильно загрязняет окружающую среду… — отметила Аль-Мара.

— Это досужие разговоры и бездарные подначки левых партий, которые уже не знают, чем плюнуть в успешный и честный бизнес! — сын кожаного барона легкомысленно отмахнулся, — Новый завод оборудован инновационной системой очистки сточных вод, там установлено пять степеней защиты. Я, правда, в этом не очень разбираюсь, но говорят, надёжно…

— И отходы не будут сбрасываться в реку?

— Ну… — юноша очевидно был поставлен прямым вопросом в тупик, — …Я ничего не могу сказать на этот счёт. Мой отец закупает уже готовые кожи для пошива изделий, и об их

производстве я ничего не знаю…

— Ладно, хватит уже об этом! — сказала Кирочка. И, незаметно подмигнув Аль-Маре, добавила. — Будем веселиться!

— Можно тебя на пару слов… — Аль-Мара встала из-за столика, жестом предлагая Кире следовать за собой.

— Мы в дамскую комнату… Скоро будем.

Юноша остался сидеть за столиком, уткнувшись в свой навороченный гаджет. Его полудетский склонённый профиль вызывал щемящее ощущение жалости и восторга.

Оказавшись в просторном помещении, отделанном поразительно чистым кафелем и зеркалами, Аль-Мара открыла кран и механически сунула руки под струю. Она выглядела недовольной и даже расстроенной.

— Да брось ты! Так переживать из-за какого-то завода… Их строили и будут строить. Этот не первый и не последний.

— Нельзя быть такой беспечной. Земля на границах Города в буквально смысле задыхается от отходов… Она не в силах всё это переработать. И с каждым годом количество мусора цивилизации не сокращается, а растёт! Искусственно синтезируемые материалы, полимеры, химические смолы… Вся эта гадость становится плотью нашей планеты, нашей плотью…

— Лесная ты моя… — вздохнула Кирочка.

— Ну да… — с жаром подтвердила Аль-Мара, — не могу я на это смотреть спокойно, когда реки загрязняют или лес, мне кажется, что это моих друзей обижают! — она приложила мокрые ладони к лицу.

— Я пойду, пожалуй, — добавила после совсем тихо.

— Не обижайся, ты так ведёшь себя, как будто это я лично кормлю природу пластиком и стеклом, — Кирочка положила руку подруге на плечо.

— Да не в этом дело, — Аль-Мара слегка повела плечом, как будто пытаясь вежливо спровадить оттуда подругину руку, — не только в этом…

— В чём же?

— Я так поняла, у тебя тут свидание, — Аль-Мара, глядя в огромное зеркало, безо всякой надобности провела щёткой по своим ватно-пышным волосам.

— Ну и что? — Кирочка слегка нахмурилась.

— Музейный зал прямо, а не толчок, — задумчиво сказала Аль-Мара, убирая щётку в сумку.

— Ты мне не ответила, — Кирочка достала пуховку и тоже безо всякой надобности провела ею по щеке, — чем тебя не устраивает моё свидание?

— Я тут лишняя, — ответила ей подруга.

— Погоди, но ведь ещё так рано… Мне хотелось сперва как-нибудь развлечься втроём… В киношку сходить там, или на концерт… — в голосе Кирочки слышалось искреннее разочарование.

— Я чувствую себя неважно. Голова что-то болит. — Убрав косметику в сумку, Аль-Мара резко скрипнула молнией. В зеркале отразилось её поднятое немного побледневшее лицо.

Впервые Кирочка вообще не понимала, что происходит с подругой. Но что-то явно происходило; реакция Аль-Мары была почти такая же, как прежде — на попытки поговорить о её романтическом прошлом, о первой любви… Кирочка принялась

вспоминать, что могла она не так сказать за столом, чем ненароком задела подругу за живое… И вдруг её осенило:

— Он что, понравился тебе? — голос Кирочки прозвучал удивлённо, перед её внутренним взором мелькнуло склонённое свежее личико сыночка кожаного барона; несмотря на весь тот калейдоскоп соблазнов, от которого рябит в глазах, который жизнь всегда предъявляет «золотой молодёжи», этот юноша был так трогательно застенчив, в нём не было ни капли напускной небрежности в общении с девушками, какую обычно допускают такие богатенькие симпатичные парни, он прилежно учился, много читал, обходил за версту модные клубы, и чуть-что заливался краской…

— Я угадала? Он ведь так похож на…

Аль-Мара остановилась, не оборачиваясь. Но даже по облаку её волос, качнувшему воздух, по милым полным рукам, по спине, по складкам юбки можно было без труда прочесть ответ.

— Не говори… — воскликнула она, развернувшись и схватив Кирочку за запястье.

— Прости, — сказала Кирочка. От мелькнувшего в глазах подруги отблеска неощутимого внутреннего взрыва ей стало немного не по себе.

Но она пересилила себя и сделала движение, чтобы обнять подругу за плечи:

— Хочешь, я тебе его уступлю? Подарю? Сколько их ещё будет. Не он первый, не он последний…

На лице Аль-Мары изобразилось изумление, но вместе с тем оно просветлело:

— Нет, что ты, не стоит… Это слишком… Он ведь тебя пригласил… Кроме того, может, я ему не приглянулась…

— Да брось ты! Он, по-моему, на тебя даже больше смотрел! — Воскликнула Кирочка, воодушевившись тем, что напряжение между ею и подругой немного разрядилось… — Ты же такая красавица…

— Правда? — взгляд Аль-Мары потеплел, губы чуть дрогнули, выпустив в мир робкую, незавершённую улыбку, — …Но всё равно это не совсем честно… — добавила она с грустью, — Я не могу…

— В таком случае, — глаза Кирочки лукаво блеснули, — …давай его поделим! Пополам. Мы ведь настоящие подруги, верно? — она подмигнула.

— Ну… — Аль-Мара замялась, нежные круглые щеки её едва заметно зарумянились, — Это же не шоколадку на две части разломить…

В этот момент в дамскую комнату зашла нездорово тощая уборщица-мигрантка, на которой мешком болталась синяя форма с нашивкой клининговой компании. Глухо громыхая пластиковым инвентарём, она начала протирать и без того идеально чистое зеркало. Продолжать при ней начатый разговор подруги не решились.

— Пожалуй ты права… Живой человек всё-таки… — задумчиво проговорила Кирочка, положив пальцы на ручку двери, — но я не хочу, чтобы между нами была тень. Давай тогда уйдём вместе.

Уборщица смотрела на них в зеркало, наверное, втайне ненавидя. Вот они какие, молодые, красивые, богатые. Но выглядело это так, будто она просто делает свою работу. Тряпка со скрипом двигалась по зеркальной поверхности.

— Спасибо, — сказала Аль-Мара с чувством.

Когда они вышли, уборщица положила тряпку и принялась, глядя в большое «буржуйское» зеркало, неторопливо поправлять свою косынку.

2

Крайст выглядел озабоченным.

— Мне сообщили, что возле границы Города, на берегу реки Исмунь сегодня ранним утром было найдено тело русалки. Его обнаружил местный рыболов. Понятно, что на место происшествия тут же подоспели нужные люди, и, слава богу, удалось избежать широкой огласки. Но, тем не менее, газетчики пронюхали, что здесь пахнет жареным. На берегу Исмуни до сих пор ошиваются репортёры. За расследование инцидента взялись спецслужбы, вызвали биологов, уфологов, ещё каких-то товарищей своих… Но это ведь, очевидно, не их профиль. Генерал Росс считает, что нам следует вмешаться.

Кирочка пила кофе. Великолепный ароматный сырный круассан лежал перед нею на блюдце…

— Свежая выпечка? — Крайст потянул носом, — Похоже, кто-то хочет в скором времени начать пользоваться грузовым лифтом вместо обычного… Или поделиться со мной…

Не успела Кирочка метнуть ответную колкость, как Билл уже оторвал своими здоровыми нахальными зубами половину круассана и бесцеремонно запил его соком из стакана Аль-Мары. Кирочкино лицо презабавно вытянулось, рот приоткрылся, она хотела что-то сказать… Вероятно, резкое. Или даже обидное. И выглядела при этом как ребёнок, который собрался плакать. В душе Крайста неожиданно для него самого разлилось умиление.

— Ну что ты так переживаешь, лейтенант Лунь… — Сказал он почти ласково. — Я всего-навсего забрал у вас некоторую часть опасных калорий. Радоваться надо. Выше нос!

Аль-Мара, тоже глотнув сока, задала вопрос по существу:

— Причина гибели русалки установлена?

— Нет, — Крайст вновь обрёл серьёзность. Он умел делать это моментально. — Я знаю, что иногда они попадают под винты пароходов, но это явно не тот случай. Тело русалки никак не повреждено.

— Интересно… — Аль-Мара сосредоточено сдвинула брови. — Скажи мне, Крайст, могла ли она умереть по естественным причинам?

Билл мотнул головой.

— Не думаю. Русалка очень молодая. Подросток. Тело сейчас находится в секретной лаборатории. Его исследуют со всех сторон. А нам во что бы то ни стало нужно избежать огласки. Это наша миссия. Так сказала Айна Мерроуз…

Крайст встал.

— Ладно, девочки, мне пора. Будут идеи, не стесняйтесь тревожить меня в любое время суток.

Кирочка посмотрела, как Билл прошёл мимо окна кафе на улице. Скорой походкой занятого человека. Не оглядываясь.

— Знаешь, он похож на одного из тех парней, которые рекламируют на плакатах бритвенные станки, — изрекла Аль-Мара задумчиво. — У него такая ямочка на подбородке…

— И что? — Кирочка почувствовала, что вроде бы несущественное замечание Аль-Мары её почти разозлило. Да, пожалуй, Крайст действительно красавчик, но акцентировать на этом внимание не следует. Они, как никак, офицеры Особого Подразделения, а не хохотушки из переулочка…

— Ничего, я просто констатирую факт, — Аль-Мара оставалась совершенно спокойной, — Такие лица нравится женщинам. Наверное, он мачо.

— Настолько, что это уже смешит, а не заводит! — едко отозвалась Кирочка. Она отхлебнула простывшего кофе и с отвращением покосилась на откушенный Крайстом круассан. Решительно отодвинула от себя блюдце.

— Я не стану это есть.

Ей чудилось что-то вопиюще неприличное в том, чтобы откусить там, где кусал он, прикоснуться губами к тому месту, которого касались совсем недавно его губы. Тем более при свидетелях. Аль-Мара смотрела на неё немного насмешливо.

— Ты делаешься такой нелепой в его присутствии, — сказала она.

Кирочка обиделась.

— Много ты видела нас вместе! Он иногда нормальный… а иногда так бесит меня!

Аль-Мара рассмеялась.

— Перестань относиться к нему серьёзно, и он перестанет тебя дразнить… Честно.

Кирочка снова отхлебнула голого горького кофе. Потом отодвинула и его тоже. Завтрак был испорчен уже безнадёжно. Она достала сигареты.

— Так что ты думаешь насчёт этой русалки? У тебя был такой умный вид, — остатки яда в Кирочкином голосе постепенно растворялись. Она затянулась, и лицо её заметно подобрело.

— Помнишь того парня, в «Жемчужине»?

Кирочка кивнула.

— Он как раз говорил про открытие нового кожевенного завода на реке Исмунь… — продолжала Аль-Мара. Глаза её горели. Так бывало всегда, когда в ней пробуждался азарт следопыта. — Думается мне, между этим заводом и гибелью русалки существует связь. Кожевенное производство, известно, одно из самых грязных. Рыба, во всяком случае, часто гибнет в тех водоёмах, куда сливаются отходы.

Кирочка взглянула на подругу с восхищением.

— Ну, ты даёшь! Как тебе в голову пришла такая идея? Прям частный детектив!

— Да брось. — Аль-Мара стеснительно отмахнулась от похвалы, — Мне просто повезло. Информация о заводе — чистейшая случайность… Кроме того, эту версию необходимо ещё проверить.

3

Перед Аль-Марой и Кирочкой открылся высокий глинистый берег реки Исмунь. Густые и почти безлиственные заросли ивняка как змеи в некоторых местах спускались к самой воде по крутому причудливо слоистому склону. Узкая полоса каменистого пляжа шла неровно, кое-где исчезая совсем. Булыжники разных размеров лежали в воде. Течение лёгким кружевом вилось возле них. Место происшествия было оцеплено.

— Странно… До сих пор? — пробормотала себе под нос Аль-Мара. Девушки пригляделись.

— Сдаётся мне, что это уже другой участок берега. Гляди-ка, на фотографиях, присланных Крайстом, запечатлено устье небольшого притока. Это чуть выше по течению. Туда не подъехать на автомобиле. Я планировала высадиться здесь и добираться туда пешком, — сказала Кирочка.

— Стало быть, и тело уже другое… Новая жертва. Давай посмотрим. — Аль-Мара решительно двинулась к оцеплению. На берегу лежало что-то накрытое плотной белой

тканью. При попытке подойти ближе, чем на двадцать шагов, их остановил молодой полицейский. Мелкий галечник хрупал под его массивными ботинками. Рядом сразу же возникла девушка с микрофоном.

— Добрый день! Вам что-нибудь известно о происшествии? — Глаз камеры, стоящей на плече у усатого мужчины, находившегося позади девушки, требовательно остановился на Кире.

— Нет, — Кирочка с раздражением отстранила от себя микрофон.

— Мы пришли искупаться, — с невинным видом вставила Аль-Мара.

— Вы отдыхаете неподалёку? В садоводческом секторе никто не пропадал? — уцепилась за неё девушка.

— Не знаю… — с обескураживающей улыбкой абсолютного простодушия ответила Аль-Мара. — Я за соседями не слежу.

— Идём! — поторопила Кира, трогая её за плечо. — Здесь нам не дадут искупаться.

— Да я бы и не советовал, — вмешался здоровенный краснощёкий полицейский. — Вода загрязнена.

Аль-Мара нахмурилась, что-то соображая. Девушка-репортёр уже отвернулась от неё и говорила что-то на камеру, чей равнодушный глаз, временами отвлекаясь от девушки, размеренно обшаривал окрестности.

Человек в водолазном костюме, стоящий на берегу, походил на большую чёрную лягушку; он долго и суетливо возился с какими-то трубками от своего сложного снаряжения; когда всё, наконец, получилось, размашисто и неуклюже ступая по мелководью в ластах, он отправился в реку.

Несколько женщин в белых лабораторных халатах, боязливо балансируя на скользких прибрежных камнях, набирали воду из Исмуни в какие-то специальные ёмкости.

— Давай спросим хотя бы, что они там ловят? — вполголоса предложила Кирочка.

Но стоило только девушкам сделать несколько шагов по направлению к пляжу, в их планы снова вмешался молодой богатырь в форме.

— Секретная лаборатория берёт на анализы пробы воды, — пояснил полицейский, преграждая им путь, — посторонним находиться на берегу запрещено.

Он чётко знал и исправно выполнял свою работу. На поясе у него висела резиновая дубинка, синие форменные штаны плотно облегали широкие сильные, как у вола, ноги. С таким лучше не спорить. Аль-Мара немного побледнела и отвернулась.

— Ну и огромный! Бык, ей богу, — сказала Кирочка, поднимаясь вслед за подругой по крутому песчаному склону.

Аль-Мара ничего не отвечала, на лице её застыло выражение напряжённой суровой задумчивости.

4

Генерал Росс и Мика Орели стояли на смотровой площадке секретного оборонного завода. Отсюда далеко было видно: мрачные рыжие здания складов, пыльные проезды между ними, по которым словно гигантские насекомые ползали грузовые машины, металлические вышки и полосатые трубы соседнего химического комбината.

— Ты позволишь мне использовать твоё изобретение? — генерал оперся руками на узкие перила площадки. Далеко внизу стояли штабелями недавно привезённые бочки с опасными веществами.

Мика стоял неподвижно. Он смотрел куда-то вдаль. Необыкновенное сознание его

находило открывающийся отсюда вид по-своему красивым.

— Как оружие? — уточнил Мика.

— Не совсем. Это может помочь нам оберегать Тайну.

— Что-нибудь случилось? — умные светло-карие глаза молодого инженера остановились на лице генерала.

— Можно и так сказать. На берегу реки Исмунь обнаружили мёртвую русалку. Раньше нас. Понятно, что в прессе об этом пока не сообщается. Но об их существовании в природе никто не должен знать. Понимаешь? Вообще НИКТО. — Генерал произнёс последнее слово особенно выразительно.

Мика кивнул.

— Хорошо. Я даю своё согласие. И вполне доверяю вам выбор того, кто возьмёт этот пистолет в руки. Вы мудрый человек, генерал.

— В любом случае, я представлю его тебе. Чтобы ты одобрил мой выбор.

Генерал Росс улыбнулся и отеческим жестом потрепал Мику по плечу.

5

Дирк смотрел новости по телевизору. Окно было открыто настежь. Томный летний вечер призывно заглядывал в комнату. Эрн так плохо успевал в школе, что отец заставлял его заниматься даже на каникулах. В свои тринадцать лет он всё никак не мог одолеть программу пятого класса. Сидя за небольшим столиком у окна, парнишка безуспешно пытался решить пример по алгебре. Точнее делал вид, что пытался. Он грыз ручку и украдкой следил за мельканием кадров на экране.

Телевизор быстро показал лицо Кирочки. Оно проскользнуло, не задержавшись. Следом возник стоящий враскорячку по колено в реке водолаз, за ним — белые спины женщин в лабораторных халатах. Эрн почувствовал смутную досаду от того, что это лицо так скоро ускользнуло с экрана. Промелькнув слишком быстро, оно оставило необъяснимое зудящее предчувствие красоты; Эрну захотелось рассмотреть его получше, чтобы либо утвердиться в своих ожиданиях, либо расстаться с ними. Он принялся смотреть на экран неотрывно.

— Местные жители не сообщили никакой информации о загадочном теле, найденном на берегу реки Исмунь. Есть предположение, что это даже не человек, а редкое животное, обитающее в воде.

Камера скользнула по какому-то бесформенному предмету, накрытому плотной белой тканью. Кирочкино лицо больше не появлялось.

— Мы будем держать вас в курсе дальнейших событий…

Эрн отвернулся к окну. Непонятное волнение, поднявшееся в нём при виде лица незнакомой девушки с прямыми тёмными волосами до плеч, никак не могло улечься. Он совершенно забыл о примере и сидел неподвижно, сложив руки на чистом тетрадном листе. Зародившееся желание увидеть девушку снова с каждой секундой врастало в Эрна всё глубже. Телевизор принялся рассказывать следующую новость. Даже имя той девушки не прозвучало. Это было лицо, мимоходом выхваченное камерой оператора. Случайное лицо.

6

Генерал Росс и Мика Орели разом обернулись к открывшейся с тихим лязгом узкой металлической двери. На смотровой площадке появился Крайст.

— Вот и он, — генерал приветственно улыбнулся, — Пусть маленьких звёздочек на погонах у него не так уж и много…

— Зато есть одна большая. Во лбу, — закончил Билл одну из любимых шуток генерала.

Спокойное и умное лицо Мики ничего не выражало. Он смотрел на вошедшего лейтенанта так, как он смотрел на всякий объект окружающего мира: проникающе, но мягко, чуть склонив большую голову набок и почти не двигая глазами — Мика смотрел на Крайста обезличено, совершено не задумываясь пока о своём отношении к нему — он его изучал.

— Мы ведь с вами уже встречались… Приятно увидеть вас снова, — молодой инженер припомнил это очаровательно и просто. Потом протянул Крайсту руку.

Билл озадаченно пожал её. Пожалуй, даже чуть дольше, чем нужно. В немного мутном окуляре его памяти Мика представлялся умиротворённо сопящим на широченной кровати в гостинице «Прибрежная». И это было неудобно. Словно застрявшая в зубах жилка от мяса. Но Мика этой встречи, к своему счастью, помнить не мог, потому не испытывал никакой неловкости. Он улыбался. Светло и радостно. А перед внутренним взором Крайста он всё сопел, мятая голова его утопала в большой подушке… С самого начала Мика показался Биллу очень потешным парнем. И Билл не изменил своего мнения. Он выжидающе посмотрел на генерала Росса. Тот подошёл к перилам смотровой площадки и, обведя вытянутой рукой пространство, сказал:

— Отсюда очень хорошо наблюдать закат.

Красное солнце уже растекалось, плавилось на жёлтом небе над рыжими корпусами складов. Трубы химического комбината нерешительно сочились тонким бледно-серым дымком.

— Ну, не за этим же вы позвали меня сюда?

— Зачем же ещё? Вряд ли в мире найдется много вещей более важных, чем созерцание заходящего солнца… — без тени несерьёзности на лице отметил генерал Росс. Завод располагался за границей Города, и Билл, простоявший почти четыре часа в пробке возле КПП, оценил шутку, отметив её короткой деловитой улыбкой.

— У меня для вас ответственное задание, Крайст… — продолжил генерал Росс так непринуждённо, словно всё ещё шутил. — От того, справитесь вы с ним или нет, будет напрямую зависеть сохранность Тайны цивилизации русалок. Вы должны проникнуть в секретную лабораторию и уничтожить находки. Это единственный способ остановить необратимую утечку информации. Но этого мало. Необходимо уничтожить так же все уже имеющиеся данные, поэтому вам придётся выстрелить в тела вот из этого пистолета.

В руках у стоящего рядом Мики как по волшебству появилась небольшая деревянная коробка. Он открыл её. Спокойный блеск чёрного металла внушил Биллу странное волнение.

— Это портативный генератор антиволн ОВЗ, модификация восьмая, — пояснил молодой инженер.

— Я помню, — отозвался Крайст. Не прикоснувшись к пистолету, он поднял взгляд на генерала Росса.

— Почему именно я, генерал?

— За всё время твоей службы ты не дал ни одного повода усомниться в тебе.

— Я тоже считаю, что на вас можно положиться, лейтенант Крайст, — тихо добавил Мика.

— Благодарю за доверие, — Билл бережно взял пистолет в руку. Он был немного тяжелее обычного. Почти не чувствовалось никакой разницы, чёрный глянцевый корпус, дуло, курок… Но ощущение было несколько иное: держать ОВЗ было чуть тревожнее, чуть острее осознавалась собственная значимость, когда этот металлический предмет холодил

ладонь…

Молодой инженер всё ещё внимательно смотрел на Крайста, примеривающегося к пистолету. Неподвижные глаза цвета слабенькой чайной заварки как будто пытались прочесть всё то, что чувствовал теперь Билл, угадать, не рождается ли в душе этого улыбчивого синеглазого парня, держащего в руках первый в своём роде генератор антиволн, жажда мирового господства или что-нибудь подобное…

Билл тоже посмотрел на Мику и понял: в этом немного тревожном испытующем взгляде изобретателя нет ничего личного — просто он даже теперь, уже в сотый, в тысячный раз, наверное, думает свою главную напряжённую и страшную мысль о том, сколько бед может натворить его детище в неподходящих руках… А Билл ничего не мог сделать со своим неуместным воспоминанием о гостинице «Прибрежная». Ему было неудобно перед гением, вручающим ему судьбу всего человечества в маленькой коробке, за этот нелепый образ, всплывший у него в памяти…

Билл вымученно улыбнулся Мике на прощание и долго жал его небольшую тёплую руку. Исторический момент в сознании лейтенанта Крайста был безнадёжно низвергнут, и даже пафосные слова, которые нашёл для изобретателя и своего лучшего офицера генерал Росс, не смогли вернуть ему должного величия.

7

— Ты уверена, что мы поступаем правильно?

— Абсолютно. Смерть русалки вызвана отравлением… — деловито отвечала Аль-Мара, стряхивая паутину с рукавчика футболки.

Девушки с трудом пробирались по практически непроходимой заросшей и заболоченной местности. Валежника не было видно в густой траве, он лишь звучно и неожиданно ломался под ногами — время от времени кто-нибудь из подруг проваливался аж по колено вниз, во влажную зыбкую почву. Так шли они до тех пор, пока не упёрлись в высоченный бетонный забор, защищённый сверху колючей проволокой.

— Вот тебе на! — воскликнула Кирочка с обречённым вздохом, — Ну и куда теперь? Я же предупреждала тебя, что искать этот завод не слишком хорошая идея…

— Идём вдоль забора, — невозмутимо отозвалась Аль-Мара, — Не может же он быть бесконечным.

— Действительно… — безрадостно согласилась Кира.

— С твоими-то лосиными ногами, по-моему, грех жаловаться на такие маааахонькие ямки! Давай-давай, шевелись, лентяйка! — С задорной улыбкой поддразнила её подруга.

— Да ну тебя, клон Крайста! — Кирочка попыталась рассердиться, но улыбка поневоле растянула её губы…

Боже, ведь о такой подруге можно только мечтать! Кирочка давным-давно уже нарушила все должностные предписания в отношении лейтенанта Бланш. Она просто обожала Аль-Мару. Она нуждалась в ней. И больше всего на свете боялась её лишиться… Мечта осуществилась. Теперь Кирочка обрела подругу, которой удалось унять глубоко таившуюся в Кирочкиной душе боль от потери Нетты, точнее, даже не от потери, а от какого-то неполноценного присутствия Нетты в Кирочкиной жизни; Кирочке иногда казалось, что на самом деле у неё никогда по-настоящему и не было этой первой подруги — разве только в тот дождливый вечер, когда Нетта стояла перед нею, пьяная, мокрая, родная и протягивала ей на ладони смешное вельветовое сердце…

Забор кончился, сменившись натянутой между ржавыми металлическими трубами

сеткой-рабицей.

— Это уже что-то! — обрадовалась Аль-Мара. — По крайней мере, хоть видно будет, что там творится!

За заграждением простиралось унылое грязное поле, а вдалеке можно было различить низкие серые корпуса какого-то предприятия. Аль-Мара принюхалась.

— Чувствуешь? Вероятно, это и есть кожевенный завод.

Она не ошиблась. Едва уловимый оттенок отвратительного запаха разложения становился всё сильнее, пока не превратился в невыносимую вонь. Через некоторое время они вышли прямо на берег реки Исмунь. Сетка заканчивалась у самой воды. Здесь глазам девушек предстало поистине ужасное зрелище: огромная куча производственных отходов, словно оползень, нависла над беззащитной рекой, которая в этом месте была довольно узкой, но глубокой. Несмотря на то, что куча находилась на приличном расстоянии, стоя возле сетки, можно было различить её непрерывное живое шевеление — мухи, жуки и опарыши покрывали кучу сплошным слоем, копошась в бесформенном гниющем месиве животного происхождения.

— Господи… — выдохнула Аль-Мара, прикладывая к лицу носовой платок. Её замутило. — Нужно во что бы то ни стало проникнуть на территорию завода. Посмотреть в глаза людям, которые такое устроили.

Кирочке вспомнился в этот момент невероятно нежный и мягкий кожаный чехол для мобильника, который она видела в «Жемчужине» у сына владельца сети салонов кожи и меха. Ей стало немного стыдно, что она не способна, подобно подруге, испытывать отвращение к красивым вещам, пусть даже происхождение этих вещей столь отвратительно…

— В жизни не куплю ничего кожаного, — гневно процедила Аль-Мара.

8

Эрн теперь иногда смотрел вместе с отцом вечерние новости. Он понимал, что это глупо, но втайне всё-таки надеялся снова увидеть хотя бы на миг лицо той девушки. Оно мелькнуло на экране, молниеносно, скорее, чем падает звезда, но Эрн был убеждён, что узнает это лицо, если увидит его опять. Он не мог объяснить себе причину своего спонтанного интереса к незнакомому и случайному лицу девушки — с Эрном сыграло злую шутку одно из основных свойств разума: он не успел как следует разглядеть то лицо, хотя очень хотел разглядеть — всякое принудительно завершенное действие, которое предполагалось продолжать, имеет свойство будоражить сознание…

Выпуск новостей заканчивался. На экране замелькала заставка: причудливые геометрические узоры безжалостно разрезали одну за другой фотографические картинки, изображающие привычное мельтешение мегаполиса — люди, машины, снова люди, общественный транспорт…

— Ты помнишь последний репортаж сегодняшнего выпуска, сынок? — спросил Дирк.

Эрн помотал головой. Он никогда особенно не вдавался в суть передачи, просто смотрел на экран в поисках того, что его интересовало.

— Я не старался запоминать, — сказал он отцу, незаметно приклеивая жвачку к настольной лампе.

— А я… Вот ведь какая штука. Я всегда всё запоминаю. И тут… Только что посмотрел и забыл. — Проговорил Дирк сосредоточенно, он сидел на диване в неудобной напряжённой позе и как будто прислушивался к чему-то внутри себя, — Прежде со мной такого не

случалось… Неужели у меня действительно начались психические расстройства…

Дирк встал и принялся расхаживать по комнате размашистыми возбуждёнными шагами; ему до сих пор становилось не по себе, когда он вспоминал мать Эрна, обворожительную блондинку, тоненькую, нежную, как водяная лилия, вышедшую к нему прямо из плотной стены дождя… Здравый смысл Дирка так и не позволил ему до конца поверить в то, что встреча с нею не была галлюцинацией…

— Я псих, псих… Несчастное убогое создание, лишённое разума… — тараторил себе под нос Дирк, меряя шагами расстояние от окна до противоположной стены, — сначала видения, теперь вот… Ретроградная амнезия.

Откуда бедняге было знать, что то же самое произошло сегодня со всеми, кто смотрел вечерние новости.

— Не парься, батя, — сказал Эрн с зевком, легко и бесшумно спрыгнул со стола и отправился в свою комнату.

9

Кирочка и Аль-Мара стояли перед запертыми воротами, за которыми начиналась территория кожевенного завода. Надпись на стальном щите со светоотражателями гласила: «Въезд запрещён». От ворот начиналась просёлочная дорога, грязная, глинистая, с глубокими колеями — заметно было, что ездят по ней часто, ни одна травинка не успевала вырасти.

— Нас никто туда не пропустит. Голыми руками их не возьмёшь, — оглядывая высокие металлические ворота, резюмировала Кирочка.

— Пожалуй… — согласилась Аль-Мара, — это, полагаю, вообще не тот случай, где следует действовать в лоб… Но у меня есть одна идея, — она извлекла из кармана гаджет, — мы всё это сейчас заснимем.

Снова обойдя почти всю территорию завода вдоль глухого забора, девушки сфотографировали кучи гниющих отходов, сваленных на берегу реки.

— Что за идея? Не томи! — Кирочка с интересом наблюдала за подругой.

— Мы напишем письмо в какую-нибудь крупную общественную организацию по охране окружающей среды… Факт получит широкую огласку… — говорила Аль-Мара, вдохновлённо, с азартом, точно улыбающихся знаменитостей, снимая с разных ракурсов смердящие кучи, — …об этом непременно напишут в газетах… Снимут репортаж… Сняли же о том, как выловили что-то дохлое в реке, мы с тобой ещё застали репортёров на берегу… а что именно выловили они, не помню. Забыла…

— Какая же ты растяпа! — с шутливой укоризной сказала Кирочка; она сдвинула брови, обратив на миг взор внутрь себя, попыталась вспомнить, — …Они выловили… — повторила она задумчиво, — Ой! Я тоже не помню…

Аль-Мара закончила фотографировать кучи.

— Послушай, а ты думаешь, до нас никто не пытался заявить об этом безобразии? — Кирочка сосредоточенно рассматривала сохранённые фотографии — всё ли хорошо получилось.

— Не думаю. Завод находится за Городом, следовательно, находиться здесь должны только те, у кого есть специальные пропуска. Территория обнесена глухим забором; случайные люди, которые оказываются поблизости, скажем, работники сельскохозяйственного модуля, вряд ли задумываются о том, что может находиться за таким забором, не показывают — и не надо. К сожалению, в большинстве своём люди равнодушны

к тому, что не имеет непосредственного к ним отношения…

— Смотри! — воскликнула Кирочка, указывая Аль-Маре куда-то вниз, на воду, туда, где уходила в глубину металлическая сетка забора.

Медленно покачиваясь, послушная лёгким речным волнам, вдоль берега плыла, опрокинутая белёсым брюхом вверх, довольно крупная дохлая рыбина. Маленький водоворот у последнего столбика забора развернул её, и она продолжила свой путь вперёд хвостом. Аль-Мара сфотографировала и эту рыбину тоже.

Выбранная стратегия оказалась верной. Кадры, попав в прессу, наделали много шума, и по решению Городской Экологической Комиссии кожевенный завод закрыли для проведения обязательной проверки, а по её результатам владельцам было запрещено возобновлять работу завода до установления рекомендованных Комиссией лицензионных очистных сооружений.

Спустя несколько недель содержание потенциально опасных веществ в пробах речной воды снизилось до нормальных значений: абсолютно чистых водоемов на планете, как известно, не осталось, но, если верить таблице «Допустимые загрязнения» из справочника «Рациональное природопользование», после остановки завода река Исмунь снова стала пригодной для купания, да и выловленная в ней рыба теперь без лишних опасений могла употребляться в пищу.

10

Река катилась удивительно спокойно. Вода походила на гладко отшлифованный тёмный камень; лес по берегам в сгущающихся сумерках казался мягкой бледно-серой губкой; отдельные деревья различить было уже нельзя; а тишина стояла такая, что, казалось, всё вокруг замерло, прислушиваясь к плеску вёсел.

— Мне очень хорошо сейчас… — прошептала Кирочка, — здесь, с тобой… Мне, пожалуй, никогда ни с кем не было так хорошо…

Аль-Мара тихонько рассмеялась.

— Знаешь, что-то это мне напоминает… Ревнивые влюблённые часто пытают свои половинки сходным образом: а было ли тебе с кем-нибудь лучше, чем со мной? случалось ли тебе быть счастливее, чем теперь?

— И чего смешного? — в голосе Кирочки послышалось лёгкое разочарование.

— Ничего, — продолжала Аль-Мара, и в интонации её таилась мягкая мудрая улыбка, — всякое ощущение — и наслаждение, и боль — существует только в тот момент, когда его испытываешь. Счастье тоже в каком-то смысле ощущение. Ощущение души, а не тела. Его невозможно измерить, оценить, запомнить и с чем-либо потом сравнить. Потому твоё утверждение лишено смысла… Впрочем, я всё равно рада слышать это от тебя.

Маленькая складная лодка плыла по течению, поднятые вёсла роняли мелкие капельки. Кирочка иногда опускала их в воду, чтобы немного увеличить скорость; вёсла входили медленно и бесшумно, точно ложки в густой мёд. Аль-Мара сидела на корме, сосредоточенно впитывая в себя ночное молчание природы.

— Мне порой, причём обычно безо всяких видимых причин, становится до того радостно, что хочется бежать вприпрыжку, махать руками, смеяться… Иногда я даже так делаю, если рядом никого нет, — заговорила Кирочка вполголоса, точно боясь спугнуть возникшее посреди тихой реки межу нею и подругой настроение откровенности, — как будто во мне открывается какая-то секретная шкатулка со счастьем…

— И ты спрашиваешь меня, почему я сначала засмеялась? — донёсся из темноты

глубокий немного гнусавый голос Аль-Мары, — ты ведь и сама всё прекрасно знаешь; даже если не можешь сформулировать рассудком, то всяко дотягиваешься сердцем… «Счастлив с кем-то», на мой взгляд, весьма странное понятие. Человек всегда счастлив сам по себе; другой человек может служить лишь более или менее удачным отражателем этого счастья… — она умолкла, и некоторое время сидела неподвижно, запрокинув голову, — Ты права! Здесь действительно волшебно. Здорово, что ты предложила использовать наши служебные пропуска, чтобы просто погулять за границами Города…

Из кустов на берегу шумно выпорхнула большая птица, а вслед за нею что-то соскользнуло в воду, плавно, с почти неслышным плеском, так, словно скатился небольшой камушек. Кирочка и Аль-Мара взглянули на поверхность реки — она была совершено спокойна, лишь мелкая рябь качалась у самого берега, в том месте, откуда раздался плеск.

— Птица что ли нырнула? — удивилась Кирочка.

— Да нет… Я видела, как она летит. Наверное, просто берег немного обвалился…

Подруги ещё с минуту примерно глядели на рябь, точно ждали, что кто-то вот-вот появится из воды. Кирочка перестала грести. Необыкновенно ласковая тёплая разнеживающая мгла вступившей в свои права летней ночи окутала девушек. Лодка плыла по течению. Подруги чувствовали непривычное умиротворение, освобождение от всего; сознание каждой из них будто бы подёрнулось лёгким туманом, стирающим границы; прожитый день, казалось, остался где-то далеко в прошлом…

— Давай искупаемся… Ночные купания, говорят, особенные, — предложила Аль-Мара, опуская руку за борт, — Вода такая тёплая… и как будто бы густая… Всё таки это спасенная нами река, она отблагодарит нас, вот увидишь. Природа чувствует, когда приходят с любовью.

— Ладно, — сказала Кирочка, направляя лодку к берегу, — только заплывать далеко не будем…

Какое-то невнятное беспокойство, связанное с этой затеей, шевельнулось в её затуманенном сознании, но Кирочка не сказала об этом подруге. Не успела. Она удивительно быстро об этом забыла. Аль-Мара выскочила на берег и принялась нетерпеливо сбрасывать одежду на песок. Её большое упругое тело забелело в полумраке, послышалось тихое шуршание мелких прибрежных камушков и плеск — Аль-Мара вынырнула и медленно поплыла на спине, глядя в высокое ясное небо с россыпью звёзд. Над поверхностью реки виднелось только её лицо, и иногда появлялись, поблёскивая точно стеклянные, мокрые руки и груди, которые вода очаровательно круглила и выталкивала наверх. Кирочка тоже начала раздеваться. Друг за другом на склон речного берега упали куртка, джинсы, футболка… Туман в сознании Кирочки всё продолжал сгущаться, вытеснял мысли и заволакивал память, растушёвывая линии, уменьшая резкость; он будто говорил ей: «Давай, плыви, погрузись в эту сказочно приятную воду, расслабься, забудь обо всём, наслаждайся текущим моментом, ведь нет ничего кроме него, кроме этого момента, ничего нет…»

Подул маленький ветерок, по телу Кирочки испуганной стайкой пробежали мурашки. Она ступила в воду. Река была ощутимо теплее воздуха; её прикосновение ласкало. Кирочка сделала в воде несколько небольших шагов, и с наслаждением легла в неё, раскинув руки…

Слишком поздно она заметила, что забыла снять наручные часы. Точнее, специальный офицерский браслет со встроенным передатчиком сигналов. В него попала вода, он несколько раз ядовито пискнул и затих.

— А и чёрт с ним… — лениво подумала Кира; небывалое равнодушие ко всему, за

исключением наслаждения от расслабленного плавания в ночной реке охватило её. В другое время, возможно, Кирочка спохватилась бы и попыталась найти Аль-Мару, но сейчас она уже не помнила о ней — существовала одна только тёплая тёмная река, её медлительные томные объятия. Девушка плыла вперёд, дальше и дальше, плыла, забыв даже о том, что для безопасности лучше держаться берега…

Скоро впереди в мягком молочном тумане обозначились очертания большого, выступающего над водой камня. Кирочку это немного удивило сначала, она не помнила, видела ли она этот камень здесь днём, но приятное безразличие ко всему, владеющее её сознанием, тут же вытеснило эту мысль. Подплыв ближе, Кирочка внезапно почувствовала, что не одна. Она пригляделась к камню: он нерезко темнел в тумане, но около него будто бы что-то прошмыгнуло и тихо затаилось снова.

— Кто здесь? — спросила Кирочка строго. Она сделала ещё несколько движений руками и, подплыв к камню вплотную, ухватилась за него. Прикосновение холодного и скользкого на миг выдернуло её из сладкого оцепенения в реальность, и она встревожилась.

— Аль-Мара! Это ты? Что за глупые шутки? Выходи.

Кирочка огибала камень, чувствуя чьё-то присутствие, которое ей пока что не слишком нравилось… Но сознание её постепенно возвращалось в состояние недавней полной безмятежности, она начала уже забывать о своей тревоге, когда нечаянно обнаружила среди своих, спокойно как большие облака проплывающих мыслей, чью-то чужую инородную мысль. Это было до того непривычно, что Кирочка замерла, постигая эту мысль, ощупывая её со всех сторон. «Не бойся, я не причиню тебе зла…»

Кирочка снова ощутила присутствие. На этот раз — совсем рядом. Она повернула голову. На краю камня, опираясь на прямую руку и подогнув под себя ноги, сидело невиданное человекообразное существо. На нём не было ничего, кроме венка из белых водяных лилий на бёдрах и тонко выкованного обруча с зубчиками вокруг головы. Всё хрупкое тело существа, исключая лицо и ладони, покрыто было мелкой чешуей, нежно поблёскивающей в свете восходящей луны. Пальцы рук у него, как у лягушонка, соединялись между собой полупрозрачными тонкими перепонками, ступни напоминали ласты, а глаза… Глаза были просто удивительные: раза в четыре больше, чем у среднестатистического человека, но, как у рыбы, без век и ресниц. Носа у существа не было тоже, на его месте обнаруживался лишь небольшой гладенький бугорок с двумя точечными отверстиями, ротик был маленький, безгубый. Но, несмотря на всё это, существо казалось очень привлекательным, и, судя по всему, являлось молоденьким юношей…

Новая мысль без спроса проникла в Кирочкино сознание: «Благодаря тебе мой народ снова живёт в чистой воде, и я здесь, чтобы отблагодарить тебя…»

Кирочка была изумлена. Она хотела спросить существо о том, откуда оно знает, что именно их с Аль-Марой вмешательство в конечном итоге не позволило кожевенному заводу засорять реку, но только она успела раскрыть рот, следующая инородная мысль уже принесла ответ: «Наша цивилизация умеет проникать в чужое сознание, проще говоря, мы читаем мысли… Вот, например: у тебя в детстве был друг, которого ты сама себе вообразила…»

«Это не скромно» — подумала в ответ Кирочка, она уже догадалась, что можно ничего не говорить вслух.

«Хорошо. — Кирочка нашла в своём сознании новую мысль существа, отличать его мысли от своих оказалось несложно, они были словно другого цвета — Я попытаюсь не

читать. Но для меня это так же трудно, как для любого представителя вашей цивилизации — не думать. Мы непрерывно проникаем в чужие мысли. Без этого мы просто не смогли бы ориентироваться вокруг. Ведь мы ничего не запоминаем…»

Кирочка подумала об изящном кованом обруче на голове у собеседника.

«Я Принц Реки…» — тут же раздалось у неё в сознании — «…ещё раз благодарю тебя от имени всего моего народа; у нас, конечно, нет таких сокровищ, которыми одаривают друг друга представители вашей цивилизации, но есть много того, чего нет у вас…»

И в этот момент Кирочка догадалась, какой именно будет благодарность… Существо бесшумно соскользнуло с камня и оказалось по шею в воде; венок из белых лилий медленно поплыл по течению…

С обратной стороны камня Кирочке удалось нащупать ногами дно. Как оказалось, он находился на краю обширной отмели, где можно было идти в воде по щиколотку, лежать в ней на спине — вода при этом не покрывала тело целиком.

Свет полной луны, выбравшейся из облаков, был так необыкновенно ярок, что Кирочка различала оттенки чешуек, покрывающих Принца Реки с головы до пят. Они, мягко переливаясь, точно бензиновая плёнка, под разными углами казались то зеленовато-голубыми, то розово-феолетовыми, то серебристыми…

Прикоснувшись к телу юноши-русалки впервые, Кирочка не смогла побороть в себе лёгкую робость; ей пришла мысль, что примерно такое же ощущение возникает, если трогать сырую рыбу. Но это глупое ощущение тут же прошло. Чешуя юноши была, в отличие от рыбьей, тёплая, и гораздо более нежная, точно лайкра — изысканное удовольствие обнаружилось в том, чтобы гладить её… Но гладить дозволялось только в направлении роста чешуек; в обратном это причиняло их обладателю дискомфорт. Кирочка чувствовала в своём сознании непривычную пустоту — будто все мысли разом покинули его, боясь отвлечь их юного чтеца от чего-то более важного… Тёплая вода тихо плескалась об их тела. Луна снова укуталась в свои пуховые одеяла из облаков, словно устыдилась быть свидетельницей любовной игры. Кирочка сидела на коленях на отмели над лежащим на песчаном дне русалочьим Принцем; она продолжала гладить его, обратившись вся в ощущения пальцев, бегущих по влажной чешуе…

И тут всё резко оборвалось. Словно лопнул огромный мыльный пузырь, внутри которого, отделённая от всего мира, находилась Кирочка. Всё произошло так быстро, что она даже не поняла сразу, куда делся Принц. Он просто исчез. Только несколько мгновений спустя, заметив круги на воде, она догадалась, что юноша молниеносно соскользнул с отмели в глубину.

Кирочка отчётливо услышала плюхающие шаги у себя за спиной. Не успела она обернуться, как кто-то не слишком ласково схватил её за плечо и, хорошенько встряхнув, поднял на ноги.

— Какого лешего, лейтенант Лунь?! Ты хоть понимаешь, что творишь?

У неё за спиной стоял Крайст. Он прошлёпал по отмели в новых кожаных туфлях.

— Вполне, — мягко ответила Кирочка, — я собиралась поразвлечься с мальчиком-русалкой…

— Это прекрасно… — съязвил Крайст, — но браслет-то зачем топить было?

Спохватившись, Кирочка почувствовала мокрый ремешок на своем запястье.

— Неужели ты не знала, лось ты болотный — за такое разжаловать надо бы, да только я не стукач — наручный браслет офицера в случае его повреждения немедленно подаёт сигнал

тревоги и высылает координаты… Считается, что если с браслетом беда, то беда и с самим офицером, на таких ротозеев как ты конструктора не рассчитывали! Лезть купаться с передатчиком — это ж надо!

Крайст остановил поток брани, чтобы немного передохнуть… И тут только заметил, что Кирочка стоит перед ним совершенно голая. Он нервно выругался, и, стащив с себя пиджак, быстро закутал её, потом взял за руку и, не особенно церемонясь, потащил по отмели к берегу.

— Пошли, русалочка! — ядовито прокомментировал он происходящее.

Кирочка, едва поспевая за ним, ковыляла по отмели, сознание её постепенно прояснялось; она начинала чувствовать, как ветерок холодит влажную кожу.

Рука, за которую Билл тянул её вперёд, слегка побаливала.

Он шёл, широко шагая, разбрасывая вокруг крупные хлёсткие брызги. Глядя в его прямую, решительную спину, ощущая силу, с который он сжимал её запястье, Кирочка осознала с пугающей ясностью — точно туманные путаные мысли озарились вспышкой — насколько он сердит. Никогда прежде она не видела Билла таким злым. «С чего бы… Подумаешь, какой-то браслет…» Ей, всё ещё находящейся во власти речного наваждения, было невдомёк, что Крайст, получив сигнал браслета, мысленно успел уже её похоронить…

— И всё-таки я не понимаю, — бормотала она, пытаясь свободной рукой поплотнее запахнуть пиджак на груди, — чего ты так на меня взъелся, Крайст…

— Взъелся? — не выдержал он и осквернил тишь застывшего ночного берега несколькими крепкими бранными словами, — Да ты в своём уме? Я решил уже что ты, леший тебя приголубь, погибла, утонула… Как честный офицер, в схватке с нечистью пострадала… Я бросился тебе на выручку. И что же? Наш героический лейтенант Лунь преспокойно плещется в какой-то луже, сиськи луне подставив…

— Получается, ты просто испугался за меня? — спросила она осторожно.

— Вроде того… — недовольно, но уже не так непримиримо как прежде, буркнул Крайст.

Способность к критическому мышлению потихоньку возвращалась к Кирочке; она обнаружила, как ей показалось, в этот момент противоречие между тем, что она привыкла думать о Билле, и его поведением; кроме того, он до сих пор больно сжимал ей запястье, потому замечание её прозвучало немного обиженно:

— Постой, а как же отсутствие привязанностей между сослуживцами и всё такое? Тебе, по идее, должно быть на меня наплевать!

— Не смешивай понятия, — возразил Билл уже совершенно спокойно, — отсутствие привязанности подразумевает только то, что я ничего от тебя не хочу, не требую, чтобы ты соответствовала моим ожиданиям, и, разумеется, не собираюсь соответствовать твоим, но это не то же самое, что наплевать. Наплевать — это равнодушие. А офицер не должен быть равнодушным. Ни в коем случае. Он просто не имеет на это права. Офицер должен быть одновременно и чутким, и объективным; должен уметь глубоко сопереживать, находясь при этом как бы в стороне. Только тогда от него не ускользнёт незримое. Тонкий мир не откроется тому, кто не понимает боли, той изначальной неизбывной боли, из которой тонкий мир свит — боли непрерывного расставания с привычным, боли, можно сказать, любви…

— Кстати, о боли… — сказала Кирочка, — ты сдавливаешь мне руку…

— Прости, — Билл выпустил её запястье.

Берег был уже близко, Крайст ступил на него первым — по колено мокрые брюки от делового костюма липли к ногам, в остроносых туфлях чавкала вода.

— Я сожалею, что накричал на тебя, — сказал он со вздохом, — Мне не следовало поддаваться эмоциям.

Кира всё ещё стояла по щиколотку в реке. Взгляд её больших графитовых глаз упёрся в лицо Билла. В темноте он не мог разобрать выражения, с которым она смотрела. Мокрые волосы девушки свисали плотными чёрными сосульками. Бугорки грудей, приподнимая полы застёгнутого на две пуговицы пиджака, изгибали линии отворотов — Билл споткнулся на этом взглядом и с неприятным чувством отметил про себя, что ему одновременно хочется и смотреть, и зажмуриться.

Кирочка нашла на берегу свои вещи, скрутив жгутом, словно простынку, отжала волосы, и, скинув пиджак Билла, преспокойно принялась надевать бельё.

Как ни в чём не бывало, стояла она на песке в одних только почти прозрачных кружевных трусиках, деловито застёгивая лифчик, который был пока ещё на поясе, и Билл чувствовал смущение, как мальчишка, ему хотелось отвернуться, он ожидал, что она попросит его об этом, но Кира вела себя так, словно его вовсе не было поблизости. И тогда он стал смотреть на неё, пристально и жадно, назло самому себе, для того только, чтобы побороть эту непонятную неловкость, этот неуместный стыд: что он, в конце концов, голой бабы никогда не видел?

Кирочка, заметив это, осведомилась чуть язвительно:

— Что же это ты так на меня уставился, Крайст? Столько раз уже, небось, видал, что неинтересно должно быть…

В ней ещё не успел раствориться горьковатый осадок от его гневной отповеди.

— Пожалуй… — согласился Билл вполголоса, и всё-таки отвернулся, побеждённый смущением о того, что она, как ему казалось, не испытывала его вовсе.

Луна снова вышла из-за облаков и стояла теперь высоко над лесом; листва в её холодном свете казалась покрытой тонким слоем инея, в кронах стоящих кругом деревьев, точно маленькое юркое существо, копошился ветерок. Крайст старался не думать о том, что он видел, о матовой лунной белизне Кирочкиного живота и грудей, о длинных стройных ногах, стекая по которым вниз, капли воды застывали в песке тёмными шариками.

— Боже мой! — спохватилась она, с трудом натянув на мокрые ноги узкие джинсы, — Аль-Мара! Где же она? Как я могла забыть про неё?..

— Так действует русалочий дурман, — сказал Крайст, — особые чары, вызывающие забвение… У ребят из отдела надзора за магией в океане есть таблетки против этого. Не принимая их, контактировать с русалками опасно.

— Нужно найти Аль-Мару. Что если с ней приключилась беда?

— Оденься как следует, и пойдём… — сказал Крайст.

Отыскав на берегу скупой островок длинной жёсткой травы, он уселся и достал сигареты.

11

Аль-Мара лежала в кустах на берегу в доброй сотне шагов от того места, где девушки впервые вошли в реку. Она спала. Глубоко и спокойно, как спят дети, положив руку под голову. Мокрые волосы её были в песке, а совершенно обнажённое тело укрывала расправленная юбка сарафана…

Кирочка попыталась разбудить подругу, слегка прикоснувшись к её щеке, но спящая

даже не шевельнулась. Тогда Кирочка встряхнула её. Сперва легонько, потом сильнее.

— Оставь, — тихо сказал Крайст, — это русалочий дурман. Он часто вызывает неестественно глубокий сон, как наркоз… Мы её не разбудим. Придётся ждать, пока она проснётся сама.

Кирочка кое-как натянула сарафан на обмякшее, бесчувственное тело Аль-Мары, а затем они вдвоём с Биллом уложили её на заднем сидении служебного автомобиля.

Наползающая темнота спокойно глотала дальний свет фар. По обе стороны шоссе тянулась рыхлая серая мгла леса.

— Кто вообще такие — русалки?

— Странно, что ты спрашиваешь меня, Кира, я никогда, в отличие от тебя, с ними не встречался…

— Вот поэтому я тебя и спрашиваю. Русалки — это такое дело, что знать о них можно только теоретически, а как увидишь их — мало того, что ничего нового не поймёшь, так и всё прежнее забудешь…

— Что верно, то верно. Они оберегают себя с помощью чар от всего, что им чуждо, от наших попыток их приручать, исследовать и даже защищать. Русалки — это совершенно другой мир. Абсолютно чуждая нам цивилизация… Ребят из отдела по надзору за магией в океане, которые с ними сталкиваются чаще прочих, называют иногда ещё контактёрами. Они единственные что-то во всём этом понимают, общаются с русалками — входят в контакт. Я знаю только то, что слышал от них. Довольно мало, впрочем; контактёры чаще других гибнут, и не всегда успевают поведать то, что им довелось понять…

— Как они гибнут?

— Они просто не возвращаются или заболевают русалочьей болезнью и уходят в воду. А это всё равно что гибель, ведь для нашей цивилизации они больше уже не существуют, они теряют память, покрываются чешуёй и становятся совсем как русалки…

— У них что, амнезия наступает? Но ведь это и временно может быть…

— Не совсем амнезия. Они лишаются самой способности запоминать, становятся беспамятными.

— Ах, да… Я, кажется, что-то такое слышала от этого Принца Реки. Получается, у русалок вообще нет памяти?

— Нет. Её отсутствие напрямую связано со способностью проникать в чужие мысли. Ты хоть можешь себе представить, какой огромный объём информации несёт распахнутое перед тобою настежь человеческое сознание? Будь у русалок память, умение читать мысли свело бы их с ума.

— Бог мой, а как же они учатся?

— Никак. Им это просто не нужно. Каждую секунду они могут найти нужную им информацию в сознании любого из окружающих.

— Получается, они умные?

— Я бы не стал употреблять именно это понятие… Оно характерно для нашего мира. Русалки разумны, это неоспоримый факт, но говорить об уме как о какой-то характеристике их сознания, как мы привыкли, не совсем корректно. Они принципиально другие. И, в некотором смысле, по сравнению с нами они существа более примитивные… Они не строят городов, не ведут войн, и целыми днями только и занимаются тем, что наслаждаются жизнью всеми доступными им способами. Они никогда не переживают и не грустят, потому что у них нет памяти, они не влюбляются никогда, по этой же причине; они живут, по сути,

как рыбы, они едят и совокупляются, они нежатся в тёплой воле, ничего не делают кроме этого и вполне удовлетворены таким положением дел… Им не нужен прогресс… Потому нам, людям, и кажется, что они примитивны. Но это, как ты понимаешь, только внешнее впечатление. Вывод, основанный исключительно на наших привычках и представлениях.

— Так вот почему они хотели отблагодарить меня именно таким способом! — немного разочарованно пробормотала Кирочка, — Нет у них ничего путного. Этот чешуйчатый Принц ведь вылез ко мне из реки, как он сам пояснил, в награду за то, что я помешала сбросу отходов в воду…

— Напрасно ты так думаешь. Возможно, это просто единственное из их сокровищ понятное нам, такое, какое мы сможем оценить. Рассказанное вечным языком природы, знакомым всем живым существам.

— Вот-вот… — Кирочка хмыкнула, — Ничего особенного. Это не помогло бы мне лучше понять их цивилизацию.

— Понять, может, и не помогло бы… Но… — Крайст интригующе ухмыльнулся уголком рта, как умел только он один, и Кирочка догадалась, что беседа сейчас будет слегка присолена, — Контактёры рассказывают, что нет ничего круче ночи с русалкой; в этом деле они, говорят, такие мастерицы, что и не представишь, пока не попробуешь; и, ко всему прочему, тут тебе никакой ответственности, никаких объяснений, никаких угрызений совести, ведь русалке для этого не нужны никакие глубокие чувства, она забудет тебя, как только ты исчезнешь из вида, и потому никогда не станет надеяться на какое-либо продолжение отношений — ей на это всё попросту наплевать, для неё не существует ничего, кроме удовольствия — и получается, что для офицера Особого Подразделения русалка — самая что ни на есть удобная баба… Многие контактёры, кстати, только с ними и спят — к чему даром бередить чужие чувства?.. И у этого всего есть лишь один недостаток: следует остерегаться совсем юных русалок, они могут оказаться девственницами…

— Чем же оно так страшно? — удивилась Кирочка.

— Говорят, от этого и начинается русалочья болезнь, впрочем, большая часть информации о русалках — только лишь догадки… Но, тем не менее, все контактёры без исключения верят, что в обмен на свою девственность русалка забирает душу… И человек перестаёт быть человеком. Он постепенно начинает забывать всё, что знал и умел, всех, кого любил… Его душа становится рыбьей. А вслед за нею и тело… У человека открываются жабры, появляется чешуя и ему ничего не остаётся, кроме как уйти в море… И русалочью болезнь, если она уже началась, невозможно остановить… Превращение, конечно, не происходит моментально, бывали случаи, что офицеры после рокового контакта жили нормальной человеческой жизнью недели, а то и месяцы, но потом… Все они стали русалками. Красивыми и тупыми рыбинами, которые ни черта не помнят и всю жизнь только и делают, что всячески услаждают себя…

— Боже мой… Как же тогда, если это такой риск, контактёры отличают девственниц?

— Кто интуитивно, кто логически… По-разному. Обычно просто соблазняют пожилых русалок — старые девы среди них крайне маловероятны, а седины, морщин или дряблости тела не бывает у них даже в сто лет… Женщинам-контактёрам в этом смысле повезло гораздо больше. У них риск нулевой. Девственников видно сразу. И попасться может только несведущая, либо забывшая принять таблетку от дурмана. У юношей-русалок от рождения всё самое интересное сплошь покрыто чешуей, но чешуйки эти особенно нежные, держаться они не слишком прочно — вот и отшелушиваются при определённых обстоятельствах…

Кирочка застыла, будто почувствовав неожиданное прикосновению к затылку холодной мёртвой руки. Ужас перед тем, чего удалось избежать благодаря случайности, заставил вспотеть ладони. Как же близко она была к… Перед её внутренним взором, так же отчётливо, как если бы Кирочка смотрела на них сейчас, возникли мелкие, несказанно тонкие, полупрозрачные чешуйки, их скромный роскошный блеск в потоке лунного света…

— Чёрт побери… — сказала Кирочка, и голос её дрогнул, — ты, кажется, в самом деле спас мне жизнь, Крайст, выдернув из этой, как ты изволил выразиться, «лужи»… Он ведь, принц этот рыбий… да чтоб его…

— Так ты что же думала, они тебе кого-нибудь вроде меня, бабника тамошнего, подсунут, в награду-то? Нет, конечно. Невинного юношу, высший сорт. Говорят, страсть приятно, когда у русалок это впервые, почему, не берусь объяснять, не знаток, энергетическое сияние какое-то у них, которое только один раз в жизни и бывает… Все те, кто успевал что-либо рассказать, покуда не… того… все уверяли, будто это уж так приятно, что с ума сходишь; уж до того сладко, что и сдохнуть потом не жалко… Потому, — Билл усмехнулся, — ты не слишком меня благодари-то, Кира, с одной стороны я тебя, конечно спас, а с другой — такой кайф тебе обломал… Добро и зло, в который уж раз повторюсь, относительны. Может, рыбой быть по-своему и круто… В чём-то и мы с тобой на них похожи…

Крайст посмотрел на Кирочку и улыбнулся хитро-хитро. Она сразу догадалась, что он намекает на Правило. Его соблюдение в каком-то смысле действительно роднило офицеров Особого Подразделения с беспамятными жителями океана.

— Ты как будто гордишься этим… — сказала Кирочка с лёгким оттенком досады.

— Нисколько не горжусь. Да и не сам ведь я решил так жить.

— Хочешь сказать, если бы не служба, то ты одну бабу всю жизнь любил бы? — чуть ехидно осведомилась Кирочка.

— И любил бы, — ответил Билл не колеблясь, — Я даже собирался по молодости жениться. И свято верил, что мы жизнь проживём счастливую, деток народим, дачу построим, ну и все дела, проживём как люди живут… А вообще, — он ненадолго задумался, — для любви ведь нет никакой разницы, одна баба или много… Всю жизнь или один миг… Я каждую из них по-своему любил, пусть несколько часов всего, но любил безумно; и все они для меня как та одна, единственная, которую я по какому-то божьему капризу, или в наказание за что-то, никогда не встречу, а если и встречу, то в упор не узнаю, не пойму, что это она…

На заднем сидении зашевелилась Аль-Мара.

— Вот и наш лейтенант Бланш! — воскликнул Крайст весело, печальная задумчивость его, навеянная концом беседы, улетучилась моментально, — Доброе утро! Времени-то уже, поди… Скоро рассветёт!

Аль-Мара, приподнявшись на локте, мутными со сна глазами бестолково шарила вокруг, силясь понять, где она находится и почему. Кирочка смотрела на подругу с облегчённым умилением, как мать на впервые очнувшегося после тяжёлой лихорадки младенца.

— Где мой наручный датчик? — спросила она первым делом, ощупывая запястье левой руки; в отличие от других офицеров Аль-Мара никогда не носила его на правой, где играл нежными переливами диковинный радужный браслет, подаренный Асаном.

— Вот это я понимаю, офицер! — сказал Крайст с шутливой укоризной Кирочке, — первым делом — датчик! Не то что ты, растяпа…

— Господи… — прошептала Аль-Мара, смешавшись, — я, наверное, его на берегу забыла, я ничего не помню… кажется, я сняла его и пошла купаться, а потом…

— Ничего страшного, — ободрил её Крайст, — Мы активируем в нём программу самоуничтожения встроенного секретного устройства, и кто-нибудь просто найдёт на берегу неисправные часы. Подумаешь, датчик. Невелика беда. Сама-то ты в порядке, рыжая?

Кирочку неприятно кольнуло, что Крайст обращается к Аль-Маре точно так же по-приятельски запросто, как и она. Её чувство собственницы было слегка задето.

— Вроде бы в порядке… — ответила Аль-Мара, — только вот голова точно ватная, и не помню ни черта… где была, что делала… будто с большого бодуна…

— Это ничего, — заверил её Крайст, — действие русалочьего дурмана… Скоро пройдет. Поспи ещё, если хочется…

12

Приехав домой, первым делом Аль-Мара отправилась мыться. В её густых волосах застрял песок, а кожа душно и сладковато пахла речной тиной. Она включила горячую воду; душ умиротворяюще зашуршал, отпуская во все стороны уютные облака пара.

— Господи… Что это?

Стянув с себя сарафан, лейтенант Бланш заметила несколько полупрозрачных, тонких радужно переливающихся рыбьих чешуек, приставших ко внутренним сторонам её бедер… Неясная тревога шевельнулась в ней, далёкое расплывчатое воспоминание, которое невозможно ни восстановить окончательно, ни забыть навсегда.

Встав под сильные колкие и горячие струи воды, она немного расслабилась. Выдавила на губку прозрачный желеобразный гель для душа. Вспенив его как следует, она принялась лихорадочно тереть кожу, словно пыталась смыть с себя невнятное, зыбкое, а оттого ещё более жуткое наваждение…

13

Прошло несколько недель. Кирочка и Аль-Мара завтракали в плавучем летнем кафе, что находилось на одном из прудов парка Первых Свиданий.

— Что такое с тобой творится в последнее время? — спросила Кирочка, отламывая воздушную слоистую мякоть свежевыпеченного круассана, — ты какая-то молчаливая, раньше постоянно что-то рассказывала, а теперь сидишь скучная, и глаза у тебя мечтательные, будто и нет тебя здесь… Колись, ты влюбилась?

Аль-Мара помотала головой.

— Сама не знаю… Просто странное начало происходить с моими мыслями: они как будто делятся по сортам, одни белые, другие жёлтые, третьи голубые, этого не описать, и иногда мне кажется, что некоторые из них вовсе не мои собственные, до того они не похожи на все прежние… А некоторые хоть и такие же, как раньше, вроде как мои, про племя, про поселение, про маму, но они точно потускнели; я уже и не могу подумать об этом как следует, в тумане все…

— Эти новые твои мысли, которые цветные, какие они? — настороженно спросила Кирочка.

— Ну… Это сложный вопрос. Как вообще можно описать мысли? Некоторые из них я могу, конечно, выразить словами, если постараюсь, но не все…

— Например?

Аль-Мара ненадолго задумалась. Она слегка запрокинула голову и подняла глаза к потолку, точно вычисляя в уме, а потом сказала:

— Вот, только что пришла серо-розовая мысль, горькая и нежная; скажи, ты ведь всегда невольно сравниваешь меня со своей школьной подругой, которую очень любила?

Кирочка вздрогнула. Она никогда не рассказывала Аль-Маре ничего о Нетте; ни разу даже не упоминала ни о её существовании, ни о своих переживаниях, касающихся их дружбы.

— А ещё что-нибудь… — спросила Кирочка срывающимся голосом, страшная догадка уже прикоснулась к её сознанию кончиком щупальца, — ты можешь об этом сказать?

Аль-Мара снова сосредоточилась.

— Об этом нет, — она разочарованно качнула головой, — Сейчас красных мыслей очень много, испуганных каких-то, они всё заслонили; эти мысли про то, что я скоро умру, я чем-то заразилась в реке и теперь умру…

— Невероятно! — воскликнула Кирочка, вскакивая. — Ты их читаешь!

— Кого их? — Аль-Мара подняла на подругу взволнованные непонимающие глаза.

— Мои мысли! — Кирочка всплеснула руками, — ты… ты… — она беспомощно шарила по воздуху, словно подыскивая таким способом подходящее слово, — ты… больше не человек! Ты русалка!

Аль-Мара продолжала сидеть за столиком. Она смотрела на взбудораженную Кирочку снизу вверх очень спокойно, без тревоги и без печали; и что-то новое, туманящее рассудок, жёстоко заласкивающее, умиротворяющее навсегда, дающее жуткое эйфорическое забвение проливалось из глубины её глаз… Кирочка отвернулась.

На всякий случай Крайст дал ей несколько таблеток против русалочьего дурмана, она торопливо достала из нагрудного кармана блистер и проглотила одну, не запивая. Аль-Мара повернулась к окну, и, сложив руки перед собою, смотрела вдаль, туда, где за деревьям, небоскрёбами, автомобильными развязками угадывался серебристый серп залива. Пока Кирочка возилась с пуговицей кармана, не желающей подчиниться нервным пальцам и выскочить из тугой петельки, шуршала серебристой фольгой, перегибая пополам блистер, в глазах у неё скопились, приготовившись пролиться, слёзы…

14

л. Лунь: Неужели это никак невозможно остановить?

Сидя за столом в непривычно тихой квартире Аль-Мары, как будто уже опустевшей из-за переезда или смерти, Кирочка писала сообщения Биллу.

л. Крайст: Прежде никому не удавалось. Потому и считают, что невозможно. Я сочувствую вам.

л. Лунь: И долго ещё это будет длиться? Самое страшное: наблюдать, сходя с ума от своего бессилия.

л. Крайст: Не могу вам сказать. Зависит от её организма. После открытия жабр — максимум пару дней… Их ещё нет?

Аль-Мара спала. Последние несколько дней она чувствовала сильную слабость и практически не вставала с постели. Кирочка даже оставалась ночевать у подруги: у Аль-Мары иногда поднималась температура, и за нею нужен был уход как за больной. Большую часть времени она проводила во сне, засыпала внезапно, словно падала в обморок, и так же резко просыпалась, с каждым новым пробуждением отдаляясь от прежнего мира всё сильнее.

Кирочке уже не приходилось ничего говорить ей: подруга понимала её раньше, чем она успевала открыть рот, чтобы что-то сказать, и тут же отвечала ей таким же странным

образом — без единого слова. Аль-Мара теперь не развлекала Кирочку никакими историями, как это бывало раньше: она просто не помнила ничего, и даже события, произошедшие час назад, не задерживались в её памяти.

Кирочка осторожно приблизилась к спящей и, взяв её руку, хотела посчитать пульс, но тут же испуганно уронила кисть Аль-Мары на простыню: кожа на запястье девушки огрубела, и на ней выразились, словно наползающие друг на друга плотные розоватые блестящие пятна… «Чешуя…» — подумала Кирочка обречённо. В этот момент Аль-Мара попыталась вздохнуть во сне; она начала судорожно хватать воздух ртом, но его ей как будто не хватало, она беспокойно шарила руками по кровати, пока не открыла глаза.

«Мне пора», — произнесла она мысленно Кире, встретив её испуганный взгляд.

Аль-Мара встала с постели, и Кирочка увидела на её мятой футболке сбоку на уровне груди свежее пятно от крови. Сняв на ходу футболку, Аль-Мара бросила её на пол. Кирочка, пронзённая ужасом, упёрлась зрением в молодые, только что открывшиеся русалочьи жабры; они были ещё не разработанные, слипшиеся, синюшные. Лихорадочно вздуваясь, они источали кровавую пену и слизь.

Аль-Мара накинула плащ. Кирочка догадалась, что она направляется к заливу.

15

Заходящее солнце мазало воду оранжевым, малиновым, алым. Почти затонув, оно оставило лишь широкую размытую полосу на границе неба и моря. Силуэт гостиницы «Прибрежная» был чёрен.

Кирочка медленно спустилась вслед за Аль-Марой по лестнице на каменную площадку. По ней с тихим шорохом катились волны. Над набережной носились, протяжно вопя, толстые городские чайки.

Кирочка с напряжённым ожиданием смотрела в спину девушки, подошедшей так близко к краю площадки. Чужой девушки. Медные волосы Аль-Мары трепал ветер, она стояла у самой воды, и приходящие волны окатывали её босые ступни.

«Что же ты стоишь? — думала Кирочка, — Что же ты мучаешь меня? Иди же! Уходи поскорее, уходи в своё дурацкое, дерьмовое море, боже, как я ненавижу его, как я буду ненавидеть теперь эту набережную… Боже мой…» Кирочка чувствовала, что плачет. Удержаться было невозможно. Одна за одной скатывались слезинки по щекам, быстро, как капли дождя по автомобильному стеклу.

Аль-Мара, наверное, услышала её мысли. А, может быть, просто решила поторопиться. Она скинула плащ, и, отбросив его назад, села на край каменной площадки, опустив ноги в воду. Кирочка стояла, боясь пошевелиться.

— Прощай… — прошептала она одними губами, — Прощай, — повторила она чуть громче и, непонятно зачем, безнадёжно и лихорадочно подалась вперёд, — Прощай! — завопила она во весь голос, простирая к огромному бесчувственному морю дрожащие руки.

Аль-Мара обернулась. Глаза её были спокойные и совершенно пустые. Рыбьи глаза.

— Она уже не помнит тебя, — раздался за Кирочкиной спиной тихий голос Крайста. — Не рви душу. Идём.

У Кирочки не осталось сил сопротивляться. Крайст взял её за руку и повёл по каменной лестнице наверх, на набережную. На последней ступеньке она обернулась.

Аль-Мара всё ещё сидела на краю каменной площадки и смотрела на Город, впитывая, вбирая в себя его чёрные вечерние контуры, точно хотела забрать их с собой на морское дно. А потом, в последний раз обведя взглядом набережную, молодая русалка повернулась и,

плавно, без единого всплеска, соскользнув воду, скрылась в её темной, безвозвратно глотающей толще.

Кирочка стирала пальцами слёзы из-под покрасневших глаз, крепилась как могла, чтобы не реветь в голос, хлюпала носом, как ребёнок, чем вызывала у Билла небывалое умиление. Он провёл ладонью по её плечу. Почувствовав это ободряющее прикосновение открытой кожей — на ней была маечка без рукавов — Кирочка встрепенулась.

— Откуда ты здесь? — спросила она, всхлипнув.

Крайст загадочно улыбнулся, сделал движение глазами, и взгляд его стал вдруг пустым и отрешённым.

— Это злая шутка, — сказала Кирочка, приходя в себя и начиная сердиться, — не пугай меня. Ты не умеешь читать мысли.

— И слава богу! — рассмеялся Крайст. Оставалось только догадываться, что за мысль мелькнула в его озорных ярких синих глазах.

Они шли по набережной бок о бок и молчали. Поднялся небольшой ветерок, чайки кричали высоко, истошно и как будто безнадёжно; они пролетали над самими буграми медлительных бронзовых волн — казалось ещё чуть-чуть и какая-нибудь из них коснётся воды гладким белым животом.

— Знаешь, почему тебе так больно? — спросил Крайст.

Кирочка взглянула на него с укоризной, ей не хотелось ворошить пережитое; слишком свежо оно было, словно большая рана, на поверхности которой кровь начала только сворачиваться, застывая мягким алым желе.

— Каждый из нас награждён собственным одиночеством, и никто другой не способен его нарушить, — сказал Билл, — а ты всегда стремилась нарушить чьё-нибудь одиночество. Либо не касаться вовсе, либо слиться в одно… Так нельзя, Кира. Вот, например, Нетта, твоя подруга, о которой ты много рассказывала… Она ведь тебя на самом деле не предавала никогда, — Крайст улыбнулся покровительственно и грустно, — тебе просто казалось, что она тебя предаёт, и казалось тебе так только потому, что она, Нетта, не принадлежала тебе всецело, ты хотела, признайся в этом хотя бы себе самой, чтобы из всех девочек в мире она дружила только с тобой, ты хотела стать её частью, врасти в неё, ты претендовала на её великое одиночество… Запомни, чужая душа никогда не будет принадлежать тебе. И сейчас ты страдаешь не оттого, что Аль-Мара в море, а от того, что она не твоя. Поверь, ей хорошо там. И она имеет на это право, Кира. Она имеет право быть счастливой без тебя…

Кирочке показалось, что Крайст опять сказал ей гадость, она отвернулась и прикусила губу.

— Покури, — посоветовал Билл, — протягивая ей на ладони открытую пачку, — и не дуйся на меня. Это бесполезно. Я всегда говорю то, что думаю, и совершенно не способен раскаиваться в своих словах.

В очередной раз Кирочка удивилась, как хорошо понимает её этот вечно ёрничающий и с виду совершенно бездушный тип; взяв сигарету, она передумала обижаться на него.

16

Кирочка никогда ещё не бывала на Секретном Заводе, и это чудовищное нагромождение металла и бетона произвело на неё какое-то тревожное, гнетущее впечатление. Слишком долго пришлось идти по узким, тускло и жёлто освещённым коридорам над громыхающими и утробно гудящими цехами к выходу на маленькую смотровую площадку. Но когда, наконец, цель была достигнута, всё изменилось.

Над кирпичными постройками, грязными дорогами, тесно стоящими ангарами и полосатыми трубами клубился небывало яркий закат. Словно диковинная жар-птица пролетела по краю неба, обронив несколько пышных перьев: нежно-розовое, золотое, алое…

Кирочка остановилась, положив руки на металлическое заграждение.

— Как красиво, — проговорила она шёпотом, думая, что никто её не услышит.

— А вы, как я посмотрю, опять ревели, лейтенант Лунь? — в манере доброго дедушки спросил генерал, неслышно приблизившись и озабоченно заглянув в Кирочкино покрасневшее, опухшее от слёз лицо, — что же это такое? Всякий раз, как мы с вами встречаемся с глазу на глаз, вы нюни распускаете. Плакса вы, лейтенант, нехорошо, — генерал внушал всё это Кирочке точно маленькой, комично назидательным тоном, а в конце так задорно рассмеялся, что остаться в плохом настроении после этого было бы просто немыслимо.

— Простите меня, — сказала Кирочка, поднимая на него свои огромные антрацитовые глаза с трогательно слипшимися ресницами, — я должна во всём признаться вам; я сама виновата в этих слезах, генерал; ведь если бы я не нарушила Кодекс и не привыкла бы к лейтенанту Бланш, трагически… — она замялась, — покинувшей нас, то мне не было бы сейчас так плохо…

Кирочка почувствовала, что её глаза снова наполняются слезами, и остановилась. В памяти настырно воскресало неприятно холодящее впечатление о чешуе, жабрах, беспамятстве и уходе в море самого близкого ей человека…

— Кап… кап… кап… — сказал генерал, — меняю слезинки на звёздочки, — Кап… Кап…

— Да что вы, генерал, — воскликнул Крайст, — она вам сейчас на полковника тут наревёт!

Кирочка медленно повернула голову и нерешительно, осторожно улыбнулась. Точно человек, не умеющий кататься на коньках, у которого получилось проехать несколько метров и не упасть…

— Вот и славно, — генерал Росс положил свою большую тёплую руку на Кирино плечо, — я не разочарован в вас, вы прекрасно служите… А что касается Кодекса, то его нарушают все. Так или иначе. Не нарушать его возможно разве только если совсем не иметь сердца… И смысл Кодекса не в том, чтобы ни разу его не нарушить, а только в том, чтобы всегда чувствовать, когда его нарушаешь, и принимать свою боль без паники и отчаяния.

— Как же полковник Санта-Ремо, генерал? — тихо спросил Крайст, — ведь он действительно ничего не нарушал.

Генерал Росс не ответил, он быстро взглянул на Билла, и тот прочёл в его не по годам ясных и живых глазах нечто такое, после чего продолжать разговор о легендарном полковнике не стал.

— Мир так устроен, Кира, — продолжал генерал, — всю жизнь мы теряем, резко или постепенно, не так уж и важно, но мы теряем непрерывно и неизбежно, а иначе никак невозможно, ведь время не остановить и не заставить всё вокруг застыть в некотором совершенном идеальном положении, а если бы и можно было это осуществить, то не вышло бы, я думаю, ничего хорошего…

С каждым словом генерала Кирочке становилось всё легче и легче, точно большая добрая рука забирала по крупице её печаль и крепко-накрепко зажимала в кулаке, чтобы не выбралась снова, не разбередила…

Билл курил, смотрел на них, и за занавесью его спокойного взора стремительно проносились неуловимые неведомые никому кроме него самого мысли. Возможно, он думал о Санта-Ремо и о том, как мало он, лейтенант Крайст, соответствует этому блистательному образу идеального офицера.

— Вообще-то я пригласил вас, лейтенант Лунь, — генерал Росс сменил свой лирично задумчивый тон на деловой, — не философствовать. Принеси-ка, Билл.

Крайст тотчас исчез за узкой металлической дверью и вернулся через несколько минут. В руках у него была небольшая чёрная коробка.

— Открывай, — велел ему генерал.

Билл поднял крышку. На твёрдой пластиковой подложке в углублённым гнезде соответствующей формы лежал пистолет. По наличию на ручке небольшого реле, Кирочка сразу поняла, что это — генератор ОВЗ.

— Поздравляю вас с вручением личного оружия, лейтенант Лунь, — торжественно произнёс генерал.

Ощутив в первый момент смутную, щемящую тревогу, она протянула руку.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Читайте продолжение «Исполнитель желаний. Книга 2: Пришествие»

книга 2. Пришествие глава 1

1

Солнечным вечером ранней весны, уже четырнадцатой в жизни Эрна, в выходной, когда бульвары и скверы наполнились весёлым гомоном отдыхающих, они с приятелем Томми сидели на берегу пруда в городском парке, швыряя в воду мелкие камешки. Эрну нравилось, как утки, собравшиеся в кучку около каменного края водоёма толпились, налезали друг на друга, пытаясь поймать размокшую булку, брошенную им какими-то детьми… Он посмеивался, прищуривался, целился и ловко запускал галькой в самый эпицентр этого птичьего базара, и когда утки с испуганным гвалтом вспархивали, словно гигантский фонтан брызг, озорник приходил в настоящий творческий экстаз.

— Вот это да! Ты видел, жирный, как я их? Аж перья посыпались, так засуетились! — хорохорился Эрн, взвешивая на тоненькой полудетской руке очередной снаряд.

Леденцовое солнце уже немного припекало, и мальчишки сидели в одних футболках, расстелив свои куртки на оживающем газоне.

Томми был беленький, полноватый мальчонка с гнусавым голоском и вечными соплями. Низко на носу у него висели маленькие круглые очки. Он тоже подбирал пухлой, похожей на наполненную водой латексную перчатку, ручонкой гальку и пытался швырять в пруд. Разумеется, у него не выходило и в половину так изящно да метко, как у Эрна. Томми был стеснителен и нелеп, никто с ним не дружил. Потому-то он так доверчиво и беззаветно привязался к Эрну, который пожелал с ним общаться: пусть даже их дружба напоминала отношения между рабом и господином, Томми решил для себя, что это всё же лучше, чем одиночество. Он бросил, подражая приятелю, камень в воду, но тот упал сначала на каменный бортик пруда, а потом, отскочив от него, в воду на приличном расстоянии от уток.

Эрн залился весёлым смехом.

— Ну, сало, ты и снайпер! Учись!

Он подобрал камушек, и плавным летящим движением размахнувшись, угодил своим снарядом прямо между уткой и селезнем, которые важно проплывали мимо. Птицы оскорблённо загоготали, снялись и улетели.

Удивительная природная грация была в Эрне: она сквозила в каждом движении, читалась в изгибе юной стройной спины под просторным парусом зеленовато-голубой футболки, в длинных руках с острыми локтями, в подростково-угловатых коленках под потёртой тканью джинс… Даже пакости этот мальчишка умудрялся проделывать так привлекательно, что их хотелось повторить.

Томми безуспешно пытался достать птиц камнями до тех пор, пока какая-то пожила дама, гулявшая по аллее, не решилась прекратить безобразие:

— Пошли прочь, бездельники! Оставьте уток в покое! А не то я пущу в ход палку! — она угрожающе погрозила в воздухе своей тростью.

Эрн легко, словно вспархивающая птица, вскочил и, подхватив куртку, бросился наутёк. На бегу он показал пожилой даме язык и прокричал:

— Если догоните!

Он уносился прочь красивыми широкими скачками, едва касаясь земли узкими ступнями в пыльных тряпочных кедах, а за ним, неуклюже семеня и трясясь всем своим

большим телом, с шумным пыхтением поспевал Томми.

Добежав до конца аллеи, Эрн остановился. На щеках у него от быстрого бега проступил румянец, нежно-розовый, точно рассветное небо, волосы растрепались. Быстрым движением убрав чёлку с высокого лба, он плюхнулся на недавно покрашенную вызывающе белую парковую скамью.

— Передохни, жирный… — снисходительно пригласил Эрн приятеля, похлопав ладонью по свободному месту рядом с собой.

Томми прибежал только что и стоял чуть поодаль, мучимый одышкой, потный, малиновый и обиженный на мироздание за те ужасно несправедливые законы, по которым одни рождаются хорошенькими и ловкими, а другие толстыми и сопливыми.

Эрн сидел, развалившись, положив щиколотку правой ноги на левое колено и рылся в нагрудном кармане своей небрежно брошенной на плечи джинсовой куртки. Добыв оттуда какую-то мелочь, он вручил её Томми.

— Слышь, сгоняй мне за колой.

Томми послушно принял у него мелочь, но, рассмотрев её на ладони, нерешительно изрек:

— Ээ… Этого не хватит…

— Ничего, из своих добавишь. Когда придёшь, я кое-что тебе расскажу, — загадочно пообещал Эрн.

Томми был наивен и обожал секреты. Его всегда томило, кто в кого в классе влюблён, кто с кем подрался из-за коллекционных фишек и кто что и про кого говорит за глаза. А Эрн этим активно пользовался. Он знал, что для простодушного толстого Томми фраза «я кое-что тебе расскажу» — самый заманчивый посул, и пускал её в ход всякий раз, когда ему что-нибудь было нужно. Потом он обычно отделывался тем, что придумывал какую-нибудь пустяковую историю или пересказывал газетный анекдот, приплетая в его сюжет в качестве действующих лиц реальных общих знакомых.

Томми вернулся с банкой колы. Эрн привычно дёрнул алюминиевый ключик, газированный напиток зашипел, и несколько сладких капель брызнуло на длинные белые пальчики. Эрн облизал их.

Томми смотрел на него с завистью. Родители никогда не покупали ему колу, потому что он был толстый, и у него была аллергия.

— Ты обещал мне что-то рассказать, — кротко напомнил Томми.

Опрокинувшись на спинку скамьи, Эрн задумчиво закатил глаза и приготовился сочинять.

Но внезапно в кармане у Томми зазвонил телефон. Мама звала его есть диетический ужин и делать уроки. Что тут поделаешь?.. Пришлось расстаться с робкой надеждой узнать секрет и хоть немножечко глотнуть колы.

— Ну, бывай, толстый, — почти ласково простился с ним приятель, лениво щурясь от солнца.

Томми обречённо поплёлся домой. Мама налила ему тарелку прозрачного куриного супа с лапшой и морковью, которым приходилось давиться изо дня в день и как обычно спросила:

— Как прошёл день сынок?

— Хорошо, — ответил Томми, печально откусывая от тугого квадратного куска безглютенового хлеба.

— Ты опять шатался с Эрном где придётся?

Томми кивнул, он никогда не врал родителям.

— Я уже устала тебе повторять… — наставительно сказала мама, — …ни к чему хорошему это не приведёт. Ваша классная руководительница считает, что общение с ним вредит тебе, оно сказывается на твоём воспитании и успеваемости. Ведь это Эрн подбивает тебя шалить в школе? Он ленив, распущен, у него нет никаких нормальных интересов, и выйдет из него разве что дворник или… альфонс… Ты туда же собрался? У тебя в отличие от него… — мама осеклась, порывисто схватила лежащую на столе ложку и принялась мешать в кастрюле пресные диетические овощи.

— Нет данных? — жалобно спросил Томми. Он с детства запомнил эту обидную фразу. Так отвечали ему, когда он хотел стать сначала танцовщиком балета, потом певцом, лётчиком, крутым хакером…

— Для этого не нужны данные… — глядя в сторону, проворчала мама, досадуя на себя за то, что чуть было не ляпнула ребёнку злую глупость, — это просто стыдно.

2

Эрн ездил на роликах туда-обратно, лизал эскимо и поджидал Томми. Они всегда встречались на парковке возле огромного продовольственного гипермаркета «ЕстьВсё».

— Чёрт! — воскликнул Эрн, когда внушительный белоснежный кусок мороженого отвалился и, упав на гладкий тёплый асфальт, тут же растёкся на солнце в белую лужицу.

Сзади послышался стук роликовых коньков и знакомое сопение.

— Привет, толстый.

Томми подъезжал, неуклюже махая в воздухе руками для равновесия, похожий во всём снаряжении на киборга из фантастических боевиков. Мама не разрешала ему кататься на роликах без шлема, наколенников и налокотников. Эрн же никогда не надевал неудобную защиту, стесняющую движения, и катался свободно, будто парил над тротуаром, раскинув тонкие руки и легко сгибая ничем не защищенные от синяков коленки. За ним медленно ехал космический робот Томми.

— Зачем ты надеваешь этот дурацкий костюм? — ловко разворачиваясь к приятелю на ходу, спросил Эрн. Он умел ездить спиной, подпрыгивать и снова приземляться на все восемь колёс, ездить зигзагами — всё это не могло не вызывать у полненького неуклюжего приятеля благоговейного восхищения пополам с завистью.

— Мама заставляет меня… — грустно прогнусил Томми.

— Так ты сними сейчас. Она же тебя всё равно не видит.

— А если я упаду? У меня будет ссадина, мама её сразу заметит, точно тебе говорю, у неё очень меткий глаз, она расстроится, забегает надо мной с йодом и пластырями, — страдальческим тоном оправдывался Томми.

— Ты что трус? Я ведь не надеваю защиту.

— Ты и не падаешь… — грустно протянул Томми.

— Да? Ты уверен? — Эрн подъехал к низенькой металлической изгороди, отделяющей тротуар от газона и присел на неё, словно голубь на жёрдочку, — Хочешь я тебе покажу?

Томми подъехал ближе. Эрн закатал штанину и продемонстрировал приятелю здоровенную грязно-бордовую болячку, выделяющуюся словно клякса в чистовике на нежной как лепесток ванили маленькой коленке.

— Вот видишь, я тоже падаю.

Томми глядел на приятеля с уважением и опаской. Эрн ораторствовал:

— Не научившись падать никогда не научишься ходить. Страх тормозит развитие. Представь, что стало бы, если бы все младенцы мира вдруг отказались вставать на ножки: ведь это же реальный риск плюхнуться на пятую точку! Наступил бы конец света! Такой своеобразный…. Полная остановка прогресса. Преодоление страхов — первая необходимость жизни. А ты просто трус. Жирный маменькин сынок. Диетический обед, снаряжение от синяков… Ой, ой, ой… — Эрн смешно покачал головой из стороны в сторону, изображая материнское кудахтанье, — Так у тебя никогда не будет девчонки!

Томми очень сильно обиделся и в первый раз за всю жизнь ответил Эрну колкостью на колкость.

— А у тебя зато нет мамы! — Он и не представлял, как сильно заденет этого неуязвимого с виду красавчика.

— Как будто она мне так уж сильно нужна! То колу не пей, то защиту надень. Одни проблемы от этих мам… — едко процедил Эрн в ответ, пряча неумолимо увлажняющиеся глаза и прикусывая нижнюю губку, чтобы удержаться от слёз. Он торопливо спустил штанину и, вскочив, помчался вперёд изо всех сил, чтобы Томми не смог догнать его и заметить, что он плакал.

3

Пришла пора весенних дождей, листья на деревьях уже полностью распустились, расправились, но цвет их пока ещё оставался ранним, нежным. Наступил день рождения Эрна. Дирк испёк именинный пирог, расставил на столе розетки с цветным зефиром и конфетами; в гости были приглашены Томми, Хильда — некрасивая девочка-одноклассница с большим ртом и двумя торчащими хвостиками на голове, по уши влюблённая в именинника, и её подруга Рона, которая идти совсем не хотела, но сделала это ради Хильды. Рону, как и многих, раздражал Эрн. Исключительная красота сама по себе имеет свойство резать глаз, томить, напоминать о скоротечности и бессмысленности жизни, а в сочетании с мерзким характером вообще способна сделать её обладателя крайне неприятным для окружающих. Тот божественный эликсир, что в детстве, проливаясь в глаза людям, вытягивал из них нескончаемые потоки ласк и угощений, с началом периода взросления превратился в яд, имеющей совершенно иное действие. Теперь с Эрном, как и с несчастным Томми, тоже почти никто не общался…

Рона подарила имениннику очки-хамелеоны, надев которые можно было увидеть мир в неожиданных оттенках. Это было весьма необычно: рядом с привычными зелёными деревьями оказывались розовые и голубые, вода становилась жёлтой, а небо фиолетовым. Хильда сделала для Эрна из цветных ниток трогательный браслет дружбы и сама, волнуясь, закрепила у него на руке. Ни тому, ни другому именинник не обрадовался.

— Красный с синим. Такое нелепое сочетание цветов… — задумчиво проговорил он, вращая нитяной браслетик на тонком запястье.

Хильда, услышав это, даже вздрогнула от огорчения.

Когда гостьи, в молчании выпив по чашке чая с тортом, удалились, Томми и Эрн поднялись на крышу одного из соседних домов. В последнее время это была одна из любимых забав мальчишек. Усевшись на широкий бортик возле самого края как на скамью, Эрн достал из нагрудного кармана джинсовки пачку сигарет.

— Откуда это у тебя? — вытаращив от удивления глаза, поинтересовался Томми.

— У отца стащил. Будешь? — Эрн взял в зубы одну сигарету и приготовил спички.

— И давно ты… начал? — вопрос задан был обеспокоенно, вполголоса, словно Томми

боялся потревожить какого-то жуткого зверя, притаившегося совсем рядом. Всё то, что считалось запретным, вызывало у него суеверный трепет.

— Только что… — Эрн прикурил; не умея затягиваться как следует, он набрал полный рот дыма.

— Ты не боишься?

— Чего?

— Ну… От курения же, вроде как, умирают… — неуверенно напомнил Томми.

— Не сразу!.. — отмахнулся Эрн, пытаясь выпустить дым красиво. — Кроме того, я и так умру. Кажется, даже очень скоро, — добавил он с деланой беспечностью.

— Кто тебе сказал? — Томми ошарашенно хлопал своими круглыми близорукими глазами.

— Сам знаю. Почему кто-то должен был мне об этом сообщать? Это ты вечно ищешь авторитеты. Я не такой.

— Но должна же быть какая-то причина? Просто так никто не умирает. — Томми был так изумлён, что даже не постеснялся рассуждать на эту тему. Обычно его быстро задвигали, и потому затравленный толстый мальчишка редко совался куда-либо со своим мнением.

— Я болен, — глядя в сторону, тихо сказал Эрн.

Далеко внизу медленно полз по блестящим на солнце линиям рельс красно-белый вагон трамвая. По проезжей части ехали машины. Тротуар кишел людьми. Эрну надоело курить сигарету, и он теперь просто держал её, тлеющую, в руке, будто решая, что с нею делать дальше.

— Чем болен? Какие у тебя эти… — Томми некоторое время молчал, и, морща лоб, вспоминал слово, — …симптомы? Болит что-нибудь?

— Нет… — Эрн выбросил недокуренную сигарету и некоторое время смотрел, как она падает.

— Тогда с чего ты взял, что болен? Когда болеешь, лучше всего обратиться к врачу. Он точно скажет, опасно это или нет, — с умным видом посоветовал Томми.

— Вот ещё! Никуда я не стану обращаться! — Эрн капризно наморщил носик.

— Но почему? Ты что, боишься? — Томми в этот момент вспомнились давешние насмешки приятеля. Мстить это мягкосердечное существо не хотело, но мысль, что Эрн тоже способен испытывать страх перед врачами и разного рода медицинскими манипуляциями, слегка возвысила Томми в собственных глазах.

— Нет. Не боюсь. Просто не хочу. И всё. — Нервно выделяя точки, ответил Эрн. — Понятно?

— Ну, это же глупо… Так ты на самом деле умрёшь. А врачи тебя спасут, — настаивал толстячок. Мама с детства внушала Томми, что бояться нужно не врачей, а болезней, и если что-то беспокоит, нужно тут же бежать в поликлинику. У него была своеобразная мама. Поэтому Томми постоянно лечили и от настоящих, и от вымышленных недугов, пичкали таблетками, когда надо и не надо, что очевидно, не прибавляло ему здоровья.

— Отстань. — Эрн сидел, отвернувшись. От ветра складки футболки волнами ходили у него на спине.

— Знаешь, что… — Томми решил, что приятеля немного смягчит смена темы разговора, — …мне кажется, ты сегодня обидел Хильду. Зря ты так с ней. Она же в тебя влюблена…

— Ну и что? Я же не просил её об этом! — взорвался Эрн. — Нянькой быть теперь при

ней, что ли?

— Нет, но… — Томми на секунду задумался. — Ты мог бы с ней поцеловаться… — добавил он мечтательно. Эрн резко обернулся. Взгляд его был полон негодования.

— Ни за что! Она же уродина!

— А я бы на твоём месте поцеловался… — вздохнул Томми, печально шмыгнув носом. — Но лучше, конечно, с Роной…

— Раньше я, может, тоже поцеловался бы… Но теперь не стану. — С неожиданной серьёзностью признался Эрн. И Томми почувствовал, что в эту минуту он откровенен.

— Почему?

— Выбирать с кем поцеловаться надо так, будто тебе предстоит сделать это всего раз в жизни. Поэтому я лучше умру непоцелованным, чем стану целоваться с Хильдой.

Томми снова удивился.

— Я всегда думал, что напоследок наоборот нужно всё испытать, что можешь, по максимуму… — робко заметил он.

— Ну не с Хильдой же целоваться перед смертью!? — раздражённо пробупчал Эрн, его возмущало, как приятель может не понимать таких простых вещей, — Это ведь совсем не романтично и не красиво — целоваться с Хильдой… Это смешно… А я хочу покинуть этот мир с достоинством, — заявил он с театральным пафосом.

Томми думал, что очень много знает о болезнях. Ведь чего у него только не было! Он перенёс почти все детские инфекции, лежал в больницах, постоянно наблюдался у нескольких частных врачей, которые осыпали его маму на приёмах сложными терминами, которые он, Томми, даже иногда запоминал.

— Может, я всё-таки сумею тебе помочь? — осторожно поинтересовался он. — Попробую поставить тебе диагноз… Ты только скажи, что…

— Ты никому не растреплешь? — перебил Эрн.

— Могила… — пообещал Томми, клятвенно сложив пухленькие руки на груди. Его охватило уже, завладев им полностью, знакомое сладостное предчувствие секрета…

— Из меня гной какой-то выходит… — Эрн говорил медленно, перебирая пальцами по пачке сигарет и глядя на неё неотрывно — иногда… по ночам… Мне несколько раз уже приходилось втайне от отца застирывать свои простыни. Ещё заметит… Станет волноваться…

— Гной? — Томми изумлённо таращился на товарища. Он страдал хроническим гайморитом и не понаслышке знал, что это такое. И с серьёзным видом опытного человека, знатока, поинтересовался:

— А какого он цвета?

— Прозрачный, мне кажется, — Эрн продолжал теребить пачку, он снял с неё наружную плёнку и пустил по ветру, — Ну… или почти прозрачный. На белом почти не видно этих пятен. Просто они жёсткие, когда высыхают…

— Не. Это не гной. — Томми забавно нажал указательным пальцем на среднюю дужку очков, чтобы покрепче посадить их на переносицу. И добавил тоном специалиста. — Гной зелёный.

Тут же он начал сомневаться сам в себе и примолк. А что если гной бывает разный? У него сразу возникло множество вопросов. Они кружили возле Томминой головы, словно голодные птицы у кормушки. Каждую секунду подлетали всё новые и новые. Вдруг он действительно не всё знает о гное?

Томми деловито молчал. Он чувствовал, что Эрн на него полагается. Первый раз в жизни. И боялся его огорчить.

— Ты думаешь, я не умру? — спросил Эрн незнакомым просительным тоном.

Томми пожал плечами, ему нечего было сказать. В нём самом только что умерла маленькая иллюзия. Лекарь, оказывается, из него тоже никудышный.

4

Трубы теплопровода тянулись вдоль границы Города, словно гигантские серебряные змеи. Весна постепенно переходила в лето, растекалась, ширилась, проникая во все самые укромные тёмные и холодные уголки, словно разлитая вода. Дни стояли длинные и светлые. После уроков, досиживать которые в нагретых солнцем классах становилось уже утомительно, Эрн и Томми приходили сюда, на окраину, сидеть на трубах, пить колу и поедать сладости.

Зной делал толстые трубы тёплыми и блестящими. Здесь никто не видел их, и Томми, нарушая запреты, бывал абсолютно счастлив. Он ел насыщенные канцерогенами и аллергенами чипсы, при виде которых мама пришла бы в ужас, запивал их ядовито-зелёным лимонадом с красителями и консервантами и совершенно не думал о том, сколько это всё содержит килокалорий. Эрн сидел рядом с ним и задумчиво болтал ногами. Он сильно переменился к Томми с тех пор, как рассказал ему про гной, и даже почти не дразнил его.

За теплопроводом, свернувшимся подобно гигантскому змею в кольцо вокруг Города, за огороженным пустырём, предназначенным под застройку, далеко-далеко виднелись неровные контуры леса, а ещё дальше — за лесом — исполинские трубы городской ТЭЦ, похожие на перевёрнутые воронки. Над ними, словно над жерлами спокойных вулканов, зависали, тая, круглобокие дымные облака.

— Знаешь, что, — откусив большой кусок шоколадного кекса, Томми пережевывал слова вместе с ним, и их трудно было разобрать, — …сегодня я видел, как Хильда шла под руку с Грэдом. При этом она косилась на тебя, и в глазах у неё, кажется, было такое выражение, словно она что-то потеряла и ищет…

— Неужели? А я не заметил их… Вот и прекрасно, что она нашла себе парня. Теперь хоть от меня отстанет, — сухо сказал Эрн, покачивая банкой с остатками колы. Он смотрел куда-то вдаль, и в его удивительных глазах оттенка цветущей сирени плескалось что-то странное, нездешнее.

— Ты ничего так и не понял… — вздохнул Томми, разворачивая шоколадку. Кекс он уже съел. — Я говорю… Она так смотрела на тебя, прижимаясь к Грэду, что мне подумалось, будто Грэд — это не по-настоящему, а просто… чтобы посмотреть на твою реакцию…

— Что? — Эрн как будто только сейчас очнулся от своих раздумий, взгляд его приобрёл осмысленность, и он посмотрел на Томми.

— Ну… мне кажется… я думаю… она просто хотела посмотреть, как ты будешь себя вести, если увидишь их вместе… — пробормотал толстяк, решив, что Эрну нужны более подробные пояснения. — Она, наверное, надеялась, что ты будешь ревновать. Это значило бы…

— Что? — повторил Эрн зловеще, как будто не замечая, что Томми ещё не закончил…

На несколько мгновений над теплопроводом повисла непривычная тишина. Казалось, даже ветер утих. Кусты ивы, растущие возле труб, были неподвижны.

— Ах вот как! Значит, кто-то вздумал ставить надо мной опыты!? Да что они о себе

возомнили!? — в глубине глаз Эрна что-то сверкнуло. Недоброе. Металлическое.

Томми растерялся. Он никак не предполагал, что его товарища так оскорбит совершенно невинная по сути постановка с Грэдом. Он даже слышал, как Хильда сулила однокласснику дорогой диск с компьютерной игрой, если он согласится ходить с ней под руку весь день… Воистину, чужая душа потёмки… Эрн некоторое время напряжённо молчал. Потом глухо шлепнул растопыренной ладонью по трубе; его прелестные губки разомкнулись, чтобы выпустить на волю отвратительное ругательство. Эрн был очень зол…

Едва Томми собрался сказать что-то успокоительное, смягчающее, как позади них что-то громко ухнуло, теплопровод качнулся, сбросив их со своей тёплой гладкой спины, и пахнуло горячим ветром откуда-то издалека…

Поднявшись с земли, они обернулись как по команде. Там, далеко-далеко за лесом, рядом с воронковидной трубой ТЭЦ в небо поднимался высоченный столб густого тёмно-серого чада. Он быстро расходился в воздухе, распускался, словно огромный жуткий цветок, хищно завоёвывал небосвод, закрывая собою весь его южный край.

— Там что-то взорвалось! — воскликнул, охваченный неуёмным возбуждением зеваки Томми.

— Похоже, один из блоков ТЭЦ… — Эрн произнёс это совершенно будничным голосом, так, словно речь шла о разбитом яйце или о лопнувшей банке с солёными огурцами. Он стоял, приложив руку ко лбу, и всматривался вдаль. Странное чувство охватило его: Эрн явственно ощутил, что есть какая-то непостижимая связь между этим взрывом и им самим. Пространство вокруг представлялось ему теперь множеством сплетённых друг с другом тонких ниточек — причинно-следственных нитей, он будто видел их все внутренним взором, и одна из них, такая чёткая, что, казалось, её можно потрогать руками, протянулась от носка его потёртого кеда туда, за пустырь и лес, к линии горизонта, где клубилось чёрное ядовитое облако взрыва…

— Знаешь… что… Том… — Эрн выглядел испуганным; он даже не заметил, что впервые обратился к приятелю по имени, а не «жирный» или «сало», как он привык называть его, — Мне кажется, что я не такой, как другие…

5

Эрн сидел на деревянной кухонной табуретке, подложив под себя согнутые в коленях ноги. Дирк, молчаливый, облачённый в заношенный клетчатый передник, проворно двигался в тесном пространстве между плитой, раковиной, холодильником и столом. Результатом его усилий оказалась тарелка дымящегося картофеля с зеленью и маслом, словно по волшебству возникшая перед Эрном на немного выгоревшей клеёнке, белой в крупный алый горошек.

— Сядь нормально, — велел Дирк, мимоходом вынимая вилку из сушилки для столовых приборов и с лёгким стуком опуская её подле тарелки Эрна.

— Мне так удобнее, пап, — ответил мальчик. В кухне стоял небольшой телевизор, по которому фоном шли вечерние новости. Дирк собрался уж было привычно отчитать Эрна за упрямство и постоянные прихоти, но случайно обратил внимание на экран.

Гигантский столб густого тёмно-серого дыма. Осыпающиеся бетонные плиты. Клубящийся огонь. На замедленной съёмке всё это выглядело почти торжественно: здание вздрогнуло, точно человек, которого неожиданно тронули на плечо, в немногочисленных окнах сверкнуло алое, взвился дым, и стены начали склоняться в разные стороны, подобно ушкам вскрытой картонной коробки. Дирк прибавил звук.

— Мощный взрыв, который произошёл сегодня днём на одном из рабочих блоков

городской ТЭЦ вывел из строя систему водо- и электроснабжения во многих районах Города и унёс несколько человеческих жизней. Точное число жертв пока не сообщается. На данный момент на месте происшествия работают три бригады пожарных, обстоятельства инцидента расследуется.

Эрн задумчиво ковырялся вилкой в мягком разваренном картофеле. Его слегка мутило.

— Ты чего не ешь?

— Не хочу. Аппетита что-то нет, — Эрн отодвинул тарелку, — Кстати, пап… Я видел этот взрыв вблизи. Мы сидели с Томми на трубах, когда он произошёл.

Дирк положил себе картошки и сел за стол. Он полил исходящие паром крупные мягкие куски янтарным подсолнечным маслом. Проткнул один из них вилкой.

— Сколько раз я просил тебя не ходить туда…

Устало махнув рукой, Дирк принялся за еду. Ничего не попишешь. Подростки всегда делают по-своему.

Эрн взял стакан с морсом, который налил ему отец, и осторожно сделал глоток. С самого момента взрыва он чувствовал недомогание. У него немного кружилась голова, а руки казались непривычно лёгкими и слабыми: так обычно бывает за миг перед обмороком, кажется, что не сумеешь удержать и пушинки…

— Я пойду прилягу, — тихо сказал он отцу и слез с табуретки.

— С тобой всё в порядке? — спросил Дирк, отложив вилку и внимательно вглядываясь в лицо сына. — Ты бледен.

— Да, папа. Я просто испугался, когда упал с трубы… — Эрн стоя допил морс и вышел из кухни.

Дирк со вздохом сложил его нетронутую картошку обратно в кастрюлю. Он был обеспокоен. Раньше Эрн никогда так себя не вёл. Он был шумным и наглым, постоянно спорил, грубил, частенько употребляя в разговоре с отцом рубленые подростковые фразы вроде «отстань», «не парь мне мозг», «задолбал уже»… Таким спокойным и вежливым как сегодня Дирк видел своего сына впервые. И это его обрадовало бы, он бы решил, что ничего плохого не происходит, и мальчик просто вырос, если бы не эта болезненная голубоватая бледность и не взгляд, пугающий своей отрешённостью, открывающийся куда-то в глубину…

Эрн вошёл в свою комнату и залез на кровать. Комната, вообще говоря, была общая, и кровать в ней стояла двухэтажная. Нижний этаж занимал Дирк. Но обычно он проводил время на кухне или на работе, поэтому комната считалась владениями Эрна. Тут стояло, лежало и валялось повсюду его типичное подростковое барахлишко: вырванные из журналов развороты со знаменитостями, диски, флэшки, старый-престарый плеер-тарелка, найденный на свалке, потрёпанные учебники, планшет с треснутым защитным стеклом, видавший виды плюшевый медведь, которого в детстве Эрн брал с собой в постель, а теперь, когда изредка по настоянию отца наводил порядок в своих вещах, каждый раз отчего-то жалел и не выбрасывал — просто перекладывал с места на место…

Эрн занимал второй ярус общей кровати. Он забирался на верхний этаж по деревянной лесенке с тонкими гладко отшлифованными перекладинами.

Дирк громыхал на кухне посудой. Эрн лежал, уткнувшись подбородком в подушку, и смотрел в окно, даже отсюда видно было, как по краю неба ползёт, словно огромная неуклюжая гусеница, серое дымовое облако, как оно растягивается, смазывая краски заката… И внутри Эрна росла необъяснимая уверенность в его причастности к взрыву. Это его костёр, его дым. Эрн попробовал представить себе, что дым, стелющийся над

горизонтом, обретает осмысленные очертания. Трёх букв. Трёх букв его имени. Э. Р. Н. Три буквы написанные в небе. Три буквы, написанные дымом и кровью… Ведь там находились какие-то люди, персонал, обслуживающий рабочий блок, много людей…

Это было невероятно, но дым начал слушаться Эрна, подчиняться его мысленному приказу как змея дудочке заклинателя. Он сначала вытянулся вдоль горизонта в длинную полосу, затем она изогнулась, порвалась в нескольких местах, и вскоре три огромные буквы, отчётливые, точно выведенные первоклассником в линованной тетрадке, повисли в небе над Городом…

Э Р Н

Он вздрогнул и упал лицом в подушку.

— Господи… Господи… — шептал он, приходя в отчаяние. До него наконец-то дошло. Теперь он был в этом совершенно уверен. Он болен. Неизлечимо. И очень скоро умрёт. Сначала этот загадочный гной на простынях… Теперь вот помешательство.

«Я определённо лишился рассудка…» — думал мальчик, — «…и мне просто мерещатся буквы в небе, ведь не может же быть, чтобы я их написал… Это невозможно!»

6

После несчастья с Аль-Марой, Кирочка старалась ни с кем больше не сближаться.

— Вот об этом я и предупреждала вас, лейтенант Лунь, — говорила ей, печально качая своей всегда безупречной головой в венке толстых седых кос, полковник Айна Мерроуз, — привязанности ослабляют нас, делают уязвимыми для чьих-то слов и поступков, несчастными или счастливыми в зависимости от чьих-то действий… Они лишают нас собственной воли.

Кирочка вышла на балкон. Она снимала квартиру в элитном секторе недалеко от Центра. Облокотившись на сплошное бетонное перекрытие, она закурила и принялась смотреть вдаль. Отсюда, с сорок первого этажа Город был виден весь почти, как на ладони, и пятиконечная звезда расходящихся от Вокзала Прощаний железнодорожных колей, и купола Собора Истинной Веры, и парк Первых Свиданий с тенистыми клёнами и вечно холодными мраморными статуями… Взгляд Кирочки блуждал спокойно, без напряжения плыл над Городом… Она курила, и дым папиросы тянулся тонкой струйкой вверх, ветер играл им, точно развязавшейся капроновой лентой.

Внимание Кирочки привлекло нечто необычное. Она смотрела на горизонт; в Городе его ровная полукруглая линия всегда ощерена неровными зубами высоток — точно челюсть акулы; там, вдалеке, где обычно всегда спокойно курились гигантские трубы ТЭЦ, теперь низко повисли густые тёмно-серые дымовые облака. Они приобрели, наверно, по прихоти ветра, такую удивительную форму. Кирочка стояла и, защитив глаза ладонью от света, глядела вдаль. В небе над горизонтом можно было прочесть имя.

Э Р Н

7

Томми, как обычно, ждал Эрна на парковке около гипермаркета «ЕстьВсё». Отсюда было рукой подать и до границы жилого квартала, где пролегали излюбленные ими трубы теплотрассы, и до парка, и до кирпичного дома-точки, в котором почти всегда был открыт настежь люк для выхода на крышу, где Эрн любил сидеть на широком карнизе, свесив ноги

вниз, а Томми всегда стоял поодаль, не решаясь подойти к краю… Поэтому встречаться именно здесь, у гипермаркета, было очень удобно.

Томми стоял и, щурясь от солнца, всматривался в дымку тёплого летнего дня над перекрёстком, откуда должен был появиться Эрн, тоненький, в футболке слегка большей по размеру, чем нужно, в бледно-голубых джинсах с потёртостями на коленях и лёгким клёшем. Эрн задерживался. Томми со вздохом опустился на поребрик и, раскрыв дутый, сверкающий зеркальной изнанкой пакет, принялся за чипсы.

— Хомячишь? — Он обернулся, услышав знакомый чуть насмешливый голос.

— Ты откуда появился? — сконфуженно спросил Томми, — Я что-то тебя не видел…

— Протри очки, — сказал Эрн, — присаживаясь на разогретый асфальт рядом с приятелем, — я на трубах был.

— Один? Что ты там делал?

— Думал. — Эрн подобрал небольшой камушек и подбросил его на ладони, — мне нужно теперь очень много думать…

Он замолчал, разглядывая камушек.

— В каждом предмете, толстый, содержится огромное количество информации. Так много, что с ума сойти… Взять, вот, к примеру, этот камень: его цвет, гляди, он ведь весь неоднородный; форму — ты видишь? — на его поверхности бесконечное количество неровностей, их все невозможно запомнить, даже если битый час пялиться на него; вещества, из которых он состоит… Можно целую книгу написать про один такой камень, но никому ведь дела нет до него, он лежит себе и лежит, я его вот сейчас возьму и брошу, и чёрт с ним. А таких камней миллионы, и деревьев миллионы, и облаков. Мы проходим мимо всего этого и видим только самую малость, только обложку этой книги, которую можно написать про любой предмет, потому что мы слишком быстро на всё смотрим, мы спешим. Взглянули, ухватили самую главную идею — это камень! — и пошли дальше… Ну, всё… — Эрн в последний раз взглянул на камушек и выбросил его. — Довольно философии. Я колы хочу.

Они поднялись и направились ко входу в супермаркет. Пройдя через стеклянные двери, которые распахивались сами при приближении людей, они оказались в просторном торговом зале. Пол здесь выложен был скользким кремовым кафелем, на котором нигде не было ни соринки, ни пятнышка; огромные ящики с отборными овощами и фруктами были украшены гирляндами искусственных листьев; ряды бутылок и упаковок на стеллажах стояли настолько ровно, что можно было подумать, будто к ним никто никогда не прикасается.

Проходя по ряду с фруктовыми соками в картонных коробках, вглубь, к тихонько гудящему холодильнику с газировкой, Томми сказал:

— По телеку иногда крутят рекламу, может, видел: мужик приходит в магазин за соком, становится напротив стеллажа, выбирает. Ну… часть соков стоит спокойно, типа это обычные соки, соки конкурентов, то бишь. А коробки с тем соком, который рекламируют, ни с того ни с сего начинают пухнуть и лопаться, как шарики надувные, и из них прямо на мужика этого сыплются фрукты: яблоки апельсины, ягоды разные — ну то, из чего сок делается… Якобы он такой свежий и натуральный!

— Смешно, — согласился Эрн, — в рекламе часто чушь всякую несусветную показывают. Хотел бы я посмотреть на того мужика, если бы с ним такое на самом деле случилось. Он от этого сока наверняка как от огня побежал бы, а не стоял столбом, держа в

руках коробочку и улыбаясь как идиот на камеру…

Мальчики дошли до лимонадов, взяли колу в блестящих алюминиевых банках, таких холодных, что они быстро покрылись седым налётом из микроскопических капелек, и преспокойно отправились на кассу. Вдруг позади них раздался хлопок. Потом ещё один. И ещё. Взвизгнула женщина, резко, остро — точно гвоздем по стеклу, раздался дробный стук каблучков по кафельному полу. До Томми и Эрна донеслось несколько крепких словечек, произнесённых испуганным мужским голосом. Потом тяжёлый топот мужских ботинок. Хлопки не прекращались, они раздавались с частотой примерно раз в пятнадцать секунд, и к ним добавился стук чего-то упругого, падающего на пол с высоты. Из прохода с фруктовыми соками в панике выбежало несколько человек.

— Пошли посмотрим, что там случилось! — Эрн потянул приятеля за рукав.

— Я боюсь… — сказал Томми, — Вряд ли что-то приятное, раз они так бегут…

— Да брось ты, самое интересное в жизни можно пропустить, если всего бояться. Идём!

По мере того, как они приближались к сокам, хлопки становились всё громче, а навстречу им по кафельному полу катились фрукты: яблоки, апельсины, персики…

— О, Господи! — воскликнул, заглядывая в проход, Эрн.

Зрелище, представшее перед его глазами, было одновременно и завораживающим, и жутким. Стоящие на полках пачки с соками спонтанно начинали набухать, раздуваться, дрожать и подпрыгивать на месте, точно приготовляющийся попкорн; они выпячивали вперёд картонные стенки так, как будто неведомая сила распирала их изнутри, а потом, достигнув предела своей прочности, с громкими хлопками лопались, и на пол потоками сыпались из них зелёные яблоки, круглые золотистые апельсины, глянцевые помидоры… Ударяясь об кафель они иногда разбивались, разбрызгивая повсюду ароматный сок, подпрыгивали словно мячики, катились по проходу…

— Бежим! — вскричал Эрн, когда его внезапно обдало фонтаном зрелой крупной вишни из очередной лопнувшей упаковки.

— Что ещё здесь такое?! — из соседнего прохода вынырнула дородная дама в белой блузке с косыночкой под воротником и с бейджем на груди — смотритель торгового зала. При виде отборных фруктов, бьющих струями в буквальном смысле ниоткуда, глаза её стали совершенно круглыми.

— Охрана! — тут же завопила она и зачем-то попыталась схватить Эрна. К счастью, ему удалось увернуться. А Томми уже топотал мимо стеллажей с макаронами к выходу, громко сопя и потрясая мягкими боками. Они перепрыгнули через заграждение неработающей кассы и бежали не оглядываясь по улице до тех пор, пока гипермаркет не остался далеко позади. Тогда только Томми, тяжко мучаясь одышкой, упал на четвереньки прямо на асфальт, и долго приходил в себя, вытирая пот со лба, фыркая, хватая воздух и носом и ртом одновременно.

8

Магистр Белой Луны с каждым днем всё сильнее увлекался своей идеей переустройства мира. Теперь это уже начало беспокоить Ниоба, который каждое утро, принося Магистру кофе, обнаруживал его уже на ногах, беспокойно расхаживающим туда-сюда по комнате и бормочущим что-то себе под нос, хотя прежде Магистр был знатным любителем поваляться в постели, и поднимался почти всегда не раньше полудня.

— А, это ты, Ниоб… — рассеянно произносил Друбенс; он замечал Ученика не сразу, а заметив, присматривался к нему необыкновенно долго, словно его сознание подобно

старому компьютеру не в силах было мгновенно загрузить привычную реальность, — Поставь кофе на стол и иди…

— Слушаюсь… — Едва заметная озабоченная морщинка собиралась у Ниоба между бровями, и он уходил, мягко притворяя дверь.

Магистр Белой Луны почти не спал. Старческая бессонница терзала его теперь постоянно. А в те короткие промежутки, когда он всё-таки задрёмывал, некстати, как правило, за столом, в кресле или в машине, ему снился один и тот же странный бессодержательный сон: мелкий белый песок, тёплый, сухой; белое небо, нескончаемая вереница ажурных вышек, провода; и он, Магистр Друбенс, идёт куда-то под этими проводами, то ли в Город, который должен быть там, впереди, но Магистр в этом не слишком уверен; то ли к морю, которое тоже, как кажется Магистру, вот-вот заблестит тонким стальным лезвием у линии горизонта, но его всё нет; то ли ещё куда-то… И всегда цель такая зыбкая, невнятная, постоянно меняющаяся…

Странности старика становились заметнее с каждым днём; теперь даже старые друзья Магистра: толстяк Курб, Теодор, Эрин, Магистр Голубой Грозы — напрягались и обеспокоенно переглядывались, когда он заводил разговор о Пришествии и грядущем Информационном перерождении цивилизации; верный Ниоб, разумеется, никому не давал никаких комментариев, он вообще говорить не любил, и каждое выжатое из него слово было дорого, точно капля эфирного масла; но Ехира! — она попросту не умела держать язык за зубами и, несмотря на данное Магистру слово и даже на особое закрепляющее тайну заклинание, умудрилась проболтаться Эрин о том, что уже около десяти лет Роберто Друбенс ищет Исполнителя Желаний среди городских подростков…

— Не сошёл ли он с ума? Иногда мне так кажется… — говорила Ехира, изящно прихлёбывая из воронковидного бокала на высокой ножке вермут с содовой и долькой лайма, — …я, наверное, уже успела показать ему всех школьников Города, которым в этом году от четырнадцати до шестнадцати, я целыми днями выслеживаю их по дворам и на футбольном поле; на меня уже смотрят странно; директор одной школы даже уже запомнил, что совсем некстати; я стою после уроков чуть поодаль, чтобы не привлекать внимание, ребята бегут мимо, а он тут подходит ко мне этак бочком и говорит вкрадчиво, мол, вам тут, дамочка, делать нечего, вы не родитель ничей, не сотрудник коллектива, будьте добры, покиньте территорию…

Эрин слушала очень внимательно, не перебивала и почти не шевелилась, сидя рядом с Ехирой на высоком барном стуле с тлеющей тонкой папиросой между пальцами, потом решилась всё-таки спросить:

— Что, собственно, нужно Друбенсу от этого мальчика? Что он собирается делать, если найдёт его?

Услышав всю эту историю, Магистр Голубой Грозы сразу подумала о своём сыне, которого ей пришлось оставить — ему как раз в этом году в пору весенних дождей стукнуло четырнадцать — и захотела во что бы то ни стало выяснить, не грозит ли ему опасность.

— Понятия не имею! — Ехира, оправляя ультра-короткую чёрную юбку, поёрзала на барном стуле, потом, слегка приглушив голос, чтобы не слышали официанты, добавила, — он планирует то ли обучать его, то ли управлять им; великое благо всему человечеству благодаря ему устроить.

— А если Исполнитель Желаний сам захочет делать своё благо для человечества? — поинтересовалась Эрин, сминая окурок в пепельнице.

Ехира, сидящая нога на ногу, поменяла «верхнюю» и «нижнюю» ногу местами.

— На мой взгляд, все последние идеи старика — сумасбродство какое-то… У него ещё статуэтка имеется чёрная — Друбенс даже прикасаться к ней не даёт, так дорожит, из своих рук показывает — мальчик с флейтой… — Ехира изящно махнула рукой. Невесомый газовый рукав качнул воздух, и до Эрин донёсся аромат духов. — Всему приходит конец. В прошлом Друбенс был великим Магистром, никто не будет это отрицать. Но время его, я боюсь, уже прошло…

9

— Это что ещё? Неужели неисправность?

Кирочка удивлённо смотрела на экран, расположенный на передней панели служебного автомобиля. На нём отображались данные с прибора-регистратора аномальной активности. Она уже успела привыкнуть к каждодневной ровной, как пульс мертвеца, с незначительными фоновыми подёргиваниями линии. А что теперь? Узкий, как игла, пик. И такой высокий, что на его амплитуду не хватало высоты экрана.

Взяв с переднего сидения автомобиля свой карманный компьютер, который гордо ездил на нём, точно пассажир, Кирочка набрала сообщение Биллу.

л. Лунь: Напомни, Крайст, сколько мэг цена деления прибора в машине?

л. Крайст: В режиме ожидания — десять, в режиме наблюдения — сто, в критическом режиме — тысяча.

л. Лунь: У меня пик такой, что не хватает экрана…

л. Крайст: Так ты переключись на другой режим, он ведь наверняка на десятке сейчас стоит…

Кирочка нажала кнопку переключателя. Экран мигнул, но вершина пика по-прежнему не появилась.

л. Лунь: Ничего не выходит.

л. Крайст: Что за чёрт… Ну, попробуй тогда переключиться в критический режим.

Кирочка снова нажала кнопку. На панели управления прибора вверху загорелась маленькая красная лампочка — предупредительный сигнал. Но пик по-прежнему необозримо уходил вверх, за границу экрана.

л. Лунь: Не вижу вершины.

л. Крайст: Да быть этого не может! За всё время службы я больше трёх-четырёх тысяч не видел ни разу. А у тебя там, судя по всему, больше двадцати… Либо прибор не исправен, либо…

л. Лунь: Либо — что?

л. Крайст: Не знаю. Съезди — посмотри.

Кирочка нажала на кнопку спутникового локатора. Красная стрелка моментально вычертила на экране маршрут, и через несколько минут служебный автомобиль находился уже неподалёку от супермаркета «ЕстьВсё».

Выйдя из машины, Кирочка внимательно огляделась и, не обнаружив ничего особенного, зашла внутрь. Стеклянные двери сомкнулись за ней. В проходе с фруктовыми соками уборщицы торопливо вытирали пол. Швабры их оставляли широкие яркие разводы.

— Что здесь произошло? — спросила Кирочка у одной из уборщиц; её ручной регистратор, замаскированный под большую брошь, показывал незначительную остаточную активность.

— Хулиганы какие-то сок разлили, — нехотя ответила уборщица.

Кирочку это простенькое объяснение не удовлетворило; она обратила внимание на странным образом изуродованные упаковки, валявшиеся на полу. Они были разлохмачены так, словно их взрывали, опуская внутрь мощные петарды.

— Ничего себе… — пробормотала она. — Разлили…

Вернувшись к машине, она снова включила регистратор. Пик пропал. Даже в режиме ожидания прибор показывал, как обычно, только незначительные всплески фоновой активности; зелёная ниточка дёргалась вблизи нуля, иногда слегка выгибаясь вверх.

— Будем пока считать, что тебя взглючило… — дружелюбно обратилась Кирочка к регистратору, это от Аль-Мары она переняла дурацкую привычку разговаривать с техникой, — …едем дальше. И она отправилась патрулировать улицы.

10

Мальчишки быстро пересекали парк.

— Давай присядем, у меня голова что-то кружится, — сказал Эрн.

Он был очень бледен и чувствовал постепенно нарастающую слабость во всём теле, почти такую же, как и несколько дней назад, после взрыва на ТЭЦ. Томми тоже не прочь был отдохнуть; он до сих пор не до конца оправился после побега из гипермаркета. Они сели на парковую скамейку. Эрн в изнеможении откинулся на спинку и запрокинул голову. Тоненькая жилка быстро-быстро дёргалась на сливочно-нежной шее.

— Томми… — выдохнул он, — …а Томми? Скажи, ты тоже это видел? Потоки фруктов, которые валились невесть откуда?

Томми кивнул.

— Значит, что я всё-таки не сумасшедший… Но тогда что это всё означает? Кто я, Томми? Боже мой… Кто я?..

Эрн почувствовал на себе взгляд приятеля и встретился с ним глазами. Томми смотрел на него неотрывно, подозрительно, но молчал.

— Ты думаешь, сегодняшнее происшествие в гипере как-то связано со мной, да, Томми? — спросил Эрн с ужасом и надеждой.

Приятель молчал. И молчание это было жутким: недоверчивым, чужим. А в глубине глаз Томми промелькнул, всего на миг — но Эрн заметил, и это привело его в отчаяние — страх, самый настоящий, такой, какой всегда испытывают люди, сталкиваясь с неведомым и смертоносным. С этого момента Томми перестал — Эрн был в этом абсолютно уверен — быть его другом; теперь он его боялся…

— Я не знаю… — еле-еле выдавил из себя Томми. — Мне домой, кажется, уже пора. Меня ненадолго отпустили.

Он повернулся и, шурша кроссовками по крупному песку, непривычно быстро зашагал прочь.

Эрн уткнулся лицом в коленки и заплакал. Ему больше ничего не оставалось… Он всхлипывал, тёр свои прекрасные глаза футболкой, длинные ресницы его слиплись, хорошенькое личико покраснело… В его слезах было заключено всё безнадёжное отчаяние существа, разом лишившегося всех своих прежних представлений о мире и о себе самом.

И в этот сложный переломный момент жизни Эрн неожиданно ощутил нежное прикосновение чьей-то руки к его затылку. Сперва он решил, что это вернулся Томми, но потом понял, что рука женская. Другой мальчик не способен был бы прикоснуться так удивительно тепло и мягко, обволакивающе ласково…

Он поднял глаза. Около скамейки стояла очень красивая женщина. Блондинка. Она

смотрела на него одновременно и встревоженно, и радостно. Потом снова погладила по голове. И никогда ещё не было в жизни Эрна ничего приятнее этого прикосновения.

— Не плачь, милый, — сказала блондинка, — и ничего не бойся. Всё хорошо. Я твоя мама…

11

— Есть ли хоть одна причина, по которой я должен вам верить? Это какие-то небылицы… — сказал Эрн, выслушав рассказ своей матери, Магистра Голубой Грозы, о некрасивом грузчике из гипермаркета и девушке, появляющейся из ливня, о корзине, оставленной на подоконнике двенадцатого этажа, и о Тайне, которая все эти годы не позволяла Эрин видеться со своим сыном.

— Ты можешь спросить об этом у своего отца… — ответила она.

— Не думаю. Он всегда говорил, что моя мама растаяла, растворилась в дожде… Ведь растаяла лучше, чем бросила… Правда?

— Я не бросала тебя, сынок, пойми… Пока ты был маленький, я часто приходила поглядеть, как ты спишь на балконе в коляске, просто мне нельзя было показываться тебе на глаза, — Эрин присела на лавочку рядом с Эрном и обняла его за плечи, — таков закон Круглого Стола, и не в наших силах изменить его. Зато теперь, когда проявилась твоя Сила, мы с тобой сможем наверстать упущенное…

— Вряд ли, — сказал Эрн грустно и поднялся со скамьи, — это же вчерашний день искать… Ты что, мама, сумеешь подарить мне воздушные шарики на тот день рождения, когда мне исполнилось три года? Или отведёшь меня пятилетнего в зоопарк? Или посетишь то родительское собрание в прошлом году, на котором всем показывали мой неприличный рисунок? У Томми всегда была мама. Она у него была зануда, столько всего запрещала и никогда не пускала никуда, но она каждый день целовала его перед сном и делала ему на завтрак сырники. И я всю жизнь ему завидовал, понимаешь?

Эрин опечалилась. Разумеется, она не надеялась, что повзрослевший сын сразу бросится в её объятия, но и такого решительного отпора она не ожидала.

— Ты прав, Эрн, — сказала она упавшим голосом, — вчерашний день мы, конечно, не найдём, это ещё никому не удавалось… Но мы можем начать всё с начала…

Эрн ничего не отвечал. Он стоял возле скамейки, и, опустив голову, чертил носком кеда на песке полукруглую линию.

— Дело ведь не только во мне, — прервал он затянувшуюся паузу, — но и в отце… Думаешь, он не тосковал? Ведь ему, наверное, тоже нужна была любящая жена, а не призрак, который то ли был, то ли приснился… Помню, ещё совсем ребёнком я хотел вызвать папе жену по телефону. Я увидел на столбе объявление «Жена на час. Приятные услуги одинокому мужчине». И позвонил по указанному номеру. Я сказал, что нужно прийти по такому-то адресу, подмести полы, помыть посуду и приготовить ужин… Но они почему-то трубку бросили, заказов, наверное, много было, сорвалось…

Эрин не могла не улыбнуться, выслушав эту трогательную историю.

— Ничего смешного, — процедил Эрн сквозь зубы и снова принялся рассматривать носок своего кеда.

— Я понимаю твои чувства, — говорила Эрин, глядя не него снизу вверх, — тебе нелегко после стольких лет разлуки сразу простить меня и принять в своё сердце… Я и не прошу об этом. Но позволь мне хотя бы иногда помогать тебе…

Эрн поднял взгляд от кеда, быстрым движением убрал чёлку, упавшую на лоб, и сказал

сухо:

— Мне не нужна помощь.

— Ты ошибаешься, сынок! — воскликнула Эрин в волнении и вскочила со скамьи, — Ты ещё ничего не знаешь о том мире, в тайну существования которого посвящает тебя Сила! Тебе угрожает опасность, Эрн… За тобой охотится один их самых могущественных колдунов…

— Я не маленький, чтобы мне можно было так легко заморочить голову, — вставил Эрн, не дослушав, в его голосе чувствовалось раздражение, — магия — это выдумки…

— Не веришь? — Эрин приблизилась к нему на шаг, глаза её возбужденно сверкали, — что же… Тогда я тебе сейчас кое-что продемонстрирую… — она быстро взглянула на небо, ясное, светло-голубое, без единого облачка, — прогноз погоды не обещает грозу?

— Да нет, вроде… — ответил Эрн немного удивлённо.

— А она уже начинается! Смотри! — воскликнула Эрин. В тот же миг она резко подняла обе руки вверх, растопырив пальцы так, точно хотела нажать на небо и что-то из него выдавить; широкие рукава блузки упали до локтей; Эрну показалось, что от рук матери исходит слабое серебристое сияние. А потом стремительно налетел ветер. Он был такой сильный, что обрывал свежие сочные листья, он полз по улицам, сметая всё своим тяжёлым брюхом, стелился по траве; поля и газоны ходили ходуном, точно варево в кипящем котле. Густо-серые тучи распускались в небе, точно огромные хищные цветы, они теснились, сминая друг друга, и в Городе становилось всё темнее с каждой минутой… И вдруг ударила молния. Она была такая яркая, что на миг стало больно глазам, шагах в пятидесяти с громким треском сломалось дерево, его развороченный ствол задымился, — после недолгого затишья страшно зарычал гром… Молнии падали с неба, серебряными кинжалами вонзаясь в зелёное тесто древесных крон, трещали громовые раскаты; а потом всё резко стихло, как будто затаилось, и из глубины парка послышался быстро приближающийся шелестящий шум ливня; он обрушился на Город, внезапный, тёплый, густой и обильный, как душ…

— Ну что, теперь ты веришь мне? — кричала Эрин вдогонку сыну сквозь шипение падающей воды. Они бежали по парковой дорожке, накрывая руками головы… Их одежда намокла так, словно их обоих окатили из ведра.

— Даже не знаю, что сказать, мамочка, — ответил Эрн чуть язвительно, — Круто… Но неплохо было бы и зонтик наколдовать… Так, заодно…

— Наколдуй, — сказала Эрин спокойно, — ты и сам это можешь сделать.

— Как?

— Просто. Ты начни думать о зонтике, думать изо всех сил, представлять его, какой ты хочешь цвет, размер… Предельно конкретно представлять… Неточность формулировки — это единственное, что может помешать Желанию осуществиться…

Для деловитости, должно быть, заложив руки в промокшие карманы, Эрн выпрямился, напрягся, даже зажмурился от усердия, и уже через несколько мгновений в небе над парком появились сотни разноцветных зонтов разной величины; они парили над землёй и плавно опускались на газоны, словно летучие семена одуванчика.

— Я же сказала предельно конкретно! — негодующе воскликнула Эрин, поймав белый кружевной зонтик от солнца. А на тропинку в двух шагах благополучно спикировал огромный, метра два в диаметре, голубой зонт для лотка с мороженым.

— Зато всем хватит… — сконфуженно пробормотал Эрн. По газонам носились какие-то промокшие обыватели, и, ошарашенно оглядываясь по сторонам, ловили превосходные

бесплатные зонты.

— Уважаемые граждане, сохраняйте спокойствие. Проводится благотворительная акция международного коммерческого фонда «Будущее», наш девиз: «Сохрани себя для завтрашнего дня, зонт — в подарок каждому!»

Эрин обернулась на голос. Он принадлежал молодому мужчине в элегантном костюме, стоящему на парковой дорожке шагах в двадцати от них.

— Это серый, беги… — быстро шепнула она Эрну, крепко сжав его тоненькое запястье, — Беги, ничего не спрашивай, всё будет хорошо…

Спорить было некогда. Да Эрн и не собирался: происходящее окончательно сбило его с толку, и, напугав, и восхитив одновременно; он давно уже мечтал оказаться дома, в комнате, обклеенной календарями и плакатами, забраться к себе на второй ярус, лечь, уткнувшись подбородком в подушку, и думать, думать, думать…

Он послушно кивнул, и, махнув наискосок через газон, тотчас скрылся в кустах.

— Добрый день, — красивый синеглазый мужчина, подошедший к Эрин почти вплотную и заслонивший её собою от идущих мимо, вполне дружелюбно улыбался, — лейтенант Крайст, Особое Подразделение, вы задержаны по подозрению в намеренном нанесении вреда благоприятным для граждан погодным условиям с помощью колдовства, а так же в незаконном распространении по воздуху предметов, имеющих материальную ценность и представляющих опасность в случае падения. Надеть на вас наручники или вы проследуете со мной добровольно?

— С вами? — взглянув на него с кокетливой насмешкой спросила Эрин; это была её любимая тактика общения с «серыми» офицерами противоположного пола, — да хоть на край света!

— Ну, зачем же так далеко, — Билл миролюбиво улыбнулся и, деликатно подхватив Эрин под руку, направился к машине.

глава 2

1

Эрн четыре дня не выходил из дома под предлогом, что простудился и чувствует себя плохо. Он почти ничего не ел, не слезал со своего верхнего яруса и, не переставая, думал о блондинке, которая назвалась его мамой, о грозе, о зонтиках и о теплоцентрали. А на пятый день ему сильно захотелось колы. На улице стоял яркий, душный зной и очень кстати оказалась бы газировка, холодная, колючая, студящая и щекочущая изнутри.

Порывшись в ящике стола, Эрн извлёк оттуда мелочь, надел кеды и отправился в гипермаркет. Стеклянные двери раздвинулись, и на Эрна пахнуло приятной прохладой от кондиционеров. Огромный магазин был почти пуст, только одна женщина стояла над холодильниками с мороженым. В самые жаркие часы люди предпочитали отсиживаться в домах и офисах с климат-контролем.

Эрн взял несколько ледяных потеющих банок и, задрав футболку на животе и держа её за край, положил в неё банки точно в мешок. Направляясь к кассе, он заметил, что женщина у мороженого следит за ним.

Эрн испугался. Ещё никогда в жизни ему не приходилось становиться жертвой чьей-то охоты, смысла которой он не понимал, но теперь он неожиданно почувствовал себя в этом состоянии. Возможно, если б не предупреждение Эрин, он не обратил бы на женщину у мороженого никакого внимания. Но его интуиция, ощутимо обострившаяся в последнее время, подсказывала ему, невнятно, тревожно, что нужно сматываться; он пока не научился как следует толковать её сигналы… Женщина смотрела на него так, что он и спиной чувствовал взгляд.

То была Ехира. Она не искала в данный момент никого. Ей просто повезло. Вздумалось немного охладиться, и она зашла в супермаркет за мороженым.

Эрн, конечно же, не знал, что страх мага, точно так же как и его гнев, может вызвать спонтанный выброс магической энергии, особенно тогда, когда маг не умеет контролировать свою Силу, а Эрн этого, разумеется, не умел; он вообще ничего о Силе не знал и порой даже сомневался в её существовании, полагая, что всё случившееся с ним вполне может оказаться чередою вздорных совпадений.

Ехира, краем глаза продолжая наблюдать за юным магом, сделала вид, что переходит к другому стеллажу для того, чтобы посмотреть товары; она надеялась, как будто невзначай оказаться поближе к Эрну.

Он испугался. Сильно. За его спиной с грохотом упало несколько стеллажей, из молочного отдела выбрела большая корова с цветком во рту и с подойником на роге, заверещала кассирша, распорол воздух оглушительный свисток охранника.

Эрн бросился бежать. Ехира метнулась следом, на ходу скинув неудобные, но красивые туфли на тонких каблуках.

Эрн перемахнул через заграждение кассы, стремглав пронёсся мимо охранника, резко отпрянув в сторону, когда тот сделал движение, чтобы схватить его.

Вот и стеклянная дверь! Вот и спасение! Если она окажется заблокированной, то он её выбьет… Эрн уже мысленно решился на это.

Тонированные двери бесшумно раскрылись, в глаза Эрну ударил белый зной. На фоне

его чернела прямо перед ним высокая фигура. Не успев затормозить, Эрн крепко столкнулся с нею, а, подняв глаза, остолбенел — ведь это была ОНА — девушка, лицо которой он видел мельком в одном из выпусков новостей и невзначай запомнил…

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Птичка поймана, — сказала Кирочка с улыбкой, она быстро взглянула на портативный регистратор, и, не теряя ни одной драгоценной секунды оцепенения Эрна, ловко схватила его за запястье.

Преследовавшая мальчишку Ехира, заметив Кирочку, мгновенно остановилась, развернулась и побежала в обратную сторону. Краем глаза Эрн заметил, как она угодила в лапы охраннику, через секунду послышалось, как она заверещала, пытаясь от него вырваться:

— Вы не имеете права! Вы порвали мне блузку! Аааа!

Девушка с экрана тем временем представилась:

— Лейтенант Лунь, Особое Подразделение, вам придётся проследовать со мной, мой юный друг.

Эрн снова поднял на неё свои большие ясные глаза, и они оказались так неописуемо прекрасны, что Кирочка едва не выпустила Эрна — словно внезапный удар обрушилась на неё красота… Эти глаза были редкого аметистового цвета, прозрачного и глубокого, точно фиолетовая вода в чистых фьордах далёких неведомых миров; а обрамляющие их ресницы обладали необыкновенной конфигурацией — не все они были одной длины — точно узкие пёрышки или остроконечные лепестки, слегка загибаясь, вытягивались вверх на небольшом расстоянии друг от друга тоненькие пучки их, что выросли чуть длиннее остальных ресниц. Прежде Кирочке доводилось любоваться чем-то подобным только в магазине косметики, где она недолгое время работала — там всевозможные ресницы лежали под стеклом, разложенные на специальных подушечках, среди них встречалось порой и нечто совсем экзотическое — Кирочка иногда даже сожалела, что такое великолепие не способно произрастать на веках живых людей… Ей вспомнилось, как она думала об этом в шутку, представляя себе разные глаза с фантазийными ресницами просто чтобы не скучать у прилавка… А теперь. Эти глаза смотрели на неё. Удивлённо. Недоверчиво. Недовольно.

— Пустите меня, сказал Эрн, рванув руку, — я никуда не пойду с вами. Вы не имеете права.

Кирочка мгновенно опомнилась и усилила захват.

— Ещё как имею, — сказала она всё с той же приветливой улыбкой, — Вы задержаны до выяснения обстоятельств…

2

— Подозрительный мальчуган попался мне сегодня в гипермаркете на перекрёстке проспекта Несбывшихся Желаний и улицы Весенней, — говорила Магистру Ехира, задумчиво перебирая миниатюрной серебряной ложечкой в травяном настое, — Может, конечно, мне с непривычки так показалось, в последнее время мы натыкались на одни пустышки, но Сила у него… Огромная, просто невероятная… Наверное, как у вас Магистр или даже… — Ехира замялась, — или даже больше!

— Вряд ли это возможно, — нахмурившись, сказал Магистр, вид у него сделался мрачный, — Ядро никак не может быть мощнее Силы, накопленной за четыре сотни лет!

— Он едва не разнёс гипермаркет, случайно, просто от испуга, — продолжала Ехира, — стоя неподалёку, я почувствовала поток энергии, исходящий от него…

— Почему же ты не доставила его ко мне? — голос Магистра звучал раздражённо.

— Серые меня опередили, — созналась, глядя в чашку, Ехира, — его поймала какая-то девка; глупо получилось, он убегал от меня и попался ей, прямо в руки, можно сказать, прыгнул…

— Растяпа, — сказал Магистр.

Ниоб, беззвучно вплыв в гостиную, расставил на чайном столике шоколадные пирожные в изящных квадратных блюдцах, и Роберто Друбенс, решительно придвинув к себе одно из них, сразу успокоился и даже приободрился.

— Сладкое — лекарство от всех печалей, — пробормотал он, втыкая десертную вилочку в мягкий сочный бисквит. Глаза его горели от предвкушения удовольствия.

Поправив цветы в стоящей на столе вазе и кружевные салфетки под блюдцами, Ниоб собирался уже уходить, но Магистр Белой Луны неожиданно обратился к нему:

— Ты слышал, что сказала Ехира?

— Да, учитель, — покорно застыв на месте, отозвался Ниоб.

— Что ты обо всём этом думаешь?

Если его не спрашивали, Ниоб никогда не выражал своего мнения; он вообще не любил этого делать и не спешил высказываться, даже если его мнением настойчиво интересовались, поэтому очень многие полагали, что Ниоб глуп, и собственного мнения у него попросту нет.

— Не переживайте, Магистр, когда пророчество исполнится вы окажетесь в нужном месте и в нужное время, — ответил он уклончиво и улыбнулся так, будто ему одному известно было нечто недоступное остальным; когда от него ждали конкретных ответов на конкретные вопросы, он всегда улыбался подобным образом, — Я могу идти? В духовке утка, Магистр, и я боюсь, что мясо слишком сильно подсохнет…

— Ну конечно же… Иди… — промычал Друбенс, жуя пирожное. Он был не особенно доволен данным ему ответом, но понимал, что большего от Ниоба ждать не стоит, — и не забудь приготовить мой любимый яичный соус.

3

У Кирочки теперь был собственный кабинет в Управлении, к сожалению, не особенно просторный и светлый, но она сумела создать в нём своеобразный уют. Стол она установила в самом центре этого небольшого квадратного помещения, куда свет попадал сквозь единственное маленькое окошко под потолком, закрытое витражом из синего стекла; стены и потолок Кирочка выкрасила бледно-голубой краской, отчего при дневном свете кабинет становился похож на аквариум, заполненный водой.

Около стола стояло два кожаных кресла, как обычно, для Кирочки и для одного гостя, а у стены стоял небольшой диванчик, чтобы в случае необходимости можно было прилечь отдохнуть или даже поспать. В планах у Кирочки было в дополнение нарисовать на стенах водоросли и экзотических рыб, но всё никак не доходили руки.

— Прошу… — сказала она Эрну, указывая ему на кресло у стола.

Сама она с удовольствием уселась в своё собственное, напротив, откинулась на спинку и ожидающе взглянула на задержанного.

— Ну-с… Начнём… — Кирочка выдвинула ящик стола, извлекла оттуда форменную фуражку и для пущей солидности надела её. Придвинув пепельницу поближе, она закурила.

Дым плыл в аквариумной синеве кабинета, и это было очень эффектно.

— Ваше полное имя? — спросила Кирочка, не поднимая на Эрна глаз от распластанного на столе блокнота; она до сих пор не могла никак привыкнуть к его красоте

и всякий раз напарывалась на неё взглядом как на крутой обрыв, внезапно выросшую из земли стену или дуло пистолета, направленного прямо в лицо.

— По какой причине я должен вам его называть? Я имею право хранить молчание до тех пор, пока не появится мой адвокат… — враждебно процедил Эрн, цитируя героев детективного сериала, который смотрел по телевизору, он надеялся, что это придаст ему уверенности в себе и попутно убедит Кирочку в том, что юридически он достаточно подкован для того, чтобы не угодить за решётку зря, — И, вообще, может, скажете, в чём меня обвиняют? Вы ведь из полиции?

— Не совсем, — выдохнув дым и шевельнув тем самым его невесомую завесу, ответила Кирочка, — мы Особое Подразделение по надзору за сверхъестественным. А вы оказались здесь потому, что являетесь колдуном…

— Так значит это всё-таки правда… — прошептал Эрн как будто бы самому себе. Потом взглянул на Кирочку. Она нетерпеливо мотала карандашом, зажатым между пальцами. Эрн какое-то время смотрел на неё неотрывно, разглядывал, изучал, и от этого ей стало немного не по себе.

— Я точно видел вас раньше, — сказал он, — В новостях. Не помню, правда, о чём был выпуск. Какая-то река… И ваше лицо мелькнуло на экране.

Кирочка почувствовала, что начинает злиться. Она решила, что Эрн намеренно уходит от разговора, так делали очень многие маги, систематически нарушающие Кодекс. Они могли откровенно льстить, хитрить, отшучиваться — они пытались любым способом сохранить свою информацию неприкосновенной.

— Ты собираешься отвечать на мои вопросы? — с нажимом поинтересовалась Кирочка.

Эрн молчал. Она закурила вторую сигарету и откинулась на спинку кресла, чтобы немного успокоиться.

Она затягивалась и выдыхала, заполняя небольшое помещение густым дымом. Было совсем тихо. Звуки с улицы практически не долетали сюда. Задержанный принялся качать ногой.

— Прекратите, — сказала Кирочка строго. Эрн остановил ногу и, как ей показалось, сразу напрягся.

— Так что вы со мной делать-то будете? — спросил он. Лихость в его интонации была напускная, и Кирочка это заметила. Она хотела уж было рявкнуть, как в телевизионных детективных сериалах, «здесь я задаю вопросы!» или что-нибудь вроде этого, но, взглянув на Эрна, смягчилась. Он сидел на стуле подобравшись, как птичка, на самом уголке, хрупкий, большеглазый, тщетно пытающийся скрыть волнение… Прежде ей не приходилось иметь дело со столь юными нарушителями Кодекса.

— Мы здесь никого не потрошим, — сказала она примирительно, — тебе не причинят зла… Но ответить на несколько вопросов необходимо.

— Валяйте… — покорно выдохнул Эрн.

Кирочка выяснила и аккуратно внесла в блокнот имя, фамилию задержанного, год рождения, номер школы и место работы отца.

— Ну а теперь, — провозгласила она, — мы переходим к самой важной части нашего разговора, и я очень прошу вас быть честным, ибо в противном случае вы нанесёте вред в первую очередь самому себе.

Из этой Кирочкиной фразы, которая являлась, в общем-то, шаблонной, напуганный последними событиями Эрн сделал вывод о том, что ей известно что-либо о преследовавшей

его сегодня даме и прочих странных вещах. Он почувствовал в Кирочке возможного защитника, ему захотелось зацепиться за неё как за того, кто понимает в происходящем больше, чем он сам, и Эрн решился довериться ей.

— Теперь я не буду записывать, поскольку любую информацию, имеющую непосредственное отношение к Тайне фиксировать на материальном носителе запрещено, — сказала Кира, отодвигая блокнот, — всё сказанное останется только в моей памяти. Итак, когда у вас впервые проявилась Сила? Вы помните этот момент?

— Я не совсем понимаю, о чём вы… — признался Эрн, он до сих пор не осмеливался считать, что все преследующие его необычайные явления непосредственно связаны с его собственной аномальной способностью воздействовать на реальность.

— Ну… если выражаться простым языком… когда вокруг вас начали происходить странные вещи? К примеру, лопались ли в вашем присутствии лампочки на люстрах или выходила ли ни с того ни с сего из строя бытовая техника? Обычно, в первый раз Сила так и обнаруживает себя…

— Не… Ничего такого я не припомню. Разве только взрыв на теплоэлектроцентрали, но это же не бытовая техника…

— Да?! — воскликнула Кирочка поражённо, — это произошло в непосредственной близости от тебя? — от удивления она позабыла о нормах вежливости и интуитивно обратилась к сидящему напротив подростку «ты».

— Ну… не совсем… мы были примерно в километре от ТЭЦ, сидели с другом на трубах…

— Как именно это случилось? Что ты при этом чувствовал? — с возрастающим интересом вопрошала Кирочка.

— Ну… Я теперь уже не очень помню… Кажется, я обиделся. На одноклассницу. А теплоцентраль взорвалась. Я полагаю, что это просто совпадение…Иначе нелепица получается…

— Да. Пожалуй. Либо это совпадение, либо… — Кирочке отчётливо вспомнились бесконечные пики на регистраторе. Она машинально сунула в рот очередную сигарету. Прикурив и глубоко затянувшись, она продолжила почти спокойно:

— Что произошло в гипермаркете «ЕстьВсё»? Как я поняла, ты бывал там регулярно.

— Я заметил, что за мной следит какая-то женщина и испугался…

— Как она выглядела?

— Не помню. Обыкновенно. Волосы такие… Гладкие. Лицо. Ну обычное такое лицо…

— Ты видел её раньше?

— Нет.

— У тебя есть предположения, кто может за тобой следить и зачем?

Кирочка роняла свои вопросы, развешивая дымный тюль. Эрн не знал ответов. Он снова почувствовал себя не уверенно — раз спрашивают, значит вряд ли знают сами — иллюзия защищённости постепенно рассеивалась, четырнадцатилетнему подростку опять предстояло остаться один на один с неизвестным и враждебным миром…

— Что ты сам чувствуешь на этот счёт? У магов обычно хорошая интуиция… Ты думаешь, что это опасно для тебя?

Эрн согласно качнул головой, ощущая некоторое облегчение. Теперь он позволил себе думать, что сидящая напротив грозная девушка в фуражке скорее защитит его, нежели причинит зло.

— Хорошо, — произнесла Кирочка несколько мрачно, ясно осознавая, что ничего хорошего во всём этом нет, — последний вопрос: применял ли ты магию намеренно?

— Один раз… И у меня не слишком удачно вышло… — ответил Эрн, припомнив недавнюю историю с зонтами.

Кирочка выдвинула ящик стола и извлекла оттуда нитяной браслет. Он очень напоминал тот, что подарила Эрну на день рождения Хильда.

— Держи, — сказала она.

Юный колдун взглянул на неё вопросительно.

— Он соткан из специальных чувствительных нитей, улавливающих изменение магического фона. Когда носящий попадает в зону активности или сам применяет магию, браслет подаёт сигнал тревоги и передаёт через спутник координаты.

Кирочка сама закрепила нитяной браслет с изящным медальоном-микросхемой на тонком запястье Эрна.

— Пока ты можешь быть свободен. Желаю удачи. Если что-нибудь случится, я немедленно тебя найду.

4

Находясь в прекрасном расположении духа, Билл бодро расхаживал туда-сюда по кабинету и говорил сидящей с ручкой перед чистым листом бумаги Эрин:

— По середине, с большой буквы пишите: объяснительная записка. Я такая-то: ваше полное имя, год рождения по текущему паспорту, место жительства… Сознаюсь в том, что…..далее число, место и время… совершила проступок, в скобках пишите: немотивированные хулиганские действия… и готова понести наказание в виде пятнадцати суток обязательных исправительных работ на зонтичной фабрике и выплаты штрафа, в скобках: в размере, предусмотренном существующим законодательством. Точка. Точку поставьте непременно. Ниже: число и подпись с расшифровкой.

Эрин выводила буквы аккуратно и медленно, точно ученица в прописи — Биллу приходилось несколько раз повторять одно и то же.

— Почему же «немотивированные хулиганские действия», лейтенант, — спросила она, подняв на Билла большие ясные глаза; Эрин глядела виновато и чуть лукаво, как нашкодивший малыш, подлизывающийся к матери после того, как она его нашлепала.

— Вы мне не объяснили, зачем вы это сделали, вот потому и «немотивированные». Всякое действие должно иметь чёткий мотив, — выговорил Билл менторским тоном, — В противном случае очень трудно разобраться в самом себе и понять собственную жизнь. Чем больше делает человек «просто так», тем труднее ему осознать свои истинные потребности и желания. А хулиганские, — продолжал он, взглянув на Эрин с укоризной, — потому, что они общественно вредные… Вот представьте: люди прочитали в газете прогноз погоды. Ясно, тепло, без осадков. Собрались на пикник. Выехали за город, разложились, мангалы разожгли, любители позагорать на солнышке разлеглись, хорошо всем и тут — на тебе! — гроза! Да ещё какая! Отдых испорчен. Сильнее всего люди огорчаются из-за крушения своих планов… по сути все беды можно свести к этому. Даже смерть. Столько всего хотел сделать и вдруг помер — чёрт! Обидели вы людей, Эрин, нельзя так…

Она вздохнула и расписалась.

— Хорошо, лейтенант…

«Ну и ладно… Ну и наплевать на них, на немотивированные действия. Пусть будут немотивированные. Не могла же я, в самом деле, рассказать серым о своём сыне, — думала

Эрин, — что если бы им пришло в голову обидеть его?.. Кто ж их знает… Хотя этот парень выглядит вполне доброжелательным. И он, кстати, красавчик… Может, я зря от него скрыла? Если Эрна первым найдёт выживший из ума Друбенс, будет, пожалуй, хуже».

— Спасибо, — сказал Билл, убирая бумагу в ящик стола, — сейчас я отвезу вас на фабрику.

Всю дорогу Эрин размышляла о том, какое из двух зол меньшее для Эрна. Она не могла не понимать, что рано или поздно мальчишка всё-таки попадётся либо Магистру Белой Луны, либо кому-нибудь из Особого Подразделения — ведь он так юн и наивен, кроме того, совсем ещё не умеет контролировать Силу! Но открыться лейтенанту Крайсту Эрин так и не решилась. Он пока не вызывал в ней достаточного доверия.

Сидя на переднем сидении, она иногда взглядывала на Билла и невольно любовалась его гладко выбритой впалой щекой, четко обрисованной скулой и выпуклыми губами. Он шутил, смеялся и даже немного заигрывал — словом вёл себя с нею совершенно естественно, будто бы она была не арестованная ведьма, а просто подружка, с которой он решил покататься на автомобиле.

«Вероятно, это специальная тактика общения с задержанными, — думала Эрин с лёгкой досадой, — расслабляющая, располагающая… Им нужно вытянуть как можно больше информации! Жаль…Малютка Эрн!…Бедный мой мальчик! Что же ещё будет со всеми нами?..»

Сердце Эрин теперь не знало ни секунды покоя; оно навёрстывало упущенное за все четырнадцать лет; если раньше незадачливая мамаша могла вообще не вспоминать о своём ребенке, то сейчас важнее него не осталось вещей в целом белом свете…

5

Эрн начал скучать по Томми. Прежде он никогда даже не задумывался о том, насколько сильно нужен ему этот пухлый сопящий носом очкарик. Томми всегда был рядом, выполнял его поручения, терпеливо сносил обиды, и Эрну всё это казалось само собой разумеющимся — он думал, что так будет всегда. А теперь Томми исчез. Он не отвечал по телефону и не приходил больше ни в одно из тех мест, куда они всегда ходили вместе. Учебный год кончился, и надежда встретить приятеля в школе пропала. Эрн подолгу сидел на трубах один и ждал, что вот-вот раздвинутся кусты на другой стороне заброшенной железнодорожной колеи, и на разогретую солнцем рыжую гальку осторожно ступит белой толстой ногой Томми, по-летнему в чистеньких шортах, сандалиях и футболке, слегка натянутой на его круглом животе.

Друзья всегда всё делали вместе: катались на роликах, гуляли, покупали в гипермаркете еду и лимонад, подолгу болтали, сидя на трубах… А теперь на месте Томми была пустота. Она преследовала Эрна повсюду, и в магазине, и на крыше, и на свалке, садилась рядом с ним на тёплую трубу, догоняла его несущегося на роликах. И нечем было её заполнить.

Иногда Эрну вспоминалась Кира. Но он не думал о ней помногу. Обычно она возникала в его памяти, если попадался на глаза браслет. Тогда Эрн некоторое время теребил его или рассеянно вращал вокруг запястья до тех пор, пока что-нибудь другое не отвлекало его внимание. Но однажды ему приснился необыкновенный сон. Даже если очень постарался бы, Эрн всё равно не смог бы передать словами его содержание. Сон представлял собою нежные переливы цвета; бесконечное количество оттенков плавно перетекали один в другой, и всё окружающее пространство будто бы состояло из чего-то удивительно мягкого, ласкающего, обволакивающего; это могло быть что угодно: волшебный туман, сказочные

облака или иная загадочная материя. Эрн не знал. Но он знал другое — сон был про Киру.

После пробуждения ощущение её присутствия, которое невнятно угадывалось в странном пространстве сна, ещё какое-то время сохранялось. Эрн лежал с открытыми глазами. Сквозь открытое окно в комнату залетал ветер. По обнажённым плечам бежали лёгкие мурашки. Никогда раньше у Эрна не возникало желания предсказывать будущее. Но этим утром его интуиция проснулась окончательно. По причине неопытности он не сумел облечь своё предчувствие в конкретные слова и мысли. Он просто понял, что та удивительная материя из сна, окутывающая нежным облаком со всех сторон — она и есть будущее. Они обязательно встретятся с Кирой снова. Это так же неизбежно как рассвет или наступление осени. И что-то произойдёт между ними — таинственное и прекрасное.

6

Магистр Белой Луны велел Ехире и Ниобу во что бы то ни стало доставить ему Эрна, и теперь они сидели в небольшом летнем кафе под тентом, обдумывая план действий.

Ехира, облокотившись на столик и приблизив к Ниобу голову так близко, что они едва не стукались лбами, тараторила шёпотом, предлагая всевозможные варианты — он же по обыкновению молчал, отвечая ей сдержанными кивками головы.

— Ну скажи хотя бы слово! — не выдержав, возмутилась она, со стуком поставив на стол тяжёлую глиняную кружку — Ты никогда ничего не предлагаешь! Прямо не как мужчина, а как безынициативное мягкотелое существо! Тебя брать с собой — точно велосипед со спущенными колёсами, только мороки прибавляется! Вот где мы теперь будем искать мальчишку?

— Если мы о велосипедах… Инициатива инициативе — рознь. Можно ехать на велосипеде по дороге, а можно вертеть педали тренажёра, — ничуть не обидевшись, тягуче проговорил Ниоб и погладил свои пышные усы.

Ехира обречённо вздохнула и принялась нетерпеливо постукивать ногтями по глиняной кружке.

— Ты хоть раз в жизни можешь сказать НУЖНЫЕ слова?

— Я думаю, что серые отпустили его, — отозвался Ниоб, перед этим отхлебнув из своей тяжёлой толстостенной кружки кефир с чесноком и укропом, который подавали в этом кафе в жаркие летние дни, — ведь он если и набедокурил, то случайно…

— Хороша версия! — вздохнула Ехира, — и куда же мы направимся ветра в поле ловить?

— Прогуляемся. Погода восхитительная… Не мне напоминать тебе, что ветер всегда прилетает сам… — Ниоб одним глотком допил кефир, промочил усы салфеткой и, оставив плату в кожаном конвертике, поднялся из-за стола.

7

Эрну всегда хотелось иметь гигантский конструктор: робота ростом с него самого, удивительно сложно собранного из огромного количества очень мелких деталей. Но у Дирка никогда не было денег. Поэтому Эрн часто ходил в Центральный Магазин Игрушек, чтобы постоять возле стеклянного куба, в котором помещался робот, и просто полюбоваться своей несбыточной мечтой. После того как открылись нежданно-негаданно его магические способности, Эрн решил, что теперь-то у него появился реальный шанс эту мечту исполнить.

Он пришёл в магазин игрушек ещё раз взглянуть на робота и запомнить его во всех подробностях для того, чтобы потом, думая о нём, вкладывая в этот образ всю силу мысли, не ошибиться ни в одной малюсенькой детальке! А то вдруг не удастся потом

материализовать в точности такого же робота — и опять получится как с теми дурацкими зонтиками…

Около часа Эрн провёл, разглядывая конструкцию с разных сторон. Запомнив, как ему показалось, всё, он покинул магазин весьма довольный собой и отправился на поиски места рождения своего нового друга. Эрн, разумеется, понимал, что применение колдовства в целях обретения игрушечного робота — это нарушение кем-то там выдуманных правил, но ему хотелось этого настолько сильно, что переступить через них ничего ему не стоило. Он так много хулиганил в школе, что невинная материализация робота вообще не казалась ему ничем предосудительным.

Данный ему Кирочкой в Управлении браслет Эрн осторожно снял, слегка растянув нити; его изящная кисть без труда проскользнула в эластичное колечко; мальчик положил браслет на зеркальную полочку в ванной; в первый момент он ощутил лёгкий толчок вины, но сразу подумал о роботе…

— Извини, — пробормотал Эрн, представляя себе Кирино лицо, — мне просто всю жизнь очень хотелось такую игрушку. Очень-преочень… Я постараюсь поколдовать осторожненько.

Среди знакомых мальчишке мест самым безлюдным была Большая Свалка. Она располагалась почти у самой границы Города, за заброшенной железной дорогой, за трубами ТЭЦ, и чего на ней только не было: и расколотые бетонные плиты, что лежали повсюду, словно огромные нетающие льдины, и проржавевшие насквозь автомобили, и гнилые доски… Всюду валялась, словно выпавшие волосы гигантского металлического чудовища, ржавая проволока, на ветру раздувались и взлетали, точно всплывающие медузы, полиэтиленовые пакеты. С бывшим приятелем Томми они всегда находили здесь множество развлечений.

Эрн выбрал себе самое укромное место — вокруг него со всех сторон точно горные хребты возвышались кучи строительного мусора.

«Здесь меня точно никто не увидит» — удовлетворённо подумал он…

Юный колдун сел на обломок пенопласта и принялся думать о роботе… С непривычки удерживать образ в сознании целиком не получалось, исчезала то рука, то нога робота, то шлем… Эрн снова и снова возвращал его на внутренний экран, он даже вспотел от натуги…

Внезапно всё вокруг куда-то поплыло, завертелось, на миг смазались краски — словно пространство образовало огромную воронку. Эрн вскочил. Его обдало горячим ветром, футболка на миг прилипла к телу, чёлка отхлынула с лица…

Что-то ухнуло.

Ясный летний день на миг стал как будто ещё светлее.

Гигантский робот, собранный из пластмассового конструктора, вырос среди мусорных куч как гриб. Размеры его поражали. Он был раз в пятнадцать выше своего щупленького создателя, и настолько широк в плечах, что на каждое из них спокойно могло усесться несколько человек.

— Вау в степени миллион факториал! — воскликнул Эрн, — вот это конструктор!

В первую секунду от восхищения у него перехватило дыхание. Он нерешительно приблизился к роботу и коснулся рукой прохладной гладкой пластмассы, желая убедиться, что гигантская игрушка не плод его воображения.

Эрн взглянул вверх — точно высотное здание возвышался над ним грозный робот; его голова в шлеме казалась тёмной на фоне безоблачного летнего неба… он был выше синего

забора вокруг свалки, выше мусорных куч и, наверняка, заметен издалека…

— Боже мой… — прошептал Эрн опомнившись, — наверное, я опять сделал что-то не так! Зачем же такой большой… Теперь надо живо сматываться отсюда, пока никто его не обнаружил!

Ловко карабкаясь по кучам, он вскоре оставил позади свалку, подлез под трубы теплопровода, пересёк рельсы, миновал охраняемому территорию гаражного кооператива; лишь очутившись среди знакомых кирпичных высоток эконом-класса, в уютных объятиях тенистого дворика, душного от цветущих растений, он позволил себе притормозить.

Поднявшись на лифте, Эрн в три длинных шага одолел лестницу; влетев в ванную, схватил лежащий на зеркальной полке браслет и с чувством зажал его в кулачке. Утраченное чувство безопасности постепенно возвращалось к нему.

Эрн пустил воду и медленно поднял глаза, чтобы посмотреться в зеркало.

— Извини, — сказал он своему растерянному бледному отражению.

8

Несколько дней подряд стояла жара.

Решив не высовываться из дома без сильной необходимости, Эрн ощущал всем своим существом нехватку чипсов и охлаждённой колы.

Дирк уходил на работу, каждое утро оставляя сыну на столе накрытый салфеткой простенький завтрак: булку, молоко, варёные яйца, иногда ломтик ветчины или сыра.

Обычно Эрн выпивал одно только молоко и возвращался в постель. В последнее время ему вообще почти не хотелось есть.

«Может, наколдовать себе кока-колу?» — думал он про себя, лёжа на спине и вращая на запястье браслет, — «Нет уж, не дай бог, получится опять как с тем роботом, кокакольный потоп какой-нибудь…. Оно надо? Придётся чесать в магазин…»

Гостеприимные стеклянные двери гипермаркета раздвинулись, пропуская его внутрь.

Ехира и Ниоб увидели Эрна сразу. Они облюбовали себе очень удачный наблюдательный пункт в кондитерском отделе, откуда просматривались почти все кассы, и, чтобы не возбуждать подозрений у охраны, периодически сменяли друг друга на посту и слегка варьировали свою внешность. Идея караулить Эрна именно в гипермаркете принадлежала Ехире. Она рассудила, что раз уж подросток ходит в этот магазин, то это означает, что он живёт где-то неподалеку.

— Вон он! — вполголоса воскликнула ведьма, посылая Ниобу мысленный приказ взглянуть туда, где стоял Эрн. Ниоб как раз приближался к ней по проходу, чтобы сменить. Они вместе посмотрели на мальчика.

Он ждал своей очереди около одной из касс. В руках у него были две банки колы и большой пакет чипсов.

— Только смотри не пугай! — шепнула Ехира Ниобу, — На всякий случай. Целее будем. Если у него действительно такая силища, как мне тогда показалось, ему угробить нас с тобой — как волосок порвать. Действовать надо хитростью. Мы заманим его.

— Привет, — ласково начала Ехира, сделав несколько шагов по направлению к Эрну, — ты любишь чипсы?

Мальчишка заметил ведьму слишком поздно; в узком проходе перед кассой, где с обеих сторон громоздились стенды со жвачками, карамельками, мятными драже и прочей мелочью, бежать было некуда. Эрн сначала замер, прислушиваясь к стуку сердца, а потом подумал, что если уж ему удалось воздвигнуть посреди свалки такого огромного робота,

просто его вообразив, то вряд ли он окажется полностью беспомощным перед лицом опасности.

— Любят — бабу, а чипсы я просто ем, — смерив Ехиру недоверчивым взглядом ответил подросток, — я вас, кажется, здесь уже видел. Вы пялились на меня. Чего вам надо?

— Мы хотим сообщить тебе прекрасную новость… — сказала Ехира вкрадчиво, подойдя к Эрну почти вплотную.

— Фу! — воскликнул он, резко отстраняясь, — от вас так несёт чесноком! Я его ненавижу и, пожалуй, не буду с вами разговаривать…

— Вы дурно воспитаны, молодой человек, — спокойно и веско сказал Ниоб. Тут Ехира с силой наступила ему на ногу, и продолжила самым медовым голоском:

— Извини нас, господин… Мы всё сейчас поправим…

Она взяла с ближайшей полки упаковку освежающих мятных драже и махом высыпала их себе в рот.

— Господин? — удивился Эрн, — с какой радости?

— Ты всё узнаешь! Ты скоро всё узнаешь… Нужно только последовать за нами… — интригующим шёпотом тараторила Ехира, — Хочешь мы заплатим за твои чипсы?

— Ладно, валяйте… — всё ещё подозрительно, но уже мягче ответил Эрн.

Ехира выглядела и говорила настолько убедительно, что сейчас ему показался невероятно глупым тот страх, который он испытал, увидев её впервые. Он решил, что просто-напросто напридумывал себе страшилок, как это обычно бывает с впечатлительными подростками, которые смотрят много боевиков и ужастиков. Ехира же держалась на высоте. Она обращалась к Эрну ласково и заискивающе, готова была, казалось, выполнить любой его каприз, и это не могло не подкупить его. Она продолжала рассказывать:

— Мы с моим другом ищем тебя уже очень давно. Это великая радость, что мы встретились! Потому что ты не обычный мальчик. Ты повелитель материи, величайший из колдунов, когда-либо рождавшихся на земле. Наш долг привести тебя туда, где ты должен быть, и вручить тебе ту власть, заключённую в магических знаниях, которая принадлежит тебе по праву!

Надо сказать, Ехира не до конца верила в то, что говорила, хотя выходило у неё вдохновенно. Собственно, мысль о возможном Пришествии Исполнителя Желаний не внушала ей ни благоговения сродни религиозному, ни стихийного ужаса, ни стремления как-либо вообще на это пришествие реагировать. Ну пришёл, и ладно. Привыкнув жить простыми радостями бытия, она была далека от мыслей о судьбах мира.

Сила Эрна, конечно, впечатлила Ехиру, но его облик настолько не вязался со всем тем, что говорили о Великом Пришествии! — она представляла себе Исполнителя Желаний совершенно по-другому, в облике существа гораздо более мужественного — как же иначе, самый сильный колдун во Вселенной непременно должен быть громадным мускулистым парнем — косая сажень в плечах, густая борода, здоровенные волосатые ручищи! Тоненький как тростиночка Эрн с прозрачной полудетской кожей — прямо скажем, слабовато для Повелителя мира… В роли Властелина Ехира хотела видеть в первую очередь Мужчину, в самом прямом, если не сказать грубом, смысле этого слова; Мужчину, который в Эрне, во всяком случае пока, был не особенно заметен. Потому, даже имея все основания считать, что Эрн и есть Исполнитель Желаний, чьё явление было предсказано учителем Магистра, Ехира в силу существующей в её сознании системы идеалов просто не могла воспринимать существо столь хрупкое и беззащитное с виду всерьёз; мысленно возводить подобное

существо на пьедестал и поклоняться ему — она тем более не стала бы; Исполнитель её желаний, очевидно, должен был выглядеть иначе; словом, молодая ведьма была изрядно разочарована…

Сладкие речи, тем не менее, проливались из её уст; и юный колдун мало-помалу обратил к ним свои хорошенькие ушки. Нигде с ним прежде так учтиво не разговаривали, не осыпали такими лесными определениями! В школе он привык слышать в свой адрес в основном ругань.

— Погодите, — с сомнением спросил Эрн, — а почему вы тогда убежали? Вы не могли мне сразу это всё объяснить?

— Видишь ли… — отвечала ведьма, — тебя схватили наши враги, и…

— Враги?! — перебил Эрн. Его удивление граничило с негодованием; сразу вспомнилось то пленительное детское чувство защищённости, которое посетило его в присутствии девушки в фуражке, лейтенанта Лунь. Юному магу никак не верилось, что она способна причинить ему зло. Но Ехира была последовательна в своём коварстве. Она приметила на запястье Эрна браслет и воскликнула:

— Какая прелесть! Браслет дружбы… Кто подарил тебе его?

— Да так… Одноклассница… — соврал на всякий случай Эрн.

— Смотри только не обманывай меня… — предостерегла Ехира, всем своим видом выражая заботу и огорчение, — если это дала тебе ОНА, — ведьма выделила это местоимение голосом, — то лучше выброси. Это наверняка для слежки за тобой…

Она замолчала, внимательно следя за изменениями на лице Эрна.

«А ведь действительно для слежки…» — подумал он.

— Серые всегда так делают, — продолжала Ехира, — они старательно убеждают, что хотят добра, вручают свои браслетики, колечки, пуговички — якобы для безопасности…

Последняя фраза плутовки попала в цель — Эрн начал сомневаться.

— Выброси его, — подначивала Ехира, — там, куда мы отправимся, у тебя будет всё, что ты пожелаешь…

Эрн колебался, теребя браслет на тонком запястье. Ехира почти убедила его, он готов был последовать за нею, но интуиция… Что-то внутри изо всех сил сопротивлялось обрушившемуся на Эрна потоку информации… Но он заглушил в себе это сомнение.

— Ну ладно, пошли… — сказал он Ехире, бросая снятый браслет в урну для кассовых чеков.

9

Оказавшись в огромном особняке Магистра Белой Луны Эрн пришёл в восхищение Роскошь обстановки поразила его воображение. Большие зеркала в старинных рамах, отражающие проходящих мимо с головы до пят, многоярусные хрустальные люстры — словно горы искрящихся самоцветов, шикарные уютные диваны с кожаной обивкой, картины, скульптуры, фарфоровая посуда, бесценные древние книги… Мальчишка никогда в жизни не бывал в домах состоятельных людей, и непрестанно вертел своей хорошенькой головкой точно на вернисаже.

Интерьеры всех комнат привели Эрна в восторг. Но больше всего его поразила ванная. Она оказалась даже немного больше той комнаты, в которой они жили с Дирком. Стены здесь отделаны были экзотическими ракушками, зеркало занимало целую стену, а в самой ванне — гладкой и скользкой чаше в полу — можно было, наверное, плавать…

Эрн не устоял перед искушением заняться этим немедленно. Он повернул стальную

ручку смесителя, и белая, словно молочная, струя с шипением ударила в глянцевую эмаль.

Крупные прохладные плиты пола приятно коснулись босых ступней. Старенькие джинсы и футболка упали на роскошный мрамор. Огромное зеркало отразило Эрна во весь рост, тонкого, голенького, завораживающе изящного; ловко пройдясь по краю ванны, он осторожно попробовал воду большим пальцем ноги.

— Ну и где же мальчишка? — обводя гостиную мрачным взглядом из-под густых бровей, грозно вопрошал Роберто Друбенс.

— Принимает ванну, Магистр… — ответила Ехира.

Для Друбенса, хотя он не раз уже представлял себе явление Исполнителя Желаний, оказалось сюрпризом то не слишком приятное волнение, которое он испытал. Сколько времени он размышлял об этом! Готовился… Он тщательно продумывал линию своего поведения: говорить веско и немного, держать себя с юношей наставником, не выказывать трепета перед Силой; он репетировал диалоги, и в голове старика всё выходило очень гладко… Реальность, тем не менее, повергла его в смятение. А всё потому, что воображение почтенного колдуна рисовало Исполнителя Желаний совсем не таким, и явиться он должен был совсем не так…

Он виделся Магистру чересчур взрослым и серьёзным подростком, развитым не по годам, а не озорником, пускающим пузыри в ванной; и всё-таки, это было, пожалуй, главное, Роберто Друбенс не предполагал, что юный посланец Источника окажется сильнее его самого. Первым чувством, которое испытал Магистр, услышав от Ехиры о силе мальчика, была ревность; да, именно она… Пожилой маг завидовал, что Эрну досталось так легко могущество, которое он сам, Друбенс, непосильным трудом и усердными практиками накапливал долгие столетия… Поначалу Магистр пытался убедить себя, что Ехира преувеличивает, оценивая Ядро мальчика, но неотвязное чувство в глубине его сознания подсказывало ему, что всё правильно, что так и должно быть; нет на свете чувства более мучительного, чем такая внутренняя справедливость, направленная против собственного самолюбия; Магистр страдал; и поэтому злился теперь на то, что Эрн хотя бы из почтения не упал перед ним на колени, войдя в его дом, что Ехира позволила ему отправиться в ванну, а Ниоб как всегда молчал. В этот момент всё на свете раздражало Магистра.

— Принимает ванну? В моём доме? Без моего ведома?! Какая наглость!

— Успокойтесь, прошу вас… — попыталась урезонить Магистра Белой Луны любимая ученица, — выпейте травяного чаю, я сейчас все вам объясню…

— Уж постарайся… — сердито кряхтя, старый колдун опустился в большое кресло.

— Видите ли, Магистр… Как я уже говорила, великий Источник наделил нашего… — Ехира замялась, подбирая слово, — …гостя поистине страшной силой… но по причине своей крайней молодости он не всегда может совладать с нею, и оттого временами опасен… Кроме того, его судьбой весьма обеспокоены серые — я сняла с его руки их знаменитую «фенечку». Поэтому во избежание неприятностей мы с Ниобом решили маленько разыграть его… — Ехира мягко разъяснила Магистру суть задуманного ею обмана, робко намекнув на участие в этом самого пожилого мага.

— Да вы никак рехнулись! — негодующе воскликнул Друбенс, — Чтобы я, старейший из живущих колдунов, склонял свои седины перед каким-то молокососом?

— А если предположить, что он действительно силён? — скромно вставил из своего угла Ниоб. Он никогда не садился за стол, пил чай стоя, одновременно успевая прислуживать гостям и Учителю.

— Я сам это проверю… — буркнул Магистр, нехотя потянувшись за чашкой с чаем.

Но вдруг… Чашка подпрыгнула на скатерти, качнулась, выплеснув через край, и, оторвавшись от поверхности стола, медленно поплыла по воздуху. Словно летающая тарелка ей вдогонку метнулось блюдце. По пути они воссоединились. Чашка со звоном оседлала своё блюдце и поплыла дальше уже в нём, гордо и неторопливо, точно каравелла.

— Эээ… Ты куда? — растерянный Магистр обратился к чашке точно к живому существу, — а ну вернись!

Он мысленно приказал ей остановиться и повернуть к столу. Но не тут-то было! Неведомая сила, влекущая чашку прочь, оказалась гораздо сильнее, чем предполагал Магистр. Он напрягся. Чашка продолжала плыть, но уже медленнее. Слегка покачиваясь и вращаясь в воздухе, она почти достигла выхода из гостиной. Роберто Друбенс сосредоточился, вкладывая едва ли не всю свою силу в мысленный приказ.

Чашка остановилась.

Вздохнув с облегчением, Магистр велел ей развернуться. Чашка продолжала стоять. Не на шутку разозлившись, Магистр рявкнул на неё:

— Становись на стол, кому говорят?!

Со стороны это выглядело весьма комично. Чашка нехотя поплыла назад, медленно-медленно, как будто преодолевая какое-то сопротивление. Она уже почти опустилась на стол, когда из глубины особняка донёсся нетерпеливый окрик:

— Где мой чай, чёрт побери! Чаю хочу!

Чашка испуганно рванула с места и, прежде чем Магистр успел опомниться, выскользнула из гостиной.

— Что это было!? — взревел он и удивительно бодро, напрочь забыв о своём почтенном возрасте, вскочил с места.

— Это Исполнитель Желаний, — с мягкой ироничной улыбкой ответила Ехира.

10

Выйдя из ванны, Эрн завернулся в махровый халат Магистра Белой Луны и прошлёпал босиком в гостиную. Едва он появился на пороге, три пары внимательных глаз уставились на него.

— Как вам удалось заставить мою, я ведь пью из неё уже почти сто лет, мою личную чашку повиноваться вашим мысленным приказам?! — строго спросил Магистр.

Эрн пожал плечами.

— Не знаю. Мне просто захотелось чайку. Она сама ко мне пришла… точнее прилетела…

— А ты случайно не сталкивался, призывая чашку, с какими-нибудь затруднениями?.. Может быть, ты испытывал напряжение? — вкрадчиво спросил Магистр. От волнения остроконечная бородка его чуть подрагивала.

— Не-а… — ответил Эрн, присаживаясь на ручку кожаного кресла. — Она даже сама себе дверь открыла, чашка ваша, нажала блюдцем на ручку, и тут как тут, миленькая. Как умная кошка. Она что, волшебная?

— Да нет. Самая обыкновенная. Фаянсовая, — с каменным лицом ответил Магистр. Потом вдруг вскочил и, с удивительным в его лета проворством преодолев расстояние до кресла, которое облюбовал себе Эрн, неожиданно для всех плюхнулся перед ним на колени с возгласом:

— Приветствую тебя, могущественнейший из воплощённых… обещанный нам великим

Пророчеством Исполнитель Желаний!

Ехира удовлетворённо улыбнулась, про себя даже немного удивившись усердию, с которым Учитель придерживался намеченного ею плана; она искренне полагала, что есть лишь две стратегии обезвреживания существа, внушающего опасения — его нужно либо улестить до одурения, либо напугать до смерти — стратегия улещивания пока казалась Ехире оптимальной; она и предполагать не могла, что Друбенс, падая перед Эрном ниц, был абсолютно серьёзен!

Тем не менее, дело обстояло именно так. Старик не смог справиться с той бурей эмоций, которая разразилась в его душе с появлением Эрна; все они, от ревнивой ненависти до благоговения, атаковали его одномоментно — он ещё не успел решить, как теперь ему относиться к долгожданному посланцу, и этот преувеличенный жест самоуничижения — пасть перед ним на колени — был для Друбенса как бы небольшой отсрочкой, возможностью подумать и лучше разобраться в самом себе.

— Не стоит, — Эрн смешался; нежные щёки его порозовели. Мальчишка попытался покинуть свой импровизированный трон; выпад Магистра немного напугал его, — встаньте, пожалуйста…

Друбенс продолжал сидеть на полу, склонив голову. Кровь тяжело бухала у него в висках. Проклятая гипертония!..

Как же он ждал Пришествия… И вот, оно случилось, а Магистр вместо решимости действовать во благо человечества чувствовал совершенную опустошённость и растерянность…

«Ну что, — обратился он иронично к самому себе, — старый ты хрыч, просил-просил неведомо у кого "пришествие на твоём веку", ждал-ждал, а теперь вот не знаешь, что с ним делать…»

глава 3

1

Кирочку слегка озадачило упоминание Эрном теплоэлектроцентрали. Она поделилась своей тревогой с Биллом, но он только отмахнулся:

— Да ну тебя! Простое совпадение. Наверняка. Будь взрыв и впрямь связан Пробуждением, то… — Крайст остановился, формулируя мысль, — к нам явилось бы нечто из серии: накормить целую роту малюсенькой печенькой, превратить минералку в элитный коньяк и гонять по воде без водных лыж… У колдунов не бывает такой силы. Я, во всяком случае, не встречал.

В кафе, куда они обычно выбегали из Управления на обед, на жидкокристаллическом мониторе над баром шли новости.

— Сегодня, около трёх часов дня, пилот пожарного вертолёта, пролетая над Большой Свалкой, заметил среди мусорных куч странный объект. Он был рассмотрен в бинокль, сфотографирован и заснят на видео. Это оказался невероятных размеров робот из пластмассового конструктора. «Происхождение объекта выясняется» — сказал диктор.

На экране появился фрагмент видеозаписи, сделанной с вертолета. Она была не очень хорошего качества, с использованием цифрового увеличения, но на ней отчётливо виден был царь мусорных гор, в огромном шлеме, с грозно раскинутыми ручищами и могучим торсом из миллионов малюсеньких деталей.

— Недурен… — мечтательно протянул Крайст, — если бы ты знала, как я хотел такого в детстве! Отец без конца обещал мне большой конструктор за хорошую учёбу, но так и не купил.

— Можешь прогуляться на свалку и поиграть… — Кирочка ухмыльнулась, — Права была мама, когда говорила, что мужчины всю жизнь остаются детьми.

— Интересно, как он туда попал? Рекламный макет?

Кирочка задумалась.

Аналитический ум метался от одной версии к другой, тщетно пытаясь найти объяснение появлению робота в рамках существующих реалий, а вот интуиция шла напрямик. В воображении возникло и тотчас пропало хорошенькое личико Эрна.

— Не думаю. Маловероятно, чтобы такую дорогостоящую вещь выбросили на свалку. Я полагаю, что это дело рук нашего молодого подопечного…

— Но он ведь говорил тебе, что колдовать у него пока не получается?

— Вот именно! — воскликнула Кирочка, — вероятно, он хотел добыть себе нормальную игрушку, он ведь ещё совсем ребёнок… Четырнадцать лет!.. А вышло…

— Интересная версия. Впрочем, мы можем её проверить прямо сейчас. Включи поиск по наручному датчику.

Кирочка послушно ввела в свой карманный компьютер длинную команду. На экране возникла карта Города с маленьким красным крестиком, обозначающим местоположение браслета.

— Продовольственный супермаркет «ЕстьВсё». Едем.

Кирочка и Крайст сели в машину.

— Странно, что крестик не движется… — Заметил Билл после получаса пути. —

Неужели он всё ещё там?

— Очереди, наверное… — зевнув, сказала Кирочка, — такая жара! Всем хочется мороженого.

Стеклянные двери в очередной раз бесшумно разомкнулись, точно губы невиданного животного, пропуская Кирочку и Крайста в его просторный прохладный от работающих кондиционеров рот. Эрна нигде не было видно, хотя крестик на карте по-прежнему находился на территории супермаркета. Кирочка увеличила масштаб карты. Крестик обозначился в зоне кассы номер пять. Эта касса оказалась закрытой.

— Вот тебе и очереди за мороженым… — резюмировал Крайст разочарованно, вынимая двумя пальцами браслет с датчиком из урны для чеков.

Кирочка опечалилась.

— Так странно… Я ведь ему поверила. Он показался мне испуганным и даже каким-то беспомощным. Мальчик… Маленький мальчик… Мысль о том, что он может обмануть меня, просто не приходила мне в голову.

— Со всеми бывает, — в голосе Билла слышалось сочувствие; хотя Кирочка всеми силами пыталась скрыть своё огорчение, он его заметил, — Относиться к нарушителям по-человечески, проявлять к ним чуткость и следовать принципу взаимного доверия — это прекрасно, но никогда не следует забывать, что природа любого колдуна разрушительна, и как бы он ни стремился подчинить Силу своей личности, таящийся внутри него Хаос иногда берёт верх. Потому офицер может держать себя с колдуном и дружелюбно, и шутливо, и просто, но, как говорится, хвост он всегда должен держать пистолетом.

— Спасибо, Крайст… — удручённо сказала Кирочка, направляясь к выходу, — я учту.

— Не падай духом! Если у него и впрямь такая Сила, то мы быстро его разыщем. Впрочем, я почти уверен, что ты преувеличиваешь…

— Не веришь и не надо! — воскликнула Кирочка и быстро зашагала прочь. От всех навалившихся на неё обид она готова была разрыдаться.

— Да ну… Кира… Да брось ты психовать… — Крайст нагнал её и удержал за руку, — у меня есть одна идея. Ну-ка, кто у нас консультант по всем важным магическим вопросам?

Он покрутил перед Кирочкой смартфоном.

— Любушка твоя? — спросила она хмуро.

— Кто же ещё… Опять ты меня подкалываешь. Но сейчас это даже хорошо. Жить, значит, будешь, печали твои излечимы.

Станцевав пальцами на экране, он нашёл в записной книжке номер и, запустив вызов, протянул смартфон Кирочке.

— Говори. Мне, ты знаешь, нельзя… Назначь с ней встречу.

2

— Взрыв, значит… — задумчиво проговорила Аннака, наматывая на палец тонкую прядь своих чудесных волос, тёмно-каштановых, с гранатовым отливом, — и насколько мощный?

— Не могу точно сказать, — ответила Кира, — Достаточно мощный. Блок был почти полностью разрушен. Ведь это же не может быть Пробуждение, нет?

— Может, — спокойно ответила Кравиц, — всё может быть. Только… — Магистр Песчаной Розы ненадолго умолкла, что-то припоминая, — Ты никогда не слышала об Исполнителе Желаний?

Кирочка отрицательно мотнула головой.

— Существует такая легенда, — проговорила Аннака, поудобнее устраиваясь на стуле; была у неё такая милая привычка: перед тем как начать долго что-либо объяснять, она старательно выбирала позу, — Легенда эта зародилась давным-давно, ещё во времена Круглых Столов. Многие и тогда полагали, что это всего лишь вымысел, сейчас она и вовсе позабыта… Легенда гласит, что придет время, и на свет появится маг, с которым никто не сможет сравниться в Силе ни из живших прежде него, ни из живущих одновременно с ним, ни из тех, кто будет жить после. Словом, явится в мир существо, способное из объективной реальности, как вы её называете, точно из пластилина лепить что угодно. А вот насчёт того, что случится после Пришествия, мнения расходятся. Кто-то считает, будто Исполнитель Желаний явится спасти и изменить мир; кто-то, более пессимистичный, предполагает обратное: мир будет уничтожен; а наиболее мудрые придерживаются золотой середины: вряд ли с миром произойдёт нечто настолько серьёзное — поколбасит его, поколбасит и перестанет, будет как новенький, мы ведь вот живём после динозавров и ничего…

Тёмно-серые распахнутые глаза Кирочки, точно два чёрных цветка на её лице, почти не моргали, пухлые бледно-розовые губы были слегка разомкнуты — это означало внимание. Аннака улыбнулась.

— Ты не принимай это всё близко к сердцу, ладно. Досужие разговоры о судьбе Вселенной велись испокон веков, ведутся и будут вестись. Некоторые особо одарённые, представь себе, даже воображают, будто могут в этой самой судьбе принять активное участие. Людям нравиться быть значительными, ведь жизнь большинства из них коротка и скучна: работа-дом-развлекательные телепередачи-пикники с соседями по выходным — вот они и надумывают про свой век невесть чего: Апокалипсис грядёт, мы последние жители Земли, за наши грехи всё утопнет, или сгорит, или просто провалится в тартарары, Бог отвернулся от нас и тому подобное… А мир как стоял так и стоит.

— Понятно… — Кирочка погрузилась в мрачную задумчивость, — Ну а нам-то что делать в таком случае? Ловить этого мага или оставить его в покое?

Аннака ободряюще погладила Кирочкино плечо.

— Оберегать, я думаю… — сказала она с улыбкой.

— Вот как? — удивилась Кирочка, — От кого? Ведь при такой Силе он и сам может дать отпор кому угодно?

— В первую очередь от самого себя. С такой огромной силой бывает не совладать и видавшему виды колдуну, а уж юному — подавно… Он может быть опасен даже своими повседневными эмоциями: обидой, тревогой, раздражением — от этого Хаос часто освобождается против воли, причиняя разрушения… И чем больше Сила, тем они значительней. Я, например, — добавила могущественная ведьма покаянно, — если сильно разозлюсь, могу нечаянно повалить дерево… или фонарный столб… Поэтому я всегда стараюсь сохранять хорошее настроение.

Кирочка взглянула на неё с уважением.

— Не так-то просто обуздать свои эмоции.

— Но это ещё не все опасности, которые могут грозить юному магу, — продолжала Аннака, — Пока он ещё не обрёл достаточного опыта, его Силой может воспользоваться кто-нибудь другой. Существуют особые заклинания, к примеру «мост» или «шланг», которые позволяют одному колдуну управлять магической волей другого, и, следовательно, распоряжаться его Силой в полном объёме по своему усмотрению. И если ваш мальчик попадёт в недобрые руки, с его-то потенциалом, быть беде… Разве мало, скажи мне, на

свете злых и вероломных магов? Но и на этом проблемы не закачиваются. Могущество колдуна, как ты знаешь, непрерывно увеличивается по мере того, как он взрослеет и учится; а в некоторых случаях Сила вырастает скачком — в несколько раз, и если она чересчур огромна, то контроль над нею может быть потерян окончательно…

— Что же будет с Эрном? — заволновалась Кирочка.

— С ним — ничего. Периодические головные боли… Не больше. Он просто в один прекрасный день выйдет и пойдёт по улице, а за ним шлейфом потянутся разрушения и смерти. Вокруг него будут рушиться дома и взрываться автомобили, люди будут гибнуть просто потому, что они ему не понравились — каждый его недовольный взгляд будет превращать что-нибудь в пепел или труху… Неподвластное воле могущество Хаоса — это не шутки…

— Как не допустить этого? — Кирочка в сильном волнении схватилась за запястье Магистра Песчаной Розы.

— Не позволять его Силе увеличиваться или хотя бы тормозить это увеличение, — ответила колдунья, ласково, но настойчиво высвобождая руку, — Отвлекать его, чтобы он не практиковал, не допускать возникновения у него сильных желаний…

— Спасибо, Аннака, — растерянно выдохнула лейтенант Лунь, — но сначала нужно найти его…

— Не падай духом. Я и мои друзья-колдуны — мы всегда готовы прийти на помощь. А если ситуация станет критической — соберём Круглый Стол как в старые добрые времена.

3

Эрн деловито расхаживал туда-сюда по роскошной гостиной Магистра Белой Луны. Ещё никто и никогда так не тешил его самолюбия, как этот чудаковатый старый чародей. Воистину самолюбие — есть та самая секретная педаль, с помощью которой можно как угодно воздействовать на человека, когда требуется унижая его или, напротив, возвышая! Эрн с его подростковым самомнением являл собою ярчайшее тому подтверждение.

Магистр Друбенс велел принести древнюю корону Победителя Поединков и собственноручно увенчал ею изящную головку мальчика. Долгое время эта корона валялась у Магистра на даче — ох уж эти загородные чердаки, и сам забываешь иногда, что у тебя есть! — Ехира несколько раз уже предлагала Учителю сдать корону в антикварную лавку, но никак ему было не собраться… А, может, надеялся ещё когда-нибудь надеть её и выступить за Круглым Столом. Кто знает?

Корона оказалась немного велика Эрну и постоянно съезжала почти до бровей. Поправлять её ему, однако, было в радость…

В центре короны красовался зажатый несколькими золотыми лапками огромный рубин удивительно густого и тёмного цвета — точно смородиновый сок; Магистр сказал, будто, согласно древнему преданию, рубин совсем почернеет перед Концом Света или, если корона коснётся головы обладающего истинной Силой, рубин вспыхнет ярко-алым, засветится, засияет как солнце.

На голове у Эрна рубин и не думал менять свой цвет, что сильно опечалило новоиспеченного повелителя. Зато скипетр, прилагающийся к короне, привёл его в неописуемый восторг. Он размахивал им, вертел по-всякому, любовался игрой света на россыпях драгоценных камней.

Магистр приказал Ниобу исполнять все кулинарные капризы Эрна. Но гастрономические изыски перманентно не впечатляли его; он продолжал есть то, чем

обычно кормил его дома Дирк: макароны с сосисками, картошку и гречневую кашу с луком. Зато колу он дул просто в невообразимых количествах. Специально для него Ниобом был заказан в виртуальном магазине холодильник для напитков.

Эрн был просто счастлив: впервые в жизни ему позволялось делать всё, что ему хочется, ничего с него не спрашивалось, и, самое главное, им непрерывно восхищались! Он, не задумываясь, покарал бы любого, кто посмел бы нарушить этот великолепный уклад жизни. Но, к счастью, никто пока не собирался этого делать. Ниоб молчал, Ехира улещивала парнишку как только умела, а Роберто Друбенс обращался к нему исключительно на «вы» и называл его «Великий Исполнитель Желаний».

Эрн целыми днями предавался блаженному безделью; он играл в компьютерные игры, собирал роботов из конструктора, гонял в огромном саду Друбенса мяч или просто лежал на диване, забавляя себя игрой, которую недавно придумал: воображая себе разные предметы, он без помощи рук жонглировал ими в воздухе над своей головой, управляясь с ними так же легко, как обычные люди управляются с мыслями и фантазиями.

И была в безоблачной жизни Эрна только одна совсем незначительная неприятность: его никогда не выпускали за калитку. Впрочем, он и не рвался туда особо, довольствуясь знанием, что уж если ему захочется этого очень сильно, никто не сможет ему воспрепятствовать, ибо он — Великий Исполнитель Желаний…

Иногда, правда, юного мага посещала тревога об отце. Что если Дирк огорчён его внезапным исчезновением? Эрн спросил об этом сперва Ехиру, а потом Магистра Друбенса, но они оба заверили его, что всё в порядке, и Дирк знает, что сын его находится в безопасности.

4

Эрин в ядовито-оранжевой робе дворника, в хлюпающих резиновых сапогах, с неубранными волосами, кое-как подколотыми на затылке, яростно шарила метлой по территории зонтичной фабрики.

— Как у вас дела?

Магистр Голубой Грозы остановилась и, опершись на ручку метлы, смерила Билла недовольным взглядом.

— А как вы сами думаете?! Ужасно! — воскликнула она, — Я выгляжу таким страшилищем в этой робе! И все ногти себе переломала…

— Да ну, — с лучезарной улыбкой возразил лейтенант Крайст, — по-моему, вы просто очаровательны!

— Неужели? — поправляя свои пропылённые волосы, недоверчиво спросила Эрин, — Мне кажется, или вы надо мной издеваетесь?

— Даже не думаю! Роба вам действительно к лицу. Оранжевый — однозначно ваш цвет. А в этих здоровенных сапогах вы кажетесь такой хрупкой!

— Погодите, а без них я что, по-вашему, толстая?! — упершись кулаками в бока, негодующе воскликнула Эрин. Она становилась излишне впечатлительной, если речь заходила о внешности.

— Нет-нет, что вы… Я не это хотел сказать… — пробормотал Билл, отступая на полшага под грозным, прямо-таки мечущим молнии, взглядом маленькой блондинки, — Я просто… — к своему облегчению он умел быстро выпутываться из неловких ситуаций, — Я имел ввиду, что по-настоящему красивую женщину не испортит ни один, даже самый нелепый наряд!

— Аааaа… Тогда ладно… — Эрин сменила гнев на милость, и в её голосе снова послышались кокетливые нотки, — лейтенант Крайст, а нельзя ли как-нибудь сделать, чтобы мне не нужно было одной убирать всю территорию? Я так устаю…

— Чего же вы хотели? Это же исправительные работы! Потерпите пару дней, срок вашего наказания подходит к концу. Скоро я приеду и заберу вас. — Билл улыбнулся Эрин на прощание и направился к воротам.

Опираясь на ручку метлы, она смотрела ему вслед.

— Эй там, не филонить! — раздался недовольный окрик из раскрытого окна на первом этаже, откуда аппетитно веяло свежемолотым кофе. Обречённо вздохнув, Эрин снова взялась за метлу.

Жёсткие щетинки зашуршали по асфальту. Пролетая мимо, как будто в насмешку, ветерок приносил дразнящий запах булок и звон чашечек. Эрин принимала свою грустную участь с размеренным усердным сопением, временами, вдохновения ради, вызывая в памяти улыбающееся лицо лейтенанта Крайста.

К вечеру у неё отчего-то так сильно разболелась голова, что даже коробка шоколадных конфет, употреблённая без оглядки на фигуру в лечебных целях почти целиком, оказалась совершенно бессильной.

Эрин списала этот внезапный приступ мигрени на непривычную обстановку, недовольство своим внешним видом и переутомление. «Вот приеду домой, залезу в ванну с эфирными маслами и огромной, будто сугроб, горой пены, вымоюсь хорошенько, приоденусь, уложу волосы, и всё сразу пройдёт…» — утешала она себя, лёжа на деревянных нарах в тесной сторожке для подсобных рабочих.

Представляя себе счастливый час своего освобождения, она крепко уснула.

Через два дня, как и обещал Крайст, за Эрин приехали. Она заметила высокого офицера ещё на проходной, и принялась, прищурившись, жадно вглядываться в него; она была весьма удивлена тем, что сердце у неё колотилось при этом скоро-скоро, точно у испуганного зайца; и каково же было её разочарование, когда выяснилось, что явившийся за нею лейтенант — не Билл Крайст! У него образовались какие-то другие срочные дела, и он попросил своего коллегу оформить Эрин окончание срока исправительных работ. Она чуть не плакала, меняя оранжевую робу на белое хлопковое платье и поднадоевшие резиновые сапоги на босоножки с тонкими ремешками! Это неожиданное и глупое чувство облома от подмены Крайста другим офицером невозможно было объяснить ничем, кроме…

Пальцы Эрин, воюющие с непокорным замочком босоножки, застыли на несколько мгновений…

«Боже мой! И надо же было так феерически влипнуть!» — она недовольно сдула упавшую на лицо прядь мягких серебристых волос. Бедный Эрн, бедный мой мальчик! Несчастная я, дура! И что же теперь со всеми нами будет!»

5

Странные сны продолжали преследовать Магистра, становясь с каждым днём всё более объёмными и осязаемыми, и если раньше он мог хотя бы иногда опомниться и, наполовину проснувшись, осознать, что продолжает спать, то теперь он оказывался стоящим на бесконечной дороге под проводами в полной уверенности, что вот это и есть реальность: тёплый белый песок, пастельное небо, вышки и провода. Даже после пробуждения Магистр не сразу приходил в себя; в течение какого-то времени ему продолжало казаться, что впереди на многие километры тянется белая песчаная дорога, а привычная окружающая

обстановка: окно, трюмо, фонтанчик с подсветкой, хрустальная люстра и прочие знакомые предметы — проступают сквозь неё зыбкими туманными миражами.

Не так давно Магистр Белой Луны разыскал в библиотеке одного чокнутого коллекционера эзотерической литературы любопытную книгу — «Открытие порталов. Двери между мирами. Практическое руководство». Целая глава в ней была посвящена нематериальным параллельным пространствам. Магистр, надо сказать, терпеть не мог теории, он собирался уже было пролистать всю эту присыпанную труднозапоминаемыми терминами галиматью о том, какие разные виды параллельных пространств — многомерные, вневременные, точечные, бесконечные — вообще существуют, но его внимание привлёк подзаголовок: пространство идеальных объектов. Магистр решил, что это именно то, что ему нужно. «Любой материальный объект, — читал он, шевеля губами, — обладает бесконечным количеством изъянов, ибо материя сама по себе из-за своей непрерывной изменчивости неоднородна: ни у одного стула не может быть две абсолютно одинаковых ножки…» Магистр перевернул страницу. «Идеальные объекты могут существовать только в сознании, в мысленном пространстве…» Магистра поразило соответствие написанного в этой книге его собственным представлениям; он нетерпеливо теребил её, дрожащими руками разделяя слежавшиеся друг с другом добротные толстые листы, и жадно вцеплялся взглядом в текст.

6

Эрн сидел верхом на толстой ветке старой черешни, которая аркой нависала над садовой дорожкой. Она ещё плодоносила, и иногда мальчишка, желая подшутить, срывал плотные мелкие незрелые ягоды и плевался ими или в деловитого Ниоба, проходящего мимо с каким-нибудь садовым инвентарем, или в гуляющую с белым зонтиком Ехиру.

Магистр Друбенс еле заметил юного колдуна в густой листве.

— Добрый день, — мальчик жизнелюбиво улыбался старику, рукой отводя ветку черешни от лица, чтобы лучше его видеть. — Хотите, чтобы я спрыгнул?

Магистру было трудно разговаривать с Эрном; всякий раз у него ком вставал в горле, и сейчас, глядя на лучезарное личико среди листвы, Роберто Друбенс вновь проклинал себя, ту черноту внутри, которая ни на секунду не позволяла ему забыть о том, что этот мальчишка — сильнее… Чего бы только ни отдал Магистр теперь, чтобы обратно засунуть злосчастного Исполнителя Желаний в ту кромешную пространственно-временную дыру, откуда он появился!

— Нет… Не нужно. Не утруждайте себя… — старик прошёл ещё несколько шагов по дорожке и остановился прямо под черешней. Сверху смотреть на него, тщедушного, с острой клиновидной бородкой и в круглых металлических очках, было довольно забавно.

Погода стояла влажная, ветреная и солнечная. Тени листвы скользили по нежным щекам Эрна, сидящего на ветке. Он улыбался Магистру, показывая ровные мелкие жемчужные зубки. Он и предположить не мог, что этот странный старик, безропотно исполняющий все его капризы точно добренький дедушка, ненавидит его всей душой, одновременно боготворя, ибо одно не может существовать без другого, и на свете нет, наверное, чувства страшнее и противоречивее, чем такое болезненное обожание, граничащее с желанием убить, по отношению к тому, перед кем чувствуешь себя ничтожным; Эрн ничего этого не знал, ему было четырнадцать лет, а Друбенсу — почти четыреста, и мальчик как ни в чём ни бывало улыбался старому колдуну, глядя на него сверху вниз, чуть склонив на бок свою изящную головку…

Поднявшись в гостиную, Магистр залпом выпил свой остывший чай и продолжил упражняться. Он совершал по два-три внетелесных путешествия в день — на большее у него не хватало сил.

Облокотившись на мягкую спинку кресла, Друбенс спокойно положил сухие руки на подлокотники и закрыл глаза. Мутная тёмная пелена качнулась, словно занавес; всё закружилось, точно Магистр потерял равновесие; в какое-то мгновение он даже ощутил невесомость, как при падении — а потом яркий свет ослепил его.

ИСТОРИЯ ПРО СИДЯЩЕГО НА СКАЛЕ

Никто не знал, как зовут того человека, который сидел на скале. Все его так и называли — Сидящий На Скале, ведь кроме этого он ничего не делал. Он приходил на скалу рано утром, перед рассветом, а уходил уже после захода солнца. Он садился на самый край обрыва и свешивал ноги вниз. Никто не знал сколько лет Сидящему На Скале. На вид ему нельзя было дать больше двадцати, но когда он смотрел в глаза, казалось, что он прожил уже не один век — так тяжёл и глубок был его взгляд. Жители горной деревни боялись Сидящего На Скале. Они не заговаривали с ним и старались побыстрее разойтись, если он попадался им навстречу. Но некоторые из них всё же любили его, и он великодушно позволял им это. Они оставляли фрукты и хлеб там, где тропа, идущая из деревни делилась на две: широкая и утоптанная вела к морю, а узенькая и каменистая — в горы. В благодарность Сидящий На Скале иногда играл им на чёрной флейте. В полной тишине, когда, казалось, слышно было даже рассвет. Они стояли под скалой, задрав головы, и медленно поднимающееся солнце золотило им щёки.

Только один пришлый старик отважился заговорить с ним. Он поднялся на скалу и, встав за спиною того, кто сидел на ней, долго глядел вперёд, на тонкую линию горизонта, которой на самом деле не существовало. А потом спросил:

— Зачем ты сидишь здесь?

— А что ещё можно делать? — ответил вопросом на вопрос Сидящий На Скале.

— Жить.

— Всё бессмысленно, — ответил Сидящий На Скале, — в жизни есть только плотские радости да стремление к ним — природная агрессия, заставляющая подавлять более слабых для того, чтобы заполучить себе ещё больше плотских радостей. На этой почве вырастает большая война, именуемая цивилизацией…

— Если всё так плохо, то почему ты не спрыгнешь с этой скалы? — спросил старик.

— Мне нравится думать, что я могу сделать это в любой момент.

— Ты не боишься смерти?

— Нет, — ответил Сидящий На Скале.

— Почему?

— Она ничего не сможет изменить. Ведь кто-нибудь другой потом будет приходить на скалу и сидеть вот так, на самом краю. И смотреть, как умирает время, наблюдая за колыханием маленького деревца, уцепившегося за скалу, или расходящимися по воде кругами от брошенного камня. И чувствовать ветер на своём лице. Вся боль в мире происходит о сознания собственной исключительности. Вы ведь не расстраиваетесь, когда умирает кто-то на другом конце света. Вас, людей, это не волнует. Ни для кого из вас нет смерти, пока она не коснулась вас лично. А у меня нет меня. Я сам для себя не существую. Я

сижу на скале. Я наблюдатель. Видите, как чайка балансирует вон на том камне. Кто угодно мог бы увидеть это. И меня не волнует смерть.

Скала нависала над небольшой бухтой, отделённой от моря высокими каменными гребнями. Старик посмотрел вниз. Вода была совершенно спокойная. Сидящий на скале бросил вниз небольшой камушек. Водная гладь исказилась на миг, как треснувшее зеркало. Потом снова успокоилась, выровнялась, остекленела.

— Колебания, которые ты возмутил своей жизнью в мире, утихнут, как эти круги на воде. Рано или поздно. — сказал Сидящий На Скале. — Всё созданное подверженс забвению.

— Прощайте, — сказал старик, и, осторожно ступая, направился вниз по узкой каменистой тропинке.

Когда он дошёл до развилки, до слуха его донеслись чарующие звуки. Сидящий На Скале играл на чёрной флейте, и всё замерло: небо, море, скалы — чутко прислушиваясь к нему…

Магистр Друбенс очнулся, но, как это бывает обычно после переносов сознания, пришёл в себя не сразу: какое-то время он ещё продолжал ощущать морской ветер на своём лице и колкие прикосновения каменистой тропы к босым ступням — какая-то часть его всё ещё была тем стариком, который спускался со скалы, и в ушах у него, стихая и удаляясь, всё ещё звучала та удивительная музыка…

Магистр потянулся в кресле и захлопнул книгу, лежащую у него на коленях. Голова его немного кружилась. Упражнения с сознанием отнимали у него невероятно много энергии, но он продолжал тренироваться с невиданным упорством. Он видел перед собой цель. Ведь если ему удастся выстроить так называемый «мост» — сделать на время проницаемой грань между двумя параллельными Вселенными, сцепить, сплавить два сознания, своё и Эрна, воедино, то он получит возможность управлять огромной Силой Исполнителя Желаний. Но пока у него ничего не выходило. Раз за разом его вышвыривало в какие-то незнакомые миры, в сознания каких-то совершенно чужих людей, которые либо уже умерли, либо обитали неведомо где. Магистру случалось оказываться на далёких планетах, где освещали небо незнакомые звёзды, красные гиганты или белые карлики; в древних государствах; в дремучих джунглях среди первобытных племён… Но он не терял надежды. Настанет час, он закроет глаза и, открыв их вновь, обнаружит себя сидящим на черешне и болтающим ногами. Он почувствует прикосновение листьев к молодой коже, ощутит пощипывание колы на языке… Он немного помедлит, вдыхая четырнадцатилетней грудью свежий летний ветер, наслаждаясь ощущением бессмысленности и полноты бытия, а потом прочтёт специальное заклинание-спайку, соединяющее два сознания между собой, сливающее друг с другом личные Вселенные, и даже чуть раньше, чем губы его замрут на последнем слове, Магистр поймёт, что нет больше ни Эрна, ни его самого; что вместо них двоих существует теперь другая, новая личность, содержащая в себе и того, и другого…

7

Ни на одной фотографии Эрн не получался таким, каким представал перед глазами. Кирочка поняла это, когда увидела несколько его школьных снимков в местной газете и объявление, приклеенное к столбу: «Внимание! Пропал ребёнок». Объективы искажали хорошенькое личико юного колдуна до неузнаваемости; фотографии очень сильно отличались одна от другой: с каждой на обывателя смотрел совершенно новый Эрн, и, если

подумать, в расклеенных по Городу объявлениях не было никакого проку — по чёрно-белым изображениям на них чужой человек вряд ли смог бы узнать мальчика. Бдительных и отзывчивых горожан, однако, нашлось предостаточно. В течение последней недели участились случаи приводов в отделения полиции по всему Городу подростков, внешность которых в той или иной степени соответствовала расклеенным фото, но, разумеется, среди них не обнаружилось ни одного Эрна…

Кирочка решила начать поиски маленького мага со школы. «Если расспросить хорошенько его одноклассников и учителей, — рассуждала она, — то можно будет напасть на след. Наверняка за ним замечали какие-нибудь странности. Быть может, его видели в обществе подозрительных личностей. Обычно похищения не происходят вот так — вдруг. Что-то должно было предшествовать этому».

Несмотря на то, что занятия в школе прекратились на лето, она оставалась открытой: в ней работало несколько спортивных секций и профилакторий для ребят, не имеющих возможности выехать за город. На огороженной территории школьного двора играли в футбол. Ватага мальчишек от двенадцати до пятнадцати увлечённо и шумно гоняла мяч. Кирочка остановилась поодаль и принялась наблюдать за ними. К ней подошёл охранник. После исчезновения Эрна директор школы приказал усилить меры безопасности.

— Добрый день, — вежливо обратился к Кирочке невысокий усатый мужчина с резиновой дубинкой на поясе, — могу я узнать цель вашего визита в наше учебное заведение?

— Да, разумеется, — ответила Кирочка, — я детектив. Расследую похищение мальчика.

— Знаю, было у нас такое, — охранник продолжал смотреть с той же деликатной подозрительностью, — будьте добры, предъявите ваше удостоверение.

Не растерявшись, Кирочка полезла в нагрудный карман джинсовки и выудила оттуда липовый полицейский жетон, который на всякий случай выдавали всем служащим Особого Подразделения.

— Благодарю, вас. Извините за беспокойство, — сказал охранник и удалился.

Подростки продолжали гонять мяч. Кирочка заприметила одиноко сидящего на лавочке у забора толстого мальчика в очках. Она подошла.

— Здравствуй, — обратилась она к мальчику, — ты почему не играешь со всеми?

— Я толстый и плохо бегаю, — ответил он грустно, — все дразнят меня, когда я пытаюсь догнать мяч, и орут вслед: у Томми зад трясётся! у Томми зад трясётся! или ещё что-нибудь жутко обидное…

— Не обращай внимания, — сказала Кирочка, ободряюще коснувшись плеча Томми, — Это ничего, что ты толстый. Худые, конечно, лучше бегают и прыгают, но не в этом счастье, поверь, у полненьких мальчиков зато удивительно нежная кожа…

— Правда? — спросил Томми, просветлев лицом. Ему редко говорили настолько приятные вещи. Он благодарно взглянул на Кирочку, но потом, вздохнув, добавил удручённо:

— У Эрна всё равно была нежнее! И ни одного прыща, представьте, ни одного! Повезло ему, хотя он совсем не жирный, ни чуточки…

— Ты его знаешь? — воодушевилась Кирочка.

Томми кивнул.

— Мы дружили…

— Тебе известно, как он пропал?

— Нет. Это случилось после того, как мы поссорились…

— Из-за чего?

— Не знаю. Он стал странный.

— В чём это выражалось?

Томми задумался.

— Ну… — протянул он, — в двух словах не сказать… Я сам не понимаю — в чём. Мне просто страшно становилось иногда находиться рядом… Как будто от Эрна что-то исходило… Сияние какой-то запредельной жути.

— Ты грустишь о нём?

— Да, конечно. Хотя он постоянно надо мной насмехался, называл меня «жирным», но он делал это по-особенному, «любя», меня это даже почти не обижало, я привык. Эрн проводил со мной много времени, мы всё делали вместе…

— Ясно. Извини, что потревожила твои воспоминания. Можешь ещё что-нибудь рассказать?

— А зачем вам? — Томми впервые взглянул на Кирочку недоверчиво.

— Я детектив, — ответила она, — расследую исчезновение Эрна.

— Настоящий детектив? Как в фильмах? — воскликнул Томми, — Ух ты! Всегда мечтал хоть разок увидеть!

Неподдельное восхищение в его глазах заставило Кирочку улыбнуться.

— Ну, смотри на здоровье… — сказала она.

— И я согласен помогать вам! Сейчас только заберу сумку из спортзала! — Томми вскочил со скамьи и с небывалым проворством помчался по двору к зданию школы.

— У Томми зад трясётся! — завопил ему вслед какой-то белобрысый мальчик.

— А у тебя — подбородок! — осадила Кирочка обидчика.

Белобрысый изумлённо заткнулся, принявшись с испуганным любопытством разглядывать высокую грозную девушку, расхаживающую взад-вперёд по краю спортивной площадки.

Через несколько минут Томми прискакал с увесистой спортивной сумкой, и они вместе с Кирочкой вышли за калитку.

— Знаете, детектив, — осмелев начал рассказывать Томми, — это, наверное, покажется вам невероятным, и вы, боюсь, мне даже не поверите, но я практически убеждён: Эрн способен воплощать мысли…

Кирочка насторожилась.

— Вот как всё было… — воодушевлённо продолжал Томми, безмерно счастливый от того, что его слушают с таким вниманием — мы шли по супермаркету, и он пересказывал мне одну рекламу, а потом вдруг… Я видел сам! События из этой рекламы начали происходить в реальности, так, словно пространство ни с того ни с сего решило откликнуться на мысли и слова Эрна, послушаться его…

— Ты очень наблюдательный, Томми, — сказала Кирочка совершенно серьёзно. — Многие события кажутся нам бессвязными только потому, что мы не умеем правильно к ним присмотреться.

— Я хотел бы стать детективом, — протянулТомми мечтательно, — для этого я тренирую внимание и память. Они же так важны для сыщика!

Маленький толстячок с искренним любованием говорил об этой своей вероятной будущей профессии, одной из многих, избранных им и возлюбленных, но тут же отвергнутых в корне теми, кто, как им казалось, лучше знал возможности Томми, чем он сам; глаза у

парнишки загорелись, щёки разрумянились, и Кирочка сразу поверила в него, безусловно поверила, не рассудочно, а интуитивно — так верят случайным людям на вокзале, когда просят приглядеть минуту за багажом… Ей почудилось, будто между ними — между нею и Томми — что-то произошло, выстроился невидимый мост, протянулась золотая нить — от сердца к сердцу. Она улыбнулась.

— У тебя всё получится.

— Правда? — Томми взглянул на неё с сомнением: не шутит ли она? не льстит ли?

— Вы первый человек, кто говорит мне это! Все остальные уверяли меня, что я ни на что не годен…

На Кирочкином внутреннем экране возникла в этот момент одноклассница Дагма, напряжённо морщащая лоб в попытке решить логарифмическое уравнение.

— Так не бывает. Просто ты не нашёл своё. Так было и со мной. Я работала и в закусочной, и в магазине… Чем я только не занималась до тех пор, пока… — Кирочка запнулась, — …не пришла в Полицейское Управление.

Томми поднял на неё доверчивые глаза.

— Вы отведёте меня туда? Скажете им, что я очень хочу быть детективом? Дадите мне рекомендацию? Ведь если вы сами хороший сыщик, то они послушают вас…

Кирочка почти ощутила, как щёлкнул, сомкнув свои челюсти, воображаемый капкан, созданный необходимой, казалось бы, дежурной маленькой ложью. Она почувствовала лёгкую вину перед Томми за то, что ей сейчас придётся дать ему напрасную надежду… Впрочем, такую ли уж напрасную… Ведь она может стать его Куратором. Быть Служащим Особого Подразделения, пожалуй, даже интереснее, чем сыщиком. Эта мысль успокоила Кирочку.

— Хорошо, — сказала она, — но только не сейчас. Тебе должно исполниться шестнадцать лет. А пока мы будем наблюдать за тобой, и если ты не передумаешь…

— Я не передумаю! — с жаром воскликнул Томми. Лицо мальчика ярко озарил свет, переполнявшей его радости. — Спасибо! Вы такая добрая и красивая…

Томми наклонился и, сорвав один из бесчисленных одуванчиков, что росли вдоль песчаной тропинки бульвара, протянул его Кирочке.

— Это вам, — сказал он. Кирочка остановилась. Тот порыв, который она пробудила в Томми, не мог не затронуть её. Не ведая о том, она попала в самую точку, в самую чувствительную область души смешного толстого мальчика, в его самолюбие, что годами зарывалось в землю родителями, одноклассниками и даже учителями. «Ты тупой, Томми». «Я так и знал, что ничего у тебя не выйдет». «Твоих способностей на это не хватит». «Выше головы не прыгнешь». Один Бог знает, сколько раз ему приходилось слышать подобное! Поэтому его благодарность Кирочке, вернувшей ему надежду, почти уже потерянную, была необъятной. Он стоял перед нею маленький, восторженный, трогательный до слёз… и протягивал ей золотой пышный сладко-пахнущий одуванчик. Она наклонилась к Томми и легко коснулась губами его мягкой нежно-розовой щеки.

8

Почувствовав прикосновение ветра к своему лицу, Магистр Белой Луны открыл глаза. Перед ним простиралось бескрайнее поле, по которому до самого горизонта тянулись волнистые борозды тёмной свежевзрыхлённой земли, в воздухе чувствовалась первая весенняя теплынь, влажный и свежий аромат пашни был приятен. Стая птиц внезапно вспорхнула с поля и рассыпалась в небе, словно конфетти из хлопушки.

Друбенс с удовольствием огляделся. Но вокруг не нашлось ни одного предмета, на котором можно было остановить взор. Только пашня, душистая тёплая пашня, чёрный океан без конца и без края. Магистр сперва растерялся, но вдруг заметил далеко-далеко впереди, почти у самого горизонта, малюсенькую движущуюся точку. Он напряг зрение. По полю шёл человек.

С необъяснимой радостью Магистр побежал по пашне ему навстречу, спотыкаясь на крупных комьях плотной глинистой почвы. Он кинулся к единственному встреченному здесь человеку так отчаянно, словно они двое остались последними на всём свете.

Однако, подойдя к незнакомцу ближе и получше его разглядев, Роберто Друбенс заметил, что это не просто праздно шатающийся в поле путник — тот шёл, грузно налегая на соху, которую тянула крупная коренастая кобыла.

Приблизившись ещё на несколько десятков шагов, Друбенс получил возможность рассмотреть пахаря во всех подробностях. Его немало удивило, что тот оказался глубоким стариком. Длинная борода его спускалась почти до самых колен, ветер играл редкими истончившимися белыми волосами, солнце припекало круглую нежно-розовую лысину. Узловатыми старческими руками, похожими на извилистые корни дерева, тот поразительно уверенно и ровно вёл за лошадью свою соху.

— Добрый старец, — обратился к нему Магистр, отчего же ваши сыновья или внуки не пашут заместо вас?

— Они пашут свои борозды, — отвечал пахарь с тихой загадочной улыбкой, — а мою никто за меня не вспашет.

Получив ответ, Магистр молча прошёл бок о бок со стариком ещё около сотни шагов, он не понимал, зачем он идёт с ним, но ни остановиться, ни уйти не мог, да и куда идти, спрашивается, кроме старика и чёрной земли вокруг просто не было ничего. Вскоре Магистр почувствовал, что дорога по полю и без сохи-то нелегка, и солнце припекает, и неплохо было бы перекусить. Он обратился к пахарю:

— И долго вы уже пашете? Не устали?

— Я пашу каждый день от рассвета до заката не останавливаясь, я привык, и мне это не в тягость, ведь я слишком хорошо знаю, что стоит остановиться, чтобы перевести дух, и вновь взяться за соху окажется неимоверно трудно. Не существует недуга более цепкого, чем лень.

Магистр продолжал плестись за странным стариком по полю, усталость и жажда мучили его, а пахарь, казалось, вообще нисколько не притомился.

— Может, вы всё-таки остановитесь? — жалобно обратился он к старику снова, — я уверен, что вам хочется передохнуть.

— Не могу я остановиться, — тихо отвечал пахарь, — время ведь не останавливается, не отдыхает, а если остановлюсь я, то оно будет проходить даром.

Магистр уже был близок к тому, чтобы разозлиться на старика. Отирая пот со лба, он тащился за ним вдоль борозды и уже начал понемногу отставать.

— А зачем ты пашешь? — не выдержав, воскликнул он с тоской в голосе, — тебе ведь всё равно помирать скоро, кому нужно, чтобы ты гробился тут день-деньской, так ведь и рухнешь тут однажды, не дойдя даже в последний раз до края, в борозде прямо!

Старик продолжал идти вперёд, он только слегка повернул голову и, не теряя своего величественного спокойствия, произнёс:

— Что же по-вашему жизнь? Она и есть бескрайняя пахота. Нет в ней ничего другого.

— А радость тогда в чём? — совсем уже потерянно спросил Магистр.

— В том и есть, — отозвался старик с тихой задумчивой улыбкой, — вот гляди, борозда ровно ложится, земля легко поддаётся — радостно, корень какой попадётся, али камень — плохо…

Роберто Друбенс вздрогнул и открыл глаза. Перед ним возникла его родная гостиная: ещё никогда он не возвращался сюда из ментальных путешествий с таким восторженным облегчением! На журнальном столике его ждал кофе и кусочек кофейного бисквита.

9

После освобождения Эрин всё-таки решилась навестить старого друга. Она вышла из автобуса возле знакомой изрисованной граффити стеклянной остановки и неспешно направилась вдоль сплошного деревянного забора, которым был обнесён сад Магистра Белой Луны. Вдруг она услышала голос мальчика-подростка. Он раздался где-то совсем недалеко, за стеной из плотно пригнанных друг к другу досок, над которой нависали густые ветви черешен, усыпанные зелёными ягодами. Эрн! Сладко споткнувшееся сердце матери не могло ошибиться! Эрин остановилась, прильнула к забору и, найдя малюсенькую щель между досками, заглянула в сад.

— Подтяни верёвку чуть повыше, Ниоб… — командовал Эрн, — не то качели будут висеть криво!

Вершина старой черешни немного тряслась. Толстая ветка ощутимо гнулась под тяжестью Ниоба, старательно закрепляющего на ней витые прочные верёвки для качелей. Эрн, стоя на земле, руководил процессом. Он смотрел наверх, в шуршащую гущу ветвей и лучезарно улыбался. Эрин, стараясь не обнаружить своего присутствия, наблюдала за всем этим сквозь щель в заборе. «Господи… Он всё же поймал его… — думала она, — мальчик мой… Только бы старик не сделал ему никакого зла. Впрочем, непохоже, чтобы он держал моего сына здесь насильно. Эрн выглядит, пожалуй, чересчур спокойным и весёлым для подобных обстоятельств…»

Качели повесили. Заскрипела старая черешня. Эрин теперь не видела мальчика, она только догадывалась, в какую сторону он летит, сотрясая мощное дерево, изо всех сил раскачиваясь на маленькой дощечке. «Надо что-то делать, — решила она, — не по доброте душевной Друбенс тут кормит моего сына пряниками, это ясно».

Перспектива действовать в одиночку, однако, совсем не радовала Эрин. Ещё бы! Магистр Белой Луны сам по себе очень силён, и с ним его верные ученики. Глупо переть на танк с рогаткой. Даже ради собственного ребёнка. Только вот у кого попросить помощи?

Перед внутренним взором Эрин крупным планом возникло лицо лейтенанта Крайста. Сначала она отмахнулась от этого мыслеобраза как от мухи. Что за глупость? Просить офицера Особого Подразделения спасти одного колдуна от другого? А с другой стороны, почему нет? Ведь Эрн не злой маг, он ребёнок, и он не сделал ничего плохого. Кроме того, — Эрин, конечно, было трудно признаться в этом самой себе, — ей снова хотелось увидеть Билла, хотя бы на минуточку… И тут такой повод!

Последний раз заглянув в щёлочку забора и увидев только кусок лужайки под старой черешней, она вздохнула и направилась обратно к автобусной остановке.

10

Кирочкино давнее желание сбылось внезапно и прямо-таки оглушительно, ведь она уже успела смириться с тем, что оно не сбудется никогда.

Длинные вечерние тени домов пересекали проспекты и тротуары. Витрины сияли

отражённым светом.

Кирочка, войдя а одну из недорогих закусочных Центра, подняла солнечные очки на лоб.

Посетителей было не очень много. Несколько солидных мужчин за стойкой бара, две дамы средних лет за столиком у окна, и женщина с двумя детьми. Девочки, по-видимому, близнецы, одетые в одинаковые платья с кружевными манишками, нетерпеливо вертелись в своих детских сидениях, придвинутых к столу.

Поначалу Кирочка не обратила на молодую мать никакого внимания; присев за столик и сделав заказ, она увлеклась чтением новостей с наладонника. В связи с появлением Эрна, это занятие постепенно стало входить в круг её рабочих обязанностей. Любые взрывы, затопления, обрушения, массовые беспорядки, масштабные неполадки энергосетей сразу попадали в фокус её пристального внимания. Сегодня, вроде, всё было пока спокойно. Кирочка гнала пальцем по сенсорному дисплею нескончаемую новостную ленту. Но вдруг привычное фоновое жужжание кафе прорезал звон бьющейся посуды.

— Ай, проклятье! — воскликнула мать. Тарелку расквасила одна из близняшек. К столику тут же подоспели официант со шваброй и дежурный администратор. Одно из упругих соцветий брокколи подкатилось к ножке Кирочкиного стула.

Она подняла взгляд. Что-то отдаленно знакомое проскользнуло в чертах лица незнакомой матери. Волосы у неё были, конечно, не рыжие, но… «Крашеная…» — подумала Кирочка, вглядываясь в шевелюру женщины, у корней её тёмные волосы чуть светлели и слабо отливали медью.

«Нетта!»

В первое мгновение Кирочке показалось, что от нахлынувшей радостной робости она даже не сможет встать из-за стола. Пульс свой она услышала где-то в горле.

Официант принёс мокрое полотенце для рук, блинчики со сладким соусом и клубнику, но Кирочка мгновенно утратила аппетит. Она повернулась к столику молодой матери и принялась наблюдать за нею.

Та пыталась накормить одну из своих дочек картофельным пюре и мясной фрикадельком. Другая дочь барабанила по столу ложкой и, радуясь своей безнаказанности, сопровождала каждый удар странным смехообразным звуком.

Кирочка не умела на вид определять возраст детей; они никогда не были ей интересны; судя по всему, малышкам было около года.

— Привет.

Кирочка обнаружила себя стоящей возле столика и сверху вниз взирающей на женщину с детьми.

— Я, надеюсь, не обозналась?

Мать двойняшек отвлеклась от вталкивания в маленький упрямый ротик очередной ложки и взглянула на неё.

— Кира? — голос женщины прозвучал почти испуганно.

— Ну, давай… Рассказывай, — расцветая улыбкой, Кирочка сложилась почти помолам и присоседилась к близнецам, — Сто лет тебя не видела, скучала, честно скажу…

Нетта смотрела на неё и молчала. Она медленно положила ложку на стол. Дочка, которую столь неожиданно освободили от обязанности раскрывать рот и давить челюстями пюре, возрадовались и принялась деятельно тормошить салфетницу, до которой сумела дотянуться.

Тему для разговора после стольких лет найти непросто. Поначалу всегда приходится идти по тонкому льду погоды, сериалов, политики и прочего. А потом вступают в игру воспоминания. Это работает почти безотказно.

— Отчего ты не пришла на встречу одноклассников? — спросила Кирочка и тут же поняла, что попала впросак.

Нетта кисло кивнула в сторону близнецов. Поностальгировали о школьных днях. Поговорили о Лоренце Дорне и Саше Астерсе, и тема воспоминаний тоже постепенно начала истощаться. Кирочке резко захотелось встать и уйти; Нетта производила впечатление гнетущее и казалась существом совсем чужим, почти враждебным.

— Ты практикуешь? — спросила Кира вполголоса.

Нетта, кажется, не поняла вопроса.

— Ну… в смысле… ты ведь ведьма… — робко продолжила Кира.

Нетта глядела на неё удивленно.

— Ты что? Мне совсем теперь не доверяешь? — разочарованно прошептала Кирочка, — сама ведь в детстве рассказывала мне о магии… Призналась, что ты ведьма…

Нетта смотрела на неё странно. Так, будто впервые слышала о колдовстве.

Кирочке стало обидно. Она решила, что причина Неттиного молчания кроется в окончательной потере связи между ними, и это ранило её.

— Ты что? — спросила в свою очередь Нетта со слабой, почти саркастической улыбкой. — До сих пор веришь в такую ерунду? В ведьм? В колдунов? Мы ведь малолетки были, и я шутила просто, дурила тебя…

— Шутила? — спросила Кирочка, чувствуя, как немеют кончики пальцев.

— Ну конечно! — Нетта рассмеялась маленьким противным смехом. — А ты и верила! Ну, ты даёшь…

Кирочка не знала, что сказать. Она даже и думать сейчас ни о чём не могла. Ведь именно благодаря той вере, которую поселила в ней Нетта, она оказалась там, где была в данный момент, прошла часть того пути, что дал ей столько восхитительных переживаний и продолжал давать, до самой сегодняшней минуты… И она была безумно благодарна миру за этот чудесный путь.

— Боже… — это было единственное уместное слово. И Кирочка его произнесла.

— Ладно, мне покормить надо, — сказала Нетта.

Кирочка, забыв напрочь о своём заказанном и остывшем ужине, повернулась и вышла из кафе.

«Офигеть, — думала она, — просто офигеть. Кто-то из нас двоих явно сошёл с ума и видит реальность неправильно, искажённо. Причём с большей вероятностью сумасшедшая именно я, ведь всё это, и Эрн с его огромным роботом, и Аннака с её вылечивающимися маньяками и летающей мебелью… Бог мой… Ведь всё это действительно очень похоже на бред…»

Она надела тёмные очки и двинулась навстречу солнцу.

«Сверхсекретное Особое Подразделение… Обучение на курсах. Задания. Офицерские звёздочки. Правило одной ночи. Русалки… Эрн… Это изощрённая упорядоченная система галлюцинаций, фантасмагорий — набор симптомов психического расстройства. И я очнусь сейчас где-нибудь в одиночной камере городской дурки… Бог мой. Это всё слишком прекрасно, чтобы быть реальностью… Я сплю и вижу сны… Бог мой».

Пройдя быстрым шагом несколько кварталов, она резко остановилась посреди тротуара.

Нет!

«Я, пожалуй, радостно согласилась бы с тем, что всё это бред… если бы не Крайст. Он настоящий. Даже, пожалуй, слишком».

От этой мысли Кирочке стало страшно, и на тёплом летнем ветру по её открытым плечам, точно мелкая рябь по воде, побежали мурашки…

глава 4

1

Тёмная пещера с высокими сводами глотала катящееся впереди эхо шагов. Группа из нескольких человек шла, пробивая себе путь во мраке лучом карманного фонарика.

— Это должно быть здесь.

Слабенький синеватый лучик света лизнул морщинистую стену пещеры и осветил лицо Аннаки Кравиц. Она погасила фонарик.

— Нормальные колдуны всегда заседают в темноте? — раздался за её спиной насмешливый голос Крайста. Аннака улыбнулась, и эту улыбку можно было ощутить кожей, точно так же, как прохладный сквозняк пещеры или лёгкий запах сырости. Она сняла плащ и, не глядя, бросила его на руки Билла.

— Нет. Выключайте свои адские дозиметры. Сейчас всё будет. Как в старые-добрые!

Судя по движению воздуха, она раскинула руки. Сквозняк стал постепенно усиливаться, крепнуть, превращаясь в ветер, в нём появились оттенки запахов прелой листвы и грибницы, неповторимых запахов щедрого влажного леса… В один миг на стенах пещеры зажглись в разных местах свечи в старинных канделябрах, закреплённых в камне, и стало совсем светло.

— Почти ничего не изменилось, — сказала Аннака, проводя рукой по поверхности практически идеально круглого нешлифованного толстого каменного блина, лежащего на полу пещеры.

Кирочка подошла сзади и тоже, не сдержав любопытства, погладила ноздреватый камень.

— Осторожно, — предупредили её из-за спины.

Пещера была просторная, с удивительно высокими сводами, из неё в разные стороны вело несколько широких коридоров.

— Это и есть знаменитый Круглый Стол? — спросила Кирочка.

— Не совсем… — отозвалась Аннака, — но не всё потеряно, сейчас мы приведём его в божеский вид!

Она снова взмахнула рукой. Каменный блин моментально высох, очистился от наростов плотного зелёного мха и стал совсем ровным. Невидимая кисть белой краской жирно начертила в его центре круг и разделила его на четыре сектора.

— Вот блоки магических специализаций, — сказала Аннака, предвосхищая вопросы. — Колдуны рассаживались в соответствии с ними. Вещество или материя, первый блок, энергия — второй, информация — третий и… последний блок, насколько мне известно, всегда пустовал… пространство-время… Вот я, например, могу легко управляться со стихиями, с окружающими предметами — это вещественная магия, Вассери — Аннака кивнула на большеголовую негритянку, стоящую позади Кирочки, — свой человек среди привидений, духов усопших, демонов и прочего — это энергетическая магия, а Курб — маленький толстяк польщённо приосанился — владеет многими техниками управления волей, переноса сознания и предсказания событий — это магия информационная. Но, вообще говоря, чистых специализаций среди современных колдунов почти не встречается. Мы все умеем понемногу и то, и другое, и третье…

— А последний блок? — тихо спросила Кирочка.

— Преобразование и искажение пространства, изменение хода событий, материализация мыслей… — ответила Кравиц, — колдуны этой специализации появляются на свет крайне редко, и они, как правило, очень слабые. Это опасная специализация. Нарушения стабильности пространства несут угрозу для всей Вселенной…

— Эрн, — догадалась Кирочка.

Тем временем Аннака сделала ещё несколько таинственных движений руками. Над каменным столом возник большой прозрачный шар, он повис в воздухе на приличной высоте, словно люстра, и засветился мерцающим голубым светом.

— Я прошу вас садиться, — возвысила голос Кравиц.

Колдуны начали подходить по одному, выбирая себе места в соответствующих секторах. Кирочка и Крайст стояли чуть поодаль, наблюдая за тем, как через боковые входы проникают в пещеру всё новые и новые приглашённые. Они проходили мимо Аннаки Кравиц, жали ей руку, а потом по очереди садились к круглому столу. Некоторое время спустя почти все места оказались занятыми. Пустовал только четвёртый сектор.

Дождавшись полной тишины, величественным жестом Аннака подняла вверх правую руку. Прозрачный шар под потолком внезапно вспыхнул очень ярко и, спустя мгновение, мигнул, изменив свой цвет на красный.

— Объявляю наше заседание открытым, — провозгласила Кравиц официальным тоном, — Если никто не возражает, то председателем буду я, Магистр Песчаной Розы. А вести протокол поручается Вассери, Магистру Лилового Тумана, — она слегка кивнула в сторону молодой негритянки. Шар под потолком мягко покачивался в воздухе, цвет его снова стал бледно-голубым.

— Теперь я должна объяснить вам, — снова заговорила Аннака, — по какому, собственно, поводу я решила собрать здесь всех вас впервые за сто пятьдесят лет. Дело в том, что…

Шар под потолком беспокойно мигнул ярко-алым, и струйка какого-то загадочного излучения, точно лента, протянулась от него к широкоплечему мрачному колдуну с чёрными глазами и тотчас растаяла в воздухе… Кравиц тотчас повернулась к нему и вежливо спросила:

— У вас есть вопросы или возражения?

— Вопрос… — ответил колдун, вперив в самоизбранного председателя подозрительный взгляд, — почему вы не пригласили Роберто Друбенса? Это не законно. На последнем заседании, согласно сохранившемуся протоколу, председательствовал именно он… Смена Верховного Магистра возможна только после Поединка, а поскольку Роберто Друбенс жив и здравствует, то никто не давал вам права…

— Я знаю, — спокойно ответила Аннака, — но позвольте мне сначала всё объяснить. В сложившихся обстоятельствах…

Шар под потолком снова замигал, тревожно, словно сирена полиции или скорой помощи. Только на этот раз алые ниточки указателей протянулись почти во все концы.

— Я слушаю… Прошу по одному…

Кирочка внимательно следила за лицом Магистра Песчаной Розы. Она восхищалась этой женщиной. Как ей только удаётся сохранять самообладание!

Из-за стола поднялся высокий худой юноша в сером костюме. Он положил правую руку на стол и назвал себя. Потом, подняв глаза на Аннаку, задал свой вопрос:

— Почему посторонние присутствуют на заседании? — Он перевёл взгляд на Кирочку и

Крайста, — они ведь не маги.

— Они серые! — Громко пояснила Эрин.

— Ваша привычка выкрикивать с места, Магистр Голубой Грозы, всегда меня раздражала.

Кирочка заметила, как дрогнула тоненькая жилка на виске Аннаки. «Я с тобой», — мысленно произнесла она, стискивая от волнения одну руку другой, глядя на колдунью с восхищением и гордостью.

— А действительно, Кравиц, что они тут делают? — прогнусил ещё кто-то со своего места.

— Они наши друзья…

— Серый колдуну не товарищ!

— Вот посмотришь, как они же тебе наденут на белы рученьки магнитные кандалы!

— Тоже мне, друзей нашла!

Шар под потолком лихорадочно мерцал. В заседании не было больше никакого порядка. Колдуны вскакивали с мест и выкрикивали своё, не давая Аннаке вставить ни слова.

— Куда ты дела Друбенса, интриганка?

— Друбенс — Верховный Магистр!

— Я не сяду на место, пока не позовут Друбенса!

— Сойди с круга, лохудра!

И тут в пещере погас свет. Все свечи разом потухли, будто кто-то огромный дунул на них. Только шар над столом продолжал светиться.

От неожиданности все примолкли и на миг забыли о своих разногласиях. Из мрака в облако зыбкого бледно-голубого света ступила хрупкая фигурка мальчика.

— Я так понял, вы кого-то заждались… Верховный Магистр теперь — я, — сказал Эрн и, легко запрыгнув на каменный стол, прошёлся по краю круга, — поняли, гаврики? — он выдержал эффектную паузу, а потом добавил, — Исполнитель Желаний. Прошу любить и жаловать.

В пещере стояла полная тишина. Только слышно было, как металось, ударяясь о стены, эхо шагов мальчика. Он вышел на середину каменного круга, поправил немного покосившуюся корону, и, медленно обведя взглядом присутствующих, произнёс:

— Круто.

В шаре под потолком замаячили цветные вспышки. Было заметно, что публика порядком взволнована. Временами то в одном конце стола, то в другом, у кого-нибудь срывался беглый осторожный шёпот и тут же тонул в тишине.

Лицо Аннаки Кравиц оставалось непроницаемым. Кирочка вглядывалась в него, словно в лица киноактёров, исполняющих немую напряжённую сцену, пытаясь уловить настроение председателя Круглого Стола и оценить обстановку. Колдунья стояла неподвижно, устремив на Эрна немигающий и оттого немного жуткий взгляд продолговатых изумрудных глаз. Эрн тем временем вынул изо рта жевательную резинку и, преспокойно скатав из неё шарик, швырнул его в темноту. Древняя пещера послушно поглотила этот атрибут цивилизации.

— Круто, — повторил мальчик, — я попал на настоящий Круглый Стол. А мне говорили, что их давно уже никто не проводит. Но очень хотелось взглянуть! — он прошёлся туда-обратно по диагонали круга, — Итак, — Эрн вложил в это маленькое слово столько самоуверенной деловитости, что позабавил некоторых присутствующих, — и какова тема сегодняшнего заседания?

Вопрос был обращён к Аннаке Кравиц, и все сразу взглянули на неё. Магистр Песчаной Розы выдержала небольшую паузу. Она уже успела совершенно овладеть собой и мысленно определилась с тактикой. Сделав небольшой шаг в сторону Эрна, Аннака обольстительно улыбнулась ему.

— Тема нашего сегодняшнего заседания — это как раз вы, уважаемый Верховный Магистр, — сказала она, — Ваше появление здесь, несмотря на всю его внезапность, очень кстати. Я как раз собиралась рассказать о вас нашим могущественным друзьям. Дамы и господа, — продолжила Аннака с нарочитой торжественностью, обращаясь уже к сидящим за Круглым Столом, — мне выпала честь сообщить вам, что магический небосклон совсем недавно озарила самая настоящая вспышка сверхновой. И сейчас вы можете лицезреть перед собой самого могущественного из наших современников…

Она сделала лёгкое и величественное движение головой, как бы поклонившись Эрну. Сидящие за столом молчали, но шар под потолком — тело эмоций, как называли его — делал явным царивший на заседании хаос. Большинство колдунов было напугано — в шаре мельтешили синие, фиолетовые и даже чёрные оттенки, кто-то гневался — шар временами вспыхивал оранжевым и жёлтым, а некоторые просто-напросто ничего не понимали — от этого тело эмоций мутнело, и определить по нему что-либо становилось практически невозможным.

Вдруг в одном из боковых коридоров пещеры послышались бегущие шаги. Все сидящие за столом тотчас обратили свои взоры в эту звучащую темноту — сюрпризов на сегодня было вполне достаточно даже для колдунов. Мгновение спустя в зыбкой ауре тела эмоций, освещающего стол, появилась растрёпанная запыхавшаяся Ехира и бесцеремонно влезла на каменный круг.

— Магистр тревожится за тебя, Эрн. Возвращайся немедленно, — пристрожила она мальчугана, как будто не замечая обращённых на неё взглядов.

— Вот ещё! — возмутился юный маг, — Никуда я не пойду! Мне тут нравится! — он потряс в воздухе скипетром, — Я как настоящий король!

Билл ощутил сначала лёгкое движение воздуха, а потом кто-то нежданно прижался к нему в темноте. В ту же секунду он услышал торопливый шепот Эрин, ухитрившейся под шумок покинуть своё место:

— Простите меня, лейтенант… Я должна была сказать вам, но я так боялась… Ведь это мой сын! Мой мальчик! Мне кажется, что ему угрожает опасность. Прошу вас, лейтенант, защитите его!

Крайст почувствовал прикосновение влажной щеки к своему открытому плечу. Это одновременно и растрогало его, и в очередной раз легонько пощекотало его мужское самолюбие.

— Не волнуйтесь, Эрин, — сказал он, мягко отстраняясь, — мы, конечно, сделаем всё возможное, но, я полагаю, этот молодой человек сам кого хошь натрёт на мелкой тёрке.

Ехира тем временем продолжала настаивать на том, чтобы Эрн отправился с нею. Подросток активно сопротивлялся.

— Нет уж! — восклицал он, размахивая скипетром, — никуда я с тобой не пойду! С меня хватило и отца, которого надо было слушаться! А теперь я вырос и никому не позволю командовать мной! Я тут главный. Я король!

Окончательно убедившись в своем бессилии, Ехира начала раздражаться — она представляла себе недовольство Учителя.

— Негодный мальчишка… — процедила она сквозь зубы, — ты добиваешься того, чтобы тебя прилюдно отшлёпали? — ведьма так разошлась, что забыла о предписанном подчёркнуто-вежливом обращении с юным колдуном, — а ну-ка поди сюда…

В миг очутившись рядом с Эрном, она схватила его сзади за футболку в районе воротника, точно котёнка за шкирку. Сидящие за круглым столом жадно вбирали глазами это захватывающее зрелище. Тело эмоций начинало постепенно зеленеть, приобретая оттенок молодой травы в солнечный день — некоторым становилось весело.

Эрн возмущённо вырвался от Ехиры, отскочил, дивные фиалковые глаза его зловеще сверкнули — все поняли, что сейчас что-то произойдёт.

— Я не буду никого слушаться! — завопил мальчишка, сжимая скипетр, вокруг которого начали разгораться и тихонько потрескивать голубоватые молнии, — Я сам себе господин! Сгинь! Проваливай к чёрту на рога!

Едва Эрн успел произнести последние слова, как рядом с Ехирой пространство вдруг сделалось мутным, по нему пошла мелкая рябь, точно по воде. Потом присутствующим показалось, что оно как будто открыло рот, подобно огромному живому существу и, чмокнув расплывчатыми губами, просто-напросто проглотило растерянную ведьму.

Дружный вздох, продолженный эхом, прокатился по пещере.

— Где она? — изумлённо прошептала Кирочка, вглядываясь в пустое место, на котором только что стояла Ехира. Пространственная рябь уже успокоилась, и окружающая действительность ничем не напоминала о случившемся.

— По всей вероятности, у чёрта на рогах! — с улыбкой предположил Билл, — Вот видите, — добавил он, обращаясь к напуганной и, должно быть, поэтому настойчиво льнущей к нему Эрин, — я же говорил вам, что не стоит беспокоиться. Парень превосходно справляется сам.

От зоркого взгляда Аннаки, председательствующей за Круглым Столом, не укрылось неожиданное перемещение Магистра Голубой Грозы и, судя по едва уловимому движению её красивых широких бровей, оно не пришлось ей по вкусу, но задерживать своё внимание на столь незначительном эпизоде могущественная ведьма сочла в данный момент неуместным, поскольку стремительная расправа с Ехирой вызвала сильный переполох. Многие повскакивали со своих мест, намереваясь спасаться бегством. Кое-кто нашел убежище под самим каменным диском, установленным на нескольких крупных булыжниках. Аннака считала своим долгом прекратить панику.

— Дамы и господа! — провозгласила она, подняв вверх правую руку. — Прошу вас сохранять спокойствие…

Кирочка видела, с каким великим трудом даётся упомянутое спокойствие самой Аннаке, и искренне сопереживала ей. Ещё бы! От прорвавшейся ярости Эрна Кирочкин портативный регистратор, который она забыла отключить, зашкалил и сломался. Теперь его стрелка без толку телепалась туда-обратно, точно ветряк. Кирочка разозлилась. Это ведь уже третий погубленный прибор за текущий год… Не схлопотать бы выговор от полковника Мерроуз… Она нетерпеливо извлекла регистратор из чехла и хорошенько его встряхнула. От бывалых офицеров она слышала, что иногда это позволяет привести обезумевший прибор в чувство. Но сейчас проверенный способ не сработал. Стрелка по-прежнему вела себя не вполне адекватно.

Кирочкин гнев требовал незамедлительных действий. Несколькими энергичными шагами покрыв расстояние, отделявшее её от основной массы собравшихся, она бесстрашно

вышла из тени, и, легко запрыгнув на каменный круг, в буквальном смысле выросла перед Эрном, грозно глядя на него широко раскрытыми графитовыми глазами. Билл, на котором гроздью спелого винограда повисла Эрин, не успел остановить её вовремя.

— Что ты наделал? — спросила Кирочка, не сводя с Эрна кипящего яростью взгляда, — Здесь, по-моему, только что стоял человек! — она выразительно ткнула пальцем в то место на круге, где минуту назад находилась Ехира, — куда ты его дел? Знаешь ли ты, что согласно статье двести четыре Магического Кодекса отправление людей в параллельные пространства без их ведома и воли караются весьма строго, и я имею право арестовать тебя немедленно?

Собравшиеся затаили дыхание. Аннака Кравиц, в полной мере осознающая опасность этого предприятия, напряжённо ждала реакции Эрна. Он молчал и не шевелился, но всем присутствующим было очевидно, что именно в этот момент проигрывается кульминационный акт сегодняшней драмы — самое главное всегда незримо, оно происходит внутри, лишь краешком задевая внешний мир… Эрн оставался неподвижным, но внутри него, точно в двигателе заведённого, но не успевшей тронуться автомобиля, бешено вращались тайные шестерёнки. Наконец он медленно, как будто бы преодолевая какое-то сопротивление, поднял на Кирочку свои прекрасные глаза, выражение которых, к большому удивлению многих, утратило недавнюю дерзость. На поясе у Кирочки висели электромагнитные наручники, которые она, несомненно, готова была пустить в ход, но вряд ли именно они стали причиной той поистине волшебной перемены, что превратила Эрна из уверенного в себе самодержца в маленькое виноватое существо.

— Я не знаю… — сказал он тихо, — я ничего не знаю… Она сама пропала…

Кирочка растерялась. Ярость, секунду назад бурлившая и клокотавшая в ней, моментально испарилась. Эрн стоял перед нею весь тоненький, хрупкий, трогательный в своей изящной незавершённости подростка, с длинными-предлинными опущенными ресницами и едва заметным румянцем смущения на нежных щеках.

На некоторое время юный колдун и офицер Особого Подразделения замерли друг напротив друга в центре слабо освещённого каменного круга точно две чёрные статуэтки.

Потом Эрн быстро взглянул Кирочке в лицо, словно ухватил что-то с него глазами, и прежде, чем кто-либо успел опомниться, соскочил со стола и скрылся в темноте. Тело эмоций, на которое никто уже давно не обращал никакого внимания, висело теперь прямо над Кирой и, плавно покачиваясь в воздушных потоках, едва не касалось её макушки. Некоторое время назад оно приобрело красивый бледно-розовый оттенок ранних утренних облаков…

Кирочка огляделась. Со всех сторон на неё устремлялись взгляды таинственно поблескивающих в полумраке точно отшлифованные камни глаз. Ей сделалось неудобно. Так бывает, когда человек, находясь в полной уверенности, что он один, нечаянно обнаруживает свидетеля: чем бы он в этот момент ни занимался, пусть даже невинно почёсывал кончик носа, он испытает неловкость.

— Извините… — зачем-то сказала Кирочка и спрыгнула с круга в темноту.

— Господа… — обратилась к аудитории Аннака, тут же занявшая её место; некоторое время назад колдунье стало ясно, что если она останется на небольшой ступеньке перед кругом, предназначенной для Председателя, никто не будет обращать на неё внимания, грубые нарушения традиций сегодня следовали одно за другим, — Теперь, надеюсь, мы сможем продолжить заседание. Я воздержусь от произнесения запланированной речи,

поскольку вы видели всё сами, и ограничусь только незначительными пояснениями…

Тело эмоций снова приобрело привычный вид, став похожим на стеклянный шар, в который напустили тумана или табачного дыма.

— У кого-нибудь есть вопросы или предложения? — спросила она после того, как вкратце рассказала собравшимся то, что было на данный момент известно об Эрне.

— Вопрос только один, — сказал тот самый худосочный юноша, который в начале изволил возмущаться присутствием на Круглом Столе Билла и Кирочки, — а именно: что мы делать-то будем!?

— Давайте рассмотрим все возможные варианты, — предложила Аннака уверенным официальным тоном, — я прошу вас высказываться строго по одному, и не переходить к следующему обсуждению, не закончив предыдущего.

— Магистр Чёрной Смолы, — воскликнула, торопливо опуская раскрытую ладонь на камень, юркая ведьмочка с гладкими чёрно-седыми волосами и треугольным лицом, — я считаю, что его нужно уничтожить. Пока у нас хватит на это сил!

— Магистр Винного Дыма, — снова хлопнув по столу своей узкой ладонью и продемонстрировав всем свои неприятно длинные, словно паучьи лапки, костлявые пальцы с редкими волосками, сказал худой юноша в сером костюме, — я полностью поддерживаю эту точку зрения.

— Но так же нельзя! — воскликнула Вассери, — это слишком жестоко! Убивать только потому, что мы боимся! Ой, простите, я не назвалась, — она положила маленькую чёрную ладошку на холодный камень, — Магистр Лилового Тумана.

— Магистр Голубой Грозы! — взвизгнула Эрин, опуская рядом свою контрастно белую руку, — поддерживаю! Я не дам вам его убить! Это мой сын!

— Тише-тише… — примирительным тоном сказала Аннака, — За всю историю своего существования Круглый Стол ни разу не допустил невинной жертвы. Этого не будет и теперь. Есть ли ещё у кого-нибудь предложения?

— Магистр Облачной Горы, — представился темноглазый колдун, тот самый, что критиковал Аннаку вначале за самовольный созыв собрания без участия Друбенса, — я думаю, что пока будет достаточно просто воспрепятствовать дальнейшему увеличению его Силы. Сейчас она, насколько я могу судить, огромна, но все же ещё не достигла так называемого апокалиптического предела. После этого колдун, как правило, уже вообще не может существовать во плоти.

— Поддерживаю, — Аннака веско опустила ладонь на каменный круг, — на мой взгляд, это самое разумное решение.

— И я поддерживаю… — прогнусил толстяк Курб.

— И мы! — в один голос воскликнули Эрин и Вассери.

— Только как вы это осуществите? — недоверчиво осведомилась Магистр Чёрной Смолы, — Я допускаю, что можно научить ЕГО, — она произнесла это местоимение с почтительным ужасом, — контролировать эмоции и сознательно сдерживать проявления собственной природы. Как известно, любой маг, перестающий практиковать, ослабевает… Его Сила постепенно возвращается к Источнику… Но такое чудовищное Ядро… я боюсь… Источник не сможет принять его. В древних книгах, посвящённых пророчествам о приходе Знамения, сказано, что после рождения колдуна апокалиптической силы Источник просто перестаёт существовать — этот колдун приносит его с собой целиком…

— Но ведь если нет Источника, нет и притока Силы! Логично? Поэтому увеличение

могущества не будет бесконечным, — сказал Магистр Облачной Горы.

— Не совсем так… Апокалиптический колдун — он и есть Источник. Он обладает свойством затягивать чужую Силу в себя, — отозвалась Магистр Чёрной Смолы.

— И, к счастью, не только этим свойством, — добавила Аннака, — если он Источник, то и другие могут брать Силу у него…

— Либо с его согласия, либо запрещёнными методами, — вставил свою ремарку Магистр Винного Дыма, похрустывая тощими пальцами. Звук от этого был сухой и хлёсткий, точно от ломающихся хворостинок.

— Запрещённый метод — тоже метод. Во всяком случае, более разумный, чем убийство. Каждый из нас вполне способен забрать часть его могущества себе, используя, скажем «мост»…» — раздался громовой голос Магистра Облачной Горы.

— Поддерживаю! — пробормотал кто-то.

— Неужели вы станете так рисковать? — не унимался тонкопалый колдун, — известно ведь, что при попытке слияния сознаний, если не имеешь ключа, очень мала вероятность попадания, а все древние инструкции по обретению ключей утрачены. Остаётся метод подбора. Но не мне рассказывать вам, что систематические проникновения в параллельные миры ведут к безумию, ведь полностью избавиться от груза чужого сознания даже после того, как его покинешь, невозможно.

— Это так. Но ведь разделение Силы Эрна между нами тем способом, который предлагает господин Магистр Облачной Горы, не единственное решение проблемы, — сказала Аннака, — ведь наша задача не отобрать Силу у Эрна, а научить его жить с ней, не причиняя вреда окружающему миру.

— Была бы она не так огромна, я бы поверил в возможность этого, — вставил Магистр Винного Дыма.

Никто уже не клал ладонь на стол, прежде чем выкрикнуть очередную реплику, порядок заседания нарушился, и каждый участвовал в обсуждении постольку, поскольку ему удавалось пробить своими словами всеобщий гвалт. Всякий стремился вставить свои пять копеек — ещё бы! — принять реальное участие в решении судьбы мира довольно лестно. Только один колдун не высказался ни по какому вопросу и даже ни разу не вышел из тени. Его присутствие для многих прошло незамеченным. Этот колдун был высок, сутул, одет на нём был просторный чёрный плащ с капюшоном. Обсуждение продолжалось, но он неслышно покинул пещеру, скрывшись в одном из боковых ходов.

— Если Сила Эрна больше не увеличится, вполне можно научить его справляться с нею!

— Это только Ядро. Её увеличение неизбежно!

— Ага! — с ехидным смешком вклеил кто-то, — как только он бабу себе найдёт, так нам всем сразу…, - говорящий назвал конец света не самым приличным именем, — Раза в три скачком!

— Господи! Боже мой! Спаси-сохрани! — горестно шептала Эрин, накрыв лицо ладонями, — мой мальчик…

Биллу не оставалось ничего, кроме как попытаться её утешить, дружески приобняв за плечи.

— Вот уж не думал, что вы верующая, — сказал он, надеясь отвлечь расстроенную женщину.

— Я не верующая! — воскликнула она почему-то с негодованием, — у меня просто истерика!

— Понимаю… — Билл ободряюще погладил Эрин по спине, — наши религиозные взгляды во многом совпадают…

— Почему вы усмехаетесь? — спросила Эрин с обидой.

— По статистике о Боге в критической ситуации вспоминают более восьмидесяти процентов людей, искренне считающих себя атеистами, — пояснил Билл с тонкой улыбкой.

Блондинка взглянула на него укоризненно. Колдуны у стола продолжали наперебой спорить о своём. Призывая всех к тишине, Аннака стучала в каменный круг острым каблуком.

— Есть выход! — вопила какая-то ведьма из сектора материальной магии чуть ли не со слезами, она, видимо, считала, и, кстати, не без оснований, что зря никто к ней не прислушивается, — существует древнее заклинание, я, правда, не знаю его, но постараюсь достать, называется «купол целомудрия». Применив его, можно будет не опасаться того, что именуют Вторым Пробуждением…

— Ничего себе гуманизм! Вы вот обвиняете нас в жестокости… — злорадно встрял Магистр Винного Дыма, — а сами собрались на всю жизнь лишить парня главной радости бытия! Я бы лучше согласился на то, чтобы меня убили… или залезли в мозги ко мне без мыла…

— У кого какие приоритеты! — ядовито заметила Вассери.

— На мой взгляд, это самое разумное предложение из всех, прозвучавших сегодня, — решительным тоном председателя подытожила Аннака, — на нём и остановимся. Эрин! — Магистр Песчаной Розы обвела глазами присутствующих, — Эрин!

— Она здесь, — Билл мягко втолкнул блондинку в освещённое пространство. Заметив кокетливую улыбку, которой она его, оглянувшись, одарила, Аннака немного насупилась. Её красивые брови дрогнули, точно два единоборца, стоящие друг напротив друга перед началом боя.

Кирочка тем временем брела всё дальше и дальше по тёмному и прохладному боковому тоннелю пещеры, надеясь настигнуть беглеца. Жидкий голубоватый свет почти разрядившегося аккумуляторного фонарика давал весьма размытое представление о конфигурации этого тоннеля, но идти в нём было удивительно легко, задетые камушки долго и гулко катились, а воздух по мере продвижения становился всё более сырым — тоннель, очевидно, уходил в глубину. Сталактиты и сталагмиты торчали, словно острые зубы в распахнутой пасти гигантского чудовища.

Внезапно свет фонаря упал на гладкую блестящую поверхность. Вода! Коридор здесь обрывался, и дальше каменная тропа продолжала спуск на дно подземного озера, разлившегося в просторном гроте — фонарный луч, рассеиваясь по пути, не доставал до его стен. Эрна нигде не было видно. Он исчез.

Кирочка присела на край большого плоского камня, закурила и всецело предалась своему огорчению. А на что вообще она рассчитывала? Эрн какой-никакой, а всё-таки колдун… У них просто: щёлкнул пальцами и готово. Испарился. Ищи-свищи. Она окунула окурок в холодную чёрную воду. Он сердито зашипел и потух. Вздохнув, Кирочка отправилась в обратный путь.

Эрн, затаившийся в глубокой расщелине, долго смотрел на удаляющийся чахлый светлячок фонаря.

На первый взгляд могло показаться, будто бы он боялся задержания, но это было не совсем так. Что-то другое пугало его. Сама перспектива остаться наедине с Кирочкой в

тёмном гроте представлялась ему чем-то невыносимым. Если раньше он вообще не придавал этому значения, то теперь ему почему-то стало стыдно перед самим собой за его сны и за то, что он сразу запомнил в мельчайших подробностях Кирочкино лицо, маленькую родинку-точку над выпуклой верхней губой и большие почти круглые тёмно-серые глаза со щёточками прямых ресниц. Эрн воспринимал как нечто неестественное такую исключительную реакцию на одного единственного человека из многих, прежде он ни с чем подобным не сталкивался, и потому считал своё состояние едва ли не болезненным. Больше всего ранило Эрна то, что он не мог сформулировать относительно Кирочки никаких конкретных желаний. Раньше он всегда знал, чего хочет от людей. Желания были теми маячками, которые помогали ему ориентироваться в окружающем мире, а их осуществление позволяло Эрну постигнуть своё внутреннее содержание, как бы вывернуть себя наизнанку, увидев в материальном воплощении свою душу. Он с детства верил, что самое нужное в человеке это его мечты, и именно они лучше всего дают представление о нём, именно по ним видна ценность этого человека и угадывается та предельная высота, на которую он способен подняться в своём развитии. А теперь маячки неожиданно пропали. Кирочка оказалась чёрной дырой, пропастью, океаном, в котором все они утонули, и поэтому пугала Эрна.

Только убедившись в том, что трепещущее облачко голубоватого света исчезло за поворотом подземного хода, он осмелился покинуть своё укрытие. Пришла пора возвращаться. Юный чародей уже давно чувствовал голод, а Ниобом на ужин ему были обещаны мягкие горячие сырники с изюмом, щедро залитые густым сгущённым молоком.

2

— Ты должна будешь прочесть это заклинание сама, — говорила пучеглазая ведьма, предложившая идею «купола целомудрия», доброжелательно придерживая Эрин под локоть, — Силы у тебя определённо хватит, а то, что ты мать, только поможет делу.

— Вот видите, всё обошлось, — шепнул Билл блондинке с ободряющей улыбкой, а затем повернулся к спасительнице Эрна, — где же нам взять текст этой вашей хитрой мантры? Вряд ли поисковик выдаст нам его по первому запросу…

— Не тревожьтесь об этом, я вышлю его вам по электронной почте.

— Спасибо огромное! Теперь я в неоплатном долгу перед вами! — радостно воскликнула Эрин, и со свойственной ей порывистостью бросилась к ведьме-избавительнице обниматься.

— Ну… ну… ну… рано благодарить… — растрогано бормотала та, безуспешно пытаясь оторвать от себя цепкую, точно кошка, блондинку.

Билл же выгодно использовал этот момент для того, чтобы исчезнуть из поля зрения Эрин. Её неприкрытый интерес начал немного напрягать его. Он протискивался между оживлённо гудящими группками колдунов, намереваясь разыскать Кирочку, и вдруг нос к носу столкнулся с Магистром Песчаной Розы.

— Как изобретательно, однако, судьба сводит нас снова и снова. Затеряться в толпе — это лучший способ оказаться наедине… — сказала Аннака, улыбнувшись загадочно и печально. Билл взял её за оба запястья и слегка притянул к себе.

— Анка, дружище… — улыбнулся он, — любите вы, женщины, одухотворять да очеловечивать! Судьба! Сводит! Мы с тобой принадлежим к часто соприкасающимся друг с другом социальным группам, и это повышает вероятность наших повторных встреч… Только и всего.

— Ну-ну…! — рассмеялась она.

В этот самый момент Эрин освободила-таки жертву своих благодарных объятий и тут же хватилась Билла. Как так — был только что и пропал. Она отправилась на поиски.

Официальная часть встречи подошла к концу; колдуны кучковались и гудели, точно улей перед грозой; в некоторых кружках не утихали споры об Эрне. Стараясь не прислушиваться, чтобы снова не разволноваться, Эрин бойко прокладывала себе путь в этой живой кипящей массе.

Наконец она увидела Билла. И рядом с ним — Аннаку Кравиц. Они смотрели друг на друга, что-то говорили и улыбались. Он держал её за обе руки. Трогательный и нежный жест.

Эрин решительно двинулась по направлению к ним. Между пальцами рук у неё начали с треском проскакивать электрические разряды — верный признак ярости. «Ах, вот как! Стоило мне на минуточку отвлечься, а эта хитрая бестия уже пытается очаровать моего спутника!»

— Мы с Аннакой просто давние друзья… — пояснил Билл, слегка стушевавшись под мечущим молнии взглядом блондинки. Вообще говоря, он находил своё теперешнее положение не слишком удобным, для него оказалось новостью то, что Эрин считает его своим поклонником: вроде бы он не давал ей для этого никакого повода, ничего не обещал, он вёл себя с нею точно так же, как вёл бы себя с любой другой женщиной, оказавшейся в сходной ситуации. Он искренне сочувствовал ей и пытался помочь. Только и всего.

Неужели на Эрин, как и на бедняжку Рахель, тоже подействовали загадочные чары Билла, над которыми он, к своему несчастью, не имел никакой власти? Вдруг его глаза непостижимым образом вновь начали говорить о любви, пока ничего не подозревающий Крайст просто глядел по сторонам? А встретившая этот взор Эрин решила, что сияние любви в нём предназначено именно ей?..

Робкая попытка Билла сгладить остроту ситуации не увенчалась успехом. Электрические разряды между пальчиками взбалмошной блондинки стали только мощнее.

Аннака Кравиц при этом оставалась совершенно спокойной. Ещё бы! Эрин казалась ей просто-напросто глупой девчонкой: она ведь была на добрую сотню лет младше самой Аннаки, и ещё не успела выработать того мудрого спокойствия в отношении мужчин, которое отличает зрелых могущественных ведьм.

— Давай на этот раз не будем портить друг другу причёски из-за пустяка, — примирительно сказала Аннака, — я и не думала уводить твоего кавалера, мы с ним столкнулись случайно, так ведь, Билл?

Он подтвердил слова колдуньи лёгким кивком головы. Но Эрин было уже явно не до доводов разума. Её, что называется, понесло. Как у многих чересчур эмоциональных женщин, у неё существовал некий порог возмущения, перейдя который, она была не в силах остановиться.

— Ничего не выйдет! — взвилась Эрин, её большие светло-серые глаза начали источать зловещий серебристый свет, — Тебе меня не провести! Я видела, как хищно ты на нас смотрела!

На это Аннака не смогла возразить ей; она всегда старалась быть честной, как перед самой собою, так и перед окружающими, и поэтому теперь не смела отрицать, что Эрин, повисшая на Билле, будто кошка на дереве, весь вечер вызывала у неё раздражение. Да и, прямо скажем, не слишком она любила эту суматошную, много о себе воображающую

блондинку, которая одним только присутствием учиняла хаос где угодно, а несмолкающей болтовнёй о фигуре, поклонниках и косметике могла, вероятно, вывести из вселенского умиротворения даже погружённого в глубокую медитацию!

Теперь Аннаке очень не хотелось поединка. Она была сильно вымотана собранием, и её заботили куда более серьёзные проблемы, чем необоснованная ревность Магистра Голубой Грозы. Она пустила в ход весь свой дар убеждения, взывая к остаткам благоразумия Эрин:

— Я полагаю, что, несмотря на все наши разногласия, именно сейчас, когда для Круглого Стола настали воистину непростые времена, нам не следует тратить силы на выяснение отношений…

— …Ты просто трусишь! — воскликнула Эрин, растопырив пальцы, искрящиеся электричеством, — То, что ты побила меня в прошлый раз — чистая случайность! Помнишь, ты обещала мне реванш? Защищайся!

Магистр Голубой Грозы сложила руки ладонями внутрь так, что они соприкоснулись только кончиками всех пальцев, и в тот же миг, между ними, точно в гнезде, возникла небольшая шаровая молния; Эрин расцепила пальцы и стала постепенно разводить ладони в стороны, молния начала расти, подчиняясь заданному темпу, а когда она достигла величины футбольного мяча, блондинка резко выбросила руки вперёд, как бы толкая молнию в сторону противницы.

Аннака отреагировала быстро. Она выставила ладони с плотно сомкнутыми пальцами перед собой, как щит, и на расстоянии двух-трёх шагов от неё появилась прозрачная стена, точно занавес из тонкого зеленоватого тюля. Молния, столкнувшись с этой загадочной стеной, слегка растянула её подобно тому, как мяч растягивает волейбольную сетку. Тут же зелёная стена упруго расправилась и отбросила электрический шар в обратном направлении. В тот же миг Эрин красивым движением отвела руку в сторону, и молния, повинуясь ей, круто свернула влево, едва не угодив в лейтенанта Крайста. К счастью, он вовремя успел нагнуться.

— Эй, полегче! — воскликнул он, — да и вообще, девочки, заканчивайте это… Пошутили и хватит. А не то я вас сейчас арестую. Обеих.

Но могущественные ведьмы не обратили на него ни малейшего внимания. Причина поединка имеет значение только до его начала. Они продолжали рисовать руками в воздухе какие-то знаки и запускать друг в друга клочками неизвестной светящейся материи, а ему, виновнику всего этого безобразия, оставалось только уворачиваться от потерявших направление шальных сгустков боевой энергии. И Билл, и Эрин, и Аннака — все трое были настолько поглощены разыгравшейся сценой, что совершенно не замечали устремившихся на них со всех сторон заинтересованных взглядов.

— Ух ты, — вопил, захлёбываясь от восторга, толстяк Курб, — это же настоящая битва Великих Магистров! Как в старые добрые времена! Интересно, кто же победит!

— Я ставлю на Аннаку! — Вассери совсем как ребёнок подпрыгивала на месте и хлопала в ладоши. Даже пожилые колдуны на время оставили свои раздумья и увлеклись необыкновенным зрелищем.

— Поединок Великих Магистров… Ну-ну, — недовольно пробурчала Кирочка, закуривая, — а повод-то какой достойный… — она затянулась и выпустила дым через ноздри, — давайте-давайте, делите в небе солнышко!

У Эрин тем временем кончились молнии, но, не найдя в себе мужества признать своё поражение и пожать сопернице руку, как полагалось, она сопротивлялась из последних сил,

пока не рухнула совершенно измученная, на сырой и холодный пол пещеры.

— Поделом задире! — назидательно изрёк кто-то из зрителей.

Самое интересное было уже позади и собравшаяся толпа начала медленно расходиться. У Аннака Кравиц сил оставалось немногим больше, чем у её противницы. Она чувствовала сильное головокружение и застыла на месте, опасаясь рухнуть в обморок при первой же попытке идти. Вассери проворно подскочила к ней и взяла под руку. Кроме того, Магистру Песчаной Розы было стыдно. Уходя, она повернула голову и виновато улыбнулась Кирочке и лейтенанту Крайсту.

Тем временем Эрин пришла в сознание. Она с усилием приподнялась и села. Со своими светло-пепельными волосами стоящими дыбом вокруг головы она была похожа на помятый одуванчик и выглядела очень жалко. И очень трогательно. Она хлюпала носом совсем как ребёнок, который собирается плакать.

— Ну вот… — сказала она сама себе.

Билл подошёл к ней, помог встать на ноги, и, должно быть, уже не опасаясь усугубить этим своё особенное положение в сердце Эрин, успокаивающе погладил её по голове.

— Идти есть силы?

Она кивнула благодарно и как будто чуть виновато.

— Вот и славно… Выход, мне сдаётся, там…

— Нет, блин, ну разве это справедливо, чтобы гран-при доставался проигравшему… — шутливо ворчала Кирочка, бредущая вслед за ними по боковому тоннелю, ведущему из пещеры наружу.

3

Тени птицами порхали в ночном саду, освещённом заглядывающим в него по-журавлиному уличным фонарём.

— В темноте нам будет, пожалуй, намного легче, — изрёк Билл и, вынув из-за пазухи игрушечный пистолет, заряженный мелкими пластиковыми пульками, выстрелил вверх. Фонарь, заискрив, погас.

— Отличный выстрел, — похвалил он сам себя, — теперь перебираемся через забор!

Кирочку пришлось подсаживать, а Эрин простить применение магии: вся её хрупкая фигурка начала мерцать, потом слегка увеличилась, сделалась прозрачной, точно голограмма — колдунья прошла забор насквозь.

— Ух ты! — шёпотом воскликнула Кирочка, — Потрясающе! Как ты это сделала!

— Пустяк. Один из самых распространённых фокусов, — хвастливо прошелестела Эрин, — я просто ослабила на время межмолекулярные связи в собственном теле и в выбранном участке забора, а затем миновала препятствие посредством диффузии.

Особняк Магистра Белой Луны утопал в лёгком шуршании садовых деревьев, в стрёкоте цикад, в гудении изредка проезжающих в такой глухой час по улице автомобилей. Все его окна были темны.

— Спят… — прошептала Кирочка, удовлетворённо кивая в сторону особняка.

— Хорошо, если так… — вздохнул Билл.

В действительности, из всех жителей большого тёмного дома один только Эрн мирно почивал в своей постели. Магистр Белой Луны сидел в своём глубоком кресле в гостиной. То, чем он был в данный момент занят, с виду очень напоминало обыкновенный ночной сон, поскольку в реальности он отсутствовал точно так же, как и любой спящий человек. Но на самом деле Магистр в очередной раз осуществлял перенос своего сознания в иную

реальность. Ниоб же просто никогда не зажигал света ночью. Экономил электричество. И сейчас он сидел в своей комнате у открытого окна, которое, к счастью для незваных гостей, выходило на противоположную сторону, во двор, с наслаждением попыхивал своей трубкой и смотрел на луну.

Дверь особняка Магистра не принято было запирать на ночь, хозяева вполне справедливо полагали, что их безопасность в достаточной степени обеспечивает высоченный глухой забор с дистанционно управляемой калиткой. Да и пристало ли такому могущественному колдуну, как Роберто Друбенс, бояться простых смертных домушников?

Чтобы попасть в комнату, отведённую Эрну, нужно было подняться по парадной лестнице на третий этаж, затем миновать длинный боковой коридор, и ещё раз подняться по лестнице, на этот раз по винтовой, в одну из башенок особняка.

Трое пришельцев осторожно, но не слишком быстро пробирались в темноте: Билл считал, что куда лучше жертвовать скоростью передвижения, нежели создавать шум.

На втором этаже дверь в главную гостиную была распахнута, и, проходя мимо, случайно заглянувшая внутрь Кирочка похолодела: серебристый лунный свет отчётливо обрисовывал силуэт неподвижно сидящего в кресле человека.

— Там кто-то есть! — воскликнула она шёпотом.

— Он спит, — успокоил её Билл, — если бы он просто полуночничал, то давным-давно услышал бы нас…

— Это и есть Магистр… — пояснила Эрин.

Кирочка присмотрелась повнимательнее и засомневалась:

— Как-то больно странно он спит. Глаза у него открыты.

Лунный свет, падая на лицо сидящего в кресле старика, обозначал в его глазах два блика; они действительно не были закрыты веками, как у спящего, а просто смотрели в пространство каким-то жутким остановившимся взглядом.

— О, Господи! — прошептала Кирочка, накрыв лицо ладонью, — он, кажется, мёртв…

— Ничего подобного, мой регистратор улавливает малый магический фон, — снова утешил её Билл, — он просто медитирует. И идём уже отсюда, пока он не вышел из этого своего трансцендентного состояния с целью настучать нам по каскам!

Комната Ниоба, находилась, к несчастью, в том же самом коридоре, который вёл к башенке Эрна. Он услышал шорох и насторожился. Крыс травила несколько недель назад разрекламированная коммерческая компания «Грызунов. нэт».

— Ну, черти… — проворчал Ниоб одними губами, — столько денег взяли… И не совестно им? Самих бы потравил… Больно уж расплодились! «Мух. нэт», «Тараканов. нэт», «Плодожорки. нэт», «Врагов. нэт»… Деньги есть — всех повыведут.

Будто устав от непривычно длинного монолога, Ниоб зевнул и почесал бороду.

Шорох в коридоре, однако, не походил на обыкновенную крысиную возню. Существа, которые там хозяйничали, предположительно были значительно крупнее.

«Наверное, это Эрн, — подумал Ниоб, — и куда этот негодник собрался? Пойду намылю ему шею».

Солидный колдун нехотя поднялся, поправил свой неизменный тюрбан и аккуратно повернул ручку двери.

Билл Крайст первым услышал лёгкий щелчок.

— Тихо!

Эрин и Кирочка замерли.

— Сюда!

Заметив приоткрытую дверь какой-то комнаты, Билл, не раздумывая, втолкнул туда женщин. Это оказалась кладовка. Там было тесно и сильно пахло моющим средством.

Ниоб вышел из своей комнаты, несколько секунд постоял, прислушиваясь, потянул носом воздух и прошагал мимо кладовки в сторону башенки Эрна.

— Чёрт… — процедил Билл сквозь зубы.

Из конца коридора донёсся звук тяжёлых, но осторожных шагов по металлической винтовой лестнице. Скрипнула дверь. На какое-то время всё утихло. Ниоб немного постоял над безмятежно спящим Эрном и снова спустился вниз. Проходя по коридору мимо кладовки, он снова напряг слух. Ему почудился шорох за приоткрытой дверью. Будто чьё-то дыхание…

Как назло, именно в этот момент, Эрин, неосторожно подняв руку, чтобы почесаться, случайно задела швабру. Та упала на пустые вёдра. Неимоверный грохот взорвал тишину ночного дома.

Нашарив на стене выключатель, Ниоб зажёг свет в кладовой. И… распахнул дверь.

Внутри никого не было. Только катилось по полу, чуть позвякивая, жестяное ведро.

Ниоб пожал плечами. Ведь в первый момент ему показалось, что он видит перед собою глаза. Большие, испуганные, но очень сильные глаза женщины…

Он снова закрыл дверь, но на этот раз снаружи щёлкнуло — Ниоб запер её на щеколду. И выключил свет. Все трое вздохнули с облегчением.

— Как тебе это удалось? — шёпотом спросила Кирочка у Магистра Голубой Грозы, — он же смотрел прямо на нас!

— И увидел пустую комнату. То, что мы видим перед собою во многом зависит от того, что мы ожидаем увидеть, — объяснила ей Эрин, — Сознание очень инерционно. Бывает, что уже увидел, а всё ещё не веришь. И бывает даже, что знаешь наверняка, но не можешь принять. Ниоб приготовился, в худшем случае, к мышам. Поэтому его легко было обмануть, продемонстрировав ему его же ожидания. Пустую комнату. Это, можно сказать, почти не колдовство. Скорее психологический приём. Но тут есть один нюанс: если бы Ниоб мог себе представить наше появление здесь, и искал бы в кладовке именно людей, то у меня бы ничего не вышло.

— У нас небольшие неприятности, девочки, — резюмировал Билл, подёргав запертую снаружи дверь кладовой, — придётся тебе, Эрин, ещё разок распасться на молекулы, чтобы вызволить нас отсюда!

— Не вопрос! — тут же отозвалась блондинка.

Уже через несколько минут все трое оказались на свободе. До цели оставались считанные метры. Винтовая лестница вонзалась в черноту отверстия в потолке точно штопор в винную пробку. Ступени её изготовлены были из тонких металлических пластин и стилизованы под виноградные листья; они иногда прогибались под ногами, и пройти по ним бесшумно — оказалось весьма непростой задачей.

Темнота в комнате Эрна лежала густая и плотная, точно обувной крем, она немного редела только под потолком, где было небольшое смотровое окошко, в которое проникало немного ночного света. Но Билл из осторожности позволил включить только пальчиковый люминесцентный фонарик, испускающий неяркое зеленоватое сияние, будто светлячок, потому что любая более мощная подсветка могла бы разбудить юного волшебника.

Кирочка первой подошла к его постели. Видимо, отреагировав на движение вокруг, он

слегка потянулся во сне, и скользкое шёлковое покрывало немного сползло, обнажив очаровательное круглое плечико этого ребёнка-юноши. Кирочке захотелось отвернуться, её сознание ужалила уже не новая мысль, что это очень неприлично — смотреть на спящего, и сон, который сам по себе является беспомощностью, есть нечто особенно интимное и неприкосновенное для чужих, почти святое. Она тотчас же посторонилась, пропуская вперёд Эрин. Даже в свете крохотного фонарика можно было заметить, как блестят у той на глазах горькие слёзы матери-кукушки.

Несколько мгновений она стояла над сыном неподвижно, жадно вбирая каждую чёрточку скудно освещённого умиротворённого личика. Потом, скрепившись, стёрла пальцами слёзы со щёк и решительно произнесла:

— Не будем медлить. Мне нужен текст.

— Как, разве магам не положено знать наизусть все свои заклинания? — шёпотом пожурил её Билл.

— Конечно. Но от волнения у меня всё вылетает из головы… Вот и сейчас ни словечка не помню. Как на экзамене… Кроме того, теперь другие времена настали. Мы — колдуны современные… Это в древности надо было всё вызубривать наизусть, а сейчас есть смартфоны, планшеты, Интернет; мы составляем себе памятки, сохраняем заклинание на диск, если оно очень большое…

— Эх, вы…

Билл со вздохом достал из кармана брюк сложенный вчетверо листок с распечатанным из электронной почты текстом и осветил его фонариком.

Эрин пробежала глазами строки, затем зажмурилась и быстро-быстро зашевелила губами, бормоча что-то про себя.

— Разве можно произносить слова заклинаний, так сказать, всуе? — заволновалась Кирочка, — От этого ничего не будет?

— Они работают только когда их произносят с определённым настроением, — пояснил Билл, — бывает даже, что одно и то же заклинание, если по-разному его произнести, имеет разный эффект. Дело ведь не в тексте, а в той магической энергии, которая ему сообщается; колдуны говорят, что заклинания нужны им в основном для сосредоточения, ты не задумывалась никогда, почему они в основе своей ритмичны и монотонны? Заклинания сами по себе не имеют силы, они лишь помогают магам отрешиться от реальности и направить мысленный импульс, а существо вроде меня или тебя, не наделённое колдовскими способностями, может твердить заклинания сколько угодно — мироздание никак на них не отреагирует…

— Я готова, — кивнула, спустя минуту, Эрин, — выключайте фонарики.

Комната снова погрузилась в кромешную темноту. Кирочка теперь не различала даже очертаний лежащего на кровати Эрна, но через мгновение она услышала голос. Говорила Эрин, но с каким-то особенным зловещим придыханием; её слова шли откуда-то из глубины, и окружающее пространство как будто вибрировало, впитывая их, словно они обладали свойством деформировать материю, менять под себя, эти слова, которые Магистр Голубой Грозы произносила глухим и тяжёлым не своим голосом:

Ни землёй, ни водой, ни огнём, ни ветрами пустыни,
ни стихией, доселе неведомой, ни колдовством,
ни одним существующим средством не сможет отныне

откупорить никто этот хрупкий сосуд с веществом,
что зовётся Эфиром Желаний, и прикосновенья
будет купол волшебный ударами молний встречать…

Эрин остановилась. Воздух в комнате всколыхнулся.

— О, Источник, сцепляющий и разделяющий звенья! — в этом месте она возвысила голос, — Я! Твоим вечным Именем! Здесь налагаю печать!

Раздался лёгкий треск. Всё вокруг на миг ярко осветила голубоватая вспышка.

— Готово… — пролепетала Эрин ослабевшим голосом.

Во мраке послышалась возня, и Кирочка догадалась, что Билл подхватил падающую колдунью и взял её на руки, потому что страшное заклятие совершенно истощило её силы, и она вряд ли смогла бы идти сама.

Кирочка включила фонарик, чтобы освещать Биллу крутой спуск по винтовой лестнице. И только после того, как они благополучно выбрались из дома, а затем как цивилизованные гости покинули сад Магистра через калитку — на внутренней стороне забора нашлась кнопка, открывающая её — лейтенант Крайст бережно поставил Эрин на ноги. А она улыбнулась ему очень странной, сложной, многозначной улыбкой.

Кирочке, успевшей это заметить, внезапно сделалось холодно. Вдоль забора тянуло ночным ветерком… Она достала из нагрудного кармана сигареты и закурила.

— Это был единственный способ спасти его? — по привычке шёпотом спросила колдунья.

Лицо её в лунном свете своей белизной и какой-то печальной тревожной прелестью походило в этот момент на те образа, что висят на стенах Храма Истинной Веры.

— К сожалению, это был единственный способ спасти всех нас, — с грустной улыбкой ответил Билл, — ей богу, и самому жалко. Как же хорош! Сколько девок даром плакать будет! Жалко девок.

— Кто о чём, а вшивый всё про баню… — проворчала Кирочка, выдыхая дым, — они будут плакать, а ты утешать…

— У… Язва! — рассмеялся в ответ Крайст, — дай сигаретку, а то у меня закончились.

Первый утренний трамвай с автоматическим управлением медленно, точно дождевой червь, прополз мимо них и, остановившись на остановке, радушно распахнул двери абсолютно пустого салона. Проигнорировав его трогательное приглашение, все трое продолжили идти по асфальту вперёд, к припаркованному в двух кварталах от ворот Друбенса служебному автомобилю.

А Эрн в это время продолжал сладко почивать в своей шёлковой постели, иногда зябко подбираясь под тонкое скользкое одеяло и подёргивая сквозь сон нежным голым плечиком, если на него приземлялся надоедливый комар, которого впустили в комнату непрошенные гости. На подоконник, куда он минувшим вечером накрошил чипсов, прилетел вертлявый воробей и, тихо постукивая тонким клювиком, принялся угощаться.

Начинался новый день. Куда-то брели неприкаянные белёсые лёгкие облака. Над Городом, волшебно озаряя несчётное множество его стеклянных и металлических поверхностей, неторопливо поднимался большой багряный солнечный диск.

глава 5

1

— Эрн не может дольше оставаться в руках предполагаемых злоумышленников. Время работает против нас, это очевидно. — Билл положил на стол перед генералом Россом несколько заявлений от Дирка о пропаже сына, добытых в полиции, залитое слезами письмо Эрин с просьбой защитить её единственного ребёнка и порванный нитяной браслет, который давала юному магу Кирочка

— Я понимаю… — медленно проговорил генерал, поднимая от бумаг свои ясные синие глаза, — но торопиться нельзя. Суета — единственная причина ошибок, сынок. Разумом, а не чувством следует руководствоваться, принимая решения на службе, — он встал и, заложив руки за спину, неторопливо прошёлся по кабинету. — Эрна, вероятно, заманили в ловушку, и он находится там добровольно, более того, любого, кто вздумает его сейчас освободить, мальчишка скорее сочтёт врагом, чем избавителем, ибо уверен, что он находится в безопасности и его окружают люди с самыми добрыми намерениями. А Друбенс, по всей видимости, не собирается убивать пацана, во всяком случае, пока, у него на счёт Эрна гораздо более оригинальные планы…

— Хотелось бы выяснить какие именно до того, как он их осуществит.

— Я и не думаю спорить с тобой сынок, — сказал генерал с мягкой улыбкой, — но чем больше ответственности налагает решение, тем лучше оно должно быть продумано. Эрн слишком силён, и поэтому мы должны действовать осторожно. Любое наше вмешательство может напугать его или рассердить. Мы не готовы к этому. У нас недостаточно технических средств, чтобы сдержать такую мощную магическую энергию…

— Всё ясно, генерал, нужны гарантии, что в случае его сопротивления, мы сможем справиться с Эрном. Хотя бы в первый момент, пока не убедим его, что мы друзья…

— Молодец, ты верно понял меня, сынок. Гарантии, конечно, слово хорошее, но для нашей ситуации пока ещё слишком смелое. Нам нужна хотя бы подстраховка. Более надёжная, чем та, что есть у нас сейчас. Нам нужно оружие.

2

Мика Орели любил математику за то, что она являлась миром абстрактных идеальных объектов, нигде кроме воображения не существующих: чисел, функций, точек, геометрических тел. Среди них он чувствовал себя как в раю. Существование там казалось ему куда более простым и приятным, чем в мире материальных вещей: в пространстве математики логические связи гораздо жёстче связывали объекты между собой, и оно начисто лишено было случайности — одной из самых досадных черт действительности. Для того, чтобы получить при необходимости последовательность случайных чисел, Мике приходилось сложным образом программировать свой микрокалькулятор. Не то, что в жизни — вышел на улицу, и — бац! — сорока испражнилась прямо на макушку. Мика не выносил хаоса, который, будучи началом всего, волей-неволей проявлял себя во внешнем мире, а математику находил он столь прекрасной потому, что она казалась ему воплощением идеального порядка. Порядок он любил во всём. После того, как в школе приятель попросил у него послушать музыкальный диск и через несколько дней вернул его в бумажном конвертике с немного помятым уголком, Мика больше никому не давал свои вещи. Доходило

до смешного. Как-то раз учительница попросила Мику поделиться с товарищами учебником, но он отказался наотрез, тревожно заёрзал на стуле, прижал учебник к груди и так недобро поглядел на приближающуюся к нему с протянутой рукой одноклассницу, что она вынуждена была отступить. Найдя такое поведение странным, учительница решила поговорить с Микой после урока наедине:

— Что случилось? Почему ты не выручил своих товарищей книгой?

— Я боялся, что они её помнут.

— Почему тебя это так пугает?

— Я не терплю беспорядка, и не желаю сталкиваться с ним в каком бы то ни было виде. А загнутый угол страницы, послюненный кончик карандаша, наобум переложенная в другое место закладка — всё это есть воплощения хаоса. Я не доверяю другим, потому что не знаю, чего от них ожидать. Для меня их действия случайны, а случайностей я не хочу.

Он повернулся и ушёл, оставив учительницу в полном недоумении. А после того, как подобное несколько раз повторилось, все от Мики отстали, перестав просить у него что-либо, решили, видимо, что гений имеет право на свои причуды.

Ночь, проведённая в гостинице «Приморская» сделала Мику ещё более замкнутым, чем прежде. Ведь именно тогда он обнаружил проявления хаоса в самом себе, и это терзало его невыносимо. Теперь он даже не злился больше на Киру, он извинил её потому, что ему казалось, будто бы он понимает внезапность её отказа: вырвавшийся на волю хаос может испугать кого угодно, рассуждал он, и совершенно неудивительно, что девушка бросилась от меня прочь, как от разъярённого медведя…

Прежде Мика сознавал себя прекрасным и цельным существом — сверхчеловеком, чистым разумом, преданным единственной возвышенной радости — познанию мира, и тут — на тебе! — в нём пробудилась эта странная дикая сила, которую он не мог контролировать. Присутствие этой силы и, главное, его полная безоружность перед нею унижали изобретателя. Разумеется, своим немалым природным умом Мика сразу постиг суть данного явления. И эта самая суть — примитивный обезьяний инстинкт — отвращала его. Он, обитатель возвышенного мира идей, приобщённый к таинству их рождения, оказался неспособным безболезненно принимать все проявления объективной реальности… Физиологическая сторона отношений между полами со времён отрочества казалась ему чем-то настолько гадким, что прежде он никогда бы не поверил в возможность возникновения у себя самого желания такого рода… Но оно, это желание, несмотря ни на что, всё-таки проявилось. Оно было откровенным, как распахнутое окно, с ним бесполезно было спорить, как с небом, и его невозможно было унять, как прорывной грозовой ливень…

Внутренние противоречия сводили Мику с ума.

3

— Вот что, изобретатель, — сказал Крайст, взгромоздив перед Микой на столе груду предметов из стандартного набора, который обычно всегда имеет при себе офицер Особого Подразделения, — Ты можешь мне сделать такое же, только посильнее. Раз этак в сто…

— В смысле? — Мика не спускал с собеседника своих спокойных и внимательных глаз.

— Ну, вот есть, к примеру, антимагические наручники. Они выдерживают до 150 Мэг направленного воздействия. Так вот мне нужно поднять их пороговую нагрузку до нескольких десятков тысяч Мэг.

— Я понял, — изобретатель коротко кивнул, — каков принцип их работы?

Вопрос был скорее риторическим. Мика взял наручники со стола и принялся задумчиво

вертеть их в руках, исследовать каждый изгиб своими пытливыми цепкими пальцами.

— Принцип… А чёрт его знает! Ты умник, ты и разбирайся. — Прокомментировал Крайст, — Вроде, пульсирующее электромагнитное излучение в определённом частотном диапазоне.

— Я попробую, но ничего не могу обещать, — ответил Мика, откладывая наручники, — что ещё?

— Обруч безволия… — Билл пододвинул по столу ближе к изобретателю тонкое металлическое кольцо, — его надевают на голову магу, чтобы он не мог сконцентрироваться, так же нужно увеличить мощность.

— Хорошо. Это всё? — спросил молодой изобретатель немного нетерпеливо, общество Крайста его не тяготило и не было ему неприятно, просто последние годы он привык всё своё время посвящать занятиям и любые разговоры казались ему пустой тратой времени.

— Всё, умник, — сказал Крайст почти недовольно, ему ведь показалось, что Орели хочет отделаться от него. «Зазнайка. Воображала. Конечно, коэффициент интеллекта у тебя раз в десять выше, чем у меня, — думал Билл — но это не даёт тебе права мной пренебрегать». Он подчёркнуто резко повернулся и направился к двери. Мика снова припомнился ему сопящим на гостиничных подушках в «Приморской». Только теперь это воспоминание его не развеселило, как прежде, а отчего-то ещё сильнее рассердило.

— Стой, Крайст… — неожиданно окликнул его Мика. Голос его звучал почти просительно, — знаешь, что… Кира. Мне очень нужно увидеться с нею.

«Ишь чего захотел!» — подумал Билл с лёгким злорадством.

— Зачем? — спросил он строго, изо всех сил стараясь себя не выдать. Улыбка щекотала ему скулы.

— Я хотел бы попросить у неё прощения… Если встреча невозможна… то хотя бы передай ей, Крайст.

Мика говорил так прочувствованно и серьёзно, что Билл не мог не удивиться, даже веселье его сразу куда-то испарилось.

— За что? — вопрос вырвался сам собой. И Билл тут же пожалел о нём.

— Не твоё дело, умник, — ответил Мика очень вежливо и очень спокойно, продолжая смотреть на Крайста своими большими неизменно внимательными глазами, — просто передай, если сможешь.

— Ладно, — обронил Билл снисходительно, поворачиваясь к двери, — до скорого… — Он хотел было ввернуть на прощание своё устоявшееся уже в отношении Мики обращение «умник», но передумал. Судя по последней фразе изобретателя, оно не слишком ему нравилось.

4

Любой колдун так или иначе начинает задумываться о природе таящейся внутри него Силы Хаоса. Для чародеев это такой же необходимый этап становления личности, как, к примеру, для людей — формирование в юности собственных религиозных, философских взглядов, а так же — отношения к морали. Каждый маг решает для себя сам, каким образом он будет использовать данное ему свыше могущество.

Но на какое бы благое дело ни направлялась сила колдуна, никогда не следует забывать о том, что Предвечный Хаос, её взрастивший, непрерывно стремится к разрушению, и созидать он способен только благодаря ему. Хаос является оборотной, в каком-то смысле тёмной стороною Творения, его вторым лицом, которое, может, не так прекрасно, но столь

же необходимо, ведь любое изменение окружающего пространства является и созиданием, и разрушением одновременно. В материальном мире невозможно ничего создать, не разрушив чего-то другого. Строя дома, приходится вырубать лес.

Изначально Вселенная представляла собою абсолютный Хаос. До тех пор, пока в ней, по непонятным причинам, не возникла Идея Порядка. Это положило начало развитию.

Порядок стремился структурировать пространство, а Хаос — вернуть его в самое простое первозданное состояние. Поэтому любой колдун своим существованием в первую очередь служит разупорядочиванию, нарушению естественного хода событий; большинство магических обрядов основаны на разрыве существующих причинно-следственных и логических связей.

Грубо вторгаясь в порядок вещей, колдовство всегда принимается Вселенной с большой неохотой. Мировая эволюция не собирается без боя отдавать Хаосу всё то, чего ей с таким трудом удалось достичь начиная с момента Возникновения. Вселенная дорожит каждым созданным атомом, каждым квантом света, каждым нейтрино; все её законы должны работать исправно и слаженно, словно громадный космический часовой механизм, и всякая малюсенькая искра между шестерёнками вызывает мощнейший протест. Чем сильнее колдун, тем более агрессивно настроено к нему Мироздание…

В последнее время и Эрн начал ощущать на себе давление информационного поля, если выражаться языком чармологии, науки о колдовстве, — ведь именно информация есть мера вселенского порядка, он может возникнуть из хаоса только путем её накопления; информацией задано всё, и любой объект, обладающий пространственно-временной структурой имеет свой единственный и неповторимый информационный код.

Теперь даже незначительное вмешательство в миропорядок (скажем, перемещение швабры по кухне силой мысли, когда Эрну лень было подметать, а Ниоб просил его об этом) сопровождалось значительным физическим дискомфортом — у Эрна кружилась голова, его тошнило, иногда поднималась температура — окружающее информационное поле активно сопротивлялось мощной атаке его магической воли. Иногда самочувствие юноши ухудшалось настолько, что он становился беспомощным, как новорожденный котенок… Ниоб посоветовал ему быть осторожнее и не применять магию без острой на то необходимости. Непростительное расточительство — тратить несколько тысяч единиц сокрушительной энергии Хаоса на уборку в комнате, когда это совершенно спокойно можно сделать простыми человеческими руками…

5

К тому моменту, когда Магистру Друбенсу удалось-таки включиться в мыслительный поток Эрна, надежда на успех уже успела окончательно угаснуть в его душе, и старик продолжал заниматься практиками переноса сознания только по привычке, просто потому, что если бы он вздумал прекратить их, то не знал бы, куда девать освободившееся время.

Стояло ясное осеннее утро. Сад был жёлт, и мокрые после ночного дождя качели слегка поскрипывали. Пропитавшиеся влагой верёвки загрубели, сделавшись плотными, негнущимися, точно деревянные, к дощечке-сидению прилипло несколько ярких листьев. Эрн подошёл к качелям, опавшая листва у него под ногами шуршала. Он протянул руку, намереваясь взяться за одну из верёвок, и почувствовал в этот миг прикосновение. Нежное и странное. Точно кто-то с лёгким нажимом погладил его по затылку. Он обернулся. Сзади никого не было. Только желтело в небе мягкое осеннее солнце, падал в глаза сочный глянец влажной листвы. И как будто бы Эрн уже не был самим собою, юный маг вдруг

почувствовал, как его рука без его ведома продолжает протягиваться вперёд, к верёвке качелей…

Магистр Друбенс не верил себе. Он трогал тонкой мальчишеской рукой упругий мокрый канат. Подумать только! У него получилось! Пусть всего на несколько мгновений, но это — прорыв! Огромный шаг на пути к тому, чтобы подчинить невероятное могущество, данное Эрну Источником, своей воле!

Но торопиться нельзя… Магистр ощутил, как им овладевает паника. Что-то отчаянно сопротивлялось его вторжению, он утратил контроль над рукой, которой парнишка теперь испуганно потрясал в воздухе, как будто бы она сильно затекла. Магистр растерялся. Его чувства смешались с чувствами Эрна. Нужно было возвращаться. Он выпустил верёвку качелей и моргнул…

…Сухие старческие руки спокойно лежали на подлокотниках старинного кресла. Магистр находился в своём кабинете, окна которого были распахнуты, а Эрн, судя по скрипу старой черешни — в саду. Всё было в порядке.

Роберто Друбенс поднялся, взял с каминной полки блокнот и кратко записал в него особыми символами результаты сегодняшнего эксперимента. Он скрупулёзно вёл дневник переносов сознания, где кратко описывал каждую из параллельных вселенных, в которых ему удалось побывать.

Закончив, Магистр положил блокнот и карандаш обратно на каминную полку так бережно, как впервые укладывает мать в люльку только что рождённое в муках дитя…

В радостном волнении он прошёлся туда-обратно по комнате. Как же близко заветная цель! Закрепить навык управления сознанием Эрна — дело нескольких сеансов. Сегодня, правда, вышло очень грубо, так всегда в первый раз, мальчишка испугался… Но плавность и лёгкость приходят с опытом, Магистр потренируется ещё, и Эрн потом даже не сможет отличать чужеродные мысли в своём сознании от собственных… А дальше… Останется только раскрыть весь потенциал юного колдуна, то есть увеличить его Силу любым из известных способов до Апокалиптического Предела — того самого, достигнув которого, она покинет физическую оболочку и будет существовать самостоятельно в виде могущественного духа, демона, подчиняющегося воле Магистра Белой Луны… И тогда-то, с помощью этой невероятной силы, Магистр сможет превратить всё вокруг в рай, в обитель абсолютной красоты, симметрии и справедливости — в Мир Чистых Идей!

…Немного успокоившись, Эрн присел на мокрую дощечку качелей. Что это было? Как будто на несколько мгновений он перестал быть самим собой!

Подросток растопырил пальцы и внимательно посмотрел на свою руку. Ничего особенного. «Только почему она ни с того ни с сего перестала слушаться меня? Может, это нервный тик? Ещё один ненормальный симптом… Определённо я болен и скоро умру!»

Юный колдун ссутулился, закрыл личико руками и горько заплакал…

6

Вознамерившись поскорее устроить Силе Эрна Второе Пробуждение, Друбенс решил воспользоваться услугами одной из тех фирм, которые учтиво обозначали себя в рекламных каталогах, на столбах и даже на асфальте такими загадочными словосочетаниями как «приходите в гости», «отдых в обществе дам», «массажный салон», «интересные знакомства» или ещё как-нибудь в этом духе. Недостатка в рекламе такого сорта не наблюдалось.

Магистр позвонил по первому попавшемуся номеру, написанному розовой краской

прямо на тротуаре около автобусной остановки. Рядом с этим номером той же краской был нарисован кролик.

Девушка приехала через час. Рослая, тонконогая, но с мощным торсом и налитыми плечами, в красной куртке из лакированной кожи и чёрной юбке-резинке, на очень высоких каблуках она цаплей прошествовала через прихожую.

— Здрасьте, дедушка, — поприветствовала она Магистра с видимым удивлением, — вы что ли клиент?

— Мой внук. У него День Рождения сегодня, — немного смутившись, пробормотал Магистр, провожая девицу в гостиную, где на просторном кожаном диване сидел, сосредоточенно листая комиксы про человека-паука, Эрн.

— Ба! — воскликнула она, — Да он же несовершеннолетний! Знаешь, что, дедуля, извиняй, но я пас.

— Я заплачу вдвое! — шепнул ей Магистр, не на шутку встревоженный тем, что всё может сорваться.

— Да хоть вчетверо! — рассердилась девица, — Скажи спасибо, что я в органы опеки на тебя капать не собираюсь. У нашей компании безупречная репутация. Да и не в этом дело. Бизнес-бизнесом, но и совесть, вообще-то, должна быть, дедуля, у человека… Будь добр отстегнуть десять процентов неустойки. На бензин.

Роберто Друбенс нехотя открыл кошелёк. Девица получила своё и удалилась, сильно хлопнув входной дверью.

— Ну, чего у тебя, Христина? Больно уж скоро ты обернулась, — спросил её водила, ожидающий в автомобиле с густо тонированными стеклами.

— Ну мудак! — злобно процедила сквозь зубы девица, захлопнув за собой дверцу, — Дай покурить, Витёк.

Водила молча протянул ей раскрытую пачку, она сцапала сигарету длинными накладными ногтями и, навесив её на густо напомаженные губы, проговорила:

— Ты только прикинь: дед хотел внуку на день рождения подарочек сделать! А он малолетка, ему приставку игровую, едрит, дарить надо, а не бабу. И откуда только такие уроды берутся?

Точно так же как Христина поступило и ещё примерно полсотни барышень. Но Магистр Белой Луны не собирался сдаваться. Он успел обзвонить почти все фирмы Города, оказывающие услуги подобного рода, к тому моменту, когда на пороге его дома появилась наконец эта милая миниатюрная брюнетка.

— Добрый вечер, я Кисёна, — сказала она вежливо и коммерчески улыбнулась.

— Очень приятно, — расплываясь во встречной улыбке, ответил Магистр, — прошу вас, проходите, пожалуйста, сюда…

Ниоб в своём неизменном тюрбане неторопливо проплыл мимо со шваброй и ведром, не удостоив гостью ни единым взглядом. Затею Магистра он осуждал, но, не считая себя в праве вмешиваться в его дела, ничего ему не говорил, выказывая лишь молчаливое неодобрение.

— У вас тут мило, — прощебетала Кисёна, делая вид, что разглядывает обстановку, и легонько приобняла Магистра за шею, она, видимо, тоже сначала решила, что клиент именно он, — мне нравится такой стиль, под старину…

— Простите, но… — обескуражено пролепетал Магистр, пытаясь освободиться, — не я… У моего внука… День Рождения…

— А… Я поняла. — Не теряя простоты и учтивости, тут же согласилась Кисёна и так же безразлично, как и положила, убрала с Магистра свою руку.

Он проводил её в гостиную, где, подобрав под себя ноги, сидел на кожаном диване Эрн и играл на планшете в гонки. Увидев его, Кисёна несколько удивилась; она слегка приподняла нарисованные брови, но ничего не сказала.

— Привет, — пропела она, подойдя к Эрну, и ласково потрепала его по волосам, — как поживаешь?

— Нормально, — нехотя ответил он и, подняв на неё взгляд, мрачно осведомился, — Вам чего?

— Какой ты забавный! — воскликнула Кисёна, приходя в восторг. Она бесцеремонно опустилась рядом с Эрном на диван, отработанным движением закинула ногу на ногу и, ловко поймав тонкой рукой шею юноши, притянула его к себе.

В принципе, Эрн был не против. Сперва происходящее, конечно, немного напрягало его, однако Кисёне удалось в конечном счете добиться того, что у юного чародея не только пропали сомнения, но даже появился некоторый энтузиазм.

Зрительные впечатления пришлись бы сейчас некстати, ибо могли несколько ослабить эффект от всех остальных, поэтому Эрн предусмотрительно закрыл глаза. Он откинулся на кожаную спинку дивана, приготовившись к неизведанному доселе блаженству…

Да не тут то было!

Едва очаровательная гостья дотронулась до круглой металлической пуговицы на стареньких джинсах, купленных Дирком в секонд-хенде, как мощный электрический разряд прошёл сквозь её маленькое тело. Она коротко вскрикнула, дёрнулась и, тут же обмякнув, сползла на пол.

Эрн резко открыл глаза. То, что он увидел, поразило его воображение.

Искрящийся и тихо потрескивающий в тишине купол, весь состоящий из мелких ярко-голубых молний — то исчезающих, то вновь появляющихся — раскинулся над ним в воздухе словно шатёр из тонких переплетающихся нитей, окружив всё его тело своей непроницаемой защитой. Кисёна лежала без сознания на ковре около дивана — безжизненная жалкая кучка спутанных волос и дорогого тряпья.

— Ё-моё… — пробормотал одними губами ошеломлённый Эрн.

В комнату, деликатно кашлянув и дважды стукнув увесистым кулаком в косяк, заглянул Ниоб.

— Да-да! — отозвался Эрн, стряхнув с себя оцепенение.

Войдя в комнату Ниоб, не теряя своего величественного достоинства и невозмутимости, не торопясь приблизился к лежащему телу, и, кряхтя опустившись возле него на корточки, взял маленькую руку Кисёны и попытался нащупать пульс. Потом, уже используя свои магические, а не медицинские знания, провёл рукой надо лбом несчастной.

— Мертва, — спокойно провозгласил он, поднимаясь.

— Как? Почему? — У Эрна зрачки расширились от удивления.

— Высокое напряжение, — невозмутимо пояснил Ниоб, — и жадность, конечно же. Она никого ещё не доводила до добра, — добавил он назидательно, указывая взором на свёрнутые в трубочку банкноты, вложенные жрицей любви в вырез декольте.

— О, Первозданный Хаос, исторгнувший Вселенную! — воскликнул по-стариковски пискляво удивлённый и опечаленный Магистр Друбенс. — Что же теперь делать? Сейчас тут серые появятся, дух их вымети, нас всех увяжут в пучок, да и конец… Али полиция приедет,

тоже ничего хорошего!

Он с невиданным для своих лет проворством подбежал к Кисёне и, склонившись над нею, как недавно его верный ученик Ниоб, положил руку ей на лоб и торопливо зашептал какие-то слова. Он повторил заклинание несколько раз, поплевал, похлопал, но ровным счётом ничего не произошло.

— Тьфу ты… Не получается… Силы не хватает… — Магистр бросил Кисёнину руку на ковёр и принялся в отчаянии щипать свою бороду.

— А что вы хотели сделать? — робко поинтересовался Эрн.

— Оживить её, конечно же! А то тут такой переполох начнётся… Искать же будут, лешие, повсюду, допрашивать всех, писать чего-то в блокноты… Уууу… Премудрости! — Магистр сердился, лысина его заметно покраснела.

— Давайте я попробую, — Эрн проворно соскочил с дивана (купол некоторое время назад погас, почувствовав, что юный маг уже вне опасности) сел на полу рядом с телом и, взяв Кисёну за подбородок, заглянул ей в лицо печально, ласково и несколько раз сказал:

— Я хочу, чтобы ты опять жила. Я хочу. Я хочу.

Он не произнёс ни одного заклинания — Эрн попросту не знал их, а если бы даже ему предложили выучить пару-тройку, он бы вряд ли согласился — ему стало бы лень делать это точно так же, как лень было готовить обыкновенные человеческие уроки в школе.

Ниоб и Магистр, застыв над неподвижным телом женщины, в волнении ждали результата этого более чем странного с их точки зрения колдовского обряда.

— Сто лет уже такого не видел, — задумчиво пробормотал Ниоб, — чтобы энергию передавали без направляющих каналов… Это ж какую силу надо иметь!

— Примерно как у того парня, что воду в вино превращал, — шёпотом хихикнул Магистр, — это был самый сильный колдун в истории человечества, — старик втайне надеялся, что у Эрна ничего не получится, зависть всё ещё снедала его, и как бы он не убеждал себя, что опыт, хитрость и мудрость гораздо ценнее могущества как такового, что-то внутри него так до конца и не могло поверить рассудку.

Ночная бабочка тем временем зашевелилась, расправляя свои слегка потрёпанные крылышки. Кисёна пришла в себя и села на полу, глупо моргая накладными ресницами.

— Ах ты, электрический скат! — тут же прошипела она в сторону своего воскресителя и даже попыталась отползти от него подальше, — Чтоб тебя… А вы, дедушка, заберите свои деньги, — Кисёна эффектным жестом извлекла купюры из лифа и швырнула их на ковёр, — купите ему конструктор! Чтоб вас всех кошки съели…

Магистр и Ниоб, онемев от удивления, глядели во все глаза. Поднявшись с пола и брезгливо отряхнувшись, Кисёна подобрала с дивана сумочку, и тотчас же её будто ветром сдуло.

— Даже спасибо не сказала… — полушутя обиделся Эрн.

— Да она не прочухала просто, что была маленечко мёртвой, — язвительно утешил его Друбенс, — Ну силён… ну силён… — с завистью пробормотал он себе в бороду, потом снова возвысил голос:

— Нужно немедленно убираться отсюда, ты слышал меня, Ниоб? Если полиция сюда не явится, так серые примчаться. Превышение фона и прочее… Мы отправляемся в Тайное Ущелье.

Несколько часов спустя, Малиновый внедорожник Магистра уже летел по внешнему витку спиральной автодороги к главному выезду из Города.

Эрн скучал на заднем сидении, с самого начала поездки наблюдая за окном однообразный унылый пейзаж — нескончаемая пластиковая стена, непрозрачная от пыли и копоти, тянулась вдоль шестиполосной скоростной трассы, отделяя её от жилых кварталов окраины.

— Куда мы едем? — спросил юный колдун, ткнув пальчиком сидящего впереди Друбенса.

— К Тайному Ущелью, — ответил тот.

— Но ведь из Города никого не выпускают без специального разрешения? — удивился подросток.

— Об этом можешь не беспокоиться, — утешил его Магистр, — оно у нас есть.

Эрн догадывался, конечно, что готовится какая-то авантюра, пока наблюдал, как Ниоб перед выездом суетился около машины, набивая багажник растениями в продолговатых ящиках и закрепляя на крыше автомобиля рулоны чего-то и разный инвентарь в чехлах, но он и предположить не мог, что планируется вероломное проникновение в запретную зону. Если бы мальчишка узнал об этом, то скорее обрадовался бы, чем испугался или вздумал возражать — какой подросток не мечтает о захватывающих приключениях! — но никто не думал посвящать его в большие планы серьёзных магов.

Машина тем временем остановилась возле первого контрольно-пропускного пункта, отделяющего непосредственно Город от примыкающей к нему территории коттеджных посёлков. Здесь у всех проверялись документы, и дальше могли ехать только те, у кого был дачный участок с коттеджем, если они могли подтвердить это специальным удостоверением, или те, кто имел постоянное или разовое разрешение на выезд, опять же при наличии соответствующих бумаг.

— Спрячься под сидение, — вполголоса велел Эрну Ниоб.

Подростку в его интонации почудилась тревожная настороженность, почти испуг, и он невольно разделил это чувство, как разделил бы его любой другой на его месте, такова уж человеческая природа, поэтому Эрн повиновался Ниобу, не задумываясь. Но на самом деле, конечно, немногословный колдун в тюрбане нисколько не был взволнован, он просто применил психологическую магию, которой в совершенстве владел, чтобы обратить к себе сочувствие Эрна и, тем самым, заставить его делать то, что нужно, безо всяких объяснений.

Прохождение КПП даже по фальшивым документам — вполне стандартная процедура, ни в коей мере не способная вывести Ниоба из равновесия. Он быстро накрыл спину пригнувшегося Эрна полиэтиленовой плёнкой и деловито опустил стекло.

— Здравствуйте, — сказал он спокойно офицеру пограничной охраны. — Мы занимаемся селекцией пищевых культур и направляемся в Оранжереи с целью высадить недавно выведенные растения. Вот сопроводительные документы.

Ниоб просунул в окно стопку каких-то бумаг с печатями и штампами, испещрённых размашистыми подписями несуществующих официальных лиц. Бегло просмотрев их, офицер вернул папку, сделал под козырёк и сказал:

— В добрый путь, профессор.

Машина тронулась.

На втором КПП история повторилась, но с некоторыми изменениями. У тамошнего офицера, чуть более внимательного, вызвал подозрения накрытый плёнкой Эрн. Он уже потянулся к ручке автомобильной дверцы, но…

— Э-э-э! Открывать не стоит! — прозвучал густой чуть гнусавый голос находчивого

Ниоба, — Там создан особый микроклимат для новых саженцев, не дай бог, их просквозит! Очень редкий вид, очень сложный уход! Поймите, пожалуйста. Годы упорного труда, и всё погубить, вот так, в один миг! Вы знаете, мы, учёные, как муравьи, которые совместными усилиями собирают огромные кучи; наш труд самый кропотливый и не всегда он оплачивается сторицей; некоторые из нас умирают в нищете и безвестности, так и не добившись нужных результатов, они передают своё дело, и лишь идущие по их стопам находят решение; наука — это великое самопожертвование; трепетно принося свою жизнь на это капище, нужно быть заранее готовым к тому, что это будет напрасно… Да и платят нам не так уж много.

Эрн немного прибалдел. Ни разу прежде он не слышал от этого загадочного человека в тюрбане такой длинной тирады. Впрочем, он догадался, что Ниоб сейчас не совсем Ниоб, он исполняет роль, и потому нисколько не похож на себя всегдашнего. Какой нормальный колдун не умеет перевоплощаться в мгновение ока!

Ниоб говорил так прочувствованно, и так чертовски убедительно, что въедливому офицеру стало даже немного стыдно за свою служебную бесцеремонность.

— Хорошо-хорошо… Извините, профессор… — пробормотал он скомкано и тоже сделал под козырёк, — в добрый путь.

И малиновый внедорожник беспрепятственно покинул Город.

7

— Что такое Тайное Ущелье? — спросил Эрн, не слишком вежливо ткнув сидящего на переднем сидении Друбенса в плечо. Ехали уже довольно долго, за окном всё так же тянулась серая стена, над которой мелькали теперь кое-где золотистые кроны деревьев, и подросток, естественно, заскучал.

— Скоро сам всё увидишь, — отмахнулся Магистр. Ему хотелось сосредоточиться, чтобы закрепить навык вхождения в пограничное состояние для переноса сознания, он горел желанием попрактиковаться, но машину трясло, должная степень концентрации не достигалась, а тут ещё этот мальчишка со своими вопросами! Почтенный колдун начал раздражаться.

Эрн капризно надул губки:

— Ах так! Ну тогда я сейчас разнесу тут все к чёртовой бабушке! — он давно уже ввёл в обиход этот детский бытовой шантаж, и некоторые свои угрозы даже успел исполнить; например, он сделал так, что чайная чашка Магистра теперь ни за что не хотела подчиняться его мысленным приказам и летать по дому — потому почтенному старцу приходилось вставать и брести на кухню всякий раз, когда ему хотелось попить чайку.

— Ладно-ладно… — засуетился Друбенс; старик очень боялся того, что Эрн догадается об ещё одной его слабости и таким образом заколдует духовку, в которой Ниоб выпекает обожаемую Магистром сладкую сдобу, чтобы лакомства всегда подгорали или, напротив, не пропекались полностью.

Довольный Эрн устроился на сидении поудобнее, приготовившись внимательно слушать.

— Тайное Ущелье — это такое место, куда невозможно попасть, не имея чёткого намерения попасть именно туда. Проще говоря, на него невозможно набрести случайно, и прийти к нему можно, только зная, куда идти. А наличие цели — зачем тебе нужно в Тайное Ущелье — или уверенность в том, что ты встретишь там кто-то определённого, ещё больше увеличивают твои шансы найти его…

— А зачем туда нам? — заинтересованный Эрн аж вцепился пальчиками в спинку переднего сидения, занятого пожилым колдуном.

— Не перебивай старших, — досадливо фыркнул Магистр, — кроме того, — продолжал он, — Тайное Ущелье защищает всех, кто проник туда. Оно помогает им избавиться от преследователей, строя на их пути мосты-миражи или накрывая скалы густым туманом. Никто из тех, у кого есть хоть малейшие недобрые намерения по отношению к укрывшимся в Ущелье, не сможет попасть туда.

Машина тем временем свернула со скоростной трассы на крутую дугу развязки, которая практически развернула её в обратном направлении. Дуга эта, плавно спускаясь вниз, вливалась в более узкое пригородное шоссе, уже не огороженное пластиком.

— Почти приехали, — прокомментировал свои маневры Ниоб.

— Смотри направо, — добавил Магистр, — совсем скоро появятся Обсидиановые Скалы.

Машина ещё некоторое время катилась вдоль пёстрой завесы осеннего леса, а потом деревья постепенно начали редеть, становиться ниже, корявее, покуда их цепь не прервалась совсем — взгляд глядевшего в окно Эрна упёрся в огромное небо, ясное, синее — с правой стороны дороги открылся обрыв, шоссе проложено было по краю высокой отвесной каменной стены, под которой лежало озеро. Постепенно дорога покатилась под гору, и справа, заслоняя собою небо над водой, начали вырастать неровные зубцы скал из какой-то чёрной, блестящей на солнце словно рубероид породы.

— Какие они красивые… — воодушевленно прошептал припавший к автомобильному стеклу Эрн.

— Говорят, что давным-давно в этих местах жил один человек, — начал рассказывать Магистр Друбенс, — он каждый день выходил к озеру и, сидя на самом краю одной из скал, играл на чёрной флейте. Так было много лет, день за днём, безо всякой перемены, пока тот человек не уронил ненароком свою флейту в озеро. Она упала, и как только стихли на воде последние круги, возмущённые ею, тот человек спустился со скалы и ушёл в неизвестном направлении.

— Как его звали?

— Никак. О нём никто ничего не знал. Как вариант, его вообще никогда не существовало, а вся эта история просто-напросто чья-то ловкая выдумка…

— Но вы ведь верите в неё?

Магистр обернулся и скользнул по лицу Эрна осторожным взглядом. Как же легко этот мальчишка задаёт ему настолько интимные вопросы! Почтенный колдун в последнее время решил не позволять себе чересчур много размышлять о древних легендах, его сознание успело накопить их огромное количество, он блуждал в хитросплетениях разных сюжетов, путался и терялся, и иногда Магистру становилось страшно увлекаться своими странными фантазиями, он боялся увязнуть в них, застрять, но всё равно, где-то в глубине его души жила робкая надежда, что найденная им флейта может оказаться частью какой-нибудь красивой истории, подобной этой, про Сидящего на Скале… Очень уж хотелось старику хоть раз за свою долгую жизнь соприкоснуться с чем-то поистине значительным, великим, вселенским.

Ниоб остановил машину.

— Всё, вылезай давай, — ворчливо поторопил Эрна Магистр, оставив его нескромный вопрос без ответа. Подросток толкнул дверь и, выбравшись наружу, с удовольствием начал разминать затекшие за время долгой поездки конечности.

Внедорожник стоял, загромоздив собою узкую песчаную дорогу. Со всех сторон его обступали скалы. Дальше ехать было невозможно — дорога резко сужалась, вырождаясь в тонюсенькую тропинку, и продолжала спускаться вниз круче, чем прежде, петляя между чёрными каменными зубцами.

— Теперь пешком! — скомандовал Магистр Друбенс и, шумно захлопнув автомобильную дверцу, первым двинулся вперёд по тропинке.

— Как же машина? — удивился Эрн, — Если нас будут преследовать, то она ведь поможет напасть на след…

— Правильно! — обрадовался Магистр, — Спасибо, что напомнил. Ниоб, позаботься об этом.

Ассистент Магистра тотчас повернулся ко внедорожнику и, эффектно взмахнув своими широкими рукавами, неслышно пробормотал какие-то слова.

Массивный автомобиль тут же оторвался от земли, медленно проплыл по воздуху немного вперёд, а потом легко, точно воздушный шарик, надутый гелием, поднялся наверх и послушно припарковался на каменной ступеньке одной из скал метрах в десяти над тропой. Сразу после этого невидимая кисть крупно вывела на одной из дверей внедорожника, той, что лучше всего видна была стоящим на тропе:

ВЫЗОВ ЭВАКУАТОРА
999-36-02
КРУГЛОСУТОЧНО

— Отлично! — Магистр звонко хлопнул в ладоши. — Такая блестящая идея маскировки могла прийти в голову только истинному мудрецу. Молодец, Ниоб.

И путники отправились дальше по узкой тропинке между скалами.

8

— Сюда… кто-то… идёт… — не без труда проговорил Герасим, поворачивая из стороны в сторону одутловатое лицо с шаровидным вишнёвым носом пьяницы.

Он сидел на пеньке среди камней сразу за выходом из Тайного Ущелья. Дальше, за густыми зарослями дикого шиповника, хмеля и ежевики начиналась тропинка в долину.

Перед Герасимом на фанерном ящике, покрытом скатертью из полиэтиленового пакета, стояли початая бутылка водки, картонная коробка сока, пластиковая тарелка с огурчиками, селёдкой и чем-то ещё, не слишком аппетитным; на утоптанной земле возле ящика валялись ещё бутылки, пустые, подсолнечная лузга, использованные пластиковые стаканчики и тарелки, по которым ползали крупные мухи, вокруг разбросаны были косточки домино.

Приятель его, Витёк, лежал на туристической пенке возле этого импровизированного стола. Он спал, но в руке у него алчно зажат был изрядно деформированный толстопалой ручищей стаканчик с остатками водки. Когда Герасим окликнул его, он засуетился, поднял голову с измятой белокурой паклей грязных волос, проморгал голубые глазёнки и, тупо уставившись ими в пространство, подал голос:

— Кто? Что?

— Идут, говорю, тупица… — сказал Герасим.

— Как идут? — вскинулся Витёк, — ты же сам говорил, что это такое место, куда вообще никто не может прийти, ни жена, ни начальник, ни тесть… И никто тут нам не помешает отдохнуть хорошенько!

— Ну да! Всё верно! — весело ответил Герасим, опустив на стол свой стаканчик и взявшись за горлышко бутылки, — они идут, да не дойдут! Место то, — он назидательно поднял вверх указательный палец, — волшебное! Вона как, етит его! — Герасим непослушными пластилиновыми руками налил себе водку, много расплескав через край. — Давай выпьем за это! — он швырнул щедрую прозрачную струю и в мятый стаканчик Витька, — да и Архип пусть выпьет! Где же он, вошь ему в чуб! Пошёл на минутку, и уже час нет его, спит, небось, где-нибудь в кустах…

9

— Стоп!

Магистр резко остановился, и шедшие позади Ниоб и Эрн едва не столкнулись с ним. Прямо под ногами почтенного мага, в полушаге от его выставленной вперёд остроносой туфли зияла пропасть. Дно её скрыто было густым туманом, и откуда-то снизу из глубины доносилось тихое ворчание горного ручейка, впадающего, вероятно, в озеро.

— Не пускает нас Ущелье. Есть там кто-то… По другую сторону… — задумчиво проговорил Магистр.

— Да нет! Всё в порядке! Взгляните туда, — воскликнул Эрн, указывая пальчиком чуть правее места, где они стояли, там пропасть становилась немного шире, но через неё были перекинуты аж три узких подвесных моста.

Мальчуган тут же сделал несколько шагов вдоль края пропасти, намереваясь воспользоваться имеющейся переправой, но был внезапно схвачен кем-то за руку. Это оказался Ниоб.

— Два из них — миражи, — коротко пояснил он, — и мы не знаем, какие именно. Когда Ущелье пускает, мост через пропасть всего один.

Густого белого тумана тем временем становилось вокруг всё больше, он медленно поднимался со дна пропасти, точно закипающее молоко, окружающие скалы тонули в нём, и уже на расстоянии вытянутой руки трудно было что-либо различить.

— Идёмте скорее! — сказал Ниоб, — Назад! Движемся наощупь.

— И что за черти там засели, уши их в кипяток… — проворчал Магистр, нехотя поворачивая обратно.

10

— Гляди-ка, что я принёс, — Билл звучно положил на стол перед Кирочкой сверкающие новым покрытием антимагические наручники.

— Ну и что? — удивилась она, — эка невидаль!

— Эээ… Да ты просто ещё не знаешь, что это самая последняя модификация. Усовершенствованная. Максимальная нагрузка 1 000 000 Мэг.

— Ничего себе! И откуда они у тебя? А, главное, зачем? — с любопытством спросила Кирочка и протянула руку, чтобы рассмотреть наручники получше.

Поверхность металла на них была гладкая, как леденец, в ней отражались лампа над столом и склонённое Кирочкино лицо, вроде бы ничего не поменялось, только новая модификация оказалась гораздо тяжелее прежней.

— Их сконструировал на основе прошлых моделей Мика Орели, это имя, вероятно, тебе хорошо знакомо, — Билл усмехнулся, как показалось Кирочке, с лёгкой ехидцей.

Она нахмурилась, но ничего не сказала. Зеркальная поверхность широкого наручника, который Кирочка продолжала вертеть в руках, бросила на стену золотистый блик.

Рассмотрев внимательно электрический замок с дисплеем для ввода кода, изучив

наощупь шнур, соединяющий браслет; взвесив их на ладонях, она подняла глаза на Билла:

— Это для Эрна?

Крайст кивнул.

— Пароль я выслал тебе по служебной линии, прочтёшь, удали.

Кирочка открыла ноутбук и, быстро заглянув в него, набрала что-то на табло наручников. Оба браслета с лёгким щелчком разомкнулись.

— Теперь жми на красную кнопку справа от табло.

Наручники снова щёлкнули, смыкаясь, и как будто бы ещё больше потяжелели, начав генерировать вокруг мощное антимагическое поле.

— Круто, — сказала Кирочка.

— Пользуйся на здоровье, — Билл собрался было уходить, он уже направился к двери, но остановился, вспомнив, и небрежно бросил через плечо:

— Кстати, он просил передать тебе какие-то извинения…

— Кто? — не поняла Кира. Она не придала большого значения последней фразе Билла и, не глядя на него, сосредоточенно искала что-то в ящике стола.

— Господин изобретатель, естественно, — Билл снабдил своё пояснение премерзкой ухмылочкой, — я даже боюсь предположить за что, — прибавил он многозначительно.

— Иди к чёрту, Крайст, — спокойно отозвалась Кира, продолжая рыться в своём ящике.

— Сейчас, адрес у меня есть, — парировал Билл, — только что мне ему передать при случае, Мике в смысле, а не чёрту?

— Передай ему, что извинения приняты, — сказала Кира, на мгновение оторвавшись от поисков и взглянув на Билла с мягкой улыбкой.

Биллу эта улыбка явно не понравилась. Уж больно она была загадочная, ёмкая, значительная. Слишком личная улыбка, за ней скрывалось, вероятно, что-то немного большее, чем просто случайное приключение. Мика перед внутренним взором Билла снова сопел, утопая в белоснежном гостиничном белье. Он хмыкнул, а Кира, добивавшаяся именно такого эффекта своей преувеличенно мечтательной интонацией, ловко вернула ему шпильку:

— А ты, я смотрю, ревнуешь, Крайст.

Она шутила, и оба это понимали, на лице её цвела задорнейшая из улыбок, Билл улыбался тоже, но чувствовался холодок в этом их легкомысленном веселье; обоим стало неуютно, так, словно в комнату внезапно вошёл кто-то, над кем они только что смеялись, Кирочка отвела глаза, а Билл повернулся и решительно направился к двери.

— Пока, — бросил он на ходу, — совсем забыл, что надо заехать ещё в одно место.

Кира недолго проводила его взглядом и продолжила копаться в столе. Она искала заколку.

11

Похолодало. Дни потянулись всё чаще туманные, хмурые, осенние. Мокрые цветные листья липли к асфальту словно фигурные наклейки. Начался учебный год. Толстый Томми сидел теперь за партой один, грустно глядел в окно, где медленно редели в течение первого урока сумерки, и лениво покручивал в руке карандаш.

Однажды на большой перемене к нему подошла Хильда. К его тихой досаде одна, без красивой медлительной Роны, своей неизменной спутницы.

— Слушай, толстый, — нерешительно начала Хильда, конфузливо улыбаясь узким ртом, — ты можешь мне сказать, что с Эрном стало. Только по-честному. Я слышала, что он

пропал, но мне бы хотелось поподробнее…

— Ну откуда я знаю… — прогнусил Томми, за лето он немного вырос и голос у него заметно огрубел, — ко мне всего один раз подходила по этому поводу девушка из полиции. Спрашивала. Ищут его, наверное.

На этом разговор можно было считать оконченным: Томми ничего не знал о своём пропавшем друге, и других общих тем Хильде нащупать тоже не удалось, поскольку учёбу обсуждать не тянуло, а о личном подростки до этого говорили мало, в силу особенностей переходного возраста немного стесняясь друг друга. Она отошла и, встав у окна, занавешенного розовым тюлем, принялась смотреть на улицу.

Прошла неделя. Томми возвращался в один из дней домой: он шёл из школы нагруженный изрядно вспухшим спортивным рюкзаком, пыхтел и бормотал что-то себе под нос.

Неожиданно кто-то догнал его и придержал за рукав.

Томми испуганно обернулся. Это была Хильда. Толстячок уставился на неё непонимающими глазами. В первую секунду он даже немного испугался: чего может хотеть от него эта некрасивая девочка с длинным ртом и тонкими жёлтыми косичками на совсем круглой как мяч голове?

Вид она имела весьма серьёзный и даже решительный.

— Вот что, толстый, — выпалила Хильда, — скажи мне, ты друг Эрну или просто такой равнодушный слизняк, который всегда безропотно принимает обстоятельства и даже не пытается ничего изменить?

— Дддруг… — чуть слышно пробормотал Томми, с тревогой ожидая последствий такого определения их с Эрном взаимоотношений, он ведь не знал пока, как именно ему предстоит отвечать за это слово, но безошибочно чувствовал, что отвечать придётся. Друг — очень серьёзное слово, мощное. Просто так его не произносят.

— Ну а если друг, то ты поможешь мне, — с непоколебимой уверенностью провозгласила Хильда.

Томми замер: случилось то, чего он больше всего боялся — наступила ответственность.

— Мы будем сами искать Эрна! Раз менты не справляются, так ну их к чёрту, сами всё доделаем, без них! Ты ведь хочешь спасти своего друга?

Толстячок смотрел на Хильду недоумённо и с опаской, часто моргая глазами за толстыми стёклами очков. Мама всегда говорила ему, что никогда нельзя браться за то, чего не умеешь, тем более, не следует ввязываться в какие бы то ни было сомнительные или рискованные предприятия, да и вообще лучше держаться подальше от людей, которые их затевают…

— Ну так что? Ты со мной, или ты трус? Сопливый маменькин сынок? — Хильда резко дёрнула рукав не по погоде тёплой курточки Томми.

Он обиделся:

— Я же столько раз просил не смеяться над моим насморком! — и тут же достал из нагрудного карманчика носовой платок и громко высморкался, — он хронический! — почти с гордостью объявил Томми, запихивая платок обратно.

Хильда явно затевала нечто сомнительное и, вероятно, даже опасное. Мама бы этого точно не одобрила. Томми снова взглянул на девчонку.

Во всём её облике, от кроссовок до самых кончиков тугих косичек сквозила какая-то загадочно притягательная решимость — Хильда прямо пропахла, пропиталась насквозь

невероятными детективными приключениями, какие бывают разве только в кино. А ведь он, Томми, так хочет стать полицейским! Мама в этот момент немного подвинулась перед его внутренним взором, уступая место лихой Хильде с пистолетом, заткнутым за пояс форменной клетчатой юбочки.

— Я согласен! — радостно-обречённо, будто перед прыжком в ледяную воду, выдохнул Томми.

12

— Вот что, толстый, — задумчиво бормотала Хильда, стоя возле забора, окружающего особняк Магистра, и с надеждой глядя на ветвь старой черешни, склонившуюся над тротуаром, — чтобы попасть в сад нам нужно зацепиться за это дерево.

— А оно не обломится? — сомневающимся тоном спросил Томми.

— Под тобой и баобаб треснет, — усмехнулась Хильда, — я полезу сама, а потом открою тебе калитку.

У Томми немного отлегло от сердца. Ему всё-таки страшновато было нарушать мамины заветы и ввязываться в эту опасную историю. Хоть на дерево лезть не надо и то хорошо! Мама всегда так переживает, когда видит ссадины у него на коленках. Она всплёскивает руками и сразу бежит к комоду, где стоят баночки и бутылочки с лекарствами, лежат бинты, пластырь, стерильная вата, по пути она причитает, и потом, промывая какую-нибудь ничтожную царапину или тоненький порез она причитает тоже, мама увещевает Томми, повторяет по многу раз, что нельзя быть таким неосторожным, нужно беречь себя, она причитает не переставая, дует на ранку и жалеет сына с таким видом, словно с ним случилось нечто поистине ужасное.

— Ты меня подсадишь, — провозгласила Хильда тоном руководителя, — давай скорее, пока на тротуаре никого нет…

Томми ощупал маленькое тельце Хильды осторожным взглядом. Мама всегда говорила ему, что нельзя поднимать тяжестей.

— Сколько ты весишь?

— Сорок два кило, а что? — Хильда сердито сдвинула бровки, не без оснований подозревая в Томми намерение уклониться от миссии спасателя.

— Ооо! Это много… Мама говорит…

— Да сколько уж можно приплетать повсюду маму? — возмущённо перебила его Хильда, — она тебя что ли и бородатого нянчить будет? Как с женой целоваться советы давать?

Томми стало стыдно. Он злобно шмыгнул носом, подскочил к Хильде, и, махом схватив её в охапку, поднял так высоко, как только смог. Девчонка ловко схватилась за ветку старой черешни, по обезьяньи на ней качнулась, зацепилась ногами — раз! два! — и вот она уже на дереве!

Спустя небольшое время, Томми услышал глухой удар резиновых подошв кроссовок о землю — Хильда спрыгнула с черешни по другую сторону забора. Он побежал к калитке.

— Давай пошевеливайся, — недовольно проворчала Хильда, отворяя её изнутри, — скор как метеор!

— О, Господи, — пыхтел Томми, пытаясь отдышаться, — и зачем только тебе всё это надо?

— Как ты не понимаешь?! — воскликнула девчонка с таким видом, словно у неё спросили сколько будет дважды два, — это же элементарно! Во всех сказках, если принц

спасает принцессу, то ему полагается поцелуй, так?

— Нуууу… — растерянно промычал Томми, — допустим…

— Так вот и здесь то же самое! Только маленечко наоборот! Если я спасу Эрна, то он ведь тогда точно позволит мне поцеловать себя…

— А если не позволит? — усомнился Томми.

— Ну, в таком случае, он будет неблагодарная свинья! — провозгласила Хильда, гневно сдвинув свои почти незаметные пшеничные бровки.

13

Мимо проносились, сверкая на солнце россыпью мелких серебристых блёсток, остроконечные зубцы загадочных чёрных скал. Вдалеке между ровным голубым небом и бледно-жёлтой бугристой землёй виднелся пышный волан яркого осеннего леса.

— Мы что, уже возвращаемся домой? — Эрн ёрзал на заднем сидении внедорожника, ему явно не пришлось по вкусу, что приключения закончились так скоро.

— Возможно, — уклончиво ответил Ниоб.

Магистр молчал. С тех пор, как сели в машину, он не проронил ни слова, сидел насупившись и напряжённо вглядывался в постепенно открывающиеся перед движущимся автомобилем повороты пригородного шоссе.

14

— В доме никого нет, — заключила Кирочка, остановившись на круглом коврике в центре гостиной.

— Похоже на то, — согласился Билл, — но на всякий случай лучше вести себя потише, вдруг они ушли ненадолго и вот-вот вернутся, мы тогда хотя бы услышим их.

Кирочка в это время приблизилась к каминной полке и принялась внимательно её разглядывать.

— Они уехали, — сообщила она с уверенностью, слегка касаясь пальцем запылённой поверхности, — причём не так давно.

— С чего ты взяла?

— Смотри сюда, видишь эти более светлые следы? На них меньше пыли, потому что, по всей вероятности, тут что-то лежало; вот это пятно, большое, похоже на след блокнота или тетради, а вон тот маленький прямоугольничек, полагаю, — отпечаток подставки небольшого предмета, вроде символа победы в каких-нибудь соревнованиях, подсвечника или статуэтки. Вряд ли люди, которые пошли погулять, стали бы забирать с собой безделушки. Они сбежали.

— А ты, я смотрю, следопыт, — с одобрительной улыбкой заметил Билл. Он сделал несколько шагов по направлению к Кире, намереваясь тоже взглянуть на каминную полку, но внезапно замер и прислушался. — Тихо! Кажется, там ходят! Не двигайся.

Кирочка застыла на своём месте и тоже стала внимать чуткой тишине покинутого дома.

Где-то глухо стукнула оставленная открытой форточка. Резво пробежал по ногам пробившийся под дверью сквозняк. Тррр. Что-то коротко скрипнуло, прошуршало в коридоре, качнулся воздух — будто кто-то промчался мимо и затаился в глубине дома.

— Ты слышала? — спросил вполголоса Билл. — Тут кто-то есть.

Кирочка вывела на экран смартфона план особняка Магистра Белой Луны, хотя это было не так уж нужно, она примерно помнила расположение комнат с прошлого посещения, когда именно здесь, в гостиной, её напугал сидящий в кресле старик со странным остановившимся взглядом. Красным крестиком программа обозначала их теперешнее

местоположение.

— Судя по звуку, — задумчиво произнесла Кира, — они побежали в сторону лестницы.

Билл вынул из-под полы своего щегольского длинного чёрного пальто пистолет.

— Вероятно, они вооружены. Если бы я, вернувшись с прогулки, обнаружил в своём доме незваных гостей, то не отправился бы выдворять их без пушки.

— Это логично, — Кира последовала его примеру и тоже извлекла пистолет из кобуры, на поясе у неё зловеще звякнули новейшие антимагические наручники.

Билл взялся за ручку двери и беззвучно повернул её. В этот момент в коридоре снова застучало, поток воздуха ударил в дверь, вдалеке ухнуло, щёлкнуло, и опять воцарилась испуганная тишина.

— В одной из боковых комнат, предположительно двое, — сказала Кира, касаясь своим тёплым дыханием тонкой чувствительной кожи на шее Билла. Так вышло ненароком, она стояла у него за плечом, и он постарался этого не заметить.

— Идём, — сказал он коротко и тихо распахнул дверь.

15

— Ты бегаешь, как слон! — возмущённым шёпотом отчитывала Хильда Томми, — с силой прижимая его ко внутренней стенке шкафчика для халатов, установленного в ванной, — тоже мне, будущий полицейский! Ты всё испортил, наверняка они нас услышали!

— Эй, полегче… А то ты меня совсем раздавишь, — виновато пробурчал Томми.

— Просто ты такой толстый, что теперь в этом шкафу не повернуться, — фыркнула Хильда, — дверца из-за тебя не закрывается.

Томми сердито засопел, и какое-то время молчал, пытаясь поплотнее упаковаться внутри собственного тучного тела, старательно втягивая живот и придумывая куда ещё можно деть свои пухлые конечности. Потом он резко перестал возиться и сказал, так серьёзно, что это ни в коей мере не соответствовало той нелепой ситуации, в которой они находились, совсем серьёзно, по-взрослому:

— Хильда, я очень прошу тебя, пожалуйста, не обращайся ко мне больше «толстый». Мы ведь друзья, а друзья не должны обижать друг друга…

— Ну… ладно… — удивлённо пробормотала девчонка, тон Томми несколько обескуражил её, — я не буду…

И в этот момент мальчик различил за дверью тихие шаги.

— Тсс!.. Кажется, они нас ищут!

— Ой, Том! Мне страшно! — шёпотом воскликнула Хильда и ещё сильнее прильнула к Томми, оказавшись у него практически в объятиях, и узкая дверца шкафа наконец-то с лёгким щелчком за ними закрылась. Стало совсем темно.

— Ничего-ничего… — сказал Томми покровительственно и робко коснулся головы девочки ладонью — такой ласковый успокаивающий жест он видел в кино, — они не найдут нас, — в эту секунду он ничего не боялся. Мальчишка был счастлив и горд, ведь именно сейчас, в этом тесном шкафу, в этом глупейшем положении он впервые в жизни почувствовал себя мужчиной — существом независимым, сильным и храбрым, способным защитить другое существо, женское, более нежное и хрупкое…

— Старик, я смотрю, любит красиво пожить. Да и вкус у него есть, — прокомментировал Билл обстановку в ванной.

За плечом у него стояла Кира. Оба они держали в руках направленные вперед пистолеты. Всё это отразилось в цельной зеркальной стене, когда на неё упал свет из

распахнутой двери, в той самой зеркальной стене, которая любовалась обнажённым Эрном в первый день его пребывания в особняке Магистра.

— А у тебя нет мозгов, Крайст… — яростно прошипела Кира.

Она едва не выронила от неожиданности пистолет; этот человек поражал её: ну, как можно быть таким бездарным болтуном?! Никогда не уметь удержать язык за зубами! Это же уму непостижимо! А ещё офицер! Что если Друбенс где-то рядом! Она схватила Билл за рукав и, гневно притянув его к себе, накрыла ему рот ладонью.

— Это можно расценить как домогательство, — одними только движениями губ сообщил ей Билл, аккуратно отодвинув её руку. И улыбнулся.

Кирочка в ответ погрозила ему кулаком.

— Смотри-ка… — Билл вдруг опустил пистолет и двинулся к шкафу, — зачем, интересно, Магистр держит у себя в ванной комнате парики?

Из щели между дверцами торчал тощий кончик Хильдиной косички.

Билл распахнул шкафчик. Подростки зажмурились от внезапного света. Кирочка ахнула.

— Господи! Каким ветром вас сюда занесло? Том! Да знаете ли вы, как это опасно?

Хильда при виде офицеров Особого Подразделения побледнела, хотя уже было понятно, что они не причинят зла, и прошептала так тихо, что кроме прижимавшегося к ней Томми никто этого не услышал:

— Та самая…

— Вылезайте, живо, — скомандовал Билл, — а то сейчас того и гляди нагрянут хозяева, и тогда нам не задание выполнять придётся, а вас спасать от их праведного гнева…

Подростки повиновались. Томми пошёл с лейтенантом Крайстом, а Кирочка повела за собою щупленькую Хильду, которая едва доставала ей до плеча. Они уже почти добрались до входной двери…

— Стоп! — приказал Билл, толкая Томми назад, за спину.

Все замерли, и в наступившей тишине отчётливо прозвучал щелчок открываемого ключом замка.

— Ну вот, блин горелый, так я и думал! Опять эта скучная дыра! — донёсся из залы недовольный, с подростковой хрипотцой голосок Эрна.

Кирочка без слов втолкнула Хильду в боковую комнату и на всякий случай показала ей кулак — не высовывайся, дескать. Аналогичным образом Билл поступил с Томми.

Притаившись за поворотом коридора с пистолетами наготове, офицеры Особого Подразделения стали ждать.

Ниоб и Магистр Белой Луны остановились в прихожей, интуиция подсказала им, что в дом пробрались чужие и торопиться не следует, оба сожалели, что не успели удержать вбежавшего уже в залу Эрна. В одной из бесчисленных складок на одежде Ниоба нежданно-негаданно обнаружился пистолет. Он бережно отстранил своего учителя и покинул прихожую первым, так уж повелось, что в любой опасной ситуации этот молчаливый и собранный человек брал всё на себя.

Эрн тем временем благополучно пересёк залу, намереваясь пробраться в свою комнату и, наколдовав себе шоколадный батончик, банку кока-колы, а кроме них диск с новым выпуском стратегии Космические Роботы — 7, засесть до вечера за игровую приставку. Обычно других дел в особняке Магистра у него не было.

Юный чародей приблизился к опасному повороту в коридор. Ниоб мысленно приказал ему остановиться.

— Да хватит уже мной командовать! — сварливо возразил ему Эрн во весь голос и даже не подумал послушаться.

Ниоб кинулся к нему, одним длинным прыжком покрыв половину расстояния, отделявшего его от непослушного сорванца. Иногда он обнаруживал ловкость, необыкновенную для такого крупного и флегматичного с виду человека.

Но было уже поздно. Повернув в коридор, Эрн сразу же оказался в крепких объятиях лейтенанта Лунь. Он даже не успел сообразить, как это случилось. Просто накрыло его тёплое облако чужого нежного запаха, сомкнулось у него на поясе кольцо быстрой руки, щёлкнул замок непривычно тяжёлых наручников и донёсся откуда-то издалека знакомый женский голос:

— Не пытайся сопротивляться. Ты сделаешь хуже только самому себе.

Потом Эрн потерял сознание.

А преследовавший его Ниоб чуть не напоролся с разбегу на дуло пистолета лейтенанта Крайста.

— Привет, — улыбнулся тот.

Ниоб от неожиданности попятился, а спустя мгновение, взглянув в лицо стоящего перед ним офицера, опустил свой пистолет.

Всем присутствующим этот поступок показался неадекватным. Собственно, он таковым и был. Взгляд Ниоба выражал нечто вроде сдержанного почтения, он несколько секунд смотрел Биллу прямо в глаза, затем едва заметным движением слегка склонил перед ним голову, слово перед существом более высокого ранга.

— Да ты что?! Вот олух! Стреляй! — завопил вбежавший в залу Магистр Друбенс.

— Нет, Учитель, — ответил Ниоб твёрдо, — стреляйте сами.

С этими словами он протянул Магистру пистолет.

— И выстрелю! И выстрелю… Сейчас… — засуетился Магистр, бестолково перебирая по пистолету сухими стариковскими пальцами, — как тут им пользоваться? Куда нажимать?

— На чёрненький рычажок, видите там, внизу, Магистр, — весело подсказал Билл.

— Да ты то что, чёрт шалый, мне помогаешь!? Я же в тебя стрелять собрался!

Магистр резко вскинул свою седую голову с круглой как блин нежно-розовой лысиной. От удивления он забыл основное правило — никогда не смотреть в глаза офицерам Особого Подразделения. Он встретился взглядом с лейтенантом Крайстом.

— Вы арестованы, Магистр, — спокойно произнёс тот, атакуя почтенного колдуна силой своего сомнения.

Друбенс почувствовал себя беспомощным. Взгляд Билла Крайста вонзался в самое средоточие его могущества, он проникал всё глубже в тайну, каждую секунду уничтожая малюсенькую частичку веры. Смотрящий на него человек мысленно опровергал каждое пересечение Магистром грани возможного, каждое заклинание, каждый ритуал. Их было, конечно, за почти четыреста лет накоплено невероятное количество, этих каждодневных маленьких подтверждений его, магистровой, причастности к сверхестественному. Но от пристального взгляда человека, сомневающегося, познающего, они быстро таяли, одно за другим, словно крупинки сахара в крутом кипятке.

— У него пульса нет! — испуганно воскликнула Кира.

Она сидела на полу возле лежащего без чувств Эрна, тёрла ему виски и, отодвигая широкое кольцо браслета, пыталась поймать на тоненьком запястье пульсирующую жилку.

От неожиданности Билл моргнул. Это прекратило напряжённый поединок взглядов

колдуна и человека. Друбенс взмахнул рукой, повернулся несколько раз вокруг себя, завертелся волчком, всё быстрее и быстрее, пока не превратился в длинное узкое светящееся веретено в центре залы, а потом как будто вспыхнул и исчез.

— Ай, репа без ботвы! Вонь чесночная! Осу в бороду! Вилкой в глаз! Упустил! — Билл с досадой хлопнул себя ладонью по лбу. Потом с чувством махнул рукой, а спустя мгновение уже совершенно спокойный повернулся к Кире:

— Ну, так что тут у тебя за новости? Помер, говоришь? Сними-ка с него наручники…

Перепуганная Кирочка повиновалась. Мысль, что маленький колдун погиб, встала перед нею такой глухой стеной ужаса, что она почти перестала соображать.

Дрожащими пальцами она набрала на дисплее код.

С лёгким щелчком могучие кольца разомкнулись, выпустив на волю хрупкие запястья подростка. Сверхмощное антимагическое поле было снято, и сразу же нежные щёчки Эрна начали постепенно розоветь, а спустя минуту удивительно длинные и густые как у дорогой куклы ресницы его дрогнули и медленно поднялись.

Немного мутным после обморока взглядом огромных фиалковых глаз юный колдун обвёл залу:

— Где я?

— В надёжных руках. Мы не причиним тебе зла, парень, — ответил ему Крайст, а потом повернулся к Кирочке:

— Эх ты, паникёрша! Я Магистра из-за тебя упустил. Самой не догадаться что ли? Он же мальчишка, а ты врубила защитное поле на полную катушку, мощные слишком для него наручники всё-таки… А вот Друбенсу, пожалуй, пришлись бы в самый раз. Да только где вот он теперь? Ищи-свищи! Пять параллельных пространств, поди, уже пересёк…

Кирочка помогла Эрну подняться. Он был ещё слаб.

— Надо выбираться отсюда, зови детей, Крайст, — пробормотала она виновато.

Томми и Хильда сидели на полу под дверью комнаты и прислушивались.

Сначала, когда Билл и Кира только втолкнули их сюда, они просто жались друг к другу, от страха позабыв обо всём на свете. Потом любопытство всё же взяло верх, и они стали подползать ближе и ближе к двери, чутко внимая тому, что делалось в коридоре.

Вопрос давно уже беспокойно пульсировал в голове у Томми, имеющего слабость к тайнам, но прежде было не до него:

— Хильда, а почему ты сказала про эту девушку из полиции «та самая»? Разве ты её знаешь?

— Нет. Просто видела раньше. С Эрном. Она такая красивая, в фуражке, и смелая, какой пистолет у неё — ты видел? — куда уж мне! Это она спасёт его и получит поцелуй, вот посмотришь… — Хильда обречённо шмыгнула носом.

— Да сдался тебе этот поцелуй! — рассердился Томми, — Будто других поцелуев нет…

И почему-то покраснел.

— Всё, товарищи-сыщики, на выход, — дверь распахнулась, на пороге возник Билл Крайст, — по домам!

— Ну вот, — печально вздохнула Хильда, — так я и думала, кончились приключения…

— Слава богу, — гнусаво добавил Томми, после чего облегчённо высморкался в свой клетчатый носовой платок. — Мама, наверное, уже волнуется…

Эрн тем временем окончательно пришёл в себя. Кирочка крепко держала его за запястье правой руки.

— Я не убегу, — тихо сказал он, подняв голову и распахнув перед нею таинственные бездны своих необыкновенных глаз, — можешь не держать меня с такой силой…

— Почему я должна тебе верить? — спросила она строго, — ты ведь обещал мне в прошлый раз не снимать браслет.

Эрн пристыженно склонил лицо, лоскут шелковистой чёлки при этом упал ему на лоб и на глаза, парнишка и не подумал его убрать; он взглянул на Кирочку сквозь неплотную волосяную завесу и пробормотал чуть слышно:

— Прости…

глава 6. Поцелуй и комета

1

— Садись, ешь, — Кирочка поставила на стол тарелку с грязно-белым дымящимся содержимым непонятной консистенции.

— Ты сама это готовила? — попытался уточнить Эрн, разглядывая поданную снедь с некоторой опаской.

Кирочка обиделась:

— Ну, я, конечно, не президентский повар, но, поверь, это вполне съедобно…

— Хотелось бы… — Эрн обречённо погрузил ложку в крутую клочковатую массу, — что это хоть?

— Манная каша.

— Понятно… — вздохнул юный чародей.

В Интернете Кирочка прочитала, что всевозможные каши рекомендуется делать основной составляющей рациона детей. До нынешнего момента она вообще не задумывалась, чем их кормят.

— Вообще-то я люблю сырники… — протянул Эрн тоскливо, с трудом проглотив откусанный от бесформенного кашного чудовища кусочек.

— Ну, тогда проделай дыру в пространстве и достань их оттуда! — рассерженно съязвила Кирочка, — Я не умею готовить такое! Да это и не входит в мои обязанности! Я охранник, а не кухарка!

— Дыру говоришь? — усмехнулся Эрн, — это можно…

Он вытянул руку вперёд, пространство под его пальцами слегка сморщилось, словно он нажал на прозрачный надувной мяч, и навстречу ему из этой пространственной ряби вынырнуло блюдо с внушительной горкой свежих румяных сырников. По кухне моментально распространился их нежный ванильный аромат.

Кирочка так и застыла у стола с ложкой в руке, изумлённо округлив свои большие графитовые глаза.

— Ой… — сказал Эрн, слегка склоняясь над столом и осторожно прикладывая ладонь ко лбу.

— Что такое?

— Голова закружилась…

— Иди, приляг, — встревожилась Кирочка, она думала, что юный чародей всё ещё испытывает дискомфорт от сверхмощных наручников, так опрометчиво на него надетых, и чувствовала себя виноватой.

— Нет-нет. Это ничего… Так теперь почти всегда, когда я колдую…

— Всё равно приляг.

— Ну, уж дудки, я сначала поем, — изрёк Эрн, взявшись за сырник, — я жутко голодный. А то как бы не получилось, что проснусь назавтра, а тут пустое блюдо. Обычно у девушек, которые не умеют готовить, отличный аппетит на чужую стряпню.

— Может, всё-таки поделишься? — спросила Кирочка с надеждой, её ноздри улавливали аппетитный дух свежеприготовленных сырников, извлечённых чёрт знает откуда, да и желудок прозрачно намекал ей, что пора бы чего-нибудь перекусить.

Юный чародей с набитым ртом промычал нечто нечленораздельное и отрицательно помотал головой.

— Вредина, — с досадой буркнула Кирочка, — доешь и иди спать.

Когда Эрн справился с ужином, она проводила его в комнату и легонько подтолкнула к кровати.

— Давай, живо, время уже недетское.

— Может, мне ещё мультики на ночь и колыбельную споёшь? — подросток обиженно скривил губки, этот мимический жест хоть и казался признаком некоторой избалованности, но выглядел до невероятности мило, — я уже не маленький…

— Но, тем не менее, тебе пора спать, — безапелляционно заявила Кирочка; она немного досадовала на себя за то, что совсем не умеет обращаться с детьми.

— Ну… ладно… — нехотя согласился Эрн, присаживаясь на кровать, — только, — он опустил голову, и длинная чёлка занавесила его глаза, — ты выйди куда-нибудь, пока я раздеваюсь…

— Нет. К сожалению, это невозможно. Я должна быть рядом с тобой всё время. Наверняка Магистр попытается тебя вернуть. И, не сомневайся, он выберет именно тот момент, когда это будет легче всего сделать. Не волнуйся, — добавила Кира после небольшой паузы, — я не буду на тебя смотреть. Лучше погляжу в окно, видишь, какой нынче закат.

С высоты сорок первого этажа открывался божественно-прекрасный вид. На фоне оранжевой, розовой, багровой органзы вечерней зари разливалось зелёное озеро парка Первых Свиданий, темнели далёкие купола храма Истинной Веры, и вырисовывались чётко, словно перьевой ручкой, острые шипы телевизионных вышек и очертания огромных, точно скелеты динозавров, виадуков на САД…

А краешком глаза Кира мельком, почти случайно, ведь никак нельзя было допускать, чтобы Эрн надолго покидал поле её зрения, увидела, как его чистая, нежная, вся сразу покрывшаяся взбудоражившимися прозрачными волосками, молодая кожа засветилась в полумраке комнаты, когда он торопливо стянул через голову футболку.

— С чего вы вообще взяли, что Друбенс хочет меня убить? — спросил Эрн; тут же раздалось два негромких глухих удара об пол, это парнишка небрежно сбросил свои кеды.

— Потому что у него нет никаких других причин внезапно начать проявлять заботу по отношению к тебе, кроме личной заинтересованности. Ты ведь ему никто, верно? Тогда с чего это он вдруг к совершенно чужому мальчику со всей душой и материальной базой-то, а? Ты нужен ему, Эрн. И мы не знаем — зачем.

Об пол жалобно звякнула маленькая пряжка джинсов, которые Эрн стаскивал совсем по-детски, вывернув наизнанку.

— Погоди, но с таким же успехом я могу предположить, что ты чего-то от меня хочешь? Зачем-то ведь ты варишь мне кашу? Укладываешь вот сейчас спать?

— В свою постель, между прочим, — пояснила Кирочка ворчливо, потом продолжила уже серьёзно, провожая взглядом парящую птицу на полотне ровного зеленоватого неба выше заката, — нет, Эрн. Я — совсем другое дело. Таков мой служебный долг. Офицер Особого Подразделения по надзору за сверхъестественным не задаёт вопросов. Он исполняет приказ…

— Ясно.

Юный чародей уже успел нырнуть под одеяло. Его вещи кучкой лежали на полу у

кровати. Кирочка вздохнула. Дети есть дети!

— А, может, Друбенс хотел сотрудничать со мной? Почему ты не допускаешь мысли, что я интересовал его как партнёр, а не как потенциальная жертва?

— Ооооо! — Кирочка рассмеялась, — для этого ты слишком молод. Кроме того, с партнёрами принято делиться, что не всегда приятно.

— Ты знаешь, — Эрн немного привстал на постели, выпростав из-под одеяла тонкую руку, — мне кажется, что вы представляете себе Друбенса гораздо бОльшим негодяем, чем он есть на самом деле. Он ведь добрый старик, хоть и чудаковатый.

— В том то и дело. Заблуждения порою гораздо страшнее злого умысла, Эрн, — Кирочка села за стол, достала пистолет из кобуры и положила его перед собой, — кто-то может быть абсолютно уверен в том, что служит всеобщему благу, и творить при этом такое, что не приведи Господь. Потому нам не слишком важно, негодяй Друбенс или просто фанатик, наша задача — предотвратить беду, если таковая грозит кому-нибудь от него.

— Зачем тебе пистолет? — юный маг с интересом наблюдал за Кирочкой, она тщательно протёрла оружие и теперь наливала себе в мерный стаканчик из маленькой бутылочки энергетический коктейль — вязкую жидкость насыщенного малинового цвета.

— Это не совсем обычный пистолет, а генератор ОВЗ, — единственное на сегодняшний момент материальное оружие против колдунов, поскольку при определённых условиях он способен уничтожать информацию, стирать её, что в некоторых случаях практически эквивалентно повороту времени вспять, — объяснила Кирочка, — вот, к примеру, если Друбенс сейчас появится здесь, и я направлю на него излучатель, мощности пистолета не хватит, конечно, на то, чтобы уничтожить его совсем, он слишком стар и слишком силён, он живёт четыреста лет, он прочитал столько древних книг, он ушёл корнями в глубину веков, эти информационные корни не вырвать так просто, будто огородный сорняк… Но чтобы ненадолго выдворить Друбенса отсюда — энергии выстрела будет вполне достаточно. Импульс пистолета сотрёт его последний пространственно-временной след, длиною в несколько минут — магистр Белой Луны довольно крупный объект — а выразится это в том, что почтенный маг вдруг обнаружит себя дома, более того, он даже забудет, что соизволил посетить нас…Вообще говоря, уже поздно, Эрн, — опомнилась Кирочка, она встряхнула мерный стаканчик и махом осушила его, — спи.

— А ты?

— Обо мне не тревожься, я тут посижу тихонько, — ответила она, достав из сумки книгу и зашелестев страницами.

— И спать не будешь?

— Нет, не положено мне, — Кира механическим движением переложила пистолет с одного места на столе на другое, он негромко стукнул по дереву, — утром меня сменит Крайст, мы с ним дежурим около тебя сутки через сутки, мой юный друг, — Кирочка покровительственно улыбнулась, — так что до послезавтра, спокойной ночи.

2

— Кукарекуууу!

«Что за ерунда? Откуда петухи в городской квартире?» — Эрн, морщась от света, неохотно приоткрыл один глаз.

— Всё. Пойман. Не притворяйся спящим. — На корточках перед кроватью сидел Билл Крайст, весело сияя своими ярко-голубыми глазами.

— Ааа… Это ты сейчас так орал по-петушиному? — Эрн облегчённо откинулся на

подушку, — здорово это у тебя получается! Я почти поверил.

— …Ладно, — проигнорировав комплимент, Билл взглянул на часы, — ты чертовски меня задерживаешь, лежебока. Надо мотнуться кое по каким делам, одевайся, едем. Я купил тебе завтрак. Разогреешь его в микроволновой печи, не вынимая из коробки.

— Сам разогреешь. Я с техникой не особенно лажу. Или она со мной. Короче, в моём присутствии она иногда дымится, искрит или ещё как-нибудь выражает своё недовольство, — сообщил Эрн, потягиваясь.

— Хорошо. Это уважительная причина. Кирина микроволновка никак не провинилась и вполне заслуживает долгую и счастливую жизнь. Я пошёл. По возвращении хотелось бы видеть тебя одетым.

Заглянув в комнату несколько минут спустя, Билл не обнаружил там Эрна. С неудовольствием признаваясь себе в том, что начинает паниковать, он кинулся обыскивать квартиру. К счастью, местонахождение недавно проснувшегося человека вполне предсказуемо. Юный чародей нашёлся в ванной. Он зачем-то старательно запихивал одеяло в барабан стиральной машины.

— Эй, деревянная башка, ты что делаешь?! — воскликнул Билл, испытывая радостное облегчение.

Эрн обернулся к нему с виноватым и испуганным видом.

— Одеяло, вот, постирать хочу… — пробормотал он.

На передней панели стиральной машины, несмотря на то, что она была выключена из розетки, замигал красный огонёк. Билл удивленно наблюдал за этим странным явлением природы.

— Я ей, кажется, понравился, — тихо пояснил Эрн, он говорил, как будто в чём-то оправдываясь, и продолжал выглядеть, как пойманный вор.

— Это как?

— У всякого объекта есть своя душа, если выражаться поэтически, или, иначе, энерго-информационное поле. Ты либо вписываешься в него, либо нет…

— Расскажешь об этом поподробнее, — не слишком вежливо оборвал колдуна Билл, — но не сейчас. Мы спешим. Но на кой чёрт ты вообще это затеял? На мой взгляд, одеяло ни в какой стирке не нуждается! Положи его на место.

— А на мой нуждается! — Эрн рассердился и испугался одновременно, это сложное чувство немедленно изобразилось у него на лице, оно слегка вытянулось и побледнело. Настенный светильник в форме рыбы, истерично замигав, спустя несколько мгновений, погас.

Поведение подростка показалось Биллу неадекватным. Он начал мысленно подыскивать ему разумные объяснения.

— У тебя что, энурез? — осторожно спросил он. К счастью, Эрн не знал этого слова. В противном случае, невинное предположение могло бы стоить Биллу жизни. Юного мага явно что-то встревожило. А при таких обстоятельствах сила практически непредсказуема, и бывает достаточно малейшего повода для того, чтобы она обрушилась на источник раздражения.

— Да сам ты этот твой эээ… — Эрн неопределенно потряс руками в воздухе, так, словно это могло помочь ему вспомнить нужное слово, а потом сердито добавил, — я не отдам одеяло.

Вид у него был очень грозный, он спиной заслонял открытый барабан стиральной

машины. Будто бы Билл собирался отнимать это одеяло силой!

Стоя в дверях Кирочкиной ванной, он смотрел на Эрна с искренним изумлением, и тут его точно прожгло: на внутреннем экране мелькнуло далёкое воспоминание…

Ленивое дачное лето, долгие солнечные дни, Чарли… Эрн удивительно был на него похож. Не внешне, разумеется. Иначе: тоньше, таинственнее. Такие сходства невозможно объяснить, но они всегда бросаются в глаза; это напоминает ощущение, какое испытываешь, когда смотришь на знакомого человека и, сам не понимая почему, хочешь назвать его другим именем, которое, как тебе думается, лучше ему подходит, на которое он больше «похож». С виду Эрн и Чарли не имели ничего общего, но они оба как будто бы излучали некие загадочные волны, в этом и заключалось для Билла их неизъяснимое сродство. В какой-то момент ему даже начало казаться, что он видит перед собою своего погибшего друга. Безотчётно он соединил в своём сознании образ Эрна с образом Чарли; это получилось очень легко, ведь Эрну сейчас было почти пятнадцать, точно так же как и пропавшему много лет назад мальчику, он был хрупок и последнее детство так же прелестно и трогательно переплелось в нём с зарождающейся мужественностью, как когда-то в Чарли; поэтому та любовь, которую питал Билл к Чарли тогда так просто перекинулась теперь на Эрна; один мальчик стал продолжением другого, он отражал его, прошлого, давно ушедшего, в реальности, подобно тому, как линза даёт на стене увеличенное изображение маленькой свечки…

— Ну, хорошо, Эрн, мы постираем твоё одеяло, если ты хочешь, я тебе помогу, не волнуйся, — капитулировал Билл, — только объясни мне, почему это так необходимо, мы ведь друзья, а друзья ничего не должны скрывать друг от друга.

— Я уже слышал эту фразу. От Ехиры. — Эрн недоверчиво хмыкнул, — меня не купишь дешёвыми трюками из карманных справочников по психологии.

— Ладно. Я сдаюсь. — Билл картинно поднял вверх обе руки, он немного обиделся, ведь порыв его дружелюбия был вполне искренним, — Никаких трюков. Просто ты странно себя ведёшь, и мне чертовски любопытно. Вот и всё.

Эрн опустил ресницы. Он давно уже ощущал необходимость поделиться с кем-нибудь накопившимися тревогами, поскольку Томми со всеми его хвалёными познаниями в медицине и многолетним гайморитным стажем в своё время не сказал ему ничего вразумительного. Больше друзей у него не было, потом он совершенно неожиданно угодил в плен к Магистру, где их тоже, разумеется, не приобрёл, а Билл Крайст вполне подошёл бы на эту роль, Эрну нравился этот парень, всегда такой весёлый и легкомысленный, но в то же время — Эрн это чувствовал — такой надёжный. Подростки часто нуждаются в поддержке или совете кого-то на их взгляд более сильного и опытного, особенно при недостаточно тесном контакте с родителями; а бедняга Дирк так много работал, стараясь как можно лучше обеспечить сына, что у него иногда не хватало времени даже просто поговорить с ним, постоянные дежурства изматывали его, и порою, вернувшись со смены, он засыпал прямо за кухонным столом, возле своей недоеденной порции…

Крайст ждал. Он стоял, молча, стараясь улавливать малейшие изменения в лице Эрна. Он понимал всю важность момента и боялся каким-нибудь некстати вырвавшимся словцом или небрежным жестом спугнуть зарождающееся доверие подростка.

И юный чародей решился. Он рассказал Биллу про «гной». А тот, выслушивая это весьма любопытное повествование, делал над собою поистине титанические усилия, чтобы не расхохотаться: поединок был напряжённым, но смех всё же одолел его, — Билл мог

поклясться, что это самое забавное заблуждение из всех, с которыми ему доводилось сталкиваться в жизни!

— Господи, Боже… — пробормотал он, пытаясь сладить с неудержимой улыбкой, — Ручаюсь, что твоя деревянная башка твёрже всякой другой деревянной башки в мире! Гной! Ха-ха! Это ж надо! Ха-ха! Нарочно такого не придумаешь! Что ты делал на уроках полового воспитания в школе?

— Я их прогуливал, — мрачно процедил Эрн.

Реакция Билла на столь трудно давшееся ему признание была для него неожиданной и, пожалуй, даже обидной. Но, что удивительно, она не оттолкнула его от нового товарища. В смехе Крайста чувствовалась и надёжная поддержка, и простосердечное умиление старшего; безудержное веселье этого белозубого парня не только способно было заразить кого угодно, но и обладало чудодейственным свойством — вселяло в окружающих уверенность и спокойствие. Уж если этот человек смеётся, так значит точно бояться нечего!

— Получается, ничего у меня не загноилось? — на всякий случай хмурясь, осторожно спросил Эрн.

— Детство у тебя загноилось, вот что… — ответил с совершенно серьёзным лицом лейтенант Крайст, — существует болезнь такая — загноение детства. Абсолютно все люди ею в определённом возрасте заболевают. Но, что весьма утешительно, за всю историю человечества от неё никто ещё не умирал.

Эрн смотрел на него доверчиво, благодарно, жалобно.

— Вот что, — Крайст хлопнул себя по нагрудному карману рубашки, — у меня есть для тебя подарок. Когда я поступал на службу, я отдал эту монетку Айне Мерроуз, теперь она вернула её мне. В своё время, ещё мальчиком, я получил её от самого Друбенса.

Билл не без труда извлёк из узкого кармана золотой империал. У него на ладони монета скупо поблескивала в лучах электрического света.

— Держи.

Эрн нерешительно протянул руку.

Крайст медленно опустил на неё империал и своими руками сжал маленькие пальцы Эрна в кулак.

— В знак дружбы, — добавил он.

— Спасибо, — пробормотал юный колдун с растроганной полуулыбкой.

Внезапно в кулаке у него засветилось. Неудержимое яркое золотое сияние прорывалось наружу между тонкими белыми пальчиками Эрна.

— О, Господи, что это?! — испуганно воскликнул подросток.

Он расправил ладонь. Золотой империал на ней воссиял так сильно, что больно стало глазам; точно маленький кусок солнца, если бы можно было держать его в руках.

— Наверное, Друбенс тогда решил, что я это ты… — тихо сказал Крайст.

Он протянул руку и осторожно забрал у Эрна империал, который, тотчас же перестав светиться, превратился в обыкновенную старую блёклую монету.

3

— Зачем мы пришли сюда, — спросил юный волшебник, — ведь это же здание школы?

— Так точно. Друбенс ни черта не заботился о твоём будущем, и это ещё раз доказывает, что он имел намерение тебя убить. Не сейчас, так позже. А теперь за тебя отвечает Особое Подразделение, и потому ты вынужден будешь ходить в школу.

Кирочка, запрокинув голову с тугим пучком волос на затылке, внимательно изучала

вывешенный в холле план здания.

— Но я не хочу ходить в школу! — Эрн капризно скривил губки.

— Образование является обязательным для всех граждан, включая могущественных колдунов, — строго сказала Кира, — тебе придётся смириться с этим. Занятия уже начались, ты прилично отстал, и нужно будет поднажать на учёбу, а сейчас требуется пройти медосмотр.

Протащив Эрна за руку, как маленького, несколькими коридорами, Кирочка смело толкнула дверь какого-то кабинета. Внутри всё было отделано крупным светлым кафелем, а за столом-партой, установленном возле окна, наполовину замазанного белой краской, сидела неприятная на вид женщина средних лет в белом халате с длинным лицом и крашеными чёрными волосами.

— Мы на медосмотр. Это к вам? — осведомилась Кира.

— Какой класс? — хмуро спросила женщина.

— Шестой, — ответила Кирочка за Эрна, вталкивая его в кабинет.

— Я погляжу, взрослый парень у вас… Второй раз что ли?

Кирочке пришлось кивнуть.

— Сколько лет?

— Четырнадцать… — пришибленно пробормотал Эрн.

— Ну, позорник! Ты так бороду отрастишь, а школу не кончишь! — недовольно пробурчала женщина в халате, написала что-то в чистой карте и добавила казённо, — Раздевайся!

— Совсем? — оробело поинтересовался Эрн.

— До трусов. — был ворчливый ответ, — Как дикарь с острова, ей богу! Никогда осмотров, что ли не проходил? А вы что стоите? — женщина-медработник недобро взглянула на Киру, — выйдите из кабинета.

— Позвольте мне остаться.

— Это не по правилам. Выйдите!

— Я должностное лицо, — твёрдо сказала Кира.

— Какое-какое лицо? — небрежно переспросила женщина, сощурившись на неё.

— Долж-ност-но-е… — начиная немного раздражаться, по слогам повторила лейтенант Лунь и, отодвинув полу джинсовой куртки, продемонстрировала заткнутый за пояс пистолет.

— А… а… Ясно, — несколько смешавшись, пробормотала женщина в халате, — Ну так, что, — повернулась она к Эрну, — ты готов? Голос её после демонстрации пистолета заметно потеплел.

Эрн уже успел стащить с себя футболку и джинсы, и стоял теперь босиком на массажном резиновом коврике в одних светло-серых облегающих трусах-боксёрах. Он зябко поёживался, обхватывая себя скрещёнными на груди руками. В кабинете был сквозняк, и нежная кожа его покрылась бугорками мурашек и расправила свои тонкие прозрачные волоски.

— Сейчас я тебя послушаю, — сказала женщина-медработник и решительно направилась к Эрну со стетоскопом, — встань прямо.

Он повиновался. Холодная круглая блямба стетоскопа по нескольку раз присосалась к его груди и к спинке.

— Всё в порядке, — сказала женщина в халате и, пометив что-то в карте, снова

направилась к Эрну.

— Аллергии есть? — спросила она на ходу.

Он помотал головой.

— Операции были?

— Нет.

— Отлично.

Женщина-медработник подошла почти вплотную к Эрну.

— Теперь мне нужно ещё кое-что посмотреть, — произнесла она загадочно и с привычной уверенностью потянулась к резинке боксёров, — это недолго.

— Не трогайте! — подавшись вперёд, воскликнула Кира с тревогой.

— Но мне нужно посмотреть, — спокойно удивилась женщина, остановив руку на полпути, — в форме есть соответствующая графа…

— Мне плевать на вашу графу. Я сопровождаю несовершеннолетнего и имею полное право регламентировать ваш осмотр, — выпалила Кирочка, напустив на себя как можно более самоуверенный и наглый вид; она не на шутку встревожилась, опасаясь реакции загадочного электричества, призванного защищать Эрна, и хотела, чтобы её несуразный выпад сошёл за потакание каким-то экзотическим родительским капризам. Её безотлучное присутствие рядом с парнишкой, ежесекундная настороженность, пистолет на поясе — со стороны это всё выглядело подозрительно. Надо было соответствовать какой-нибудь легенде, в которую бы легко верилось простым людям. Пусть думают, скажем, будто Эрн сынок каких-нибудь важных шишек, и к нему приставлена личная охрана.

— Это обязательно, я должна посмотреть. — упрямо повторила женщина.

— Обойдётесь.

— Да что это, в конце концов, такое?! Я медицинский работник. Вы мне мешаете! — сталкиваясь с чем-то неожиданным и непонятным, некоторые люди зачем-то продолжают с невиданным упорством действовать по стандартной схеме, будто стараясь силой подмять под себя подобно асфальтовому катку, разбушевавшиеся обстоятельства. Владычица школьного медкабинета была настолько убеждена в собственной правоте, что даже рассердилась. Она, дескать, уже двадцать лет осматривает детей, и прежде никто столь вероломно не восставал против неё!

— Выйдите из кабинета, — велела она Кирочке с холодной враждебностью в голосе и повторила попытку прикоснуться к резинке, прильнувшей к хорошенькому животику Эрна.

— Не трогайте, я сказала! — воскликнула Кирочка, еле сдерживая прорывающуюся панику, и нервным движением выхватила из-за пояса пистолет.

— Ладно-ладно… — ошарашенно забормотала женщина-медработник, поднимая руки и расправляя пальцы в знак того, что не собирается прикасаться к подростку.

— А теперь пишите, — приказала Кирочка, — в карту, что вы посмотрели всё, что надо.

— Хорошо-хорошо, — женщина-медработник попятилась к столу, — всё напишу. Только пушку уберите. Вам нервы лечить надо.

— Я учту, — ответила Кирочка с улыбкой облегчения, вкладывая пистолет в кобуру. — Идём, Эрн…

— Ну, народ пошёл… — недовольно пробурчала себе под нос, дописывая что-то в карте, женщина в халате, едва за ними закрылась дверь. — Сумасшедшие… И кто им только выдаёт лицензии на ношение оружия? Халтурит комиссия. Или взятки берёт.

— Спасибо, что заступилась за меня, — прочувствовано сказал Кирочке Эрн, когда они

вышли, — эта тётка ужасно мне не понравилась. Я вообще не люблю, когда меня трогают.

— Не за что тут благодарить. Ты наивен, если думаешь, что я сделала это для тебя, — сухо ответила Кира.

— Тогда зачем? — удивился подросток.

— А что, я могла, по-твоему, допустить, чтобы её дернуло высоковольтным током? Вдруг включился бы этот твой электрический колпак! — Кирочка добыла из нагрудного кармана сигарету и нервно прикурила, только теперь Эрн заметил, что у неё немного дрожат пальцы, — Я спасала медицинского работника. Это был мой долг.

Она жадно затягивалась, отвернувшись. Эрн молча шёл рядом, разглядывая асфальт у себя под ногами. Он думал о том, что служба у Кирочки отнюдь не такая простая, как кажется на первый взгляд. А иногда и опасная.

— Как ты будешь охранять меня в школе? Ты ведь не собираешься сидеть со мною за одной партой на каждом уроке?

— Нет, я буду только встречать и провожать тебя. Школа — вполне безопасное место. Ни один уважающий себя колдун не станет применять магию публично.

Чем больше свидетелей, тем сильнее расход энергии, это известная закономерность, ведь каждого из тех, кто ВИДЕЛ, необходимо в увиденном УБЕДИТЬ, то есть сделать так чтобы он поверил собственным органам восприятия, на это тоже требуются силы, и немалые, но иначе никак — сопротивление сомнения неубеждённого свидетеля будет мешать колдовству, и если маг не слишком силён, оно даже может повернуть процесс вспять.

Снова наступило молчание. В присутствии лейтенанта Лунь Эрн всегда ощущал стеснение, а она, должно быть, всё ещё переживала свою неуклюжую выходку в кабинете, хмурилась и раздражённо покусывала нижнюю губу. Из-за деревьев показалось ленивое осеннее солнце, полустёртое облаками, его рассеянный свет ронял на мокрый асфальт белые блики.

— Как по твоему мнению оно работает?

— Что? — Переспросила Кирочка. Заметно было, что перед этим мысли её витали где-то далеко, и возвращались теперь оттуда не слишком охотно.

— Электрическое поле, которое… охраняет меня, — пояснил Эрн. Когда он произносил последние слова, лёгкая тень смущения скользнула по его лицу, мимоходом подчеркнув его ясность и нежный молодой цвет.

«И зачем это, почему?» — думала Кира, украдкой поглядывая на него, она уже находила в себе зачатки той болезненной тревожности, которую может разбудить красота, когда ты точно уверен, что этой красоте не суждено принадлежать тебе никогда; похожим образом писателей захватывает совершенство чужого слова, а художников — полотна гениальных предшественников. Она ощущала свою беспомощность и ничтожность рядом с той великой творящей силой природы, что оказалась способна так соединить, скомбинировать все черты, чтобы настолько гармонично и правильно они сочетались! Эрн был так хорош, что при каждом взгляде на него накатывала волна смиренного принятия бессмысленности бытия; словно венцом всего процесса творения, всей эволюции был он; но сама по себе красота ничего не объясняла, и только сильнее мучил, бередил душу вечный вопрос: для чего всё это немыслимое совершенство порождено — в чём цель красоты? в чем её польза? — красота не имеет смысла; но она — есть единственный результат вечных творческих поисков Вселенной; бесчисленное разнообразие объектов, невероятное множество комбинаций и всё

ради того, чтобы… всего единожды — ведь ничто не способно повториться — произвести на свет божий нечто вроде Эрна…

— Я не знаю, — небрежно ответила Кира, заставляя себя отвести глаза, — вероятно, защита активируется, когда кто-то прикасается к тебе.

— А мне кажется, что ОНО — Эрн отзывался о светящемся куполе словно о разумном существе, причём довольно почтительно, — чувствует намерение, с которым прикасаются… Когда до меня дотронулась ТА — он выделил это местоимение интонацией, — женщина, оно включилось почти сразу…

— Что за женщина? — быстро спросила Кира. Эрну почудилось, что её глаза сверкнули при этом неодобрительно.

— Да так… Одна… Знакомая Друбенса… — юному колдуну показалось невозможным ответить правду именно сейчас, именно на этот вопрос и именно этой девушке. Кира испытующе глядела на него из-под козырька фуражки.

— Ладно, меня это не касается, — сказала она сухо, — я делаю свою работу, а купол свою.

— Оно, может, — робко предположил Эрн, — и вообще не отреагировало бы на эту кикимору из медкабинета… Не нужно было, мне кажется, поднимать такой кипеж…

Кирочку уязвило это замечание. Где это видано, чтобы сопливый юнец получал умудрённого опытом офицера?

— Я должна была исключить малейший риск, — отчеканила она сурово, — Предполагать наличие у купола какой-либо избирательности — значит ставить под угрозу жизни людей. Всегда лучше перестраховаться. Если дело касается Тайны, любые средства хороши.

— Я не смогу вернуться к отцу?

Кирочка кивнула.

— Никогда? А что в таком случае ему скажут? Что я погиб? Но это же слишком жестоко! — воскликнул он, призывно распахивая бездны фиалковых глаз.

— Что же ещё мы можем ему сказать? — глядя в сторону, ответила она, — что ты невероятной силы колдун и за тобой охотятся другие маги? Что твоя сила способна искажать пространство-время, и всё это начинает попахивать Концом Света? — в голосе лейтенанта Лунь слышалась грустная ирония, — Да ведь он нам тогда просто не поверит, или, чего доброго, сочтёт злыми шутниками либо сумасшедшими… Не все наши методы гуманны, Эрн, — Кира вздохнула и взглянула на него с сочувствием, — и порою обстоятельства вынуждают нас причинять боль.

— Ну, уж нет! — Эрн гневно нахмурил бровки, — я не дам вам так поступить с моим стариком. Он, конечно, порядком мне надоедал, заставлял прибираться в комнате и мыть посуду, ругал за двойки, не пускал гулять, пока я не сделаю уроки, но подобной жестокости он явно не заслужил!

— И что же ты предлагаешь? — настороженно спросила Кира, она чувствовала, что оказывать психологическое давление на подростка сейчас может оказаться просто опасным.

— Я сам ему всё объясню. Мой старик не из тех, кто любит болтать.

— Дело не в этом, Эрн. Чем больше вокруг нас тех, кто посвящён в Тайну, тем сильнее она начинает проявлять себя, — Кирочка вспомнила красноречивый пример, который приводили ей сначала одноклассница Нетта, а затем, много позже, на одной из лекций, полковник Айна Мерроуз, — почему ты думаешь, сбываются желания, загаданные в

новогоднюю ночь? Просто-напросто многие верят в то, что новогодняя ночь особенная, и этого оказывается вполне достаточно для чудес… Потому нам, как оберегающим Тайну, не слишком желательно расширять аудиторию. Ведь если всеобщая вера однажды перевесит неверие, то магия станет нормой…

— И все люди станут колдунами?

— Вроде того. Но не совсем так. На самом деле, нам рассказывали об этом на курсах подготовки офицеров, изначально практически каждый имеет магические способности. Просто у большинства доступ к ним заблокирован. А те, у кого сила всё-таки проявляется, являются в некотором роде мутантами, они обладают особой формой невосприимчивости глубинных слоёв подсознания, получившей название Хаос. Вроде как люди рождаются уже с готовым полностью записанным жёстким диском в голове, а маги — нет. Благодаря этой особенности их разума, информация об основных свойствах окружающего пространства не становится частью их природы, проще говоря, реальности не удаётся создать у них в сознании фиксированное представление о ней самой, убедить их в том, что она, реальность, есть некая данность, аксиома, база, и поэтому они могут её менять. Вот твоя мама, например, проходит сквозь стены так же легко, как если бы они состояли из воды или тумана. Ей дана власть над молекулами и атомами любого материала, они «слушаются» её…

Пока она говорила, Эрн смотрел на Кирочку очень внимательно, изучал её крупное лицо: чётко очерченные скулы и подбородок, пухлые ракушечно-розовые губы, заметный нос с небольшой горбинкой, круглые тёмно-серые глаза.

— А ты? — спросил он, — ты пробовала колдовать?

— Ну… — Кирочка заметно смешалась и немного помедлила с ответом, — это же смешно… Какая из меня ведьма? Я и ложки взглядом не передвину…

Она очень стеснялась своих попыток открыть в себе магические способности, но с самого начала своей службы в Особом Подразделении почему-то не оставляла их. Дурацкая детская мечта быть всемогущей ведьмой не давала ей покоя… Иногда, когда она была уверена, что никто не застанет её за этим занятием, Кирочка практиковалась в телекинезе. Она садилась за стол, скатывала из бумаги маленький плотный шарик, клала его перед собою, и, не сводя с него глаз, пыталась сдвинуть с места усилием воли. Разумеется, очень долго, так долго, что продолжать попытки стало казаться уже бессмысленным, ничего у неё не выходило. И только в последнее время, буквально несколько недель назад, Кирочка начала замечать едва заметные подёргивания шарика, но природный скепсис постоянно селил в её сознании подозрение, что, вероятнее всего, это — сквозняк, а не проявление воздействия мысли на материальный объект. Однако, какая-то часть Кирочкиного существа всё-таки верила в успех и ревностно оберегала эту веру от скепсиса, собственного и тем более чужого, а потому достигнутые результаты держались Кирочкой в секрете. И теперь её тайна неожиданно оказалась под угрозой.

— Какое отношение это имеет к нашему разговору? — спросила она, напустив на себя строгость.

— Никакого, — ответил Эрн, улыбаясь, — ровным счётом никакого. Разве только некоторые ассоциативные ряды, возникшие у тебя в продолжение этого разговора, смогут убедить тебя в том, что колдовать мой батя тоже не начнёт, если вдруг узнает правду обо мне.

Кирочку это уязвило. Перед её внутренним взором всё ещё стоял бессовестно вырезанный памятью из огромного массива зрительных образов упрямо неподвижный

бумажный шарик на гладкой поверхности стола.

— Ладно, — процедила она сквозь зубы, — ему сообщат, что ты жив, здоров и находишься в безопасности.

— А я смогу увидеть его?

— Возможно, — буркнула Кирочка, машинально надвинув фуражку на глаза.

Эрну этот жест показался симптомом скрытого раздражения.

— Ты сердишься?

— Нет, — ответила она сухо, — я завидую.

Юный волшебник смотрел на Кирочку снизу вверх. Тонкая прядь тёмных волос, будто нитка, скользила по лбу, подхваченная небольшим ветерком. Тёмные глаза лейтенанта Лунь смотрели куда-то вдаль. Эрн зачем-то задержался взглядом на её пышных, нежно-розовых, точно арбузная мякоть возле корочки, губах.

— Ты хороший человек, Кира, — почему он смотрел на губы? Эрн не знал. Так бывает иногда, когда, задумавшись, зрительный ряд воспринимаешь фоном, не ставя ему в соответствие определённые мысли.

— С чего ты взял? — удивилась она, — зависть, как я знаю, не самое лучшее качество.

— И ты, тем не менее, находишь в себе силы открыто признаваться в ней. Это немало. Большинство людей стараются поглубже припрятать свои слабости, а некоторые умудряются скрывать их даже от самих себя, чем существенно затрудняют жизнь себе и окружающим.

Кирочка несколько раз уже подмечала одно удивительное свойство Эрна, выражающееся в некоторой неоднородности его мыслительного процесса: местами он рассуждал совершенно как типичный подросток, упрямый, вспыльчивый и не слишком добрый, но иногда, это бывало нечасто и всегда неожиданно, на него как будто снисходило озарение, и тогда он становился кротким, умудрённо-невозмутимым и изрекал не по годам глубокие суждения о мире, словно в его сознании ненадолго приоткрывалась загадочная дверь, за которой уже не одну тысяч лет сидел кто-то и временами, под настроение, делился с Эрном своим богатейшим жизненным опытом.

— По возможности я стараюсь не кривить душой, — сказала Кирочка, — мне часто представляется, будто я нахожусь среди русалок. Моя единственная подруга — она небрежно скомкала всплывший в памяти полуразмытый образ Нетты и намеренно употребила именно эти слова, — когда-то ушла в море. Хорошо там, наверное. Русалки лишены всякой возможности лгать, потому что обмениваются непосредственно мыслями, а не разговаривают друг с другом.

— Да, пожалуй, — согласился Эрн, — мысли проходят изрядную обработку перед тем как стать словами…

В этот самый момент ему подумалось, что у Кирочки «добрые» губы, именно «добрые», он неожиданно нашёл нужное определение, но так и не решился произнести его вслух.

Они сели в машину, лейтенант Лунь привычно застегнула ремни безопасности своего необычного пассажира — она предпочитала делать это сама — и завела мотор. За окном уныло потянулось запылённое пластиковое заграждение спиральной автодороги.

Пожилая дама, на вызов которой они отправились, занималась разведением экзотических растений. Она жаловалась на странное поведение редкого говорящего цветка, который приобрела совсем недавно.

— Ну, вы понимаете, госпожа офицер, — начала рассказывать хозяйка, едва Кирочка успела переступить порог, — это просто ужас какой-то. Все цветы как цветы, но эта

орхидея… И откуда только она знает такие слова! Мы учёные, и мой дед, и отец, и я, потомственные ботаники, интеллигенты, никто в нашем доме отродясь так не бранился, а она… исключительно нецензурными словами изъясняется! Помогите, прошу вас, мочи нет, вхожу в комнату, её же, заразу, полить, а она… обкладывает меня почище пьяницы с Заброшенных Верфей!

— Покажите, — велела Кирочка.

— Идёмте, — сказала хозяйка, сделав знак рукой. Гости послушно двинулись за нею по коридору.

Внезапно к ногам Кирочки, выскочив откуда-то, стало льнуть очень странное существо. Оно было похоже на обыкновенную домашнюю кошку, но спина существа покрыта была не шерстью, а большими яркими полностью распустившимися цветами.

— Не пугайтесь, пожалуйста, — на ходу пояснила дама, — Сейчас сезон. Наши кошки цветут.

Цветущая кошка, мурлыкнув, пересекла коридор и юркнула в распахнутую дверь кухни.

— Они… Они прямо на ней растут, — ужаснулась Кира, провожая взглядом диковинное создание.

— Представьте себе, да, — продолжала хозяйка, исполненная гордости за свою науку, — Эти цветы — паразитирующие организмы, они получают питание из кожи кошки, как, к примеру, вши, клещи или ногтевой грибок, но выглядят очень красиво и источают восхитительный аромат… Только принюхайтесь!

— И для кошки цветы не опасны? — спросил Эрн.

— Нисколько. Она их даже моет своим языком, считая частями тела, — шикарный пример симбиоза в природе… Тссс… Мы пришли.

Настороженно замедлив шаги, дама-ботаник провела гостей в небольшую комнату, где абсолютно все поверхности, точно в настоящей оранжерее — и пол, и подоконник и столы — были заставлены растениями. Также они крепились с помощью специальных держателей к стенам, свисали в корзинах с потолка, а некоторые росли, можно сказать, на улице, будучи высажены в ящик за окном.

— Она там… — шёпотом сказала хозяйка, нерешительно указывая в направлении подоконника. Там росла в широкой низкой кадке необычайно крупная ядовито-розовая орхидея.

Первой к невоспитанному растению приблизилась Кирочка. Почувствовав чужое присутствие, оно фыркнуло, изогнулось, раскрыло верхние лепестки и, сделав резкое пружинящее движение, ни с того ни с сего с размаху плюнуло в непрошенную гостью.

— Вот ведь гадость! — воскликнула Кирочка, брезгливо разглядывая вязкую слизь на рукаве куртки.

Вслед за плевком строптивый цветок принялся сыпать отборнейшей бранью — голос у него был визгливый и немного хриплый, будто старушечий.

Эрн не смог удержаться от смеха.

— Ты ей явно не понравилась! — прокомментировал он саркастически.

— Ей никто не нравится… — жалобно заметила ему хозяйка. Выглядела она очень усталой. Это была худая раньше времени состарившаяся женщина с жидкими сальными волосами, убранными в хвост, одетая в застиранный грязно-белый лабораторный халат.

— Посмотрим… — Эрн осторожно приблизился к цветку, — фью-фью-фью, ути-ути, — юный чародей перебирал вслух звуки типичные для общения с животными.

— Со своей бабой так сюсюкать будешь, — резко сказала орхидея, не забыв подклеить к концу этой фразы несколько крепких ругательств.

— Ладно, хорошо, — продолжал Эрн ласково, — я понял, ты умная, ты любишь разговаривать серьёзно…

Орхидея молчала, слегка раскачиваясь на стебле из стороны в сторону и немного пружиня на нём.

— Какой у тебя замечательный стройный стебель, а что за листики, атлас, ей богу, и цвет!.. Это же просто загляденье, — продолжал Эрн медовым голоском, осторожно приближаясь к цветку, — можно я тебя поглажу? — он вытянул вперёд тонкую руку.

Кирочка и хозяйка, застыв, следили за происходящим. Ладонь Эрна тем временем нависла над непокорным цветком так низко, что почти касалась его. И тут произошло неожиданное: орхидея доверчиво вытянулась навстречу этой смелой полудетской ладони и ласково потёрлась об неё, точно кошка, одним из боковых лепестков соцветия.

— Ну и ну! — вырвалось у Кирочки.

— В первый раз вижу её такой приветливой, — добавила хозяйка, — с тех пор как была принесена сюда, она только и делала, что плевалась да сквернословила.

Эрн обернулся и взглянул а неё недоумённо, продолжая пальцами легонько почёсывать орхидею у основания соцветия. Она издавала звуки, отдалённо напоминающие урчание довольной кошки, и медленно поворачивалась вокруг стебля, желая подставить ласкающей руке каждый из своих лепестков.

— Вы разве не пробовали её погладить?

— Куда там, — махнула рукой усталая женщина с хвостом, — я к ней и подойти боялась — вдруг плюнет.

— И правильно делали, — сердито буркнула Кира, пристрастно разглядывая пострадавший от цветка рукав кителя, — этот её сок страсть какой едкий, не приведи бог, дыра будет…

Эрн качнул головой с печальной улыбкой.

— Зря вы так с нею, секрет в том, что этот вид болеет от нехватки ласки. Говорящие орхидеи существа нежные, с ними нужно много разговаривать, и они постоянно хотят, чтобы к ним прикасались. Если цветок обделён вниманием, он может одичать и обозлиться. Впредь постарайтесь не лишать её общения.

Он повернулся к орхидее и обратился к ней точно к ребёнку, ласково и вместе с тем строго:

— Ты такая красивая, утончённая дама; тебе явно не к лицу лексический арсенал подвыпившего матроса, постарайся, пожалуйста, впредь выбирать выражения, дабы не нарушать цельность образа…

Орхидея стыдливо склонила свою головку, в знак согласия слегка покивав ею.

— Ваша проблема решена, не так ли, — учтиво обратился Эрн к хозяйке растений, — мы можем идти?

Дама-ботаник ответила коротким и каким-то испуганным кивком.

Кирочка и Эрн уже собрались было выйти из её зелёной комнаты, когда услышали голос орхидеи, он по-прежнему был хрипловатый, скрипучий, но уже не такой мерзкий как прежде — изменилась интонация.

— Можно я поцелую тебя на прощание, мальчик? — спросила она.

— Да, конечно, — Эрн слегка смутился и, чуть помедлив, снова приблизился к

подоконнику.

Орхидея вытянулась во весь рост — её стебель при этом слегка удлинился, словно резинка — и сильно, как присоска, с негромким чмоком приложилась верхней частью соцветия к нежной щёчке Эрна.

— Какая гадость… — едва слышно процедила Кирочка и, казалось бы, без всякой причины рассердилась.

Когда они вышли, она спросила Эрна:

— Как же тебе удалось так быстро приструнить это растение? Ты заколдовал его?

— Вовсе нет, — ответил юный чародей, — всё происходило на твоих глазах. Я просто дал ему совсем немного того, в чём оно так остро нуждалось. Обыкновенные растения могут обходиться только водой и светом, да и то могут завянуть, если вокруг них творится недоброе, а уж эта орхидея… Она же принадлежит к очень редкому и прихотливому виду разумных цветов, соответственно, она имеет наряду с потребностями в воде и свете другие, более высокого рода потребности, духовные. А хозяйка, видимо, этого не знала. Тоже мне, ботаник! Она могла бы научить орхидею петь или читать наизусть стихи, у них прекрасная память, они любят общаться и очень любознательны… С ними нельзя как с какими-нибудь кактусами. Они требуют внимания.

— Откуда ты всё это знаешь? — удивилась Кирочка.

— Прочёл в её информационном коде.

Кирочка молчала, недоумённо глядя на юношу. Он, вероятно, полагал, что его фраза не нуждается ни в каких пояснениях и молчал тоже, до тех пор, пока она не пробормотала обиженно:

— Надо же, умный какой…

— Это не ум, — сознался он, потупившись, — коды можно читать двумя способами: прямым, который заключается непосредственно в выделении ДНК и её постепенной расшифровке, этим путём идут учёные, генетики, биологи, и интуитивным, я не могу объяснить, в чём именно он заключается, просто я обнаруживаю вдруг нужную информацию у себя в сознании и всё. Орхидея разумная, orchidaceae sapiens — продолжал он, — продукт межклассовой гибридизации, результат научного эксперимента, она была выведена…

— Не важно, — перебила его Кира, — ты расскажи мне лучше про сами коды, не про эти конкретные, а про коды вообще.

— Что ты хочешь о них узнать? — спросил Эрн, рассеянно глядя перед собой.

— Всё. Что они такое? Откуда? Зачем?

— Ладно, — вздохнул Эрн, — только на это раз обещай не обрывать меня на полуслове.

Кирочка кивнула.

И Эрн начал говорить, медленно, веско, будто извлекая каждое слово из глубокого колодца, глядел он при этом куда-то внутрь самого себя, глаза его застыли, как стекла, потеряв всякое выражение.

— Естественная форма существования материи — Хаос, который есть абсолютная случайность любого процесса, — начал он, — это аналогично тому, что любые два процесса равновероятны, скажем даже такой, при котором бутылка, выброшенная из окна полетит вниз, и такой, при котором она рванётся вверх по вертикали. Это полное отсутствие какой-либо упорядоченности системы, начальный уровень, нуль. Информации в такой системе нет. Она не имеет кода. Но как только появляется какая-либо закономерность, которая может известным образом регулировать вероятность определённых событий, связывать их друг с

другом, в системе появляется информация. События становятся зависимыми друг от друга, и, следовательно, — предсказуемыми, — Эрн выделил это слово, — начинается развитие. Оно всегда идёт от простого к сложному. Сначала строятся короткие цепочки взаимосвязанных событий, под «событием» в данном случае понимается любое явление, образование связи между атомами, столкновение двух частиц, что угодно, а затем эти цепочки становятся всё более длинными и разветвлёнными, насчитывающими тысячи, миллионы событий. Так пишутся коды любых процессов в материи. Под процессом в данном случае тоже следует понимать нечто более общее, скажем, даже тебя, Кира, ты есть сложный непрерывный процесс, однажды начавшийся, состоящий из огромного числа более коротких и простых процессов, процесс, который когда-то придёт к своему завершению…

— А с помощью моего пистолета можно повернуть процесс вспять! — не сдержавшись, перебила Кирочка, обрадованная своим пониманием.

Эрн вздрогнул и посмотрел на неё недоумённо, словно недавно проснувшийся человек. Она догадалась, что, перебив чародея, выдернула его сознание из каких-то неведомых глубин и испытала по этому поводу острое чувство вины. Кирочка тут же прикусила язык и взглянула на Эрна просительно. Он слегка помотал головой, зевнул; в какую-то секунду ей показалось, что сейчас он окончательно очнётся, и больше ничего не удастся узнать, но юный маг снова погрузился в своё загадочное состояние.

— Ничего не будет происходит в системе, где есть всего один элемент, цельный, неделимый и неизменяемый, — продолжал он, — Любое событие — есть взаимодействие. И для того, чтобы оно стало возможным, требуется как минимум два элемента, две единицы, два начала. Причём они должны быть непременно как разнородны, так и взаимодополняемы — только в таком случае они будут стремиться к взаимодействию. Потому всякий объект и всякое явление имеет свою условную противоположность, не будь этого, невозможно было бы взаимодействие. Хаос существовал бы вечно в своих непрерывных случайных самопревращениях, постоянно изменяясь и при этом оставаясь собой, если бы он не обладал изначально заданной противоположностью. Весь объективный мир во всём его разнообразии, вся вселенная, сама жизнь с её невероятным множеством форм — есть результат взаимодействия этих двух противоположностей. И если Хаос — это стопроцентная материя, не содержащая информации, то мировое начало, ему противопоставленное — его называют по-разному, Бог, Абсолютный порядок, Совершенство, Великая Идея — есть, напротив, — чистая информация. А всё остальное наблюдаемый нами мир — не более чем баланс этих двух противоположностей, их эффективный синтез; информация структурирует материю, записываясь на неё будто на жёсткий диск — и мы видим жизнь во всех её неописуемых красках — у всего сущего, у каждого дерева, цветка, камня — есть свой уникальный неповторимый информационный код, — Эрн поднял с земли сухой золотистый лист и протянул его Кире, — эти коды невероятно сложны, и мы не всегда можем прочитать их, как дети, которые ещё не знают всего алфавита. Кое-чему мы уже научились, мы условно обозначили и растолковали себе химические формулы основных элементов, из которых всё состоит, изучили строение и свойства живых клеток — это путь научного познания… Но такое пока незначительное расстояние на нём пройдено! Нам не всегда ясны связи между событиями и явлениями, там, где мы не можем их установить, мы говорим «случайность»; а на самом деле никаких случайностей нет, они есть всегда, эти связи, информационное пространство непрерывно, и познание очень медленно, постепенно заполняет эти пробелы, пустоты в знаниях, словно

штопающая женщина, но то там, то здесь, непрочная ткань расходится, образуя новые прорехи — чем больше мы узнаем, тем больше вопросов задаёт нам природа, — Эрн сделал небольшую паузу, будто тем самым отделил в своём монологе одно от другого, подвел черту, и продолжил, относя следующие слова уже непосредственно к себе, — а путь интуиции — это всего лишь таинственная память обо всём процессе развития Вселенной с самого его начала, с первой информационной единицы, с первой крошечной капли в море Хаоса, память, заложенная в каждом из нас, ведь ничто не может возникнуть на пустом месте, и любой процесс, развернувшийся во времени, как цветок, имеет свой корень — более ранний процесс, и невозможно отделять цветок от корня, один процесс от другого, все мы продолжаем друг друга и движемся в своём развития от начала; интуиция непосредственно возвращает нас к нему, к этому началу, к которому стремиться своим ходом и познание, постепенно расшифровывая невероятно длинное информационное послание, неразрывно связывающее нас с Первопричиной…

Кирочка слушала Эрна раскрыв рот, но когда он закончил, ощутила нечто вроде досады; она привыкла считать его дитём неразумным и обращаться к нему как взрослый к ребёнку — с высоты своего жизненного опыта; потому только что обнаружившаяся её способность внимать Эрну как проводнику истины стала для Кирочки большой и, скажем прямо, не слишком приятной неожиданностью.

— И давно у тебя появилась эта способность? — спросила она.

Эрн мотал головой, точно стряхивал с волос песок или воду.

— Не знаю… Наверное, вместе со всеми остальными. Я ненавижу это делать. Чувствуешь себя потом так, как будто ты слишком долго спал, но всё равно продолжаешь хотеть спать.

Кирочка завидовала. Она многое отдала бы за то, чтобы иметь возможность единым духом зачерпнуть из вселенского колодезя мудрости большую ложку знаний. И легкое головокружение, дезориентация в пространстве, слабость — казались ей смешной платой за пользование таким благословенным даром.

Эрн приметил на лице девушки недовольное выражение и опечалился. Он давно убедился, что как бы он ни старался быть добрее к людям, контакт с ним всё равно делает их более несчастными, чем они были прежде, либо от взаимодействия с ними несчастнее становится он сам.

Они стояли на краю тротуара, чтобы не мешать прохожим. Кирочка курила с отрешенным лицом.

— Едем, — решительно объявила она и, взяв Эрна за руку привычным чуть грубоватым движением, как матери обычно берут детей, повела его к машине.

На лице мальчика изобразилась лёгкая грустная досада, но руки он не отнял; так и прошли они около сотни метров до того места, где был припаркован служебный автомобиль.

4

Пока Билл учился в пансионе, родители на каждые каникулы отправляли его к бабушке. Она жила в пригородном секторе под номером двести, в бревенчатом доме, окружённом небольшим садиком.

Здесь было предусмотрено всё необходимое для жизни — водопровод, газ, отопление, а на собственном крохотном участке, кто хотел, мог высаживать цветы или фруктовые деревья.

Вокруг лепились точно такие же малюсенькие пронумерованные деревянные домики,

каждый за плотной завесой из грушевых, яблоневых, вишнёвых, ореховых крон и за своим аккуратным дощатым забором — точно в скорлупке.

Сектор был недорогой, рассчитанный в основном на пенсионеров, участки располагались тесно, но атмосфера там царила очень уютная, все соседи друг друга знали и сохраняли между собою ровные доброжелательные отношения.

Поселение целиком занимало небольшой холм, и издали, из машины, если подъезжать по шоссе, производило впечатление грозди зелёного винограда.

В то лето, когда пропал Чарли, Биллу исполнилось одиннадцать. Бабушка, разумеется, не позволяла ему выходить за внешние ворота, но благодаря своему лучшему другу он открыл, что если, поднеся электронный ключ-пластинку к замку на них, покинуть сектор через калитку и спуститься по склону холма, то можно оказаться на берегу тихого лесного озера.

Здесь всё заросло густым стелющимся ивняком, места были заболоченные, дикие. Только Чарли знал тропинку, ведущую к воде, никто из жителей сектора в озере не купался, говорили, что там повышенный радиационный фон и ещё какие-то загрязнения, в окрестностях Города по версии Главной Природоохранной Службы вообще не осталось чистых водоёмов, кто-то даже божился, будто видел, как трепеща в воздухе сверкающими хвостами выпрыгивают вверх, играя, на рассвете, хищные рыбы-мутанты, и только богачи из бизнес-сектора сто девяносто восемь, расположенного на другом берегу, иногда катались по озеру на моторных катерах, оглашая таинственную вязкую тишину леса грохотом танцевальной музыки, громким смехом и плеском выбрасываемых за борт бутылок из под элитных сортов виски.

А Чарли не боялся озера. Нисколечко. Он становился на плоский камень у самого берега, решительно стаскивал футболку и шорты, сбрасывал с узких подростковых ступней мокрые резиновые шлёпанцы, и пройдя каких-нибудь два десятка шагов по замшелым деревянным мосткам, смело нырял в глубину. Вода глотала его целиком, её поверхность смыкалась над ним, точно жадные чёрные губы. Но он всегда выныривал, отряхивался, мотая головой, громко чихал и плыл дальше, по направлению к середине озера, так далеко, что его голова становилась точкой, потом возвращался, выходил, с трудом натягивал на мокрое тело одежду и, глядя на Билла с лукавым прищуром, спрашивал:

— Ну как, хочешь попробовать?

Он называл это Крещением. Наделённый от природы невероятно богатым воображением, Чарли постоянно изобретал новые игры и забавы, регулярно что-то выдумывал; приписывая простым вещам удивительные свойства, он всячески приукрашивал доступный им маленький летний мир, состоящий из сектора, обнесённого высокой кирпичной стеной, озера и маленькой рощи на склоне холма, где они делали из тонких гибких ветвей эльфийские луки.

Особенно впечатлила Билла эта история о крещении водой озера, он услышал её впервые в утренней тишине леса, рассказанную таинственным голосом; крики болотных птиц и шелест сухого тростника дополняли повествование, точно музыка — радио-спектакль. Очертания деревьев на поверхности водоёма чуть подрагивали от легкого ветерка.

Чарли присел на корточки на краю деревянных мостков, лицо его отразилось в глянце воды, как в стекле, и, медленно повернувшись к Биллу, он сказал:

— Это озеро волшебное. Оно забирает грехи. Искупавшись, выходишь из него

совершенно чистым, если выходишь…

Билл смотрел на друга во все глаза.

— И та чистота остаётся с тобой надолго, целебная сила озера отваживает тебя от зла, делает лучше, добрее… — Чарли разбил озёрную гладь, зачерпнув пригоршню, и полюбовался лужицей желтоватой болотной воды на своей ладони.

Билл тоже присел на корточки на мостках, некоторая часть его существа сопротивлялась, не желая верить, он привык к постоянным фантазиям Чарли, но эта история так ему понравилась, что жаль было сразу отправлять её в разряд законченного мракобесия.

— Откуда ты знаешь? — спросил он с сомнением.

— Люди говорят… — Столь туманный ответ ни к чему Чарли не обязывал.

— Какие?

— Всякие…

Мальчик не стал больше расспрашивать, решив, что даже если приятель и сочиняет, теперь он, Билл, непременно рискнёт хотя бы один разочек искупаться в этом озере ради того, чтобы самому проверить, захочется ли ему после этого быть плохим — таскать конфеты, ссориться с родителями и лениться в пансионе — или нет.

На обратном пути, пока ребята поднимались по склону холма, и Билл упирался взглядом в русый, в мокрых клочковатых прядях затылок идущего впереди Чарли, его посетила ещё одна мысль, как можно определить, говорит он про озеро правду или всё-таки сочиняет. Билл загадал, что если приятель задумается, отвечая на его вопрос, то, значит, нафантазировал, а если ответит сразу…

— А что если утонешь? — спросил он.

— Грехи, значит, на дно потянули, — тут же, не размышляя ни секунды, ответил Чарли.

Ему в то лето шёл пятнадцатый год, и Биллу было гораздо интереснее играть с ним, чем с другими ребятами, помладше.

Тогда он казался Биллу едва ли не пророком, больше десяти лет прошло с тех пор, Билл вырос, а Чарли так и остался мальчишкой; теперь Билл научился думать о нём как о ребёнке, но воспоминания от этого не только не потеряли своей прелести, но и приобрели ещё какой-то другой, невыразимый, грустно-нежный оттенок.

Чаще всего друг детства представлялся ему именно на озере, видеоряд памяти почти всегда начинался с этого кадра: вдали от берега поверхность воды сверкает, словно металлическое блюдо, лучи солнца сквозь облака бросают на неё серебристые блики, Чарли стоит раздетый на камне, щурится, глядя на горизонт, поднимает руки, вытягиваясь всем телом вверх, так, словно хочет расти ещё быстрее…

В своё время маленький Билл, впервые заметив нежный пух у него под мышкой, спросил:

— Зачем у тебя там волосы Чарли?

— Не знаю, — рассмеялся тот, — выросли вот, — он слегка разбежался, сложил стрелой над головою руки и прыгнул, почти не возмутив тихую чёрную воду.

Стояло лето, безветренным зноем как тёплым маслом заполнена была заболоченная долина. И иногда Билл, не рассказывая об этом даже Чарли, приходил на озеро один. Во что бы то ни стало он хотел испытать его целительную силу, убедиться в её наличии, просто чтобы поверить, для себя одного, и никому потом не говорить, сделать это своей тайной…

Спускаясь по извилистой болотной тропинке, мальчик всегда был полон решимости. «Сегодня обязательно получится, должно получиться». Но когда он, уже сняв с себя всю

одежду, точно так же как Чарли вставал на камень, худенький, белый, длиннорукий, и собирался, взяв небольшой разбег и зажмурившись, пригнуть в воду, всякий раз что-то останавливало его: он думал о своих грехах, которые, как ему казалось, обязательно должны были потянуть его на дно, вспоминал каждую мелочь, свои драки, непослушания и двойки, все те моменты, когда поступал не по совести, обижал кого-то или предавал… Этого оказывалось всегда так много, что шансов выплыть у Билла по его подсчётам не оставалось почти никаких, он представлял себе плачущую бабушку на берегу, протягивающую к невозмутимо гладкой воде дрожащие руки, разворачивался и понуро брёл назад к своей одежде, несколько минут тому назад наспех сброшенной на влажный мох…

А потом пропал Чарли. Его сначала долго искали по всему сектору, надеясь, что он просто куда-то спрятался, потом в лесу и, уже почти отчаявшись, на озере. Из Города прибыли катера и водолазы в специальных гидрокостюмах, способных защитить от радиации и ядовитых укусов мутировавших рыб, существование которых оставалось под вопросом, однако Служба Спасения решила перестраховаться, обеспечив своим сотрудникам максимальную безопасность. Водолазы, похожие в своей сверхгерметичной экипировке на космических роботов из фантастических фильмов, прочесали загадочный водоём вдоль и поперёк, но так ничего и не нашли.

Тогда, много лет назад, Билл не сомневался, что именно озеро забрало его лучшего друга, и чувство несправедливости поначалу было даже сильнее, чем чувство потери; он не мог понять, за какие такие грехи озеро решило взять Чарли, зачем он понадобился ему, такой добрый, находчивый и весёлый… Пока велись поисковые работы, к берегу никого не подпускали, а потом болотный водоём и вовсе закрыли, наставили по всему периметру предупреждающих и запрещающих табличек, огородили колючей проволокой — взяв пробы воды, исследовав дно и проведя ещё какие-то исследования, экологи признали его во всех отношениях опасным для человека.

Билл потом несколько раз приходил туда, это было перед самым началом учебного года, ранней осенью, когда дни уже потянулись сплошь пасмурные, стало холодать, по утрам повисали над озером густые туманы, лес ронял в воду жёсткую сухую листву, и она лежала на её чёрной зеркальной поверхности у берега как чешуя, слегка покачиваясь в случайных потоках.

Билл приходил, останавливался возле заграждения, аккуратно просовывал голову в самый широкий из зазоров между проволоками, чтобы улучшить обзор, и подолгу всматривался вдаль, туда, где зияли белесые просветы между стволами деревьев, и иногда ему казалось, что он может различить знакомый кустарник на берегу, полусгнившие деревянные мостки, а на них одинокую фигуру мальчишки, сидящего на корточках…

Теперь, после истории с Аль-Марой, Билл научился утешать себя мыслью, что Чарли, тогда, давным-давно, тоже ушёл на дно добровольно, став русалкой; да, определённо не было ему места среди людей, он родился особенным, он умел превращать обыденность в волшебство, и озеро взяло его вовсе не за грехи, а напротив, оно выбрало его, как таинственный амулет, как ангела, чтобы, приняв его в себя, преумножить свою целительную силу.

5

Генерал Росс аккуратно положил трубку телефона секретной линии, напрямую связывающей его с министерством. Вид у него был озабоченный, если не сказать напряжённый. Он немного посидел за столом, положив перед собою руки, соединённые в

замок, потом встал, прошёлся по кабинету и, резко перегнув помолам скрипучий блистер с никотиновыми леденцами, извлек один и отправил в рот.

Перекатывая языком приятно прохладный тающий камешек, он немного успокоился. Прикосновением к сенсорной панели стола вызвал к себе Айну. Она появилась через минуту.

— Генерал, — Айна стояла перед ним навытяжку, статная и стройная, несмотря на свои шестьдесят, в кителе, застёгнутом на все пуговицы, с безупречной причёской — ни одного волоска не выбивалось из-под крупной чёрной заколки на затылке — дымчато-седая голова полковника Мерроуз была как будто вылеплена из мрамора.

— Вольно, — устало обронил генерал, — садись, Ай, мне нужно посоветоваться с тобой…

— Я слушаю, — она аккуратно отодвинула себе стул.

— Только что звонили из министерства. Военные паникуют. Помнишь, несколько лет назад в газетах писали о комете, которая должна, якобы, пролететь наискосок всю солнечную систему и врезаться в Землю?

Айна кивнула.

— Так это же была вроде как газетная утка?

— Не совсем, — генерал пошуршал блистером с никотиновыми леденцами, перегнув его пополам, — комета существует. Только она не собирается врезаться в Землю. Она врежется в Марс.

Айна, застыв, внимательно смотрела на генерала.

— Но он ведь от Земли на порядочном расстоянии, и для нас нет прямой опасности… — вставила она робко.

Генерал поднялся и подошёл к окну. Вид сплошного потока машин далеко внизу, наблюдение за течением этакой техногенной реки обычно помогало ему сосредоточиться.

— В том то и дело, что есть, — продолжал он, — Учёные рассчитали, что при столкновении с Марсом комета может так сильно изменить его орбиту, что в некоторых точках она будет пересекать земную, проще говоря, станет возможным столкновение планет, которое приведёт к неминуемой гибели цивилизации. Марс обладает почти такой же массой, и при ударе обе планеты расколются, как ледяные глыбы. Это, конечно, самый наихудший вариант. И, к счастью, самый маловероятный. Но даже если столкновения не случится, достаточно произойти перекрытию гравитационных полей — Земля сместится со своей существующей орбиты, климатические условия на ней поменяются непредсказуемым образом, мы вымрем как динозавры, пусть не все сразу, но в течение некоторого времени; да даже если Марс, находясь в определённых точках своей орбиты просто будет подходить близко к Земле, из-за преходящего непривычно мощного гравитационного поля начнут бушевать океаны и смещаться литосферные пласты, что тоже, как ты понимаешь, Ай, не сулит нам ничего хорошего…

— Но военные ведь сами могут попробовать уничтожить комету, взорвать её с помощью ядерных ракет? Причём тут мы?

— Если бы всё было так просто, — генерал вздохнул и повернулся к ней, глаза его сверкнули на миг буйной яростной нежностью, приоткрыв, словно ларец скупца, давнюю горячую тайну — «Ах, Айна, Айна, как же это так вышло…» — но сияние в синих глазах генерала потухло, едва его успела заметить полковник Мерроуз, и он невозмутимо продолжил, — ни одна из наших ракет не сможет уничтожить объект, находящийся на таком

расстоянии…

— Прекрасно! Мы-то чем можем помочь? — воскликнула Айна с возмущённым удивлением, её внутренний экран уже успел продемонстрировать ей толпу потных и бледных перетрусивших министров, лихорадочно пытающихся найти кого-нибудь, на кого можно будет переложить тягостную ответственность за судьбу всего человечества… Она выпрямилась на стуле, грациозно вскинула гладко причёсанную седую голову на длинной шее. Когда-то она была настоящей красавицей, сильной и нежной, с горящими карими глазами, теперь персиковая кожа её поблекла и обвисла, покрывшись глубокими морщинами, но черты лица все ещё сохраняли свою былую величественную правильность.

— Не знаю, — улыбнулся генерал Росс, — ты и сама понимаешь, что из правительства к нам обращаются обычно тогда, когда не остаётся вариантов, мы — последняя надежда… Вот звонит сейчас, говорит мне, а я прямо по телефону слышу, как он дрожит… Что хочешь, говорит, делай, Росс, хоть Богу молись, только чтобы комету эту того… убрать… — Генерал снова встал и подошёл к окну. Он молчал, глядя вниз, на одну из самых мощных транспортных артерий Города, ничего не говорила и Айна, слышно было, как идут большие деревянные часы на стене кабинета.

— А если учёные ошиблись? — её первые слова упали в тишину, словно камушки в пруд.

Генерал обернулся.

— Возможно, но министрам нужны гарантии, — он саркастически улыбнулся, сверкнув синими глазами, — Да и нам с тобой они, наверное, не помешали бы. Скажи, в глазах среднестатистического обывателя есть ли принципиальное различие между фразами «мы все скоро сдохнем» и «мы все скоро сдохнем с некоторой вероятностью»? На мой взгляд, нет, и в любом случае общественность начнёт истерить: массово закрывать банковские счета, пить, развратничать, устраивать беспорядки на улицах, словом проживать каждый день как последний. Нет будущего — нет ответственности. Они страсть это любят, им только дай повод в виде какого-нибудь очередного пророчества конца света…

Айна улыбнулась тоже, тонко и грустно:

— Мы можем эту вероятность разве только немного понизить. Ведь правительство, вероятно, хочет, чтобы мы обратились к колдунам… А что они? Ну, почитают замогильными голосами над этой кометой сутры, ну покропят фотоснимки с телескопа настойкой полыни на череде… Думаешь, она от этого раскрошится на мелкие кусочки? Или повернёт обратно?

— Ты что, не веришь, Ай? — спросил генерал почти резко и требовательно заглянул ей в глаза, перегнувшись через стол.

— А ты веришь, Бен? — выдержав его взгляд, спросила она, — ты сам-то в них веришь?

Никогда прежде полковник Мерроуз не обращалась к нему по имени. Генерал опустился в кресло и тихо сказал:

— Я служу в Особом Подразделении почти пятьдесят лет. И не раз мне приходилось лично арестовывать колдунов, отдавая им мысленный приказ не верить в собственные силы. На своём веку, Айна, я видел-перевидел тьму-тьмущую этих магов… — генерал сделал энергичный жест рукой, — Среди них были и сильные, очень сильные… но я всегда мог заставить их подчиниться, поколебать их веру, сломить их магическую волю. И теперь ты всерьёз думаешь, что я смогу просить у них помощи? Я знаю законы физики. И, к несчастью, верю в них больше, чем в колдовство. Даже если я буду изо всех сил заставлять себя, то всё

равно не смогу поверить, будто бы некое волшебство способно повлиять на объект, находящийся на таком расстоянии! — он стукнул кулаком по столу, и тут же, устыдившись своей вспышки, встал и отвернулся к окну.

— Ну, в таком случае, министр прав, и нам остаётся только молиться Богу, — жёстко сказала Айна, вскинув свою гордую седую голову.

Потом она поднялась и, подойдя к генералу сзади, протянула руку и слегка дотронулась до его плеча.

— Бен…

Он едва заметно вздрогнул от её прикосновения и, сделав над собой усилие, произнёс не оборачиваясь, совершенно казённым будничным тоном:

— Вы свободны, полковник.

Она вышла, а он продолжал стоять, постукивая костяшками пальцев по раме окна, потом, вынув из кармана блистер с никотиновыми леденцами, гневно его смял.

— Всю жизнь я только и занимался тем, что отрицал чужую веру, — сказал он сам себе, — а в итоге? Во что теперь верю я сам? Страшно жить, когда ни во что не веришь. Слишком страшно. Верить, пожалуй, такая же естественная потребность человека, как есть, пить и утолять любовную жажду…

Генерал извлёк из ящика стола пачку сигарет и с наслаждением закурил. Дым с непривычки защипал глаза, густая никотиновая волна хлынула в мозг, окутала, околдовала, минутное головокружение сделало мир вокруг зыбким и невесомым, таким, что, кажется, дохнёшь посильнее, и сдуешь его весь как одуванчиковый пух с ладони. Генерал не курил уже почти год. Он расслабленно откинулся на спинку кресла:

— Богу молиться… Молиться Богу… — повторил он задумчиво несколько раз, выпуская в потолок медленную струйку дыма, — а что, это идея! Он протянул руку и, коснувшись сенсорной панели стола, вызвал окно сообщений. Генерал быстро пролистывал длинный список доступных адресатов — строчки, пролетая перед глазами, не успевали сделаться различимыми, как надписи на вращающемся барабане — он уже знал, кто был ему нужен:

Крайст.

6

Здание Центра Управления Полётами Космических Спутников располагалось почти у самой границы Города. Оно считалось объектом ограниченного доступа, и добраться сюда можно было только поездом служебной скоростной железной дороги.

Закрытая станция, отгороженная от внешнего витка спиральной автодороги небольшой рощицей и забором из проволочной сетки, лихо маскировалась под заброшенный промышленный объект.

Высокий сотрудник в тёмно-синей форме железнодорожника ждал у калитки. Безупречно выбритое длинное и неестественно бледное лицо его было мрачно-красиво, при взгляде на него охватывал невольный трепет, словно вместо тёплой руки друга неожиданно пришлось пожать остывшую руку мертвеца. Просматривая документы, он ни проронил ни единого слова. Закончив, указал рукой в белоснежной перчатке вперёд на низенькое серое здание станции, поклонился и скрылся в своей будке.

— Что это с ним? — вполголоса спросил Эрн, беспокойно оглядываясь назад, — он глухонемой? Да и лицо у него как у вампира… В жизни не встречал таких странных чуваков.

— Это робот, — пояснил Билл, — он поставлен сюда для сокращения расходов. У него

одна функция — проверка документов. Держать на таком посту живого сотрудника крайне невыгодно. Кроме того, таким образом полностью исключается влияние человеческого фактора. Робот не берёт взяток и не делает никаких скидок. Он следует предписанной программе, не отступая ни на шаг.

— А если документы неправильные?

— Тогда он просит тебя уйти.

— А если я останусь? — не унимался Эрн, — что он будет делать? На этот счёт тоже предусмотрена программа?

— А как же, — на губах Билла заиграла лукавая улыбка, — видел пистолет у него на поясе? Он будет стрелять. И уж точно не промахнётся. В него встроен инфракрасный датчик движения и цифровой прицел.

Эрн ошарашенно оглянулся на будку.

— Господи… — вырвалось у него.

— Не пугай ребёнка, Крайст, — укоризненно сказала Кирочка, — у всех подобных роботов команда «огонь на поражение» активируется в последнюю очередь, сперва они, как правило, пускают в ход резиновую дубинку.

Эрн насупился:

— Весной мне будет пятнадцать, и я уже не ребёнок — его очень задевало, когда к нему относились как к маленькому. А именно от Киры это было совершенно невыносимо.

Мобильный у неё в кармане пискнул, приняв новое сообщение, она развернула его и вопросительно взглянула на Крайста. Тот подмигнул ей, и она прочла:

«Хватит уже обижать парнишку почём зря. Прояви хоть немного такта. Это уже очевидно всем, даже вахтёрам в Управлении, и только ты, лейтенант Лунь, пребываешь в блаженном неведении (жирафу некогда разглядывать грешную землю: он же по уши в тебя втрескался!»

«Иди ты к чёрту, Крайст!» — набрала Кирочка ответ.

Он только беззвучно рассмеялся.

— Что это вы там перемигиваетесь? — Эрн подозрительно вглядывался в лица обоих.

— Не обращая внимания, мы так.

— Ну-ну, — буркнул он, недовольно сдвинув хорошенькие бровки.

Тем временем они, миновав безлиственную аллею, очутились возле невысокого бетонного здания станции. Створки автоматических ворот неспешно раздвинулись, словно огромная черепаха почувствовала присутствие добычи и предусмотрительно открыла пасть. Вступив в сероватый полумрак вестибюля, они не встретили там ни души. Звук шагов, отражаясь от стен, дробился на кусочки, словно мелкие камушки сыпались с горы. С обратной стороны двери были стеклянными, пасмурный зимний день сочился сквозь них, разливаясь по серым плитам пола молочными лужицами. На узком перроне уже ожидал скоростной обтекаемый вагон без окон. Вдоль него неторопливо разгуливал высокий железнодорожник в форме, брат-близнец того, что сидел в будке. Даже выражение длинных мрачных лиц было у них одинаковое. Он с такой же дотошностью проверил каждую букву в предъявленных ему документах и тем же мертвенно-точным жестом белой перчатки указал гостям на распахнутые двери вагона.

Эрн брезгливо повёл плечиком и первым вошёл внутрь.

7

Ровно 15 минут вагон летел, словно космическая капсула, сквозь неведомое

пространство. Окон не было и от этого пассажиров всю дорогу не покидало лёгкое ощущение тревоги. Это напоминало путешествие между мирами. Сидения, однако, оказались очень комфортными, в вагоне не трясло, а только мягко покачивало, словно на пароходе. Едва они успели к этому привыкнуть, как поездка закончилась. Внезапное ускорение торможения слегка наклонило пассажиров вбок, космическая капсула замерла. Двери-створки раздвинулись, и они увидели человека. На этот раз, ко всеобщему облегчению, живого.

— Добрый день, меня зовут Йоганн, — представился невысокий худощавый мужчина в маленьких круглых очках. Ему на вид можно было дать тридцать с небольшим, сухую, тонкую кожу щёк покрывала скупая сероватая щетина, на темени сквозила ранняя беззащитно бледная лысина… По застенчиво-резковатым манерам затворника дисплейных залов и характерной розоватости глазных яблок в нём легко угадывался программист. — Я старший оператор вычислительного центра при обсерватории.

— Лейтенант Крайст, лейтенант Лунь, Особое Подразделение.

Йоганн пожал офицерам руки и вопросительно взглянул на стоящего в сторонке Эрна.

— Добрый день, Йоганн, — деловито протягивая руку, подросток шагнул ему навстречу, — Эрн, колдун, к вашим услугам.

— Колдун? — переспросил Йоганн, по лицу его быстро, но заметно проскользнула тень презрительного удивления, — что же… Очень рад.

Он повёл гостей через строгий сквер к обсерватории, что находилась в боковом корпусе поистине величественного, трёхсотметрового, массивного Здания Центра Управления Полётами, на плоской крыше которого, просторной, как пустырь, было установлено несколько повёрнутых в разные стороны мощных параболических антенн радиотелескопов. Эти гигантские органы чувств планеты, направленные в космос, на непривычного человека производили впечатление грандиозное. Все трое остановились, задрав головы. Йоганн терпеливо ждал, пока гостей отпустит торжественно-грустное чувство сопричастности ко Вселенной, неизбежно охватывающее каждого, кто здесь бывал.

Прохладный ветерок теребил тёмные Кирочкины волосы, выбивающиеся из-под фуражки, Эрн смотрел на их кончики, протыкающие небо. Волны космического излучения, тонкие невидимые струйки информации, непрерывно лились в зеркально-гладкие параболические чаши, и Биллу Крайсту невольно думалось о пустых холодных глубинах, откуда они приходят, о том, что вся жизнь на Земле — малюсенькая песчинка на мировой ладони, а он сам — песчинка внутри песчинки, бесконечно малая часть бесконечно малого, математически исчезающая величина…

— Нас ждут, — негромко напомнил Йоганн, — идёмте.

После того, как гости со своим провожатым поднялись на скоростном лифте почти под самую крышу исполинского здания, им пришлось миновать невероятное количество продолжающих друг друга, без конца поворачивающих широких гулких коридоров, в стенах которых то там, то здесь возникали ниши кабинетов, где сидели, увлечённо уставившись в мониторы какие-то люди. Ни один из них даже на секунду не отвлёкся от своей работы, чтобы взглянуть на проходящих мимо. Иногда приходилось пересекать небольшие залы, где, разделённые перегородками, будто пчёлы в сотах, тоже сидели сотрудники Центра, целиком сфокусированные на своих телефонах, вычислительных машинах и наблюдательных панелях.

— Они что, тоже роботы? — негодуя на их невозмутимость, вполголоса осведомился Эрн.

— Нет, конечно, — с видимым удовольствием пояснил Йоганн, — это результат внедрения новейших разработок в области организации труда. Автоматическая программа контроля отвлечений. Устанавливается на компьютер каждому сотруднику, памяти много не занимает, настраивается индивидуально на конкретные служебные приложения, данным субъектом используемые, и в случае нештатного изменения их рабочего режима, замедления или остановки ввода команд, к примеру, или в случае открытия в подконтрольной системе каких-либо не санкционированных программ, скажем игр, чатов, информационных порталов, к делу не относящихся и проч., это уникальное приложение издаёт громкий звуковой сигнал. Тут же к «прозвеневшему» сотруднику подходит контролёр и в случае фиксации нарушения налагает взыскание, — Йоганн с шутливым злорадством потёр руки, — знаете, на сколько выросла производительность труда офисного персонала? На двести процентов! Человек ведь всё равно, что вол или лошадь: ни черта делать не будет, если над ним не стоять с дубиной.

— Ловко придумано, ничего не скажешь, — признал Билл, обводя сочувствующим взглядом в буквальном смысле прикованных к рабочим местам людей в очередном кабинете.

— А если что-нибудь срочное? — спросил Эрн.

— Что, например?

— Ну… Плохо стало, допустим, или…нужда?

— На такие случаи предусмотрена кнопка вызова контролёра, — деловито пояснил Йоганн.

— И ему всё нужно говорить?!

— Конечно! А как вы думали? Это его работа — контролировать, он проводит вас туда, куда требуется…

— О, Господи, — сказала Кирочка.

— Тюрьма прямо, — сурово добавил Эрн.

Пройдя насквозь ещё несколько залов, гости и их провожатый остановились перед прозрачными створчатыми дверями.

— Взрывоустойчивый микрокристаллический пластик, — с гордостью сообщил Йоганн, ласково, словно племенного жеребца, погладив одну из створок.

Затем он поставил палец на малюсенький круглый считыватель, и двери бесшумно раздвинулись.

— Пропускают, сканируя уникальный кожный рисунок, взлом невозможен, — снова похвастался Йоганн. Он, по всей видимости, был одним из тех, кто верит в науку как в Бога, поклоняется ей и каждым её достижением гордится, будто своим собственным. Тут же он пустился в подробные разъяснения закономерностей, лежащих в основе инновационной конструкции сканирующего замка.

Но его уже никто не слушал. Вновь пришедшие благоговейно замерли, захваченные необыкновенным зрелищем — им открылась панорама главного зала Обсерватории, неожиданная, точно вид с вершины горного хребта.

Основной приёмник сигнала с телескопов бы закреплён на потолке. Вокруг него, как насекомые (в буквальном смысле этого слова) сновали люди. Они парили в воздухе. Белые пчёлы. На каждом был специальный костюм, позволяющий управлять полётом с помощью электромагнита. Сам зал представлял собою гигантскую шахту; вошедшие стояли на небольшом балкончике на огромной высоте, заполненной летающими людьми в белых костюмах.

Йоганн нажал кнопку на балюстраде. К балкону тотчас подлетел один из операторов-пчёл. Нажав какую-то кнопку у себя на рукаве, он завис в воздухе аккурат напротив Йоганна.

— Выведи на экран последнее изображение квадранта пси-347 с промоделированной орбитой Марса.

В следующую секунду гостям пришлось удивиться снова. Оператор пробежался пальцами по каким-то кнопкам на балюстраде и прямо в пространстве шахты перед балконом, безо всякого монитора, словно северное сияние, возникла внушительная, площадью несколько квадратных метров полупрозрачная картина звёздного неба. Тонкая красная изогнутая линия с движущейся точкой — орбита Марса. Жёлтая мигающая точка — комета.

— Вы видите? — спросил Йоганн.

Все трое кивнули.

— Вот и славно. А теперь, Ликус, дай изображение промоделированной траектории кометы.

Оператор-пчёла нажал ещё что-то, и мигающая жёлая точка оказалась на пунктирной жёлтой кривой, которая, лихо прочертившись в обе стороны, пересекла красную кривую орбиты Марса. Теперь обе точки, и жёлтая, и красная двигались к этому пересечению, каждая своим путём и со своей скоростью, но угрожающе неотвратимо.

— Это элементарная модель происходящего сейчас в космосе, — пояснил Йоганн, — как вы изволите видеть, небесные тела сближаются, что, конечно, само по себе не страшно, но… Ликус, покажи…

Воздушный экран мигнул, и рядом с красной кривой возник пучок других линий — голубых.

— Это предполагаемые варианты изменения орбиты Марса в случае столкновения с кометой.

На каждой из голубых линий возникло по мерцающей движущейся точке.

— Теперь покажи орбиту Земли, Ликус.

Нижний угол экрана пересекла тонкая зелёная линия. Некоторые из голубых кривых подходили к ней близко-близко, а одна имела пересечение с нею.

— Впечатляет? — спросил Йоганн, выжидающе поглядывая на Кирочку. Почему-то он решил, что она среди пришедших главная.

— Не особенно.

— Это потому, что вы не знаете математики, — констатировал Йоганн с укоризной, — вероятность реализации любого из вариантов, допускающего значительное перекрытие гравитационных полей двух планет, довольно высока, покажи поля, Ликус, — мгновение спустя вокруг каждой движущейся точки появился мерцающий нимб, — и, как вы видите, — он указал Кирочке на пучок голубых линий, — таких вариантов несколько, а в этом случае вероятность неблагоприятного исхода есть сумма указанных вероятностей…

— Эрн… — она многозначительно взглянула на юного мага, — что ты обо всём этом думаешь?

Подросток пожал плечами.

— Ты всё понял? — обеспокоенно поинтересовалась Кира.

— Ну да. А что тут понимать особо. Какая-то штука летит к Марсу.

— И? — Кирочка неотрывно смотрела ему в лицо.

Эрн снова пожал плечами.

— Моё-то какое дело…

— Могу я поговорить с ним наедине? — едва скрывая негодование, обратилась она к Йоганну.

— Разумеется, — ответил он, — держите, — достав из кармана небольшую металлическую капсулу с кнопкой, он протянул её Кире.

— Что это?

— Глушилка. У нас ведь здесь повсюду секретность. Мы даже не всегда имеем право знать, чем занимаются соседние отделы. Это устройство специально разработано для удобства обмена информацией между сотрудниками. С ним нет необходимости уединятся, что позволяет заметно экономить время. Отошли на два шага, нажали кнопку, и никто не услышит ни словечка.

— Спасибо, — Кирочка приняла из рук Йогана загадочную капсулу, — идём, Эрн.

— А ты уверена, что они нас не слышат? — спросил он после того, как она привела «глушилку» в действие.

— Конечно. Ведь мы же не слышим их.

Сквозь покачивающуюся пелену воздуха, словно в знойный день, видно было, как движутся губы оперетора-пчелы, что-то говорящего Йоганну, а тот задумчиво кивает головой.

— Я думаю, что эта штука создаёт в сверхтонком слое воздуха мощные локальные флуктуации плотности, рассеивающие звуковую волну.

— Возможно, — Эрн тоже смотрел в сторону колышущейся пелены, за которой остались Билл, Йоганн и оперетор-пчела, так что ты хотела мне сказать?

Кирочка возмутилась.

— Неужели до тебя до сих пор не дошло, что в твоих руках сейчас находится судьба всей планеты? И все эти голографические картинки были показаны тебе отнюдь не для развлечения? Ты должен попытаться спасти нас, понимаешь?

Эрн ухмыльнулся. Очевидно, в его хорошенькой головке созрел какой-то хитроумный план.

— Ошибаешься. Судьба человечества сейчас находится не в моих руках, а в твоих.

— То есть как?

— Ну, ты же, верно, и сама догадываешься, Кира, что растворить, испарить, развернуть и т. п. здоровенную комету, это тебе не пальчиком постучать, дело, безусловно, серьёзное, опасное, и посему, требующее определённого вознаграждения…

— Ну… — Кирочка нахмурилась. Лукавая улыбка на лице Эрна не предвещала ничего хорошего.

— Допустим, я могу извести эту вашу комету, — продолжал он предприимчивым тоном, — только что мне за это будет?

— Погоди… Разве это не честь уберечь от гибели целую цивилизацию? Разве возможность стать причастным к спасению человечества не является наградой сама по себе?

Эрн помотал головой.

— Мужественный герой совершает подвиг, и, противостоя натиску сил, многократно превосходящих его собственные, голыми руками останавливает надвигающийся Апокалипсис. Это сюжет кассового боевика. Знаем, с попкорном съели. Это не про меня. Я существо низменное и корыстное. И если мир будет-таки спасён мною, то он мне за это хорошенько заплатит.

— Эрн… — Кирочка разочарованно вздохнула… Ощупала в нагрудном кармане пачку сигарет подобно тому, как путешественник ощупывает кошелёк с деньгами, немного успокоилась и повторила попытку. — Тебе разве никогда не хотелось походить на бесстрашных кино-героев? Многие мальчишки мечтают об этом. Неужели перспектива совершить подвиг не кажется тебе заманчивой? А подвиг, как известно, дело бескорыстное…

— …И добровольное, — не без ехидства добавил юный чародей, — хочу — совершаю, хочу — нет.

— Эрн… — Кирочка почувствовала, как ею овладевают одновременно и раздражение и страх — то был один из немногих моментов, когда она прониклась всей тяжестью своей службы, почти физически ощутила эту тяжесть, точно непосильную ношу на плечах, и тут же подумала, с трепетом мазохиста расправив перед собою подробную карту этой мысли и заставив себя на неё глядеть — что она никудышный офицер, и у неё совершенно нет таланта работать с людьми.

— Мне нужно вознаграждение.

— Какое? — спросила она, с трудом преодолевая наваливающуюся апатию полного разочарования и бессилия, — Чего тебе, змею, не хватает? Леденцов? Чипсов? Компьютерных игр?

— Нет, — Эрн сделал вид, что не заметил её раздраженно-насмешливого тона, — другого…

Он потупился, чёлка упала ему на глаза. Кирочка смотрела на него неотрывно, и Эрн не мог этого не чувствовать, опущенные ресницы-лепестки дрогнули, нежный румянец скользнул по его лицу и пропал, словно от лёгкого дуновения.

— Я хочу, чтобы ты меня поцеловала, — решительно объявил он, поднимая взгляд.

— Что?! — от неожиданности Кирочка даже попятилась.

Эрн повторил; его аметистовые глаза при этом, как ей показалось, загадочным образом приблизились и заслонили собою всё остальное, став огромными и вездесущими, словно небо…

Кира пришла в замешательство. В течение всего времени общения с Эрном — а с момента его появления на горизонте Особого Подразделения прошёл уже почти год! — её ещё ни разу не посещала мысль, что шуточки из серии «да он же по уши в тебя втрескался» могут иметь хоть какое-то отношение к истине. Она привыкла считать их продуктом «излишне сексуально обострённого воображения» лейтенанта Крайста. Но теперь… Кирочка сразу почувствовала себя как клерк, последним поставленный в известность о проведении срочного совещания. Все уже заняли свои места, сидят готовые, спокойные, воцаряется тишина. И вдруг… Вбегает этот несчастный последний, в мыле, спотыкается на паркете, бумажки сыплются у него из рук… Пренеприятное ощущение.

— Ладно, — с досадой отозвалась она, немного придя в себя, — если тебе доставит радость поцелуй, добытый такими средствами, то, чёрт с тобою, по рукам, — принимая во внимание тот факт, что решалась судьба всего человечества, Кирочка хотела поскорее покончить с этой сделкой.

Она отключила «глушилку», повернулась к Эрну спиной, ознаменовав таким образом окончание разговора, и быстрыми шагами двинулась к баллюстраде, где ожидали Билл с Йоганном.

Подходя, Кирочка, как было условлено, незаметно подмигнула своему напарнику в знак

того, что дело на мази, но от него, однако, не укрылась лёгкая нервозность, с которой она поправила сначала фуражку, вроде бы как обычно, только чуть более резко, а потом ощупала нагрудный карман, где лежали сигареты, будто бы забыв о том, что курение на территории Центра запрещено.

— Покажите-ка нам нашего небесного вестника ещё разок, — обратился Билл к Йоганну, — если можно, увеличенные изображения, и дайте максимально точные координаты.

Йоганн кивнул «пчеле», и на бестелесном дисплее тут же возникло полупрозрачное изображение бесформенной вращающейся глыбы, с некоторой скоростью перемещающейся на фоне звёзд.

— Это цифровая обработка сигнала с видео-телескопа, — пояснил он, — практически в режиме реального времени, запаздывание, обусловленное конечностью скорости света — около двадцати минут.

Комета же, не ведая о том, что ею любуются, как ни в чём не бывало, продолжала свой путь, равномерно вращалась вокруг своей оси, демонстрируя далёким земным камерам то тусклые каменные рёбра, то сверкающие вкрапления метеоритного металла. Эрн внимательно следил за ней взглядом, хмурил бровки и беззвучно шевелил губами, словно читая молитву. Кира тем временем с любопытством разглядывала юного чародея, пытаясь привыкнуть к нему в его новом качестве: её, Кирочкиного, поклонника — с чего это вдруг? — Крайст накаркал, тоже мне, вещун-самоучка! — он же ещё ребёнок! — но тут совершенно неожиданно Эрн резко повернулся к ней и сказал несвойственным ему страшноватым вкрадчиво-повелительным тоном:

— Не мешай, твои мысли вьются вокруг меня как голодные кошки возле колбасной фабрики и не дают сосредоточиться. Не думай обо мне больше, поняла?

Кирочка смешалась. Она ощутила и неловкость, точно её застали голой, и обиду, как от незаслуженной брани, и холодное прикосновение страха — ведь ей уже доводилось видеть Эрна таким, чужим, пугающе спокойным, будто в пятнадцатилетнего мальчика вселилось существо, прожившее не одно тысячелетие, перевидавшее всякого и оттого ничему не способное сопереживать. Интонация Эрна была настолько убедительной, что Кира даже рта не раскрыла, чтобы возразить ему.

Она погрузилась в странное оцепенение, глаза её по-прежнему следили за кометой, а мысли, одномоментно исчезнувшие, распуганные замечанием Исполнителя Желаний, возвращались по одной, и каждая, полупрозрачная, жидкая, переливчатая описывала сперва большой круг возле этой пресловутой кометы, не имея возможности ни на чём сфокусироваться, кроме неё.

Билл и Йоганн тоже застыли, уставившись на экран. Комета в очередной раз пересекала его, гордо и величаво проплывая на фоне далёких галактик, но вдруг… Все увидели, как твёрдокаменная глыба быстро покрывается трещинами, будто яйцо, а потом эти трещины с невероятной скоростью расходятся, как плохие швы, ширятся, выпуская на волю огромное пламя, чёрно-оранжево-жёлтые огненные сгустки, похожие на соцветия брокколи. А потом ничего не стало видно. Экран залило ослепляюще белым, сверхчувствительные датчики, преобразующие сигнал с видео-телескопа начали выдавать ошибку, зашкаленные энергией взрыва, и изображение пропало.

— Батюшки-светы! — выдохнул висящий в воздухе возле экрана оператор-пчела.

— Что случилось?! — со смесью испуга и огорчения воскликнул Йоганн, оглядываясь

по сторонам.

— Очки у тебя запотели, — кивнул ему стоящий рядом Билл, — протри.

Йоганн не оценил шутки. Он вырвал у «пчелы» пульт и принялся лихорадочно шарить по всем кнопкам.

— Где, чёрт возьми, сигнал?

Все забыли про Эрна. Он едва стоял на ногах, придерживаясь за балюстраду, чтобы не упасть — невообразимо сильный приступ головокружения накатил словно цунами, подхватил его и понёс, перевёртывая, качая, перемешивая с хаосом и чернотой в своём стремительном потоке, как мусор в сточной трубе.

— Вот оно! — радостно взвизгнул Йоганн. Экран вновь потемнел, на нём обозначились неровно мерцающие точки далёких звезд, — Только где же комета? Вот дурак суматошный, вызвал не тот квадрант!

— Да нет, всё верно, вон номер в углу… — удивлённо отозвался оператор-пчела.

— Ликус! Ну, не может же быть, чтобы она исчезла? Это ошибка в программе, надо срочно её проверять, все пятьсот тысяч строк кода… Вот ещё одна боль на мою лысую голову!

— Не стоит принимать всё так близко к сердцу, стресс, да будет вам известно, способствует ускоренной потере мозговых клеток, они и без этого ежедневно гибнут десятками тысяч, твоя программа нормально работает, и кометы она не видит не по причине вкравшейся ошибки, а потому, что комета взорвалась. Учёные иногда склонны сваливать наблюдаемые неожиданные явления на неточность эксперимента, не делай они этого, открытий, вероятно, делалось бы больше. Посмотри внимательно, вот эта пыль по-твоему откуда? — Билл указал Йоганну на сверкающие точки стайками плывущие по экрану и на несколько более крупных частей, покачивающихся на фоне звёзд, — Она разлетелась, комета ваша, на мелкие кусочки…

— Этого не может быть, — нервное лицо программиста превратилось в удивлённо-растерянное лицо ребёнка, случайно отпустившего надутый гелием шарик в небо, эта метаморфоза удивительным образом облагородила его черты, Йоганн сделался сразу необыкновенно трогательным, и Кирочка подумала, что именно такое его лицо — настоящее. Человек почти никогда не открывается другим сознательно, обычно это происходит нечаянно, стихийно, взрывоподобно, если случается нечто настолько неожиданное, что не представляется возможным успеть продумать соответствующую ситуации линию поведения.

Кирочка вздохнула. Радостное облегчение, связанное со всеобщим избавлением от кометы, смешивалось в ней с покалывающим, щемящим, сладостно-тревожным предощущением. Эрн выполнил свою часть уговора, теперь дело за ней. Она отстранённо удивилась обнаруженным в себе чувствам — Кирочка даже не предполагала, что окажется так глубоко впечатлённой поведением юного чародея.

— С чем, вы предполагаете, связан взрыв? Это же невероятный феномен. Вы думаете, в комете имелась раскалённая сердцевина, где были возможны спонтанные ядерные реакции? — Йоган схватил Ликуса за костюм спереди и притянул к балюстраде, лицо его было освещено лихорадочным воодушевлением, — вам следует всё проверить, сканируйте квадрант непрерывно! — он подтолкнул оператора вперёд — тот, отлетев от балюстрады метра на три, повис над бездной — и повернулся к гостям.

Лицо его уже снова успело измениться, и теперь выражало сердитую озабоченность.

Кирочке никогда прежде не доводилось наблюдать у людей столь скорую смену эмоций, особенно у таких как Йоганн, на первый взгляд замкнутых, обособленных, способных к высокой степени сосредоточения.

— Простите, — сказал он, смутившись, точно его застигли ковыряющимся в носу, — теперь это наши внутренние проблемы, я не смею задерживать вас, — Йоганн виновато взглянул на Кирочку, и волна, казалось бы, неуместной жалости захлестнула её; всё в этом человеке, неуклюжем, остроугольном, порывистом было несочетаемым, противоречивым, точно он был сложен из кое-как подобранных деталей от разных наборов конструктора.

«Интересно, у него есть друзья?» — подумалось ей — «Он хоть раз видел море? Или так всю жизнь и просидел, загорая в голубоватых отсветах дисплея?»

— Случившееся сегодня — богатейшая пища для исследований, — сказал Йоганн, — нашим астрофизикам предстоит огромная работа по изучению этой кометы.

— Но она же взорвалась! — не удержался Билл.

— Вот именно, и нам нужно знать, почему, — глядя на Билла, как на маленького, пояснил Йоганн, — задача науки — проникать в суть вещей и явлений.

— Так уж ли это важно, какова причина взрыва, — робко вступила в беседу Кира, — ведь после того, как исчезла непосредственная угроза Земле, вопрос кометы потерял свою актуальность?

Йоганн устало махнул рукой.

— Вы не понимаете! Потому что не знаете математики, — на лицо его вернулась первоначальная затворническая неприветливость, — вероятность спонтанного взрыва объекта такой массы близка к нулю, собственно говоря, это и есть нуль, десять в минус сороковой степени, поэтому случившееся с данной кометой — феномен! И для учёного непростительно оставить его без внимания.

— Это я взорвал её, — сказал Эрн. В его интонации ощущалась неприкрытая насмешка, очень уж хотелось парню как-нибудь отомстить Йоганну за тот первый презрительный взгляд на платформе. Юный колдун уже почти пришёл в себя, разве только был немного бледнее обычного.

Старший оператор резко обернулся в его сторону, но ничего не сказал — что может учёный возразить на подобный бред?

— Посудите сами, — продолжал Эрн, — ведь это же наиболее простое объяснение. Вот летела ваша комета по небу, летела и летела, взрываться не собиралась, вероятность ноль, как вы утверждаете, и тут пришёл я, взглянул на неё и трах-тах-тах, разлетелась голубушка на мелкие кусочки!

— Это совпадение, — прошипел Йоганн, буравя Эрна ненавидящим взглядом.

— Он шутит, — мягко выступил Билл, аккуратно подхватывая возмущённого научного работника под локоть, — проводите нас.

Гостям предстояло повторить долгое путешествие по лабиринту коридоров. Чтобы не молчать и не возвращаться к обсуждению кометы, лейтенант Крайст задавал Йоганну разнообразные вопросы.

— А почему вы стали программистом?

— Вообще то я математик, но у меня не получилось с диссертацией, — лицевые мышцы Йоганна при этом так болезненно дрогнули, словно он ощутил внезапную колику, вероятно, когда-то несостоявшаяся защита нанесла сокрушительный удар его самолюбию.

— Что за тема, если не секрет?

Йоганн поднёс руки к лицу, словно хотел защититься, закрыться от чего-то, жест вышел нервозный, жалкий. Кирочка, идущая позади, слышала разговор, она ощутила горьковатый привкус сочувствия, на стене мелькнули длинные тени растопыренных нервно-стремительных пальцев программиста.

— Пппрогноз ккколлапса пппространства и исчезновения времени, — выговорил он, заикаясь, — я занимался математическим моделированием условий на границах чёрных дыр…

— И что же случилось?

— Мне не поверили… Я ппполучил… ппполучил… — Йоганн скорчился, как от боли, создавалось ощущение, что каждое слово даётся ему с трудом, — из моих уравнений вытекало, что существуют некие объекты, я не стал придумывать им название, ну, скажем так, квазикванты, которые могут, распадаясь в одной точке пространства, одновременно рождаться в другой, и это происходит мгновенно; они не двигаются, не бегут, не летят, не излучаются, а именно возникают и исчезают, потому способны мгновенно переноситься на немыслимые расстояния, квазиквант за доли секунды может переместиться в другой конец Вселенной! И скорость света не предел!

— А что происходит с квазиквантом в промежуток между распадом и рождением? — спросила Кирочка.

— Вот в этом вся и загвоздка, — Йоганн побледнел, — мои оппоненты спросили меня, есть ли доказательства, что родившийся квазиквант действительно тот же самый квазиквант, который распался? Я сказал, что квазиквант способен переносить информацию, она может быть закодирована в его характеристиках, я не буду сейчас вдаваться в подробности, как именно происходит кодирование, я ответил комиссии, что только по этим передаваемым «посланиям» можно отличить один квазиквант от другого, и тогда они стали гудеть, возмущаться, и спросили меня вот именно то, что спросили сейчас вы; понятие одновременности, если речь идёт о сильно удалённых точках пространства, теряет смысл, совершенно справедливо заметили они, следовательно, согласно вашей теории, между рождением и распадом квазикванта переносимая им информация существует без всякого носителя, в чистом виде, разве это возможно? Я начал объяснять им, что квазикванты порождают пространственно-временные неоднородности, что одновременные распад и рождение можно приравнять к бесконечно быстрому движению внутри «канала постоянного времени», но они уже стали вставать с мест и уходить…

Он отдышался и продолжил металлическим тоном.

— Я ошибся. Мои расчёты содержали некорректные допущения, на которые мне указали, я не только не смог защититься, но и был с позором изгнан из университета, некоторые учёные возмутились, называли меня лжецом, фриком, унижали, утверждая, будто бы мои заблуждения вызваны членством в религиозной секте и я таким образом пытаюсь доказать существование горнего мира, Бога, Верховной Идеи Идей… Мой авторитет был подорван. Счастье, что три года назад мне удалось устроиться сюда младшим оператором…

— Вы пытались бороться? — робко спросила Кирочка, — Пробовали представить свои результаты где-нибудь в другом месте?

Йоганн резко обернулся к ней. Лицо его как будто вдруг затвердело, подобно быстро стынущей лаве, приняло недоброе упрямое выражение.

— Я ошибся. Мои результаты просто не могли быть правдой.

Холодом повеяло от острого льда этой рубленой фразы. Кирочка не стала ничего

отвечать.

— И вы больше не занимались математикой?

— Нет. Я писал программное обеспечение для телескопов. Это получалось у меня гораздо лучше.

На платформе уже стоял готовый к отправлению вагон-капсула.

— До свидания, — Билл крепко пожал небольшую руку Йоганна, ощутив прохладу его тонких приученных к клавиатуре пальцев.

— До свидания, — сказала Кирочка.

Эрн молчал. Встретив откровенно-враждебный взгляд Йоганна, он ответил ему мрачной саркастической полуулыбкой.

Двери вагона бесшумно сомкнулись, отделив гостей от фигуры, стоявшей на платформе. Ветер теребил на Йоганне пиджак; в небе над телескопами тянулись грязноватые зимние облака, точно техническая вата.

— И чего он всё время так на меня смотрел? — Эрн неприязненно дёрнул плечиком.

— Боялся поверить. Люди сильно не любят ломать привычную картину мира, — задумчиво проговорил Крайст, — и в этом их несчастье…

— Боялся поверить…в меня? — уточнил Эрн.

— В тебя тоже, но больше в себя самого. Связь взрыва с тобой могла бы быть обоснована теоретически, скажем, существованием этих его квазиквантов. Он уже похоронил свои идеи, привык к мысли, что просто ошибся, авторитеты раздавили его, а ты разбередил его раны… Дал ему надежду. Надежда ведь такая вещь, что порой её наличие куда больнее, чем отсутствие…

Двери капсулы бесшумно раскрылись; их встретил тот же унылый зимний день, но уже на другой платформе.

Крайст вышел первым, закурил, прислонившись к перилам, загляделся на огромный розоватый пузырь заката, раздувающийся над голыми деревьями. Эрн поднял глаза на Киру:

— Ну вот, теперь ты должна поцеловать меня, — сказал он очень тихо, чтобы не услышал никто, кроме неё, — уговор дороже денег.

По пустынной платформе туда-сюда передвигался чеканными шагами робот-контролёр, и Кирочке пришлось даже немного посторониться, когда он проходил мимо. Крайст, погружённый в свои мысли, стоял спиной.

— Ладно, — она шагнула навстречу Эрну и попыталась привлечь его к себе.

Он убедительно отстранился, оглядываясь на Крайста.

— Нет уж. Так не пойдёт. Мы должны быть совершенно одни. Иначе это не первый поцелуй, а какое-то издевательство получается… — он осторожно взял Кирочку за предплечья чуть выше кистей и что-то прошептал.

Она почувствовала лёгкое головокружение. В тот же миг всё вокруг невообразимым образом изменилось: не стало ни платформы, ни Крайста, ни голых деревьев — чёрным вычерченных на розовом… Над их головами тянулись нескончаемые провода. С тихим свистом продуваемые ветром скелеты вышек окружали их со всех сторон.

— Что это за место? — удивлённо воскликнула Кирочка.

— Не знаю. Я просто загадал, чтобы мы остались совершенно одни.

Действительно, поблизости не было видно ни одного человека. Тишину, обволакивающую, жутковатую, нарушало лишь негромкое гудение проводов.

— Как мы сюда попали? — не унималась Кирочка.

Она оглядывалась по сторонам; вдали, почти у самого горизонта виднелась сизая кромка леса, за нею, ещё дальше, наверное, находилась стена, обозначающая границы Города, а за их спинами, далеко-далеко, там, где дремал нежно-розовый как щека младенца закат, высились причудливые сооружения дорожных развязок, — я серьёзно, Эрн, где это, и как мы здесь очутились? — повторила она почти испуганно.

— Телепортация, — деловито пояснил юный чародей.

— Что? — Кирочка оторопела, — Постой, это Друбенс научил тебя колдовать настолько… хм… серьёзно?

— Нет. Он ничему меня не учил. Просто у него была библиотека, где он часто засыпал, прямо в кресле, и ещё так странно, с открытыми глазами, а уж читать я умею. Поначалу я очень боялся трогать книги — а вдруг старик всё видит своим остекленевшим взором? Но потом ничего, привык.

— За счёт чего мы всё-таки переместились? — Кирочкино удивление сменилось раздражением: её раздосадовало такое самоуправство со стороны Эрна по отношению к её персоне, взял вот так запросто, не успела она и глазом моргнуть, да зашвырнул со всеми потрохами неведомо куда!

— Мы не перемещались в пространстве в традиционном смысле этого слова, — пояснил Эрн, — мы не бежали, не ехали и не летели. Мы возникли прямо тут. На этом месте.

Кирочка вопросительно взглянула на него.

— При телепортации переносится только информационная матрица объекта, это происходит мгновенно, а сам объект восстанавливается по ней из присутствующих на новом месте атомов.

— Постой, — Кирочкины глаза округлились от изумления, — что же стало с теми нами, которые остались на платформе?

— Распались, разложились на атомы, — спокойно ответил Эрн, — а энергия связи переместилась вместе с информационной матрицей сюда, именно она и помогла нас снова «собрать»… Может, слышала когда-нибудь такое: «Из праха мы вышли, в прах и вернёмся?» Наши тела идентичны по составу земной коре, и иначе просто не может быть, потому что мы материализовались на этой планете посредством эволюции из тех элементов, которые здесь существовали… Проще говоря, великая идея использовала попавшуюся под руку материю… «Прах», который упоминается во многих религиозных текстах, — это углерод — основа всех органических молекул; мы постепенно образуемся из них, когда развиваемся во чреве матери, и распадаемся на них же, когда умираем. Нечто похожее происходит и при телепортации. Только мгновенно.

— Так что же, получается, я состою уже не из тех молекул, что минуту назад? — вознегодовала Кирочка.

— Ну да, — ответил Эрн, не теряя своего созерцательного спокойствия, — а что такого? Какая тебе разница? В природе нет ничего постоянного, непрерывная изменчивость — условие её существования…

— Но ведь никто не давал тебе такого права… — Кирочка рассержено отвернулась, — тоже мне философ нашёлся… А если во мне что-то теперь исказилось? Испортилось? Как ты это поправишь?

— Ничего не испортилось, — уверенно сообщил Эрн, — информационная матрица предписала пространству в точности восстановить каждую молекулу твоего тела, включая

все дефекты, изъяны, неправильные хромосомы и излишние примеси в твоих клетках — абсолютно все индивидуальные особенности. Перестановку претерпели только сами атомы. А их структура, как ты знаешь, консервативна, во всяком случае, если речь идёт о тех атомах, из которых состоим мы с тобой.

— О, господи, — выдохнула Кирочка, непонимающе разглядывая свои ладони, словно пытаясь заметить невооружённым глазом изменения на атомном уровне, — а какая всё-таки сила переместила всё сюда, эту матрицу, эту энергию?

— Вот чего не знаю, того не знаю… Я ведь маг, а не специалист по теории волшебства. Кажется, перенос осуществляется за счёт локального коллапса пространства, образуется нечто вроде микроскопической чёрной дыры — у Друбенса много умных книг, там всё написано — и информационная волна засасывается туда, чтобы затем переизлучиться в другом месте, хоть на другом конце Вселенной… Чёрт знает… Сказал же, я просто захотел, чтобы мы остались одни…

«Я волна, — думала Кирочка, — он способен превратить меня в волну…» Трудно сказать, какие чувства вызвала в ней эта мысль, тревогу, недоверие… и ещё что-то… Кажется, восхищение.

Она смотрела на маленького волшебника сверху вниз. Встретив внимательный и сильный взгляд его аметистовых глаз, Кирочка как никогда прежде первой отвела глаза.

— Я боюсь тебя, Исполнитель Желаний, — тихо сказала она, раньше Кирочка ни разу не называла Эрна так.

— А я тебя, — отозвался он, смутившись тоже, — потому что в тебе содержится единственное желание, которое я не могу исполнить для себя сам… Ты, кстати, ещё не забыла, зачем мы здесь?..

Эрн замолчал, не собираясь, по-видимому, больше пугать Кирочку распахнутыми настежь тайнами бытия, он даже не смотрел на неё, его дивные лепестковые ресницы были опущены, и к ней потихоньку начало возвращаться всегдашнее ощущение уверенности в себе.

— Вспомнила, — сурово отчеканила она. Его трогательная настойчивость задела её. — Подойди поближе.

Кирочка наклонилась и сухо ткнулась губами в сомкнутые губки Эрна — точно приложила твёрдое к твёрдому.

— Нееет, так не пойдёт, — раздосадовано протянул он, — поцелуй меня по-настоящему…

— Это как?

— Будто бы сама не понимаешь, — обиделся подросток, — как своего любимого…

Кирочка стояла в нерешительности, взгляд её блуждал по чёрным строкам проводов, по неровной сизой ленте далёкого леса.

— Неужели ты не хочешь? — спросил Эрн, фиалки его опечаленных глаз расцвели в этот миг как никогда прекрасно, — совсем не хочешь? Ни капельки? — по его интонации можно было подумать, что он сейчас заплачет, — и ты делаешь это только потому, что обещала?

— Эрн… — она пыталась держаться как можно более уверенно и деловито.

— Неужели ты не хочешь? — повторил он.

Кирочка пробежала взглядом вдоль завораживающе изящного изгиба его губ, сухих, совсем немного обветренных, бледно-розовых как перламутр.

— Хорошо, будь по-твоему, сам напросился.

Она притянула его к себе, каким-то порывистым, взволнованным движением, ощутив на миг сквозь тонкую синюю курточку на синтепоне всю его жалобную полудетскую хрупкость. Молния на курточке была застёгнута не до конца, и ей в глаза сверкнула, точно фары встречного автомобиля ночью, беззащитная белизна кожи в ямочке у основания шеи…

— Закрой глаза и открой рот, — скомандовала она. Ей тут же вспомнилось, что так давным-давно говорила бабушка, надеясь впихнуть в неё очередную ложку супа или каши. Ассоциация показалась ей нелепой и Кирочка досадовала на себя.

Эрн повиновался. Несколько мгновений она просто смотрела на него, невольно любуясь; чуть подрагивающие ресницы, нежные приоткрытые губки, как ракушка… «Неужели ты не хочешь?» — звучал у неё в сознании взволнованный голосок подростка, «Он же по уши в тебя втрескался!» — вторил ему насмешливый голос Крайста.

Бледно-розовая ракушка была уже так близко. Случайный блик качнулся на жемчужной поверхности округлого переднего зубика. «Неужели ты не хочешь?»

Кирочка зажмурилась и склонилась, теперь уже она не видела ничего, а только осязала мягкое тепло чужого доверчивого дыхания.

И…

Она почувствовала, что тельце юноши как-то неестественно резко обмякло. Словно тряпичная кукла, оно безвольно повисло у неё на руках.

— Перерасход энергии… — констатировала она шёпотом, осторожно укладывая подростка на землю. Он был такой щуплый, лёгонький, прозрачный, словно лепесток, поднесённый к свечке; обморочная бледность проступила на осунувшемся разом личике точно иней; Кирочке со странной сладкой тоской подумалось в этот момент, что она спокойно могла бы нести Эрна на руках…

Ну, какой из него любовник в самом деле?

глава 7

Полтора года спустя

1

Покончив с делами, он потянулся вверх, расправив свою высокую широкоплечую фигуру, оттолкнувшись ногой, отъехал от стола прямо в офисном кресле на колёсиках и поглядел в окно.

А там… Ясное небо простиралось необозримо далеко за границы рамы — яркое, чистое, свежее — такое бывает только после продолжительной пасмурной весны, когда непривычно сильно начинает светить солнце, и небо кажется возрождённым, обновлённым, словно вещь, полученная из хорошей химчистки.

Саш Астерс решил, что сегодняшний вечер никак не может быть потерян для наслаждения бытиём — молодой, успешный и привлекательный внешне он не имел недостатка во внимании со стороны противоположного пола, в его телефонной книжке хранился не один десяток номеров, любой из которых он мог бы сейчас набрать, заранее предчувствуя, как женский голосок в трубке взволнованно и радостно затрепещет, давая понять, что ему, Сашу, вполне можно рассчитывать как минимум на свидание…

Он повертел телефон в руках и никому не позвонил, хотя небо предвещало тёплый долгий закат, когда так приятно посидеть в каком-нибудь открытом кафе в центре с бокалами шампанского, вырисовываясь чёрными силуэтами на фоне огненного буйства красок…

Саш открыл ящик стола и извлёк оттуда мятый блокнотный лист. Немного подумал, зажав его двумя пальцами, точно лезвиями ножниц. И позвонил.

Длинные гудки некоторое время теребили ожидание, а потом он услышал голос:

— Да?

— Привет.

— Привет. А кто это? — девушка удивилась, её интонации, вежливо-холодные, подсказывали, что она его не узнаёт.

— Саш Астерс.

Она ничего не ответила, но дохнула в трубку, и с радостью и будто с испугом, он не понял этого сочетания, ведь не мог знать ничего ни об Особом Подразделении, ни о Правиле Одной Ночи, ни о тех чувствах, которые всколыхнулись в ней в день встречи одноклассников — но оно, это столь неосторожно обнаруженное ею сочетание чувств, польстило ему — как знаток женщин он понимал, что если она взволнована, не важно чем, то это значит — шанс определённо есть…

— Хочешь встретиться? — спросил он, — Вечер сегодня больно уж хорош для того, чтобы убить его в одиночестве.

У Кирочки как раз был выходной, утром она сдала смену Крайсту, выспалась, хорошо пообедала в любимой блинной и чувствовала себя просто отлично — интересное свидание так и просилось в качестве венца такому во всех отношениях удачному дню.

В жизни каждого человека случаются моменты, когда обстоятельства складываются таким образом, что никакая воля не способна удержать его от уступки соблазну — судьба искушает так неожиданно и умело, что собственная слабость, начиная казаться волею рока,

легко прощается, и поступки, которые казались прежде немыслимыми, становятся не только возможными, но даже необходимыми.

— Пожалуй ты прав, — сказала Кирочка, успокаивая себя тем, что один ужин (это ведь будет просто ужин, не больше) ничего не прибавит и не убавит в их отношениях, — погода действительно замечательная, я не против сходить куда-нибудь, — она верила себе, когда думала, будто полностью контролирует ситуацию и останется способной к этому и потом, когда они встретятся с Сашем, усядутся за ресторанный столик друг напротив друга, будут болтать, шутить, флиртовать, выпьют по бокалу шампанского…

Памятуя о росте бывшего одноклассника она без тени сомнения выбрала для сегодняшнего свидания туфли на высокой тонкой шпильке — с ним она вполне могла позволить себе подобную роскошь и нисколько не обидела бы его этим, поскольку богатырская стать Саша не во всякую дверь позволяла ему пройти не нагнувшись, дабы уберечься от удара головой о притолоку.

За платьем тоже дело не стало — денег на счету у Кирочки скопилось, поскольку она не имела привычки развлекать себя шопингом, настолько много — что для такого случая она вполне могла купить шикарный вечерний туалет, надеть его один раз и благополучно забросить на дальнюю полку шкафа. Именно так она и поступила.

Длинное тёмно-бордовое платье, открывающее всю спину, до самой поясницы, из приятно холодящей, тяжёлой, мягко переливающейся ткани грациозно облекло её высокую фигуру, а разрез на юбке оказался столь смелым, что при всяком неосторожном движении в нём показывался кружевной узор резинки чулка, и прозрачные, почти до середины плеча перчатки-митенки с тонко вышитыми цветами в тон платью прекрасно дополняли образ, в меру роскошный, в меру дерзкий — Кирочка вышла из бутика весьма довольная, нагруженная негнущимися бумажными пакетами внушительного формата.

У неё оставалось ещё немного времени, чтобы переодеться и заскочить в салон красоты — Кирочка прежде не посещала подобных мест, но сейчас этого настоятельно требовало платье — с трудом преодолевая робость, сопутствующую, как правило, всякой первой попытке, она всё-таки переступила порог, и довольно путано объяснила, что именно ей нужно, но две бойкие девушки, казалось, наделены были даром понимать без слов и, покивав, за каких-нибудь полтора часа сделали из Кирочки диву, будто бы минуту назад сошедшую с красной ковровой дорожки.

2

Решив чуть подольше подышать свежим воздухом, Саш Астерс оставил свою машину в двух кварталах от ресторана. Было тепло, он шёл в распахнутом пальто, щурился в ласковом свете весеннего вечера и чувствовал себя свежим, сильным и чуть более счастливым, чем обычно. Остановившись у цветочного киоска, он купил большую бордовую розу на высоком мощном стебле.

Типичный представитель своего времени и социального слоя — совершенный герой романа — в превосходно отутюженных брюках, остроносых туфлях, на отполированной лаковой поверхности которых играли блики, с разлетающимися на ветру полами стильного длинного пальто — он являл собою превосходно отшлифованный идеал, секс-символ целой эпохи — этакий новый денди, элегантно-праздный буржуа, хозяин жизни. И крупный цветок в его руке, как факел, как извлечённое из груди сердце, бордовое на чёрном — стал последним штрихом законченного образа.

Высокий дорого одетый брюнет с одинокой яркой розой в руке — он шёл, и на него

оборачивались с завистью и восхищением.

3

Ресторан помещался в старинном отреставрированном здании. Нижний зал — зимний, с несколькими многоярусными хрустальными люстрами под потолком — здесь было светло даже в самые унылые и пасмурные дни — занимал полукругло выступающий портик. А верхний — открытый, летний, расположенный над колоннадой, только недавно открылся, и сейчас, ветреным весенним вечером, почти все столики там оказались свободны.

Кирочка стояла около балюстрады спиной ко входу, и с высоты стройных белёных колонн любовалась широким проспектом, залитым янтарным светом заходящего солнца — блики скользили в окнах проезжающих машин, озарённые закатом лица, казалось, преображались, делались яснее, счастливее — весенняя публика, текущая по тротуару, была как будто более оживлённой, чем обычно — пленительно догорал первый действительно тёплый день года, и радость от его прихода коснулась каждого — невозможно оставаться по-зимнему угрюмым, когда за окном так животворно разливается вечерняя заря, воскрешая всё, на что падают, скользя, её золотистые лучи.

Саш Астерс невольно замер в дверях, завидев высокий женский силуэт, чётко обрисованный в ярком свете. Он не задумывал какого-то особенного приветствия заранее — то была очаровательная импровизация — Саш тихими быстрыми шагами приблизился к Кире и, остановившись у неё за спиной, медленно провёл нежной головкой розы вдоль линии её позвоночника в глубоком вырезе платья.

Она вздрогнула от прикосновения цветка, не столько неожиданного, сколько волнующего, пробуждающего чувства, и взглянула на него через плечо.

Если бы сейчас какой-нибудь живописец или фотограф вздумал увековечить их в произведении искусства, то у него получилось бы нечто поистине величественное в своей простоте — символическое изображение венца человеческого бытия — красивая женщина и красивый мужчина замерли навечно, запечатлённые на плёнке или холсте, в самом начале волшебства, в томительной незавершённости счастья.

— Здравствуй, — сказала она и улыбнулась.

— Здравствуй, — ответил Саш.

— Удивительно, — воскликнула Кирочка, прикладывая цветок к груди, — как твоя роза подошла к моему платью! Прямо тон в тон. Может, есть какая-нибудь примета на этот счёт?

— Не знаю. Может быть и есть, — отозвался он с блуждающей улыбкой.

— Всё так церемонно у нас сегодня, так торжественно, — сказала она скороговоркой, пытаясь прогнать незаметно подкравшуюся к сердцу печаль, — мне прямо неудобно, — Кирочка скользнула взглядом по столу, накрытому белоснежной скатертью, по сверкающим приборам, в безупречно прозрачные бокалы уже налито было рубиновое вино.

— Ну так давай внесём в обстановку лёгкий творческий изъян, — сказал Саш и, заговорщически сверкнув глазами, опрокинул один из изящных бокалов на скатерть.

Кирочка ахнула — вино моментально впиталось, расползшись ярким бордовым пятном, точно кровь на рубашке раненого.

— Так лучше?

— Пожалуй… — согласилась она с немного испуганной улыбкой.

4

Золотой свет начал медленно погасать, становясь всё мягче, всё спокойнее — небо окрасилось в нежно-розовый, и только в просвете между домами ещё алела, как остывающие

уголья в огромном костре, вечерняя заря.

Саш и Кирочка сидели за столиком друг напротив друга, официант уже унёс освободившиеся тарелки, и руки их, вроде как без дела лежавшие на скатерти (она теребила ножку бокала, а он пытался сложить из салфетки кораблик), руки, которые как будто некуда было девать, невольно устремились навстречу, чтобы соединиться в центре стола — завладев Кирочкиными пальцами, Саш, руководствуясь своим обширным опытом в общении с женщинами, уже понял, чем всё закончится, Кирочка и сама догадалась; это откровение оказалось немного грустным — исчезновение волшебства, что некогда существовало между ними; некоторая часть его, совсем чуть-чуть, на донышке, сохранялась даже после первой встречи, теперь же оно утеряно было окончательно — каким образом столь трагичная определённость взрослых отношений могла вырасти из давней трогательной макаронной истории?

Но, как говорится, что выросло, то выросло.

Саш слегка привстал, нагнувшись над столом, протянул руку, и, осторожно взявшись за край тонкой, как паутина, Кирочкиной митенки, несильно потянул его вниз. Граница полупрозрачной ткани медленно поползла вслед за его рукой, обнажая прохладную светлую кожу, на которой слегка отпечатался узор вышивки. Кира помогла Сашу освободить ладонь, потянув ниточки, посредством которых митенка крепилась между пальцами, и она вся — сквозная и невесомая, словно сгусток тумана, осталась у него в руке.

5

Эрн и Билл сидели на берегу городского пруда, вечернее солнце, склонившееся над городом, словно улыбающееся лицо матери над колыбелькой, просвечивало кроны деревьев, бросало на поверхность воды, гладко остриженный газон и на лица молодого мужчины и подростка, устроившихся на своих сложенных куртках, причудливые узорчатые тени.

Билла интересовало очень многое, касающиеся природы магии и волшебства — далеко не обо всём ведь рассказывают на курсах подготовки офицеров Особого Подразделения; ему давно хотелось расспросить Эрна, но он не решался, боясь смутить подростка своими неосторожными или неумелыми формулировками: он не мог знать, какую ценность представляют для самих колдунов те или иные субъективные переживания, могут ли люди спрашивать о них или есть вещи, лежащие настолько далеко за гранью сокровенного, что разговаривать об этом с не-колдунами не то чтобы неприлично, а скорее просто невозможно…

— Эрн, — начал Билл нерешительно, — а как ты ощущаешь свою силу? Что значит быть колдуном изнутри? Или это тайна, которую ты не имеешь права открывать? Если так, сразу скажи, а то я любопытный…

Подросток легонько повёл плечом, этот милый жест, небрежный и чуть кокетливый, давно вошёл у него в привычку.

— Да нет никакой тайны, — сказал он с важным видом; Эрну польстило, что его внутренний мир может быть интересен такому человеку как Крайст, и тот расспрашивает его совершенно серьёзно, как равного, без противной снисходительности, свойственной общению с младшими, — я и сам не знаю. Я могу попробовать это описать, но вряд ли ты поймёшь…

— Я постараюсь, — Билл повернулся к юноше, по его лицу скользили играющие тени, синий цвет глаз при таком освещении казался глубже и синее, чем обычно, взгляд их был внимательным, и в нём не сквозило (как часто бывало прежде) никакой насмешки.

— Знаешь, оно ведь не ощущается постоянно, — начал Эрн, — а только иногда, если долго думаешь о чём-нибудь, или фокусируешь взгляд на определённом предмете. К примеру, на вон таком камушке, — подросток указал Крайсту на обломок кирпича, лежащий на каменной лесенке, ведущей к воде. — Ты просто смотришь на него и в какой-то момент понимаешь, что он находится полностью в твоей власти, и ты можешь делать с ним всё что угодно, поскольку он существует лишь в твоём воображении.

— Но ведь он настоящий! — не выдержал Крайст.

— Ты попросил меня рассказать о моих ощущениях, верно? — ответил юный колдун с оттенком досады, — И, надеюсь, не для того, чтобы померяться со мной глубиной восприятия реальности?

Билл молчал.

— Наблюдай.

Эрн снова посмотрел на камень, несколько секунд он не сводил с него взгляда, столь пристального, что Крайсту стало немного не по себе. И внезапно этот осколок кирпича, довольно увесистый, надо сказать, подпрыгнул, как мячик, соскочил на ступеньку ниже, потом ещё на одну, и ещё… Пока не сиганул в воду.

— Ух ты, — резюмировал Крайст, бестолково уставившись в расходящиеся по воде круги.

Эрн удовлетворённо улыбнулся, сполна наслаждаясь чувством своего превосходства, которое было редким гостем в их с Крайстом взаимоотношениях, обычно старшему товарищу часто удавалось подкалывать подростка, обнаруживая каким-либо образом его неопытность и наивность.

— Верни-ка его сюда, — сказал Билл через минуту, — я тоже хочу попробовать.

— Да, пожалуйста, — заявил Эрн с ядовитой улыбкой, и через несколько мгновений кирпич, словно играющая рыбёшка, появился на поверхности воды и снова запрыгнул на каменную ступеньку.

Крайст, наморщив лоб, сосредоточенно уставился на него.

— Ничего не получается, — посетовал он, жалобно сдвинув брови, — мне никак не удается поверить, что он ненастоящий, хотя я стараюсь изо всех сил.

— В том то и дело, — Эрн назидательно поднял палец, — у тебя и не должно получиться. Таковы законы вашего мира. Люди рождаются для того, чтобы укреплять реальность, а не разрушать её. Мы же, колдуны, дети Великого Хаоса, и сознание наше устроено зеркально противоположно. Мне, когда я долго смотрю на этот камень, примерно так же трудно поверить в то, что он реален, как тебе — в его иллюзорность…

— Обалдеть, — выдохнул Крайст, с обидой косясь на мокрый осколок кирпича, примостившийся на краю каменной ступеньки.

Он достал сигареты, закурил и принялся глядеть на дым, который, повинуясь прозрачной кисти сквозняка, ложился непредсказуемыми зыбкими узорами. Эрн тоже смотрел на это и молчал. Билл улыбнулся, когда напротив него в воздухе повисла на миг сотканная из дыма мордочка Микки-Мауса.

— Где проходит граница твоего могущества, Эрн? Как ты понимаешь, что ты можешь, а чего не можешь?

— Билл, я не знаю. Это тайна, которую невозможно облечь в слова вашего языка. Я могу многое, но не всё… Я не Бог.

В шутку можно обратить и самый серьезный разговор, если очень хочется или страшно.

Билл немного подумал и спросил:

— А воскрешать из мертвых ты не пробовал?

Эрн поднял на Крайста глаза, чтобы понять, прикалывается тот или нет.

— Было один раз.

Билл удивленно поднял брови.

— Ну и как, успешно?

— Да, но… Я не употреблял бы такое громкое слово как «воскрешение». Она тогда ещё не умерла, по правде говоря. Её током дернуло. Тело сохраняло энергию жизни, нужно было просто сердце запустить. Молодое, здоровое сердце. С этим и обыкновенная бригада скорой помощи спокойно справилась бы. Это даже не чудо почти. Так, на грани… Я удивился, что у Друбенса не получилось. Наверное, он нервничал. Или на полном серьезе верил, что этс чудо достойное Господа-Бога, и поэтому у него не должно получиться…

6

Саш Астерс держал снятую с Кирочкиной руки митенку на ладони, от ветерка воздушная ткань трепетала, словно бордовое пламя.

— Мне нужно сказать тебе одну вещь, — Кирочка взглянула на Саша серьёзно, и, как ему показалось, грустно. Он не понял этого внезапного помрачнения романтических оттенков вечера, не уловил сложной эмоции, проскользнувшей в её словах, а не поняв, постарался не придать значения — пренебречь чем-то всегда легче, чем вдаваться в подробности — как знаток женщин, он отметил про себя, что неожиданные смены настроения у прекрасного пола вполне нормальное явление.

Сохранив на лице покровительственно-нежную улыбку мачо, он сказал:

— Я слушаю тебя.

Кирочка встала. Это вышло немного нервно — она поднялась, придерживаясь за столешницу, выпрямилась во весь рост, сразу возвысившись над всеми предметами, длинная юбка заструилась переливчатым водопадом, нуклюже скрипнула ножка отодвинутого стула.

Саш ждал. С его лица не сходила улыбка, он наблюдал за нею как за ребёнком, где-то он вычитал, что в отношении к женщине всегда должно присутствовать что-то отцовское.

— Понимаешь, — сказала Кирочка, — больше ничего не будет.

— В каком смысле? — не понял он.

— В прямом. Мы больше не увидимся, это наша последняя встреча.

— Но почему? — на лице Саша отобразилось упрямое удивление.

— Не спрашивай, — Кирочка стояла, отвернувшись, и теребила угол скатерти, роза лежала рядом, и её пышная головка — бордовое на белом — издали напоминала кусок сырого мяса, — я всё равно не смогу всё как следует объяснить, просто так нужно, я ведь просила тебя тогда не звонить, но ты позвонил…

По лицу Саша проскользнула тень. Порывистым движением он скомкал в руке прозрачное облачко перчатки.

— Я, кажется, понял, — он разочарованно вздохнул.

Безошибочное чутьё знатока женщин подсказало ему ответ и на этот раз. Она говорит загадками, избегает определённых тем, заметно взволнована — такое поведение характерно для несвободной женщины, поддавшейся искушению — и хочется, и колется… Гневная складочка между тёмными бровями Саша расправилась — когда наступает хоть какая-то определённость, примириться с ситуацией становится значительно легче. — Ты замужем? Помолвлена?

— Вроде того, — тихо ответила Кира, отводя глаза.

— С тем типом, — небрежно уточнил Саш, — я один раз видел вас вместе из окна автомобиля, в центре, представительный такой, примерно твоего роста, брюнет…

— Да, да, с ним, — поспешно согласилась Кира, обрадовавшись возможности поскорее прекратить это рискованное объяснение.

«Бедняга Крайст, — подумала она про себя, — кем только он не кажется людям со стороны! Хотя так, наверное, происходит с любым из нас. Никто не может знать, как отразится он в кривом зеркале чужой души».

— И давай больше не будем об этом, — добавила она, отчаянно и светло улыбаясь Сашу, — ни к чему портить романтику грубым вторжением быта, весь этот вечер и вся ночь принадлежат нам. Ведь совсем не обязательно иметь какие-либо гарантии или перспективы, чтобы быть счастливыми, верно?

Саш улыбнулся в ответ, но немного напряжённо, он никак не мог отключить в голове назойливого знатока женщин, который опять пытался анализировать Кирочкино поведение — «Должно быть, у неё с этим брюнетом совместные финансовые дела, пакет акций на двоих, к примеру, или ещё какая-нибудь подобная чертовщина, потому ей никак не избежать этого брака…» — однако мысль, что он, Саш, стал тем мужчиной, которому так легко удалось искусить несвободную женщину, упала семечком на благодатную почву его мужского самолюбия, и семечко это тут же проросло. Он улыбнулся Кирочке снова — но уже иначе: самоуверенно и спокойно.

— Ну что же… Тогда не будем терять времени.

7

К утру в Городе поднялся небывалый ветер — по радио объявили штормовое предупреждение — Билл, приготовляя завтрак себе и Эрну, озабоченно поглядывал в окно кухни — по улице перегоняя друг друга, неслись рваные пакеты, картонки, прошлогодние листья, разносортный мусор — даже чей-то зонт, вырвавшийся из рук, парил над тротуаром, словно оторванный бурей гигантский тропический цветок; в одном направлении люди шли через силу, преодолевая мощное сопротивление стихии, а идущие в противоположном, напротив, едва ли не взлетали, подхваченные порывом. Ураган срывал с прохожих головные уборы, превращал в паруса сумки, волосы, полы плащей и пальто. Огромные рекламные щиты, развешенные над проспектом, угрожающе покачивали и скрипели.

— Ну и погодка, — пробурчал Билл, нахмурившись, — думаешь, Кира нормально до нас доберётся?

— А что такое? — Эрн всё ещё лежал в постели, сладко потягиваясь, и, по-видимому, до происходящего за окном ему пока не было никакого дела.

— Ты не слышал, что сказали по радио? Ураган.

— Бывает… — лениво протянул Эрн, — особенно в регионах, находящихся в непосредственной близости от океана. Физическая география. Что тебя смущает?

Билл повернул ручку радиоприёмника, сделав погромче.

«Метеорологи не могут объяснить столь неожиданное нашествие циклона, который захватил практически всю западную часть Побережья Голубого Залива, по прогнозам синоптиков всю предстоящую неделю должна была продержаться сухая и ясная погода. Мы снова предупреждаем вас, что выходить на улицу следует только в случае крайней необходимости. Старайтесь не находиться вблизи слабо закреплённых конструкций или одиноко стоящих деревьев, скорость ветра в некоторых районах может достигать тридцати

метров в секунду. Пожалуйста, будьте бдительны…»

Эрн, премило взъерошенный со сна, сел на постели и потёр глаза.

Билл поставил на стол две тарелки с тостами, тонко нарезанным сыром и поджаренной до нежно-розовой аппетитной корочки ветчиной. Уловив соблазнительные ароматы, Эрн тотчас встряхнулся, вылез из тёплого гнёздышка скомканных одеял, моментально возник возле стола — схватив тост, вонзился в него мелкими белыми зубками и с наглым звуком ломающейся корочки откусил уголок.

— Что ты так на меня смотришь? — спросил юный чародей, поймав на себе пристальный взгляд Билла.

— Прежде чем сесть завтракать, неплохо было бы умыться, — ворчливо заметил ему старший товарищ.

— Не парься, — ответил, жуя, Эрн.

— Да мне то что, — Билл хитро прищурился, — только Кира сейчас приедет, а ты в пижаме, и рожа мятая, как бельё из барабана.

Эрн гневно шмыгнул носом и, нехотя поднявшись из-за стола, отправился в ванную.

8

Саш уехал на работу, вероятно, очень рано. Когда Кирочка открыла глаза, его уже не было в номере — и она вздохнула с облегчением; не нужно будет перемещаться на цыпочках, собираться по-быстрому, уходить, стараясь не стукнуть дверью, по шпионски — всё это уже сделали за неё. Мелочь, а приятно.

Кирочка встала, напевая, приняла душ, распаковала рюкзак, доставленный поздно вечером с курьером, облачилась в серый бадлон, джинсы и кроссовки, высушила волосы высокоскоростным феном, отчего они теперь пышной копной торчали вокруг головы — превращение совершилось: вместо вчерашней кинодивы из зеркала на неё смотрела дворовая девчонка.

Щёлкнула входная дверь, и Кирочка весело побежала по коридору к лифтам, без сожаления покидая своё прошлое — вечернее платье так и осталось в номере, оно лежало в точности как его бросили накануне — стекая струящимся потоком с ручки мягкого кресла, а рядом, на полу, шевелясь в потоке сквозняка, словно нечто живое, пристроилась тонкая скомканная перчатка.

9

— Ну и погодка! — воскликнула Кирочка, встряхивая головой подобно искупавшейся птице. Она стояла в прихожей, свежая, как цветок после грозы, радостная как солнечное утро. Потянув носом воздух, она добавила, — ух ты, а вы, кажется, приготовили что-то вкусненькое! Это кстати! Я голодная как отряд землекопов!

Войдя на кухню, Кирочка схватила самый поджаристый тост и, держа его в зубах, прикоснулась к вмонтированной в стену сенсорной панели — включила телевизор.

На экране возникла опрятная дикторша, которая вещала, сложив ручки перед собою на зеркальном столе, утренние новости.

«Разыгравшийся нынешней ночью шторм уже принёс немало разрушений, есть человеческие жертвы. Сегодня в половине девятого на перекрёстке Туманной улицы и проспекта Сизых Дождей оторванный ветром рекламный щит раздавил легковой автомобиль. Происшествие спровоцировало ДТП, в котором приняли участие ещё четыре транспортных средства, включая экскурсионный школьный автобус, по предварительным данным никто из детей не пострадал. Репортаж с места событий ведёт моя коллега Мина

Тео.

— Здравствуйте, Мина.

— Здравствуйте, Рината. Я нахожусь сейчас на перекрёстке Туманной улицы и проспекта Сизых Дождей.

На экране появилась девушка в куртке с капюшоном, держащая в руке микрофон с массивной эмблемой телекомпании.

— Движение через перекрёсток пока приостановлено, — бодро сообщила она, а камера, скользнув по фасадам близлежащих домов, остановилась, демонстрируя многочисленной аудитории канала запруженную машинами проезжую часть, в центре которой находились раздавленный автомобиль, автобус и служебные машины с сиренами, вокруг которых столпились люди в форме, — На место уже прибыли сотрудники дорожной автоинспекции и две кареты скорой помощи, врачи осматривают потерпевших, один человек погиб. Найденные при нём документы позволили нам установить личность жертвы. Это двадцатишестилетний сотрудник банка «Реал Престиж» Алехандро Астерс…

— О, Господи! — воскликнула Кирочка. Тарелка с тостами выпала у неё из рук и разбилась вдребезги.

— Ты что, знаешь этого парня? — удивлённо поинтересовался Билл.

— Боже мой… Да. Мы учились с ним в одном классе… — призналась Кирочка дрожащим голосом.

— Сочувствую, — тихо сказал Крайст. Он попытался успокоительно положить руку ей на плечо, но она разгневанно-нервным жестом пресекла эту попытку.

— Оставьте меня! — воскликнула Кирочка сквозь прорвавшиеся слёзы и выбежала из кухни.

— Что это с ней? — подозрительно спросил Эрн, отложив недоеденный тост и настороженно поглядев вслед девушке.

— Не каждый день в новостях передают, что твоего однокашника раздавило рекламным щитом, — сухо пояснил Билл, сумрачно сдвинув брови, — людям свойственны такие чувства как сострадание, понимаешь?

Из комнаты донеслось несколько сдавленных всхлипов. Билл отвернулся к окну, Эрн тупо смотрел на пустую тарелку перед собою. Разумеется, каждый из них старался, как мог, разделить боль Кирочкиной утраты, но истинную её величину не представляли себе ни тот, ни другой, ведь они не могли знать, что несколько часов назад она радостно благословляла материю, данную в ощущениях, в объятиях именно этого молодого мужчины, чьё тело, извлечённое из покорёженного автомобиля, теперь лежало на мокром асфальте, накрытое чёрным полиэтиленом…

10

Прошло около месяца со дня урагана, унёсшего жизнь Саша Астерса, когда Кирочка совершенно случайно узнала ещё об одной смерти, весьма загадочным образом касающейся её самой.

Стоял замечательный ясный и совсем уже летний день — было почти жарко. Она зашла перекусить в пиццерию, где работал молодой человек, с которым она познакомилась примерно полгода назад в клубе. У них тогда состоялось свидание, и после этого, согласно Правилу, они не виделись и не созванивались, иногда только Кирочка позволяла себе зайти в эту самую пиццерию и обменяться со своим знакомым короткими приветствиями и ничего не значащими приятельскими улыбками.

— А где Макс Талер, бармен? — спросила она тоненькую девчурку, порхавшую между столиками с подносом на вытянутой руке, — у него что, выходной сегодня?

— Макс? — маленькое белое лицо девчурки сначала приняло озадаченное выражение, — ааа, Макс, — оно тут же стало печальным, как у фарфорового ангелочка, — он умер.

— Как умер? — изумилась Кирочка, — этого не может быть!

— Мы и сами все до сих пор в шоке, — вздохнула девчурка, — ему было всего двадцать два, и тут какая-то опухоль в голове… Быстрорастущая. Вы что-нибудь будете заказывать?

— Нет. Извините. — Кирочка порывисто встала из-за столика.

Девчурка проводила её сочувствующим взглядом. Жалобно тренькнул колокольчик на входной двери… Солнечный свет ударил по глазам…

Мысль, что эти две смерти по какой-то таинственной причине имеют отношение к ней лично, пришла к Кирочке не сразу. Сначала она существовала в виде трудноописуемого интуитивного ощущения: двое мужчин, с каждым из которых она имела любовное свидание, пусть даже всего одно и притом короткое, оба погибли — нельзя, разумеется, исключать простого совпадения, но предположение о связи напрашивалось само собой… Чтобы подтвердить его или опровергнуть, очевидно, следовало узнать судьбу ещё одного или даже нескольких мужчин, чья жизненная дорога аналогичным образом пересекалась с Кирочкиной…

Этим она и решила заняться. Перерыв весь свой электронный ящик, она нашла чудом уцелевшее послание от некого Пабло М. (поступив на Службу она выработала железную привычку удалять все личные сообщения сразу после прочтения, как ей посоветовал Билл) и решилась ему позвонить. «В моих исключительных обстоятельствах, — рассудила она, — это не будет нарушением Правила».

Номер оказался неактивным.

Через базу данных телефонного оператора Кирочке удалось выяснить, рискованно используя свои полномочия офицера ОП, паспортные данные и адрес прописки абонента, на которого данный номер был зарегистрирован.

Приехав по вышеозначенному адресу и застав там мать и сестру молодого человека, она почти не удивилась, узнав от них, что он трагически погиб около года назад — отравился грибными консервами, приобретёнными в ближайшем супермаркете.

11

— Мне нужно поговорить с тобой, Крайст, — затараторила Кира, ворвавшись в кафе подобно смерчу и даже не успев присесть за столик.

— Дело крайне важное и безотлагательное? — осведомился он с дежурной насмешливо-ласковой улыбкой, но его желание шутить улетучилось сразу же, как только они с сослуживицей встретились взглядами. Лихорадочный блеск Кирочкиных антрацитовых глаз не сулил ничего хорошего: она была чем-то сильно встревожена, если не сказать — напугана.

— Где Эрн? — спросила она, напряженно оглядываясь по сторонам.

— Отправился в джентельменский зал, — деловито пояснил Билл.

— Это очень кстати, — выпалила Кирочка, присаживаясь за столик, — я хотела поговорить без него. Ибо, возможно, то, что я скажу, имеет к нему непосредственное отношение, — поминутно озираясь, не идёт ли Эрн, она полушёпотом высказала Крайсту свои опасения по поводу того, что смерти Саша, Макса из пиццерии и бедняги Пабло

связаны между собой, а именно: на неё, Киру, наложено какое-то страшное проклятие, иначе почему их всех так скоро и загадочно прибрал Господь? — Каждый из них провёл со мной ночь, понимаешь, Крайст…

Она говорила быстро, горячо, с опущенным взором.

— С большой вероятностью это простые совпадения.

— Допустим, — возбуждённо возразила Кира, — может иметь место одно совпадение подобного рода, ну, даже два. Но три совпадения, Крайст, три! Это уже статистика.

— Пожалуй, ты права, — Билл озабоченно сдвинул брови, — однако Эрн, я полагаю, тут всё-таки ни при чём… Ну, или почти ни при чём. Скажем так — все эти смерти не есть следствия прямого воздействия его магической воли…

— Но тогда… Кому ещё могло понадобиться такое проклятие? Я лично больше не знаю ни одного сохнущего по мне чародея!

— Это не проклятие.

— Тогда что же?

— Ревность.

Кирочка потрясённо распахнула глаза. Билл поспешил пояснить сказанное:

— Это самая разрушительная из существующих в природе сил — главное проявление эго. Обособление себя от всего остального мира, выражающееся в определении границ личного пространства и прав собственности, — Крайст оглянулся, чтобы удостовериться, что юного колдуна ещё нет поблизости, — Для Эрна в его возрасте любовь означает, прежде всего, безраздельное обладание; а по причине наличия у него паранормальных способностей его вполне естественное, в общем-то, нежелание уступать кому-либо объект своей симпатии обладает такой силой, что…

— Идёт! — воскликнула Кирочка, стискивая руку Билла.

— Надо поговорить с ним, только осторожно…

Эрн приблизился к столику. Напустив на себя спокойствие и непринуждённость, Кирочка принялась ковырять ноготь. Она всегда так делала, когда требовалась срочная конспирация.

— Как дела? — спросил у юноши Билл с глупой размашистой улыбкой.

Эрн фыркнул, мило наморщив носик.

— Вечно ты со своими шуточками, Крайст. Если что-то и изменилось, то это всего лишь незначительная флуктуация массы…

Билл рассмеялся.

— А ты, я смотрю, научился нормально на них реагировать, старина.

Кирочка подняла голову. Вид у неё был решительный и серьёзный.

— Эрн, нам нужно поговорить с тобой.

— Нам? — Билл насмешливо поднял брови, — меня призывают в сообщники?

Кирочка посмотрела на него уничтожающим взглядом. Но потом резко опустила глаза и подняла вновь, только теперь в них читалась мольба, смешанная с укоризной: «Мне, мол, и так нелегко, а ты ещё ёрничаешь». Биллу стало немного не по себе, он почувствовал, что именно в этот момент, возможно, впервые за весь период их совместной работы, Кирочка полагается на него, полагается в настоящем смысле этого слова, не в служебном плане, а в личном, и это дорогого стоит, и нельзя отнестись к этому несерьёзно; даже если нечто кажется неважным и смешным, если оно настолько важно для кого-то другого, нужно помочь.

Биллу неожиданно вспомнилась история с кузеном Чарли. Малыш (ему было тогда всего три года) уронил в унитаз крохотное колёсико от паровозика из набора «Железная дорога», а они с Чарли, вместо того, чтобы помочь ему, шутки ради нажали на слив… Как он ревел, этот маленький кузен… С каким неистовым, неискупимым отчаянием! Будто бы разрушено, развенчано и поругано всё, и нет в целом свете нигде ни добра, ни правды. Вот теперь и думай, что смешно, а что важно. Хуже всего, что они с Чарли хохотали тогда как сумасшедшие. Теперь Биллу спустя годы стало за это очень стыдно.

— Ну, давайте уже, гоните свой архи важный разговор! — нетерпеливо заявил Эрн, наблюдая за игрой мимики на лицах обоих офицеров.

Когда два человека при третьем способны общаться без слов, этот третий обычно чувствует себя премерзко.

Кирочка достала из сумки фотографии всех троих погибших знакомых.

— Кого-нибудь из них ты видел хотя бы раз в жизни? — спросила она строго.

— Вот этого, — ответил Эрн сразу же, ткнув пальчиком в лицо Саша Астерса.

Кирочка фыркнула, жутко разозлившись на то, что он вот так запросто ставит палец на фотографию некогда дорогого для неё человека. Её всю жизнь бесило, когда показывали на фотографиях пальцами и особенно когда водили по ним ногтями, визжать хотелось, особенно в детстве. Люди на фотографиях кажутся какими-то особенно беззащитными. А тут кто-то приходит и хватает их за лица жирными руками, а они даже не могут ему ничего сказать.

— Не трогай, — сказала она раздражённо, — вспомни, пожалуйста, где именно ты его видел.

— В репортаже по телевизору. Он погиб от урагана. Больше нигде.

— А остальных? — спросил Билл мягко, придвинув к Эрну другие фотографии, — успокойся, сядь, главное не торопиться, погляди подольше, может быть, что-то забрезжит…

— Нет, — решительно заявил подросток, спустя минуту, — эти чуваки совершенно мне не знакомы. Кроме того, все они мертвы. Зачем вы мне их показываете?

— Откуда ты знаешь? — настороженно спросила Кира.

Эрн устало вздохнул, как человек, вынужденный в сотый раз объяснять очевидные вещи.

— По энергетическому потоку от фотографии. Это же элементарно. Живой человек излучает через каждое своё изображение, и можно узнать о нём сразу всё, проанализировав этот сигнал, а фото покойников — просто картинки.

— И поэтому ты никогда не фотографируешься?

— Не только, — ответил Эрн, напустив на себя загадочность, — мне вообще нельзя.

— Кто тебе сказал?

— Ниоб, домоуправитель и помощник Друбенса.

— А почему?

— Фотографии… Как бы это получше сказать, он мне объяснял что-то в терминологии высшей магии, но я так и не понял ни черта, основная мысль следующая: они могут работать как многочисленные зеркала, фотографии, особенно если глаза крупным планом, и через каждую из них знающий маг способен вытянуть на себя часть моей силы и воспользоваться ею.

— Отчего же они не научили тебя «ключам», — спросил Билл, — это когда читаешь особое заклинание над фотографией, и она «закрывается» для откачки энергии?

Эрн пожал плечами.

— «Ключи» сейчас почти бесполезны, вероятно поэтому. Цифровая фотография, которую каждый может открыть на своём смартфоне, ведь работает точно так же. А заколдовать бесконечное количество её копий в бездонном информационном пространстве просто невозможно…

— Мы ушли от темы, — констатировала Кирочка недовольно, — скажи, пожалуйста, ты о них ещё что-нибудь можешь сказать по этим фотографиям?

— Нет… Для прочтения информации в полях умерших одних фотографий недостаточно. Необходима личная вещь или присутствие родственника. То есть объекты, несущие энергетический след. Изображения, как я уже сказал, не излучают.

— Разве мы уже не узнали всё, что хотели? — спросил Билл у Кирочки заговорщическим тоном.

Она вспыхнула.

— Он тут ни при чём, — добавил он шёпотом.

— Быть не может! — воскликнула Кирочка возмущенно, — и это непрофессионально, так скоро сдаваться!

— Хватит обсуждать при мне какие-то свои мутки, — обиженно вставил Эрн.

Кирочка порывисто повернулась к нему и сверкнула глазами. Билл моментально почувствовал недоброе, он хотел остановить девушку, положив руку ей на плечо, но не успел. Кирочка поднялась, выпрямилась, сразу став по сравнению со щупленьким Эрном огромной и устрашающей. Тучей нависнув над парнишкой, она прошипела ядовито:

— Эти, как ты изволил выразиться, мутки… Это украденные человеческие жизни. И если тебе всё равно…

Эрн сидел насупившись.

— Билл, оставь нас на минуту.

— Только смотри не съешь его, — бросил Крайст, отходя.

— Вот клоун, — буркнула Кирочка с досадой, — он, я так подозреваю, и над гробом собственным шутки шутить будет.

— Это не так уж и плохо, — робко возразил Эрн; у него потели ладони, он тёр их, ему всегда страшно было оставаться с Кирочкой наедине. Но сейчас особенно, юноша догадывался, что она за что-то на него очень сердита.

Однако, вопреки его ожиданиям, лейтенант Лунь оставила свой агрессивный тон, опустилась на стул напротив и начала спокойно и даже мягко. Курсы общения с колдунами в центре подготовки офицеров ОП не прошли для неё даром.

— Эрн, — голос её звучал почти ласково, — как бы ты повёл себя, если бы узнал, что у девушки, которая тебе нравится, есть ещё поклонники?

— Да не знаю, — процедил он сквозь зубы, не глядя на неё, — никак бы не повёл. Что я тут могу поделать? Приказать им не влюбляться в мою девушку? Никакому колдуну это не под силу…

— А как насчёт того, чтобы проклясть их? — спросила Кирочка с наигранной весёлостью, — по-моему, отличный способ избавиться от соперников. Щёлкнул разок пальцами — и на одного из них обрушился фонарный столб. Щёлкнул два — и другой, проломив асфальт, провалился в канализационную шахту точно в преисподнюю…

— К чему ты клонишь? — спросил Эрн, бледнея. Он осмелился взглянуть ей прямо в глаза. — Я не проклинал никого. И никогда не прокляну. Особенно по такой причине. Любой маг, даже самый тёмный, вздорный и невоспитанный, знает, что свобода чувств —

это неприкосновенная область жизни человека, и если тебя не выбрали в любви, использовать магию — аморально.

Кирочка задумалась. Похоже, Крайст прав. И его предположение относительно невольного убийства Эрном Саша и остальных имеет больше оснований, чем её обвинения в сознательном использовании колдовства.

— Все они умерли после того, как провели со мной ночь, — сказала она жёстко.

Эрн сидел неподвижно, глаза его были опущены.

— Мне, наверное, нет необходимости слишком много распространяться об определённых тонкостях нашей службы, тем более о Правиле, это знают все, кто хоть когда-нибудь имел с нами дело… Ведь так?

Юный колдун кивнул. Было заметно, что разговор на эту тему доставляет ему сильный душевный дискомфорт.

— Я знаю… — Кирочка хотела было сказать «о твоих чувствах ко мне», но в последний момент решила, что это прозвучит слишком бестактно, и поправилась, — некоторые вещи трудно принять, Эрн, в особенности, если они не соответствуют нашим ожиданиям…

Она хотела ещё что-то присовокупить, но он отважно поднял на неё свои огромные фиалковые глаза и негромко воскликнул:

— Я ничего не могу поделать со своими чувствами! И, да, признаюсь, меня действительно бесит это ваше дурацкое Правило… Убил бы того, кто…

— Эрн! — Кирочка вздрогнула, — не говори так никогда! Ты же знаешь цену каждому своему слову. Слава Богу, что тот человек давно уже отошёл в мир иной… Без твоей помощи.

— Всё равно это вздорное правило, — сказал Эрн сердито.

— Послушай… Особое Подразделение существует уже несколько веков. И, поверь, за такой срок через него прошло немало людей, гораздо более мудрых, чем ты, и раз уж они когда-то пришли к выводу, что иначе нельзя, значит, мы вынуждены только покориться. Любая система формируется методом проб и ошибок, движений вперёд и назад, надстроек и разрушений. И если этот непростой выбор был однажды сделан и столь продолжительное время себя не дискредитировал, это означает только одно — он необходим…

— Профанация… Демагогия… — сказал Эрн вызывающим тоном, — жалкие попытки оправдать собственное распутство. Накапливающуюся энергию не обязательно стравливать именно этим способом. Её можно поднять выше, очистить, облагородить. Пустить на творчество, или ещё на какое-нибудь полезное дело. Вон, как монахи-отшельники. Воздержание нисколечко не вредно для организма. Просто все вы, инквизиторы, извращенцы.

— Что?! — Кирочка разозлилась, причём сильнее всего задело её именно слово «инквизиторы», — да ты хоть знаешь, о чём говоришь?

Эрн молчал, глядя на неё недобро сияющими глазами. Выводить его из себя, вообще говоря, было опасно для личного благополучия, в некоторых случаях даже для жизни, но… в должной степени рассердиться на любимую девушку, чтобы навлечь на неё более или менее серьёзные неприятности, довольно трудно, да и, скажем прямо, как-то не по-джентельменски. Поэтому, Кирочке, вероятно, сошла бы с рук даже пощёчина, или ещё что-нибудь в таком роде…

— У нас нет даже смертной казни для колдунов и ведьм, — продолжала она обиженно, — Её отменили больше пяти столетий назад. О какой инквизиции ты говоришь? Мы вас скорее защищаем, от вас же самих, да, да, чтобы вы не устраивали повсюду

магические беспорядки и не сносили друг другу головы в ваших чумовых поединках… Кроме того, мы ограждаем простых граждан от излишней информации о безграничных возможностях тонкого мира… Не всем полезно это знать. И охраняем их покой от всевозможных проклятий, дурманов и вредного сглаза…

Эрн водил указательным пальцем по столу, повторяя ноготком причудливые узоры древесины.

— Я не проклинал никого, — сказал он, — Если это и вышло, то случайно. Я не могу до конца контролировать свою силу, она слишком велика, и в некоторых случаях мои прорвавшиеся негативные эмоции могут причинять разрушения… Так у всех.

— Просто у тебя это проявляется особенно ярко, — саркастически заметила Кира, — жил человек спокойно, не понравился чем-то тебе и помер. Так?

— Вроде того… — хмуро согласился Эрн.

— Но так же нельзя!? — возмущённо воскликнула Кира, хлопнув по столу ладонью, — рядом с тобой и я превращаюсь в пороховую бочку. Стоит, к примеру, случайному мужчине на меня как-нибудь не так с твоей точки зрения взглянуть, не говоря о том, чтобы дотронуться, и он уже покойник. Что мне теперь, монашкой жить?! — она выразительно сверкнула на него своими огромными антрацитовыми глазами.

В её вопросе и взгляде не было, да и не могло быть ничего, кроме гнева, но Эрн мгновенно покраснел, точно от неприличного намёка. Он опустил свои длинные ресницы-лепестки и ничего не отвечал, продолжая водить тонким пальчиком по столешнице так, будто это занятие невероятно его увлекало.

Кирочка смотрела и как будто видела мальчишку в первый раз. В треугольном просвете расстёгнутого рубашечного воротничка точно лепесток магнолии среди листвы виднелось то удивительно нежное даже у брутальных мужчин место, переход от основания шеи к груди; той весной Эрну минуло шестнадцать, он был влюблён, и в свете этого обстоятельства его очарование обретало для Кирочки вполне определённый смысл… Ведь если бы она не была офицером Особого Подразделения, а он — колдуном апокалиптической силы, и им довелось встретиться в другом месте и в другое время… всё могло бы сложиться иначе… гораздо проще.

Прежде такая мысль никогда не приходила Кирочке в голову, а теперь она ужаснула её. Эрн до этой поры казался ей ребёнком, она воспринимала его симпатию как нечто не вполне серьёзное, как игру, как невинное увлечение, и вынужденное признание того, что он способен испытывать те же чувства, какие испытывает взрослый мужчина по отношению к женщине, отозвалось отвращением в её душе.

— Так что же нам делать? — повторила Кирочка уже не так грозно; гнев сменился растерянностью, она искренне посочувствовала Эрну, ведь он ни в чём не виноват, это так естественно в его возрасте — влюбиться и ждать от любимой встречного порыва, мысленно требовать от неё верности и такого же сосредоточения на любви всех мечтаний, тревог, надежд, какое испытываешь сам…

Но почему-то именно от Эрна Кирочка не могла принять эту волнующую данность природы; он был прекрасен настолько, что страшно было к нему прикоснуться даже со знанием, что она имеет на это полное право; он был всемогущ, и мысль, что ему дана власть над нею точно так же, как и над всей остальной материей, была для неё невыносима, она чувствовала себя крохотным камушком у него на ладони, который он случайно подобрал и по прихоти судьбы счёл красивым, но в любой момент может выбросить в море, если он ему

надоест или приглянётся другой…

Кирочка продолжала смотреть на Эрна, с болью вдумываясь в пронзительное совершенство его черт, ощущая острее собственную ничтожность в свете этого совершенства, любуясь и терзаясь.

Он сидел, не поднимая глаз, цветя нежными розами щёк, трепеща от смущения перед своим первым смутным сладостным желанием…

— Ты же понимаешь, что это невозможно, Эрн, — произнесла она, гордо признавая за собой право камушка на ладони оставаться независимым и неуязвимым.

Он так ей ничего и не ответил, порывисто выскочил из-за столика и побежал к выходу из кафе, туда, где за стеклянной дверью стоял в распахнутом длиннополом чёрном пальто и неторопливо курил, щурясь на яркое солнце, Крайст.

глава 8

1

Когда Кирочка пришла принимать смену у Крайста, на кухонном столе лежала роза. Яркие лучи солнца из-за шторы падали на нежные раскрытые лепестки таким образом, что просвечивали их насквозь, отчего казалось, будто бы цветок светится изнутри, источает мягкое розовое сияние.

— Ты собираешься на свидание, Крайст? — крикнула Кирочка в комнату, — Желаю тебе удачи!

— С чего ты взяла? — удивился Билл, возникший на пороге кухни.

— А разве это не твоя роза?

— Нет.

Кирочка задумчиво приподняла цветок со стола. Роза была длинная, пышно распустившаяся, с крупной тяжёлой головкой. На упругих сочных лепестках поблёскивали мелкие капельки росы — её как будто только что сорвали в саду — столь свежий цветок — редкость в магазинах большого города.

Осторожно держа розу за крепкий стебель, чувствуя её тонкий сладкий аромат, она невольно вспомнила другую, подаренную Сашем Астерсом, восхитительно и страшно бордовую, как зрелое вино или кровь…

Крайст куда-то исчез, а вместо него рядом с Кирой возникла хрупкая фигурка Эрна.

— Это тебе, — прошептал он, и щёки его, зарумянившись, затмили нежностью и свежестью своей красоту розовых лепестков, — от меня…

— Где ты её достал? — спросила Кирочка строго, — Наколдовал?

Эрн кивнул.

— Я не возьму.

— Но почему?

— В воспитательных целях. Для того, чтобы сделать подарок девушке, другие юноши трудятся, они работают заправщиками на бензоколонках, официантами или разносчиками пиццы. Они преодолевают определённые трудности, и на вырученные деньги покупают цветы для своих любимых. Они идут на какие-то жертвы. Тебе же эта роза не стоила ничего, ровным счётом никаких усилий. Ты подумал о ней, и она возникла. Ты можешь завалить ими меня, как сеном, если захочешь.

Юноша вздохнул, всё, что говорила Кирочка, было чистой правдой.

— Если хочешь сделать мне подарок, — заключила она, — заработай на него честно.

— И ты его примешь?

— Я подумаю, — ответила Кира с уклончивой полуулыбкой.

2

— Куда мы едем сегодня? — спросил Эрн, деловито защёлкивая замочек ремня безопасности. Совсем недавно ему стали позволять садиться на переднее сидение служебного автомобиля; первым пошёл на эту уступку Крайст, Кирочка сначала была против, но потом сдалась и она.

— В резервные фонды Исторического музея.

— Там завелись привидения?

— Не говори глупостей, Эрн, ты ведь и сам знаешь, что приведений не бывает, абсолютно все аномальные энергии — производные живого функционирующего сознания, поэтому если где-то лунными ночами плавают по коридорам бледные томные дамы в белом, мы, в первую очередь, задумываемся, кому они нужны и для чего… Вот чёрт, пробка… — Кирочка раздосадовано хлопнула по рулю ладонью, — и какая огромная! Часа на полтора, не меньше. Не было печали!

— Может, телепортируемся отсюда? — робко предложил Эрн.

— Нет, мы поедем на машине, — ответила она упрямо, смерив его гневным и гордым взглядом.

Юный колдун грустно съёжился на сидении, сложил тонкие ручки на колени и принялся смотреть в окно.

— По некоторым данным, на территории исторического музея долгое время проводились секретные генетические эксперименты, целью которых было воссоздать древних животных, рептилий и даже первобытных людей.

— Что же в этом плохого?

— Ничего. Всё хорошо, покуда не переходит определённые границы. Есть сведения, что в ходе экспериментов был получен клон одного из самых выдающихся тиранов прошлого, ДНК было выделено из мумии, хранящейся в саркофаге…

— Ужас какой! И кому только это понадобилось?..

— Любопытным учёным. Сколько себя помню, им не давал покоя вопрос, будет ли сознание клона хоть в какой-то степени повторять сознание клонированного человека? Проще говоря, будет ли клон гения гением, а клон императора обнаружит ли императорские замашки? Разумеется, в условиях полной изоляции.

— Они клонировали Вождя?

— Это нам и предстоит проверить.

3

Спустившись по гулким ступеням закрытого корпуса исторического музея в цокольный этаж, Кирочка и Эрн остановились перед саркофагом.

Все мумии хранились в подвальных помещениях за тонким сверхпрочным стеклом, прохлада и приглушённый свет способствовали лучшей сохранности тканей; тело, представшее их глазам, было мумифицировано по самой современной технологии, около двухсот лет назад; принадлежало оно весьма амбициозному президенту, получившему в своё время в народе звучное прозвище — Вождь.

— Ну и где же клон? — шёпотом спросил юный чародей.

— Иногда ты меня удивляешь, Эрн. Думаешь, его так запросто пустят бродить кругами подле саркофага? В этом и состоит моё задание — выяснить, где его прячут, если он действительно существует.

— Да я же тебя троллю, — мальчишка просиял ровным рядом хорошеньких мелких зубок словно жемчужным ожерельем, — очевидно, найти этого чувака будет весьма непросто. Может, всё-таки воспользуешься моей помощью?

Кирочка нахмурилась. Она отдавала себе отчёт, что сложное и опасное задание будет выполнено в несколько минут, стоит ей принять предложение Эрна; он прикроет глаза, и, неслышно шевеля перламутровыми губками, прочтёт всю необходимую информацию на неведомом сверхтонком пергаменте Вселенной, хранящем каждое самое ничтожное событие, каждый атомный переход, каждое колебание связи в каждой молекуле… Но,

Кирочка понимала и это тоже, принять предложение Эрна — означает сдаться, спасовать перед трудностями. Айна Мерроуз любила повторять на лекциях, что недаром людей ограждают от знаний о магии, ибо лень и инертность — те пороки, которые разовьются сильнее и скорее всех прочих; зачем что-то делать, когда можно применить магию — раз и готово… «Именно исчезновения у людей мотивации к труду мы пуще всего боимся… — говорила она, — на планете невозможен катаклизм более страшный, чем тотальная деградация и погружение человечества в неуёмное бездействие и потребительство…»

Кирочка стояла на пороге самого непреодолимого из всех искушений — выбрать наиболее лёгкий и быстрый путь… Если и теперь она устоит, эта мысль тоже неоднократно приходила ей в голову, то это может стать только отсрочкой; искушение будет повторяться снова и снова, покуда Эрн рядом — настанет день, и оно всё равно возьмёт верх, поэтому какая разница, сейчас или немного позже…

— Ладно, валяй, — сдалась она, нехотя, как будто отпуская невидимую нить, которая до этого момента держала её вблизи земли подобно тому, как тонкая верёвочка держит шарик, надутый гелием.

— Они держат его под землёй, — сообщил Эрн через минуту, — прежде это здание принадлежало военным, и здесь есть ещё несколько уровней подвалов, не обозначенных на плане. С целью исключения человеческого фактора уход за пленником автоматизирован. Три раза в день в потолке камеры открывается окошко и ему выдаётся контейнер с горячей пищей. Поскольку он существо всё-таки разумное определённым образом удовлетворены и его духовные потребности — в камере есть плазменная панель, транслирующая лучшие фильмы, снятые за всю историю кинематографа, книги, альбомы с репродукциями наиболее известных картин, музыкальный проигрыватель…

— Мы можем туда попасть? — спросила Кирочка почти жалобно, понимая всю бессмысленность этого вопроса; да, конечно, если она раз уже согласилась воспользоваться всемогуществом Эрна на службе, то теперь он непременно будет этим спекулировать; чтобы завоевать внимание девушки можно и не лезть из кожи — достаточно лишь в удобный момент предложить ей что-то действительно необходимое…

— Мы можем всё, ты же знаешь, — ответил Эрн с пакостной ухмылочкой, притаившейся в уголке изящных губ.

Кирочке подумалось, что это выражение лица он невольно перенял от Крайста — тонкое, в меру задорное, в меру самодовольное…

Она отвернулась, ей стало немного нервно при виде такого Эрна. Взрослого Эрна. Взгляд её упал на спокойное серовато-бело лицо лежащего в саркофаге. Он совсем не был похож на мёртвого, он как будто ненадолго задремал в затемнённой комнате; с помощью света, бархатных подушек и пледа, наброшенного на Вождя будто бы небрежно, в зале была воссоздана уютная домашняя атмосфера.

— Это когда-то было частью экспозиции, — сказала Кирочка, — но потом кто-то решил, что демонстрировать мумии не этично.

Она сделала несколько шагов вперёд по мозаичному полу. Из полумрака навстречу ей медленно выступили очертания следующего саркофага. В нём точно так же, словно на диване у себя дома, покоился ещё один национальный лидер.

Галерея уходила дальше, в тишину и сумрак, привыкшие глаза могли уже разглядеть вдалеке блеклые отсветы на защитных стеклянных куполах других саркофагов; за последние два века их было установлено тут немало.

Кирочка почувствовала приближение острого мига неизъяснимой тоски, что всегда посещает живых в местах погребений. «Помни о смерти» — говорили древние. «Меня через какое-то время тоже здесь не будет» — подумала Кирочка.

— Идём отсюда, — фраза вышла скомканной, трусливой.

— Ты боишься смерти? — спросил он, пытливо глядя на неё своими огромными в полумраке глубоко фиолетовыми как сухая марганцовка глазами.

— Ну, мне кажется это нормально… — растерявшись от его проницательности пробормотала Кирочка, — а ты разве не боишься? Ни капли?

— Нет, — ответил он спокойно, продолжая сиять из сумрака тёмным светом своих глаз.

— Ты что, ещё и бессмертен? — спросила она одновременно с ужасом, удивлением и какой-то невнятной обидой.

— Почти. Бессмертна моя Сила. Могущество Хаоса изначально и вечно. Борьба Хаоса и Порядка не кончится никогда, взаимодействие Материи и Информации есть реальность, и если не я, то кто-то другой, не важно кто, будет Исполнителем Желаний. Что такое «я», я даже не понимаю. Может, у меня этого «я» вообще нет…

— «Я» — это твоя душа, и она у тебя есть, точно есть, — сказала Кирочка тихо и невзначай так ласково, что Эрн стушевался и спрятал наконец свои страшно прекрасные глаза под крылышками ресниц.

4

— Привет, — весело сказал юный чародей сидящему на полу человеку.

Тот медленно поднял на него мутные непонимающие глаза. Потом вдруг они просияли стремительным осознанием, в них мелькнул страх, затем проплыла тень недоверия. Человек тихо ойкнул и отполз по полу к стене.

— Он боится нас, — шёпотом сказала Кирочка, — вероятно, он никогда не видел живых людей. Кто знает? Эти исследователи душ клонов вполне могли являться к нему исключительно в халатах и масках с прорезями для глаз. Или вообще не являться. Наблюдать за ним мёртвыми глазами видеокамер.

Сидящий на полу человек осторожно разглядывал вошедших. Он был ещё довольно молод, лет тридцати пяти-сорока на вид, бледен, вероятно, от отсутствия солнечного света, худ, но черты его лица не оставляли сомнений в том, что именно это и есть Вождь.

— Мы не причиним вам зла, — проговорила несколько напыщенно Кирочка стандартную фразу, которую всегда произносят в приключенческих кинолентах в случае контакта с представителями, скажем, полудиких племён или каких-нибудь внеземных цивилизаций.

— Добро пожаловать на мою планету, — с деревянной улыбкой выдал человек, отдалённо напоминающий Вождя, — мы открыты для знаний, но не для войны, и что бы вы не принесли с собой, мы примем, если оно служит мирному постижению Вселенной…

— Простите…

— Он цитирует отрывок из какого-то фильма, — догадался Эрн.

— Боже, — горестно прошептала Кирочка, — он, видимо, вообще никогда ни с кем не разговаривал!

Клон вождя, беспокойно озираясь, тем временем медленно подползал к небольшой красной кнопке, находящейся на поверхности стены.

— Это сигнализация! — воскликнула Кира вполголоса, — Вытаскивай нас отсюда, живо!

Мгновение, и пространство зарябило, словно поверхность озера в ветреный день; она почувствовала у себя на запястье маленькую руку Эрна, и ей снова стало не по себе, она ведь знала, почему он всё это делает…

Рябь постепенно стихала, успокаивалась, сквозь неё, словно сквозь мятый тонкий полиэтиленовый пакет уже можно было видеть саркофаги, стеклянные колпаки над ними, светильники на стенах, серо-розовые узоры мозаичного пола.

— Вам понравилась экспозиция? — навстречу им бокового коридора выступила девушка в строгом платье с продолговатым подозрительным лицом, — я аспирантка исторического факультета, у меня тоже специальный пропуск, могу рассказать вам что-нибудь, если хотите.

— Спасибо, — немного напряжённо ответила Кирочка.

— Как вам будет удобно, — аспирантка не в пример героиням остросюжетных фильмом очень легко покинула их, совершенно бесшумно ступая в своих мягких балетках.

— И что теперь? — спросил Эрн как будто немного разочарованно. — Я могу, конечно, его освободить, только что это даст… Его сразу же поймают и заточат обратно… Или даже убьют. Он совершенно не приспособлен жить как обыкновенные люди.

— У меня есть одна идея, — Кирочка красноречиво опустила руку на кобуру своего пистолета-генератора.

— Ты что, собираешься в него стрелять? — воскликнул Эрн с горестным изумлением. — Он же абсолютно беззащитен!

— Не в него. В Вождя, — отозвалась Кира, заговорщически сверкнув глазами. Она бережно извлекла ОВЗ из кобуры, проверила заряд, и стала медленно поворачивать реле, настраивая нужную временную глубину выстрела.

Эрн в молчании наблюдал за ней, невольно запоминая последовательность действий.

— Если я уничтожу саркофаг, — торжественно произнесла она, — то клон будет свободен. Все моментально забудут о Вожде, как будто его и не было никогда, и клон станет просто человеком, ну, может, чуточку странным человеком, который разговаривает выдержками из фильмов. Сначала, конечно, ему будет тяжело адаптироваться, но, думаю, он привыкнет.

— Ты собираешься стереть из памяти людей целую эпоху? Насколько это будет культурное и патриотическое деяние? — в голосе Эрна ощущалась лёгкая укоризна, — Вверив тебе такое мощное оружие на тебя, знаешь ли, возложили ответственность…

— Я знаю, Эрн, — ответила она спокойно, — помнишь, вот на этом месте мы говорили с тобой о душе, примерно полчаса назад? Так вот… в продолжение нашего разговора. Есть такой парадокс. У человека спрашивают: если бы горел музей, то что бы вы скорее спасли, великую картину или живую кошку? Каждый отвечает своё и приводит свои аргументы. Так вот… Я, пожалуй, примкну к группе тех, кто собрался спасать кошку…

Кирочка направила дуло пистолета на стеклянный пузырь саркофага. Ей ещё никогда не доводилось им пользоваться, и она чуточку нервничала. Несколько секунд промедления ничего не изменят, но помогут ей укрепиться в принятом решении, корпус пистолета слегка холодил руки, а незримая мощь его приятно щекотала гордость.

Она положила палец на кнопку. Эрн затаил дыхание.

Яркая вспышка чистейшего белого света вспорола полумрак. Он разверзся на миг и тут же схлопнулся опять, поглотив эту внезапно рождённую звезду, саркофаг вспыхнул, стеклянный купол над ним засверкал, словно огромный бриллиант, несколько мгновений и

саркофаг, и купол испускали призрачное сияние, а затем всё погасло.

Вождь так и остался лежать на своём месте, сложив на груди руки и уютно замотавшись в плед, сон его по-прежнему был глубок и спокоен.

— Не получилось? — робко спросил юный чародей, — наукоёмкие чудеса тоже не вполне надёжны?

— Энергии не хватило, такое бывает… — голос Кирочки звучал почти испуганно, она мысленно приготовила себя к безоговорочному успеху и теперь была несколько обескуражена, — сейчас мы, как я понимаю, немного продвинули саркофаг в прошлое, но не уничтожили его… в этом случае просто нужно повторить выстрел…

Она установила реле на максимальную отметку; маленькая чёрточка на чёрном корпусе пистолета была предупредительно красной.

Эрн зажмурился, предыдущая вспышка больно резанула по глазам.

Кирочка снова нажала кнопку.

Белый свет, ещё более яркий, чем в прошлый раз, разлетелся во все стороны, словно бесконечно мелкий сверкающий песок из воронки на месте взрыва. Пространство затрепетало, всколыхнулось несколько раз подобно штормовому морю, на Кирочку и Эрна пахнуло прохладой — точно великий ветер вечности пронёсся мимо, унеся наконец саркофаг вместе с куполом, Вождём и всеми воспоминаниями о них…

Лампочка на стене удивлённо мигнула, осветив чистый глянцевый мозаичный пол.

Кирочка ахнула и выронила пистолет. Источая холодный пар, он молниеносно покрылся сплошным белёсым слоем инея. Генератор настолько остыл, что его невозможно было удержать в руках. Только через несколько минут удалось вложить ОВЗ обратно в кобуру.

5

Огромный торгово-развлекательный комплекс состоял из пяти корпусов, каждый из которых представлял собою многоэтажное здание в виде треугольной призмы. Они стояли друг к другу вплотную — все пять призм, образуя звезду, в центре которой находилась многоуровневая парковка с винтовым заездом. Корпуса на каждом этаже соединялись друг с другом стеклянными коридорами, а между этажами бесшумно летали вверх и вниз высокоскоростные лифты в стеклянных шахтах.

Обширные торговые площади обслуживающий персонал комплекса для экономии времени пересекал на роликовых коньках, повсюду расставлена была охрана: одинаковые гладко выбритые мужчины в элегантных чёрных костюмах с рациями в нагрудных карманах пиджаков.

Билл и Эрн быстро шли вдоль ряда сверкающих натёртым до блеска стеклом витрин торговых павильонов. В каждом из них висели красочные баннеры с объявлениями о скидках, подарках и всевозможных рекламных акциях. Где-то предлагалось приобрести две вещи и третью получить бесплатно, где-то при покупке выдавались особые купоны, дающие право на покупки по специальным ценам в каком-то другом магазине, чтобы единожды угодивший в эти сети покупатель уже не смог из них выбраться, а где-то просто оповещалось о том, что именно сегодня с какой-то радости всё в два раза дешевле, чем обычно…

Внимание Эрна привлёк один из павильонов, украшенный плотными жгутами из туго надутых голубых и белых воздушных шаров. «В свой День Рождения мы дарим вам скидки!» — гласила надпись на широкой ленте над входом.

— Смотри, Билл! Там шарики! — совершенно по-детски восхитился Эрн, дёрнув

Крайста за рукав.

Но тот не разделил его восторга.

— Эка невидаль! — отозвался он сухо. — Да тут везде шарики, ленточки, блёстки. Вечный праздник капитализма.

— Тебе не нравится?

— Я этого не говорил. Просто здесь слишком много лишнего. Вещей гораздо больше, чем нужно людям, и поэтому для того, чтобы их продать, прибегают к подобным ухищрениям. Привлечь покупателя любой ценой. Хоть шарики повесь, хоть нагишом в витрине пляши, но заставь купить хоть что-нибудь. Убеди людей, что им действительно необходимо семь видов шампуня в ванной — по одному на каждый день недели, массажная подушка для офисного кресла, держатель для сигареты на стол, чесатель спины с ручкой, подсветка струи в душе или коврик для мыши с имитацией женской груди для снятия стресса. Мы живём в обществе потребления. Одни люди постоянно придумывают всё новые и новые потребности, а другие под воздействием рекламы эти искусственно внушённые потребности принимают за свои собственные и бездумно удовлетворяют. Любой бизнес начинается с идеи — найди, что ещё не продаётся, но может продаваться — и всё — дело уже в шляпе. Удачная задумка будет сытно кормить тебя всю жизнь. И это очень удобно, тебя нельзя назвать ни обманщиком, ни мошенником, — ведь любой обман рано или поздно раскрывается, а секрет бизнеса в том, чтобы никто и не заметил подвоха, это настоящее мастерство — продавать глиняные черепки по цене золота. В эпоху капитализма появилась и удивительно расплодилась особая каста дельцов — это своего рода художники обмана — люди, которые возвели стремление к наживе в ранг высокого искусства, которые неустанно ищут и находят новые способы обогащения, ещё более изящные и незаметные для тех, за счёт кого это обогащение происходит.

Эрн недоверчиво повёл плечиком.

— Но ведь тогда бессмыслица какая-то получается…

— Естественно. А как же иначе? Того, что действительно нужно людям недостаточно для обогащения всех желающих. Капитализм — это отлаженный механизм создания денег из ничего.

— Вот так что ли? — Эрн лукаво улыбнулся и положил одну ладонь поверх другой. Спустя мгновение, когда он вновь разделил ладони, в руке у него оказалась стопка банкнот.

Билл, оценив шутку, одобрительно усмехнулся.

— Ну… примерно… Ты только, смотри, не покупай ничего на эти деньги, а то ещё нарушишь, не дай Бог, баланс мировой экономики. Создашь капиталы, не подкреплённые ресурсами. Усилишь инфляцию, дестабилизируешь курсы валют… И всё, каюк.

Откуда-то издалека до Билла и Эрна доносились звуки музыки — крутили очень популярную композицию «Загадай желание»; не слишком сильный мягкий женский голос на фоне электронной музыки призывал быть смелее в своих мечтах…

Посередине просторного холла торгового комплекса стояла детская цепная карусель. Кассирша в будочке скучала, яркие сидения повисли подобно длинным серьгам этой неподвижно сидящей дамы — сиятельным воскресным утром, как ни странно, никто не желал кататься на карусели.

— Билл, а тебе не кажется, что ты иногда фальшивишь? — слегка язвительно отметил Эрн, — ты вот с таким пренебрежением высказываешься о капитализме, словно это наихудшее из зол, а сам при этом радостно пользуешься его благами: сидишь себе

спокойненько, ничего не производишь, работа у вас, у соглядатаев над колдунами, скажем прямо, не пыльная; причём, получая за неё неплохие деньги, ты не стремишься тут же раздать их нуждающимся, а тратишь в своё удовольствие. Почему?

— Да я и сам не понимаю, — ответил Билл, ничуть не смутившись, — Это, конечно, ни в коей мере не оправдывает моё бездействие, но просто невозможно, Эрн, всё, что по нашему мнению несовершенно, не исправить единым духом. Каждый из нас — лишь часть системы, малюсенькая шестерёнка огромного механизма, и моё отречение от всего, пусть даже оно искреннее, ничего не изменит.

— Так вот как, оказывается?! — злорадно сверкнул глазами Эрн. — «Я ничего не могу сделать, и потому буду тихонько сидеть со своими передовыми идеями в уголке». Так это называется? Это трусость. Или «Пока мне хорошо, зачем куда-то дёргаться?» Это эгоизм. Любая революция начинается с порыва. А с помощью одной правильной идеи заразить порывом общество может и один человек!

— Ах, ты — революционер!.. — Билл усмехнулся уголком губ. — Красиво ты говоришь — заразить порывом. Но тут есть один нюанс. Общество должно быть к этому готово. Все мировые революции созревали постепенно. Чтобы шагнуть на новый уровень, нужен переворот в общественном сознании. Кроме того, революция как таковая, на мой взгляд, и не нужна. Ведь капитализм сам по себе не плох, плоха та его форма, при которой останавливается развитие. А чтобы развитие не останавливалось, у капиталиста должно быть правильное сознание. Он должен думать в первую очередь не о личном благосостоянии, а об общественном благе, и постоянно улучшать качество результатов своего труда вне зависимости от величины получаемой прибыли. Одним словом, капиталист будущего должен осознавать бессмысленность бесконечного обогащения. Богатство, конечно, даёт человеку определённые возможности, это глупо отрицать, и ещё глупее осуждать тех, кто хочет расширить свои возможности путём увеличения материального благосостояния, но сознательное стремление к излишествам, именно к излишествам, всё же является порочным. Человеку много не надо. И в большинстве своем баснословно дорогие удовольствия «для элиты» либо просто являются ненужными, либо искусственно удорожены для того, чтобы богатые люди могли продемонстрировать друг другу свою покупательскую мощь. Я видел это, Эрн. Богатство в каком-то смысле вид спорта. Взять, к примеру, кафе «Жемчужина»… Согласись, даже самый лучший, пешком доставленный сюда со своей родины, с любовью обжаренный и вручную смолотый кофе не может стоить таких денег. Люди платят там просто за воздух. Вот это я и называю излишествами.

— И ты никогда не ходил в «Жемчужину с девушкой? — хитро прищурившись, спросил Эрн.

— Нет. Ну, её к чёрту. Я, конечно, могу себе это позволить, иногда, но я не могу допустить, чтобы кто-то благополучно наживался на воздухе. Это несправедливо по отношению к тем, кто копает траншеи, разрабатывает нефтяные месторождения в вечной мерзлоте или занимается сельскохозяйственным трудом на Оранжереях…

Билл оборвал фразу и прислушался.

— Аааа! Маааааама! Я хочу кататься на карусели! Аааaа! — маленькая девочка плакала и тащила за рукав молодую женщину к кассе аттракциона.

— Дорогая, не сегодня, пока у нас нет денег, с получки, на день рождения. Пойми, если приятное случается каждый день, то чувство радости притупляется…

— Ну, маааааааа… — завопила ещё громче девочка, запрокидывая голову.

Билл жестом пригласил Эрна следовать за ним. Приблизившись к молодой женщине, он осторожно тронул её за плечо.

— Вы отказываете ребёнку в воспитательных целях? — спросил он тихо.

— Ой, извините… — сконфузилась женщина, — она так громко кричит… Нет. Просто действительно аттракционы очень дорогие…

Ничего не говоря, Билл направился к расписной будочке возле карусели.

— Вот эта девочка, — объявил он кассирше, — пусть катается, пока ей не надоест. Спишите деньги с моего счёта.

Качнув своими массивными серьгами, кассирша удивлённо взглянула на него из-под круглых очков.

— Это волшебник! Добрый волшебник! — воскликнула девочка, захлопав в ладоши.

Эрн стоял в стороне, приоткрыв от удивления свой хорошенький ротик. Карусель завертелась — сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, цепочки поднялись, жёлтая юбочка счастливой девочки замелькала, развеваясь.

— Так я же, я же волшебник, — возмущённо зашептал Эрн, когда они с Биллом немного отошли.

— Как выяснилось, не только. Некоторые чудеса вполне доступны обывателю с парой лишних купюр в кармане, — ответил Билл с тонкой усмешкой.

Эрн казался немного растерянным. Он отвернулся и некоторое время бессмысленно смотрел на ближайшую витрину.

Почувствовав себя виноватым, Билл почти ласково тронул юношу за плечо.

— Ты что, обиделся?

Эрн молчал, отвернувшись. Стоя в двух шагах и глядя на его трогательный полудетский затылок, тонкую мальчишескую шейку в нежных светлых волосках, заострённые плечи, Билл снова почувствовал боль. Она кольнула его в самое сердце, неизбывная, вселенская, рождённая нежностью боль, заставила вздохнуть быстро и тяжело, горестно и сладко зажмуриться. Эрн снова, как и много раз до этого, напомнил ему Чарли. А потом яркой вспышкой пришло понимание. Билл догадался, что именно так задело чародея.

— У меня и в мыслях не было умалять твоё могущество, Исполнитель Желаний.

Эрн медленно обернулся и взглянул на Билла удивлённо.

— Ты и не смог бы… — произнёс он холодно, — я могу исполнить любое желание любого человека, и, значит, люди всегда будут искать меня, звать меня… И я всегда буду иметь над ними неограниченную власть.

— Ну не совсем, — мягко возразил Крайст, — я знаю как минимум одного человека, над которым ты не властен.

— Ну? — Эрн иронично поднял бровку. — Кто же этот герой?

— Я, — спокойно ответил Крайст.

Эрн смотрел на него снизу вверх. В его огромных глазах, словно самолёты во время воздушного боя, мелькали и боролись недоверие, досада и желание разозлиться.

— Ты не властен надо мной, — продолжал Билл, — но отнюдь не потому, что ты не всесилен. Упаси меня Бог это отрицать, ты ведь меня в порошок сотрёшь…

— Или по стенке размажу, — весело прибавил Эрн.

— Ты ведь исполнитель желаний так? И ты не властен надо мной по одной простой причине: я ничего не хочу.

В этот момент на другом конце огромного помещения показалась высокая фигура

Кирочки. Она шла сначала решительно вперёд, вероятно, узнав издалека силуэты Билла и Эрна, но потом спонтанно остановилась возле одной из витрин. Постояв несколько секунд, он вошла в торговый павильон.

— Что это с ней? Прежде она не выказывала симптомов шопомании… Пошли глянем. Вероятно, там действительно нечто интересное.

Билл двинулся по километровому коридору в направлении стеклянных дверей, за которыми исчезла Кира.

«Мы открылись!» — гласил баннер над входом в павильон, украшенный гирляндами коричневых бежевых и белых шаров, — «Магазин-музей фигурного шоколада. Добро пожаловать!»

Комично пожав плечами, Билл вошёл внутрь. Эрн последовал его примеру.

— Здравствуйте, — тут же помазала их благородным елеем сервиса маленькая продавщица в передничке и косынке.

Возле прилавка стояли два человека. Кирочка и высокий худощавый господин в безупречном деловом костюме, он ахал, охал, нервно теребил портфель и низко склонялся над витриной — словом вёл себя нетипично для посетителя шоколадной лавки.

Приблизившись, Эрн и Билл поняли, что он разговаривает с Кирочкой.

— Вы… вы даже представить не можете, что я сейчас чувствую… — говорил нервный господин, укладывая стопочкой на грудь свои большие ладони, — Столько лет я искал их! И теперь… Вот в таком виде… Это чудо, безусловно… Но довольно мерзкое чудо.

— Почему же? — Кира глядела на него заинтересованно.

— Я ис… искусствовед и этнограф, — запинаясь, начал Эдвард Боллтон, ибо господином в костюме был именно он, — я долгое время изучал культуру цивилизации джассари, расшифровывал их наскальные надписи в горных пещерах и на стенах развалин. Те знания, которыми я обладаю, дались мне очень нелегко, порою приходилось серьёзно рисковать ради них. Наука иногда требует очень больших жертв, подумайте сами, двоих из нашей экспедиции засыпало снегом и ледяными камнями в одной из древних пещер, они отдали свои жизни за несколько иероглифов, скопированных со стен, которых уже никому не дано увидеть. Информация бесценна, и я не поступлюсь ни единой крупицей её, после того как меня ограбили в аэропорту я ни на день не прекращал поисков этих статуэток, я подобно ищейке рыскал среди частных коллекционеров, надеясь напасть на след… Понимаете, в этом была вся моя жизнь! Вся жизнь!

— У меня дома есть целая коллекция таких фигурок, только они не шоколадные, — робко сообщила Кира, успокоительным жестом прикоснувшись к локтевому сгибу руки Боллтона.

Он очень уж разволновался. Часто моргая, этот измождённый человек, не отрываясь, глядел в витрину.

— Я могу отдать вам их, если это так необходимо, — не без тихого трепета гордости за своё детское увлечение продолжала Кирочка, — мне они не нужны совершенно…

— Что здесь происходит? — бесцеремонно вклинился в разговор Билл. Он облокотился на прилавок и пытливо взглянул на продавщицу.

— Ну… покажите уже нам какие-нибудь… Шоколадки.

Крайст, зараза, действовал на женщин гипнотически. Продавщица сначала застыла, любуясь точно морем с обрыва пропастью его синющих глаз, потом покраснела, засуетилась, и, теребя передник, начала рассказывать.

— Они изготовлены из превосходного натурального шоколада, — она приоткрыла витрину и с готовностью выставила на прилавок точёные глянцевые копии фигурок Гая Иверри — настоящие произведения кулинарного искусства.

— Это действительно они… — зачарованно проговорил Боллтон.

— Да, — выдохнула, любуясь, Кирочка.

— Тут применено художественное кондитерское литьё. Переходы цвета обеспечиваются за счёт сочетания разных сортов шоколада — тёмного, молочного, белого, с добавлением кофе и орехового экстракта… — продолжала продавщица, — такая фигурка может стать прекрасным подарком для ваших друзей и знакомых…

— Вкусные ли они?

— Не знаю, — пролепетала несчастная продавщица, опустив взор, Крайст, по-видимому, невероятно её смущал, — не пробовала. Это вроде больше искусство, чем еда…

— Почему тогда из шоколада сделано, если есть нельзя? Могли и из пластилина вылепить, — не унимался Крайст. На лице у него играла довольная улыбка.

Кирочка отвернулась. Разыгрывающаяся сцена начала её раздражать.

— Есть можно, почему же… — краснея и как будто оправдываясь, говорила продавщица. Она, вероятно, принимала Крайста всерьёз, не ведая от том, что делать это совершенно не желательно.

— Вот эта мне больше всех нравится, — он бесцеремонно сгрёб в широкую ладонь «мальчика с дудочкой», и безо всякого уважения к искусству махом откусил ему голову.

Боллтон вздрогнул. Кирочка гадливо поморщилась.

— Ммммм… Неплохо. — промычал Крайст с набитым ртом.

Кирочкины чувства трудно было описать. До сих пор она помнила тот отчаянный восторженный трепет, что внушила ей давным-давно именно эта статуэтка. Даже взрослым людям порой трудно принять столь резкое несоответствие между собственным и чужим восприятием какого-либо предмета.

— Ты что делаешь? — Кирочкино праведное возмущение прорвалось наружу, — зачем ты его съел?

— Гляди, тут их сколько, — Крайст, жуя, указал ей на витрину, где стояли рядком отлитые из превосходного ароматного шоколада точно такие же «мальчики» разных оттенков и размеров.

— Но… как ты не понимаешь… — растерянно пробормотала Кирочка, — есть его — это же осквернение самой идеи…

— Не думаю, — промолвил Билл и снова вонзил белоснежные зубы в остатки статуэтки, — идеи, они тем и хороши, что не портятся, не исчезают и не обижаются.

— Информация бессмертна, — тихо добавил Эрн.

Боллтон взглянул на него недоумённо.

— На Земле было такое количество сгинувших цивилизаций, что мы и представить себе не можем! Лишь малая часть сведений о некоторых из них дошла до наших дней. А многие канули в забвение, не оставив после себя ничего. Вы оптимист, молодой человек, если солнце, к примеру, взорвётся, наша цивилизация вымрет, мы все сгорим в его пламени, и, поверьте, ни одна крупица наших знаний не может быть спасена! Погибнут все достижения нашей культуры…

Эрн пожал плечами.

— Все идеи возвращаются. Рано или поздно. И если потом, когда-нибудь, где-нибудь в

далёких галактиках возникнет разумная жизнь, они будут думать о том же, о чём думаем мы…

— Даже если они будут существовать в виде мыслящих сгустков плазмы? — поинтересовался Крайст.

— Если они будут обладать разумом, — ответил Эрн, — всяко они однажды зададутся вопросом о своём возникновении… Кто их создал? И зачем?

6

Кирочка, поднатужившись, спустила со шкафа увесистую пыльную коробку со статуэтками. Она так и не собралась их выбросить, как выяснилось теперь, и слава богу.

— Вот они, доктор Боллтон, — объявила она, просияв лицом.

Охваченный нетерпением искусствовед дрожащими руками снял с коробки пушистую от пыли крышку и бережно вынул одну из фигурок. От волнения в его маленьких подслеповатых глазах сверкнули плёнки слёз.

— Боже, как долго я искал их… Это фигурки жриц племени джассари, они занимались науками, — взволнованно бормотал он, поглаживая холодный плотный материал, в руках у него была девушка с шаром, — вот эта статуэтка символизирует географию, шар — наша земля, а эта, — он взял в руки девушку с листком на ладони — биология…

Девушка с двумя зеркалами оказалась историей, а красавица со шкатулкой — математикой. Боллтон говорил и говорил, трепетно вкладывая в сознания новых слушателей свою драгоценную науку, добытую трудом и кровью…

— А эта статуэтка что обозначает? — тихо спросила Кирочка, указав ему на сиамских близнецов-девочек, на подставке которых неизвестной рукой нацарапано было слово «судьба»…

— Единство всех наук перед лицом Хаоса, — Ответил он не задумываясь. — Хаос, согласно учению древних, есть невежество…

Искусствовед извлёк из кармана пиджака малюсенькую лупу в пластиковой раме и стал медленно водить ею по поверхности фигурки, которую держал в руках.

— Это всего лишь копия, — разочарованно молвил он через минуту, — статуэтки сделаны были из древесины давно вымершей пальмы, обработанной составом из смеси эфирных масел, секрет изготовления которой ныне утрачен. В ледниковых массивах подземного города статуэтки пролежали больше пяти, а то и десяти тысяч лет. Их сохранность можно назвать настоящим чудом. Не исключено, что они были защищены от тления волшебством, впрочем, официальная наука такое предположение отвергает… — Боллтон убрал лупу, — Удивительно, но нам так и не удалось установить причину гибели цивилизации джассари. Нигде не было обнаружено окаменелых останков. Такое ощущение, что они просто ушли. Построили космические корабли, поднялись в небо и улетели прочь, оставив Земле свои загадки и пустые прекрасные храмы… На стене одного из них, мы не смогли скопировать, оно огромно и в некоторых местах повреждено, было найдено мозаичное панно, там очень большая вероятность обвала, мы не стали рисковать после гибели товарищей. На этом панно запечатлён чертёж какого-то устройства, один из моих коллег, по первому образованию физик, предположил, что это — сверхмощный излучатель неизвестного вида энергии… Основа двигателя для космического корабля, способного пересекать Вселенную за долю мгновения…

— Мне жаль, что я разочаровала вас, профессор, — сказала Кирочка, — я покупала их на рынке у одной женщины, которая брала их от мастера…

— Какое невежество! — всплеснул руками Боллтон, — продавать на рынке вещи, не имеющие цены!

— Ну, они же не знали, — робко попыталась Кирочка защитить пожилую торговку, — я ведь тоже ничего не знала, до встречи с вами для меня это были просто «фигурки ведьм»…

— Ведьм? — Боллтон сокрушённо замотал головой… — Боже мой… Сколько беспомощных домыслов рождает недостаток информации…

— А где же мальчик? Тот, которого Крайст съел? — спросил, разглядывая статуэтки, Эрн, — Его тут нет…

— Мальчика не должно быть, — нахмурился Боллтон, — все фигурки джассари изображали женщин…

— Мастер, который их копировал, всё-таки гений, — задумчиво проговорила Кирочка, — он умудрился увидеть в чужом творчестве нечто настолько неожиданное… что оно положило начало новому творчеству. Я думаю, он сделал мальчика с дудочкой, вдохновившись вашей коллекцией, господин профессор.

— Помнишь, ты рассказывала мне парадокс про пожар в музее, только я забыл к чему, — сказал Эрн, — кого же в итоге спасать, кошку или великую картину? Одушевлённую материю или увековеченную информацию? Большинство людей не задумывается о ценности творчества. Они живут, и материальная жизнь для них наивысшая ценность. Кошки все живые, все, конечно, твари божьи, но они по сути одинаковые, пусть каждая из них уникальна, но все они несут одну и ту же глобальную идею… Нет никакой разницы, именно та или другая кошка перебежит дорогу. Материальная жизнь в каком-то смысле неполноценна. Это — великая иллюзия человека, что он может продолжится в своих детях, дети — самостоятельные люди, каждый из которых проживёт собственную жизнь, и, скорее всего, не такую, как ожидают родители; человек может продолжить себя самого лишь в созданной им информации, только она глубоко индивидуальна, неповторима и способна показать другим то, что жило у этого человека внутри…

— Я бы однозначно спас картину, — сгребая со стола ящик со статуэтками, с горячностью провозгласил Боллтон.

глава 9

1

— Знаешь, Крайст, — призналась Кира, когда они взяли по чашке кофе во время пересменки, — у меня ведь было не слишком счастливое детство, можно сказать, даже мрачное. Ты помнишь, я кое-что тебе рассказывала. Но… Едва я пришла на службу в Особое Подразделение, всё каким-то загадочным образом переменилось… Трудно даже подобрать подходящее сравнение — будто бы я заснула однажды и до сих пор сплю… Подростком я часто воображала себе, особенно когда у меня были какие-нибудь неприятности, или просто очень грустно делалось, что я просто заснула на самом первом уроке в первом классе, и вот сейчас учительница подойдёт, потреплет меня по плечу, и я проснусь, проснусь и начну всё с начала, всё изменю, сделаю по новому, гораздо лучше… Теперь же мне совсем не хочется просыпаться. Порой я чувствую себя такой счастливой, что просто дух захватывает. Даже страшно иногда становится… И вот что я подумала: может, это после визита на озеро Жум-Нэ? Ты слышал что-нибудь об его радужных туманах?

— Что-то такое было… Но ведь это, вроде как, выдумки. Легенда для туристов.

— Почему же мне они помогли?

— Тебе просто удалось в силу туманов поверить в достаточной степени. Вера — великая штука.

— Давай как-нибудь поедем туда, Крайст. Может, ты их тоже увидишь…

— Зачем?

— Ну, станешь счастливым… — Кирочку немного задела столь равнодушная реакция на такое, казалось бы, заманчивое предложение.

— Я и так счастлив, — заявил Крайст, сверкнув киношно белоснежными зубами, — это исключительно субъективное понятие — счастье — оно не имеет ничего общего ни с комфортом существования, ни с наличием или отсутствием каких-либо определённых вещей в жизни. Гипотетически, человек может спать на угольях и быть при этом невероятно счастливым. А другие могут только примеривать чужую ситуацию на себя и делать умозрительные выводы. Я знавал одну женщину, которая постоянно советовала своей лучшей подруге развестись с мужем. Она считала, что подруга в этом браке несчастлива, и ей определённо нужен другой мужчина.

— И что же, подруга развелась?

— Ну, нет, конечно же. Её-то собственная жизнь вполне устраивала. Странная это всё-таки штука — счастье. Есть по этому поводу одна притча, не помню уже, от кого я её услышал… О дыне, мухе и прекрасной бабочке. Итак…

В южных краях, где очень хорошо, и жизнь составляют сплошные удовольствия, катилось жаркое лето. Лежали рядом на солнышке ломтик великолепной сочной сладкой дыни и навозный шарик. Летела мимо муха.

«Ах, какая красивая муха, — восхитилась дыня, — я полюбила эту муху, я хочу, чтобы она на меня села!»

Но муха не почтила своим вниманием дыню и опустилась на соседствовавший с нею навозный шарик. Приревновала дыня:

«Ах ты гадкая, гнусная муха! Совсем что ли дура? Неужто не видишь? Оно-то говно, а я

дыня! Гляди, какая я сочная и сладкая, медовая… Ну, дура!

Но муха осталась равнодушной. Она немного посидела на навозном шарике и улетела.

Некоторое время спустя откуда-то прилетела прекрасная бабочка. Она плавно покружилась над дыней и присела на неё.

«Вообще-то я лежу и жду муху, — обиделась дыня, — тебе чего тут надо? Я хочу, чтобы на меня села именно муха. Убирайся прочь!»

Бабочка, наверное, почувствовала презрение дыни. Она пошевелила яркими тонкими крылышками, вспорхнула и улетела.

Дыня долго лежала на солнце одна и загнила.

«Ах, я несчастная! — причитала она, — источая вместо восхитительного медового аромата скверную вонь, — и зачем я прогнала прочь ту милую бабочку? Никто ко мне больше, к такой ужасной, не прилетит. Я полюбила бабочку! Дорогая бабочка, вернись!»

И тогда откуда-то опять прилетела муха. Она наконец-то села на гнилую склизкую дыню. Но и тут дыня не обрадовалась, ибо знала уже, что на свете есть прекрасные бабочки.

Дыня лежала на солнце ещё очень долго, покуда не высохла, превратившись в маленький бурый комочек. В её короткой жизни вроде бы было всё, но она ни минуты почему-то не была счастлива…

Вот такая история.

2

Кирочка, однако, не изменила своего намерения съездить на озеро Жум-Нэ снова. Посещение мест, где человек когда-то испытывал сильные чувства, приобретает особое значение по прошествии времени, возвращение туда невольно воскрешает в душе переживания прошлого, Кирочка безотчётно тосковала о том далёком лете, о беззаботной и самоотверженной дружбе с Аль-Марой, даже о своей первой наивной страсти к Эрмесу, которую ей так и не суждено было утолить…

Сначала она планировала только взглянуть на озеро и тут же ехать обратно, но, захваченная воспоминаниями, не смогла побороть в себе желание проведать старых знакомых — величественных жриц, Агею и Магатею, красавца Эрмеса, Асана… Как они живут теперь?

Кирочка, разумеется, тревожилась, что её визит жителям загадочного лагеря в лесу покажется неожиданным вторжением любопытного чужака, и они, дай бог, если стерпят её присутствие с постными лицами, но уж точно не будут рады — Кирочка помнила, с каким недоверием обитатели живописной сказки относятся к тем, кто «вне игры». Но, невзирая ни на что, она решилась заглянуть — её подстёгивала лёгкая досада на потраченный бензин, не ради того же она израсходовала полный бак, чтобы выкурить пару сигарет на берегу самого обыкновенного, с точки зрения здравого смысла, лесного озера.

Не без труда Кирочка отыскала тропинку, которая когда-то вывела их с Аль-Марой и Асаном к палаточному городку.

«Хотя бы издали погляжу, якобы я тут просто так, грибы собираю, — решила она, — справляться ни о чём не буду, вдруг там, чего доброго, не окажется никого из моих знакомых».

Кирочка с детства боялась прийти в какое-нибудь место, про которое она точно знала, что там обнаружит, и не обнаружить этого. Незадолго до поступления на Службу с нею именно так и произошло. Кирочка в тот день с трудом отыскала офис одной небольшой фирмы, куда хотела устроиться на работу — адрес был напечатан в объявлении. Это

оказалось на окраине города, за территорией заброшенного завода, которую нужно было пройти насквозь по пыльной извилистой дороге, а когда Кирочка, наконец, всеми правдами и неправдами добралась до места, пережив нападение стаи собак и недобрые взгляды каких-то мужчин с лопатами, она упёрлась в запертую дверь, к которой было прилеплено объявление, что искомая фирма переехала неделю назад и находится теперь совершенно по другому адресу. Решив, что это досадное недоразумение — знак судьбы, Кирочка передумала тогда устраиваться в фирму.

Лагерь, однако, оказался на месте. Кирочка некоторое время наблюдала за течением его жизни с вершины небольшого холма, а когда ей показалось, что она приметила знакомую фигуру, это придало ей решимости, и она направилась по тропинке вниз, туда, где гостеприимно трещали костры и жались друг к другу засыпанные сверху мхом брезентовые палатки.

Кирочка не ошиблась. Юноша, которого она признала издалека, действительно был Асан. Он сосредоточенно подметал веником из прутьев плотную чёрную землю между палатками, сгребая в кучу разнородный мусор — окурки, хвоинки, сухие листья.

— Здравствуй, — нерешительно обратилась к нему Кира, — помнишь меня?

Асан поднял голову, между бровей его появилась напряжённая складочка.

— Боюсь, что нет, — ответил он сдержанно.

— Совсем не помнишь? — огорчилась она, — со мной была ещё подруга, полненькая такая, с пышными волосами, — Кирочка показала руками внушительный шар вокруг головы, предназначенный проиллюстрировать её слова, — вы с приятелем встретили нас в лесу…

Асан взглянул на неё строго и, как ей показалось, даже враждебно. «Может, у них правила такие? Специально "не узнавать" чужих, чтобы они никогда не возвращались?» — подумала Кирочка с неприятным чувством.

Асан как ни в чём не бывало снова взялся за веник и продолжил подметать. И тогда Кирочку осенило. Она подумала о голубом переливающемся браслете, который Аль-Мара оставила на столе в своей комнате перед тем, как уйти в море… Кирочка забрала его тогда на память и с тех пор носила в сумке, как талисман. Вообще она не особенно верила в силу талисманов, оберегов и всякой подобной атрибутики, но вот именно сейчас представился случай, когда браслет действительно мог ей помочь.

Она достала его.

Асан вздрогнул.

— Откуда это у тебя? — спросил он взволнованным голосом.

Кирочка кратко рассказала ему историю своей подруги.

Асан выслушал её в почтительном молчании, потом неожиданно протянул руку и взял браслет. Он довольно долго вертел его, внимательно разглядывая со всех сторон, и затем, возвращая украшение Кирочке, сказал совсем тихо:

— И правда мой.

А через несколько мгновений пояснил:

— Там в одном месте едва заметная трещинка была… Я помню.

Он снова взглянул на Киру, но теперь лицо его совершенно преобразилось — в его выражении появилась сердечная теплота.

— Идём к огню, — пригласил Асан, — хоть чаю попьёшь…

Присев на брёвнышко возле обширного кострища, Кирочка стала оглядываться по сторонам, в надежде увидеть знакомые лица. Асан хлопотал с закопчённым чайником и

хворостом для костра. Всё здесь было устроено удивительно просто и уютно; на Кирочку снизошло сладостное умиротворение, словно она пришла в дом старых друзей, справа и слева к ней на брёвнышко подсели какие-то абсолютно незнакомые молоденькие девушки — она улыбнулась им с искренней симпатией.

Получив от Асана тёплую чашку с чаем, Кирочка продолжила наблюдать. Из шатра вышел статный молодой мужчина. Одет он был во всё чёрное — в балахон с остроконечным капюшоном и узкие брюки — и вел за руку белокурую девочку лет трёх в длинном розовом платьице, подпоясанном выше талии слишком роскошным для ребёнка, как показалось Кирочке, кожаным ремешком.

Мужчина повернул голову, и со сложным чувством, одновременно щемящим и радостным, она узнала в нём Эрмеса.

Кирочка замерла, грустное очарование недоступным вновь овладело ею с такой же силой, как и годы тому назад, она отметила, что Эрмес стал ещё прекраснее, изящная худоба заострила благородные черты его лица, а отпечаток какой-то нездешней неутолимой печали одухотворил его — Кирочка любовалась, затаив дыхание, жаль, всего несколько мгновений — Эрмес отвернулся, и капюшон вновь скрыл от неё его прямо-таки лучезарную красоту.

— Это он? — спросила она тихо у Асана, протягивающего ей глиняную чашку с дымящимся чаем.

Он кивнул и тут же с необъяснимо грубоватой поспешностью добавил:

— Только не подходи к нему, не вздумай говорить с ним, и ни в коем случае не дотрагивайся.

— Почему? — удивилась она.

— Эрмес остался так называемым «чёрным вдовцом». Он был последним мужчиной верховной жрицы. Это священно. Ни одна женщина не имеет права прикасаться к нему.

— А эта маленькая девочка? — спросила Кира с возрастающим любопытством.

— Она его дочь.

Эрмес тем временем присел на корточки перед девочкой и, взяв её за обе ручки, стал что-то говорить, глядя на малышку с глубокой нежностью.

— Что же Магатея?.. Она поступила так, как богиня велит своим жрицам? — спросила Кирочка, ощутив пробежавший по пальцам холодок.

— Она умерла вскоре после родов, — тихо ответил Асан, — шутка ли, произвести на свет дитя в пятьдесят лет, да ещё и без медицинского наблюдения.

— Но почему? — ужаснулась Кирочка.

— Таков обычай. Жрицам запрещено прибегать к помощи врачей, выполняя своё великое женское предназначение. Ибо согласно их верованиям только великая богиня может решать, кому жить, а кому умереть…

— Бедный Эрмес… — пробормотала Кирочка.

— Почему ты сожалеешь о нём? — спросил Асан строго, — У нас нет на это никакого права. Ведь он сам выбрал свою судьбу. Роль «чёрного вдовца» — своего рода духовное подвижничество, она почётна, и достойна с точки зрения очень многих благоговения, а не жалости.

— Каждый волен верить по-своему, — пробормотала Кирочка растерянно, и, поспешно поблагодарив за чай, встала и отправилась восвояси.

3

В голубоватом полумраке комнаты размеренно тикали часы. Стрелки, отбрасывая тени,

показывали четверть пятого. Эрн крепко спал. Лейтенант Лунь с книгой сидела за столом, неся возле него свой уже привычный дозор.

Ни с того ни с сего ей захотелось выпить бокал ледяного вина. Это желание было несколько странным, неожиданным и невероятно сильным — непреодолимым — как будто вовсе не её собственным… Оно насторожило и слегка раздосадовало Кирочку. «Вот бы быть Эрном…» — подумала она лениво, — «Только успел подумать, и вот он, бокал, на столе…» А ей нужно вставать, идти, пусть всего с десяток шагов, но идти, открывать холодильник, брать с полочки на дверце на глазах запотевающую бутылку, вынимать пробку и терпеливо наполнять тонконогий бокал, наблюдая, как бордовая струя, обволакивая прозрачные кубики льда, рождает на их границах плавные розовые оттенки…

Кирочка вздохнула, потянулась и направилась на кухню. Окно она и не подумала закрыть — разве только человек-насекомое из известного мультсериала, который смотрел Эрн, смог бы в него проникнуть. Лёгкий стук рамы не насторожил её — это ветер, кто ж ещё? Кирочка распахнула холодильник и, не торопясь, налила себе превосходного сладкого муската. Ровные прямоугольные льдинки, как большие корабли, деловито покачивались на поверхности мифического кровавого моря… Кирочка бережно водворила бутылку на место. Саш Астерс был, однако, знатоком. Она так никогда бы и не узнала, что такое вино, если бы не он; исчезнув навсегда, этот мужчина оставил после себя наследие — её умение наслаждаться вкусом. Сделав первый, самый насыщенный и ароматный глоток, стоя, Кирочка вернулась в комнату.

Каков же был её удивлённый ужас, когда, войдя с бокалом, она обнаружила пустую постель — кто-то, по всей видимости, летучий, выкрал Эрна оттуда прямо вместе с одеялом! Это же надо было так позорно всё проморгать! А она ещё в будущем году смела надеяться на повышение… Похищение, организованное проще чем яичница-глазунья: внезапное очень сильное желание, и младенец понял бы, что внушенное, тихий стук оконной рамы… Неизвестный маг, бесшумно приземлившись на подоконник, спрыгнул вниз, умудрившись не сделать шума, вихрем пронёсся по комнате, схватил спящего Эрна в охапку и исчез в неизвестном направлении!

Дрожащими руками Кирочка набрала Крайста.

— Ну, что там у тебя? — раздался через секунду голос, немного сонный, но всегда действующий успокоительно, — Ясно, сейчас приеду, — разочарованно простившись с перспективой досмотреть сон, выдохнул Билл, выслушав её испуганные путаные объяснения.

4

Эрн открыл глаза.

Над головой обнаружились совершенно незнакомый мозаичный потолок и незнакомая старинная люстра. Худой бледнолицый человек с длинными, ниже пояса, чёрными волосами сидел подле его постели.

— Эээ… Что это за место? Кто ты такой? Где… где Кира? — юный колдун резко сел на постели, испуганно прижав к груди старенькое мягкое одеяло — единственный узнаваемый предмет.

— Я твой повелитель, — гордо заявил человек, медленно повернув к нему своё страшное угловатое синюшно бледное лицо. Глаза у этого неизвестного были совсем чёрными — в них невозможно было различить границ между радужной оболочкой и зрачком.

Эрн, по шейку замотавшись в верное одеяло, предусмотрительно отполз к

противоположному краю кровати. Он был настолько сильно напуган, что мысль немедленно превратить наглеца в фарш, даже не возникла в его хорошенькой головке.

— Ты будешь обращаться ко мне — господин Теодор, — продолжал страшный человек; чёрные прямые волосы, свисающие по обеим сторонам лица неподвижными сосульками, делали это лицо ещё уже и бледнее, — я следил за тобой почти с самого твоего рождения, Исполнитель Желаний, я выжидал, наблюдая за всей этой мышиной вознёй, вокруг тебя завертевшейся, я был, тих как кошка в засаде, и вот теперь мой час настал…

— Отпустите меня, пожалуйста… — безо всякой надежды, горестно прошептал Эрн.

— Отпустить? — человек сверкнул смоляными каплями своих глаз, хищно улыбнулся тонким змеиным ртом, — Да в своём ли ты уме?.. Всю свою жизнь я ждал этого момента — возможности загадать любое желание и тут же насладиться его осуществлением. И теперь ты предлагаешь мне тебя отпустить?

— Ну, прошу вас… Я сделаю всё, что вы хотите…

— Да ты прям как золотая рыбка! — воскликнул с коротким смешком бледнолицый Теодор, — отпусти меня в синее море! — Он передразнил певучую интонацию героини всем известной сказки, — И не надейся! Не пущу. Покуда мне не наскучат все возможные в материальном мире удовольствия. Значит так…

Поудобнее устроившись на стуле, закинув ногу на ногу, Теодор начал перечислять:

— Хочу много денег, конечно, без них какая жизнь; хочу, короче, такой шкаф с деньгами, чтобы они там никогда не кончались, взял всё что есть, дверцу закрыл, открыл опять — шкаф снова полный, понял? Хочу женщин много, и чтобы все они красивые были и с ума по мне сходили… Хочу… а что ещё для счастья человеку надо? Почёта хочу. Пусть все, завидев меня, кланяются… Ну, это уже так, третье желание, для прикола, первые два, по-моему, исчерпывающие…

— И только? Всех земных благ для вас одного? — молвил Эрн, удивлённо приподняв бровки. — Да для меня это проще, чем пальцами щёлкнуть… — юный колдун на мгновение прикрыл глаза и что-то прошептал, — Наслаждайтесь, господин Теодор!

Мгновение спустя дверь отворилась и в комнату, радостно сверкая глазами, влетела молодая длинноногая спортивная девушка.

— Вы здесь, властитель моих дум! — воскликнула она восторженно, — Позвольте покорно припасть к вашей руке! Поцеловать край вашей одежды!

Теодор поднялся со своего места и поприветствовал вошедшую самодовольной улыбкой.

Вслед за первой девушкой в дверях возникла вторая, затем третья, четвёртая… пятая… Все они были как на подбор: рослые, стройные, атлетичные. Рассыпаясь в похвалах, протягивая вперёд руки, они теснили Теодора к стене; гостеприимная улыбка на его лице постепенно приняла застывший напряжённый вид…

— Ооооо… Наше божество! Счастье всей нашей жизни! Свет очей! — вопили, устремляясь к резко охладевшему Теодору девушки, которых набилось в небольшую комнату уже порядка полусотни.

Он не нашёл иного выхода кроме как спасаться бегством через окно. Разумеется, все красавицы, одержимые обожанием, с восторженным визгом хлынули следом.

— Что здесь произошло? — едва последняя поклонница господина Теодора успела сигануть с подоконника, порог переступил удивлённый Билл Крайст с антимагическими наручниками наготове. Из-за его плеча осторожно выглядывала Кирочка.

— Вы пришли меня спасать? — не вылезая из постели, немного едко осведомился

Эрн. — Вы чуть-чуть опоздали…

— Где похититель? — воскликнула, озираясь, лейтенант Лунь, — Что ты с ним сделал? Ты убил его?

— Нет, я просто дал ему всё, чего он просил.

— Да ты изощрённо жестокий мститель, чувак… — уважительно протянул Крайст, наблюдая в окно за беднягой Теодором, который, спотыкаясь, путаясь в своей длинной чёрной одежде, в панике улепётывал по пустынному предутреннему тротуару от преследующих его по пятам влюблённых красавиц.

— Да нет, просто люди иногда сами не понимают, чего они хотят…

5

— У Тома скоро день рождения, — сказал Эрн, как показалось Кирочке, с лёгкой грустью.

Юный чародей сидел на парковой скамейке, на ногах у него надеты были ролики.

— Я бы очень хотел повидать своих друзей.

Кирочка нахмурилась.

— Вполне понятное желание, — она сделала паузу, обдумывая, как лучше обрисовать Эрну сложившуюся ситуацию, чтобы не травмировать его, — ты страдаешь без общения со сверстниками, это очевидно, но, согласись, ты ведь не совсем обычный подросток. Твоя сила за последний год ощутимо возросла… Если она в очередной раз проявится при свидетелях или причинит какие-нибудь разрушения…

Не дослушав, Эрн рывком поднялся со скамейки и легко покатил по заасфальтированной аллее. Кирочке пришлось последовать за ним — чем бы он ни занимался, она должна была обеспечивать его безопасность.

Каждый день они вместе ходили в школу. Кирочка уже привыкла к любопытным требовательным взглядам, то и дело вонзающимся подобно дротикам в её спину. Кто она? Старшая сестра? Няня? Невероятно молодая мать? Как будто спрашивали все эти глаза. И почему она ни на минуту не оставляет Эрна? Пока шли уроки, Кирочка скучала, сидя в фойе возле входа в класс, читала книгу с планшета или играла в дурацкую игру — перемещала на экране пальцами цветные шарики, чтобы собрать целый ряд одного цвета. Во время переменок она тоже старалась держаться неподалеку. Эрн по настоянию своей необычной охраны в новой школе почти ни с кем не общался близко: «привет», «пока», «как у тебя?» «у меня тоже нормально» — весь разговор. И гулять он ходил только вместе с Крайстом или с Кирочкой.

— Назад! Назад! — прокричала она, решив, что юный колдун уехал слишком далеко, — Давай ко мне!

Эрн, ловко развернувшись прямо на ходу, проехал небольшое расстояние спиной вперёд, затем остановился и начал движение по направлению к Кирочке. Когда он проезжал мимо, она заметила тень обиды на его прекрасном лице.

— Это не жизнь, а прямо ад какой-то… — молвил подросток недовольно, снова разворачиваясь, — даже разогнаться нормально нельзя… И на день рождения к другу не пойти, и вообще мне постоянно указывают, что делать, и ни на минуту не оставляют в покое! Сортир — единственное место, где я могу побыть один. Куда это годится?

Проехав несколько метров, он опять плюхнулся на скамейку. Кирочка, шедшая за ним быстрым шагом, тоже остановилась. Его последние слова вызвали отклик в её душе — она от всей души посочувствовала Эрну — действительно, участь у него не самая завидная, его

ровесники дружат, встречаются, гуляют по вечерам, шёпотом обсуждают, кто кому нравится, держатся за руки, робко познают первые поцелуи… А он? Бедняга вынужден постоянно находиться под присмотром взрослых соглядатаев, они его единственная компания, они заменяют ему друзей; да, конечно, Кирочка с Крайстом стараются делать всё для того, чтобы Эрн не скучал, чтобы ему было комфортно в их обществе… только разве это возможно?

Насупившись, Эрн сидел на скамейке, вращая вокруг запястья браслет, который он недавно сплёл сам из маленьких цветных резиночек — все его увлечения поощрялись, ему покупались краски, фломастеры, глина для лепки и даже наборы для вышивания… С ним гуляли везде, где он хотел. Но, разумеется, подросток всё равно скучал.

Глядя на него, Кирочка вздохнула. Вероятно, и его влюблённость в неё — тоже следствие изоляции от мира ровесников, как же иначе? Ведь, по сути, она, Кира, сейчас единственное женское существо в его окружении; ему шестнадцать — в этом возрасте живительная энергия любви так и прёт из юношей и девушек, они готовы влюбляться во всё, что оказывается под руками…

Кирочка села рядом с Эрном на скамейку.

— Весь кайф от катания на роликах пропадает! — вскипел он, — Понимаешь, нужно разгоняться сильно-сильно, так, чтобы волосы и футболка летели назад, ветер свистел в ушах, чтобы было ощущение, будто ты сейчас взлетишь, знаешь… А от того, что нужно всё время быть около тебя… Научилась бы и ты на роликах кататься, что ли…

— Прости, пожалуйста, — сказала Кира совершенно искренне.

Они посидели молча. Потом она купила для Эрна в курсирующем туда-обратно по парковой аллее мобильном торговом автомате мороженое и колу.

— Ты можешь летать?

Он пожал плечами.

— Не знаю, не пробовал… Но, думается, могу…

— Зачем тогда тебе это чувство… ну, на роликах, как будто бы ты летишь? Если бы я умела летать по-настоящему… вряд ли мне были бы тогда интересны какие-либо суррогаты…

— Вот видишь, ты не понимаешь, — он печально взглянул на неё сквозь упавшую чёлку, — именно ощущение иллюзии полёта дорого для меня, только так я могу снова побыть самым обыкновенным подростком, забыть на миг о том, кто я, где я… Когда я изо всех сил разгоняюсь и еду, раскинув руки, мне кажется, что всё по-прежнему, так, как было два года назад, с Томми…

— Знаешь, — сказала Кира сочувственно, — я думаю, что ничего страшного не случится, если ты придешь к нему на праздник. Я посоветуюсь с Крайстом, и мы как-нибудь это устроим. Обещаю.

6

— С днём Рождения! — улыбаясь немного нервно и радостно, Эрн протянул Томми широкий браслет сплетённый им накануне из ярких цветных резиночек. Его пухлый приятель очень сильно и неожиданно переменился, как всегда случается с людьми, с которыми долго не видишься, и юный чародей испытывал чувство, будто он снова знакомится с этим теперь высоким, заметно постройневшим и, надо признать, возмужавшим парнем.

— Спасибо, — сказал Томми.

Голос у него стал совсем взрослый, низкий, он протянул Эрну для приветствия руку и

по-мужски крепко стиснул хрупкие пальчики. Подумать только! Когда-то у хиленького чародея поворачивался язык дразнить этого верзилу!

Рядом с Томми стояла Хильда. Она тоже немного подросла, повзрослела лицом, причёской, манерами, сделавшись почти хорошенькой. У неё наметилась грудь, округлились бёдра и икры, она уже не носила своих смешных косичек врастопырку, и коленки у неё больше не были в ссадинах от вечного лазания по деревьям и через заборы.

Мама Томми накрыла в его комнате праздничный стол с чаем, воздушным зефиром, глазированными орешками и мороженым.

Эрн по большей части молчал, стыдясь того, что ему нечего рассказать друзьям; некогда так жаждавшему общества сверстников, теперь ему хотелось поскорее уйти, он отвык существовать с ними на одной волне и чувствовал себя не в своей тарелке. После чая сели смотреть пиратскую версию недавно вышедшего фильма, Томми с Хильдой устроились рядышком, Эрн — особняком, на другом краю дивана. Юный чародей с грустной завистью наблюдал, как во время просмотра приятель осторожно гладит девчонку по спине, а она прижимается к нему ещё теснее и склоняет голову на плечо… Сердце его сладко и больно сжалось, затосковав о неведомом, он уже не следил за тем, что происходило на экране, скользил взглядом по стенам в комнате Томми, вспоминал свои плакаты, игрушки, книги в квартире Дирка, тихо вздыхая о тех временах, когда он был ребёнком…

Когда стали прощаться, Томми отвёл Эрна в сторону:

— Спасибо тебе, даже не знаю, как сказать, — начал он, трогательно пряча глаза, — благодаря твоему исчезновению мы с Хильдой… — он на секунду замялся, — …узнали друг друга ближе… Мы отправились спасать тебя, а в итоге…

Конопатая девчонка стояла неподалёку, гордо и влюблённо глядя на Томми.

— Не за что, — пробормотал Эрн с лёгкой печальной улыбкой, он в этот миг ещё острее ощутил своё одиночество и невозможность жить обыкновенной жизнью обыкновенного подростка, — я Исполнитель Желаний, и устраивать чужое счастье — всего лишь одно из моих свойств.

7

— Это последние заявления, взгляни, — Крайст протянул Кирочке стопку скреплённых друг с другом уголками листов.

Она зашелестела бумагой.

— «Ограбление банка с использованием гипноза», банально, справимся в пять минут, «наложение проклятия из ревности с привлечением третьих лиц» — и того проще, «приготовление дурманящих настоек и использование их с целью совершения мошенничества»… — Она пробежала глазами ещё несколько страниц, — О! А вот это уже поинтереснее, «составление и распространение собственного религиозного учения, незаконное использование имущества и средств официально зарегистрированного храма, злоупотребление неким лицом полномочиями присвоенного ему духовного сана, запугивание набожных граждан мистификациями религиозного толка с целью подчинения их своей воле»…

— Мне тоже это понравилось. Давай, пожалуй, с него и начнём, — поддержал Киру Крайст, извлекая из бумажного пакета с эмблемой известной сети кондитерских тёплую вафлю с ореховым кремом; кухня моментально заполнилась нежным ванильным ароматом, — эй, Эрн, — крикнул Билл в комнату, — давай пошевеливайся, соня, десятый час, нам пора ехать в Храм Истинной Веры.

— А кто заявил-то на этого священника? — спросила Кирочка по дороге.

Эрн на заднем сидении продолжал дремать, положив голову на сложенный валиком новый и за час перед этим тщательно отглаженный пиджак Крайста. Слава Богу, что тот был поглощен обсуждением дела и ничего не заметил.

— Аноним. Он не представился. Заявление нашли в сетевом ящике для обращений. Оно было набрано с большим количеством опечаток, практически без знаков препинания, из чего следует, что заявивший очень спешил, боясь, видимо, быть застигнутым. У нас на руках обработанное описание дела. Оригинальное же обращение сумбурно до крайности, специалисты контактного центра еле разобрались в нём, там речь шла, как я понял, об однокомнатной квартире, которую тётушка обратившегося, пенсионерка, вместо того, чтобы завещать своему единственному законному наследнику, племяннику, в качестве добровольного пожертвования отписала некому священнику, который якобы долгое время перед этим запугивал её адом, призывая к «смирению и нестяжанию»…

— Ишь чего выдумал, продавать простофилям вечную жизнь за наличный расчёт! — возмущённо фыркнула Кирочка.

— Апофеоз капитализма, всё можно купить, включая милость отца небесного… — заметил, в подтверждение её слов, Крайст, — Религиозные секты только этим и живут. Страх исчезновения есть у любого существа, себя осознающего, потому зарабатывать на нём — чего проще! Зарядил какую-нибудь Великую Теорию Спасения позаумнее, и сиди, деньги тебе бегом понесут, да ещё и в карман сами положат, чтобы лишний раз Учителя не тревожить…

Кирочка взглянула через плечо назад:

— Кстати, а что ты думаешь о Боге, Эрн?

— Он сильнее меня, — ответил юный колдун с загадочной улыбкой.

— С Микой Орели мы очень давно говорили о Боге, — продолжала Кирочка, воодушевившись темой разговора, — я спросила его, как же он может отзываться о религии с таким светлым почтением, ведь он учёный; учёные, как правило, народ неверующий, они не способны, да и не должны в силу своего призвания, принимать какие-либо тезисы бездоказательно. «Наука, — ответил мне он тогда, — это мой способ общения с Богом, каждая попытка проникнуть в суть Творения сближает меня с Ним.»

— Вот и пойми теперь, кто верит, а кто кривляется, — задумчиво отозвался Крайст.

— Разум не в силах постигнуть свою природу, поэтому Бог и понадобился человеку, — добавил он через минуту, — это гипотеза, в которую идеально вписывается наша ограниченность, когда человек задумывается об истоках своего сознания в определённый момент перед ним возникает барьер, за который он уже не может проникнуть мыслью… Граница постижимости.

— Странно, что Храм так называется, — заметила Кирочка, — Ведь словосочетание Истинная Вера — это оксюморон, как вера может быть истинной, если она всего лишь вера?..

— Религии издавна воевали между собой за право называться истиной. Лично я не отрицаю напрямую ни одну из них. Я считаю, что каждая религия — своего рода мысленное пространство, изолированное от остального мира, в котором находятся все те, кто её исповедует. Говорят, что после многодневного поста и молитвы монахам иногда является святая дева. Что ж… Я готов в это поверить. Вселенная прекрасна и совершенна, в ней могут происходить самые разные вещи. Секреты всех фокусов кроются в нашем восприятии

реальности, многогранной настолько, что мы не в силах объять её в силу всё той же трагичной ограниченности возможностей нашего разума, мы всегда выхватываем, вырываем из контекста; видя лишь какую-то часть целого, трактуем её по-своему. К примеру, медик, исходя из своего мировоззрения, назовёт явление святой девы галлюцинацией, а монах — видением, и, что самое удивительное, они оба будут правы…

Эрн зашевелился сзади и выглянул в проём между креслами водителя и переднего пассажира.

— Мне думается, что вера и неверие — суть два взгляда на одно и то же, но с разных сторон. Вера в первичность духа ставит перед мыслящим существом задачу этот самый дух познать, а тезис о первичности материи предполагает, что существо, вооружившись лупами, локаторами, датчиками в материю уткнётся и будет её разглядывать, выслушивать, прощупывать… Для первого существа основой будет взгляд в себя, внутрь, интуитивное знание, для второго — взгляд вовне, опыт. Но предмет, который приковывает их внимание — один и тот же, — подросток на секунду задумался, — эти два мыслящих существа можно сравнить с двумя людьми, водолазом и рыбаком в лодке, которые смотрят на одно и то же дерево на берегу, только водолаз видит его из-под воды, а рыбак — в виде отражения на поверхности озера…

8

Храм Истинной Веры находился практически в самом центре Города, но его видно было из окон почти всех высоток на окраине, особенно в ясные дни, когда золочёные купола сияли на солнце невыносимо ярко.

Выйдя из машины, Эрн слегка запрокинул голову и, приложив ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от света, взглянул на это древнее массивное сооружение.

— Ну, как, впечатляет? — спросил юношу возникший за его спиной Крайст, — этому храму без малого полторы тысячи лет. Разумеется, его не единожды уже реставрировали, но первоначальный облик донесён до нас в неизменённом виде. Поговаривают, что именно здесь крестили Друбенса.

— Точно? — воодушевилась Кирочка, — помнишь тот параграф в учебнике «Взаимоотношение магии и религиозного культа», где говорится, что колдун никогда не применит Силу в том храме, где крещён?

Билл помотал головой.

— Двоечник! — пожурила его Кирочка, — это может нам пригодиться.

— Мы отвлеклись, однако. Нужно попасть внутрь и спросить батюшку Игната.

Все трое решительно направились ко входу в храм. Но Кирочка, уже взявшись за дубовую ручку тяжеленной двери, замерла вдруг, будто что-то напугало её, и подалась назад.

— Идите без меня, — сказала она с лёгким смущением, — я тут постою…

— Почему это? — нахмурился Крайст.

— Ну… — она опустила глаза, — нельзя мне сейчас. Я совсем забыла. Женщине ведь в храм ходить не следует, когда… Считается, что она нечиста и своим прикосновением может осквернить святыни.

— Что за глупости! — Билл выпустил дубовую ручку и повернулся к Кирочке, — мы в каком веке живём? Ежемесячное кровотечение — всего лишь одно из проявлений правильно функционирующей репродуктивной системы. В нём нет, уверяю тебя, абсолютно ничего богомерзкого. Напротив, это — весьма богоугодное дело. Господь ведь, если он действительно нас создал когда-то, создал нас цельными, вместе со всеми

физиологическими нюансами, и не должен, по идее, от них отрекаться…

— Допустим, с точки зрения логики ты прав, — строго сказал Эрн, — но церковь — это очень сильный эгрегор, и если Кира пойдёт туда, то энергия всех, кто верит, что в определённые дни женщина нечиста, будет направлена против неё…

— Да ну тебя подальше с твоими эргегорами, Эрн! — возмутился Крайст, — ничего не будет! Пока ты сам не веришь в ерунду, она над тобой не властна! Вот мой организм, равно как и твой, вырабатывает сперму, постоянно причём, а кто-нибудь возьмёт да и придумает храм, куда нам с тобой по этой причине вход воспрещён, так, по-твоему, нас в дверях кондрашка хватит, что ли?

— О господи, Кира, как ты только его терпишь! — горестно воскликнул Эрн, пряча в ладони пылающее лицо.

— Это Крайст, — отозвалась она с усмешкой, — Объективен и бесцеремонен как анатомический атлас. К нему просто надо привыкнуть.

— У! Богохульник! — на ходу проворчала какая-то согбенная бабушка, метнув в сторону Крайста уничтожающий взгляд.

Билл, разумеется, не обратил на неё ровным счётом никого внимания.

— Всё, хватит прохлаждаться, — воинственно заявил он, снова берясь за толстую деревянную ручку двери, — пошли. Причины отлынивать от работы находятся всегда.

Кирочка не без робости шагнула через высокий порог. Испустив длинный вздох, Эрн последовал её примеру.

В Храме было прохладно и сумрачно, высокие своды поддерживались массивными колоннами, от земляного пола, плотного, чёрного, веяло сыростью подземелья. Душно и крепко пахло тёплым свечным воском.

Пока глаза привыкали к полумраку, вверху, над головами, постепенно проступали узоры замысловатых потолочных мозаик; со стен, белесо сверкая нимбами и светлыми одеждами, на пришедших печально и укоризненно взирали святые.

Возле одной из икон суетилась служка — маленькая бабушка в коричневой с люрексом косынке. Она протирала свечную подставку.

— Кто это? — спросил Эрн, — запрокинув хорошенькое личико; на стене в золотой раме висел портрет молодой женщины с худым скорбным лицом.

— Это святая мученица, — ответила бабуся, — ей молятся о ниспослании стойкости в преодолении испытаний…

— А это?

— Угодник, ему молятся о справедливом исходе различных дел.

Дальше бабуся стала рассказывать сама.

— Тут у нас молятся о здоровье, покровитель болящих у нас сейчас на реставрации, поэтому просто ставят свечки вон на эту поставку и кладут цветы на тумбу.

— Вот к этой иконе приходят просит помощи в воспитании детей…

— Ну, как я посмотрю, у них там настоящая небесная канцелярия, — прокомментировал с усмешкой Билл, — каждый отвечает за свой департамент.

Бабуся нахмурилась.

— Не гневил бы ты, сынок, Бога, не хулил бы, мирское горнему не чета; ишь чего выдумал, ангелов с чиновниками равнять. Нам вот на выборах обещают, всё обещают, с три короба наобещают, и чего? А Господь молитву завсегда услышит.

— Да вы не обижайтесь, — засиял в ответ глазами и зубами Билл, — это так, шутка.

Бабуся горестно покачала головой.

— Вот ты вот всё не веришь, всё шутишь, а Господь всё слышит, всё примечает… Придёт час, и укажет он тебе перстом твоё место.

— И пусть, бабушка, кажет, я спорить и не подумаю, — сказал, уважительно разглядывая центральную икону алтаря, Крайст, — не откажите в помощи, подскажите, где можем найти мы батюшку Игната?

— Бог в помощь, — сказала бабуся, — нету нынче его. Улетел он…

— Как, — поднял брови Крайст, — вознёсся на небо что ли?

— Опять вы шутки свои шутите, — укоризненно ответила бабуся, — самолётом он улетел. По делам каким-то. За границу.

— Когда вернётся не говорил?

— «Бог ведёт меня», сказал он только, «как приведёт, так и вернусь». А людям грешно гадать о помыслах божьих.

— Ясно, — изрёк Билл, гневно сдвинув брови.

Повернувшись, он скорым шагом направился к выходу из храма, а бабуся — Кирочка с Эрном видели это и очень удивились — зачем-то трижды перекрестила его удаляющуюся спину.

глава 10. Машина сна

1

— На днях генерал Росс предложил нам пройти проверку на машине доктора Хосе, — объявил Билл, — я так и знал, что однажды потребуется это сделать, мы с тобой слишком долго работаем в паре. Едем сегодня вечером.

— А Эрн? — Кирочка удивлённо подняла брови, — кто с ним останется?

— Он сказал, что сам решит эту проблему. Я думаю, не стоит волноваться. Приказ есть приказ, а уж об Эрне генерал позаботится, будь уверена.

Однако, сидя в служебном автомобиле, стремительно выносящем её и Билла из центра Города, Кирочка всё же продолжала ощущать лёгкую тревогу; за всё то время, в течение которого она по долгу службы должна была нести ответственность за Эрна, у неё сформировалась привычка думать о нём.

— Что ты как на иголках? — спросил Крайст.

— Да я всё о том же… Ведь, заметь, это первый раз, когда мы выезжаем без него.

— Уж не прониклась ли ты взаимными чувствами? — осведомился Билл шутливо и подмигнул ей.

— Смотри на дорогу, — осадила его Кирочка.

Мимо тянулась унылая пластиковая стена ограждения скоростной автотрассы. Крайст включил приёмник. Звуки популярной песни, плюхающие, порхающие, дребезжащие элементы электронной мелодии тут же заполнили салон автомобиля.

Ты меня не покидай…
Шаба-дуба-дуба-дай!

Билл снова повернул ручку и приёмник, на мгновение смолкнув, принялся интеллигентным мужским голосом вещать о политике.

— Крайст, помнишь, я тебе рассказывала о том своём чувстве, как будто я сплю, понимаю, что сплю, и боюсь проснуться не здесь, а в какой-то другой жизни, более скудной на впечатления, обыденной, мрачной?

Билл усмехнулся.

— Не хочу тебя огорчать, но, вполне возможно, так оно и есть. Кто знает, может, мы все спим, а в момент смерти просто просыпаемся в каком-нибудь параллельном мире. Знаешь, как только я поступил на службу, меня очень сильно пугали разговоры об очищении памяти тех, кто по каким-то причинам покинул ОП. Прямо мурашки по загривку бегали. А потом я узнал, что это на самом деле такое; выглядит примерно как ты рассказываешь… Очень гуманная процедура. Стереть память совсем невозможно, это известно всем, во всяком случае с нашими сегодняшними технологиями. Но с помощью установки доктора Хосе достигается почти такой же эффект; трюк в том, что, уснув и проснувшись в специальном кресле, сотрудники отдела окрестили это кресло «машина сна», бывший офицер начинает думать, что его прошлое, связанное со службой в ОП — простой сон, и на самом деле он обыкновенный человек. И всё. Память как таковая остаётся, но разум больше не верит в её подлинность, она теряет для него правдивость и, как следствие, значимость.

2

Здание, в котором располагалась загадочная лаборатория доктора Хосе, стояло на отшибе. Маленькая тенистая улочка с разбитым асфальтом, изгибаясь, словно лесная тропинка, долго вела их вдоль запущенного парка, пока, наконец, в самом её тупике не обнаружился этот дом, неуклюжий, массивный, с частично замазанными белой краской окнами.

Билл нажал на неприметную кнопку электрического звонка. Ожидание показалось непривычно долгим. Кирочке уже было подумала, что их не услышали, и нужно позвонить ещё раз. Она сказала об этом Крайсту.

— Имей терпение, — ответил он очень тихо и необычно строго, — здесь нельзя трезвонить как в прачечной или в ателье. То, чем занимаются там, внутри, требует особенно спокойной обстановки.

Дверь открыла лаборантка, мрачная девушка примерно кирочкиных лет и, надо отметить, кирочкиного роста. При виде её, Кирочка ощутила лёгкий укол досадливой женской ревности — лаборантка серьёзно пошатнула её чувство собственной исключительности.

Вслед за нею офицеры вошли в помещение. Копия Кирочки не произнесла пока ни единого слова, даже приветствия, и от этого становилось немного не по себе, она только указала жестом на коробку со специальными бархатистыми бахилами. Их нужно было надеть на ноги, чтобы сделать шаги по полу практически бесшумными.

Вместе с провожатой они миновали несколько длинных, скупо освещённых коридоров с рядами зловеще запертых звукоизоляционных дверей. Шли долго, Кирочке казалось, что даже слишком, закрытые двери и мутный белесый свет нагоняли на неё неотвязную иррациональную тревогу. И тишина тоже. За всё время пути ни одного постороннего звука не расслышала она в этом здании, похожем на склеп. Ни звука, кроме сухого шуршания собственных шагов и шагов Крайста.

Возле одной из запертых дверей молчаливая лаборантка остановилась. Приложив чип электронного ключа, она открыла её.

Помещение оказалось на удивление просторным и светлым. Кирочка почувствовала облегчение, сходное с тем, что испытывает существо, которое долго-долго ползло в узкой трубе и всё-таки добралось до конца. Удивляло то, что комната, куда они попали, была практически пустой. Там стояли только два удобных низких кресла, похожих на стоматологические, рядом с которыми располагались какие-то странные приборы, с мониторами разных размеров, мелкими цветными лампочками, проводами и управляющей клавиатурой.

— Это для нас? — немного испуганным шёпотом спросила Билла Кирочка.

Он ничего ей не ответил. Лаборантка, повернувшись, строго взглянула на неё и приложила палец к губам.

Кирочке стало от этого жеста немного не по себе, и чтобы отвлечься, она принялась думать об Эрне: как он, интересно, там? Наверняка подросток тоже переживает, ведь он успел привыкнуть к ней и к Крайсту; его вряд ли обрадует, что неожиданно придётся провести целые сутки в компании незнакомых людей. Колдуны обычно относятся к переменам с большой осторожностью, если не сказать с опаской…

Тем временем загадочная лаборантка повключала какие-то тумблеры, пощёлкала клавиатурой, выпростала откуда-то жутковатого вида металлические обручи с проводками и

жестом предложила Кирочке и Биллу садиться в эти стоматологические кресла.

Над каждым из них висел небольшой монитор, и как только они уселись, мониторы медленно зажглись, сначала продемонстрировав гостям логотип компании, а затем начав показ бегущей строки стандартного приветствия:

«Доброго Вам времени суток! Расслабьтесь и устройтесь поудобнее. Вас ждёт впереди приятное и увлекательное путешествие. Внутрь вас самих, внутрь ваших грёз и фантазий. Помните, только от вас зависит, что будет происходить с вами после того, как на вашей голове будет закреплён специальный передатчик, благодаря которому восприятие переместиться из внешнего мира в ваше собственное подсознание. Не волнуйтесь, никто кроме вас не увидит то, что увидите вы. Результаты проверки передадутся лаборанту в виде зашифрованного сообщения, неприкосновенность ваших мыслей гарантирована и охраняется законом. От вас требуется только нажать кнопку на ручке кресла под вашей правой рукой. Этим нажатием вы подтверждаете своё согласие на проведение эксперимента и обработку полученных данных с целью выявления превышений допустимых уровней привязанности. При нахождении на территории лаборатории убедительная просьба сохранять тишину. Счастливого пути!»

Монитор погас. Совершенно бесшумно передвигающаяся лаборантка закрепила на голове у Билла металлический обруч с проводками. Наблюдая за этим из своего кресла, Кирочка почувствовала, как у неё холодеют пальцы. Когда пришёл её черед, и лаборантка с совершенно бесстрастным лицом подошла к ней, она, как ни старалась сдержаться, всё же вздрогнула. Обруч был холодный и довольно увесистый. Подогнав его по обхвату кирочкиной головы и закрепив с помощью щёлкающих замочков, лаборантка жестом попросила Кирочку нажать кнопку. Проверка началась.

3

Сначала Кирочке показалось, будто бы ничего не произошло. Она видела перед собою всё то же помещение, Крайста в соседнем кресле, лаборантку, севшую за небольшой столик в углу читать газету… Но неожиданно у неё в голове раздался мягкий повелительный голос.

— Закройте, пожалуйста, глаза.

Кирочка не верила себе. Голос звучал действительно у неё прямо в голове, и это не были её собственные мысли, на миг девушку охватила паника — боже! я схожу с ума! — но голос продолжил весьма учтиво:

— Я понимаю, что вы ощущаете некоторый дискомфорт от моего присутствия, но, поверьте, я не причиню вам зла, сейчас заиграет тихая музыка, постарайтесь отпустить тревоги, в точности так, как будто собираетесь уснуть, ни о чём не думайте, всё будет хорошо…

Сразу вслед за этим Кирочка ощутила приступ небывалой сонливости, её веки сами собой смежились, голова пошла кругом, словно она поскользнулась и начала проваливаться в бездонную бурлящую тьму, но, что удивительно, это было приятно, очень приятное падение, скорее погружение, точно по винтовой линии, всё глубже и глубже с каждым витком. Необыкновенное равнодушие ко всему овладело Кирочкой. Ну и ладно. Ну и пусть. Она падала словно снежинка, словно разорванный пакет, кружилась… летела… Легко и так невыносимо сладко…

Несильный толчок заставил её открыть глаза, моментально вывел из оцепенения. Она сидела всё в том же кресле, похожем на стоматологическое и удивлённо оглядывалась по сторонам.

«Проверка завершена» — мигала зелёная надпись на мониторе. Все та же молчаливая лаборантка быстро и ловко освободила её голову из тисков тяжёлой металлической короны с проводками.

Кирочка встала, потянулась, размяла слегка затекшие члены — трудно было определить, как долго пребывала она в дреме, несколько часов или всего пару минут; странное дело — после пробуждения у Кирочки сохранялось необычное (как будто даже не её собственное) ощущение, что некоторая часть её сознания всё ещё спит; поначалу это ощущение волновало девушку, но чем внимательнее она к нему прислушивалась, тем более оно притуплялось, а спустя какое-то время чужеродное ощущение пропало совсем, перестав давать почву тревоге и сомнениям.

Крайст тоже встал со своего кресла, освобождённый, и неприлично широко зевнул.

— Ну что, — спросила его Кира, когда они вышли из здания, — понравилось тебе?

— Ничего особенного. Я-то думал будут реально кайфовые глюки… А тут на тебе…

— Ты видел что-нибудь?

— Да так… Несколько неприличных картинок, — ответил Билл с нарочито дурацкой улыбкой.

Кирочка хмыкнула.

— Крайст в своём репертуаре.

Помолчав, она добавила:

— А я, представляешь, до сих пор чувствую себя как-то не так… Будто бы я всё ещё нахожусь там… внутри искусственного сна. Этого не объяснить… Ну, вроде как все предметы кажутся другими. Скажем, смотрю я вон на то дерево, и мне думается, что у него куча всяких необычных свойств, качеств, которые мне известны, но я почему-то не могу их вспомнить. И так абсолютно про все вещи… Непривычно.

— Это потому что в первый раз. После машины Хосе так всегда, если раньше не случалось практиковать осознанные сновидения.

— Жаль я ничего не запомнила… — вздохнула Кирочка.

— Новичкам это почти никогда не удаётся. Но не расстраивайся. Я думаю, это не последняя наша проверка.

— А где сам доктор Хосе? Я про него столько слышала, он ведь вроде как жив ещё, и формально является заведующим этой лабораторией и директором коммерческой фирмы «волшебные сны»?

— Формально да. Но вот жив ли он — вопрос несколько более сложный, чем кажется на первый взгляд. А то, что он находится здесь — это правда. Бренная оболочка доктора Хосе лежит в состоянии глубокой комы в одном из помещений лаборатории. Только вот где он сам, то биш его сознание, хрен его знает! Он ушёл в сны по собственной воле несколько лет назад. И никто до сих пор не может выщепить его оттуда. Понравилось, видать.

— Кто же поддерживает жизнь в этой его, как ты выразился, бренной оболочке?

— Сотрудники, разумеется. Возле доктора Хосе оборудован круглосуточный пост медсестры. Они всё надеются, что он вернётся. Откроет глаза внезапно и скажет: «Ну что, ребята, много вы тут без меня наворотили? Сейчас будет большой разнос…» Он такой дядька, с искринкой. Он может.

— Да… Интересно. Что же там такое, что не хочется возвращаться?

— Ты. Только ты. И больше ничего. Твоя пустота и твоя неисчерпаемость. Вселенная, схлопнутая в точку. Космическая голограмма.

Кирочка извлекла из кармана рекламный буклет, который сунул ей автоматический раздатчик печатных материалов на выходе из лаборатории.

— Гляди-ка, Крайст, чем они занимаются в рамках «дополнительной коммерческой деятельности», — она повернула буклет так, чтобы его глянцевая поверхность не отсвечивала и начала читать, — Программа «Сбывающиеся грёзы», позволит вам делать во сне то, чего бы вы никогда не позволили себе делать наяву. Всё, что вам нравится, теперь доступно и просто! Нажатием одной кнопки вы сможете отправиться в увлекательное путешествие, прыгнуть с парашютом, прокатиться на водных или горных лыжах! И это, заметьте, без обучения, без специальной подготовки и, главное, безо всякого риска для вашей жизни и здоровья! Что бы вы ни пожелали, все это уже ждёт вас в нашей «лаборатории сна», стоит только позвонить, и подробно описать нашему менеджеру свои фантазии, наши круглосуточно активные номера, тра-та-та — Кирочка остановилась и, пробежав некоторую часть буклета глазами, продолжила читать вслух, — а вот это меня особенно поразило, «специальная программа для девушек, заботящихся о своей фигуре — ешь сколько хочешь и не толстей! — ведь наш гипнотический сон позволяет полностью ощущать вкус, текстуру и запах любимых блюд…, да и для сильного пола у нас есть немало интересных горяченьких предложений…»

— Каждый зарабатывает, как умеет, — с усмешкой подытожил Крайст, — был бы спрос.

4

В квартире было непривычно тихо. Скинув обувь, Кирочка прошла прямо на кухню и положила ключи на стол. Они коснулись его гладкой поверхности с необыкновенно звонким звуком, и она снова, хотя изо всех сил пыталась на этом не зацикливаться, отметила про себя, что ощущает окружающий мир после проверки всё же иначе, чем прежде.

— Эрн! — позвала она раздражённо, заметив гору немытых тарелок в раковине, — Ну и лентяй… Даже подумать о посуде и то недосуг…

Послышалась тихая возня, а вот он уже тут как тут, стоит в дверях, взъерошенный, с нагловатой улыбкой и в одном носке.

— Прости, я забыл, — он сразу догадался о причинах её гнева и что-то беззвучно зашептал.

В тот же миг из крана лавиной рухнул мощный поток воды. Кирочке пришлось отскочить — её обдало фонтаном крупных горячих брызг. Тарелки заплясали, запрыгали, самостоятельно завертелись в шумном пенящемся потоке, подставляя ему наиболее грязные места…

— Где твоя охрана? — озабоченно спросила она, оттягивая намокший рукав.

— Он пошёл за сигаретами… — осторожно пробормотал Эрн, предчувствуя новую волну ярости.

Но не успела Кирочка разразиться проклятиями, зримо распирающими её изнутри, как входная дверь приоткрылась, и на пороге возник чудаковатого вида длинноволосый парень в рубашке с погонами курсанта ОП. Увидев Кирочку, он очень сильно смешался, засуетился, спрятал за спину пакет с покупками, и чуть слышно пробормотал:

— Я могу идти?..

— Скатертью дорожка, — фыркнула Кирочка.

— Чипсы мои только отдай! — воскликнул Эрн озорным голосом.

Виновато косясь на Киру, курсант выложил из пакета на стол большую шоколадку,

баночку кока-колы, здоровенный пакет чипсов и три упаковки жевательной резинки.

— Ты что ли погнал этого клоуна в супермаркет? — спросила Кирочка строго, едва только за незадачливым охранником закрылась дверь.

— Ну да… Совсем немного управления волей… — признался Эрн с шаловливой ухмылкой, — он такой скучный тип… Заснуть можно, ей богу. А так хоть какая-то от него польза…

Кирочка хмыкнула.

— А если бы тебя опять вздумал выкрасть этот чокнутый преобразователь Вселенной, Роберто Друбенс?

— Да брось, я полагаю, он уже забыл обо мне, — заявил Эрн, с громким шуршанием открывая чипсы. Он сидел на краю стола и легонько помахивал ногой в полуспущенном когда-то белом, но теперь немного запылённом носке.

— Я бы не была на твоём месте так уверена. Люди, как правило, неохотно отказываются от намеченных целей. Особенно если они успели потратить на их достижение определённое количество усилий.

Юный чародей изящно переломил зубами тонкий золотистый чипс. Как щепочку.

— Ну уж теперь-то я в полной безопасности… — заявил он с озорной улыбкой.

И почему только Кирочке кажется, что даже Эрн не такой как прежде? Он как будто немного наглее, увереннее в себе и… страшно признать, привлекательнее… Вот сейчас он смотрит на неё совершенно как взрослый мужчина, ищущий внимания. Он набрался смелости кокетничать с нею! Но, что удивительно, это не вызывает у неё, как раньше, негодования и отторжения…

Кирочка подошла к столу и нервно переложила ключи с места на место. У неё всегда возникала потребность двигать предметы, когда она теряла внутреннее равновесие.

Сейчас был как раз такой момент. Её ладони сделались влажными, слегка участился пульс — в обществе теперешнего Эрна она чувствовала себя отчего-то неуверенно, она робела, не глядела на него, боясь поймать на лице юного чародея то обольстительно-самоуверенное мужское выражение, которое спокойно могло бы принадлежать, скажем, Крайсту, Сашу Астерсу или ещё какому-нибудь прожжённому мачо.

— Я должна тебе кое в чём признаться, Эрн, — сказала Кирочка тихо, — мне трудно постоянно общаться с тобою и умалчивать об этом. Я тебе солгала, — она сама не понимала, что за сила вынуждает её сейчас говорить, но останавливаться было поздно, будто бы неведомый поток подхватил её и понёс, — в тот день, когда ты взорвал комету… На пустыре… Мы тогда так и не поцеловались. Ты потерял сознание от перерасхода энергии, и я сказала тебе потом…

Смешавшись, она умолкла.

— Я знаю, — сказал Эрн с умиротворённой улыбкой, — я догадался об этом, но решил, что не стоит настаивать на своём. Целовать меня или нет, твой выбор, я не имею права отнимать его у тебя, и выиграй я хоть десяток споров и спаси мир хоть сотню раз, всё это не сможет помочь мне заслужить настоящий первый поцелуй, потому что главным является ведь не сам факт соприкосновения губ, а обоюдное желание этого… Я могу очень многое. Я практически всесилен. Внушить другому человеку желание что-либо сделать, конечно, возможно, но разве сладко целоваться, зная, что ты добился этого определёнными ухищрениями, уговорами, уловками или давлением на жалость? Ты была права. Желание ценно только тогда, когда оно возникает само собой, без твоей подсказки; единственный

критерий искренности желания — его первичность. Очень большая редкость, чтобы одно и то же желание возникло у двух людей одновременно. И потому поцелуй — настоящее сокровище, которое нельзя ни купить, ни выпросить, а можно только получить в подарок.

— Ты меня прощаешь? — обрадованно спросила Кирочка.

— Я тебе благодарен, — ответил он, — ведь если бы ты тогда пошла у меня на поводу, я навсегда лишился бы своего первого поцелуя.

Больше они про поцелуй не говорили, но Кирочка смутно чувствовала, что к этой теме им суждено ещё вернуться.

— У меня кое-что для тебя есть, — молвил Эрн загадочно.

— Подарок? — Кирочка напустила на себя гордую бесстрастность.

— Только обещай, что ты его примешь.

— Посмотрим. Ты же знаешь мои условия.

— Он необыкновенный, — пообещал юный чародей и скрылся.

Минуту спустя он снова возник в дверях кухни. В руках у него была большая плотная чёрная ювелирная коробка.

Кирочка насторожилась.

— Это тебе, — радостно прошептал Эрн, совершенно по-детски держа подарок на раскрытых ладонях перед собою.

Эффектно открыть коробку у него от волнения не получилось, он провозился с замочком, и торжественный момент был несколько скомкан. Но зато, когда крышку удалось откинуть, Кирочка не удержалась от испуганно-восторженного вздоха — маленькая заминка окупилась сторицей…

В коробке лежало ожерелье. Белое золото, усыпанное словно мелким песком несчётными крупинками радужно искрящихся бриллиантов! Ослепительно сияющее, как полуденное солнце, украшение со скромным достоинством дополнял строгий чёрный бархат подложки.

— Господи! — воскликнула Кирочка. Надо признать, никто и никогда не преподносил ей таких подарков. Она нерешительно протянула руку и провела пальцем по змеиной спинке одной из искусно свитых цепочек.

— Нравится?

Кирочка спохватилась, опустила руку и взглянула на Эрна с сомнением.

— Откуда оно? Ты его, надеюсь, не украл?.. — голос девушки прозвучал растерянно, ожерелье успело кольнуть её в самое сердце своим коварным непреодолимым обаянием красивой и дорогой вещи; она прекрасно понимала, что сорванец в очередной раз применил магию, но сейчас идти на принцип было бы обидно как никогда…

— Нет, — с видимой гордостью за свою изящную находку провозгласил Эрн, — не украл, не купил на наколдованные деньги! Я выудил его из мира идей! Это ожерелье из коллекции следующего года одного из самых известных ювелирных домов! Из будущего! Его эскиз ещё даже не возник в голове у дизайнера. Такого украшения, Кира, точно нет ни у одной другой девушки…

— Офффигеть…

Она ещё немного постояла, мучительно преодолевая желание снова прикоснуться к кусочку солнца у него в руках, поахала, поморгала и, собрав в кулак все остатки воли, выдавила из себя:

— Я не возьму.

— Так я и знал. — Эрн со вздохом захлопнул коробку. Её отказ, казалось, даже не особенно его расстроил, вероятно, он к нему морально готовился. — Дело твоё…

Легко размахнувшись он бросил закрытую коробку через правое плечо.

Кирочка раскрыла было рот, чтобы закричать на него — какого, мол, чёрта, сейчас буфет разобьёшь! — но стильная чёрная коробка, вместо того, чтобы столкнуться со стеклянным витражом на дверце кухонного буфета, описав эффектную параболу, просто исчезла, на лету провалившись в незримую пространственно-временную брешь…

— Ну, ты даёшь…

— Я могу сделать тебе подарок, от которого ты не сможешь отказаться, — продолжал Эрн, улыбаясь чуть насмешливо.

Он положил одну ладонь поверх другой и затем, медленно раскрыв их, показал Кирочке в горсти самое настоящее птичье гнездо! Из двух тёмных пятнистых яичек уже вылупились пушистые крикливые птенцы, а одно лежало нетронутое. Неведомо откуда прилетела птица, она порхнула на окно, затем — к гнезду. Присев на край, она принялась что-то вкладывать в раскрытые клювики своих беспокойных детей.

Кирочка застыла в немом удивлении.

— Ты ведь всегда хотела посмотреть на гнездо вблизи?

— Откуда ты знаешь?

Эрн принял загадочный вид и ничего не ответил, ладонью он накрыл гнездо, и через мгновение руки его были снова пусты. Бродившая по подоконнику птица вспорхнула и улетела.

В этот момент Кирочка услышала странную возню на балконе и отправилась взглянуть, что там происходит.

Она приподняла лёгкую полупрозрачную занавеску, открыла дверь…

И..

Маленькая белая козочка с бледно-серой шёрсткой на загривке, точная копия Дины, погибшей много лет назад под ножом мясника, обернулась на щелчок ручки от рулона старых обоев, которые она пыталась жевать.

Изменившаяся обстановка, по-видимому, её заинтересовала. Мерно постукивая копытцами по плитке, козочка подошла ближе и, потянувшись бархатистой мордочкой, принялась обнюхивать возникшие на пороге балкона тапочки хозяйки.

— Это нечестно, Эрн! — воскликнула Кирочка, повинуясь нахлынувшему порыву отчаяния, — это… это просто свинство какое-то!..

Она закрыла лицо ладонями и всхлипнула.

Коза, обнюхав девушку и не найдя в ней ничего съедобного — тук-тук-тук по напольной плитке — вернулась к своим обоям.

Эрн, не ожидавший от Киры такой реакции, несказанно растерялся и опечалился.

— Прости меня, пожалуйста… — пролепетал он чуть слышно.

— Сию же минуту убери отсюда это животное, — приказала Кирочка сквозь рыдания, — и больше никогда… Слышишь, никогда… не трогай моё прошлое…

В остальном день прошёл как обычно, без эксцессов, на ночь Кирочка выпила бутылочку энергетического коктейля и с видимым удовольствием опустилась в любимое низкое мягкое кресло.

Блуждая взглядом по комнате, пока Эрн чистил зубы перед сном, она заметила на ночном столике сверхмощные антимагические наручники, спроектированные Микой Орели.

«Как они здесь оказались?» — подумала Кирочка — «я ведь отчётливо помню, как сдавала их в хранилище отдела безопасности и писала объяснение, почему данное оружие больше не требуется…» Она прислушалась. Шорох воды в ванной утих, стукнула дверь, и через мгновение Эрн показался в дверном проёме.

«Глупо спрашивать у него об этом, — решила она в последний момент, — наверняка я просто что-то перепутала, наверное, мне нужно хорошенько выспаться…»

Стояла тихая тёплая ночь. Кирочка сидела в кресле, от нечего делать, вертя в руках свой многофункциональный пистолет. Её мысли то и дело возвращались к необыкновенному изменению восприятия всех предметов и явлений. Наручники по-прежнему лежали на ночном столике, отбрасывая нерезкую сероватую тень. Огонёк активности не горел, но выделялся на поверхности одного из браслетов тёмной точкой, словно око спящего, невидящее, но живое.

Кирочка вспомнила, как единственный раз со страху защёлкнула эти наручники на тонких запястьях Эрна. «Завтра пойду и сдам их куда следует, раз они слишком сильны даже для него, то всех остальных могут просто угробить, пусть утилизируют: мы же не инквизиторы какие-нибудь, а вполне себе цивилизованная магическая полиция…»

Она встала и решительно двинулась к столику. Увесистые браслеты тихо звякнули, когда она взяла их в руки. «Такие могли бы пригодиться, лишь если могущество Эрна ощутимо возросло бы…» Непрошенная мысль возникла, и прежде чем Кирочка успела с возмущением её прогнать, нагло наводнила сознание толпой ассоциаций.

Она продолжала держать наручники на вытянутой руке. Браслеты свисали вниз — два чёрных кольца на фоне бронзового неба за окном.

— О чём ты думаешь? — Тихо спросил Эрн из постели.

Кирочка вздрогнула.

— Ты не спишь?

— Нет.

Он откинул одеяло и сел. В синеватом полумраке она различила его взъерошенные волосы, мятую клетчатую пижаму.

— Так о чём ты думала? — Требовательно повторил он.

— Да так, ни о чём, — чуть более нервно, чем следовало, отмахнулась Кира и отвернулась к окну.

За её спиной раздался тихий шорох. Это Эрн вылез из постели и подошёл. Она почувствовала, как учащается сердцебиение, как рождается где-то в центре груди холодная пульсирующая пустота.

Он был совсем близко. Его тонкая голубовато-бледная в свете окна рука потянулась к наручникам.

— Не трогай, — сказала Кирочка беспомощно дрогнувшим голосом.

Эрн взял её за плечо и повернул к себе.

— Я готов надеть их, — тихо и серьёзно произнёс он, заглядывая ей прямо в глаза, — я согласен носить их не снимая, понимаешь?

Она поняла.

Эрн смущённо отвернул лицо. Кирочка скользнула взглядом по его нежной щеке с мужественной чётко обозначенной скулой. При тусклом освещении Исполнитель Желаний казался старше, и если бы он сейчас вздумал взглянуть на неё, она бы, наверное, испугалась, этот юноша умел смотреть так, словно ему вовсе не шестнадцать, а все пятьсот, и тогда он

внушал ей почти суеверный трепет…

— Нет, невозможно, — сказала она не слишком твёрдо, — ты и сам знаешь, что это безумие. Да и защита меня к тебе на выстрел не подпустит, — она попыталась улыбнуться, обратить всё в шутку — проверенное средство в таких случаях, но улыбка получилась вымученной, жалкой.

Эрн усмехнулся.

— Нет никакой защиты.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она с опаской.

— Она не сработает, — ответил он с беспощадной ухмылкой, — я же не далее как сегодня утром говорил, что практически всесилен… И если бы я чего-то всерьёз захотел… Разве только сам Бог смог бы помешать мне. Я первый после него, понимаешь?

— Но ведь… она же работала… раньше… — пролепетала Кирочка гаснущим голосом.

— Потому лишь, что я не особенно ей мешал.

Он спрятал глаза и продолжил гораздо менее бойко:

— Сейчас совершенно другое… Ты… Я люблю тебя, — он неожиданно прямо и гордо взглянул на неё снизу вверх, — и больше всего хочу быть с тобой… А моё желание для этого мира — закон. Понимаешь?..

Кирочка обмерла.

Наложенное на Эрна его матерью заклятие всегда казалась ей надёжной защитой от соблазна, своеобразным щитом, которым она заслонялась от осознания собственных подавленных порывов. А как быть теперь? Впервые Кирочка оказалась один на один со своим желанием. Больше не существовало ни препятствий, которые она должна была преодолеть, чтобы осуществить его, ни обстоятельств, делающих осуществление невозможным, ни поводов это осуществление откладывать. Она была совершенно беззащитна перед своим желанием, готовым исполниться. Какая-то часть Кирочкиного рассудка, конечно, всё еще героически сопротивлялась неизбежному, пытаясь убедить себя в том, что на самом деле ей хочется совершенно другого, но… Это выглядело смехотворно. И Кирочка созналась-таки себе в своём желании, узнала его во всех смутных побуждениях, преследовавших её всю жизнь… Перед ней точно на плёнке промелькнули друг за другом Саш Астерс, танцующий с Ирмой Вайнберг на дискотеке в восьмом классе, прекрасный и неприступный Эрмес, затачивающий клинок красивыми сильными руками, пустая скамейка на бульваре Плачущих Тополей, на которой она подолгу сидела одна… Это желание существовало всегда. Неизменное и неподкупное. Самое главное. А Эрн просто явился осуществить его, искупив разом всё несбывшееся.

Она вздрогнула от сладостного ужаса предвкушения, и не отняла рук, когда Эрн взял её за оба запястья, робко, трогательно-нежно, больше он ни на что не отважился, так и стояли они какое-то время в потоке света недавно взошедшей луны… Наручники лежали там, куда она машинально их положила, на широком подоконнике. Они отбрасывали густую чёткую тень.

В голове у Кирочки снова загудело, пространство перед глазами словно во сне расплылось и изменило конфигурацию — они оказались в каком-то удивительно светлом и пустом месте. На сколько хватало глаз вокруг простиралось чешуйчатое тело пустыни, и лишь на горизонте, точно тонкое чёрное кружево вырисовывались вышки линии электропередачи.

— Где мы? — прошептала она.

— Так ли это важно? Мы одни, — ответил ей Эрн тоже тихо и немного торжественно, — Совершенно одни.

Руки их всё ещё были сцеплены. Она склонилась и чуть помедлила — ей как будто было немного жаль расставаться с предвкушением, превращать его в ощущение — он и нетерпеливо, и застенчиво подался навстречу, она бережно, как раздвигают нежные листья дерева, чтобы сорвать спелый плод, раздвинула своими губами его губы…

5

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Кира. Приподнявшись на локтях и накрыв рубашкой крепкую и круглую, словно яблоки, грудь, она обеспокоено вглядывалась в лицо Эрна, не бледнеет ли он, не закатываются ли у него предобморочно глаза…

— Я властелин мира, — отозвался он. На лице юного чародея медленно разгоралась самодовольная улыбка. Он сидел в песке на коленях, а его руки, точно Эрн был преступник, его тоненькие руки с мальчишескими едва обозначенными под нежной кожей бугорками бицепсов, скреплены были за спиной тяжёлыми наручниками Мики Орели.

— Ты точно чувствуешь себя хорошо? — не унималась Кирочка, — ни головокружения, ни тошноты?

— Мне никогда не было лучше, чем теперь.

Он посмотрел на неё и улыбнулся. Очень светло и просто. Как счастливый ребёнок, которому купили игрушку. Никогда в своей жизни Кирочка не видела такой прекрасной улыбки. Немного растянувшись, бледно-розовые губи Эрна легко разделились, раскрылись, тихо засияли из-под них ровные мелкие зубки.

В Кирочкином теле разливалась блаженная звенящая пустота; ей казалось, что она вдруг стала легче и вот-вот взлетит, как шарик — будто в ней нет больше плоти, лишь космическое пространство — звёзды и галактики, каким-то таинственным образом вмещённые под кожу.

— Мне тоже никогда не было так хорошо, как нынче… — сказала она, посмотрев на Эрна выразительно, — ни с одним мужчиной.

— Я не прилагал к этому совершенно никаких усилий… И умений… Ты же понимаешь… — признался, стремительно и ярко покраснев, юный волшебник, — Я Исполнитель желаний, и это просто одно из моих свойств…

Кирочка прикурила и, снова откинувшись на спину, выдохнула в небо струйку дыма; над нею, тихонько гудя, покачивались тонкие провода.

— Знаешь, я вообще ничего сейчас не чувствую, — продолжала она, — ни о чём не хочется думать, всё кажется таким неважным… точно ничего и нет. Вообще ничего. Ни вокруг, ни внутри. Я как будто бы совсем пустая, Эрн. Но мне это нравится. Я хочу, чтобы так было всегда…

— Так и будет, — прошептал он гипнотическим голосом, склоняясь над нею и заливая сумеречным сиянием своих огромных аметистовых глаз, — если ты останешься со мной.

Она встретилась с ним взглядом, вновь ощутив дурманящую сладость пустоты, бесконечность космоса, в который она падала, своё сладостное бессилие перед этим космосом, таким страшным и таким прекрасным.

Эрн тоже смотрел на неё. И в нежном склонённом лице его невозможно было найти ни единого изъяна — ни царапинки, ни прыщика, ни малюсенькой мушки, на его ровный высокий слегка выпуклый лоб, падала, изгибаясь дугой, дымчато-русая прядь, она тоже была идеальна, и даже ветер, играющий с нею, ничего не мог поделать с этим. Кирочка прикрыла глаза, физическое совершенство Эрна вновь вселило в неё неизъяснимое волнение.

— Ты видишь меня именно таким потому, что сама красота, в абсолютном её значении, представляется тебе подобным образом, — произнёс он как будто бы немного виновато, — я исполнитель желаний, не забывай об этом, и моё лицо для тебя лишь отражает лучшее, что ты можешь себе представить…

Кирочка протянула руку и слегка провела пальцами по его щеке. Невероятно, неестественно приятной на ощупь. Он опустил свои немыслимые ресницы, застенчиво повёл плечиком.

— Так ты останешься со мной? Навсегда?

Эрн снова взглянул на неё; и мир, созданный исключительно для наслаждения, для её наслаждения, личный рай, обрушился на Кирочку всей своей неописуемой радостной жутью.

— Но… я не могу, — всем корпусом подавшись вперёд, словно опомнившись, выдохнула она в волнении, — как же моя служба?

Эрн смотрел на неё с непривычной, глубокой и требовательной нежностью.

— Она так уж сильно нужна тебе?

— Предлагаешь мне выйти в отставку? — спросила Кирочка быстро.

Она села, опершись на одну руку, а другой придерживая рубашку на груди. Её тёмные волосы, рассыпавшиеся по плечам, сверкали на солнце, словно нейлон. Широко раскрытые глаза цвели на лице, точно две чёрные хризантемы. Чуть приоткрытые светло-розовые губы взволнованно подрагивали.

Эрн молчал, перебирая пальцами ноги мягкий тёплый песок. Он окружал их со всех сторон, песок, вокруг них на многие мили простирался этот океан песка, очень мелкого, серо-белого, как пепел; лёгкий ветер клубил его вдалеке, и казалось, что это туман или дым повисли над горизонтом.

— Если кто-нибудь вздумает обидеть тебя, то ты тотчас будешь отомщена, — заявил Эрн вкрадчиво и убеждённо, — любое твоё желание…

— Не продолжай, — воскликнула Кирочка. Внезапный приступ паники овладел ею.

— Успокойся, — сказал он, покровительственно-нежным жестом обнимая её за плечи, — твоя первая реакция совершенно нормальна. Люди с трудом принимают произошедшие в их жизни перемены… На это требуется время. Ты привыкнешь.

Кирочка взглянула на юного чародея умоляюще, но, встретив лишь тонкую самоуверенную улыбку властелина мира, отстранилась и бессильно рухнула на песок.

Она лежала на спине и бессмысленно глядела в белое небо, расчерченное чёткими линиями проводов. С поразительной ясностью вспомнилось, как сильно ей всегда хотелось в детстве, чтобы всем её врагам и обидчикам рано или поздно отомстилось, без её участия, само собою, чтобы большая добрая рука взяла их в пучок, сразу всех, и хорошенько тряхнула, словно сухие тростинки; Кирочка живо представляла это себе, когда плакала, забившись в угол в туалете в детском садике или в начальной школе… Она любила воображать, как крошится над головами врагов потолок, как заваливает их камнями или заливает потопом… И даже когда отец заставлял её убирать игрушки или полоть морковь, она представляла, как эта карающая длань расправляется и с ним, пусть это было бы кощунством…

— Хочешь, я расправлюсь со всеми твоими врагами? Если тебя обидит кто-нибудь, ты только скажи. Все твои недоброжелатели крепко пожалеют, — продолжал красавец волшебник, — я для тебя… всё сделаю.

В этот момент странное чувство овладело Кирочкой: в нём был одновременно и ужас, и щемящая гордость; Эрн смотрел на неё покорно и нежно из-под длинных полуопущенных

ресниц, а она смотрела на него, зная точно, как своё имя, как то, что любой день кончается закатом, а вслед за летом приходит осень, заворожённо и страшно зная: он не просто похваляется сейчас, как все по уши влюблённые мальчишки перед своими первыми женщинами, он действительно может…

— Моё маленькое чудовище, — сказала Кирочка, протянув руку и ласково погладив Эрна по волосам. Она попыталась улыбнуться ему, но по пальцам её снова побежал предательский холодок, он достиг сердца, и снова оно мучительно сжалось, будто от недоброго предчувствия…

6

— Крайст, — Кира бесцеремонно ворвалась в его кабинет, поставив руки ладонями на стол, оперлась на них, она запыхалась, говорила сбивчиво и возбуждённо, — я должна немедленно увидеться с генералом Россом…

— Что такое? — спросил он по своему обыкновению чуть насмешливо, внимательно при этом изучая её блестящие глаза и раскрасневшееся лицо.

— Я хотела бы обсудить с ним возможность своей немедленной отставки, — выпалила она, резко выпрямившись во весь рост и закинув назад распущенные волосы.

— Отставки? — Билл поднял брови, — а к чему такая спешка?

— Эрн, — сказала она.

Он сразу понял, что таилось за этим коротким, произнесённым на выдохе именем. Билл смерил Кирочку взглядом, одновременно сочувственным и строгим.

— Я отдалась ему, — продолжала она, жестоко блестя глазами, — и это было… Да, да, чёрт возьми! Чудесно, божественно! Я хотела бы, чтобы это повторялось снова и снова, изо дня в день, из ночи в ночь, я люблю его, я желаю его, — она остановилась перевести дух, Билл заметил, что на её блузке отсутствует одна из пуговиц, это наблюдение неприятно кольнуло его, — я недостойна быть офицером, я нарушила все обеты, все зароки, я…

— Лейтенант Лунь, — сухо сказал он, — возьми себя в руки.

— Я не могу, — прошептала она, спонтанно изменив интонацию с запальчиво-резкой, на умоляющую, — сама не знаю, что со мною творится, Крайст, боже, спаси меня, пожалуйста! Спаси меня от него… На свете нет ничего желаннее, чем Эрн, и ничего страшнее, чем он. Когда я смотрю ему в глаза, окружающий мир исчезает. Он лишает смысла всё вокруг. Я пустею, я теряю сама себя, и при этом мне кажется, что так и надо, что это правильно, что оно должно выглядеть именно так, настоящее счастье… Отчего это, Крайст?

Билл взглянул на неё долгим задумчивым взглядом. В глубине его глаз словно шевельнулось что-то могучее и зловещее, шагнув к ней, он почти грубо тряхнул её за плечо.

— Он Исполнитель Желаний! Самое жуткое и прекрасное порождение Вселенной. Он может представляться как самым красивым цветком, так и самым ужасным чудовищем, ибо он есть божественное Ничто, Небытие, великий Хаос, изначальный и вечный, — быстрым движением он приподнял покаянно склонённое лицо Кирочки за подбородок и, обжигая её глаза своим отчаянным взглядом, сказал, — то, что ты чувствуешь рядом с ним… Именно так выглядит смерть, Кира.

Билл опустил руку и, поймав себя на чрезмерной резкости, слегка смутился.

— Почему, Крайст? Почему с ним так хорошо? — спросила она усталым, печальным голосом.

— Почему? Жизнь есть непрерывное страдание, разве нет? Постоянные заботы, тревоги, надежды… Вот смерть и манит нас, невообразимо манит, она привлекает нас тем,

что невозможно здесь, на земле, а именно — покоем чувств, мы этого не осознаём, но сами всю жизнь мечтаем умереть… Ты не знала?

— Спаси меня, Билл, спаси! — воскликнула она исступлённо, и вдруг, прежде, чем он успел что-либо предпринять, бросилась ему на шею.

— Чёрт побери, — пробормотал он тихо, его руки безвольно повисли, как плети, ну не обнимать же её, в самом деле, да и оттолкнуть как-то жалко, — ты вообще нормальная, Кира? — спросил он с грустной насмешкой, — просишь спасти тебя от того, кого, как ты сама мне только что сообщила, ты любишь, хочешь… О, женщины! Когда-нибудь вы сведёте меня с ума…

Очнувшись от своего отчаянного порыва и стесняясь поднять на Крайста глаза, Кира испуганно отстранилась.

— Я ничем не могу тебе помочь, — проговорил он с официальной прохладцей в голосе, точно чиновник, отказывающий просителю в какой-нибудь справке, — извини.

— Дай мне хотя бы совет, — потребовала она тихо, но очень твёрдо, — скажи, уходить мне в отставку или нет?

Билл усмехнулся. Оттенок горечи, едва уловимый, словно в золотистой кожице миндаля, слышался в его интонации:

— Чужой совет, Кира, это почти всегда грелочка при аппендиците. Так что решай сама.

Последние слова пространство поглотило быстро, подобно тому, как вода забирает камни. И стало совсем тихо. Мёртво. Кирочка резко подняла на него взгляд, и Крайсту показалось, что он не смог удержать себя в руках и вздрогнул — так на него никто и никогда ещё не смотрел. Лейтенант Лунь взирала на него как молящийся на икону, она распростёрла перед ним глаза, полные такой неистовой надежды и веры, что на какую-то секунду он сумел разделить то чувство, которое, должно быть, испытывает чудотворец или пророк, принимая очередного отчаявшегося страдальца…

— Иди, — сказал он очень жестко и отвернулся. Ему трудно было признаться в этом самому себе, но он больше не мог выносить её взгляда.

— Куда? — спросила она потерянно.

— В отставку, — ответил он чеканно, словно положил на стол крупную монету.

— Ты так легко это говоришь? — в её голосе послышались слёзы.

И тут Билл Крайст осознал, что даже если в его жизни будет ещё не одна сотня женщин, он всё равно не начнёт понимать их, никогда. Сие умозаключение позабавило его, он ухмыльнулся себе под нос.

— Ты попросила дать совет. Я исполнил твою просьбу.

— Так-то ты даёшь советы! — разозлилась Кира, — теперь, учти, я всё сделаю в точности до наоборот!

Она резко развернулась и выскочила из кабинета, красноречиво хлопнув дверью.

— О, женщины! Царицы и рабыни! — воскликнул он с шутливым пафосом, цитируя какого-то поэта.

Вихрем слетая по лестнице, Кирочка с интересом прислушивалась с своему возмущению. И на что это она так вознегодовала? На то, что Крайст не стал её удерживать, хватая за руки, убеждать, упрашивать не бросать службу? А он должен был? Кирочка остановилась. Её неприятно кольнула мысль, что этим своим желанием, чтобы Крайст оказался небезразличен к её уходу, она подвергла сомнению свои чувства к Эрну, в каком-то смысле предала его… Ей стало совестно. «Если я хочу бросить Службу потому, что

встретила мужчину, то это только моё дело, и мне должно быть абсолютно наплевать, что подумает Крайст или ещё кто-либо! Особенно Крайст. Почему вообще я пошла за советом именно к нему? Айна Мерроуз, возможно, скорее дала бы мне дельный совет… Ведь она женщина, прослужившая в ОП всю свою жизнь… Наверняка, в определённый момент своей жизни и она стояла перед подобным выбором…»

Кирочка задумчиво преодолела несколько ступенек и снова остановилась в нерешительности. Другая мысль, ещё более неуютная, отозвалась холодком между лопатками.

«Женщина! Я женщина! Безвольное и зависимое существо, находящее своё второстепенное положение вполне естественным и даже способное радоваться возможности переложить ответственность за свою жизнь на кого-то другого! Женщина… В любом её решении, в любом поступке всегда должен присутствовать мужчина, тень мужчины, отголосок его воли, иначе никак… И это не моя собственная мысль, об отставке, это мысль Эрна, которую он благоразумно не озвучил, чтобы оставить за мной хоть какую-то видимость выбора… Эрн принял решение, а не я. А Крайст… Я обратилась к нему, чтобы он либо поддержал своим голосом решение Эрна, либо опротестовал его. Именно так… Боже мой, в данной ситуации я сама ведь не более чем мячик, который эти двое так легко и непринуждённо кидают друг другу…»

Кирочка зажмурилась от своего внезапного прозрения. Медленно подняла голову и посмотрела наверх. Больше всего на свете ей хотелось сейчас увидеть несколькими этажами выше над перилами лестницы Крайста, который всё же вышел следом, чтобы остановить её. Но никого не было. Никто не стоял у перил. Крайст был где-то там, далеко, в своём кабинете, как Господь Бог: вы можете, мол, верить в моё ежеминутное радение за вас, но на самом деле я не пошевелю и пальцем, возможно, само моё существование обусловлено лишь вашим страхом перед ответственностью за себя…

Понурив голову, Кирочка продолжила спускаться по лестнице.

— Раз так, то я действительно выйду в отставку, — во весь голос заявила она самой себе, чтобы хоть немного почувствовать уверенность в принятом решении, — и к чёрту Крайста! К чёрту! К чёрту!

Кирочка повторила своё утверждение несколько раз, как мантру, и — о чудо! — у неё немного отлегло от сердца. Необходимость что-то решить тяготит лишь до тех пор, пока решение не принято.

У выхода из Управления Кирочка поймала такси, спеша вновь ощутить опустошающую сладость объятий Исполнителя Желаний…

7

— Эрн! — звонко позвала она, распахивая дверь в комнату, — Эрн!

Никто не откликнулся. Комната была пуста. В ней смело хозяйничал ветер, проникающий сквозь растворенное окно, он скользил по столу, шелестя страницами открытой книги, пузырём раздувал белую занавеску. На разобранной постели, в пышном, точно взбитые сливки, ворохе белья лежали сомкнутые антимагические наручники. Красный огонёк активности показывал, что они включены на полную мощность.

— Не удержали, — потрясенно прошептала одними губами Кира.

Немного походив кругами по комнате, она опустилась на край кровати. Странно, но никакой грусти не ощущалось. Скорее, теперь Кирочка чувствовала облегчение. Вопрос о том, выходить ей в отставку или нет раз и навсегда был снят. Более того, его решила не она

лично, не Эрн, не Крайст, слава Богу, и никому не придётся отвечать.

Она достала папиросы и закурила.

Ну и ладно. Ну и пусть. Теперь жизнь потечёт по-старому. Будут опять задания, интересные и необычные знакомства, новые встречи с мужчинами, привычные шуточки Крайста… Будут желания, стремления, разочарования, вечно сменяющие друг друга как надписи на мигающих рекламных экранах…

И не всё ли равно?

Иногда она будет вспоминать это чувство абсолютного покоя, эйфорического безразличия ко всему, единовременного утоления всех жажд… Чем, в конце концов, Исполнитель Желаний лучше других мужчин? Согласно Правилу, ночь с любым из них должна быть только одна…

Ветер надул очередной пузырь из занавески, как девчонка-подросток из жвачки, по полу прошелестели бумаги со стола, и всё стихло — будто он, ручной смерч, вновь прилетел, незримый, и, мгновенно укротив свою смертоносную силу, как домашний пёс лёг, свернувшись в ногах.

8

Оставшись один, Крайст принялся бродить туда-сюда по кабинету, теребя в руках незажжённую папиросу. Остановившись у окна, он принялся глядеть на облака, клубящиеся над корпусами Управления; их невесомые громады неторопливо, но беспрерывно двигались, меняли форму, и в какое-то мгновение Биллу отчётливо увиделся в их послушной бесформенной массе нежный, вызывающе изящный профиль Исполнителя Желаний…

Тьфу ты, чёрт!

Крайст моргнул несколько раз и отвернулся от окна. Память неожиданно плюнула в него глупой, казалось бы, совершенно несущественной деталью, извлекла её теперь снова из мутной бездны подсознания и представила внутреннему взору: у Киры на блузке не хватало одной пуговицы — второй сверху, не той, что на воротничке, а следующей — тонкая ниточка висела вместо неё — и как она могла не заметить? — роман с этим чародеем сделал её такой рассеянной… В продолжение своей мысли, Билл так естественно, легко, словно возродил недавнее воспоминание, представил руки Эрна на отворотах этой самой блузки — торопливые алчные шестнадцатилетние руки, предвкушающие округлое мягкое розовато-кремовое…

Он машинально сунул в зубы измятую сигарету.

Неужели это ревность?

Разозлившись на самого себя Билл изо всех сил саданул кулаком по витрине шкафчика для личных дел обратившихся. Звон бьющегося стекла и вытянувшееся лицо сотрудницы, заглянувшей в дверь, слегка отрезвили его.

— Извините, пожалуйста, — пробормотал он, опустив взор, чувствуя как запоздалый стыд разливается холодом по щекам, — что-то на меня нашло…

9

Кирочка открыла глаза. Перед нею обнаружился всё тот же подвешенный монитор с мигающей зелёной надписью:

ПРОВЕРКА ЗАВЕРШЕНА.

— Ооооо, больно-то как! Вот идиот! — шёпотом ругался в соседнем кресле Крайст,

потрясая в воздухе совершенно целой и невредимой правой кистью. Через мгновение очнулся и он. Непонимающе поморгал, повернулся к Кирочке и рассмеялся:

— Ну что, прикольно прокатились?

Она удивлённо озиралась.

— Теперь-то мы хоть по-настоящему проснулись? — спросила она с сомнением.

— Надеюсь, что да. При проверке предусмотрено так называемое «ложное пробуждение». Оно нужно для того, чтобы мы раскрепостили свои мысли и не смогли скрыть их от компьютерной программы, — Крайст рассмеялся, — это и есть самое гениальное изобретение доктора Хосе, сколько бы раз такую штуку над человеком не провернули, он всё равно верит!

Лаборантка досадливо шикнула на них, приложив палец к губам и указав на огромную табличку на стене — НЕ ШУМЕТЬ — затем она по-прежнему молча протянула им какие-то свёрнутые в трубочки зашифрованные письмена-распечатки результатов исследования с комментариями — и жестом приказала следовать за ней к выходу из лаборатории.

— Не слишком гостеприимное местечко, — изрекла Кирочка, поёживаясь, когда они уже оказались на улице.

— Поехали скорее, интересно, как там Эрн, — она немного смутилась от неожиданно возникших в воображении обрывков воспоминаний-снов.

— Я всё теперь про тебя знаю, — сказал, значительно и немного ядовито ухмыляясь, Крайст.

Кирочка покраснела.

— Не переживай. Ты совсем скоро увидишься со своим страстным мачо, — продолжал он откровенно насмешливо, — только надо сперва отвезти наши тесты полковнику Мерроуз…

В машине Кирочка сидела, насупившись, и молчала.

— Как же этой адской машине сна удалось сделать так, чтобы мы оба оказались в одном и том же мысленном пространстве? — спустя какое-то время спросила она так, как будто бы ничего не произошло.

— Это тоже изобретение доктора Хосе. Оно секретное. Никто не знает, каким образом, но обруч, который они надевают на голову, не только контролирует импульсы, излучаемые мозгом, но и может управлять ими… Они способны заставить тебя думать обо мне, а меня — о тебе, и измеряют при этом величину нервных сигналов…

10

— Молодцы, ребята. Потрясающая эмоциональная стойкость! — искренне восхитилась Айна Мерроуз, пробежав глазами результаты теста; по длинным тонким листам голубоватой миллиметровой бумаги тянулись неровные чёрные линии энцефалограмм, под которыми мелкими буквами были даны пояснения.

— Вам разрешено продолжать охранять Эрна вдвоём, — объявил генерал Росс, который тоже зашёл в кабинет Айны Мерроуз взглянуть на распечатки с машины сна; Билл и Кира, видимо, были ему небезразличны, он одобрительно похлопал молодых офицеров по плечам, потом подмигнул и расхохотался:

— Да, Айна, были времена. Мы с тобой, прости Господь, такое там вытворяли, в этом виртуальном пространстве, что если поминать, то и теперь лысина краснеет… Нас тогда за непройденную проверку в разные места служить бросили, — пояснил он для Билла и Киры, — тридцать лет прошло; теперь нам только и осталось, что чуткая стариковская

дружба…

Айна Мерроуз улыбнулась светло и чуть грустно, потом убрала сложенные бумаги в ящик. Входя в кабинет, Кирочка заметила, что на столе у полковника Мерроуз лежит книга. Поприветствовав пришедших, Айна быстро спрятала её под папку, как будто стеснялась чего-то. Но Кирочка успела прочесть название. Это был популярный сентиментальный роман «Сорок соприкосновений». Кирочка тоже недавно прочла эту книгу. За несколько ночей, охраняя мирный детский сон Исполнителя Желаний.

Она припомнила содержание. Главные герои полюбили друг друга в юности и продолжали любить всю жизнь, но им не удалось соединить свои судьбы, она вышла замуж за другого, он женился, и на протяжении всего романа они изредка встречаются, никогда не признаваясь друг другу в том, что прежние чувства не угасли. Их судьбы автор описывает параллельно, рассказывая то о нём, то о ней — читатель оказывается поочередно то в тихом провинциальном городке, куда уехала с мужем Джуна, то в кипящей жизнью столице, где непрестанно ищет благополучия, меняя работы и съёмные квартиры Расс. Каждый из героев решает свои будничные проблемы и встречает свои маленькие радости, а видятся они в основном на различных торжествах, куда их приглашают старые друзья. Джуна ведёт дневник, в котором она описывает каждое соприкосновение с любимым, они всегда только мимолётные, случайные. День за днём, год за годом проходит жизнь. Последнее, сороковое соприкосновение происходит на кладбище, когда герои провожают в последний путь одного из общих знакомых. Этот эпизод в своё время растрогал Кирочку, и сейчас ей захотелось его перечитать.

— Можно глянуть вашу книгу? — спросила она тихо у Айны, когда генерал и Биллл уже вышли.

Полковник Мерроуз немного смутилась. Кирочке даже показалось, что Айна намеренно избегает смотреть на неё. Склонив как всегда аккуратно убранную голову с венком толстых седых кос, она сдвинула бумаги на столе и, найдя роман, молча протянула его девушке.

Кирочка раскрыла книгу; бегло просмотрев её, нашла нужное место. Разгладила немного загнувшуюся страницу и начала читать:

«Пока священник говорил, все стояли неподвижно, день был тёмный, пасмурный, и прохладный ветер приносил мелкие капли дождя. Расс открыл зонт и предложил Джуне встать рядом — казалось бы, ничего особенного, дружеская услуга — но для них обоих в этом было что-то волшебное. Она сделала небольшой шаг и оказалась под навесом его большого зонта. Расс смотрел на неё. Джуна была уже совсем старая — последний раз они виделись больше десяти лет назад и тоже на похоронах — когда-то необыкновенно красивое лицо её высохло, сморщилось, сделавшись похожим на мятую бумагу; она стала как будто бы ниже ростом, из-под чёрного платка выбивались совершенно уже седые волосы. Но, что удивительно, тот трепет, который всегда охватывал Расса и Джуну от близости друг с другом, не исчез даже теперь; они чувствовали его оба, стоя в толпе под дождём на чужих похоронах, некрасивые, немощные, сами уже готовые обратиться в прах, точно два высохших цветка; так огромно мощно и напрасно они оба всё ещё были полны несбывшихся, теперь уже несбыточных желаний… Расс держал в одной руке зонт, а другой опирался на палку. Ему очень хотелось сказать о том, что происходит с ним в эту минуту стоящей рядом в молчании женщине, подслеповатые выцветшие глаза старика увлажнились, и Джуна, точно угадав, робко положила свою сухую маленькую руку поверх держащей трость покрытой ржавыми старческими пятнами руки Расса. Священник говорил о вечной жизни, о вечном

блаженстве в Царстве Божием, и оно было здесь, это Царство, под этим низким плачущим небом, под чёрным зонтом, скрытое от всех, точно маленький огонёк зажигалки, который заслонили ладонями от ветра…»

— Спасибо, — сказала Кирочка, возвращая роман полковнику Мерроуз.

В ответ Айна только улыбнулась, кротко и как будто чуть виновато; приняв у девушки книгу, она сразу убрала её в ящик стола.

11

— Эти сны не могут быть вещими? — спросила Кирочка у Билла по дороге из Управления.

— Ты правда этого хочешь? — осведомился он с поганой ухмылочкой.

— Да я не про то, — отмахнулась она, досадливо хмурясь, — Крайст в своём репертуаре, все мысли в одну сторону, как мусор по ветру. Хватит уже шутить, иногда так бесит это, человек серьёзно с тобой разговаривает, а ты всё превращаешь в какой-то фарс…

— Ладно, ладно, не буду… — закивал Крайст, подавляя непрошенную улыбку.

— Вот в чём дело, — начала Кирочка обстоятельно, — когда мы с тобой уезжали на проверку, я очень волновалась, что об Эрне не позаботятся должным образом, так вот, в этом сне, или как его назвать, в этом видении, парень, которому поручили охранять Эрна, оказался таким олухом… Он за чипсами в супермаркет ходил.

— Но ведь всё обошлось?

— Не совсем… В конце Эрн всё-таки пропал. По другой, правда, причине, но… Мне немного не по себе.

— Эти сны имеют отношение лишь к нашей внутренней реальности, связь между нею и внешним миром пока не доказана наукой; тревога за Эрна, не покидавшая тебя во время проверки, проявлялась определёнными сигналами мозга, машина доктора Хосе прочла их и промоделировала ситуацию с исчезновением. Только и всего.

Кирочка смотрела в окно автомобиля. Беспокойство её не улеглось, тем более, что она приметила на тротуаре какого-то растрёпанного длинноволосого парня с пакетом продуктов из супермаркета.

Машина въехала во двор и остановилась. Кирочка выскочила из неё, вбежала в подъезд, через две ступеньки поднялась по лестнице и… распахнула дверь.

То, что она увидела, определённо она видела не в первый раз. Ей показалось, что разобранная постель взбита точно так же как во сне, горкой, и даже большой пузырь, надутый ветром из занавески, практически идентичен пузырю из сна. Кирочка со стуком закрыла окно.

— Эрн! Эрн! — звонкий голос в тишине квартиры прозвучал одиноко и жалко, — Где ты? Выходи! — она ещё тешила себя последней надеждой, что, может, юный чародей в ванной, на кухне или прохлаждается в садовом кресле на балконе. Он любил пить там ледяную колу, любуясь городом с высоты.

Гора немытой посуды громоздилась в раковине. Большая муха неспешно ползла по краю белой с красной каймой тарелки, из которой Эрн утром ел оладьи со сгущёнкой.

Кирочка со вздохом включила воду. Белая пенная струя, обрушившись в бесформенную груду кружек, блюдец и мисочек, вынудила предприимчивую муху искать другое пристанище.

Следом в кухню вошёл немного растерянный и озадаченный Крайст.

Самое страшное предчувствие, конечно, оказалось не напрасным. Эрна нигде не было.

Он исчез. А на его кровати среди белоснежного белья не хватало только наручников с мигающим индикатором активности…

В дверь позвонили. Кирочка, не вытирая рук, метнулась открывать.

На пороге стоял тот самый длинноволосый парень с пакетом из супермаркета, которого она видела из окна автомобиля.

— Идиот! — воскликнула Кирочка, кидаясь на него с кулаками.

глава 11

1

Ни у кого не оставалось сомнений, что Эрна похитил Роберто Друбенс.

Белокурая Эрин, волнуясь, ёрзала на стуле в кабинете Крайста, взирала на него беспомощно и кокетливо.

— Мы найдём его, — говорил он ей с уверенностью в голосе, хотя сам ни черта не был уверен, и успокаивающе накрывал ладонью её руку, белую, маленькую, призывно положенную на стол.

Она смотрела на него снизу вверх, улыбалась доверчиво и очарованно, и верила ему, и хлопала своими глазами-незабудками, которые Крайст забывал тут же, едва за Эрин закрывалась входная дверь.

— Я почти уверен, что они добрались-таки до Тайного Ущелья. Иначе мы бы их хоть где-нибудь да засекли. Силу Эрна можно спрятать только там, — спокойно растолковывал он непутёвой мамаше чародея.

— Можно я пойду с вами выручать его?

— Боюсь, что нет. Тайное Ущелье — это такое место, куда проникнуть может только абсолютно не заинтересованное существо. Вы поймите, мы не пренебрегаем вами, просто вы всё равно окажетесь в итоге бесполезны, Эрин.

— Но не могу же я сидеть, сложа руки? — встрепенулась блондинка.

— Научитесь вязать крючком. Это поможет вам расслабится. Да и руки займёт, — Крайст взял одну из маленьких белых кистей колдуньи и сделал вид, что разглядывает её, — О! — воскликнул он с пафосным восхищением, — эти ручки, эти прелестные ручки, сияющая перламутровая кожа… Они созданы, чтобы держать веера и цветы, а не душить старых сумасбродов!

Эрин выслушала всю эту шутовскую лабуду, затаив дыхание.

— Вы проводите меня? — спросила она капризно, поднимая на Крайста тонкое милое личико. Когда Эрин была уверена в своей привлекательности, она выглядела ещё более забавно, чем обычно.

— Какая жалость! Вот именно теперь у меня неотложные дела. Надо в очередной раз спасать мир, ей богу, надоело уже… Да, увы, без меня никак… Но когда-нибудь обязательно! В другой раз, — заявил Крайст с широченной улыбкой.

2

День был тёплый, но ветреный, отчего небо находилось в беспрестанном движении — то оно вскипало неоднородной пеной сероватых облаков, то вновь очищалось, становясь ровным, густо-голубым точно ликёр кюрасао.

Одиночные остроконечные каменные глыбы попадались всё чаще как на одной, так и на другой стороне дороги по мере того, как она начала спускаться с плато к морю.

— Останови машину, Крайст, — попросила Кирочка.

— Зачем? — удивился он.

— Я хочу посмотреть.

Она вышла из машины и побежала к обрыву. Ветер рванул на ней белоснежный сарафан, растрепал волосы. Издали она была похожа на лепесток, который вот-вот

подхватит порывом. Крайст смотрел, и сердце его странно, грустно и сладко сжалось, так бывает, когда расстаёшься с чем-нибудь навечно, незначительным, но дорогим, или нечаянно обнаруживаешь в ящике стола фотографию давно умершего близкого человека.

Кирочка приблизилась к краю обрыва. Далеко внизу бурлило море, грузно ударяясь о ноздреватую, бугристую, похожую на мятый картон, отвесную стену берега. Раньше она видела такое только в кино. Неистовый восторг наполнил её, как девочку. Волны были высокие, грозные. Тёмными глянцевыми валами накатывались они на камни, разбивались вдребезги, откатывались назад, разгонялись, пухли и снова разбивались, бесконечно повторяясь и ни разу не повторившись в точности.

Шум моря доносился до Кирочки в виде невнятного гула. Предштормовой ветер трепал её распущенные волосы, размётывая их словно пучок чёрной травы, сильно, беспорядочно.

Она радостно взмахнула руками и побежала обратно к машине.

— Спасибо, — сказала она, смеясь, — если мне суждено погибнуть на задании сегодня, то я не буду слишком уж сильно жалеть, я видела море! И такое море!

— Говорят, это заколдованные края, и каждому, кто приходит сюда, они кажутся самым красивым местом на Земле. Здесь район вулканической активности. Там, дальше, есть ещё чёрные пляжи…

Плотные платиновые облака вдруг раздвинулись, и показалось солнце. Угольно-чёрные, островерхие скалы из редкостного обсидиана с вкраплениями слюды засверкали бесчисленными мелкими радужными блёстками.

— Боже мой, — выдохнула Кирочка очарованно.

Некоторое время ехали молча, Крайст сосредоточенно вёл машину по извилистому шоссе, Кирочка не могла налюбоваться суровой красотой камня. Она была так разнообразна, необычайна, и на её фоне совершенно забывалось, что вокруг нет ничего живого, ни деревца, ни кустика, ни былинки.

— Ты знаешь, где оно, мы скоро приедем?

— Вход в Тайное Ущелье не находится в каком-то определённом месте, — пояснил Крайст, — мы с тобой должны его угадать.

— Как?

— Положись на интуицию. Подумай о цели, приведшей нас в Тайное Ущелье, и когда почувствуешь, что надо свернуть или остановить машину, говори мне.

— Вот тебе раз, — пробормотала Кирочка, — послушно откидываясь на сидение и прикрывая глаза.

Солнечные пятна ползли по её лицу. Крайст отвернулся. Ему невольно припомнилась сцена из сна. Этого уголка своей души, открывшегося ему так внезапно, он боялся и стыдился. Как исступлённо бросилась она тогда к нему на шею! Какой показалась в тот миг женственно-беспомощной и ошеломляюще нежной! Ничего подобного, конечно, в реальности никогда не происходило. Всё было только грёзой, мороком, невесомым переплетением мыслей, никому кроме него неведомым… Но кто осмелится утверждать, что бесплотная мысль — есть нечто менее настоящее, чем осязаемая массивная скала. По мнению некоторых философов, мысли даже прочнее скал.

— Мне кажется, что это здесь, — предположила Кира.

Крайст остановил машину и вышел, хлопнув дверцей. Под прикрытием скал было безветренно. Машина стояла на обочине шоссе, проложенного по краю пропасти; на другой стороне этой пропасти возвышалась отвесная каменная стена.

Билл постоял немного возле обрыва. На пористой тёмно-серой поверхности скалы кое-где лежали мелкие округлые камушки. Он легонько пнул носком кроссовка один из них. Камушек с тихим шуршанием прокатился по камню, сорвался вниз и пропал в туманной глубине пропасти. Билл выкурил сигарету и вернулся к машине.

— Ты правильно чувствуешь, только нужно будет пройти ещё немного вдоль пропасти, покуда не увидим мосты.

Кирочка прихватила с собой пистолет и захлопнула дверцу.

В молчании они пошли почти по самому краю обрыва, стараясь особенно не торопиться, прислушиваясь к глухому звуку собственных шагов.

— Старайся ни о чём не думать, — полушёпотом посоветовал Крайст через плечо, — Ущелье, конечно, нас всё равно услышит, но хотя бы не будет слишком агрессивно…

— Это самое трудное — ни о чём не думать. Но я постараюсь, — пообещала Кирочка.

Со всех сторон возвышались обсидиановые скалы. Они были похожи на непрогоревшие угли в камине, но когда из-за облаков ненадолго показывалось заходящее солнце, его золотистые лучи рождали на поверхности угрюмых каменных глыб миллионы искрящихся блёсток. Красота искушала взор, Кирочка шла, беспокойно вращая головой, жадно озиралась, не желая упустить ни единого ракурса, с которого можно было поглядеть это сияющее великолепие. Крайст шёл, ни на секунду не забывая о пропасти; он украдкой поглядывал на восторженную Киру, ежеминутно оценивая расстояние от носков её кроссовок до обрыва.

Вскоре они увидели подвесные мосты. Их было сразу три, и каждый из них выглядел вполне настоящим, вызывал доверие, желание ступить и пойти, полностью вверив жизнь его ребристой шаткой спине.

— Почему их несколько? — с удивлением спросила Кирочка.

— Это мосты-миражи, — пояснил Крайст, — никто не знает, по какому из них можно пересечь пропасть, а какие два — неминуемая гибель, — он красноречиво шагнул к самому краю и поглядел вниз.

Там, далеко, промеж асфальтно-серых отвесных стен будто варево в кастрюле клубился плотный белый туман.

— Только один из них настоящий?

— Только один.

— А остальные?

— Обманы. Пустота. Выберешь один из них — пиши пропало.

— Так, может, как-то проверить мост? — неуверенно предложила Кира, — Вот, например, взять какую-нибудь длинную палку и постучать по этим доскам, узнать, настоящие они нет.

Крайст одобрительно усмехнулся, словно хорошей шутке.

— Ничего не выйдет. Это ведь настоящие миражи, а не просто оптические обманы, они обваливаются не сразу, а иногда даже в самом конце, на последнем шаге. То есть эти мосты почти настоящие. И ты не поймёшь, что это мираж, покуда не выберешь и не пойдёшь выбранным путем.

— Как же так?

— А как в жизни? Разве мало таких обманов, иллюзий, когда какая-то вещь представляется тебе совершенно очевидной, а на деле всё оказывается наоборот. Так и тут. Вот он вроде, мост, а в действительности нет его…

— Кто же из нас пойдёт?

Вопрос прозвучал риторически. И оба это понимали.

— Пойти должен тот, кто весит меньше, — сказал Билл, — не в физическом, разумеется, смысле… Тот, кто меньше заинтересован. После проверки на машине сна…

Кирочка нахмурилась и не дала Биллу продолжить.

— Понятно. Вряд ли это я…

— Но причина не только в заинтересованности — продолжал Билл, — Я привёл тебя в ОП, и, согласно неписанным правилам, навсегда останусь в каком-то смысле ответственным за твою судьбу. Как наставник я должен оберегать тебя. Иногда, если это необходимо, даже ценой собственной жизни.

Они остановились над пропастью. Облака медленно расходились, открывая оранжевое солнце. Некоторое время оба в молчании наблюдали, как крутой склон на другой стороне пропасти наливается искрящимся блеском.

Внезапно Билл, развернув Кирочку к себе за плечо, заглянул ей в лицо; в выражении его глаз метнулось что-то странное, она застыла, ответив на этот взгляд, а потом он стремительно привлек её к себе и коротко, печатно-крепко поцеловал в висок.

Это было так неожиданно, так необыкновенно, что Кирочка совсем потерялась. Она размашисто, как при попытке удержать равновесие, раскинула руки, раскрыла рот, попыталась вдохнуть и воскликнула:

— Да ты что, совсем обалдел, Крайст?!

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Он — грустно и чуть насмешливо, она — испуганно.

А затем он круто повернулся.

И пошёл.

Лучи заката позолотили его лицо и плечи. Билл ступил на мост не рассуждая, не разглядывая, не оценивая его, не сравнивая с другими мостами — просто ступил и пошёл.

Кирочка напряжённо смотрела, как покачивается под ногами Крайста хлипкий подвесной мост. Он дошёл уже до середины, и волнение её почти улеглось, мост держал его, пусть шатко, но надёжно, он не собирался, казалось, ни обрываться, ни исчезать… Шаг. Ещё шаг. Крайст не торопился. Он шагал не слишком широко, руками помогая себе поддерживать равновесие. Кирочка затаила дыхание. До конца моста оставалось каких-нибудь метра полтора. Последние шаги самые трудные. Мосты-миражи любят исчезать именно тогда, когда цель уже так близка, что стоит только протянуть руку…

Крайст занёс ногу и…

В следующее мгновение он стоял уже на твёрдом камне скалы. Он справился, он перешёл.

— Я с тобой! — вскричала Кирочка, и прежде, чем он успел что-либо возразить, бросилась следом за ним по мосту, пробежала его не останавливаясь ни на миг, и, очутившись на другом берегу пропасти, едва не рухнула в объятия Крайста.

Он предусмотрительно отодвинулся.

— А если бы мост пропал? — спросил он строго.

— Но ведь он же выдержал тебя…

— Я гораздо легче, — сказал Крайст с едва уловимым оттенком укоризны в голосе, — ты ведь, признайся, всё-таки немножко влюблена в Эрна…

— Как сказать… — Кирочка смиренно опустила ресницы. — Не знаю.

Они пошли куда-то вдоль скалистой стены, теперь прижимаясь к ней практически

вплотную. Тропинка вела их по узкому уступу, местами сколотому или заваленному камнями. Когда нужно было перешагивать узкие, но невероятно глубокие расщелины или перебираться через груды осыпавшейся породы, Крайст подавал Кирочке руку.

— Ну вот, — ворчал он, помогая ей преодолеть очередной завал, — этого я и боялся. Женщина в таких местах — обычно только лишняя морока.

Наконец они добрались. Отвесная стена неожиданно оборвалась, в чистое небо впился самый высокий последний её остроконечный зубец, тропинка резко покатилась под гору, но там, пока ещё очень далеко внизу, зыбко зеленела роща, и слышен был плеск реки в глубокой туманной долине.

Времени на спуск пришлось потратить порядочно. Идти нужно было очень осторожно — на маленьких круглых камушках, которые встречались на их пути, было так легко оступиться! И Крайст, недовольно сдвинув брови, в особенно опасных местах снова помогал своей спутнице, боязливо и неловко переставлявшей по крутому склону свои необычайно длинные ноги.

В долине их поджидала развилка. Тропинка раздваивалась. Одно из её продолжений, наиболее привлекательное, заманчиво широкое и ровное, уходило в глубину леса, а другое, узкое и каменистое, тянулось вдоль крутого берега порожистой реки.

— Вот видишь, тут расслабляться нельзя, — заметил Крайст, — поверь, Ущелье не слишком нам радо, и приготовило ещё немало сюрпризов.

— По какой же из этих двух тропинок нам идти? Давай разделимся, ты пойдёшь лесом, а я по берегу.

— Боюсь, что именно такого решения и ждёт от нас Ущелье.

— Как же нам быть?

— Идём вместе.

Билл решительно повернул в сторону леса. Солнце опустилось уже так низко, что его не было видно за горами; лишь нежно розовое сияние разливалось там, и остроконечные зубцы на его фоне казались ещё чернее. Стремительно начало смеркаться.

Едва они оказались под густыми кронами необыкновенных деревьев — то были не дубы, не клёны и не каштаны — удивительное спокойствие снизошло на них. Кирочка начала замечать, что прошлое, все воспоминания тревоги, постепенно отходят на второй план.

Листья деревьев, широкие и шершавые, словно работящие ладони, светились в темноте призрачным нежно-голубым цветом. От этого в роще было светло. Ночные бабочки, огромные, словно птицы, искрящиеся, оставляющие за собой шлейф из мириад сияющих блёсток, разноцветные: белые, сиреневые, розовые — порхали повсюду.

Мягкий как перина мох устилал камни и пни, заползал высоко на мощные в несколько обхватов как у секвойядендронов стволы.

Они остановились, чтобы послушать фей, скрывающихся в листве, которых здесь было великое множество, но полупрозрачные светящиеся крылышки всевозможных цветов и оттенков были сложены, и казалось — в кронах магических деревьев нет никого — лишь тихое пение выдавало их присутствие.

— Билл, ты помнишь, зачем мы здесь? — спросила Кира беззаботно, наблюдая за малюсенькой феей, спустившейся с ветки к ней на ладонь, — гляди, какие они забавные!

— Мы ищем Эрна, — ответил Крайст озабоченно, — по-моему, тебе нужен «Античар». Он достал из кармана блистер и выдавил на ладонь небольшую гладкую капсулу.

Кирочка взглянула на него недоумённо.

— Глотай, — велел Билл и тотчас отвернулся.

Обращённые к нему большие тёмные глаза Кирочки, подёрнутые туманной поволокой, были гораздо опаснее чар волшебного леса. Она сидела на мху, опираясь на руку и подогнув согнутые в коленях ноги. Лёгкая юбка немного задралась; нежная кожа бёдер как будто слабо светилась в полумраке.

«Ведь она даже не вспомнит ничего, если…»

Билл обрубил мысль. Он умел с ними справляться. В эту секунду он почувствовал себя как никогда благодарным Ехире и злым на доктора Хосе, этого живого мертвеца, сколотившего капитал на грёзах прожорливых анорексичек и похотливых неудачников. Век векуй, а всё равно никогда не скажешь с уверенностью, кто сделал тебе добро, а кто подложил свинью!

Кирочка неохотно повиновалась и проглотила капсулу. Примерно через пару минут к ней вернулась способность рассуждать здраво.

— Растяпа, — отругал её Билл, — отправляясь в такие места надо постоянно быть начеку. А ещё одна хотела идти!

Она выслушала отповедь с опущенным взором. Подав руку, Билл помог ей подняться на ноги; минуту спустя они уже продолжали путь.

— Гляди-ка! — воскликнула Кирочка, указывая пальцем в просвет между деревьями, куда уходила тропинка, — там Эрн!

— Точнее Эрны…

Прямо на них из глубины зачарованного леса вышло несколько совершенно одинаковых юношей, каждый из которых как две капли воды похож был на юного чародея.

— И который из них наш?

— Это фреи, лесные духи. Они могут принимать любое обличие. О чём думает больше всего человек, который встретит фрею, тем она ему и покажется.

— А что они делают?

— Заманивают путников в глубину леса и исчезают. Найдёт дорогу — повезло, не найдёт — чаще всего так и бывает — сам виноват. Не все видят фрей, а только те, кто сильно зависит от своих желаний.

— Это я..? — спросила Кирочка удивленно и чуть сконфуженно.

— Получается, так… Не моё же воображение наплодило тут целую роту Эрнов?

— Кто тебя знает, — раздосадовано буркнула Кирочка.

Клонированные Эрны ещё немного постояли вдоль тропинки, устремив на Кирочку несколько пар зовущих аметистовых глаз, но вскоре, смирившись, видимо, с тем, что на них не обращают никакого внимания, один за другим медленно растворились в воздухе.

Путники двинулись дальше. Кирочка воодушевленно озиралась.

— Чтобы не поддаваться чарам, — сказал Билл, — лучше всего вести какую-нибудь пустяковую беседу. Разговор, сам процесс произнесения слов, хорошо помогает отвлечься от мыслей. А в волшебном лесу это как нельзя кстати.

— Почему здесь люди видят свои желания? — спросила, немного подумав, Кира.

— Да люди свои желания видят везде, так уж они устроены, разум имеет свойство подкрашивать факты в свою пользу, — усмехнулся Билл, — просто волшебный лес это многократно усиливает, как лупа. Я знавал одного парня, который выдумал целую религию, и, представляешь, она у него работала! Он молился своему личному Богу и даже получал в

ответ от него некоторые бонусы… Как тебе такое?

— Ну, нет, — отмахнулась Кира, — в жизни обычно приходится изрядно попыхтеть, чтобы твои желания исполнились.

— Так только кажется. Это защита. Люди не умеют радоваться тому, что досталось им без труда. Радость, с точки зрения разума, всегда должна быть наградой.

— Люди по-моему вообще не умеют радоваться тому, что у них есть. Ярчайший тому пример: те твои две ведьмы, Крайст, зеленоглазая и блондинка. Каждая из них неистово жаждет занять по отношению к тебе место другой. Со стороны, поверь, это очень заметно. Блондинка отдала бы всё за то, чтобы оказаться в твоих объятиях, пусть всего на одну ночь, а зеленоглазая наоборот, она мудрее, скорее предпочла бы дружбу… И оттого, что у каждой из них есть то, о чём мечтает другая, они безумно завидуют друг другу и испытывают взаимную неприязнь…

— Ты меня прямо смутила, — тихо сказал Билл, с удивлением поймав себя на том, что подобные рассуждения, в общем-то вполне объективные, в устах Кирочки способны вогнать его в краску точно так же, как шестнадцатилетнего Эрна — рассказанный при нём скабрезный анекдот.

Кирочка злорадно хихикнула.

— И всё же… — принялась рассуждать она через некоторое время, — почему именно желания являются такой универсальной валютой? И волшебный лес, и машина сна, и гении маркетинга используют их для управления людьми… Неужели нет ничего другого?

Билл помотал головой.

— Желания — единственный стимул к жизни, ибо в каждый момент времени они наполняют её новыми смыслами.

Он внимательно посмотрел Кирочке в лицо; по нему пробежали беспокойные лунные тени ветвей. Глаза её сейчас казались совсем чёрными. Пухлые выпуклые губы отбрасывали лёгкую тень на подбородок. Светлая кожа загадочно и почти страшно светилась в полумраке. И снова Биллу подумалось про Эрна и его любовь к этой девушке, про машину сна и про самое первое его собственное впечатление — раскрасневшаяся, растрёпанная, длинно-длинно-длинноногая летит она по тротуару прямо на него…

Взгляд Билла, видимо, выдал его мысли.

— Грустно, Крайст, — сказала Кира совершенно искренне и отвернулась, — и тайные желания, и фреи, и мосты-миражи… Вокруг нас слишком много всего иллюзорного, ты не находишь? Я слышала о таком странном религиозном учении, — добавила она после недолгого раздумия, — в нём говорится, будто всё вокруг — лишь сон спящего Бога.

— Может, и сон… — Билл ненадолго задумался, — Знаешь принцип неопределённости в физике? В мире квантовых частиц любое наблюдение меняет изначальные свойства системы. Добыча любой информации стоит определённых затрат. Потому ни одно наше знание не истина в том смысле, что оно в точности соответствуют реальности. Мы не можем сопоставить напрямую, сложить как оригинал и кальку — материю и идею. Это невозможно. Наблюдая реальность, мы её в каком-то смысле создаём…

Кирочка шла молча; может, она не знала, как продолжать этот разговор, а может, просто не хотела говорить. Запахи и звуки волшебного леса располагают к безмолвию.

— Смотри, это чёрная ель, — Билл указал спутнице в сторону от дороги, — растёт только здесь, в зачарованном лесу.

Кирочка не удержалась от того, чтобы подойти поближе. Она нерешительно ступила на

мох, из которого искрящимися брызгами взметнулись болотные феи и медленно пошла к деревьям, на которые указал ей Крайст.

Три ели были ещё совсем молодые, а четвёртая, вековая, ровно спилена.

— И тут браконьеры! Ну надо же! — проворчал, глядя на это Билл, — Хоть бы они уснули со своими топорами в обнимку! Вырезают, небось, из этой древесины безделушки…

— Красивые, должно быть, безделушки, — восхищённо пробормотала Кирочка.

На спиле древесина была тёмно-серая с тонкими ярко-фиолетовыми годичными кольцами и капельками застывшей сиреневой смолы. Кирочка обошла пенёк площадью с небольшой обеденный стол вокруг. Прикоснулась к его прохладной чуть липкой поверхности.

— Из сока этой ели делают «Античар», который мы принимаем, — пояснил Билл, — понюхай хвою, заметишь, как сразу прояснится в голове.

Кирочка подошла к молодой ели. Хвоя на ней была тёмно-тёмно серая, почти чёрная, блестящая и жёсткая, как будто сделанная из пластмассы.

Крайст вырвал несколько иголок и, размяв их пальцами, протянул Кирочке.

Они источали свежий и острый запах, чем-то напоминающий аромат свежей лимонной цедры. Вдыхая его, девушка ощутила прилив бодрости. Брести по мягкому длинному мху после этого стало как будто немного легче.

Пройдя вперёд всего около сотни шагов, Кира и Билл снова увидели нечто, заставившее их остановиться. Из чащи с небольшой корзинкой в руке прогулочным шагом вышел Ниоб. Он даже не заметил, казалось, непрошеных гостей леса, непринуждённо нагнулся за чем-то, вероятно, за грибом или горстью розаники, крупной, сочной, розовой болотной ягоды, затем запустил руку в корзину, очевидно, погружая туда находку, выпрямился и, как ни в чём не бывало, помахивая суковатой палкой, служившей ему посохом, продолжил свой путь по пышному голубоватому мху.

Билл проводил Ученика Магистра Белой Луны сумрачным взглядом.

— Это твоя фрея, — уверенно заключила Кирочка.

— Возможно, — отозвался Билл задумчиво, — впрочем, не исключено, что он настоящий.

— Вряд ли. Он попытался бы нам помешать.

— Не факт. Если Ниоб приближённый Друбенса, то это не означат, что он не может иметь собственного мнения.

Загадочный грибник тем временем пересёк тропинку в каком-нибудь десятке шагов от места, где стояли Кира и Билл, не удостоив их ни единым взглядом. Он ещё немного походил в зоне их видимости, регулярно нагибаясь за чем-то и выпрямляясь, а потом исчез в чаще.

Лес постепенно начал редеть, и вскоре, к большому облегчению для путников, тропинка выскочила из него на совершенно открытую местность, впереди — на вершине пологого песчаного холма — виднелись в сумерках мягко светящиеся окнами домики небольшой деревушки.

— Может, и не найдём никого, а хоть воды попросим, — сказала Кирочка, — я пить хочу.

Билл протянул ей флягу.

— Доверие ко Вселенной штука хорошая, но не в нашем деле, — пояснил он.

Войдя в деревню, Кирочка обнаружила, что проголодалась.

— Крайст, а бутерброда у тебя случайно не найдётся? — печально осведомилась она.

— К сожалению, нет. Худей.

Кирочка брела, понурив голову, еле волоча свои длиннющие ноги.

— Может, посидим, я так устала…

— Хватит ныть, — резко осадил её Билл, — неужели ты не понимаешь, что всё это — испытания Ущелья? Запомни: удовлетворение желаний никогда не меняет ничего в тебе, развитие обусловлено всегда лишь их преодолением.

Кирочка нехотя сделала ещё несколько шагов. Она совсем уже было пала духом, но вдруг заметила на лавочке возле одного из деревенских домиков знакомую хрупкую фигурку.

— Эрн! — воскликнула она.

Юноша поднял голову.

— Кира! Крайст! — воскликнул он с искренней радостью, — Слава богу, что вы пришли! Заберите меня скорее отсюда.

— А где Друбенс? — подозрительно поинтересовалась Кира, — да и вообще, не слишком ли всё просто, сразу вошли и сразу нашли, посмотри-ка на меня хорошенько, не морок ли ты, не глюк ли?

— Друбенс спит, — ответил Эрн с лёгким оттенком досады, — а Ниоб ушёл за грибами.

— Спит? — удивилась Кирочка.

— Он уверен, что Ущелье никого сюда не пропустит, а если и пропустит, не выпустит…

— Это он в точку, — заметил Билл, — радоваться рано, надо ещё суметь отсюда уйти.

— Тогда давайте не будем мешкать, — сказала Кирочка. Ей представилось в этот момент страшное лицо Друбенса, который спал в кресле с открытыми глазами.

Все трое двинулись по тропинке в сторону леса. Не прошло и десяти минут, как навстречу идущим попался Ниоб с полной корзиной каких-то синеватых колченогих грибов. Они остановились.

— Добрый вечер, — сказал Билл, — не особенно удобно собирать дары леса в сумерках, вы не находите?

Ученик Друбенса, насколько он мог судить по своим воспоминаниям о книжной ярмарке, ничуть не изменился. На голове у него надет был всё тот же тюрбан, что и десять лет тому назад, яркий, как у циркового фокусника; рукава халата точно так же размашисто свисали вокруг сильных волосатых рук, и лицо хранило всё то же выражение спокойного достоинства человека, знающего нечто, неведомое никому другому на свете.

— Добрый, — ответил Ниоб сдержанно и просто, словно он встретил соседа, а не людей, очевидно собирающихся похитить пленника его Учителя, — грибы чаровики как раз лучше всего собирать в темноте, они начинают светиться после заката.

— Мы решили немного прогуляться… — пролепетал Эрн, его виноватая интонация, даже если бы Ниоб до сих пор ни о чём не догадывался, выдала бы беглецов с головой.

Но Ученик Магистра даже бровью не повёл, он взглянул на Крайста, как показалось всем троим, с любопытством, остальных он не удостоил своим вниманием вообще, и пошёл дальше по тропинке к домику, осторожно поддерживая повешенную на локоть корзину.

— Надо же! Великая ценность! Поганки какие-то… — неприязненно заметила Кира.

— Из них варят элексир забвения, — деловито информировал своих спутников Эрн.

— Стой! — окликнул уходящего Ниоба Крайст.

Тот медленно обернулся.

— Ты почему за нами не гонишься, глиняная твоя чалма? — спросил Крайст с шутливым возмущением.

— А оно тебе надо? — в той же манере ответил ему Ниоб, и на его лице, широком, смуглом и загадочном, по которому решительно невозможно было определить возраст, мелькнуло некоторое подобие добродушной улыбки, — я не буду мешать вам, но и не помогу, — добавил он после небольшой паузы и вновь погрузился в своё удивительно ёмкое сосредоточенное молчание, в котором, казалось, больше смысла, чем в иных многословных тирадах.

Повернувшись, он пошёл к домику, и спина его удалялась так красноречиво, что стало совершенно ясно — он уже больше ничего не скажет.

Пока путники двигались в сторону леса, стемнело окончательно. Сонные маленькие феи попрятались под широкие листья, небо с одного края позеленело, и первые звёзды, словно рисовые крупинки, просыпались на его переливающееся полотно.

— Нам нужен привал, — сказала Кирочка, беззастенчиво зевнув.

Эрн в подтверждение её слов вяло облокотился на ближайшее дерево.

— В этом лесу и правда один шаг за сотню, — сдался Крайст, — давайте и правда немного полежим на мху, но, господи вас упаси от того, чтобы задремать. Засыпают здесь навсегда.

Эрн сел, прислонившись спиной к стволу толстого дерева. Кирочка растянулась на мху, её примеру последовал и Билл; они случайно соприкоснулись головами, оба почувствовали замешательство и, приподнявшись на локтях, взглянули друг на друга.

— Знаешь, Крайст, — сказала Кирочка доверительным шёпотом, обволакивающая их со всех сторон тихая ночь вызывала на откровенность. Светлячки мерцали во мху словно упавшие звёзды, — ты извини меня за ту глупость, что я сказала тебе у пропасти. Вырвалось…

Кирочке не хотелось обходить это происшествие молчанием, ей казалось, что тревожную значимость этого события можно сгладить, если говорить о нём прямо, неосторожно, без особой деликатности…

— Просто я была так поражена. Многие люди от удивления теряют дар речи, я не принадлежу к числу этих счастливцев, я теряю дар мысли, а способность ляпнуть, что ни попадя, у меня, к несчастью, остаётся…

— Ерунда. Забудь. Сам не знаю, что на меня нашло тогда. — Сказал Крайст и по своему обыкновению улыбнулся.

А Кирочку эта беззаботная улыбка сейчас немного обидела. В тот единственный миг, у подвесного моста, ей показалось, что от Билла исходит нечто удивительное, небывалое. Ей стало почти страшно, но этот страх был скорее приятным, как на аттракционе, когда маленький вагончик с дикой скоростью несётся вниз и всё замирает внутри… Крайст, наверное, и сам не понимал, насколько он был искренним в тот момент. Он тогда просто испугался, что видит свет божий в последний раз. Слишком испугался, чтобы прятаться от самого себя.

— Ничего страшного, — сказал Крайст, стараясь изобразить интонацией всепрощающее джентельменское великодушие.

— Я просто сама себе подумала невесть что, ведь это был дружеский поцелуй, не так ли, — быстро шептала Кира, и Крайст осознал, что предпочёл бы сейчас, чтобы она молчала, — обыкновенный дружеский поцелуй, — добавила она убеждённо.

— Конечно, дружеский, — эхом повторил Билл, выпуская в ночное небо струйку сигаретного дыма. Сейчас, когда смерть уже не стояла у него за плечом, он мог позволить

себе роскошь самообмана и сопутствующего ему очаровательного в своей наивности самодоверия.

— О чём это вы там шепчетесь? — ревниво справился Эрн из-под дерева.

— Да так… — ответила Кирочка, лениво шевеля губами, — ничего особенного…

— Идёмте, — сказал Крайст, решительно поднимаясь с земли, — пока совсем не разомлели.

Путники снова двинулись по едва различимой в ночи лесной тропинке. Крайст шёл впереди, а Эрн, воспользовавшись темнотой, немного осмелел и попытался взять Киру за руку. Неодобрительно кашлянув, она пошла чуть быстрее, сделала вид, будто бы догоняет Билла. Юный чародей немного обиделся, но про себя; поразмыслив, он решил не кривить свои красивые губки — в темноте этого всё равно никто не оценит.

Лес снова начал редеть.

— Неужели мы вышли? — Кирочка выглядела едва ли не разочарованной.

— Мы были готовы к трудностям, — сказал Билл, — и поэтому они нас испугались.

— Не забывайте, что мы ещё в Ущелье, — сказал Эрн, храня в интонациях оттенки досады на Кирочкину холодность, — скала пока не выпустила нас…

Приблизившись к каменным стенам, путники заметили, что тропинка, по которой они спускались с горы, пропала.

— Может, мы просто сбились с пути в темноте, и вышли не там, где нужно, давайте дождёмся рассвета, тогда всё станет ясно.

— Утешать себя не слишком хорошая привычка, — заметил Кирочке Крайст.

Она обиженно поджала губы.

— Я же говорил, что Ущелье не выпустит нас, — почти злорадно выпалил Эрн.

— Сделай что-нибудь, ты же колдун, — попросила Кира.

— Быть может, — ответил Эрн, наслаждаясь звучанием жёстких ноток в своём голосе, пусть, дескать, она знает, что лезть из кожи вон ради неё, он не собирается, — но, как назло, именно в Тайном Ущелье моя Сила практически бесполезна… Я, конечно, могу попробовать, но это сильный риск, если скала отразит удар…

— Все вместе мы отсюда точно не уйдём, — сказал Крайст, — надо вытолкнуть хотя бы одного, а он потом вытянет остальных.

— Каким образом?

— Из тайного Ущелья можно уйти легко и быстро только если тебя по ту сторону скалы тебя очень сильно ждут. Среди нас только один может похвастаться чем-то подобным.

Кирочка и Эрн переглянулись.

— У тебя там родители, — тихо сказал юноше Крайст. И тут же мысленно похвалил самого себя за предусмотрительность: куда тяжелее пришлось бы, вздумай он уступить сумасбродной просьбе Эрин и взять её с собой.

— И что я должен делать?

— Подумай о них с нежностью. Лучше о маме. Она колдунья и у неё намного больше энергии. Вспомни что-нибудь приятное о ваших отношениях, мысленно скажи ей несколько ласковых слов…

Эрн хмыкнул.

— Я постараюсь. Хотя, если честно, я очень сильно на неё зол. Она ни разу за всю жизнь не нажарила мне сырников.

— Прости. Старые обиды утяжеляют душу, подобно тому, как колёсам мешает

вращаться налипшая глина, — сказал Крайст.

Юноша прикрыл глаза и принялся усердно шевелить губами. Крайст и Кирочка с надеждой воззрились на него. Внезапно подул ветер, и через мгновение на том месте, где только что стоял Эрн, о нём напоминала только слегка примятая подошвами трава.

— Ушёл! — воскликнула Кирочка, — у него получилось!

— Теперь твой черёд, давай, — поторопил Билл, — думай о нём, у тебя тоже тогда получится выбраться, он же по тебе сохнет…

— Постой, — спросила Кирочка с неожиданной серьёзностью, — а о ком подумаешь ты сам?

— Подвернётся кто-нибудь, — легкомысленно отмахнулся Билл, — ты давай, не мешкай, а то Друбенс там, того и гляди, заметит пропажу.

Кирочка стояла на расстоянии вытянутой руки и смотрела на него. Молчание неожиданно сделалось напряжённым. Крайста любят все, к нему невозможно не чувствовать расположения, этакий очаровательный разгильдяй с белозубой улыбкой и свежими шуточками по карманам… Но есть ли кто-нибудь, для кого он действительно единственный, особенный, самый важный? Не просто «синеглазый красавчик», «свой парень» или надёжный сослуживец, а именно дорогой человек? Как раз такие всеобщие любимцы, как правило, оказываются на деле безумно одинокими!

— Знаешь что, Крайст, — сказала она, теребя завязки сарафана, — так, на всякий случай, если ничего другого не придёт в голову… Подумай обо мне…

И исчезла.

Порыв ветра пробежал по крупным листьям рощи, словно по клавишам. Билл прикрыл глаза… Берег. Белая фигурка, бегущая к краю обрыва. В ушах у него зашумело, и словно большая рука вдруг сгребла его и швырнула, словно фантик в мусорную корзину.

— И кто его, интересно, так любит? — услышал он рядом с собой удивлённый шепот Эрна.

— Он славный парень, — обиделась за друга Кирочка, — все помаленьку.

— Это значит никто, — ядовито заметил Эрн.

Крайст открыл сначала один глаз, а потом другой. Юный колдун немного сконфузился, подозревая, что тот мог слышать его последние слова. Но Крайст решил великодушно не подавать вида.

3

Выйдя из медитации, Роберто Друбенс с наслаждением потянулся в кресле.

— Ниоб! Принеси-ка мне кусок шоколадного торта! — крикнул он в приоткрытую дверь.

Позанимавшись, Магистр всякий раз подолгу упивался чувством выполненного долга, и щедро вознаграждал себя любимого.

— Сейчас, — отозвался Ниоб, — поправляя смуглым пальцем кремовую розочку на своей драгоценной ноше.

— А где Эрн? — спросил Магистр дежурно, и со сладострастным блеском в глазах вонзил десертную вилочку в мягкий бисквит, — что-то я не слышу его возни…

— Он пошёл погулять, Учитель, — ответил Ниоб с совершенно серьёзным, безразличным лицом и тут же удалился на кухню. Возможно, там он посмеивался в занавеску. Но никто этого не видел.

Доев торт, Роберто Друбенс сподобился задуматься над фразой Ученика.

«Как погулять? Куда, чёрт возьми?»
Когда он всё понял, было уже поздно.

глава 12. Мелодия черной флейты

1

Окружающее пространство казалось зыбким, тягучим, пластичным, точно тесто; Кирочка могла взять в руки любой предмет — пачку сигарет, авторучку, сумочку — и он способен был тотчас превратиться во что-то другое, изменить цвет, уменьшиться или увеличиться а размерах. Она медленно шла сквозь парк, деревья в котором колыхались плавно, неторопливо, как водоросли.

Внезапно её окликнули — Кирочка обернулась на зов — на тенистой парковой аллее примерно в полусотне шагов от неё стоял мальчик. Годами он был примерно как Эрн, но совершенно неприметный внешне — тонкошеий, длинноногий, как все подростки, стриженый наголо. В руках у него была флейта.

— Тот, кто сыграет на ней, станет твоим любимым. Ты оставишь ради него службу и проживёшь обыкновенную счастливую жизнь, — с оттенком грусти изрек мальчик, непонятным образом оказавшись совсем рядом с Кирочкой.

Пророческий тон, которым вынесен был ей этот удивительный вердикт, испугал девушку.

— Да не будет этого никогда! — интуитивно решив обороняться, воскликнула она возмущённо, — я один раз выбрала свой путь и никогда с него не сверну.

Мальчик смотрел на неё неотрывно, чуть склонив набок свою круглую почти лысую голову. Во взгляде его читалось сожаление.

— Вот увидишь, это будет совсем скоро, — снова заговорил он, — развязка ближе, чем ты думаешь…

Кирочку неслыханно разозлила самоуверенность этого незнакомого подростка.

— Я сама знаю, что мне делать, и мои поступки, будь то служба, любовь, отставка — только мои…

— Правда всегда внутри тебя, — сказал мальчик, — ты можешь её хорошо спрятать, но не уничтожить. Мы знаем всё о себе от начала до конца; и злишься ты сейчас только потому, что в тебе всегда было и есть то, чего боишься ты сама.

— Я ничего не боюсь, — выпалила Кира с вызовом, — даже Исполнителя Желаний.

Мальчик негромко рассмеялся.

Кирочка не выдержала.

— Да кто ты вообще такой? Если ты волшебник, то сейчас я тебе покажу, почём фунт лиха!

Она шагнула вперёд и вырвала у мальчика флейту.

— Ха-ха-ха! — добавила она выразительно, — Эта дудка не издаст ни звука! Гляди-ка, тут трещина!

— Поглядим… — сказал мальчик.

— Поглядим, — отозвалась Кирочка сумрачно.

Она достала из-за пояса пистолет и, бросив флейту на землю, принялась по ней стрелять.

Один заряд. Другой. Третий. Голубоватое сияние каждый раз окутывало флейту туманным облаком и медленно погасало.

Пистолет в руке у Кирочки покрылся инеем. Держать его становилось всё больнее.

Четвёртый выстрел.

Флейта, как ни в чём не бывало, лежала на крупном песке парковой аллеи, и, казалось, становилась с каждым выстрелом только лучше, новее.

Кира извела понапрасну ещё несколько зарядовых капсул; она стреляла до тех пор, пока длинная трещина на флейте не затянулась, будто царапина на живом.

— Она древнее, чем ты можешь вообразить, — сказал мальчик снисходительно, — и треснула давно, может, больше тысячи лет назад; твоё оружие бессильно против неё. Чёрная Флейта наделена самой древней силой, способной зачинать миры.

— Почему же ты сам не играешь на этой флейте? — спросила Кирочка растерянно, — Раз она такая замечательная…

— Моё время ещё не пришло, — сказал мальчик, и щёки его покрыл густой трогательный румянец, — на Чёрной Флейте играют всегда кому-то… Я пока не встретил ту, что будет слушать мою мелодию…

Сказав это, мальчик шагнул в сторону с дорожки; тонкопалая листва акации разом поглотила его; Кирочка сделала несколько нетвёрдых шагов вперёд — пространство как будто не позволяло ей двигаться; она хотела догнать странного предсказателя, но, разумеется, он бесследно исчез…

В окно светила шикарная золотистая полная луна. Её таинственная и немного жуткая прелесть внушала грустный и тревожный трепет. Кирочка встала и сдвинула плотные портьеры. От лунного света она с детства просыпалась так же, как просыпаются от чужого присутствия.

Залпом выпив стакан воды, девушка снова легла в постель.

2

Со временем Мика Орели оброс небрежной жиденькой бородёнкой, приобрёл округлое мягкое пузцо и ханжески-брюзгливые интонации в голосе — отцветший юноша, так и не сделавшийся мужчиной — он производил довольно жалкое впечатление. Становясь свидетелем каких-нибудь милых, но излишне, на его взгляд, фривольных сцен, вроде поцелуев в общественном транспорте, он обычно восклицал презрительно «О, времена! О, нравы!» тоном старой девы из классических комедий, осуждал молодёжь за её «распущенность и духовную глухость», обличительно сплетничал о сотрудниках с их реальными или воображаемыми «шашнями» и тому подобное. Как правило, человек, по каким-то внутренним причинам умышленно лишающий себя простых радостей жизни, становится нетерпимым к тем, кто их себе позволяет.

На новом заводе, где он теперь занимал пост заместителя директора, он был по-прежнему на хорошем счету, с ним приезжали консультироваться даже зарубежные специалисты, но — это являлось самым страшным и безнадёжным из всех произошедших с ним изменений — Мика больше не мог уже генерировать идеи так же непринуждённо и радостно как прежде — по каким-то неведомым причинам он резко сделался самым обыкновенным инженером — будто талант его всегда был чем-то отдельным, птицей, сидящей у него на плече, и в какой-то момент эта птица просто вспорхнула и улетела — мысли Мики отяжелели и заземлились — он работал уже без особого азарта, с нетерпением ждал обеденного перерыва, а затем и конца рабочего дня, чтобы поскорее пойти домой — досуг же он стал заполнять не познанием нового, как прежде, а стандартным набором общедоступных развлечений — просмотром кино, популярными книгами и телешоу.

В глубине души, однако, он очень стыдился этого своего превращения, догадываясь, что оно отнюдь не возвышает его в глазах окружающих — гений, скатившийся в посредственность, кому приятен такой вердикт? — и потому визит Билла Крайста нисколько его не обрадовал. Из чувства уязвлённой гордости Мика начал сторониться старых знакомых, знавших его в лучшую пору.

— Привет, старина, — сказал Крайст, входя к нему, свежий, гладко выбритый и сияющий подобно умытому росой маку, — как живёшь?

Мика Орели испытал в этот момент очень неприятное чувство — смесь невольного восхищения и досады, что он сам совершенно не такой весёлый и бодрый.

— Неплохо, — отозвался он, поджав губы.

— Я вот с чем к тебе пожаловал, — начал Крайст, — нужно арестовать одного очень пожилого волшебника, который становится опасен в связи с тем, что уже находится не совсем в здравом уме, и, как бы сказать, сделать это следует помягче, поделикатнее, без наручников, пистолетов и прочего… Старик всё-таки.

— Боюсь, что ничем не смогу помочь, — ответил Мика, чувствуя, как внутри него зарождается раздражение, — у нашего завода сейчас полным-полно заказов и у меня совершенно нет времени.

— Это задание правительственной важности… — мягко пояснил Билл.

Мика Орели начал сердиться. Он понимал: этот гнев является признанием поражения, но к великой своей досаде не мог его обуздать. Лёгкость, с которой он прежде брался за сложные и ответственные проекты, ушла, и теперь он больше всего боялся не справиться с поставленной задачей, посрамить не без труда заслуженное доброе имя.

— Я внештатный сотрудник ОП, — беспомощно огрызнулся он, — и вы не вправе меня принуждать…

— Никто не собирается этого делать, — отозвался Билл, — мы лишь взываем к благородным чувствам…

Губы Мики напряжённо дрогнули.

— Я не могу вам помочь, — повторил он.

— Ладно, извините, — сказал Билл, поспешно поднимаясь с обитого кожей стула для посетителей.

«Прежде Мика не выносил роскоши» — подумалось ему с оттенком сожаления.

3

— Может, я попрошу его? — спросила Кирочка, внимательно выслушав рассказ Билла.

— Проси, — согласился он, — терять ведь нам уже нечего. Аналогичных кадров у нас нет и не будет, он единственный инженер-физик, посвящённый в Тайну…

Когда Мика узнал от секретаря, что его опять беспокоят из ОП, он велел сказать, что его нет на месте.

— Я уехал в командировку! На Луну улетел! Куда угодно! — раздражённо воскликнул он, — Надоели, совсем не понимают отказов. Я же ясно дал им понять… Ненавижу таких людей. Душу из человека вынут, но добьются, чтоб сделали, как они хотят…

— Там уже другой товарищ, девушка, — извиняющимся тоном сказал секретарь, вежливо обождав, пока шеф набрюзжится вдоволь.

— Ладно, пусть зайдёт.

Когда секретарь вышел, Мика поспешно поправил перед зеркалом пиджак, с неудовольствием оглядел своё отёкшее лицо, сальные волосы, несвежий воротник и

обречённо вздохнул.

Узнав Кирочку, Мика испытал ещё большую горечь за постигшее его запустение духа. Ему даже показалось, что если бы все вздумали оставить его в ту минуту наедине с самим собой, он бы непременно заплакал.

Кирочка спокойно вошла в кабинет и села на кожаный стул для посетителей, тот самый, который неприятно поразил Крайста своей дороговизной. Мика смотрел, как она, открывая лицо, чтобы начать разговор, машинально заправляет за уши пряди своих глянцевых тёмных волос. Этот жест, полный какой-то полудетской невинной откровенности, умилил его — у Мики печально и сладостно сжалось сердце, трепыхнулась в нём нежность, — он не мог, конечно, обвинить Киру в том, что именно происшествие в гостинице «Прибрежная» положило начало его превращению из лучезарного гения в праздного обывателя… Он понимал, что это не может быть причиной; все перемены совершаются внутри, и обстоятельства играют лишь маленькие роли дорожных указателей, неудобных высоких порогов и некстати налитых стаканов спиртного… Девушка тут ни при чём… Но Мика никак не мог отделаться от смутного ощущения, что она сыграла в его жизни значительную, пожалуй, даже роковую роль.

Кирочка решила сменить тактику и не начинать разговор с делового обращения. Она пригласила Мику поужинать. Предложения — как весьма мудро рассудила она — действуют на людей куда благотворнее, чем просьбы.

4

Употребив под бараний шашлык изрядное количество спиртного — в прежние времена, надо заметить, он не пил вовсе и не излишествовал в еде, — Мика сомлел и открыл Кирочке истинную причину своего отказа. Толстый и пьяный, едва не рыдающий у неё на плече под свои скорбные излияния, он болезненно напомнил ей Лоренца Дорна на встрече выпускников. Все унылые люди похожи между собой, и разница лишь в том, что на тех, кто хоть что-то представлял собой в прошлом, значительно больнее смотреть.

То древнее тайное женское чутьё, которое, если не молчит, то практически никогда не ошибается, подсказало Кирочке, что сейчас все средства хороши, чтобы подстегнуть угасшее вдохновение инженера, но, памятуя об Эрне, она опасалась заходить слишком далеко… Да, честно сказать, не особенно и хотелось. Мужественность покинула его вслед за гениальностью. Кира ограничилась медленным танцем и несколькими легкомысленными глупостями, прошёптанными в самое ухо Мики многообещающим голоском — масштаб эффекта, произведённого этой нехитрой уловкой, в тот вечер поразил её — она прямо таки ощутила в себе самой присутствие некой мощнейшей силы, способной преобразовывать окружающий мир — отчаявшийся изобретатель расцвёл, точно одуванчик на припёке, начал болтать без умолку, шутить и похваляться как подросток… Кирочке почти без труда удалось то, чего не удалось Крайсту — уговорить Мику Орели в очередной раз оказать помощь Особому Подразделению.

5

В Храме Истинной Веры начался очередной ремонт. Оттуда вынесли все иконы, подставки для свечей и старинные резные ворота, закрывавшие вход в алтарь, и внутреннее помещение его теперь представляло собою весьма неприглядное зрелище: высокие окна, затянутые полиэтиленом, роняли скудный белёсый свет на развороченный пол и ободранные стены — вся отделка была снята для реставрации — а вместо чинных священников повсюду сновали строительные рабочие в заляпанных комбинезонах. Перешучиваясь и переругиваясь

между собой по ходу дела, они как будто не замечали двоих мужчин, стоящих под аркой бокового придела.

— Заманить его сюда задача не из простых, — говорил Крайсту, задумчиво поглаживая двумя пальцами свой подбородок, генерал Росс.

Где-то стучали, в широкой полосе света от приоткрытой двери роилась цементная пыль.

— Вдобавок, мы не знаем, чего ожидать от него. Безумный Магистр — это самое сложное и опасное, ибо отсутствие страха за себя, сопутствующее сумасшествию, раскрепощает в существе немыслимую жестокость.

Крайст медленно прошёл в глубину Храма и поднял голову. Наверху рабочие потихоньку начали снимать с потолка старинные витражи, которые прежде подсвечивалась дневным светом, льющимся из окон главного купола. Теперь купол был разобран, а когда сняли и первый фрагмент витража, над головой глядящего вверх Билла просто-напросто разверзлась солидная дыра. Из дыры на него смотрело небо; чинно, словно медузы, проплывали в нём клочковатые серые облака.

— Вот тебе и место силы, — задумчиво проговорил он.

Несколько мелких капель дождя упало на его раскрытую ладонь.

6

Эрна, который должен был служить приманкой для Друбенса, с разрешения настоятеля поселили в небольшом флигеле во внутреннем дворе Храма. Узкое тёмное помещение не слишком устраивало его, но вынужденная близость Кирочки несколько компенсировала дискомфорт; используя тесноту как предлог можно было ненароком к ней прижаться, чтобы ощутить ликующим телом — пусть всего на мгновение — какие-нибудь её выпуклости или округлости, или можно было жалобно просить её посидеть на краешке жёсткой кровати перед сном, ссылаясь на жуть сумрачного строения, и она на это нехотя, но соглашалась.

Наступала ночь, рабочие давно уже ушли, и ничто не нарушало безмолвия храмового двора. Кирочка и Эрн сидели молча; каждый из них занимался своим делом: он играл на планшете, она просматривала на экране своего телефона недавно присланные дела. В малюсеньком окошке под потолком грустно мерцала одна единственная мерклая звезда.

— У меня болит колено, — сказала Кира, стесняясь того, что ей приходится просить. Она как могла старалась держать с Эрном дистанцию, а просьба всяко означала стремление к сближению. Но её теперешнее обращение к нему было вынужденным — в последнее время сустав болел так сильно, что она перестала высыпаться.

— Я Исполнитель Желаний, а не целитель, — тихо ответил юноша, — любая болезнь означает, что в твоей жизни что-то не правильно, и если я с помощью магии уберу боль, проблема не будет разрешена, она просто перейдёт в другой энергетический слой, и у тебя рано или поздно начнутся неприятности иного рода… Это то же самое, что пить обезболивающие. Боль уходит, но выздоровления ведь не наступает…

— Ты меня своими колдовскими премудростями не грузи, — пробормотала Кирочка недовольно, — просто сделай, чтобы мне не было так больно.

Сумрачно сдвинув брови, она погладила своё колено сквозь ткань платья.

— Как хочешь, — юный колдун вздохнул, — будь по-твоему… Только для того, чтобы я мог… лечить, позволь мне к тебе прикоснуться…

— Да, пожалуйста, — слегка поморщившись от боли, Кира вытянула больную ногу и немного приподняла юбку.

Эрн напряжённо и как будто испуганно глядел, как ползёт по её гладкой светлой коже

краешек тонкой ткани… Обмирая стыдливо и радостно от той малости, что была ему позволена, он протянул руку и накрыл ладошкой чуть припухшее больное Кирочкино колено.

Сразу же она почувствовала удивительно приятную прохладу от его прикосновения, колено, накрытое рукой волшебника, в темноте мягко засветилось голубым, боль ушла, на смену ей пришла удивительная лёгкость. Кирочка без усилий согнула и снова разогнула ногу — ещё минуту назад это стоило бы ей мученического стона.

— Просто фантастика, — воскликнула она, от радости даже не попеняв Эрну, что, пользуясь ситуацией, он подвинул ладонь чуть выше, и теперь она лежала почти на середине бедра, возле края платья.

Юный чародей вовремя спохватился и убрал руку. Кирочка, окрылённая своим облегчением поднялась на ноги и принялась в шутку танцевать, кружиться, насколько позволяла это тесная тёмная каморка.

Эрн зачем-то приложил ладонь, которая только что лежала на исцелённом колене, к своей щеке. Ему теперь казалось, что эта рука особенная — он чувствовал оставшийся на ней нежный, едва уловимый запах…

7

Магистр Друбенс стоял возле большого зеркала в прихожей и собирался в свой самый последний путь. Он как следует надушил бороду, тщательно поправил галстук, манжеты, пригладил волоски вокруг лысины и подозвал Ниоба.

— Думаешь, мне идти? — спросил он.

— Решать только вам, — ответил Ученик, — вы ведь всё знаете и сами. Серые расставили ловушки, но, опять же, это не гарантия вашей полной невозможности осуществить задуманное.

— Что ты видишь? — порывисто обернувшись к нему от зеркала, с раздражением воскликнул Магистр, — Когда ты уже начнёшь говорить по существу? Что ты за предсказатель, если за всю свою жизнь ты не предрёк ни одного конкретного события? Бездарность! Вот зачем, спрашивается, я потратил на тебя столько времени?!

— Идите, Учитель, — не теряя спокойствия, отозвался Ниоб, — Ваша судьба ждёт вас.

8

Регистратор магической активности на руке у лейтенанта Лунь испуганно пискнул.

— Он здесь, — воскликнула она шёпотом.

Большие аметистовые глаза Эрна в полумраке обратились к ней.

— Не бойся, — добавила Кирочка через мгновение, — подкрепление уже едет…

— По машинам, — скомандовал, получив от неё сигнал, генерал Росс.

Несколько чёрных служебных автомобилей друг за другом отъехали от Управления. Практически весь центр Города представлял собою в этот час гигантскую пробку — Крайст включил мигалку. Двигатель мощно взревел — первая машина, мягко качнувшись, забралась на бордюр и поехала по тротуару.

Дул сильный горячий ветер — собиралась гроза.

Генерал Росс и Айна Мерроуз, сидящие на заднем сидении, молчали; они покорно и смело ожидали свою судьбу, кипя устремленными вперёд взглядами, внутренне приняв уже самый худший исход.

Билл протянул руку и включил радиоприёмник. При существующих обстоятельствах это был весьма оригинальный поступок — им всем предстояло самое сложное и, возможно, последнее задание в жизни… А вместо торжественной сосредоточенности накануне

Великого… Успокоительная быстрая и лёгкая электронная мелодия понеслась из компактного динамика:

Ты меня не покидай…
Шуба-дуба-дуба-дай!

Храм Истинной Веры без главного купола и в лесах, затянутых полупрозрачной сеткой, должен был появиться в конце следующей улицы. Прохожие жались к домам, пропуская несущиеся друг за другом по тротуару на приличной скорости, кромсающие предгрозовые сумерки сверканием мигалок, загадочные чёрные автомобили.

9

Штормовые порывы оборвали полиэтилен, который строители натянули на месте разобранного витража и сквозь зияющую потолочную дыру видны были густые тёмные тучи, которые, казалось, вот-вот прошьёт насквозь яркая вспышка молнии.

Маленький человек с длинной бородой неожиданно появился в сером пятне света, даваемого хмурящимся небом. Он, разумеется, понимал, что его здесь напряжённо ждут, и даже стены в этом Храме сейчас способны смотреть и слушать; он никогда не пришёл бы сюда, если бы у него не было чёткого плана действий. Для осуществления задуманного Магистру Белой Луны, как он думал, теперь потребуется какая-нибудь минута, у него всё было готово. Годы, потраченные на то, чтобы собрать по крупицам необходимые знания и накопить достаточное количество опыта, не могли пройти даром…

Старый колдун, не спеша, развязал матерчатый мешок, который принёс с собою, и извлёк оттуда нечто продолговатое, завёрнутое в несколько слоёв ветхой полинявшей ткани. Он принялся осторожно её разматывать; таящийся внутри предмет, вероятно, требовал особенного деликатного обращения. Несколько лоскутков ткани упало на пол. Наконец, столь трепетно хранимая вещь явилась на свет. То была изящная чёрная флейта. Безумный маг оглядел её с пугающим выражением беспредельного благоговения и надежды, затем, вытянув вперёд руки, бережно держащие сей дар провидения, поднял глаза к небу.

Сильный ветер в это мгновение прорвался в одно из окон Храма, длинный плащ старика затрепетал, воссияла первая молния…

Магистр был поглощён созерцанием своего могущества. Из-за колонн со всех сторон за ним наблюдали незаметные в сумерках вооружённые чем только можно люди в серой форме.

— Чего же мы ждём? — шёпотом спросила Кирочка стоящего рядом Крайста.

— Погоди, — отозвался тот, — помереть в потоках неуправляемой энергии Хаоса ты ещё успеешь. Лучше смотри. Не каждый же день на наших глазах совершается Апокалипсис.

Она обернулась к нему с шальной надеждой в зияющих чернотой при скудном освещении глазах — ну, пожалуйста, Крайст, пусть это будет твоя очередная дурацкая шутка!

Он продолжал смотреть вперёд, его лицо, пересечённое тенью, выражало сосредоточенность и решимость.

Друбенс тем временем положил флейту и бестолково засуетился. Словно он что-то выронил по дороге и теперь тщетно пытался это обнаружить. Он торопливо рылся в мешке, растерянно ощупывал складки своего излишне просторного плаща. Наконец он обрадованно ахнул и извлёк откуда-то небольшую корону с тёмно-красным, как запёкшаяся кровь, камнем. Старик заботливо обтёр её от пыли носовым платком и с такой же почтительной

осторожностью положил на пол рядом с флейтой.

— Захватывающее зрелище, не так ли, — с мрачным весельем в голосе поделился впечатлениями Крайст.

— Зловеще… немного, — пролепетала Кирочка. Сейчас ей просто-напросто хотелось рухнуть к нему на плечо и безудержно расплакаться от страха.

Небо тем временем потемнело окончательно, грозовой ветер басисто гудел, залетая в Храм сквозь дыру в крыше, страдальчески стонали петли приоткрытой тяжёлой двери.

— Пора, — сказал генерал Росс.

Так совпало, что это слово оказалось единственным звуком, прозвучавшим в ту секунду в Храме, даже ураган на мгновение стих — Друбенс обернулся и вздрогнул.

— Иди, — Крайст подтолкнул вперёд порядком оробевшего Эрна, — не бойся, мы контролируем ситуацию. Подойдёшь к Магистру на расстояние примерно трёх шагов и нажмёшь вот сюда. На всякий случай. Это дистанционный блокатор Силы.

— Почему именно я?

— Ты ему нужен. Никого из нас он не подпустит и на выстрел.

Эрн обречённо принял из рук Крайста очередное изобретение Мики — небольшую, но увесистую коробочку с узким глянцевым экраном и несколькими кнопками. На самую большую, красную, он предусмотрительно установил пальчик.

Кирочка напутственно похлопала его по плечу. Но этого, она чувствовала, было мало — девушка склонилась и поцеловала Эрна в висок, почти так же, как поцеловал её возле моста через пропасть Крайст — порывисто, потерянно — а затем легонько подтолкнула подростка ладонью между лопаток.

— Давай.

Воодушевлённый, точно в него влили литр энергетического коктейля, Эрн бойко вскинул голову и храбро выступил из тьмы навстречу Магистру Белой Луны.

— Мальчик мой, — сказал Друбенс проникновенно, делая шаг ему навстречу.

Эрну оставалось преодолеть каких-нибудь три-четыре метра, чтобы чудесное устройство в его руках смогло надёжно защитить всех присутствующих, включая его самого, от чар. Но он почему-то вдруг остановился как вкопанный. Магистр же весь сжался, съёжился, прищурился и быстро-быстро зашевелил губами, произнося уже много раз повторённые им страшные слова заклинания-моста; старик был уверен, что нескольких мгновений окажется вполне достаточно, а после того как… Никто и ничто уже не сможет ему помешать.

Кирочку охватила паника, она чуть было не закричала — «Жми скорее на кнопку, Эрн!», и уже сделала такое движение, как будто собиралась ринуться вперёд. Но Крайст удержал её за локоть.

— Спокойно, там предусмотрен дистанционный запуск с пульта. Главное, чтобы само устройство оказалось достаточно близко к объекту.

Огонёк активации на коробочке, словно оранжевый глаз, зажёгся в полумраке Храма.

Друбенс растерялся. Первым его чувством была острая мучительная обида — он так долго ждал этой минуты! — а теперь — что за напасть! — навалилась эта тяжёлая немота, не дающая произнести последние несколько слов финального ударного стиха заклинания, закружилась и отяжелела голова, пропала чёткость зрения… Как же близок он был ко всемогуществу!

Эрн тем временем сделал несколько нетвердых шагов вперёд по засыпанным

строительной пылью плитам, потом пошатнулся, попытался сделать глубокий вдох… и, сложившись махом, словно марионетка, когда одновременно отпустили все нити, осел на пол.

— О, Господи… — прошептала Кирочка, бессознательно приникнув боком к Крайсту.

— Эта штука работает аналогично наручникам, — пояснил Билл с ноткой сожаления в голосе, — при планировании операции мы ни на что другое и не рассчитывали, он ведь тоже колдун…

Кирочка отстранилась и хлестнула его осуждающим взглядом.

— А всё-таки ты в него влюблена, — сказал Крайст со странной кривой усмешкой.

Когда Эрн упал, чёрная коробочка выскользнула у него из рук и, по инерции немного прокатившись по полу, оказалась почти в самом центре освещённого пятна под открытым небом. Гроза уже началась, и сверхмощное поле дистанционного блокатора притянуло на себя молнию — на миг Храм озарила ярчайшая голубоватая вспышка — как взрыв — маленькая коробочка засияла, словно раскалённый в горне камень, раздался громкий треск… а когда всё стихло, огонёк активации начал медленно гаснуть — высокотехнологичное устройство сломалось, не выдержав атаки небесного электричества.

Эрн пришёл в себя и осторожно поднял голову — над ним стоял Магистр Белой Луны. Старик тоже успел немного оклиматься, Сила вернулась к нему, не полностью, конечно; он не смог бы уже снова повторить то, что делал минуту назад, «мост»; в этом Храме его когда-то крестили, и пусть здесь не было ни одной иконы, Друбенс ощущал неясную тревогу, сталкиваясь взглядом с облупленными пустыми стенами, словно по чьему-то загадочному и страшному велению там могли в любое мгновение проступить золочёные образа…

— Мы безоружны! — воскликнула шёпотом Кирочка, вперив испуганный взгляд в мёртвую лампочку дистанционного блокатора.

— Не совсем, — отозвался Крайст, сверкнув в полумраке своей невероятной улыбкой, — запомни, покуда у тебя есть сомнение, ничего не потеряно.

— Но у меня нет сомнений… — пролепетала она отчаянно, — это всё не бред, не сон, не кинокартина… Это — моя жизнь.

Тем временем Друбенс поднял с пола чёрную флейту и протянул её Эрну. Вспышки молний время от времени озаряли их мертвенным голубоватым сиянием. Древний старик и хрупкий юноша в самом сердце полуразрушенного Храма. Зрелище, если взглянуть отвлечённым оком художника, было поистине величественное.

— Играй, — повелительно сказал Магистр, зловеще заглядывая прямо в глаза Эрну.

— Я…я не умею, — пролепетал подросток. Приняв флейту из рук старика, он держал её так, точно это была обыкновенная палка — безо всякого трепета, без внимания к её форме.

— Музыки захотелось? — спокойно и даже немного весело спросил Крайст, энергичными шагами выходя из тени навстречу безумному магу. Голос его под молчаливыми сводами Храма прозвучал неожиданно громко. — Я не ручаюсь, что всем присутствующим не захочется закрыть уши, давненько это было, мать водила меня за ручку в детский музыкальный класс, но, во всяком случае, в отличие от него, — Билл с гротескным и потому совершенно необидным чувством собственного превосходства ткнул Эрна пальцем в грудь, — я хотя бы знаю, в который конец этой дудки надобно дуть.

Неизъяснимое стихийное предчувствие охватило Киру — она вздрогнула всем телом, точно её сзади хлестнули плетью; сразу всплыл в памяти давешний сон; прежде она никогда не верила снам и даже не могла вспомнить большую часть их после пробуждения…

Двое стоящих поблизости молодых офицеров — в операции захвата Друбенса было задействовано необычайно много личного состава ОП — восторженно наблюдая за происходящим, перешёптывались в темноте. По-видимому, речь шла о Крайсте.

— Ну и смелый… леший ему батько, — сказал один.

— Это не смелость, а безрассудство, — возразил второй.

— Не надо, Крайст! Не играй! — воскликнула Кирочка, делая шаг вперёд, голос её взволнованно дребезжал, — случится что-то страшное! Я знаю, я чувствую! Не искушай судьбу…

Билл тем временем взял у Эрна флейту. Она оказалась гораздо тяжелее, чем он предполагал. Дерево было плотное, старинное, пропитанное какими-то душистыми эфирными маслами, от прикосновения к нему становилось будто бы немного муторно и тревожно.

Друбенс неотрывно глядел на флейту в руках Крайста; это зрелище на какое-то время поглотило всё его внимание; старик не заметил нескольких офицеров ОП, бесшумно подошедших с разных сторон.

— Не играй, Крайст, — повторила Кирочка, просьба прозвучала ещё более испуганно и жалобно, чем в первый раз; страх перед мелодией чёрной флейты был иррационален, она хотела, но не могла его объяснить, пересказывать свой сон она тем более не стала бы никому, до того он ей казался вздорным и стыдным…

Билл оторвал взгляд от флейты и посмотрел на Кирочку.

— Да я же для прикола, — он воссиял своей обыкновенной легкомысленной улыбкой, — дуну разок и довольно…

Только сейчас, окинув взглядом пространство за спиной стоящей перед ним девушки, Билл заметил, что в боковом приделе около колонны стоит Ниоб, и с интересом наблюдает за происходящим своими непроницаемо спокойными глазами.

Он поднял флейту, намереваясь начать играть. Кирочка застыла с безмолвным и безнадёжным выражением ожидания конца на вытянувшемся и побледневшем лице.

Крайст заколебался. Чем ближе он подносил чёрную флейту к губам, тем страшнее ему становилось. Каждый следующий дюйм расстояния преодолевать было труднее, чем предыдущий, будто бы неведомая сила делала флейту нестерпимо тяжёлой. И вдруг — нет, он не услышал его, каким-то другим загадочным образом это тихое уверенное слово достигло его сознания — Ниоб стоял слишком далеко:

— Играй.

Билл снова почувствовал решимость — флейта стала ещё тяжелее, несколько мгновений назад он уже готов был её бросить, и бросил бы, если бы не мощный мысленный посыл этого невероятного человека в тюрбане… И почему Ниоб помогает ему? Зачем Ниобу нужно, чтобы Билл играл? Задумываться не было времени — собрав все силы, всю свою волю воедино Крайст приложил флейту к губам, набрал воздуху и…

С первым же звуком, негромким, плавным, грустно-нежным, Кирочка поняла, что мелодия предназначена ей. Именно ей. Не Ниобу, не Друбенсу, не Эрну, не застывшим немой стеной сослуживцам… С каждой новой нотой в ней, в её теле, как будто бы открывались какие-то секретные шлюзы, клапаны, дверцы — мелодия словно растекалась, проникая в сосуды и капилляры вместе с кровью; по Кирочкиному позвоночнику снизу вверх, от копчика до самого затылка, неторопливо поднималась чистая лёгкая невыносимо приятная вибрация — поток живительной космической энергии тек в нём, точно в трубочке,

через которую сам Создатель тянул свой звёздный лимонад…

Как ни странно, это удивительное ощущение не пьянило. Мысли Кирочки ещё более прояснились, освободившись от ужаса и сомнений; теперь она знала, как никогда прежде, просто и смело знала, что дракончик Гордон, мальчик с дудочкой, Саш Астерс, прекрасный Эрмес и даже сам Исполнитель Желаний — все они были не более чем малыми частями Билла Крайста, и вот теперь он в один момент сложился перед нею, все фрагменты мозаики нашлись и соединились; она видела его опять и вновь, смотрела и не могла отвести глаз…

Любовь была, оказывается, пропастью без дна, бесконечной спиралью, дорогой к истоку; Кирочка падала в неё всё глубже и глубже, падала, затаив дыхание, ощущая всем телом радостную тревогу, летела, недостижимо стремясь к наивысшему пониманию, к самому корню, из которого выросла Вселенная, к вечному началу жизни неорганической и органической, несознательной и разумной… Кирочка как будто видела, как внутри неё самой, где-то в районе солнечного сплетения, закручиваются гигантские рукава галактики Млечный Путь, как горячие звёзды остывают, как из космической пыли возникают планеты, как произрастает на них пышная доисторическая зелень, и как в тёмной непостижимой глубине материнского чрева непредсказуемым образом скручиваются нити хромосом, открывая Вселенную новому неповторимому взгляду…

Кирочка застыла перед Крайстом в безмолвном окончательном и невыразимом восхищении всем сущим.

— Билл, — прошептала она.

Звука почти не было, только мягко дрогнули губы.

Перехватив её взгляд, он оторвался от флейты.

— Кира… — ответил он ей таким же странно глубоким шёпотом, они произнесли имена друг друга словно заклинания, эти короткие символические слова приобрели удивительную силу и таинственное значение в этот миг…

Кирочка решительно сделала ещё три шага вперёд и вышла на освещённое пятно в самом центре Храма, туда, где стоял Билл. Оба понимали, что за ними из сумрака наблюдают несколько десятков глаз, но нечто, зародившееся между ними в те минуты, пока звучала флейта, буквально кинуло их навстречу друг другу, и ни один косой взгляд или отголосок ропота осуждения не смог бы теперь расторгнуть их неожиданное единство. Два человека — мужчина и женщина — пока просто стояли на расстоянии шага в центре белёсого пятна пасмурного света, но все, кто видел их в эти мгновения, замерли, осознав, что сейчас на их глазах происходит нечто значительное, сравнимое, пожалуй, по своей таинственности и важности, только с рождением Вселенной.

— Что вы уставились? — простодушно-шутливо заявил Билл во всеуслышание, оглядываясь вокруг, — Идите к чёрту!

С этими словами он привлёк к себе Кирочку.

Оба гибкие, тонкие, одинаковые ростом, они удивительно изящно сомкнулись, словно два осколка разбитой вазы. И это был самый обыкновенный поцелуй — твёрдый и влажный — как зрелая вишня, сорванная в росистое утро. Это были те же, что и прежде, со всеми другими, скользкость и теплота разверзшейся глубины, нечаянный удар о зубы, горячая бархатистость языка… Но он оказался раскрывшейся в один миг истиной, сутью, этот поцелуй, в нём крылась вся тщета бытия, вся его безнадёжная прелесть, вся неизбежность и несбыточность. Отстранившись, они оба замерли, глядя друг на друга, ощутив в этот миг и неисчерпаемость и неполноту всякого счастья, возможного на земле.

Айна Мерроуз и генерал Росс наблюдали за Кирой и Крайстом с непередаваемым выражением восторженной торжественной печали в глазах; величественный высокий старик и хрупкая пожилая женщина с венком седых кос, стоя рядом, они смотрели на молодых красивых обнимающихся людей и видели в них себя много-много лет назад… Невольно придвинувшись ближе друг к другу, они любовались красотой распустившегося цветка взаимной любви, без зависти, но с неуловимой тенью сожаления о собственном упущенном счастье…

— Они отважились, — спокойным голосом сказала Айна генералу.

— А мы струсили, — ответил он с обыкновенной своей простодушной улыбкой, — мы всё пропустили.

— И ради чего, собственно? Как бы там ни было, каждый из нас нарушал Кодекс. Так или иначе. Мы всё равно не идеальны. За всю историю Особого Подразделения ни разу не нарушил ни одного Правила только полковник Санта-Ремо…

— Да не было никакого полковника Санта-Ремо, Айна! — воскликнул, внезапно раздражившись, генерал, — Как ты сама не поняла до сих пор! Это всего лишь красивая легенда, которую я рассказываю курсантам каждый год… В надежде, что он когда-нибудь появится…

Сквозь дыру в потолке хлынул грозовой ливень, частый и тёплый, как душ, а двое в центре Храма так и продолжали стоять в плотном потоке его крепких струй, прильнув друг к другу губами…

— Так я и знал! — исступлённо и горестно вскричал Эрн, — Ты любишь его, любишь! А он тебя любит! Как это ужасно несправедливо, боже мой!

Огромные фиолетовые глаза его моментально наполнились слезами.

Несчастный юноша побледнел так сильно, что в полумраке Храма кожа его будто бы начала светиться. Как нет на свете ничего больнее разочарования в первой любви, так нет и ничего беспощаднее первой настоящей ревности.

Всё произошло так быстро, что никто не успел даже сдвинуться с места.

Эрн метнулся к группе стоящих возле колонн людей — лицо его при этом как будто раскрылось, просияв насквозь наивным и жестоким порывом, широко распахнулись невиданной величины и прелести глаза, испуганно и жалко разомкнулись нежные земляничные губки — он сорвал с пояса одного из офицеров генератор ОВЗ и, резко крутанув реле, выставил полную мощность, в историческом музее он видел, как это делала Кира, и запомнил. Направив дуло прямо на девушку, Эрн нажал на спуск.

Вспышка странно лучистого нездешнего ангельского света, ещё более яркая, чем от десятка молний, разом угодивших с одно место, на миг озарила Храм.

Заряда пистолета с лихвой хватило на то, чтобы бесследно уничтожить двадцать пять — всего-то двадцать пять! — прожитых Кирочкой на земле лет, она исчезла, будто бы её не было никогда, и вместе с нею пропали воспоминания старушки Иверри, продававшей долговязой школьнице чёрные статуэтки, одноклассников и однокурсников, учителей, сотрудников, бывшей подруги Нетты, которая в этот момент как обычно воевала со своими двойняшками, пытаясь уложить их на дневной сон… Она даже не заметила, что в ней что-то изменилось, что куда-то пропала какая-то часть её самой, что её души стало меньше на малюсенькую толику, вмещавшую когда-то Киру…

Никто ничего не понял.

— Кажется, тут что-то взорвалось, — сказал один из офицеров.

— Или ещё одна молния попала, — сказал другой.

Эрн стоял, лихорадочно сжимая в руке пистолет.

— Ты зачем его взял, это не игрушка, — строго заметил ему выступивший вперёд генерал Росс.

— Я не помню, — пролепетал подросток гаснущим голосом… — Я забыл.

— Смотрите-ка, ребята, что за пирожки с ботвой, — раздался под сводами Храма удивлённый голос Билла, — у меня руки светятся.

В его сторону устремились любопытные взгляды.

От ладоней лейтенанта Крайста действительно исходило мягкое золотистое сияние, да и над головой у него начало зарождаться некое подобие искрящегося туманного нимба… Сам он, разумеется, не мог этого видеть.

— Ни хрена себе, — сказал кто-то.

— Чудеса в решете.

— Как он это делает?

Билл недоумённо смотрел на свои руки. Лёгкое свечение окружало кончики его растопыренных пальцев. Он несколько раз взмахнул кистями в воздухе, будто желая что-то с них стряхнуть, но данная мера не привела к успеху — с каждой минутой загадочное сияние вокруг его рук только разгоралось сильнее. Билл сделал неуверенный шаг вперёд — ему показалось, что даже равновесие теперь он держит несколько иначе — может, подумалось ему, здесь нехило рвануло и я контужен? — под ногами у него звякнул металлический предмет. Билл нагнулся и поднял его, он терпеть не мог беспорядка и всегда подбирал упавшие вещи. Это оказалась корона с большим тёмно-красным камнем, и Крайст, даже не задумываясь, автоматически потакая своей шутовской привычке нахлобучивать себе на голову разную ерунду — колпаки из газет, корзинки для мусора, чужие кепки и шляпы — просто взял и надел эту корону.

Все присутствующие замерли… Кто-то даже открыл рот. Из темноты раздалось несколько приглушённых вздохов.

И Билл опять не понял, в чём дело, ведь он не мог видеть себя со стороны.

— Что такое? — спросил он у растерянно лупающего глазами магистра Друбенса.

— Кккамень… — беспомощно пролепетал тот.

Крупный древний самоцвет овальной формы, вставленный в самый центр короны, который прежде, даже на голове у самого Исполнителя Желаний, продолжал оставаться тёмно-бордовым, винным, мрачным, теперь воссиял и лучился словно громадная алая звезда…

Сияние от рук, от головы и от груди Билла, чистое и мягкое, нежно-золотое уже стало таким ярким, что в Храме вообще не осталось тёмных углов — Крайст освещал его собою, точно большая люстра. Поражённые люди растерянно оглядывались по сторонам. На облупленных храмовых стенах, когда их касались тонкие лучи исходящего от Билла неземного света, начинали постепенно проступать контуры икон: сперва золотые оклады, затем лики, нимбы, молитвенно сложенные руки великомучеников, угодников, апостолов…

— Это чудо господне… — послышался шёпот в толпе. В Храме становилось всё больше народу. Рабочие прибежали посмотреть, что происходит, пришёл настоятель, он заметил подозрительное сияние из окна кельи и испугался пожара, кто-то даже проник с улицы, заметив необыкновенно яркий свет, рвущееся в небо из дыры на месте главного купола.

— Или здесь распылили ядовитый газ и у нас всех галлюцинации, — процедил какой-то

скептик.

Билл чувствовал себя необыкновенно лёгким, земля больше уже не держала его, он мог идти, едва касаясь пола кончиками пальцев, мог шагать по воде как по суше или даже взлететь, просто воспарить, раскинув руки… Но главным было не это. Теперь он знал, точно знал, что может утолять страдания: отвращать блудных, исцелять неизлечимо больных, может, и воскрешать мёртвых… Это его любовь, лишившись объекта, утратив связь с эго, освободившись от своей информационной составляющей благодаря пистолету-генератору, очистившись полностью, обернулась светоносной силой в его руках…

— Он что, тоже колдун? — обиженно спросил Друбенс, с завистью оценивая масштаб могущества новоявленного Билла Крайста.

— Нет, — тихо ответил Ниоб, — он Бог.

— Как же так! — Друбенс шмыгал носом как готовый разрыдаться ребенок. Ведь только что целый мир, который он надумал сам себе, лопнул будто яркий воздушный шарик. Разлетелся в пух и прах. Ничто так не травмирует душу, как окончательная утрата иллюзий. — Всё напрасно! О Боже! Вы не представляете, сколько сил я угробил на эту мечту! Я был уверен, мне казалось, что каждый миг моей жизни служит этой идее, каждый мой шаг был подчинён этой цели, всё, вы понимаете, всё, что происходило со мной, я думал, происходит для того, чтобы…

— Мне жаль вас огорчать, — вежливо пояснил Крайст, повернувшись к старику своим светоносным ликом, — но вы заблуждались. Всё что с вами происходило, происходило просто так. Безо всякой цели. Жизнь она сама по себе прекрасна, и, может, ей даже обидно, что её пристёгивают, будто дрянной кушак, к разным иллюзорным смыслам… Нет и не было у вас никакого особенного предназначения. Жили бы да радовались, Магистр.

— Получается, вся моя жизнь прожита зря? — возопил Друбенс, — Все четыреста лет? Просто-напросто спущено в унитаз?

Стоящие вокруг переглянулись. Никто не ожидал от почтенного старца столь вольных выражений.

— Не совсем, — сказал Билл, — вы можете думать так, если вам хочется, некоторые люди находят удовольствие в том, чтобы корить себя, плакаться, и каждый день думать о том, чего они на самом деле хотели, и как это у них не получилось, акцентировать внимание на прошлых упущениях. Это великая иллюзия человека, что он мог бы прожить свою жизнь лучше, чем прожил.

— Моя жизнь спущена в унитаз, — повторил Магистр патетически.

— Ну, в таком случае обратно её уже не извлечь, — улыбнулся Билл.

— Я всегда знал, что он тот, о ком говорится в Пророчестве, — тихо сказал Ниоб, — с того момента как впервые увидел его на ярмарке.

— Так почему же ты не говорил! — негодующе воскликнул Друбенс.

— А зачем? Для вас Пророчество было иным, для вас оно было про Эрна. Ни одна вещь в мире не может быть однозначной, не существует универсальной правды, которая годится абсолютно для всех. Моё пророчество было таким, и я думал, что, вероятнее всего, ошибаюсь, так как ошибаться свойственно людям…

— Где Гай Иверри? — слабым голосом спросил, обращаясь к Биллу, Магистр, — если ты и впрямь бог, то должен всё про всех знать.

— Он умер, — ответил Крайст, — от строительной пыли у него начали отказывать лёгкие. Но это не важно. Он сделал мальчика с дудочкой. Правда, никто об этом не знает. И

Гай за всю жизнь ни копейки не получил за своё поистине великое произведение. Недавно эту статуэтку отлили из золота…

— А его мать?

— Молится, — как будто немного смутившись, ответил Билл.

С разных сторон к нему стали подходить люди. Они пытались дотронуться до него, перебивая друг друга, рассказывали о своих проблемах, бедах, печалях. Образовалась свалка, в которой страждущие уже не замечали друг друга, каждый в эту минуту думал только о себе и о боге, способном единым махом утолить все страдания.

— Погодите друзья, — Крайст иронично поднял бровь, — вы ни с кем меня не перепутали? Исполнитель Желаний вон, скромненько стоит в уголке… Это всё к нему… — он поднял светящуюся руку и легонько махнул ею в сторону Эрна. — А мне пора… Меня ждут другие дела.

— Сюда! Сюда! Старик! — раздался в толпе чей-то вопль, — Скорее! Человеку плохо!

Обмякшего, посиневшего, с закатившимися глазами Магистра Друбенса поддерживал молодой мужчина, пытаясь дрожащей рукой найти у почтенного колдуна пульс на сонной артерии.

— Он мёртв, — тихо констатировал стоящий рядом Ниоб.

— Ну, воскреси же его, Крайст! — горестно воскликнул протиснувшийся сквозь плотно стоящих людей Эрн, за всё время своего плена он успел привязаться к старику и не желал ему зла, — Ты же можешь, Крайст! Запросто!

— Могу. Вот только зачем? — отозвался Билл, почёсывая сияющей рукой сияющую голову, — он умер раньше, чем у него остановилось сердце.

Он развернулся и направился к выходу из Храма. Некоторая часть людей ринулась за ним, прочие остались возле Эрна. Те, что пошли с Крайстом, уже ничего у него не просили. Они без всякой цели следовали за ним по пятам, глаза у них были счастливые, руки пустые, а в их душах поселилось умиротворение. Им было достаточно просто видеть свет, струящийся от нимба у него над головой, мягкий золотой свет, тонкий, подобный дымке, но способный мгновенно наполнить радостью сердце любого узревшего его.

Те, что остались возле Эрна, тут же забыли о свершившемся на их глазах Пришествии. Гораздо больше их интересовали желания, исполняющиеся в считанные мгновения. Вещи, появляющиеся из воздуха. Вещи, падающие с неба. Вещи, достающиеся без труда и без жертв.

Подросток озадаченно оглядывал толпу, которая увеличивалась с каждой минутой.

— Вы правда можете всё? — спросила маленькая девочка, стоящая за руку с мамой, — Я хочу большую куклу!

Тотчас из дыры в потолке, заставив некоторых испуганно посторониться на храмовый пол рухнула огромная, больше самой девочки, магазинная коробка.

— Я хочу машину! — завопил какой-то парень.

— А я мотоцикл!

Люди беспорядочно выкрикивали свои желания, а Эрн, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, точно флюгер, пытался по очереди их исполнить, но желаний было так много, что у него уже начала кружиться голова; вокруг Храма выстроились чередой новые автомобили, вповалку лежали вещи, из дверей Храма радостно выскакивали люди с ключами от новых квартир в руках… Вот повезло так повезло!

Эрн почувствовал, что ещё немного, и ему придёт конец — от слишком сильного

перерасхода энергии колдун может погрузиться в кому…

— Твоя сила — это лишь часть Его силы, малая часть… — тихо сказал подошедший сзади Ниоб.

Он бережно взял Эрна за локоток и повёл его к выходу из Храма. Возбуждённая толпа, словно вода, прорвавшая плотину, хлынула следом. Они продолжали протягивать вперёд руки, стенать, просить — каждому казалось вопиющей несправедливостью, что кто-то успел получить своё, а вот ему, именно ему, такому замечательному, ничего не досталось…

— Всё, сеанс чудес окончен! — воскликнул, приходя в отчаяние, Эрн, — будьте вы все прокляты! Жадные, ревнивые, ленивые потребители!

Он воздел руки к небу. Несколько мощных молний сверкнуло в чёрных грозовых облаках, снова собравшихся над Храмом. Одна из них, ярко-голубая, вонзилась в землю, как нож, прямо у ног юного мага.

Толпа заголосила. Многие люди в панике побросали вещи и кинулись врассыпную. Но кто-то всё же считал своим долгом спасти нежданно свалившееся на голову добро — некоторые, надрываясь, тащили куда-то новую мебель, сервизы, мешки с деньгами — кто что пожелал…

— Всё! Хватит! — закричал Эрн, обращаясь к страшному грозовому небу, — Я объявляю Апокалипсис!

Ураганный ветер, сорвавшийся в эту секунду, растрепал его роскошные волосы, приклеил к щуплому телу немного большую по размеру аквамариновую футболку… Ещё одна яркая молния, призванная его волей, стремительно прошив пространство, впилась в землю неподалёку от места, где он стоял.

Бегущие в разные стороны люди стали останавливаться и прислушиваться. Земля, которая до этого казалась им вполне устойчивой, начала уходить из-под ног, качаться, вибрировать.

— Землетрясение! — завопил кто-то.

— Ложитесь!

— Нет! Смотрите! Это всадники! — мальчик лет десяти указывал испуганным людям вдаль, где по тротуару, оставляя копытами коней в асфальте дымящиеся рытвины, лёгкой рысцой ехали четверо в плащах с капюшонами.

— Йеесс! — слабым голосом пролепетал Эрн, падая на руки Ниоба.

Кони под всадниками были гораздо крупнее обыкновенного, раза в полтора, да и сами верховые ростом и статью значительно отличались от людей: хотя их фигуры скрывали плотные чёрные плащи, в каждом всаднике можно было заподозрить мифического богатыря-великана. Ни у одного из них не было лица — под капюшонами зияла сплошная чернота, бездна, непроглядная, непроницаемая…

Всадники ехали мимо домов, магазинов, скверов, летних кафе — там, куда падали тени от лошадей или от любого из них, вся материя — живая и неживая — как будто покрывалась копотью. Темнели и вяли цветы в клумбах, листья на деревьях скукоживались и теряли цвет подобно сожженным листкам бумаги, останавливались и замирали посреди дорог автомобили, проглатываемые серым облаком мора, пассажиры этих автомобилей навсегда застывали в тех позах, в каких застал их конец, людей на тротуарах постигала та же участь: догадливые пытались бежать, они толкали друг друга, визжали и кричали, спасаясь от смертоносной границы тьмы, приближающейся с каждой секундой, настигнутые ею превращались в неподвижные черные фигуры, будто отлитые из смолы. Веселые стекла

витрин мутнели, когда по ним пробегала легкая, точно край облака, свело серая кромка наползающей Тьмы. Пространство за спинами всадников гасло, обесцвечивалось и обездвиживалось, сохраняя лишь форму, словно обгоревший камень.

Большой городской фонтан, когда мимо него проехали всадники, зашипел и иссяк. Мраморная чаша его почернела и треснула в одном месте, точно упавшая супница.

Конные как раз пересекали лужайку перед Храмом Истинной Веры; от следов, оставляемых копытами на газоне, валил густой дым, в некоторых из них загоралось, танцевало раздуваемое ветром пламя, трава вокруг пригибалась к земле и стремительно увядала… Настоятель, стоя на пороге, неистово крестился.

В этот момент, откуда ни возьмись, появился Крайст. У него за спиной тут же образовалась небольшая группа людей, осененных нездешней благодатью и потому улыбающихся.

Крайст смело двинулся по газону наперерез всадникам.

— Эге-гей! Я здесь! — он поднял свою сияющую руку вверх и помахал им.

Кони стали. Один из всадников принялся немного нервно понукать своего скакуна, но тот всё равно не двигался с места. Другие кони и вовсе расслабились; они побрели в разные стороны и принялись пощипывать газонную траву в тех местах, где она ещё осталась зелёной… От их дыхания трава вяла и горела, кони недовольно фыркали.

— Домой! Домой пошли! — миролюбиво сказал Билл, подойдя к всадникам чуть ближе, — Апокалипсис отменяется.

Он несколько раз взмахнул рукой так, как будто прогонял со стола шкодливую кошку.

— Пошли! Ну!

— Это Спаситель! Валим! — жутким громовым басом провозгласил всадник, что был на вороном, по-видимому, самый главный.

Все четверо развернули коней и рысью помчались прочь; отъехав на приличное расстояние, словно по невидимому трапу, они начали подниматься наверх, в небо; перейдя на галоп, всадники друг за другом скрылись в плотных грозовых тучах.

— Слава Богу… — облегчённо выдохнул Крайст, разглядывая собственную руку, только что с лёгкостью остановившую Светопреставление, — теперь, пожалуй, можно и отправляться…

К нему стали подтягиваться люди. Некоторые останавливались, так и не дойдя, будто что-то вспоминали по дороге, разворачивались и шли назад. А те, что подходили близко, какое-то время оставались с Крайстом. Одни проходили рядом с ним несколько десятков или сотен шагов и отставали, наполненные, удовлетворенные, они покидали Бога и несли его свет в свои дома, иные держались за идущим Богом несколько кварталов. Люди возле Крайста менялись, но их количество в каждый момент времени было примерно одинаковым. Там, где проходила эта процессия, озаренная зыбким золотистым сиянием, мгновенно восстанавливалось всё, что было разрушено всадниками: поднималась трава, распускались цветы, листья, отряхивались от пепла и принимались чирикать воробьи в лужах… Витрины снова наполнялись, как хрустальные чаши, нежными отблесками солнца, показавшегося из-за туч. Автомобили на проспектах приходили в движение. Люди на тротуарах оживали, непонимающе оглядывались по сторонам и возвращались к своим заботам. Любовь побеждала Смерть.

10

— Крайст, постой!

Уединение молодого бога нарушил сперва торопливый стрекот гальки, затем мальчишеская рука ощутимо дёрнула его за плечо.

Он обернулся. На парковой дорожке стоял Эрн.

— Ты кое-что забыл, — сказал подросток, хмуро сдвинув бровки, — теперь, поскольку вся моя сила куда-то делась, этот электрический колпак, ну ты понял… Он ведь мне не нужен, верно? Сними его с меня.

— О, Силы Вселенной! — воскликнул с шуточным пафосом Крайст, — знаешь ли ты, сколько у меня дел: воскрешать мёртвых, исцелять болящих, утешать страждущих… А ты тут пристаёшь с ерундой!

— По твоему это ерунда? — обиженно воскликнул Эрн, — и мне что, теперь всю жизнь… носить эту хреновину?

— Я пошутил, — произнёс новоявленный Спаситель со своей фирменной усмешечкой; теперь только она выглядела как-то глубже, солиднее, — колпак снимется, когда придёт время, будь покоен. Иди с Богом.

Он повернулся и направился дальше по аллее, но по глухому обиженному бормотанию некрупного гравия вскоре понял, что Эрн идёт за ним.

— Что ещё? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ну, ты же сам сказал «иди с Богом», — ответил Эрн, — если ты имел ввиду, чтобы я ушёл, то твоя формулировка содержит противоречие. Ведь Бог — ты.

— Прости, ещё не привык. Я хотел сказать — иди своей дорогой.

— Но мы ведь, вроде, друзья… Я хотел бы пойти с тобой…

— Это ещё одна великая иллюзия человека. У каждого свой путь. И кто бы ни был рядом с тобой, ты всё равно идёшь один.

Тихо хрупая галькой, Спаситель неспешно двинулся вперёд по парковой дорожке.

Эрн стоял, глядя ему в спину. Его ясное личико, позолоченное рассветом, было как никогда прекрасно, озарённое новой глубокомысленной и величественной печалью. Лёгкие полукольца волос надо лбом нежно теребил ветер.

ЭПИЛОГ

— Где я? — спросила она, осязая спиной и ладонями тёплый мелкий песок.

Открыв глаза, Кира увидела над собой провода.

Никто не ответил.

Вокруг было пусто и тихо.

Далеко-далеко вперёд, сходясь на горизонте в точку, простиралась прямая белая дорога мимо чёрного кружева вышек, держащих нескончаемые провода…

Кире было необыкновенно спокойно. Она ни о чём не думала. Но где-то внутри, лениво и величественно, словно большая царственная змея на солнце, лежало знание о том, что если она подумает что-нибудь, не важно что, мысль её тотчас же станет предметом. Любым.

Но Кире не хотелось предметов. Ей и так было хорошо… Её самоощущение достигло такой полноты, что любое изменение в нём казалось излишним… Мысли лежали как тополиный пух в безветренную погоду, она неторопливо и отстраненно скользила взглядом вдоль нескончаемых проводов.

У неё и раньше оно возникало, краткими проблесками, туманными ассоциациями, точно материя сна, но только теперь оно окончательно оформилось, это чувство взаимосвязи внутреннего и внешнего, желаемого и действительного, мыслимого и осязаемого; в один миг она осознала себя во Вселенной и Вселенную в себе — ощутила себя точкой, которая, выворачиваясь наизнанку, становится бесконечностью…

Кира встала и медленно пошла вперёд, оставляя в теле мягкого белого песка неглубокие осыпающиеся следы босых ног.

Больше книг на сайте - Knigolub.net